ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2026, Том 5, № 5

Подписано к публикации: 30.09.2026

Главный редактор журнала

Балута Анастасия Анатольевна, доктор филологических наук, доцент

Члены редакционной коллегии

Бобырева Екатерина Валерьевна (РФ, г. Волгоград) – доктор филологических наук, доцент

Буряковская Валерия Анатольевна (РФ, г. Волгоград) – доктор филологических наук, доцент

Гуревич Любовь Степановна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент

Дреева Джанетта Мурзабековна (РФ, г. Владикавказ) – доктор филологических наук, профессор

Краснощёков Евгений Владиславович (РФ, г. Таганрог) – доктор филологических наук, доцент

Кусова Маргарита Львовна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор филологических наук, профессор

Лутфуллина Гюльнара Фирдависовна (РФ, г. Казань) – доктор филологических наук, профессор

Никитина Татьяна Геннадьевна (РФ, г. Псков) — доктор филологических наук, профессор

Рамазанова Гюльназ Гилемдаровна (РФ, г. Уфа) — доктор филологических наук, доцент

Рогалева Елена Ивановна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, доцент

Халидова Рашидат Шахрудиновна (РФ, г. Дагестан) – доктор филологических наук, профессор

Черкасова Инна Петровна (РФ, г. Люберцы) — доктор филологических наук, доцент

Чеэрчиев Мугума Чеэрчивич (РФ, г. Дагестан) – доктор филологических наук, профессор

Шакирова Резеда Дильшатовна (РФ, г. Набережные Челны) – доктор филологических наук, доцент

«Филологический вестник» включен в перечень ВАК с 23.04.2024г., Единый государственный перечень научных изданий (ЕГПНИ) - «Белый список» с 09.09.2025г., Elibrary.ru.

Регистрационный номер СМИ: ЭЛ № ФС 77-86731 от 22.01.2024 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2949-4656 (online)

E-mail: fv-journal@yandex.ru
Сайт: https://fv-journal.ru

© Филологический вестник, 2026

Содержание

Бородин П.А.
Анализ медиатекстов студентов-журналистов как способ выявления профессиональных компетенций 6-13

Содикова Р.А.
Особенности перевода безэквивалентных грамматических единиц на примере артикля в английском и таджикском языках 14-20

Нгуен В.Т., Хо С.Н.
Влияние телевидения на восприятие фермерами сообщений об изменении климата в дельте реки Меконг: медиасоциологический подход 21-34

Кабакова С.А., Поняев Е.А., Усова А.М.
Акустическое пространство повести-сказки В.М. Шукшина «До третьих петухов»: лексико-семантический анализ 35-38

Кононова Е.А.
Лингвосемиотические механизмы героизации в медиадискурсе печатных СМИ Донбасса 1941-1945 гг. 39-45

Руденко П.В.
Жанровая система военной журналистики Донбасса: информационные, аналитические и художественно-публицистические формы 46-52

Тогола Брахима
Интерпретация политической деятельности Альфы Умара Конаре в периодической печати Франции (1990-2002 гг.) 53-63

Кабакова С.А., Касаткина Е.Ю., Халназарова Ч.Х., Уктамова А.
Национальная специфика семантики русских и туркменских фразеологизмов: опыт сравнительного анализа 64-69

Шакирьянов Л.М.
Понятие антонима в современной лингвистике: термины, определения, классификации, словари, уровни (уровни схематизированы экономической терминологией) 70-80

Шакович Ю.В.
Жанровая система идеологического дискурса в печатных СМИ Донбасса периода Великой Отечественной войны 81-87

Айзиер Айкебаиер
Тема партнерства России и Китая в отражении СМИ двух стран: сходства и различия в освещении (по материалам публикаций 2025 года) 88-95

Баклан В.В., Савинов И.И.
Влияние искусственного интеллекта на производство и потребление новостного контента в российских СМИ: возможности, риски и этические вызовы 96-105

Воробьева Е.Н.
Экспрессивные синтаксические формы англоязычного научного дискурса 106-112

Канеева А.В., Лихоносов Д.И.
Модальность как средство выражения прогноза и воображаемого
во французском языке (на материале французских СМИ) 113-120

Кузьмина М.И.
Функционирование прецедентного имени собственного
в эссе Б.К. Зайцева «Пушкин в нашей душе» 121-131

Панина Я.В.
Ценностный аспект концепта «память» в космогонической
и дидактической песнях «Старшей Эдды» 132-144

Пивкина Н.Н., Халина Н.В.
Диалектическое преломление философии индийской комментаторской традиции
в практике перевода «Махабхараты» (1895) Манматхом Натхом Даттом 145-151

Пинчукова А.Е.
Юмор как стратегия популяризации медицинского знания (кейс-стади) 152-167

Биджиева З.С.М.
Роль лирики М.Ю. Лермонтова в формировании
духовно-нравственных ценностей школьников 168-173

Бобырева Е.В., Оганесян А.О., Титаренко Н.В.
Лингвокультурная специфика отношения к празднику (на основе анализа
русских, английских и испанских фразеологизмов) 174-182

Гапоненко К.Р.
Флора как средство формирования геопоэтического образа территории
в книге Н.М. Пржевальского «Путешествие в Уссурийском крае» 183-189

Гареева Г.Н., Мустафина Р.Д., Галлямов А.А.
Жанрово-стилевые поиски в современной башкирской прозе 190-195

Забирова О.Р., Никульцева Д.А., Антонова Н.В.
Аналитическая деятельность на английском языке в рамках
образовательного процесса в высшей школе 196-201

Кондырева Ю.В., Новикова Н.Д.
К вопросу о жанровом статусе сплетни (gossip): соотношение информативного
и фатического начал (на материале английского языка) 202-212

Мельникова А.М.
Номинация героев-наставников как средство репрезентации языковых особенностей
речевого портрета (на материале повести К.С. Льюиса «Лев, Колдунья и платяной шкаф») 213-219

Михалева Л.И.
Патриотизм как эмоциональный концепт публицистического
дискурса в исторической динамике 220-229

Самарский И.И.
Стриминговые платформы как институт конструирования досуговых
практик: трансформация зрительского опыта 230-243

Середа С.П.
Языковые маркеры презумпции невиновности в новостных материалах российских онлайн-изданий 244-249

Емельянова О.И., Старицына Ю.А.
«Немецкий след» в творчестве И.А. Крылова и поволжских немцев: басенный диалог культур и региональная идентичность 250-258

Шехтман Э.Н.
Некоторые особенности антономазии (на материале английского языка) 259-264

Бутенко Е.В.
Эмотивно-стохастические проявления в дискурсивных блоках: синергетическое исследование кинотекста 265-271

Магомедов Б.М.
Полисемантичность синонимических связей лексемы *corruption* в английском языке 278-278

Гайломазова Е.С., Бударина Д.А.
Нативная реклама как инструмент цифровых коммуникаций бренда 279-284

Лукин Д.С.
Лингвосоциальные аспекты перевода диалектизмов в северных регионах Великобритании, обозначающих погодные условия (на материале путеводителя Алекса Джонсона “100 words for rain”) 285-289

Соколов А.В.
Платформа сильнее истории: трансформация новостного текста при переходе с сайта в социальные медиа 290-296

Уракова Ф.К.
Антропонимический код культуры в русской и адыгейской языковых картинах мира: историческая динамика, современные трансформации и социокультурные функции 297-303

Захарчук О.Е., Метейко В.В., Бартенева Я.Ф.
«Свой» и «чужой» фразеологизм: от смысловых барьеров к преодолению стереотипов и межкультурному диалогу (на примере русско-туркменских студенческих групп ДГПУ) 304-309

Милевская Т.В., Канеева А.В., Адамчук П.С.
Стратегии и способы перевода технической документации на примере паспортов безопасности и спецификаций горюче-смазочных материалов 310-317

Руденко Е.С.
Актуализация метафорической модели «натуральное мясо – это антиценность» в немецком научно-популярном экологическом дискурсе 318-326

Исрафилов Н.Р.
Арабская религиозная терминология в обогащении лексической системы агульского языка 327-331

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070:378.147
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-6-13

Анализ медиатекстов студентов-журналистов как способ выявления профессиональных компетенций

[1] Бородин П.А.,
[1] Московский педагогический государственный университет

Аннотация: статья посвящена анализу медиатекстов студентов-журналистов как одного из способов оценки сформированности их профессиональных компетенций. Материалом послужили 50 статей пяти творческих мастерских Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования (ИЖКМ) МПГУ: «МЁДЪ», mAmont, Universal Journalists, «To Way» и «7-я мастерская». Предложен перечень из 12 признаков, по которым в тексте можно увидеть уровень профессиональной подготовки автора: от работы с фактами и источниками до соблюдения журналистской этики и владения жанром.

Введение: актуальность исследования обусловлена тем, что анализ сформированности профессиональных компетенций журналистов чаще всего субъективен и опирается на экспертное, но при этом интуитивное мнение преподавателя. То есть написание статей оценивается обычно не через разбор по конкретным критериям, а через общее впечатление. Между тем медиатекст, который создаёт студент, – это готовый, доступный для проверки результат его работы. Поэтому в статье предложен способ анализа таких текстов. Разработанная модель может служить самостоятельным и объективным основанием для оценки качества работы студентов-журналистов.

Материалы и методы: объектом исследования являются медиатексты пяти творческих мастерских ИЖКМ МПГУ. Для анализа отобрано 50 статей, по 10 от каждой мастерской, опубликованных в течение 2026 года. Анализировался именно письменный текст, а не видео или аудио материалы. Так как у текста есть свои профессиональные требования, и его нужно разбирать отдельно от других форматов.

Результаты исследования: в ходе анализа статей разных мастерских было выявлено, что профессиональные компетенции в текстах студентов сформированы не равномерно, то есть одни устойчиво проявляются почти во всех материалах, а другие значительно реже. Стабильнее всего проявляется признаки в работе с формой текста (жанром, композицией и изложением материала), а менее всего – работа с фактической стороной и источниками. Также в момент анализе было выявлено существенное различие тематического профиля между редакциями пяти мастерских, что также стоит учитывать при интерпретации полученных результатов.

Обсуждение и выводы: этот «разрыв» между устойчивостью формальных признаков и признаков, связанных с фактурой текста, сам по себе не объясняет, чем он вызван. Это два самостоятельных наблюдения, которые в работе не разведены между собой. Дополнительную сложность в интерпретацию вносит и тематическая неоднородность материала, поскольку авторы изначально пишут о разном, поэтому наблюдаемая картина может частично отражать эту разницу, а не только уровень подготовки авторов.

Ключевые слова: анализ медиатекстов, форрмирование профессиональных компетенций, журналистское образование, медиаобразование

Для цитирования: Бородин П.А. Анализ медиатекстов студентов-журналистов как способ выявления профессиональных компетенций // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 6 – 13. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-6-13

Поступила в редакцию: 4 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

Media text analysis of journalism students as a way to identify professional competencies

[1] Borodin P.A.,
[1] Moscow Pedagogical State University

Abstract: the article is devoted to the analysis of media texts of journalism students as one of the ways to assess the formation of their professional competencies. The material consisted of 50 articles from five creative workshops of the Institute of Journalism, Communications and Media Education (IHCM) of Moscow State University: MED, mAmont, Universal Journalists, To Way and the 7th Workshop. A list of 12 signs is proposed, according to which the author's level of professional training can be seen in the text: from working with facts and sources to observing journalistic ethics and mastery of the genre.

Introduction: the relevance of the research is due to the fact that the analysis of the formation of professional competencies of journalists is often subjective and is based on the expert, but at the same time intuitive opinion of the teacher. In other words, writing articles is usually evaluated not through analysis according to specific criteria, but through a general impression. Meanwhile, the media text that a student creates is a ready – made, verifiable result of his work. Therefore, the article suggests a way to analyze such texts. The developed model can serve as an independent and objective basis for assessing the quality of the work of journalism students.

Materials and methods: the object of research is the media texts of five creative workshops of IZHKM Moscow State University. 50 articles were selected for analysis, 10 from each workshop, published during 2026. It was the written text that was analyzed, not the video or audio materials. Because the text has its own professional requirements, and it needs to be parsed separately from other formats.

Research results: during the analysis of articles from different workshops, it was revealed that professional competencies in students' texts are not evenly formed, that is, some persistently manifest themselves in almost all materials, while others are much less frequent. The signs are most stable when working with the form of the text (genre, composition, and presentation of the material), and least of all when working with the factual side and sources. Also, at the time of the analysis, a significant difference in the thematic profile between the editorial offices of the five workshops was revealed, which should also be taken into account when interpreting the results obtained.

Discussion and conclusions: this "gap" between the stability of formal features and features related to the texture of the text does not in itself explain why it is caused. These are two independent observations that are not separated in the work. The thematic heterogeneity of the material also makes interpretation more difficult, since the authors initially write about different things, so the observed picture may partially reflect this difference, and not only the level of training of the authors.

Keywords: media text analysis, professional competence formation, journalism education, media education

For citation: Borodin P.A. Media text analysis of journalism students as a way to identify professional competencies. Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 6 – 13. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-6-13

The article was submitted: July 4, 2026; Approved after reviewing: August 2, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

Цифровизация медиасреды и связанная с ней трансформация журналистского образования сделали творческие мастерские одной из ключевых форм практико-ориентированной подготовки будущих журналистов в российских вузах. В Институте журналистики, коммуникаций и медиаобразования (ИЖКМ) Московского педагогического государственного университета (МПГУ) действуют пять таких журналистских мастерских: «МЁДЪ», mAmont, Universal Journalists, «To Way» и «7-я мастерская». Каждая мастерская на регулярной основе производит медиапродукты: видеосюжеты, подкасты, лонгриды, репортажи, интервью и радиопрограммы, публикуемые на цифровых площадках (YouTube, VK, Telegram). Таким образом, формируется устойчивая практика, при которой значительная часть учебного процесса протекает в форме реальной редакционной деятельности, результат которой является медиатекст.

Прежде чем переходить к анализу текстов студентов, необходимо обозначить рабочие границы понятия «медиатекст». В своей работе А.В. Кузнецова, анализируя различные подходы к систематизации понятия медиатекста приходит к выводу, что определяющими признаками выступают характер информации, аудитория и цель информирования. Именно эти признаки, по её мнению, формируют требования к прагматической направленности и однозначности текста СМИ [15]. М.Ю. Казак предлагает различать журналистские тексты также по каналу коммуникации и жанрово-речевым признакам [10]. Эти работы подробно описывают понятия и признаки медиатекста, но не отвечают на вопрос, что медиатекст говорит о профессиональ-

ной подготовленности своего автора. На этом вопросе строится рассуждения в научной работе. Таким образом, если профессиональные навыки, ценности и привычки журналиста реализуются именно в тексте, то, разбирая его, можно судить и о них.

Мысль эта не нова. М.А. Воскресенская в своей работе показывает, что элементы профессиональной идеологии журналиста, представления о миссии профессии, о границах допустимого, о роли автора, закономерно проявляются в конкретных текстовых решениях, а не существуют где-то отдельно от текста [5]. Схожим образом Б. Ковач и Т. Розенстил описывают профессиональные требования к журналисту через конкретные, наблюдаемые действия: проверку фактов, разграничение мнения и факта, независимость от предмета освещения. То есть через то, что в принципе можно увидеть в готовом материале [19].

Ближе всего к задаче настоящей работы подошёл Р.П. Баканов. Он предложил критерии, по которым можно оценивать, насколько студенты-журналисты освоили профессиональные компетенции в рамках учебной дисциплины [1]. Также он показал, что развитие у начинающих журналистов навыка критического анализа требует разбора вполне конкретных вопросов: есть ли в тексте аргументация, названы ли источники, разграничены ли факт и мнение [2]. Это готовый и проверенный на практике перечень вопросов рассчитан прежде всего на аудиторное задание, где материал пишется по заданию преподавателя и им же проверяется. На основе этого мы можем разработать модель для оценки самостоятельной работы студентов творческой мастерской, где материал создаётся и редактируется самими студентами.

Сами творческие мастерские МПГУ уже становились предметом научного описания: Е.С. Зубаркина и Ю.А. Мискевич на материале проектов радио «Пульс» показали, как в студийной практике вуза реализуются задачи медиаобразования [8]. Но и эта работа рассматривает такую практику с точки зрения эстетического развития личности, а не с точки зрения того, что происходящие в тексте изменения говорят о профессиональной готовности его автора.

Объектом исследования являются медиатексты студентов творческих мастерских ИЖКМ МПГУ – «МЁДЪ», mAmont, Universal Journalists, «To Way» и «7-я мастерская», размещённые на официальных площадках мастерских в группах VK.

Предметом исследования выступает медиатекст как показатель уровня сформированности профессиональных компетенций будущего журналиста.

Цель исследования – проанализировать медиатексты студентов-журналистов и определить, какие признаки профессиональных компетенций в них проявляются:

Для достижения цели решаются следующие задачи:

1) рассмотреть, как медиатекст определяется в современной науке и как в нём проявляется профессиональная идентичность журналиста;

2) собрать методику анализа текста из пяти дополняющих друг друга методов – контент-анализа, дискурс-анализа, жанрового, структурно-семиотического и медиалингвистического анализа;

3) определить, по каким признакам в тексте можно увидеть уровень профессиональной подготовки автора;

4) проанализировать 50 статей и понять, какие профессиональные признаки в текстах студентов выражены сильнее, а какие слабее;

Гипотеза исследования состоит в том, что в реальных медиатекстах студентов-журналистов можно последовательно обнаружить признаки профессиональных компетенций. Если это подтвердится, анализ медиатекста можно будет считать рабочим, самостоятельным способом оценивать уровень профессиональной подготовки автора, не заменяющим, но дополняющим экспертное мнение преподавателя.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования являются медиатексты пяти творческих мастерских ИЖКМ МПГУ. Их редакционные профили документированы на официальном портале университета [13].

Таблица 1
Table 1

Мастерская	Руководитель	Тематико-жанровый профиль	Каналы
«МЁДЪ»	А.А. Землянский (Ветров)	Университетская повестка, персональные ежемесячные программы, спецпроекты с приглашёнными гостями;	YouTube, VK, Telegram
mAmont	Е.С. Зубаркина	Социальная проблематика (здравоохранение, ЖКХ), просветительский и научно-популярный контент, интервью	VK, YouTube, Telegram

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Universal Journalists	М.М. Алимов	Широкий охват: мода, театр, литература, кинопремьеры, студенческая повестка, мероприятия вуза	YouTube, VK, Instagram
«To Way»	Н.А. Пивненко	История, культура, психология, спорт, транспорт, благотворительность, и темы связанные с жизнью МПГУ.	YouTube, VK
«7-я мастерская»	М.Г. Сидоренко	Фокус на практике и работе «в поле». Аудио- и видеопроизводство, монтаж, звукорежиссура, написание текстов	YouTube, VK

Как показывает сопоставление мастерских их тематико-жанровый профиль отличается: «mAmont» формулирует свою миссию через социальную проблематику, «Universal Journalists», «7-я мастерская» и «To Way» охватывают широкий спектр тем, от культурных, художественных и исторических до жизни вуза, «МЁДЪ» больше фокусируется на интервью с гостями и подкастах. Это также стоит взять во внимание при анализе работ.

Мастерские публикуют не только статьи, но и видеосюжеты и подкасты, но в научной работе рассматриваются только письменные статьи. Это решение обусловлено тем, что текст и видеосюжет – это разные по своей природе объекты, и оценивать их по одной и той же шкале означает измерять разные вещи одной линейкой. Существуют отдельные, разработанные для этого исследовательские подходы. Например, модели мультимодального анализа телевидения и медиатекста в целом показывают, что для видео- и аудиоформатов нужен свой инструментарий, учитывающий взаимодействие изображения, звука и слова [14]. Поэтому текст в данной работе рассматривается как самостоятельный объект, так как у письменной речи есть собственные, самостоятельные профессиональные требования: точность формулировки, работа с источником, построение аргумента и другие.

Для анализа было отобрано по 10 статей от каждой мастерской, которые студенты 1-3 курсов выпускали в течение одного учебного года 2025-2026. В исследованиях подобного типа, уже на первых 6-12 текстах становится ясно, какие закономерности в материале повторяются, а какие случайны [18]. Поэтому дальнейшее увеличение выборки, как правило, лишь подтверждает уже увиденное, но не открывает принципиально нового.

Методологической основой работы служит комплекс из пяти взаимодополняющих методов анализа медиатекста. Первый – это контент-анализ применяется для количественной категоризации формальных и тематических параметров текста (жанр, тема, объём, частотность обращения к источникам) и позволяет получить сопоставимые числовые данные. Второй – это дискурс-анализ, с помощью которого в тексте можно выявить смысловые детали: скрытые смыслы, социальный контекст и мотивы автора [20]. Дополняет эту оптику критический подход Н. Фэркло, рассматривающего текст СМИ как результат вполне определённых, институционально обусловленных практик, а не как нейтральное сообщение [17]. Третий способ анализа – жанровый. Онопирается на классическую теорию жанров периодической печати и позволяет увидеть, насколько осознанно студент выбирает и выдерживает жанровую форму [6]. Четвёртый структурно-семиотический анализ основывается на том, что текст – это не набор предложений, а знаковая структура, части которой связаны между собой и работают на общий смысл [12]. Метод опирается на представление о речевом жанре как об исторически сложившемся, узнаваемом типе высказывания, а также учитывает, что за конкретными языковыми решениями всегда стоит определённая точка зрения автора на мир [4]. И пятый медиалингвистический анализ исследует медиатекст на лексическом, стилистическом и прагматическом уровнях. В традиции, заложенной Т.Г. Добросклонской и А. Беллом, с фокусом на точности формулировок, разграничению факта и оценки суждения, качеству аргументации [7; 16].

Работа с материалом проходила в несколько шагов. Сначала были собраны и подготовлены к разбору все 50 текстов. Затем каждый текст был прочитан и оценён по единому перечню из двенадцати признаков (табл. 2). Каждая оценка выставлялась на основании конкретной особенности текста, которую можно указать и перепроверить. После этого оценки были сведены вместе, чтобы увидеть общую картину по всему материалу. Полученный результат был сопоставлен с гипотезой и с теоретическими представлениями о профессиональной идеологии журналиста.

На основе рассмотренных методов разработан перечень из двенадцати признаков, по которым в тексте можно увидеть профессиональные компетенции автора. Признаки объединены в четыре группы и оцениваются по единой шкале: 0 – признак не выражен, 1 – выражен на базовом уровне, 2 – выражен уверенно, 3 – выражен на профессиональном уровне. Полный перечень с кратким описанием каждого уровня представлен в табл. 2.

Таблица 2
Table 2

Группа признаков	№	Признак	0 – не выражен	3 – профессиональный уровень
Содержание и тема	1	Выбор темы	Тема случайна, вторична, не мотивирована	Тема самостоятельно выявле-на, актуальна, обоснована информационным поводом
	2	Общественная значимость	Значимость не отрефлексирована автором	Явно показана связь темы с интересами аудитории
	3	Работа с фактами	Факты не разделены с мнением, не проверены	Факты проверены, разграничены с оценкой, атрибутированы
	4	Наличие и разнообразие источников	Один источник или источники не названы	Несколько независимых, разнотипных, названных источников
	5	Качество аргументации	Тезис не подкреплён доводами	Тезис системно подкреплён проверяемыми доводами
Жанр и построение текста	6	Соответствие журналистским жанрам	Жанровая форма не выдержана либо не опознаётся	Жанр выбран осознанно и выдержан либо продуктивно переосмыслен
	7	Композиция	Части текста слабо связаны, нет структуры	Чёткая, оправданная композиция
	8	Логика повествования	Повествование фрагментарно, есть логические разрывы	Повествование последовательно и внутренне непротиворечиво
	9	Сторителлинг	Изложение фактографично, без истории	Материал выстроен как связная история
Профессиональная этика и позиция	10	Соблюдение журналистской этики	Нарушения приватности, баланса мнений, корректности	Полное соблюдение этических норм, в т.ч. в чувствительных темах
	11	Уровень авторской позиции	Позиция отсутствует либо не отделена от фактов	Позиция ясно выражена и отделена от фактов
Язык	12	Точность и уместность языковых средств	Лексико-стилистические ошибки, штампы	Точный, стилистически уместный жанру язык

Шкала показывает содержательный переход: от отсутствия признака к его уверенному владению. То есть итоговый профиль медиатекста – это набор из двенадцати значений, который можно читать и по отдельному признаку, и по группе признаков, и в целом. Это соответствует логике, что профессиональный медиапродукт складывается не из одного умения, а из нескольких разных, не сводимых друг к другу навыков.

Чтобы оценки не были случайными или субъективными, в работе соблюдались два правила. Во-первых, один и тот же список признаков применялся к каждому тексту без исключений и без поправки на то, студент какой мастерской его выпустил. Во-вторых, каждая оценка опиралась на конкретную, указываемую особенность текста, названный или неназванный источник, наличие или отсутствие вывода, конкретную фразу, а не на общее впечатление. Это позволяет любому читателю статьи перепроверить оценку, обратившись к тому же тексту.

Результаты и обсуждения

Все 50 отобранных текстов были прочитаны и оценены по двенадцати признакам, описанным в предыдущем разделе. Ниже представлена общая картина по всему материалу, по всему массиву текстов. Поскольку мастерские в этой работе представляют собой не пять сравниваемых между собой групп, а источник разнородного, реального материала для одного общего вопроса: как в студенческом медиатексте проявляются профессиональные компетенции. Средний балл по всем двенадцати признакам и всем 50 текстам представлен в табл. 3 [9].

Таблица 3
Table 3

Группа признаков	Признак	Средний балл (0-3)
Содержание и тема	Выбор темы	2,60
	Общественная значимость	2,10
	Работа с фактами	1,88
	Наличие и разнообразие источников	1,62
	Качество аргументации	2,14
Жанр и построение текста	Соответствие журналистским жанрам	2,66
	Композиция	2,58
	Логика повествования	2,66
	Сторителлинг	2,18
Профессиональная этика и позиция	Соблюдение журналистской этики	2,64
	Уровень авторской позиции	2,12
Язык	Точность и уместность языковых средств	2,26

Ниже других оказалась группа признаков «Содержание и тема» – и внутри неё особенно два: наличие и разнообразие источников (1,62 из 3) и работа с фактами (1,88). На практике это значит, что во многих текстах либо назван один источник информации, либо источник вовсе не указан, а факт и мнение соседствуют без чёткой границы между ними. Выше других – признаки, связанные с построением текста: соответствие жанру и логика повествования (по 2,66), композиция (2,58), соблюдение журналистской этики (2,64). Иначе говоря, студенты увереннее справляются с тем, как построить текст, чем с тем, чем его наполнить: форма журналистского высказывания усваивается быстрее, чем работа с фактурой, лежащей в её основе.

За этими средними цифрами стоят и вполне конкретные, единичные наблюдения. В части текстов работа с источником сводится к пересказу единственного, никак не проверенного сообщения. Встречаются и отдельные, но показательные отступления от профессиональной нормы – например, мнение стороннего человека приводится без каких-либо оговорок и без противоположной точки зрения, хотя оно касается спорного вопроса. Такие случаи немногочисленны, но именно они хорошо показывают, зачем нужен разбор текста по конкретным признакам: общее впечатление от материала может быть благоприятным, а конкретный, проверяемый изъян – заметен только при внимательном прочтении.

Выводы

Гипотеза исследования состояла в том, что в реальных медиатекстах студентов-журналистов можно последовательно обнаружить признаки профессиональных компетенций. Проведённый анализ эту гипотезу подтверждает: по каждому из двенадцати признаков в материале нашлись и сильные, и слабые примеры. Значит, чтение и разбор текста по заранее определённым признакам можно считать рабочим самостоятельным способом увидеть профессиональный уровень автора. Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Медиатекст можно последовательно и обоснованно анализировать как источник сведений о профессиональных компетенциях его автора: за каждой оценкой стоит конкретная, указываемая особенность текста, а не общее впечатление от прочитанного.

2. Опробован на реальном материале перечень из двенадцати признаков, по которым в тексте можно увидеть уровень профессиональной подготовки студента-журналиста, – от работы с фактами и источниками до жанра, композиции и авторской позиции.

3. Анализ 50 статей пяти творческих мастерских ИЖКМ МПГУ показал общую закономерность: студенты увереннее справляются с построением текста – жанром, композицией, логикой повествования, – чем с работой с фактурой, лежащей в его основе; заметнее всего это по признакам «источники» и «работа с фактами». Это наименее проработанная часть профессионального письма в проанализированном материале.

4. Гипотеза исследования подтвердилась: признаки профессиональных компетенций последовательно обнаруживаются в реальных студенческих текстах – и там, где они выражены сильно, и там, где их не хватает. Значит, анализ текста – рабочий, самостоятельный способ судить об уровне профессиональной подготовки автора, дополняющий, а не заменяющий мнение преподавателя.

5. Предложенный способ анализа применим не только к исследованию: он даёт самим творческим мастерским конкретный язык для разговора о своих текстах, преподавателям – основание для содержательной, а не оценочной по одному впечатлению обратной связи, а исследователям медиатекста.

Дальнейшая работа может идти по двум направлениям. Первое – расширение материала: тот же способ анализа стоит применить к текстам других вузов и мастерских, чтобы понять, насколько обнаруженная закономерность (уверенное владение формой при более слабой работе с фактурой) характерна для студенческой журналистики в целом, а не только для рассмотренного материала. Второе – более подробное изучение работы с источниками как самого слабого из двенадцати признаков: стоит отдельно разобраться, чем вызвана эта слабость и что именно в тексте её выдаёт.

Список источников

1. Баканов Р.П. Критерии оценки качества освоения профессиональных компетенций студентами отделения журналистики при изучении ими дисциплины «Медийная критика» // Теория и методика современного журналистского образования: проблемы диагностики знаний / науч. ред. Е.С. Дорощук. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2011. С. 51 – 61.

2. Баканов Р.П. Формирование у начинающих журналистов навыка критического анализа медиатекстов // Медиа. Информация. Коммуникация. 2021. Т. 36, № 3. С. 15 – 20.

3. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237 – 280.

4. Болотнова Н.С. Отражение идиостиля автора в программе «Двенадцать» Сергея Шаргунова [Электронный ресурс] // Медиалингвистика. 2022. Т. 9. № 1. URL: https://medialing.ru/otrazhenie-idiostilya-avtora-v-programme-dvenadcat-sergeya-shargunova/ (дата обращения: 02.06.2026)

5. Воскресенская М.А. Экспликация элементов профессиональной идеологии журналистики в медиатексте [Электронный ресурс]. 2023. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/eksplikatsiya-elementov-professionalnoy-ideologii-zhurnalistiki-v-mediatekste (дата обращения: 05.06.2026)

6. Горшкова Л.А. Жанры журналистики: учебное пособие. Самара: Изд-во Самарского университета, 2023. 80 с.

7. Добросклонская Т.Г. Медиатекст: теория и методы изучения // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2005. № 2. С. 28 – 34.

8. Зубаркина Е.С., Мискевич Ю.А. Медиаобразовательные стратегии эстетического развития личности (на примере проектов Радио Пульс МПГУ) // Наука и школа. 2024. № 1. С. 48 – 58. DOI: 10.31862/1819-463X-2024-1-48-58

9. Инструмент анализа медиатекстов творческих мастерских ИЖКМ МПГУ: таблица расчётов [Электронный ресурс]. 2026. URL: https://docs.google.com/spreadsheets/d/1QxVk9hR27xrDzYTQ_GayPU-HPum8i2D83bkUcevDb7I (дата обращения: 05.06.2026)

10. Казак М.Ю. Современные медиатексты: проблемы идентификации, делимитации, типологии [Электронный ресурс] // Медиалингвистика. 2014. Т. 1. № 4. С. 65 – 76. URL: https://medialing.ru/sovremennye-mediateksty-problemy-identifikacii-delimitacii-tipologii/ (дата обращения: 05.06.2026)

11. Красикова Т.Р., Кожемякин Е.А. Телевидение как объект мультимодального дискурс-анализа // Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160, кн. 4. С. 894 – 907.

12. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.

13. Мастерские [Электронный ресурс] // Институт журналистики, коммуникаций и медиаобразования: официальный портал МПГУ. URL: https://mpgu.su/ob-mpgu/struktura/faculties/institut-zhurnalistiki-kommunikatsii-i-mediaobrazovaniya/masterskie/ (дата обращения: 05.06.2026)

14. Пстыга А. Мультимодальность медиатекста в новом коммуникативном пространстве (наблюдения и замечания) // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2021. Т. 40. № 4. С. 442 – 450. DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-4-442-450

15. Рябуха О.В. К вопросу типологии и интерпретации медиатекстов // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2020. Т. 2, № 2. С. 72 – 80. DOI: 10.33910/2686-830X-2020-2-2-72-80

16. Bell A. The Language of News Media. Oxford: Blackwell, 1991. 277 p.

17. Fairclough N. Media Discourse. London: Edward Arnold, 1995. 214 p.

18. Guest G., Bunce A., Johnson L. How Many Interviews Are Enough? An Experiment with Data Saturation and Variability // Field Methods. 2006. Vol. 18. No. 1. P. 59 – 82. DOI: 10.1177/1525822X05279903

19. Kovach B., Rosenstiel T. The Elements of Journalism: What Newspeople Should Know and the Public Should Expect. Revised and Updated 4th ed. New York: Crown, 2021.

20. van Dijk T.A. News as Discourse. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1988. 200 p.

References

1. Bakanov R.P. Criteria for Assessing the Quality of Mastering Professional Competencies by Journalism Students Studying the Discipline "Media Criticism". Theory and Methods of Modern Journalism Education: Problems of Knowledge Diagnostics. ed. E.S. Doroshchuk. Kazan: Kazan University Publishing House, 2011. P. 51 – 61.

2. Bakanov R.P. Developing the Skills of Critical Analysis of Media Texts in Novice Journalists. Media. Information. Communication. 2021. Vol. 36, No. 3. P. 15 – 20.

3. Bakhtin M.M. The Problem of Speech Genres. Bakhtin M.M. Aesthetics of Verbal Creativity. Moscow: Art, 1979. P. 237 – 280.

4. Bolotnova N.S. Reflection of the Author's Idiostyle in Sergei Shargunov's "The Twelve" Program [Electronic Resource]. Medialinguistics. 2022. Vol. 9. No. 1. URL: https://medialing.ru/otrazhenie-idiostilya-avtora-v-programme-dvenadcat-sergeya-shargunova/ (date of access: 02.06.2026)

5. Voskresenskaya M.A. Explication of the Elements of the Professional Ideology of Journalism in Media Text [Electronic Resource]. 2023. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/eksplikatsiya-elementov-professionalnoy-ideologii-zhurnalistiki-v-mediatekste (date of access: 05.06.2026)

6. Gorshkova L.A. Journalism Genres: A Tutorial. Samara: Samara University Publishing House, 2023. 80 p.

7. Dobrosklonskaya T.G. Media Text: Theory and Methods of Study. Moscow University Bulletin. Series 10, Journalism. 2005. No. 2. P. 28 – 34.

8. Zubarkina E.S., Miskevich Yu.A. Media Education Strategies for Aesthetic Development of Personality (Based on the Projects of Radio Pulse of Moscow State Pedagogical University). Science and School. 2024. No. 1. P. 48 – 58. DOI: 10.31862/1819-463X-2024-1-48-58

9. Tool for Analyzing Media Texts of Creative Workshops of the Institute of Journalism, Cultural and Cultural Mechanics of Moscow State Pedagogical University: Calculation Table [Electronic resource]. 2026. URL: https://docs.google.com/spreadsheets/d/1QxVk9hR27xrDzYTQ_GayPU-HPum8i2D83bkUcevDb7I (date of access: 05.06.2026)

10. Kazak M. Yu. Modern media texts: problems of identification, delimitation, typology [Electronic resource]. Medialinguistics. 2014. Vol. 1. No. 4. P. 65 – 76. URL: https://medialing.ru/sovremennye-mediateksty-problemy-identifikacii-delimitacii-tipologii/ (date of access: 05.06.2026)

11. Krasikova T.R., Kozhemyakin E.A. Television as an Object of Multimodal Discourse Analysi. Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities. 2018. Vol. 160, book 4. P. 894 – 907.

12. Lotman Yu.M. Semiosphere. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2000. 704 p.

13. Workshops [Electronic resource]. Institute of Journalism, Communications, and Media Education: official portal of Moscow State Pedagogical University. URL: https://mpgu.su/ob-mpgu/struktura/faculties/institut-zhurnalistiki-kommunikatsii-i-mediaobrazovaniya/masterskie/ (date of access: 05.06.2026)

14. Pstyga A. Multimodality of media text in the new communicative space (observations and comments). Issues of journalism, pedagogy, linguistics. 2021. Vol. 40. No. 4. P. 442 – 450. DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-4-442-450

15. Ryabukha O.V. On the issue of typology and interpretation of media texts. Language studies and modern humanitarian knowledge. 2020. Vol. 2, No. 2. P. 72 – 80. DOI: 10.33910/2686-830X-2020-2-2-72-80

16. Bell A. The Language of News Media. Oxford: Blackwell, 1991. 277 p.

17. Fairclough N. Media Discourse. London: Edward Arnold, 1995. 214 p.

18. Guest G., Bunce A., Johnson L. How Many Interviews Are Enough? An Experiment with Data Saturation and Variability. Field Methods. 2006. Vol. 18. No. 1. P. 59 – 82. DOI: 10.1177/1525822X05279903

19. Kovach B., Rosenstiel T. The Elements of Journalism: What Newspeople Should Know and the Public Should Expect. Revised and Updated 4th ed. New York: Crown, 2021.

20. van Dijk T.A. News as Discourse. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1988. 200 p.

Информация об авторе

Бородин П.А., Московский педагогический государственный университет, pavelborodin1@mail.ru

© Бородин П.А., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 811.133.1
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-14-20

Особенности перевода безэквивалентных грамматических единиц на примере артикля в английском и таджикском языках

[1] Содикова Р.А.,
[1] Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова, Республика Таджикистан

Аннотация: в данной статье рассматриваются особенности перевода неэквивалентных грамматических единиц на примере артикля в английском и таджикском языках. Отмечается, что перевод – это не просто замена лексических единиц из одного языка в другой, а также сложный процесс трансформации семантических и семантических структур. Главная цель статьи – определить особенности и основные методы передачи смысла артикля в сравниваемых языках с точки зрения перевода. Материалом исследования является художественное произведение С. Айни под названием «Смерть ростовщика. Палачи Бухары», представленное в оригинале и в английском переводе. Методологической основой нашего исследования стал комплексный подход, включающий следующие методы: сравнительный метод, метод анализа перевода, описательно-аналитический метод и метод компонентного анализа. Полученные результаты выявили один яркий пример грамматической неэквивалентности категории артикля. В английском языке артикль – это самостоятельная грамматическая категория, используемая для выражения определенности или неопределенности существительного. В таджикском языке, принадлежащем к группе индоевропейских языков без артиклей, соответствующая морфологическая категория отсутствует. Таким образом, при двустороннем переводе функциональная замена артикля осуществляется посредством лексических, морфологических, синтаксических преобразований и опущения.

Ключевые слова: перевод, артикль, особенности неэквивалентных грамматических единиц, английский и таджикский языки, трансформирующая семантика, семантические структуры, грамматическая категория

Для цитирования: Содикова Р.А. Особенности перевода безэквивалентных грамматических единиц на примере артикля в английском и таджикском языках // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 14 – 20. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-14-20

Поступила в редакцию: 5 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

Features of non-equivalent grammatical units translation on the example of article in English and Tajik

[1] Sodikova R.A.,
[1] Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov, the Republic of Tajikistan

Abstract: the given article dwells on features of non-equivalent grammatical units translation on the example of article in English and Tajik. It is noted that translation is not just the replacement of lexical units from one language to another, but also a complex process of transforming semantic and semantic structures. The main purpose of the article is to determine the features and main methods of conveying the meaning of the article in the compared languages in term of translation. The material of the study is the artistic work by S.Ayni entitled as “The Death of the Usurer. The Executioners of Bukhara” presented in the original and in English translation. The methodological basis of our study was an integrated approach, incorporating the following methods: comparative method, translation analysis method, descriptive-analytical method and component analysis method. The conducted results revealed one striking example of grammatical non-equivalence of the category of the article. In English, the article is an independent grammatical category used to express the definiteness or indefiniteness of a noun. In Ta-

jik, a language belonging to the group of Indo-European languages without articles, the relevant morphological category is absent. Thus, in two-way translation, the functional replacement of the article is carried out through lexical, morphological, syntactic transformations and omission.

Keywords: translation, article, features of non-equivalent grammatical units, English and Tajik, transforming semantic, semantic structures, grammatical category

For citation: Sodikova R.A. Features of non-equivalent grammatical units translation on the example of arti-cle in English and Tajik. Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 14 – 20. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-14-20

The article was submitted: July 5, 2026; Approved after reviewing: August 2, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

В современную эпоху развития международных отношений и расширения научно-культурного сотрудничества проблема точного и адекватного перевода текстов с одного языка на другой приобретает особую значимость. Перевод представляет собой не просто замену лексических единиц одного языка единицами другого, но сложный процесс трансформации грамматических и смысловых структур. Одной из серьёзных и дискуссионных проблем в теории и практике перевода является передача безэквивалентных грамматических единиц (то есть единиц, не имеющих прямого формального соответствия в языке перевода) [2; 6; 8].

Л.С. Бархударов был одним из первых исследователей, введших в науку о переводе понятие «безэквивалентная лексика и грамматика». Он показал, что в некоторых случаях грамматические или лексические единицы одного языка не имеют прямого эквивалента в другом языке. Например, в русском языке отсутствует категория артикля, тогда как в английском языке артикли (a, an, the) являются важным средством выражения смысла; напротив, система падежей русского языка не представлена в полном объёме в английском языке. Бархударов предложил для подобных случаев различные переводческие приёмы, включая замену, добавление и перестройку структуры, обосновав пути правильной передачи смысла с одного языка на другой [3, с. 110-135].

Проблема безэквивалентности в таджикском переводоведении глубоко изучена, в частности, в трудах таджикского лингвиста, доктора филологических наук Ф.М. Турсунова. Согласно определению В.Н. Комиссарова, безэквивалентные единицы – это единицы, не имеющие регулярного лексического или грамматического соответствия в системе другого языка [5, с. 148]. Профессор Ф.М. Турсунов развил эту мысль, отметив, что безэквивалентность является не только лексическим, но и лингвокультурологическим явлением. По мнению лингвиста Ф.М. Турсунова, «все реалии и в целом безэквивалентная лексика не могут всегда оставаться неизменными, они подвергаются воздействию языковых и культурных факторов» [9, с. 164; 10, с. 7].

Цель исследования: определить особенности и основные способы передачи значения артикля при переводе с английского языка на таджикский и с таджикского на английский.

Материалы и методы исследований

Материалом для настоящего исследования послужили примеры из художественного произведения таджикского писателя С. Айни, представленного в оригинале и в переводе на английский язык. Выбор данного источника обусловлен его репрезентативностью для анализа межъязыковых грамматических соответствий, а также наличием значительного количества контекстов, иллюстрирующих функционирование категории определённости/неопределённости в сопоставляемых языках.

Методологической основой работы послужил комплексный подход, включающий следующие методы:

1. Сопоставительный (контрастивный) метод – применялся для выявления сходств и различий в средствах выражения категории определённости/неопределённости в английском и таджикском языках на морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях.

2. Метод переводческого анализа – использовался для изучения конкретных переводческих решений, применяемых при передаче значений артиклей (определённого и неопределённого) с английского языка на таджикский и в обратном направлении.

3. Описательно-аналитический метод – применялся для систематизации и классификации выявленных переводческих трансформаций (лексических, морфологических, синтаксических и опущений).

4. Метод компонентного анализа – использовался для семантического сопоставления форм с артиклями в английском языке и соответствующих им средств выражения в таджикском языке (послелог «-ро», изафетная связка «-и», суффиксы «-е» и «-аш», указательные местоимения).

Результаты и обсуждения

Одним из ярких примеров грамматической безэквивалентности является категория артикля. В английском языке артикль является самостоятельной грамматической категорией, служащей для выражения определённости и неопределённости имени существительного. В таджикском языке, относящемся к группе безартиклевых индоевропейских языков, такая морфологическая категория отсутствует.

Выдающийся лингвист Б.А. Ильиш о грамматической сущности артикля и его функции в английском языке отметил следующее: «артикль является основным грамматическим средством, служащим для выражения определённости и неопределённости существительного. Он не обладает лексической самостоятельностью, но связывает понятие существительного с конкретным или общим предметом» [4, с. 54].

Российский лингвист А.И. Смирницкий обратил внимание на вопрос о форме и грамматической принадлежности артикля, оценивая его как особую словообразовательную и формообразующую морфему и отмечая: «артикль следует рассматривать не только как самостоятельное слово, но и как грамматический показатель существительного, который непосредственно указывает на статус существительного в предложении» [7, с. 162].

Известный лингвист К. Усмонов отмечает: в английском языке в процессе речи перед существительными необходимо ставить артикль “the”, который является показателем определённости существительного. В таджикском языке существительные без артикля также указывают на определённость. Когда такие существительные выступают в функции дополнения, они должны употребляться с послелогом “-ро” [11, с. 35]. Следовательно, при переводе возникают серьёзные проблемы, изучение которых имеет как теоретическое, так и практическое значение.

1. Грамматическая природа артикля как безэквивалентной единицы. В лингвистике артикль характеризуется как показатель категории определённости. Он имеет две основные формы:

— *Неопределённый артикль a/an:* выделяет отдельный предмет из класса, имеет значение «один из, какой-то». Его функция в тексте – введение нового, неизвестного понятия в речь; он обязателен для исчисляемых существительных в единственном числе, и его отсутствие считается грамматической ошибкой.

Пример: "I suddenly spotted Qori Ishkamba sitting on a small sufa in front of a shop" [1, с. 42] – **Перевод:** «Я вдруг увидел Кори Ишкамбу, который сидел на маленькой суфе перед какой-то лавкой».

В приведённом предложении неопределённый артикль «a» в сочетаниях “a small sufa” и “a shop” употреблён для определения исчисляемых существительных в единственном числе. Он указывает на то, что «суфа» и «лавка» незнакомы читателю или слушателю и являются лишь одним из ряда подобных объектов («какая-то маленькая суфа» или «одна из лавок»). В процессе перевода и сопоставления происходит ряд общих грамматических трансформаций. В таджикском языке самостоятельного артикля не существует. Для выражения значения неопределённости артикля “a” в таджикском языке используется неопределённая связка «-е»: a small sufa – суфачаи хурде; a shop – дӯконе. В таджикском языке также можно использовать самостоятельное слово «як» или «ягон» («на маленькой суфе»), однако добавление суффикса -е делает перевод более естественным и стилистически плавным.

Изменение порядка слов в английском языке (S + V + O + Prep): основной глагол (spotted) и дополнение (Qori Ishkamba) стоят в начале предложения, а обстоятельство места (on a small sufa...) – в конце. В таджикском языке (S + O + Prep + V): структура обстоятельства места и придаточного глагола располагается в соответствии с правилами таджикского языка, согласно которым сказуемые глаголы (дидам, нишаста буд) находятся в конце фразы или предложения. Неопределённый артикль английского языка (a), выделяющий предмет из его класса, в таджикском языке грамматически трансформируется посредством неопределённого суффикса «-е» (или слова «як/ягон»). Синтаксическая структура предложения также преобразуется из простого предложения с причастным оборотом в сложное предложение с придаточной частью, чтобы полностью соблюсти синтаксические нормы таджикского языка.

— *Определённый артикль “the”:* указывает на конкретный, ранее известный предмет. Поскольку в таджикском языке наличие определённого артикля “the” не проявляется, в процессе перевода с английского на таджикский непосредственно возникает переводческая трансформация, в результате которой этот артикль опускается и не передаётся на таджикский язык. Данное положение наглядно демонстрируется в приведённом выше примере.

Пример: The ditches along the road were also filled with snow, raising them to the level of the roads and bridges [1, с. 94] - **Перевод:** Ҷӯйборҳои канори роҳ низ аз барф пур шуда буданд ва онҳоро то сатҳи роҳҳо ва пулҳо баланд карда буданд.

Грамматический анализ и сопоставление. Ҷӯйборҳо ва роҳ – The ditches along the road. The ditches – подлежащее во множественном числе. Определённый артикль «the» указывает на то, что речь идёт об определённых канавах. «along the road» – предложная фраза (обстоятельство места). Артикль «the» в «the road» определяет, что дорога также известна говорящему и слушающему. Ҷӯйборҳои канори роҳ – сложное подлежащее, построенное с помощью изафетной конструкции. Показатель множественного числа «-ҳо» (ҷӯйборҳо) вместе с контекстом передаёт определённость. Определённость «дороги» в таджикском языке выражается посредством изафетной связки «-и» и подчинительной связи (канори роҳ), а не с помощью артикля.

Сатҳи роҳҳо ва пулҳо – «to the level of the roads and bridges»: to the level of... – предложная фраза с двумя определёнными артиклями (the level, the roads). Речь идёт об определённом уровне тех же самых дорог. На таджикский: то сатҳи роҳҳо ва пулҳо – предлог то + цепочечная изафетная конструкция (сатҳи роҳҳо ва пулҳо). Определённость полностью реализуется за счёт изафетной связи.

Пример: The willow, mulberry, and elm trees, like apricots blossoming in spring, created a shining and radiant garden before my eyes [1, с. 94] – **Перевод:** Дарахтони бед, тут ва қайроғоч монанди зардолуҳое, ки дар баҳор шукуфтаанд, дар пеши чашмонам боғи дурахшон ва тобонро ба вуҷуд оварданд.

Определённый артикль «The» в начале предложения относится ко всем трём существительным (willow, mulberry, elm) и выполняет обобщающую функцию. Здесь речь идёт об определённых деревьях именно того пейзажа. На таджикский «дарахтони бед, тут ва қайроғоч» – становится сложным подлежащим. Определённость передаётся через названное родовое имя существительное и изафетную связку «-и» (дарахтони...). Дополнение и неопределённый артикль – это «created a shining and radiant garden», на английском: created – сказуемое (Past Simple). a garden – прямое дополнение с неопределённым артиклем «а», поскольку сад возник впервые и является для наблюдателя новым и незнакомым. В таджикском языке это – боғи дурахшон ва тобонро ба вуҷуд оварданд. Важное различие в таджикском языке: послелог «-ро» является основным средством выражения определённого прямого дополнения.

Пример: The silence of this lifeless and snowy field was occasionally interrupted by the cawing of crows [1, с. 94] – **Перевод:** Хомӯшии ин саҳрои беҷон ва барфпӯш гоҳ-гоҳ аз қоғ-қоғи зоғҳо шикаста мешуд.

В этом предложении подлежащее и определение – «The silence of this lifeless and snowy field». The silence – подлежащее с определённым артиклем «the». Фраза of this lifeless and snowy field содержит указательное местоимение this. В английском языке сочетание «the + this» указывает на двойную степень определённости. На таджикский «Хомӯшии ин саҳрои беҷон ва барфпӯш» – сложное изафетное подлежащее, где определённость «хомӯшӣ» через изафетную связку -и соединяется с указательным местоимением «ин». В таджикском языке конструкция «хомӯшӣ + -и + ин + саҳро» полностью заменяет «The silence of this field». Агентное дополнение (by the cawing of crows). На английском: by (предлог для выражения исполнителя в пассиве) + the cawing (герундий/отглагольное существительное с определённым артиклем) + of crows (изафетная конструкция с предлогом of). Артикль «the» показывает, что звук – это именно звук тех самых ворон. На таджикский: аз қоғ-қоғи зоғҳо – предлог аз + простая изафетная конструкция (қоғ-қоғ + -и + зоғҳо). Изафетная связка -и выполняет функцию английского предлога of и обеспечивает определительное отношение. В грамматике английского языка артикль «the» является обязательным и формально требует выражения определённости. В таджикском же языке определённость является скорее смысловой и синтаксической – то есть она понимается через порядок слов, изафетную связь «-и», послелог «-ро» и общий контекст предложения.

2. Способы передачи значения артикля при переводе с английского на таджикский. Анализ переводческой практики показывает, что для передачи значения артикля используются четыре основных трансформации:

а) Лексическая трансформация. Значение артикля передаётся самостоятельными словами: **Пример:** It wasn't a plowed land; it was the frozen Zarafshan river beneath me! [1, с. 98] – **Перевод:** Ин на замини шудгоршуда, балки ҳамон дарёи яхбастаи Зарафшон буд, ки зери поям қарор дошт.

В переводе данного текста наблюдается один из важных видов лексической трансформации, при котором грамматическое значение английских артиклей передаётся с помощью самостоятельных лексических средств таджикского языка. Поскольку в таджикском языке категория артикля отсутствует, переводчик для сохранения значения определённости или неопределённости существительного использует указательные слова, местоимения и другие лексические средства. Во фразе «the frozen Zarafshan river» определённый ар-

тикль «the» указывает на конкретный, известный читателю объект. Поскольку в таджикском языке артикля нет, переводчик передал его определительное значение с помощью указательного слова «ҳамон». Здесь грамматическое преобразование осуществлено посредством лексической трансформации. То есть грамматическая функция артикля компенсируется самостоятельной лексической единицей.

Пример: I made my way to safety and stood on the riverbank [1, с. 98] – **Перевод:** «Ман худро ба ҳамон соҳили дарё расондам ва дар соҳил истодам.»

Определённый артикль «the» во фразе «the riverbank» указывает на берег, уже известный из предшествующего текста. В переводе это значение передаётся словом «ҳамон». В результате определительное значение артикля передано посредством самостоятельного лексического средства, что является ярким примером лексической трансформации. Анализ данных примеров показывает, что при переводе с английского на таджикский, ввиду отсутствия в таджикском языке категории артикля, переводчик для сохранения значения определённости и неопределённости использует лексические средства, включая «ҳамон», «ин», «он», «як» и другие самостоятельные слова.

б) Морфологическая трансформация. Роль артикля берут на себя именные аффиксы таджикского языка: послелог «-ро» является функциональным эквивалентом определённого артикля «the», а аффикс «-е» – эквивалентом «a/an»: **Пример:** "I knocked on the door of a teahouse..." [1, с. 90] – **Перевод:** «Ман дари чойхонаеро тақ-тақ кардам...».

Здесь неопределённый артикль «a» перед существительным «teahouse» используется для выражения признака неопределённости (предмет/место упоминается впервые). В таджикском языке эту функцию выполняет неопределённый аффикс «-е» (чойхона + -е). Для указания на определённую функцию прямого дополнения в предложении одновременно добавляется также связочный послелог «-ро» (чойхонае+ро). Трансформация определённого артикля (the) в определённый послелог «-ро». "The teamaker took some spider’s web, abundant in the teahouse, and applied it to the injury..." – «Чойхоначӣ каме тори анкабутро, ки дар чойхона зиёд буд, гирифта ба ҷароҳат гузошт (ба ҷароҳат/ҷароҳатро табобат кард / «...онро ба ҷароҳат расонд»).

В зависимости от структуры английского предложения: «...called his servant to take the horse.» «...хизматгорашро фарёд кард, то аспро барад». Определённый артикль «the» перед существительным «horse» указывает на определённость объекта действия, который уже упоминался ранее. В таджикском языке точным эквивалентом этой функции является определённый послелог «-ро» (асп + ро), который ставит существительное в функцию прямого дополнения. Изучение и правильный перевод артиклей посредством показателей таджикского текста объясняется следующим образом: роль «-ро», «ҳамин», «ҳамон» и «-аш»: эти средства в таджикском языке выражают категорию определённости, поэтому в английском языке вместо них используется определённый артикль «the». Выражение неопределённости с помощью «як» и «-е»: суффикс «-е» и числительное «як» являются признаками неопределённости предмета и при переводе на английский язык непосредственно соответствуют артиклю «a/an». Влияние родного языка: ошибки переводчиков возникают в основном из-за того, что они дословно (калькируют) переносят структуру таджикского языка на английский. Культурное различие исчисляемых существительных: в таджикском языке неисчисляемые слова получают конструкцию с «як», но в английском языке ставить перед ними неопределённый артикль «a/an» (например, a money) является грубой ошибкой. Артикль «a/an» употребляется только и только с существительными в единственном числе и исчисляемыми. Вещественные и неисчисляемые существительные (например, water, gold) получают артикль «the» только тогда, когда их контекст ограничен и конкретизирован. Если речь идёт о вещественных или абстрактных понятиях в общем смысле, в английском языке они употребляются с нулевым артиклем.

Выводы

Таким образом, данное исследование посвящено рассмотрению особенностей перевода безэквивалентных грамматических единиц на примере категории артикля в английском и таджикском языках. Отсутствие морфологической категории артикля в таджикском языке никоим образом не означает отсутствия возможности выражения определённости и неопределённости. Таджикский язык обладает развитой системой лексических, морфологических и синтаксических средств выражения определённости и неопределённости. Значение определённого артикля «the» в таджикском языке передаётся посредством послелога «-ро», указательных местоимений «ин», «он», «ҳамин», «ҳамон» и притяжательного суффикса «-аш». Значение неопределённого артикля «a/an» в таджикском языке передаётся в основном через неопределённый суффикс «-е» и числительно-местоимение «як» / «ягон».

При двустороннем переводе функциональная замена артикля осуществляется посредством лексических, морфологических, синтаксических трансформаций и опущения. Во многих случаях при переводе с английского на таджикский артикль «the» опускается, а определённость обеспечивается за счёт изафетной связки «-и» или общего контекста. При обратном переводе (с таджикского на английский) переводчик должен восстановить правильную форму артикля на основе скрытых признаков таджикского текста. Одним из основных факторов ошибок переводчиков при обратном переводе является влияние родного языка (интерференция) и постановка артикля перед неисчисляемыми существительными. Неопределённый артикль «a/an» употребляется только с существительными в единственном числе и исчисляемыми; неисчисляемые и абстрактные существительные в общем значении получают нулевой артикль (Zero Article). Изучение примеров подтверждает, что категория определённости в английском языке имеет морфологическую форму (артикль), тогда как в таджикском языке она выражается лексико-синтаксическими средствами.

Список источников

1. Ayni S. The Death of the Usurer. The Executioners of Bukhara. Translated from the Tajik Persian with an introduction and notes by Abdusalom Mamadnazarov. Dushanbe: R-graph, 2024. 296 p.
2. Baker M. In Other Words: A Coursebook on Translation. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2011. 369 p.
3. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
4. Ильиш Б.А. Структура современного английского языка. Л.: Просвещение, 1971. 366 с.
5. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
6. Newmark P. A Textbook of Translation. New York: Prentice Hall, 1988. 292 p.
7. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1959. 440 с.
8. Турсунов Ф.М. Безэквивалентная лексика в переводе (на материале английского и таджикского языков): Монография. Душанбе: Бебок, 2015. 432 с.
9. Турсунов Ф.М. Реалии – специфическая составляющая безэквивалентной лексики // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. 2015. № 2 (43). С. 162 – 167.
10. Турсунов Ф.М. Сопоставительное исследование безэквивалентной лексики в лингвокультурном и переводческом аспектах (на материале английского и таджикского языков): автореф. дис. … докт. филол. наук. Душанбе, 2016. 21 с.
11. Усмонов К. Грамматикаи муқоисавии забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ: Китоби дарсӣ барои магистрантони факултети забонҳои хориҷӣ (ихтисосҳои «Назария ва амалияи тарҷума», «Забони англисӣ»). Хуҷанд: Нури маърифат, 2017. 372 с.

References

1. Ayni S. The Death of the Usurer. The Executioners of Bukhara. Translated from the Tajik Persian with an introduction and notes by Abdusalom Mamadnazarov. Dushanbe: R-graph, 2024. 296 p.
2. Baker M. In Other Words: A Coursebook on Translation. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2011. 369 p.
3. Barkhudarov L.S. Language and Translation (Problems of General and Particular Theory of Translation). Moscow: International Relations, 1975. 240 p.
4. Ilyish B.A. The Structure of the Modern English Language. Leningrad: Education, 1971. 366 p.
5. Komissarov V.N. Translation Theory (Linguistic Aspects). Moscow: Vysshaya shkola, 1990. 253 p.
6. Newmark P. A Textbook of Translation. New York: Prentice Hall, 1988. 292 p.
7. Smirnitsky A.I. Morphology of the English language. Moscow: Izdatelstvo literatury na zaremennykh yazyke, 1959. 440 p.
8. Tursunov F.M. Non-equivalent vocabulary in translation (based on the English and Tajik languages): Monograph. Dushanbe: Bebok, 2015. 432 p.
9. Tursunov F.M. Realities – a specific component of non-equivalent vocabulary. Паёми До-нишгоҳи ммлии Тоҷикистон. 2015. № 2 (43). P. 162 – 167.

10. Tursunov F.M. Comparative study of non-equivalent vocabulary in linguocultural and translation aspects (based on the material of English and Tajik languages): abstract of thesis. dis. ... doc. Philol. Sci. Dushanbe, 2016. 21 p.

11. Usmonov K. Grammar of mukoisavii zabongoi anglisi va tokiki: Kitobi darsi baroi magicians-strantoni faculties zabongoi horini (ichtisosogi “Nazariya va amaliyai tarhuma”, “Zaboni anglisi”). Khukand: Nuri marifat, 2017. 372 p.

Информация об авторе

Содикова Р.А., кандидат филологических наук, доцент, Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова, Республика Таджикистан

© Содикова Р.А., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 316.77; 070
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-21-34

Влияние телевидения на восприятие фермерами сообщений об изменении климата в дельте реки Меконг: медиасоциологический подход

[1] Нгуен В.Т., [1] Хо С.Н.,
[1] Университет Тханглонг, Социалистическая Республика Вьетнам

Аннотация: данное исследование посвящено анализу того, как фермеры дельты Меконга воспринимают информацию о климатических изменениях через призму телевидения с позиций медиасоциологии. В работе применяется смешанный методологический подход, который сочетает в себе данные опросов 286 аграриев с глубинными интервью. Это позволяет выявить особенности восприятия, интерпретации и реакции на подобные сообщения. Полученные результаты показывают, что телевидение остается ключевым источником информации (особенно через систему каналов VTV), а программы смотрят преимущественно в вечернее время. Вместе с тем процесс восприятия сообщений становится несколько гибридным, сочетая в себе влияние традиционных СМИ и межличностной коммуникации. В основном фермеры обращаются к информации о климате из прагматических соображений, связанных с жизнеобеспечением, но в то же время много просмотров носят случайный характер. Хотя мы наблюдаем высокие охваты, эффективность коммуникации в данном случае можно оценить как умеренную. Большинство респондентов считают телевизионный контент лишь «частично соответствующим» реалиям, а его качество - средним. Несмотря на широкое распространение информации, телевидение весьма ограниченно влияет на поведение фермеров. Это связано с недостаточной практической ценностью контента, слабой ориентацией на профильные группы аудитории и низкой степенью вовлеченности. В исследовании подчеркивается, что в климатической коммуникации необходимо повысить степень релевантности, доступности и ориентации на определенные группы населения, а также уделить внимание интеграции традиционного телевещания с цифровыми платформами для расширения охвата и увеличения эффективности воздействия.

Ключевые слова: климатическая коммуникация, коммуникация по вопросам изменения климата, телевидение, фермеры, дельта Меконга

Для цитирования: Нгуен В.Т., Хо С.Н. Влияние телевидения на восприятие фермерами сообщений об изменении климата в дельте реки Меконг: медиасоциологический подход // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 21 – 34. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-21-34

Поступила в редакцию: 6 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

The impact of television on farmers' perceptions of climate change messages in the Mekong Delta: a media sociological approach

[1] Nguyen V.T., [1] Ho X.N.,
[1] Thang Long University, Socialist Republic of Vietnam

Abstract: this study investigates how farmers in the Mekong Delta engage with climate change messages delivered through television from a media sociology perspective. Drawing on a mixed-methods design, the research integrates survey data from 286 farmers with qualitative insights from in-depth interviews to examine patterns of media use, interpretation, and response. The findings indicate that television remains a dominant and trusted source of information, particularly through the VTV network, with audience exposure concentrated during evening prime time. However, message reception is shaped by the

interaction between mass media and interpersonal communication networks. Farmers primarily seek climate-related information for practical purposes linked to agricultural production and risk mitigation, yet a considerable share of exposure occurs incidentally. Despite broad access, the overall effectiveness of communication remains moderate. Most respondents perceive television content as only partially relevant to their real-life conditions and evaluate its quality as average. These results suggest that current television-based communication lacks sufficient practical depth, audience segmentation, and engagement to significantly influence adaptive behavior. The study underscores the importance of developing more audience-centered communication strategies, enhancing contextual relevance, and integrating traditional broadcasting with digital platforms to improve both the reach and impact of climate change communication.

Keywords: climate communication, climate change communication, television, farmers, the Mekong Delta

For citation: Nguyen V.T., Ho X.N. The impact of television on farmers' perceptions of climate change messages in the Mekong Delta: a media sociological approach. Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 21 – 34. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-21-34

The article was submitted: July 6, 2026; Approved after reviewing: August 3, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

В условиях современного медиапространства телевидение во Вьетнаме продолжает быть одним из основных и наиболее надежных каналов получения информации, особенно в сельской местности. За счет синтеза визуальных образов, звука и повествования, отражающего события повседневности, оно не только информирует население, но и формирует общественное сознание. Роль СМИ становится особенно значимой, когда необходимо оценить глобальные риски. Они предоставляют информацию фермерам об изменениях климата и таким образом помогают аграриям адаптироваться к различным атмосферным явлениям.

Согласно современным исследованиям, эффективность коммуникации зависит как от ее содержательной части, так и от степени восприятия аудиторией. Рассматривая теорию кодирования/декодирования Stuart Hall, мы видим разницу между тем, как медиа передают сообщения с учетом научной и политической составляющих, и тем, как фермеры принимают и перерабатывают полученные данные через призму своих знаний, профессионального опыта и обывательского языка [3, с. 6]. Так, возникает разрыв между информацией и действиями в реальности. Иначе говоря, в условиях современного медиапространства интерпретация сообщений СМИ напрямую зависит от социального опыта каждой конкретной группы. С точки зрения социологии, ряд научных работ отмечает важную роль социальной адаптации и взаимодействия внутри сообщества в части вопросов, связанных с изменениями климата [5, с. 3]. Другие исследования также показывают, что адаптационное поведение фермеров зависит не только от природно-экологических факторов, но и от их опыта, социальных сетей и источников информации, к которым они имеют доступ [6, с. 10].

Дельта Меконга (Вьетнам) – регион, значительно подверженный воздействию изменения климата, с возрастающими рисками наводнений и засоления почв [10]. По оценкам Всемирного банка, экономические потери государства, связанные с изменением климата, составляют около 10 млрд долларов США, что эквивалентно 3,2% ВВП [11]. При общей площади 4 092,2 тысячи га, из которых 62,9% приходится на сельскохозяйственные земли, дельта Меконга играет ключевую роль в экономике страны, однако риск затопления составляет до 47,29% территории при повышении уровня моря на 100 см, особенно в провинциях Камау и Киензянг (79,62% и 75,68% соответственно) [9]. В то же время телевидение остается важным источником информации для фермеров, однако эффективность восприятия его сообщений во многом зависит от степени их соответствия реальным условиям производства и социально-экономическому контексту [4, с. 482].

Несмотря на то, что существует значительное число научных работ в области коммуникации, посвященных изменению климата, большинство из них сосредоточено на адаптационном поведении или аграрной политике. Роль СМИ (особенно телевидения) в формировании общественного сознания и поведения остается недостаточно изученной. Кроме того, современные исследования климатической коммуникации во Вьетнаме преимущественно ориентированы на онлайн-журналистику и цифровые медиа [8, с. 3], уделяя недостаточное внимание особенностям восприятия информации сельскими жителями, для которых телевидение по-прежнему остается важным источником знаний. В связи с этим изучение того, как фермеры воспринимают и интерпретируют сообщения об изменении климата, помогает развитию теоретической базы, а также повышает эффективность подобной коммуникации в современных условиях.

Материалы и методы исследований

Объектом исследования являются особенности восприятия телевизионных сообщений об изменении климата аграриями, проживающими в дельте Меконга. Для обеспечения репрезентативности и возможности межрегионального сравнения авторы изучили данные, полученные с трех типичных территорий: Кантхо (зона пресных вод), Хаузянг (местность солоноватых вод на границе пресной и морской среды) и Камау (прибрежная зона соленых вод). Такой выбор помогает отразить разнообразие природных условий, источников дохода и степени влияния климатических изменений на жизнь фермеров. Конкретно изучались такие места, как коммуны Нён Ай (Кантхо), Лыонг Там (Хаузянг) и Дат Муи (Камау).

Основной этап полевого исследования проводился в Кантхо, Хаузянге и Камау в период с апреля по декабрь 2024 года.

Для более корректной интерпретации полученных результатов и соответствия современным нормам социологических исследований [1, 7] автор обращается к количественным и качественным методам анализа данных. Это одновременно помогает выявить общие тенденции и отличительные особенности в восприятии телевизионных сообщений разными группами фермеров.

В исследовании данные систематизируют согласно принципу случайной выборки в сочетании с разделением по демографическим характеристикам, в том числе по месту проживания, возрасту, полу, уровню образования, семейному положению, этнической принадлежности, религии и доходу. Респондентами выступили фермеры с трех обозначенных ранее территорий: Нён Ай (Кантхо), Лыонг Там (Хаузянг) и Дат Муи (Камау). Данное обстоятельство обеспечило региональную репрезентативность – от городских центров до специализированных сельскохозяйственных и рыболовных районов.

Таблица 1

Демографические характеристики выборки количественного исследования.

Table 1

Demographic characteristics of the quantitative study sample.

		Критерии		Количество овтетов	Процент
Распределение по провинциям	Итого:			529	100
	Кантхо	НёнАй		180	34,03
	Хаузянг	Хаузянг		176	33,27
	Камау	Камау		173	32,70
Возрастные группы	Итого:			529	100
		18 – 24		107	20,23
		25 – 34		138	26,09
		35 – 49		161	30,43
		50+		123	23,25
Пол	Итого:			529	100
		Мужчины		272	51,42
		Женщины		257	48,58
Уровень образования	Итого:			529	100
		Неграмотные		55	10,4
		Начальное образование		169	31,95
		Неполное среднее образование		101	19,09
		Полное среднее образование		81	15,31
		Профессиональное обучение / начальный уровень		42	7,94
		Среднее специальное / колледж		61	11,53
		Высшее / послевузовское образование		20	3,78
Семейное положение	Итого:			529	100
		Состоят в браке		351	66,35
		Разведены / раздельное проживание		27	5,1
		Вдовы / вдовцы		26	4,91
		Не состоят в браке / никогда не состояли в браке		125	23,63

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Этническая принадлежность	Итого:			529	100
		Кинь		456	86,2
		Кхмеры		45	8,51
		Хоа		23	4,35
		Чамы		5	0,95
Религия	Итого:			529	100
		Буддизм		238	44,99
		Католицизм		72	13,61
		Протестантизм		30	5,67
		Каодай		38	7,18
		Другие религии		7	1,32
		Не исповедуют религию		144	27,22
Основной вид сельскохозяйственной деятельности	Итого:			529	100
		Растениеводство (рис, кукуруза, батат, маниок и другие)		167	31,57
		Животноводство (крупный рогатый скот, птица)		125	23,63
		Аквакультура (креветки, рыба, крабы и др.)		125	23,63
		Лесное хозяйство (лесоводство, заготовка лесной продукции)		26	4,91
		Другое (сочетание сельского хозяйства с экотуризмом и наёмным трудом)		86	16,26
Доход		Средний доход одной семи: 12,5 млн донгов в месяц			

В период с января по декабрь 2024 года благодаря поддержке Союза женщин провинции Хаузянг в исследовании приняли участие 529 фермеров, имеющих представление о концепции изменения климата. Был задан ряд уточняющих вопросов относительно источников таких знаний. Далее углубленную работу проводили уже с теми респондентами, кто назвал «телевидение» приоритетным каналом для получения этой информации. В окончательную выборку вошло 286 аграриев.

Подробные интервью также провели с фермерами, которые не могут часто смотреть телевизор, однако готовы принять участие в исследовании. Целью данной работы было выяснить причины ограниченного доступа к телевизионным сообщениям и узнать альтернативные каналы, которые используют сельские жители для получения информации об изменении климата. Всего в глубинных интервью приняли участие 15 фермеров.

Инструментом для сбора данных стала онлайн-анкета, размещенная на платформе KobotoolBox. После экспорта данных в стандартные форматы (CSV, XLS) они были проверены на валидность. Данные обрабатывались и анализировались с помощью программного обеспечения SPSS v26. Его широко используют в социологических исследованиях за счет применения методов описательной и выводной статистики для проверки связи между переменными [2].

Результаты и обсуждения

Об активном поиске данных в средствах массовой информации

Табл. 2 демонстрирует разнообразие источников, к которым обращаются фермеры дельты реки Меконг, для получения данных о климатических изменениях. Притом каждый тип СМИ имеет свои отличительные особенности.

Таблица 2

Виды средств массовой информации для получения сведений об изменении климата в дельте реки Меконг.

Table 2

Types of media for obtaining information on climate change in the Mekong Delta.

Источник информации	Количество ответов	% от общего числа ответов	% от общего числа случаев
Друзья и родственники	295	18,47	55,77
Телевидение	286	17,91	54,06
Радио	260	16,28	49,15
Местные органы власти (представители общины/сельской администрации, сельские старосты, Союз фермеров и др.)	221	13,84	41,78
Социальные сети (Facebook, Zalo, TikTok и др.)	200	12,52	37,81
Интернет (онлайн-газеты, YouTube, веб-сайты и др.)	170	10,64	32,14
Тренинги, семинары и общественные проекты	70	4,38	13,23
Другое	64	4,01	12,1
Печатные издания, журналы	24	1,5	4,54
Школы	7	0,44	1,32
Итого:	1597	100	301,89

Согласно полученным результатам, в основном информацию об изменениях климата в дельте реки Меконг фермеры получают от друзей и родственников (55,77%), а также при просмотре телевидения (54,06%) и прослушивании радиопередач (49,15%). Это указывает на важность межличностной коммуникации и традиционных СМИ. Другие источники информации, включающие местные органы власти (41,78%), социальные сети (37,81%) и Интернет (32,14%), тоже играют здесь немаловажную роль, способствуя росту доверия к официальным сведениям и влияния онлайн-каналов. Стоит отметить, что аграрии редко обращаются в данном вопросе к печатным изданиям (4,54%), обучающим семинарам (13,23%) и в школы (1,32%).

По количеству упоминаний превалируют три источника информации: друзья и родственники (18,47%), телевидение (17,91%), а также радио (16,28%). Несмотря на широкое развитие цифровых медиа, данные о климатических изменениях в дельте реки Меконг в основном распространяются посредством традиционных СМИ и межличностного общения, что в целом отвечает социально-психологическим особенностям жителей рассматриваемого региона.

Самым популярным телевизионным каналом в качестве источника такой информации стал VTV Кантхо. Предпочтение ему отдал 181 человек (63,29% от общего числа респондентов). Это говорит о том, что данный канал оказывает наибольшее влияние на фермеров в дельте Меконга при получении информации об изменении климата. VTV1 занимает второе место с показателем 16,43%. В совокупности каналы, входящие в систему VTV, охватывают 79,72% респондентов. Таким образом, можно говорить о том, что вьетнамская центральная государственная телевизионная станция занимает ведущую позицию в распространении информации о климате и его изменениях среди сельских жителей данного региона.

За ними следует Телевидение города Кантхо (THTPCT) – 12,24%, а также другие местные телевизионные каналы – 6,99%, которые имеют значительно более низкий уровень охвата по сравнению с VTV Кантхо. Каналы Интернет-телевидения, международного кабельного ТВ и прочие категории составляют лишь незначительную долю (менее 1%) (табл. 3).

Таблица 3

Наиболее просматриваемые телевизионные каналы среди фермеров дельты реки Меконг в 2024 году.

Table 3

Most viewed television channels among farmers in the Mekong Delta in 2024.

Телевизионный канал	Количество ответов	Процент	Накопленный процент
VTV Кантхо	181	63,29	79,72
VTV1	47	16,43	16,43
Телевидение города Кантхо	35	12,24	91,96
Другие местные телевизионные каналы	20	6,99	98,95
Интернет-телевидение / международное кабельное телевидение	2	0,7	99,65
Другие каналы	1	0,35	100,00
Итого:	286	100	

Это отражает определенную степень диверсификации информационных источников на местном уровне, однако по части охвата и эффективности климатической коммуникации они по-прежнему уступают каналам системы VTV. Данные опроса также показывают, что фермеры в дельте Меконга преимущественно получают данные через государственное телевидение, а не через онлайн- или международные телевизионные платформы.

О времени просмотра и особенностях восприятия телевизионных сюжетов про изменения климата в дельте реки Меконг

Проанализировав телевизионные «привычки» местных фермеров, автор установил, что подавляющее число респондентов (76,92%), как правило, смотрят ТВ вечером – с 18:00 до 21:00. Это «прайм-тайм» для аграриев дельты реки Меконг: наступает пора отдыха после трудового дня, когда ничто не мешает полноценно воспринимать информацию и осмысливать ее.В другое время уровень просмотра телевидения значительно ниже: днем (11:00-13:00) – 12,24%, рано утром (05:00-07:00) – 4,55%, поздним вечером (после 21:00) – 3,85%, после обеда (13:00–18:00) – лишь 2,45%. Эти интервалы обычно включают часы работы или сна, поэтому доля зрителей незначительна (табл. 4).

Таблица 4

Временные интервалы для просмотра телевидения фермерами дельты реки Меконг.

Table 4

Television viewing time slots for farmers in the Mekong Delta.

Временные интервалы просмотра телевидения	Количество ответов	Процент	Накопленный процент
Раннее утро (05:00–07:00)	13	4,55	4,55
Полдень (11:00–13:00)	35	12,24	16,78
День (13:00–18:00)	7	2,45	19,23
Вечер (18:00–21:00)	220	76,92	96,15
Ночь (после 21:00)	11	3,85	100
Итого:	286	100	

Больше всего фермеры дельты реки Меконг смотрят телевизор вечером (с 18:00 до 21:00). На этот период (76,92%) приходится время отдыха после насыщенного трудового дня. Именно тогда большинство сельских работников, которые смотрят телевизор 1-2 часа в день (60,49%), получают информацию. Дневной интервал (11:00–13:00), который составляет 12,24%, включает в себя перерывы в работе. Но из-за временной ограниченности он более подходит для новостных выпусков или коротких репортажей. Остальные периоды (раннее утро, день и ночь) имеют очень низкие показатели и, следовательно, менее эффективны для распространения климатической информации среди подавляющей части аудитории.

Табл. 5 показывает, что большинство фермеров дельты Меконга смотрят телевидение в умеренном объеме. Наибольшая доля приходится на категорию «От 1 до 2 часов в день» – 60,49%. Группу с довольно высоким уровнем просмотра (от 2 до 3 часов в сутки) составляют 20,63% опрошенных. Доля респондентов, тратящих на ТВ менее 1 часа в день, -12,59%. Это аудитория с ограниченным контактом, воздействие на нее менее эффективно, если контент не является достаточно привлекательным. Лишь 6,29% респондентов уделяют телевизору 3 часа и более в день. Это группа активных зрителей, более тесно связанных с традиционным ТВ.

Таблица 5

Среднее время просмотра телевидения фермерами дельты реки Меконг за одни сутки.

Table 5

Average television viewing time among farmers in the Mekong Delta per day.

Продолжительность просмотра телевидения	Количество ответов	Процент	Оценочное среднее время (часов/день)
Менее 1 часа	36	12,59	0,5
От 1 до 2 часов	173	60,49	1,5
От 2 до 3 часов	59	20,63	2,5
3 часа и более	18	6,29	3,5
Итого:	286	100	

О средствах доступа к телевизионным сообщениям
об изменении климата у фермеров дельты реки Меконг

Наиболее распространенным устройством для просмотра программ является традиционный телевизор (включая TV-боксы, кабельное телевидение, приемники и др.), на который приходится 69,58%, значительно превосходя все другие приспособления. Смарт-телевизоры занимают второе место с долей 20,28%. Таким образом, в целом 89,86% опрошенных фермеров для получения информации используют различные виды телевизоров.

Смартфоны и планшеты составляют 9,79%. Это показатель довольно низкий по сравнению с жителями городов, что можно объяснить ограничениями сетевой инфраструктуры в сельской местности и предпочтением местного населения смотреть новости привычным способом – по телевизору. Категория «Персональные компьютеры» составляет лишь 0,35%. Данное обстоятельство указывает на то, что они не являются распространенным устройством для просмотра ТВ в дельте Меконга (табл. 6).

Таблица 6

Устройства для просмотра телевидения у фермеров дельты реки Меконг.

Table 6

TV viewing devices among farmers in the Mekong Delta.

Типы устройств для просмотра телевидения	Количество ответов	Процент	Накопленный процент
Традиционный телевизор (TV-бокс, кабельное телевидение, приемник и др.)	199	69,58	69,58
Смарт-телевизор с подключением к Интернету	58	20,28	89,86
Смартфон / планшет	28	9,79	99,65
Компьютер / ноутбук	1	0,35	100
Итого:	286	100	

Объединяя данные табл. 3 и 6 по двум параметрам («телевизионные каналы» и «устройства для просмотра»), исследование формирует матрицу «канал – устройство» с целью определения оптимальной модели климатической коммуникации для фермеров дельты Меконга (табл. 7).

Таблица 7

Матрица «канал – устройство просмотра телевидения» среди фермеров дельты реки Меконг.

Table 7

TV viewing channel-device matrix among farmers in the Mekong Delta.

Телевизионный канал	Традиционный телевизор	Смарт-телевизор	Смартфон / планшет	Компьютер / ноутбук
VTV Кантхо (63,29%)	Очень высокий	Высокий	Низкий	Низкий
VTV Кантхо (63,29%)	Высокий	Средний	Низкий	Низкий
THTPCT (12,24%)	Высокий	Средний	Низкий	Низкий
Местные телеканалы (6,99%)	Средний	Низкий	Низкий	Низкий
Другие (<1%)	Очень низкий	Очень низкий	Низкий	Низкий

Таким образом, сочетание традиционного телевидения и канала VTV Кантхо можно рассматривать как «золотую комбинацию» для климатической коммуникации, поскольку оно одновременно обеспечивает наибольшую аудиторию и опирается на самое распространенное устройство. Смарт-телевизоры открывают возможности для много-платформенной коммуникации (livestream, VOD, OTT), особенно среди молодежи и домохозяйств с обновленными устройствами. Хотя смартфоны и планшеты занимают относительно небольшую долю, их можно эффективно использовать для распространения коротких видеороликов, созданных на основе телевизионного контента и продвигаемых через социальные сети. Это помогает усилить охваты.

Как было обозначено выше, фермеры дельты реки Меконг получают и осмысливают сообщения об изменениях климата посредством традиционных СМИ и межличностного взаимодействия. При этом важным источником данных становится телевидение (54,06%), наряду с друзьями, родственниками

(55,77%) и радио (49,15%). Здесь можно говорить о традиции восприятия, основанной на доверии внутри сообщества и устоявшихся привычках. Влияние цифровых платформ, к примеру, социальных сетей (37,81%) и Интернета (32,14%), постепенно возрастает, но о замене телевидения речи пока не идет.

Среди каналов фаворитом является VTV Кантхо (63,29%). За ним следует VTV1 (16,43%). Так, систему вещания VTV можно назвать основным источником информации об изменениях климата для фермеров дельты реки Меконг. Притом время после трудовой деятельности, 18:00-21:00, – это «прайм-тайм» (76,92%). Сельхозработники чаще всего смотрят телевизор 1-2 часа в день (60,49%), что говорит о стабильном и умеренном медиапотреблении.

Главным «проводником» информации среди электронных устройств для фермеров дельты реки Меконг является телевизор (69,58%). Смарт-телевизоры (20,28%) и смартфоны/планшеты (9,79%) пока не могут составить ему серьезной конкуренции в данном вопросе. Как показывает исследование, оптимальная модель климатической коммуникации сегодня – это передача сообщения на телевизионном канале VTV Кантхо. Цифровым платформам пока отводится вспомогательная роль в распространении такой информации.

О мотивации фермеров дельты реки Меконг следить за телевизионными сообщениями об изменении климата

Чтобы выжить в текущих экономических условиях и защитить свой урожай от природных катаклизмов, фермеры дельты реки Меконг постоянно следят за телевизионными программами об изменении климата. Согласно полученным данным, 65,39% аграриев смотрят такие сюжеты с практической целью: 43,36% – из-за прямого влияния на производство, а 22,03% – чтобы рационально и своевременно подготовиться к непогоде. Таким образом, можно сделать вывод, что целевой аудиторией подобных программ являются как раз фермеры дельты реки Меконг.

В то же время 23,43% опрошенных заявили, что попадают на сюжеты об изменении климата случайно. Их можно обозначить как пассивную аудиторию. Только 3,85% смотрят эти выпуски просто из любопытства и интереса. Так, подобные программы в большей степени нацелены на точное и своевременное информирование своей аудитории, а не создание вовлекающих историй (табл. 8).

Таблица 8

Мотивация фермеров дельты реки Меконг следить за телевизионными сообщениями об изменении климата.

Table 8

Mekong Delta farmers' motivation to follow television messages about climate change.

Причины для получения климатической информации	Количество ответов	Процент	Накопленный процент
Прямое влияние на производство	124	43,36	65,38
Случайный просмотр (нецеленаправленный)	67	23,43	99,3
Желание получать информацию о погоде для предотвращения стихийных бедствий	63	22,03	22,03
Рекомендации других (посоветовали посмотреть)	19	6,64	75,87
Информация кажется близкой и понятной, поэтому хочется смотреть дольше	11	3,85	69,23
Другие причины	2	0,7	100
Итого:	286	100	

О разновидностях телевизионных программ

Наиболее популярным и эффективным форматом в данном случае является аграрный репортаж (52,45%). Подобные сюжеты в полной мере удовлетворяют информационные потребности местных фермеров: они имеют небольшую продолжительность, включают полевые съемки и реальные примеры ведения хозяйства. Аграрии заинтересованы в получении обобщенных оперативных данных, поэтому отдают предпочтение новостным выпускам (27,62%). Документальные фильмы выбирают 11,54% благодаря наглядному визуальному ряду.

Другие форматы, такие как научные дискуссионные программы (2,8%) и телевизионные игры (2,45%), менее подходят из-за их специфики или несоответствия предпочтениям рассматриваемой аудитории (табл. 9).

Таблица 9

Подходящие типы телевизионных программ с информацией об изменении климата для фермеров дельты реки Меконг.

Table 9

Appropriate types of television programs with climate change information for farmers in the Mekong Delta.

Телевизионные программы	Количество ответов	Процент	Накопленный процент
Аграрные репортажи	150	52,45	80,07
Новостные выпуски	79	27,62	27,62
Документальные фильмы	33	11,54	91,61
Научные дискуссионные программы	8	2,8	94,41
Телевизионные игры	7	2,45	96,85
Не знают / нет конкретной программы	9	3,15	100
Итого:	286	100	

Оценка качества телевизионных программ об изменении климата фермерами дельты реки Меконг

Результаты опроса показывают, что большинство аграриев данной местности оценивают качество телевизионных сообщений об изменении климата как «среднее» (77,27%). Лишь 16,08% считают их «интересными и понятными», а 3,5% определили такие передачи, как «скучные и трудные для понимания». Текущие программы в основном ограничиваются передачей базовой информации и пока недостаточно привлекательны для формирования устойчивого интереса аудитории (табл. 10).

Таблица 10

Оценка качества телевизионных программ об изменении климата фермерами дельты реки Меконг.

Table 10

Assessment of the quality of television programs on climate change by farmers in the Mekong Delta.

	Оценка качества информации телевизионных программ об изменении климата									
	Интересные, понятные		Средние		Скучные, трудные для понимания		Нет мнения		Итого:	
	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%
Распределение по территориям										
Нён Ай	24	21,05	86	75,44	2	1,75	2	1,75	114	100,00
Лыонг Там	11	22,92	33	68,75	3	6,25	1	2,08	48	100,00
Дат Муи	11	8,87	102	82,26	5	4,03	6	4,84	124	100,00
Итого:	46	16,08	221	77,27	10	3,50	9	3,15	286	100,00
Возрастные группы										
18 – 24	3	8,82	28	82,35	3	8,82	0	0,00	34	100,00
25 – 34	16	19,51	63	76,83	2	2,44	1	1,22	82	100,00
35 – 49	23	23,47	71	72,45	2	2,04	2	2,04	98	100,00
50+	4	5,56	59	81,94	3	4,17	6	8,33	72	100,00
Итого:	46	16,08	221	77,27	10	3,50	9	3,15	286	100,00
Пол										
Мужчины	23	15,23	119	78,81	3	1,99	6	3,97	151	100,00
Женщины	23	17,04	102	75,56	7	5,19	3	2,22	135	100,00
Итого:	46	16,08	221	77,27	10	3,50	9	3,15	286	100,00
Уровень образования										
Неграмотные	0	0,00	29	85,29	2	5,88	3	8,82	34	100,00
Начальное образование	14	14,29	76	77,55	4	4,08	4	4,08	98	100,00
Неполное среднее образование	9	21,95	31	75,61	1	2,44	0	0,00	41	100,00
Полное среднее образование	4	9,30	35	81,40	3	6,98	1	2,33	43	100,00

Продолжение таблицы 10
Continuation of Table 10

Профессиональное обучение / начальный уровень	7	30,43	16	69,57	0	0,00	0	0,00	23	100,00
Среднее специальное / колледж	9	30,00	20	66,67	0	0,00	1	3,33	30	100,00
Высшее / послевузовское образование	3	17,65	14	82,35	0	0,00	0	0,00	17	100,00
Итого:	46	16,08	221	77,27	10	3,50	9	3,15	286	100,00

По территориальному признаку в Лыонг Там (22,92%) и Нён Ай(21,05%) доля респондентов, оценивающих программы как «интересные», выше среднего уровня. Тогда как в Дат Муи этот показатель составляет лишь 8,87%, и большинство определяет программы как «средние» (82,26%). По возрасту наиболее высокий уровень интереса наблюдается среди людей 35-49 лет (23,47%). А в группах 50+ и 18-24 он значительно ниже (5,56% и 8,82% соответственно), притом они чаще выбирали пункт «Нет мнения» или «Скучно». Гендерные различия незначительны, однако женщины чаще демонстрируют диаметрально противоположные оценки (17,04% считают программы «интересными», 5,19% – «скучными»).

Четкую дифференциацию можно проследить и по степени образованности местного населения: респонденты с профессиональным/начальным образованием и средним специальным/колледжем демонстрируют самый большой интерес к подобного рода программам (30–30,43%). Группы с низким уровнем образования (с начальным или неграмотные), как правило, выбирают вариант «Средний» (77-85%).

Среди респондентов с высшим и послевузовским образованием доля тех, кто считает программы «интересными», относительно невелика (17,65%). Отметим, что никто из них не называет их «скучными». В целом процент аудитории, воспринимающей данные программы как «интересные», остается низким (16,08%). Большинство опрошенных отмечают их «средний уровень».

Согласно данным табл. 11, подавляющее число фермеров дельты Меконга оценивают телевизионную информацию об изменении климата как «в определенной степени соответствующую реальной практике» (79,72%). Лишь 10,14% считают ее «предельно соответствующей», а 6,99% – «несоответствующей».

Если рассматривать по территориальному признаку, то в коммуне Лыонг Там зафиксировано больше всего оценок «Высоко соответствующая» (25%). В Дат Муи этот показатель практически отсутствует (0,81%). При этом доля варианта «Несоответствующая» составила 10,48%, что отражает недостаточный учет специфики прибрежных условий. По возрасту все группы сосредоточены в категории «Частично соответствующая» (76-85%). Однако респонденты 50+ чаще всего затруднялись с ответом (8,33%), а представители молодежи 18-24 лет практически не выбирали этот пункт.

По гендерному признаку мужчины, как правило, отдают предпочтение варианту «Частично соответствующая» (81,46%), в отличие от женщин (77,78%). Представительницы прекрасного пола чаще оценивают информацию как «несоответствующую» действительности (8,15% против 5,96%). Также отметим различия, исходя из уровня образования: неграмотные и с начальным образованием почти все выбирают вариант «Частично соответствующая» (91,18%). Респонденты со средним, профессиональным и средним специальным образованием охотнее оценивают информацию как «высоко соответствующую» (13-17%). Тем не менее даже среди опрошенных с высшим образованием большинство выбирает категорию «Частично соответствующая» (88,24%). Ни один из них не оценивает информацию как «высоко соответствующую» реальности.

Таблица 11

Оценка фермерами дельты реки Меконг степени соответствия телевизионного контента реальным условиям.

Table 11

Mekong Delta farmers' assessment of the degree to which television content matches real-life conditions.

	Степень соответствия телевизионного контента об изменении климата реальным условиям									
	Полностью соответствует реальной обстановке		В определенной степени соответствует реальной обстановке		Не соответствует реальной обстановке		Затрудняюсь ответить		Итого:	
	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%
Распределение по территориям										
Нён Ай	16	14,04	89	78,07	5	4,39	4	3,51	114	100,00
Лыонг Там	12	25,00	33	68,75	2	4,17	1	2,08	48	100,00
Дат Муи	1	0,81	106	85,48	13	10,48	4	3,23	124	100,00
Итого:	29	10,14	228	79,72	20	6,99	9	3,15	286	100,00
Возрастные группы										
18 -24	3	8,82	29	85,29	2	5,88	0	0,00	34	100,00
25 -34	9	10,98	64	78,05	6	7,32	3	3,66	82	100,00
35 -49	10	10,20	80	81,63	8	8,16	0	0,00	98	100,00
50+	7	9,72	55	76,39	4	5,56	6	8,33	72	100,00
Итого:	29	10,14	228	79,72	20	6,99	9	3,15	286	100,00
Пол										
Мужчины	14	9,27	123	81,46	9	5,96	5	3,31	151	100,00
Женщины	15	11,11	105	77,78	11	8,15	4	2,96	135	100,00
Итого:	29	10,14	228	79,72	20	6,99	9	3,15	286	100,00
Уровень образования										
Неграмотные	0	0,00	31	91,18	2	5,88	1	2,94	34	100,00
Начальное образование	11	11,22	72	73,47	11	11,22	4	4,08	98	100,00
Неполное среднее образование	5	12,20	33	80,49	1	2,44	2	4,88	41	100,00
Полное среднее образование	6	13,95	33	76,74	4	9,30	0	0,00	43	100,00
Профессиональное обучение / начальный уровень	4	17,39	19	82,61	0	0,00	0	0,00	23	100,00
Среднее специальное / колледж	3	10,00	25	83,33	1	3,33	1	3,33	30	100,00
Высшее / послевузовское образование	0	0,00	15	88,24	1	5,88	1	5,88	17	100,00
Итого:	29	10,14	228	79,72	20	6,99	9	3,15	286	100,00

Исходя из полученных результатов, можно выявить определенный парадокс: несмотря на то, что телевизионный контент в какой-то степени соответствует практикам сельскохозяйственного производства, ему не хватает глубины. Доля материала, оцениваемого как «полностью соответствующий реальной обстановке», остается крайне низкой (10,14%).

Эффективность восприятия телевизионных сообщений об изменении климата в дельте Меконга в целом можно охарактеризовать как умеренную, но невысокую. С точки зрения мотивации до 65,39% фермеров смотрят такие программы по причинам, напрямую связанным с их жизнеобеспечением (43,36% – из-за

влияния на производство, 22,03% – для получения актуальной информации о погоде и предотвращения стихийных бедствий). Аграрии тратят на них время целенаправленно и осознанно.

Однако 23,43% респондентов попадают на передачи случайно. Это значит, что в большей степени такая информация воспринимается пассивно. В данной нише на телевидении фаворитами являются «аграрные репортажи» (52,45%). Далее следуют новостные выпуски (27,62%). Это подтверждает, что программы, посвященные сельхозпроизводству, более востребованы у фермеров, нежели, например, научные дискуссии (2,8%). Притом опрошенные отмечают, что качество таких программ довольно среднее (77,27%). Лишь 16,08% фермеров назвали их «интересными и доступными для понимания». 79,72% респондентов отметили, что содержание лишь отчасти соответствует действительности. Только 10,14% считают, что все показано правдиво. В связи с этим практическая польза от таких программ является весьма условной, а уровень вовлеченности – невысоким.

Опираясь на полученные результаты, можно утверждать, что фермеры дельты реки Меконг воспринимают сообщения об изменении климата весьма специфически. На это оказывают влияние традиционные средства массовой информации, межличностное общение и потребность заработать на жизнь. Но в то же время здесь мы наблюдаем некоторые проблемы с эффективностью подобной коммуникации.

Во-первых, это связано с высокими охватами аудитории, но низким уровнем восприятия ею сюжетов. Телевидение по-прежнему является одним из главных источников информации (54,06%) для фермеров. Большинство из них смотрит канал VTV Кантхо (63,29%) и вечерний прайм-тайм (18:00-21:00) – 76,92%. Однако они оценивают качество таких программ как «среднее» (77,27%). Только 16,08% назвали подобный контент «интересным и доступным». Из этого можно сделать вывод, что даже при оптимальном выборе канала и времени трансляции такие программы не обеспечивают нужное воздействие на аудиторию и ее вовлеченность.

Во-вторых, на практике демонстрируемые сегодня сообщения об изменении климата не отвечают в полной мере потребностям сельхозпроизводства. Как правило, фермеры обращаются к подобным сюжетам, чтобы сохранить урожай и материально обеспечить свою жизнь (65,39%), но лишь 10,14% считают информацию, представленную в таких программах, «полностью соответствующей» действительности, а 79,72% оценивают как «частично соответствующую». Так, к примеру, в коммуне Дат Муи достоверность данных оценили всего в 0,81%. Это говорит о том, что специфике прибрежных условий в выпусках уделяется недостаточно внимания.

В-третьих, предпочтение по-прежнему отдается традиционным и межличностным каналам коммуникации. Основными источниками остаются друзья и родственники (55,77%), телевидение (54,06%) и радио (49,15%). А цифровые платформы (социальные сети – 37,81%, Интернет – 32,14%) еще не пользуются у аграриев достаточной популярностью. С одной стороны, это говорит о высоком уровне социального доверия, но с другой – об ограниченном развитии современных форм коммуникации.

В-четвертых, значительная часть аудитории воспринимает информацию пассивно. На недостаточную привлекательность контента указывает тот факт, что 23,43% опрошенных фермеров смотрят программы случайно или от случая к случаю. Кроме того, информация в таких сюжетах не всегда доступна для восприятия, только 3,85% отметили, что она «понятна» для них. Это говорит о недостатках в подаче материала.

В-пятых, различные социальные группы по-разному воспринимают контент. Это обстоятельство указывает на необходимость сегментировать контент. Наибольший уровень вовлеченности демонстрируют зрители 35-49 лет, а у людей старше 50-ти он значительно ниже. Респонденты со средним профессиональным образованием оценивают программы более позитивно, чем малообразованные группы.

Наконец, ограничения технологической инфраструктуры сдерживают диверсификацию каналов коммуникации. Предпочтение по-прежнему отдают традиционному телевидению (69,58%), а смарт-телевизоры и мобильные устройства пока используют ограниченно. Таким образом, коммуникацию здесь можно охарактеризовать как одностороннюю и недостаточно интерактивную.

В целом результаты исследования помогли выявить ключевые проблемы: зависимость от традиционных каналов, ограниченность качества контента, недостаточную адаптацию к аудитории и вызовы цифровой трансформации. Эти выводы будут способствовать повышению эффективности коммуникации по вопросам изменения климата.

Выводы

Исследование показывает, что фермеры дельты реки Меконг получают информацию об изменении климата через различные каналы, среди которых телевидение играет центральную роль наряду с межличност-

ной коммуникацией. Система каналов VTV, особенно VTV Кантхо, в сочетании с традиционным ТВ и вечерним прайм-таймом на данный момент формирует наиболее продуктивную модель взаимодействия.

Однако эффективность коммуникации не соответствует высокому уровню охвата аудитории. Содержание программ в основном ограничивается передачей информации, в них нет достаточной привлекательности и практической значимости.

Прагматизм и забота о будущем побуждают фермеров следить за изменениями климата, но текущая форма подачи информации на ТВ не в полной мере отвечает их потребностям. Кроме того, различия по возрасту, уровню образования и доступу к технологиям указывают на необходимость более дифференцированных и гибких стратегий коммуникации.

В условиях усиления воздействия климатических изменений на регион дельты Меконга телевидение остается важным инструментом донесения информации до местных аграриев. Тем не менее для повышения эффективности необходимо усилить практическую направленность программ, повысить уровень вовлеченности и адаптировать содержание под различные группы зрителей, а также интегрировать традиционное ТВ с цифровыми платформами для расширения охвата и глубины воздействия.

Список источников

1. Creswell J.W., Plano Clark V.L. Designing and conducting mixed methods research. Thousand Oaks: Sage Publications, 2007. 275 p.

2. Field A. Discovering statistics using IBM SPSS statistics. 5th ed. Thousand Oaks: Sage Publications, 2020. 775 p.

3. Hall S. Encoding and decoding in the television discourse. Birmingham: Contemporary Cultural Studies, University of Birmingham, 1973.

4. Hoang H.G., Tran D.T. Vietnamese farmers' perception of climate change effects on water resources and determinants of climate change // Hydrological Sciences Journal. 2024. Vol. 69. No. 4. P. 474 – 487. DOI 10.1080/02626667.2024.2323624

5. Hua H.H., Nguyen M.A., Ngo T.T. T. Collective and individual adaptation of rice farmers to climatic variability in the Vietnamese Mekong Delta // Cogent Social Sciences. 2024. Vol. 10. No. 1. DOI 10.1080/23311886.2024.2390181

6. Nguyen Duc K., Ancev T., Randall A. Farmers' choices of climate-resilient strategies: Evidence from Vietnam // Journal of Cleaner Production. 2021. Vol. 317. Art. 128399. – DOI 10.1016/j.jclepro.2021.128399

7. Tashakkori A., Teddlie C. (eds.). SAGE handbook of mixed methods in social & behavioral research. 2nd ed. Thousand Oaks: Sage Publications, 2010. 912 p.

8. Vu T.A., Nguyen P.A., Doan T.P.H., Tran T.H.T., Dai T.A. Climate change communication in the context of the Global South: Insights from the Mekong Delta of Vietnam // Zenodo Repository. 2025. DOI 10.5281/zenodo.16412380

9. General Statistics Office of Vietnam. Mekong Delta – Leveraging the advantages of the country's largest rice-producing region. 2021. URL: https://www.nso.gov.vn/du-lieu-va-so-lieu-thong-ke/2021/08/dong-bang-song-cuu-long-phat-huy-loi-the-vua-lua-so-mot-ca-nuoc/ (дата обращения: 26.02.2026)

10. Intergovernmental Panel on Climate Change. Climate change: A threat to human wellbeing and health of the planet. 2022. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2022/02/PR_WGII_AR6_english.pdf (дата обращения: 20.12.2025)

11. World Bank Group. Vietnam Country Climate and Development Report. Washington, DC: World Bank Group, 2022. URL: https://vepg.vn/wp-content/uploads/2022/07/CCDR-Full-report_01.07_FINAL-1.pdf (дата обращения: 26.02.2026)

References

1. Creswell J.W., Plano Clark V.L. Designing and conducting mixed methods research. Thousand Oaks: Sage Publications, 2007. 275 p.

2. Field A. Discovering statistics using IBM SPSS statistics. 5th ed. Thousand Oaks: Sage Publications, 2020. 775 p.

3. Hall S. Encoding and decoding in the television discourse. Birmingham: Contemporary Cultural Studies, University of Birmingham, 1973.

4. Hoang H.G., Tran D.T. Vietnamese farmers' perception of climate change effects on water resources and determinants of climate change. Hydrological Sciences Journal. 2024. Vol. 69. No. 4. P. 474 – 487. DOI 10.1080/02626667.2024.2323624

5. Hua H.H., Nguyen M.A., Ngo T.T. T. Collective and individual adaptation of rice farmers to climatic variability in the Vietnamese Mekong Delta. Cogent Social Sciences. 2024. Vol. 10. No. 1. DOI 10.1080/23311886.2024.2390181

6. Nguyen Duc K., Ancev T., Randall A. Farmers' choices of climate-resilient strategies: Evidence from Vietnam. Journal of Cleaner Production. 2021. Vol. 317. Art. 128399. – DOI 10.1016/j.jclepro.2021.128399

7. Tashakkori A., Teddlie C. (eds.). SAGE handbook of mixed methods in social & behavioral research. 2nd ed. Thousand Oaks: Sage Publications, 2010. 912 p.

8. Vu T.A., Nguyen P.A., Doan T.P.H., Tran T.H.T., Dai T.A. Climate change communication in the context of the Global South: Insights from the Mekong Delta of Vietnam. Zenodo Repository. 2025. DOI 10.5281/zenodo.16412380

9. General Statistics Office of Vietnam. Mekong Delta – Leveraging the advantages of the country's largest rice-producing region. 2021. URL: https://www.nso.gov.vn/du-lieu-va-so-lieu-thong-ke/2021/08/dong-bang-song-cuu-long-phat-huy-loi-the-vua-lua-so-mot-ca-nuoc/ (date of access: 26.02.2026)

10. Intergovernmental Panel on Climate Change. Climate change: A threat to human wellbeing and health of the planet. 2022. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2022/02/PR_WGII_AR6_english.pdf (date of access: 20.12.2025)

11. World Bank Group. Vietnam Country Climate and Development Report. Washington, DC: World Bank Group, 2022. URL: https://vepg.vn/wp-content/uploads/2022/07/CCDR-Full-report_01.07_FINAL-1.pdf (date of access: 26.02.2026)

Информация об авторах

Нгуен В.Т., кандидат филологических наук, преподаватель, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0000-7220-1758; SPIN-код: 4917-3825, ResearcherId: AAC-2247-2021, Университет Тханглонг, Социалистическая Республика Вьетнам, 100000, Ханой, ул. Нгием Суан Йем, thieunv@thanglong.edu.vn

Хо С.Н., преподаватель, Университет Тханглонг, Социалистическая Республика Вьетнам, 100000, Ханой, ул. Нгием Суан Йем, ngocxh@thanglong.edu.vn

© Нгуен В.Т., Хо С.Н., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 821.161.3
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-35-38

Акустическое пространство повести-сказки В.М. Шукшина «До третьих петухов»: лексико-семантический анализ

[1] Кабакова С.А., [1] Поняев Е.А., [1] Усова А.М.,
[1] Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова филиал Тюменского государственного университета

Аннотация: в статье проводится лексико-семантический анализ репрезентации звукового мира и акустической тишины в повести-сказке В.М. Шукшина «До третьих петухов». Акустические образы рассматриваются как структурообразующие элементы художественного пространства, участвующие в раскрытии философского замысла и характеризующие систему образов произведения. Цель исследования – выявить лексико-семантические средства создания звукового ландшафта и определить функциональную нагрузку противопоставления шума и тишины в тексте. Материалом исследования послужил текст повести-сказки В.М. Шукшина. В работе применены методы контекстуального анализа, лексико-семантической интерпретации и описательный метод. В ходе анализа выявлено, что звуковое пространство повести дифференцировано: хаотичный, «шумный» мир нечистой силы и бюрократической абсурдности противопоставлен сакральной тишине и акустическим маркерам истины (крик петуха). Установлено, что тишина у мастера слова выступает не как отсутствие звука, а как активная семантическая категория, маркирующая моменты экзистенциального выбора и духовного пробуждения. Результаты работы могут быть использованы в курсах поэтики В.М. Шукшина, стилистики и лингвистического анализа текста.

Ключевые слова: В.М. Шукшин, повесть-сказка, «До третьих петухов», акустическое пространство, лексико-семантический анализ, звуковой образ, тишина, фольклорная традиция, поэтика

Для цитирования: Кабакова С.А., Поняев Е.А., Усова А.М. Акустическое пространство повести-сказки В.М. Шукшина «До третьих петухов»: лексико-семантический анализ // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 35 – 38. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-35-38

Поступила в редакцию: 7 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 4 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

The acoustic space of V.M. Shukshin's fiction-tale "Until the Third Cock Crow": lexico-semantic analysis

[1] Kabakova S.A., [1] Ponyayev E.A., [1] Usova A.M.,
[1] Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) University of Tyumen

Abstract: the article provides a lexical and semantic analysis of the representation of the sound world and acoustic silence in V.M. Shukshin's fairy tale "Until the Third Cock Crow". Acoustic images are considered as structural elements of the artistic space that contribute to the disclosure of the philosophical concept and characterize the system of images in the work. The purpose of the study is to identify the lexical and semantic means of creating a sound landscape and to determine the functional significance of the juxtaposition of noise and silence in the text. The study is based on the text of V.M. Shukshin's fairy tale. The paper uses methods of contextual analysis, lexical-semantic interpretation, and descriptive analysis. The analysis reveals that the sound space of the story is differentiated: the chaotic, "noisy" world of evil spirits and bureaucratic absurdity is contrasted with sacred silence and acoustic markers of truth (the crowing of a rooster). It is established that silence in V.M. Shukshin's work is not just the absence of sound but an active semantic category that marks moments of existential choice and spir-

itual awakening. The results of the work can be used in courses of V. M. Shukshin's poetics, stylistics and linguistic analysis of the text.

Keywords: V.M. Shukshin, the fairy tale story, "Until the Third Cock Crow", acoustic space, lexical-semantic analysis, sound image, silence, folklore tradition, poetics

For citation: Kabakova S.A., Ponyayev E.A., Usova A.M. The acoustic space of V.M. Shukshin's fiction-tale "Until the Third Cock Crow": lexico-semantic analysis. Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 35 – 38. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-35-38

The article was submitted: July 7, 2026; Approved after reviewing: August 4, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

Творчество В.М. Шукшина представляет собой сложный сплав реалистической прозы, фольклорных традиций и философской притчи. Повесь-сказка «До третьих петухов» занимает в этом наследии особое место, являясь примером бурлескно-сатирического переосмысления фольклорных сюжетов[1; 9]. Исследователи неоднократно обращались к сказочной матрице шукшинского текста, отмечая преемственность его традициям скоморошин, антисказок и народной смеховой культуры [5; 7]. В произведении В.М. Шукшина можно заметить отсылки к русскому фольклору. Это уже знакомые нам сказочные образы вроде Змея Горыныча и Бабы-Яги. Через их переосмысленные образы проступают важные для народной культуры представления о мире [2; 3].

Сюжет и систему от персонажей исследователи изучили довольно хорошо. Однако звуковую сторону текста они замечают редко. Кроме того, у В.М. Шукшина все звуки не случайны. Будь то сами звуки, паузы или тишина. Все это помогает раскрыть скрытые философские смыслы. Как отмечают современные литературоведы: особенность художественного мира В.М. Шукшина и проявление в нём национального характера легче понять, если внимательно посмотреть на язык и стиль автора [8]. Исследование важно, потому что нужно подробно разобрать, какими словами в повести передаются звуки и тишина. Звуки формируют ощущение пространства, времени. Они показывают границу между мирами – между миром абсурда, зла и миром чего-то священного. Цель работы – понять, какую роль играют образы, связанные со звуком, а также определить, с помощью каких слов автор выражает в тексте данные образы.

Материалы и методы исследований

В основе исследования – повесть-сказка В.М. Шукшина «До третьих петухов». Чтобы разобраться в значении слов, которые передают звуки, используется лексико-семантический анализ. А метод контекстуальных срезов применяется для того, чтобы понять, как образы звука работают в разных частях повествования.

Результаты и обсуждения

В повести-сказке В.М. Шукшина «До третьих петухов» звуки – это не просто фон. Звуки также активно участвуют в рассказе. Они помогают раскрыть характеры героев, создают нужную атмосферу и, кроме того, несут особый символический смысл. Звуковая картина в тексте строится на контрасте. С одной стороны – хаотичный шум, с другой – тишина, наделённая глубоким, почти священным значением. При этом каждый звуковой образ чётко связан с определённым миром или уровнем реальности. Там, где движется главный герой Иван – в мире нечистой силы, абсурдной бюрократии и ложной «мудрости», – царит назойливый, режущий слух шум. Он указывает на бесконечный хаос и нелепость всего этого пространства. Анализ слов в повести «До третьих петухов» показывает, что В.М. Шукшин специально подбирает глаголы, чтобы передать хаотичные, механические или даже пугающие звуки. С их помощью он рисует мир, полный беспорядка. В «демоническом» пространстве никакой гармонии нет, умиротворения тоже. Есть только звуки, очень похожие на грохот и скрежет. Они подчёркивают суету, ложь и внутреннюю пустоту. Шум в этом пространстве выступает как полная противоположность покою и правде. Интересно и то, как в повести меняется смех. Часто смех выступает источником очищения, помогает снять напряжение и расслабиться. Это в народных традициях. Напротив, у В.М Шукшина в этом сатирическом мире смех становится гротескным, неестественным. Исследователи отмечают, что здесь будто действует «запрет на смех» либо автор по-своему его переосмысляет [4; 5].

В повести тишина – это не просто отсутствие шума. У В.М. Шукшина тишина выглядит «живой» и выразительной. Автор гармонично подбирает слова. Так получается, что тишина как будто выполняет какие-

либо действия сама по себе. Например, она может давить, звенеть, наступать. Она имеет особую силу. У этой тишины есть несколько важных ролей. Самое главное – она создаёт пространство для размышлений. Вокруг становится тихо, не слышно шума, герой остаётся один на один с собой. Тогда он может подумать о том, что с ним происходит, может осмыслить свой путь. Далее хочется отметить, что тишина служит ярким знаком – знаком чего-то важного и настоящего. Часто она появляется перед тем, как в повести возникают по-настоящему значимые, народные или даже божественные образы. Так тишина словно отмечает переход из мира нелепицы и абсурда в мир истины.

В повести тишина показывает еще и одиночество героя. Например, когда Иван сталкивается с безразличием окружающих. В этих сценах с «несмеянами» или лжемудрецами, тишина словно говорит, что люди глухи духовно, что поговорить по душам не получится. Люди не слышат друг друга, и это на самом деле страшно. Главным звуковым образом всей повести считается крик петуха. Поэтому он даже вынесен в название. В русском фольклоре петух – это символ солнца, вестник рассвета. И считается, что голос петуха отгоняет нечистую силу. В.М. Шукшин достаточно плавно вплетает в свою сказку этот устоявшийся образ.

Выражение «третьи петухи» – это не просто отметка времени, не просто предрассветный час. Это звуковой рубеж. И именно он отделяет ночь от дня. Ночь здесь символизирует время неких заблуждений, иллюзий и встреч с нечистью, а день – наоборот. Это время, когда наступает пробуждение и приходит истина. В тексте крик петуха будто разрушает тот фантастический или даже искажённый мир, который видит Иван. Иллюзии рассыпаются. Герои снова оказываются в реальности. Получается, что этот звук – и двигатель сюжета, и важный философский символ.

У В.М. Шукшина очень выразительно передаются звуки из-за богатой народной речи. Он использует диалектизмы, просторечные слова, а также привычные для фольклора обороты при описании как шума, так и тишины. Благодаря этому его текст звучит так, будто его рассказывают вслух. Он становится как традиционный устный сказ. И в первую очередь на эту особенность стиля написания текстов В. М. Шукшина обращали внимание разные исследователи [6; 8].

Выводы

В заключение хочется сказать, что анализ слов, которыми автор передаёт звуки, показывает, что и звуковой мир, и тишина в повести-сказке «До третьих петухов» являются частью художественного строя произведения. Они не просто дополняют текст, а полноценно участвуют в нём.

В повести В.М. Шукшина звуковое оформление текста неоднородно. Резкий, нестройный шум словно очерчивает мир абсурда, нечистой силы и духовной слепоты. Это хорошо видно в эпизоде, где звучит реплика: «Это где же так дивно поют и пляшут? Где так умеют радоваться? Э-э!.. То в монастыре. Черти. Монахов они оттуда всех выгнали, а сами веселятся» [10].

Напротив, тишина в произведении – не просто отсутствие звуков, а нечто более значимое. Эта тишина становится пространством для внутреннего осмысления и встречи с истиной. Например, в сцене, когда «Иван только рукой махнул, не стал говорить – больно было говорить», тишина передаёт глубину его переживания, когда слова просто не нужны» [10].

Важнейшим звуковым образом повести остаётся крик «третьих петухов». Этот оглушительный, чаще раздражающий звук работает как граница между разными мирами. Он опирается на уже привычные фольклорные представления. Этот звук означает духовное пробуждение, некий переход от тьмы и иллюзий к яркому свету и правде.

В дальнейшем было бы интересно сравнить, как В.М. Шукшин выстраивает звуковые образы в своей сказочной прозе. А также, как они выглядят в наших традиционных русских сказках. Ещё одна перспективная задача – разобраться, как передать такие насыщенные символами звуки при переводе на другие языки. Ведь важно сохранить не только значение, но и культурный подтекст.

Список источников

1. Кабакова С.А., Шадрина Е.А., Миллер П.С., Лютова М.Е. Трансформация образа монастыря в творчестве В.М. Шукшина // Вестник филологических наук. 2025. Т. 5. № 12. С. 245 – 250.

2. Колупаева Н.А., Бедарева И.А. Фольклорные элементы в сказке В.М. Шукшина «До третьих петухов» // Алтайский текст в русской культуре: сборник научных статей X международной научно-практической конференции. Барнаул, 2023. С. 64 – 66.

3. Дуров А.А. Проблемы трансляции народной культуры на примере сказки В.М. Шукшина «До третьих петухов» // Творчество В.И. Лихоносова и актуальные проблемы развития языка, литературы, журналистики, истории: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2020. С. 23 – 30.

4. Ольхова А.Ю. «Запрет смеха» в повести-сказке В.М. Шукшина «До третьих петухов» // Филология и человек. 2009. № 2. С. 161 – 167.

5. Московкина Е.А. Народное искусство в поэтике В.М. Шукшина // Учёные записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2022. № 3. С. 36 – 44.

6. Куляпин А.И. Эволюция творчества // Творчество В. М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник. Т. 2: Эстетика и поэтика прозы В. М. Шукшина. Барнаул, 2006. С. 30 – 33.

7. Шустов М.П., Степанов А.С. Сказка как матрица художественного текста В.М. Шукшина // Вестник Марийского государственного университета. 2020. Т. 14. № 1. С. 130 – 139.

8. Карташова Е.Н. Творчество В.М. Шукшина: перспективы лингвистических исследований // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 1 (40). С. 82 – 87.

9. Коренькова Т.В., Шао Сыцзя Творческие принципы переосмысления фольклорных сказочных персонажей в повести В. Шукшина «До третьих петухов» // Новый филологический вестник. 2024. № 1 (68). С. 189 – 202.

10. Шукшин В.М. До третьих петухов. Москва: детская литература, 2009. 302 с.

References

1. Kabakova S.A., Shadrina E.A., Miller P.S., Lyutova M.E. Transformation of the image of the monastery in the works of V.M. Shukshin. Bulletin of philological sciences. 2025. Vol. 5. No. 12. P. 245 – 250.

2. Kolupaeva N.A., Bedareva I.A. Folklore elements in V.M. Shukshin's fairy tale "Until the third rooster crows". Altai text in Russian culture: collection of scientific articles from the X international scientific and practical conference. Barnaul, 2023. P. 64 – 66.

3. Durov A.A. Problems of broadcasting folk culture on the example of V.M. Shukshin's fairy tale "Until the third rooster crows". Works of V.I. Likhonosov and Current Issues in the Development of Language, Literature, Journalism, and History: Proceedings of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference. Krasnodar, 2020. P. 23 – 30.

4. Olkhova A.Yu. "The Ban on Laughter" in V.M. Shukshin's Fairy Tale "Until the Rooster Crows Thrice". Philology and Man. 2009. No. 2. P. 161 – 167.

5. Moskovkina E.A. Folk Art in the Poetics of V.M. Shukshin. Scientific Notes (Altai State Academy of Culture and Arts). 2022. No. 3. P. 36 – 44.

6. Kulyapin A.I. Evolution of Creativity. The Works of V. M. Shukshin: An Encyclopedic Dictionary and Reference Book. Vol. 2: Aesthetics and Poetics of V. M. Shukshin's Prose. Barnaul, 2006. P. 30 – 33.

7. Shustov M.P., Stepanov A.S. Fairy Tale as a Matrix of V. M. Shukshin's Fiction. Bulletin of the Mari State University. 2020. Vol. 14. No. 1. P. 130 – 139.

8. Kartashova E.N. V. Shukshin's Works: Prospects for Linguistic Research. Current Issues in Modern Philology and Journalism. 2021. No. 1 (40). P. 82 – 87.

9. Korenkova T.V., Shao Sijia Creative Principles of Reinterpreting Folklore Fairy-Tale Characters in V. Shukshin's Story "Before the Third Rooster Crows". New Philological Bulletin. 2024. No. 1 (68). P. 189 – 202.

10. Shukshin V.M. Until the third roosters. Moscow: children's literature, 2009. 302 p.

Информация об авторах

Кабакова С.А., кандидат филологических наук, доцент, Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова, филиал Тюменского государственного университета, svetlana-igpi@mail.ru

Поняев Е.А., Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова, филиал Тюменского государственного университета, stud0000316143@utmn.ru

Усова А.М., Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова, филиал Тюменского государственного университета stud0000312403@utmn.ru

© Кабакова С.А., Поняев Е.А., Усова А.М., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070+94(47)+81'42
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-39-45

Лингвосемиотические механизмы героизации в медиадискурсе печатных СМИ Донбасса 1941-1945 гг.

[1] Кононова Е.А.,
[1] Донецкий государственный медицинский университет имени М. Горького Минздрава России

Аннотация: в статье исследуются лингвосемиотические механизмы героизации в медиадискурсе печатных СМИ Донбасса 1941-1945 гг. Печатная пресса рассматривается как институциональный канал массовой коммуникации, формировавший ценностно ориентированную модель восприятия подвига. Выявлены механизмы номинации героя, аксиологической маркировки, символизации поступка, нарративной драматизации, вербальной визуализации и коллективной типизации. Доказывается, что героизация в газетном медиадискурсе осуществлялась не только средствами оценочной лексики, но и через устойчивые семиотические оппозиции, композиционные схемы и жанровые формы репортажа, корреспонденции, очерка и хроники.

Ключевые слова: медиадискурс, печатные СМИ, Донбасс, героизация, лингвосемиотика, журналистика, медиакоммуникации, газетный текст, военная корреспонденция, образ героя

Для цитирования: Кононова Е.А. Лингвосемиотические механизмы героизации в медиадискурсе печатных СМИ Донбасса 1941-1945 гг. // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 39 – 45. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-39-45

Поступила в редакцию: 8 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 5 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

Linguistic and semiotic mechanisms of glorification in the media discourse of the print media of Donbass 1941-1945

[1] Kononova E.A.,
[1] Donetsk State Medical University named after M. Gorky Ministry of Health of the Russian Federation

Abstract: the article examines the linguistic and semiotic mechanisms of glorification in the media discourse of the print media of Donbass 1941-1945 in the aspect of scientific specialty 5.9.9 "Media Communications and journalism". The print press is considered as an institutional channel of mass communication, which formed a value-oriented model of perception of a feat. The mechanisms of hero nomination, axiological labeling, action symbolization, narrative dramatization, verbal visualization, and collective typing are revealed. It is proved that heroization in newspaper media discourse was carried out not only by means of evaluative vocabulary, but also through stable semiotic oppositions, compositional schemes and genre forms of reportage, correspondence, essays and chronicles.

Keywords: media discourse, print media, Donbass, heroization, linguosemiotics, journalism, media communications, newspaper text, military correspondence, hero image

For citation: Kononova E.A. Linguistic and semiotic mechanisms of glorification in the media discourse of the print media of Donbass 1941-1945. Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 39 – 45. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-39-45

The article was submitted: July 8, 2026; Approved after reviewing: August 5, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

Медиадискурс печатных СМИ Донбасса 1941-1945 гг. представляет собой значимый объект журналистиковедческого анализа, поскольку именно газета в данный период выступала одним из базовых каналов публичной репрезентации социально значимых событий, поступков и образов, поскольку в условиях предельной исторической напряжённости печатное слово выполняло не только информационную, но и интегративную, аксиологическую, мобилизационную и мемориальную функции, вследствие чего газетная публикация становилась медиатекстом, в котором факт включался в систему общественных смыслов, а конкретный поступок получал статус символически значимого действия [1, с. 15].

Актуальность темы обусловлена необходимостью изучения механизмов, с помощью которых региональная пресса формировала образ героя. В исследовательской перспективе важно рассматривать героизацию не как простое использование положительной оценки, а как комплексную медиакоммуникационную технологию, реализуемую на уровне лексики, композиции, жанра, визуально-словесной детализации и системы знаков, потому что лингвосемиотический подход позволяет раскрыть, каким образом газетный текст преобразовывал событие в знак общественной памяти, а индивидуальное действие – в коммуникативную модель нравственного поведения [2, с. 17].

Объектом исследования является медиадискурс печатных СМИ Донбасса 1941-1945 гг., предметом – выступают лингвосемиотические механизмы героизации, посредством которых в газетных материалах конструировались образы советских воинов, партизан, тружеников тыла, подпольщиков, жителей региона, проявлявших мужество, стойкость и верность коллективным ценностям [3, с. 21].

Цель статьи – выявить и систематизировать основные лингвосемиотические механизмы героизации в печатном медиадискурсе Донбасса 1941-1945 гг., для достижения которой необходимо определить теоретические основания анализа, охарактеризовать жанровую среду героизирующего медиатекста, рассмотреть номинативные, аксиологические, нарративные и визуально-семиотические средства создания образа героя [4, с. 231].

Материалы и методы исследований

Теоретико-методологические основания исследования. Методологическую базу работы составляют медиадискурсивный, лингвосемиотический, жанрово-стилистический и коммуникативно-прагматический подходы, так как, например, медиадискурсивный подход позволяет рассматривать газетные материалы как часть институциональной коммуникации, ориентированной на массового адресата, лингвосемиотический анализ направлен на выявление знаковых структур, через которые событие получает ценностное истолкование, жанрово-стилистический подход необходим для определения роли корреспонденции, репортажа, очерка, заметки и хроники в организации героического нарратива, а коммуникативно-прагматический анализ позволяет установить воздействующую направленность текста [5, с. 69].

Современные исследования репортажности, прямого включения, лингвомедийной природы оперативной коммуникации и правовых аспектов медиапрактики имеют значение для анализа исторической печати, несмотря на различие технологических платформ, а потому в работе, посвящённой актуализации лингвомедийного аспекта исследования прямого телевизионного включения, подчёркивается необходимость изучать медиасообщение как единство языковой формы, канала передачи и коммуникативного эффекта [1], так как данный принцип применим и к печатной прессе, потому что газетный материал функционирует как медиатекст, где слово выполняет одновременно информирующую, оценочную и символизирующую функции [6, с. 101].

Архитектоника прямоэфирных видов репортажа, рассмотренная ведущими донецкими учёными Л.Е. Шокотько, О.В. Подолиной, Е.А. Кононовой и др., позволяет учитывать композиционную организацию оперативного сообщения [2], в связи с чем для печатных СМИ 1941-1945 гг. особое значение имели структурные модели, создававшие эффект присутствия, то есть обозначение места, фиксация времени, описание действия, введение героя, кульминационный эпизод и итоговое обобщение и хотя газета не обладала технической непосредственностью эфира, она компенсировала это документальной детализацией и нарративной динамикой [7, с. 27].

Психолингвистический аспект воздействующих компонентов прямого включения, представленный в работе учёных Донецкого государственного медицинского университета им. М. Горького Н.В. Мишиной, Т.И. Заворотневой, Л.Е. Шокотько и др., важен для понимания эмоционально-прагматической природы ге-

роизирующего текста [3], а потому газетная героизация строится на управлении вниманием адресата, усилении эмоциональной реакции, закреплении ключевых оценок и создании образов, пригодных для коллективного воспроизведения [8, с. 31].

Исследования российского учёного, доктора филологических наук, доцента С.В. Карпия о репортаже, трансляции и прямом включении позволяют уточнить понятие медиальной непосредственности, так как автор показывает, что репортаж предполагает не только передачу факта, но и его журналистскую организацию [5; 6] и данное положение принципиально для анализа военной корреспонденции, так как журналист не просто сообщает о героическом поступке, а располагает факты в такой последовательности, при которой событие получает нравственно-публицистическое звучание [9, с. 49].

Результаты и обсуждения

Тема универсализации журналистской деятельности в медиасистемах Донбасса, затронутая основателем медиалингвистической научной школы Донбасса С.В. Карпиём, задаёт важный контекст для понимания региональной специфики журналистики как деятельности, соединяющей информационные, аналитические, репортажные и интерпретационные функции [4], в связи с чем исследования построения устной речи, визуализации и медиаправовых норм также продуктивны для данной работы, поскольку позволяют рассматривать газетный текст как сложную коммуникативную конструкцию, в которой факт, речь, образ и нормативная установка взаимодействуют в едином медиальном пространстве [7; 8; 9; 10; 10, с. 87].

Жанровая среда героизирующего медиадискурса. Печатные СМИ Донбасса 1941-1945 гг. использовали различные жанровые формы репрезентации подвига, в связи с чем наиболее значимыми были корреспонденция, репортаж, очерк, фронтовая заметка, хроникальное сообщение, портретная зарисовка и публицистический комментарий, а потому каждая из данных форм обладала собственным потенциалом героизации [1, с. 16].

Корреспонденция позволяла соединить фактографию и оценку, поскольку в ней фиксировалось конкретное событие, но одновременно предлагалась его интерпретация, то есть подвиг героя раскрывался через обстоятельства, последовательность действий, реакцию коллектива и итоговый вывод, а репортажная форма создавала эффект соприсутствия, то есть читатель как бы следовал за журналистом по маршруту события, воспринимая не только результат, но и сам процесс героического действия [2, с. 18].

Очерк обеспечивал персонализацию героизма, потому что в отличие от краткой заметки, он позволял включить биографические детали, портретные характеристики, речевые фрагменты, описание привычек и нравственных качеств персонажа, благодаря чему герой становился не отвлечённым символом, а узнаваемой личностью, но индивидуализация в газетном дискурсе не отменяла типизации, то есть конкретный человек представлял более широкий коллектив – подразделение, шахтёрский посёлок, заводскую бригаду, партизанскую группу, семью, поколение [3, с. 22].

Хроникальное сообщение выполняло функцию документального основания, так как лаконичная форма, точность формулировок, перечисление фактов и результатов создавали впечатление достоверности, из-за чего даже в краткой хронике могли присутствовать элементы героизации, то есть выбор оценочного эпитета, расположение фактов, выделение результата, контраст между опасностью и выдержкой героя [4, с. 232].

Жанровая среда печатной прессы таким образом формировала многоуровневую модель героического медиатекста, так как, например. репортаж давал динамику, очерк – личность, хроника – документальность, корреспонденция – общественную интерпретацию, публицистический комментарий – ценностное обобщение [5, с. 70].

Номинативные механизмы героизации. Одним из базовых лингвосемиотических механизмов героизации является номинация, поскольку через именование медиатекст определяет статус персонажа, задаёт отношение к нему и включает его в определённое семантическое поле, из-за чего в печатных СМИ Донбасса герой назывался не только по имени, фамилии, профессии или воинской принадлежности, но и через ценностно маркированные обозначения [6, с. 102].

Номинации типа «отважный разведчик», «стойкий боец», «мужественный партизан», «самоотверженный труженик», «верный товарищ» выполняли не описательную, а интерпретационную функцию, поскольку они заранее сообщали адресату, в какой системе координат следует воспринимать персонажа, из-за чего имя героя становилось знаком подвига, а социальный статус – знаком принадлежности к коллективу [7, с. 28].

Особое значение имели профессиональные и региональные номинации, поскольку для донбасского медиадискурса характерна связь героизма с трудовой идентичностью, в связи с чем образ шахтёра, металлурга, железнодорожника, рабочего, ставшего бойцом или участником сопротивления, позволял соединить

трудовую и боевую семиотику, так как профессия выступала не биографической подробностью, а знаком характера – дисциплины, выносливости, коллективизма, способности действовать в условиях риска [8, с. 32].

Номинативная героизация также реализовывалась через множественное число и коллективные обозначения «воины», «партизаны», «земляки», «рабочие Донбасса», «защитники», «товарищи», поскольку в данных формах индивидуальный подвиг включался в коллективную картину действия, а герой не противопоставлялся общности и воспринимался как её наиболее выразительное проявление [9, с. 50].

Аксиологическая маркировка и семиотические оппозиции. Героизация невозможна без аксиологической маркировки, то есть без языкового закрепления положительной ценности поступка. В газетном медиадискурсе 1941-1945 гг. аксиологическая структура создавалась за счёт оценочной лексики, метафор, эпитетов, синтаксического усиления и повторов, но её глубинную основу составляли устойчивые семиотические оппозиции [10, с. 88].

Наиболее продуктивной была оппозиция «личное – общее», поскольку героический поступок представлялся как отказ от индивидуального комфорта ради коллективной цели, причём личность героя не растворялась полностью в массе: напротив, именно через добровольное подчинение себя общему делу она приобретала высокое символическое значение [1, с. 17].

Важную роль играла оппозиция «обыденное – исключительное», потому что газетный текст часто показывал героя как обычного человека, вышедшего из трудовой среды, семьи, повседневного коллектива, но в критической ситуации его поступок обретал исключительный характер, поскольку данная структура усиливала воспитательный эффект, в связи с чем подвиг становился не недостижимым чудом, а возможностью, заложенной в нравственной природе человека [2, с. 19].

Оппозиция «страх – мужество» позволяла драматизировать событие, так как опасность описывалась как объективная реальность, но внимание переносилось на способность героя преодолеть её, в результате чего героизм изображался не как отсутствие страха, а как волевое действие, совершаемое вопреки угрозе [3, с. 23].

Семиотически значимой была и оппозиция «разрушение – созидание», так как даже когда текст описывал экстремальные обстоятельства, он стремился показать героя как носителя сохраняющего начала: памяти, дома, труда, товарищества, будущего, а потому образ героя становился знаком устойчивости социального мира [4, с. 233].

Нарративная драматизация подвига. Нарративная организация является одним из ключевых механизмов героизации, поскольку газетный текст превращает событие в сюжет, а сюжет – в модель ценностного поведения, из-за чего типовая композиция героизирующего материала включает экспозицию, обозначение угрозы, появление героя, кульминационное действие, результат и публицистическое обобщение [5, с. 71].

Экспозиция задаёт пространственно-временную рамку, потому что указание места, времени, маршрута, участка работы или боя выполняет документирующую функцию, после чего следует описание угрозы или трудности, так как данный элемент необходим для повышения семантической значимости поступка, то есть чем сложнее обстоятельства, тем выразительнее выглядит действие героя [7, с. 29].

Кульминационный фрагмент обычно организован через динамические глаголы, краткие синтаксические конструкции, перечисления, интонацию напряжения, потому что в нём герой действует быстро, решительно и целенаправленно, после чего текст фиксирует результат – «спасение товарищей», «выполнение задания», «сохранение важного объекта», «поддержание производственного процесса», «помощь коллективу» [8, с. 33].

Финальное обобщение переводит событие из плана факта в план символа, так как именно здесь индивидуальный поступок получает значение примера, из-за чего проявляется медиакоммуникационная специфика героизации, то есть журналистский текст не ограничивается сообщением о случившемся, а производит общественно значимый смысл [9, с. 51].

Вербальная визуализация как семиотический механизм. Поскольку печатная газета не обладала аудиовизуальными средствами современной медиасреды, особое значение приобретала вербальная визуализация, так как она обеспечивала эффект наглядности и эмоциональной включённости читателя, вследствие чего исследования приёмов визуализации в прямом включении показывают, что медиасообщение воздействует сильнее, когда создаёт у адресата образ события [8] и в печатном тексте эта задача решалась языковыми средствами [10, с. 89].

Вербальная визуализация включала описание пространства, жестов, мимики, предметов, звуковой атмосферы, света, движения, деталей одежды и орудий труда, то есть, например, образ героя мог строиться через деталь руки, лица, взгляда, походки, рабочего инструмента, полевой сумки, письма, знамени, шахтёр-

ской каски или солдатской шинели и данные предметные знаки выполняли функцию семиотических маркеров: они связывали личность с профессией, коллективом, регионом и исторической ситуацией [2, с. 20].

Деталь в героизирующем медиатексте никогда не является нейтральной, потому что она отбирается таким образом, чтобы усилить достоверность и одновременно символизировать внутреннее качество персонажа, а сдержанная речь героя указывает на собранность, спокойный взгляд – на самообладание, следы труда – на связь с производственной культурой, простая биографическая подробность – на народность образа [5, с. 73].

Вербальная визуализация также создавала эффект медиальной непосредственности, который в современных исследованиях связывается с репортажем и прямым включением [5; 6], в связи с чем газета моделировала присутствие читателя при событии, используя последовательность наблюдений, пространственные ориентиры и чувственно воспринимаемые детали [8, с. 34].

Коллективная типизация образа героя. Героизация в печатных СМИ Донбасса 1941-1945 гг. строилась на взаимодействии индивидуального и коллективного, так как с одной стороны, текст называл конкретного человека, описывал его поступок и биографию, а с другой – данный человек становился типологическим представителем определённой социальной общности [9, с. 52].

Коллективная типизация проявлялась в том, что герой включался в ряд сходных персонажей, потому что он выступал как один из многих, но одновременно как лучший выразитель общих качеств и такая медиадискурсивная логика позволяла избежать восприятия подвига как исключительного и недостижимого и, напротив, героизм представлялся как качество, потенциально присущее коллективу [10, с. 90].

Для донбасского медиадискурса особенно важна связь образа героя с трудовой семиотикой региона, вследствие чего «шахта», «завод», «домна», «железная дорога», «рабочая бригада», «производственная дисциплина» становились знаками устойчивого характера, из-за чего герой печатной публикации часто мыслился как человек, чья стойкость сформирована трудовой средой, в чём и проявлялась региональная специфика героизации, так как подвиг осмыслялся не только в общегосударственной, но и в локальной системе символов [5, с. 73].

Коллективная типизация усиливала идентификационную функцию прессы, поскольку читатель видел в герое не далёкую фигуру, а представителя близкого социального мира, что повышало воздействующий потенциал публикации и превращало медиатекст в средство поддержания коллективной солидарности [5, с. 74].

Коммуникативные функции героизации. Лингвосемиотические механизмы героизации выполняли ряд коммуникативных функций и, например, информационная функция заключалась в сообщении о факте подвига, его обстоятельствах и участниках, но в газетном дискурсе она всегда соединялась с интерпретационной функцией: факт не оставался нейтральным, а получал оценочное объяснение [1, с. 16].

Аксиологическая функция состояла в закреплении представлений о должном поведении, так как через образ героя печать транслировала ценности мужества, верности, трудовой ответственности, товарищества, самообладания и общественной пользы, в связи с чем данные ценности не декларировались отвлечённо, а воплощались в конкретном сюжете [2, с. 18].

Мобилизационная функция проявлялась в том, что героический текст был ориентирован на ответную реакцию аудитории, поскольку он должен был не только вызвать эмоциональное переживание, но и стимулировать практическое действие – «трудовую активность», «дисциплину», «взаимопомощь», «готовность к преодолению трудностей» [3, с. 21].

Идентификационная функция обеспечивала связь между героем и читателем, так как через региональные реалии, профессиональные номинации, коллективные образы и предметные детали пресса создавала ощущение сопричастности и подвиг становился частью общего символического пространства [4, с. 231].

Мемориальная функция заключалась в переводе события в пространство общественной памяти, в связи с чем газетный текст фиксировал имена, поступки, обстоятельства, тем самым превращая оперативное сообщение в документ культурной памяти, из-за чего печатные СМИ Донбасса 1941-1945 гг. следует рассматривать не только как источник информации, но и как медиальный механизм исторической символизации [5, с. 70].

Выводы

Лингвосемиотические механизмы героизации в медиадискурсе печатных СМИ Донбасса 1941-1945 гг. представляют собой сложную систему языковых, жанровых, композиционных и знаковых средств, вследствие чего героический образ формировался не посредством отдельного оценочного эпитета, а через взаи-

модействие номинации, аксиологической маркировки, семиотических оппозиций, нарративной драматизации, вербальной визуализации и коллективной типизации.

Печатная пресса создавала медиакоммуникационную модель подвига, в которой индивидуальное действие получало общественное значение, благодаря чему герой выступал одновременно конкретной личностью, представителем коллектива и символом устойчивых ценностей и особенно значимой для донбасского материала была связь героизма с трудовой и региональной идентичностью: профессиональные, локальные и предметные знаки включали подвиг в узнаваемое пространство повседневной культуры.

Жанровая структура героизирующего медиадискурса включала корреспонденцию, репортаж, очерк, хронику и публицистический комментарий, так как каждая форма вносила собственный вклад в создание образа героя: репортаж обеспечивал динамику и эффект присутствия, очерк – персонализацию, хроника – документальность, корреспонденция – интерпретационную полноту, комментарий – ценностное обобщение.

Таким образом, медиадискурс печатных СМИ Донбасса 1941-1945 гг. выполнял информационную, аксиологическую, идентификационную, мобилизационную и мемориальную функции, а героизация в нём была не только стилистическим приёмом, но и способом организации массового сознания, закрепления коллективных ориентиров и формирования исторической памяти средствами журналистики.

Список источников

1. Карпий С.В., Игнатенко Г.А., Заворотнева Т.И., Кононова Е.А. Актуализация лингвомедийного аспекта исследования прямого телевизионного включения // Проектирование. Опыт. Результат. 2021. № 2. С. 15 – 17.

2. Шокотько Л.Е., Подолина О.В., Кононова Е.А. и др. Архитектоника прямоэфирных видов репортажа: история вопроса // Социально-экономические, историко-правовые и философские исследования: Материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 18 августа 2023 года. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Рукопись", 2023. С. 17 – 20.

3. Мишина Н.В., Заворотнева Т.И., Шокотько Л.Е. и др. Воздействующие компоненты прямого включения: психолингвистический аспект // Современные тенденции развития науки и техники: теория, методология, практика: материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 22 июля 2023 года. Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Манускрипт", 2023. С. 21 – 23.

4. Карпий С.В. Универсализация деятельности журналистов в условиях информационно-психологического противоборства систем СМИ Донбасса // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы V Международной научной конференции, Донецк, 17-18 ноября 2020 года. Донецк: Донецкий национальный университет, 2020. С. 231 – 233.

5. Карпий С.В. Отождествление и противопоставление понятий "трансляция" и "репортаж" в тележурналистике // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 3 (18). С. 69 – 74.

6. Карпий С.В. Прямое включение как специфический телеформат // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2019. № 4. С. 101 – 102.

7. Элизбарашвили Л.Г., Парамонова Т.И., Шакович Ю.В. и др. Построение устной речи в различных видах прямого включения // Современные тенденции развития науки и техники: теория, методология, практика: материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 22 июля 2023 года. Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Манускрипт", 2023. С. 27 – 29.

8. Цатыньян К.В., Шевченко Д.В., Заворотнева Т.И. и др. Приёмы визуализации в прямом включении и следствие их развития // Психолого-педагогические, лингвокультурологические парадигмы современности: Материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 11 августа 2023 года. Краснодар: ПРОФНАУКА, 2023. С. 31 – 34.

9. Заворотнева Т.И., Косенкова-Дудник Е.А., Якобчук А.В. и др. Прямое включение в аспекте стандартов и норм медиаправа // Социально-экономические, историко-правовые и философские исследования: Материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 18 августа 2023 года. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Рукопись", 2023. С. 49 – 52.

10. Элизбарашвили Л.Г., Парамонова Т.И., Шакович Ю.В. и др. Реализация комплекса юридических норм в прямом включении // Социально-экономические, историко-правовые и философские исследования: Материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 18 августа 2023 года. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Рукопись", 2023. С. 87 – 90.

References

1. Karpiy S.V., Ignatenko G.A., Zavorotneva T.I., Kononova E.A. Updating the Linguistic Media Aspect of Live Television Broadcast Research. Design. Experience. Result. 2021. No. 2. P. 15 – 17.
2. Shokotko L.E., Podolina O.V., Kononova E.A., et al. Architectonics of Live Broadcast Reporting Types: History of the Issue. Socio-Economic, Historical, Legal, and Philosophical Research: Proceedings of the XVIII All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, August 18, 2023. Moscow: Limited Liability Company "Rukopis", 2023. P. 17 – 20.
3. Mishina N.V., Zavorotneva T.I., Shokotko L.E. and others. Influencing components of direct inclusion: psycholinguistic aspect. Modern trends in the development of science and technology: theory, methodology, practice: materials of the XVII All-Russian scientific and practical conference, Rostov-on-Don, July 22, 2023. Rostov-on-Don: Limited Liability Company "Manuscript Publishing House", 2023. P. 21 – 23.
4. Karpiy S.V. Universalization of Journalists' Activities in the Context of Information and Psychological Confrontation of Donbass Media Systems. Donetsk Readings 2020: Education, Science, Innovation, Culture, and Modern Challenges: Proceedings of the V International Scientific Conference, Donetsk, November 17-18, 2020. Donetsk: Donetsk National University, 2020. P. 231 – 233.
5. Karpiy S.V. Identification and Contrast of the Concepts of "Broadcast" and "Reportage" in Television Journalism. Upper Volga Philological Bulletin. 2019. No. 3 (18). P. 69 – 74.
6. Karpiy S.V. Direct Inclusion as a specific television format. Bulletin of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism. 2019. No. 4. P. 101 – 102.
7. Elizbarashvili L.G., Paramonova T.I., Shakovich Yu.V., et al. Construction of oral speech in various types of direct inclusion. Modern trends in the development of science and technology: theory, methodology, practice: materials of the XVII All-Russian scientific and practical conference, Rostov-on-Don, July 22, 2023. Rostov-on-Don: Limited Liability Company "Manuscript Publishing House", 2023. P. 27 – 29.
8. Tsatynyan K.V., Shevchenko D.V., Zavorotneva T.I. and others. Techniques of visualization in live broadcasting and the consequences of their development. Psychological, pedagogical, linguacultural paradigms of our time: Proceedings of the XVII All-Russian scientific and practical conference, Krasnodar, August 11, 2023. Krasnodar: PROFNAUKA, 2023. P. 31 – 34.
9. Zavorotneva T.I., Kosenkova-Dudnik E.A., Yakobchuk A.V. et al. Live broadcasting in terms of media law standards and norms. Socio-economic, historical, legal and philosophical studies: Proceedings of the XVIII All-Russian scientific and practical conference, Moscow, August 18, 2023. Moscow: Limited Liability Company "Rukopis", 2023. P. 49 – 52.
10. Elizbarashvili L.G., Paramonova T.I., Shakovich Yu.V., et al. Implementation of a Complex of Legal Norms in Direct Inclusion. Socio-Economic, Historical, Legal, and Philosophical Research: Proceedings of the XVIII All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, August 18, 2023. Moscow: Limited Liability Company "Rukopis", 2023. P. 87 – 90.

Информация об авторе

Кононова Е.А., аспирант, Донецкий государственный медицинский университет имени М. Горького Минздрава России, eskalive25@gmail.com

© Кононова Е.А., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070+81'42+94(47)
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-46-52

Жанровая система военной журналистики Донбасса: информационные, аналитические и художественно-публицистические формы

[1] Руденко П.В.,
[1] Донецкий государственный медицинский университет имени М. Горького Минздрава России

Аннотация: в статье рассматривается жанровая система военной журналистики Донбасса как исторически обусловленная модель медиакоммуникации, функционировавшая в условиях экстремальной социальной ситуации. В рамках научной специальности 5.9.9 «Медиакоммуникации и журналистика» анализируются информационные, аналитические и художественно-публицистические формы региональной прессы, их структурные, прагматические и медиалингвистические особенности. Установлено, что военный газетный дискурс опирался на жанровую мобильность, документальность, экспрессивность и адресную направленность. Доказывается, что жанровая организация публикаций обеспечивала не только информирование аудитории, но и интерпретацию событий, ценностную консолидацию, формирование коллективной памяти и поддержание социальной устойчивости регионального сообщества.

Ключевые слова: военная журналистика, Донбасс, жанровая система, медиакоммуникации, информационные жанры, аналитические жанры, художественно-публицистические жанры, газетный дискурс, медиалингвистика, региональная пресса

Для цитирования: Руденко П.В. Жанровая система военной журналистики Донбасса: информационные, аналитические и художественно-публицистические формы // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 46 – 52. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-46-52

Поступила в редакцию: 9 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 6 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

The genre system of military journalism in Donbass: informational, analytical, and artistic-journalistic forms

[1] Rudenko P.V.,
[1] Donetsk State Medical University named after M. Gorky Ministry of Health of the Russian Federation

Abstract: the article examines the genre system of military journalism in Donbass as a historically determined model of media communication that functioned in an extreme social situation. Within the framework of the scientific specialty 5.9.9 "Media Communications and Journalism", the information, analytical and artistic-journalistic forms of the regional press, their structural, pragmatic and media linguistic features are analyzed. It is established that the military newspaper discourse was based on genre mobility, documentary, expressivity and targeted orientation. It is proved that the genre organization of publications provided not only information to the audience, but also interpretation of events, value consolidation, formation of collective memory and maintenance of social stability of the regional community.

Keywords: military journalism, Donbass, genre system, media communications, information genres, analytical genres, artistic and journalistic genres, newspaper discourse, media linguistics, regional press

For citation: Rudenko P.V. The genre system of military journalism in Donbass: informational, analytical, and artistic-journalistic forms. Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 46 – 52. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-46-52

The article was submitted: July 9, 2026; Approved after reviewing: August 6, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

Жанровая система военной журналистики представляет собой особый объект исследования для современной науки о медиакоммуникациях, поскольку в периоды предельного общественного напряжения печатные издания изменяют не только тематическую повестку, но и способы текстовой организации факта, вследствие чего газетный материал становится средством оперативного сообщения, социального объяснения, эмоционального воздействия и символического закрепления коллективного опыта и в данном отношении военная журналистика Донбасса демонстрирует сложную жанровую конфигурацию, в которой информационные, аналитические и художественно-публицистические формы взаимодействуют как элементы единого коммуникативного механизма [1, с. 17].

Донбасс как индустриальный регион обладал развитой традицией печатной коммуникации, так как впервые в истории субъекта рассмотренная историческая преемственность региональной прессы, рассмотренная ведущим российским филологом С. В. Карпиём на материале печати Донбасса 1919-1932 гг., позволяет учитывать устойчивые черты местного газетного дискурса, то есть ориентацию на производственный коллектив, социальную мобилизацию, связь публикации с практическими задачами аудитории, активное использование образа труда как ценностного основания региональной идентичности [5], вследствие чего в военной журналистике данные признаки получили новое функциональное наполнение, потому что жанр становился не только формой подачи материала, но и способом организации общественного восприятия событий [2, с. 21].

Актуальность исследования определяется необходимостью уточнения жанровой природы военной региональной прессы, поскольку современное медиаведение уделяет значительное внимание оперативным формам коммуникации, репортажности, медиалингвистике, визуально-вербальной структуре сообщения и воздействующим механизмам медиатекста [1; 2; 3; 4; 7; 10], так как данные подходы продуктивны и при анализе исторической печати, поскольку позволяют рассматривать газетный жанр как комплексную коммуникативную модель, объединяющую факт, композицию, оценку, речевую стратегию и адресное воздействие [3, с. 51].

Цель настоящей статьи – выявить особенности жанровой системы военной журналистики Донбасса через характеристику информационных, аналитических и художественно-публицистических форм, объектом исследования – военный газетный дискурс Донбасса как часть региональной медиасистемы, а предметом выступают жанровые формы и их коммуникативно-прагматические функции [4, с. 31].

Материалы и методы исследований

Исследование основано на теоретико-типологическом анализе жанров военной региональной журналистики, в связи с чем методологическую базу составляют медиадискурсивный, жанрово-стилистический, медиалингвистический и коммуникативно-прагматический подходы [5, с. 85].

Теоретическое значение для работы имеют исследования прямого репортажа, прямого включения и вещательной медиалингвистики и несмотря на различие печатной и аудиовизуальной среды, принципы оперативности, структурирования события, создания эффекта присутствия и адресного эмоционального включения могут быть применены к изучению газетного текста, в связи с чем анализ архитектоники прямоэфирных видов репортажа подчёркивает значимость композиционной организации материала [1], а изучение визуально-вербальных составляющих прямого репортажа позволяет рассматривать газетную образность как особую форму вербальной визуализации [10; 6, с. 27].

Информационные жанры военной журналистики Донбасса. Информационный блок военной журналистики Донбасса включал заметку, хронику, сообщение, информационную корреспонденцию, краткий репортажный отчёт, поскольку данные формы обеспечивали первичную медиатизацию события и их основная функция состояла в оперативной передаче фактов, однако даже лаконичные публикации не были нейтральными в полном смысле слова, из-за чего в условиях экстремальной коммуникации факт включался в ценностную рамку, а отбор информации подчинялся задачам общественной значимости [7, с. 31].

Заметка выступала базовым жанром информационной коммуникации, потому что её структура строилась на сжатом изложении события, указании места, участников, результата и социального смысла, а для

военной прессы характерна повышенная плотность сообщения, поскольку небольшой текст должен был не только информировать, но и фиксировать образец действия, обозначать норму поведения, поддерживать уверенность аудитории, вследствие чего заметка часто приобретала признаки микронарратива, то есть в ней присутствовали исходная ситуация, действие и результат [8, с. 49].

Хроника выполняла функцию последовательной фиксации событийного ряда, а потому в отличие от развёрнутой корреспонденции, хроникальный материал был ориентирован на темп и регулярность обновления информации, а его медиакоммуникативная ценность заключалась в создании ощущения непрерывности общественной жизни, из-за чего для регионального читателя хроника была способом включения в общую информационную картину, где локальное событие соотносилось с более широким контекстом [9, с. 87].

Результаты и обсуждения

Информационная корреспонденция занимала промежуточное положение между сообщением и аналитическим текстом, поскольку она сохраняла фактографическую основу, но включала элементы объяснения, авторского отбора деталей, характеристики участников, а потому в военной журналистике Донбасса корреспонденция была особенно востребована, поскольку позволяла соединить оперативность с конкретикой региональной жизни – производственной, городской, посёлковой, фронтовой, тыловой [10, с. 27].

Репортажная форма в печатной журналистике обеспечивала эффект присутствия, в контексте чего современные исследования репортажа и прямого включения показывают, что репортажность связана не только с технологией передачи информации, но и с особой архитектоникой текста, динамикой наблюдения, последовательным развертыванием действия [1; 3] и в газетном материале данный эффект создавался при помощи временных маркеров, глагольной динамики, описания пространства, чередования общего плана и детали, а потому печатный репортаж не транслировал событие синхронно, однако стремился компенсировать временную дистанцию языковыми средствами непосредственности [1, с. 18].

Аналитические формы военного газетного дискурса. Аналитическая группа жанров включала статью, обзор, комментарий, проблемную корреспонденцию, редакционную передовицу, так как данные формы выполняли интерпретационную функцию, то есть, если информационные жанры отвечали на вопрос о том, что произошло, то аналитические жанры объясняли, почему событие важно, какие причины и последствия оно имеет, как его следует понимать в системе коллективных ценностей [2, с. 22].

Редакционная статья являлась одним из центральных жанров военной журналистики, потому что она представляла позицию издания и формировала нормативную рамку восприятия действительности, а её структура обычно включала тезис, аргументацию, обращение к фактам, оценочный вывод и призыв к социально значимому действию, а потому в медиакоммуникационном плане редакционная статья выступала инструментом институционального голоса газеты, из-за чего она не просто комментировала события, а конструировала устойчивую систему смыслов [3, с. 52].

Комментарий отличался большей оперативностью и меньшей композиционной развёрнутостью, поскольку его задача заключалась в пояснении конкретного факта, из-за чего комментарий мог сопровождать сообщение, дополнять хронику или задавать оценочную перспективу для восприятия опубликованных материалов, а потому в условиях военной журналистики комментарий приобретал высокую прагматическую нагрузку, потому что он снижал неопределённость, организовывал внимание аудитории и препятствовал хаотическому восприятию фрагментарной информации [4, с. 32].

Обзор позволял представить совокупность событий как единую тенденцию, так как для региональной прессы Донбасса обзорная форма была значима потому, что соединяла разрозненные факты из разных сфер жизни – производства, общественной самоорганизации, культурной работы, повседневности, вследствие чего обзор выполнял функцию медиасинтеза, превращая множество сообщений в целостную картину состояния регионального сообщества [5, с. 86].

Проблемная корреспонденция занимала особое место, потому что она соединяла наблюдение, факт, анализ и практический вывод и в отличие от чисто информационной корреспонденции, проблемный материал выявлял противоречие, обозначал причины затруднений и предлагал направление их преодоления и тем самым журналистика выполняла функцию обратной связи в системе региональных коммуникаций [6, с. 28].

В аналитических жанрах заметна медиалингвистическая специфика военного дискурса, в связи с чем исследования вещания как сферы функционирования медиалингвистики подчёркивают связь языковой формы с коммуникативной ситуацией [4], а потому для военной печати характерны императивность, оценочная концентрация, логическая упорядоченность, частотность причинно-следственных конструкций, активное

использование коллективных номинаций. Язык аналитики стремился к ясности и убеждающей силе [7, с. 32].

Художественно-публицистические формы. Художественно-публицистический сегмент жанровой системы включал очерк, зарисовку, фельетон, публицистический рассказ, портретный материал, письмо-обращение, иногда стихотворные и документально-литературные формы, потому что их главная функция состояла в эмоционально-образной интерпретации действительности, то есть, если аналитика объясняла событие, то художественно-публицистический текст помогал его пережить [8, с. 50].

Очерк был ключевым жанром персонализации, поскольку через биографию конкретного человека он раскрывал социальный смысл эпохи, вследствие чего в военной журналистике Донбасса очерковая форма позволяла показать героя как представителя трудового, семейного, городского или профессионального коллектива, а композиция очерка строилась на сочетании портретной детали, эпизода, авторского комментария и итогового обобщения, из-за чего именно очерк обеспечивал наиболее устойчивую связь между индивидуальным поступком и коллективной идентичностью [9, с. 88].

Зарисовка отличалась фрагментарностью и высокой степенью визуальности, в связи с чем она фиксировала один выразительный момент, жест, сцену, деталь, а потому исследования приёмов визуализации в медиакоммуникации позволяют рассматривать такую жанровую форму как способ создания образа события без непосредственного изображения [7] и в печатной журналистике визуальность возникала через предметную лексику, пространственные ориентиры, цветовые и звуковые ассоциации, динамику действия [10, с. 28].

Фельетон в военной прессе выполнял критическую и мобилизующую функцию, потому что он использовал сатирическое заострение, контраст, гиперболу, иронию, а его задача заключалась не только в осмеянии негативных явлений, но и в укреплении нормативных представлений о должном поведении, вследствие чего фельетон демонстрировал, что жанровая система военной журналистики включала не только героико-патетические, но и обличительные формы [1, с. 19].

Письма, обращения и документально-личные публикации занимали промежуточное положение между журналистским и внелитературным дискурсом, потому что создавали эффект прямой коммуникации между участниками общественного процесса и в данном аспекте современные исследования построения устной речи в различных видах прямого включения акцентируют значимость адресности, интонационной организованности и речевой достоверности [6], тогда как в газетном письме аналогичные функции выполняли персональная тональность, обращение к конкретному адресату, разговорные элементы, эмоциональная искренность [2, с. 23].

Жанровая гибридизация и медиакоммуникативные функции. Одной из наиболее характерных черт военной журналистики Донбасса является жанровая гибридизация, поскольку публикация могла совмещать признаки заметки, репортажа и очерка, аналитическая статья могла включать зарисовочный эпизод, а корреспонденция – завершаться публицистическим призывом и данная гибридность была обусловлена экстремальным характером коммуникации, когда текст должен был одновременно сообщать, объяснять, убеждать и эмоционально поддерживать аудиторию [3, с. 53].

Воздействующие компоненты медиатекста имеют не только содержательную, но и психолингвистическую природу, то есть, например, исследование прямого включения в психолингвистическом аспекте показывает, что на адресата воздействуют темп, композиционная напряжённость, речевая выразительность, эмоциональные маркеры [2], но в печатной журналистике данные параметры трансформируются в синтаксическую динамику, ритм абзацев, оценочную лексику, повтор ключевых формул, контрастные смысловые пары [4, с. 33].

Визуально-вербальная структура прямого репортажа, описанная в современных работах, также находит соответствие в печатных жанрах [10], потому что газета не обладала аудиовизуальной непрерывностью, однако активно формировала «мысленный кадр» посредством заголовка, лида, композиционного членения, описания детали, документального имени, пространственной привязки, вследствие чего печатный медиатекст создавал собственную систему визуально-вербального кодирования [5, с. 87].

Нормативный аспект жанровой системы также имеет принципиальное значение, так как, например, исследования прямого включения в аспекте медиаправа и реализации юридических норм показывают, что журналистская коммуникация должна рассматриваться в контексте профессиональной ответственности, стандартов достоверности и допустимых способов репрезентации информации [8; 9], а потому для исторической военной печати это означает необходимость анализа жанра как формы не только выражения, но и регулирования публичного смысла, из-за чего документальность, ссылка на факт, точность именования и композиционная проверяемость становились признаками доверия [6, с. 29].

Жанровая система военной журналистики Донбасса формировалась как адаптивная структура, способная реагировать на быстрые изменения социальной ситуации, в связи с чем, например, информационные жанры обеспечивали оперативность и событийную связность, аналитические формы создавали интерпретационную рамку и поддерживали рациональное понимание происходящего, а художественно-публицистические жанры выполняли функцию эмоциональной идентификации и символического закрепления опыта [7, с. 33].

Важнейшей особенностью данной системы была её региональная адресность, поскольку донбасская пресса работала с аудиторией, для которой значимыми оставались образы производства, шахтёрского и заводского труда, городского коллектива, семейной связи, локальной солидарности, из-за чего жанры военной журналистики не были абстрактными формами, потому что они включали устойчивые элементы региональной семиотики, то есть трудовую лексику, пространственные маркеры индустриального края, коллективные номинации, образ человека действия [8, с. 51].

Связь жанра и коммуникативной функции проявлялась в том, что каждый тип публикации задавал особый режим восприятия, то есть заметка требовала быстрого усвоения факта, репортаж вовлекал в динамику события, комментарий направлял оценку, статья формировала обобщённое понимание, очерк создавал образец для идентификации, фельетон осуществлял социальную критику, а зарисовка фиксировала эмоционально значимую деталь и в совокупности данные формы образовывали медиакоммуникационный комплекс, ориентированный на поддержание информационной, ценностной и психологической устойчивости аудитории [9, с. 89].

Современные исследования прямого телевизионного включения и медиалингвостилистики позволяют уточнить, что жанр следует понимать не только как классификационную единицу, но и как способ организации присутствия журналиста в событии [3], а потому в печатной военной журналистике это присутствие выражалось через авторское наблюдение, оценочную позицию, композиционное управление вниманием и выбор речевых средств, в следствие чего исторический газетный жанр может быть описан в категориях медиального действия [10, с. 29].

Выводы

Жанровая система военной журналистики Донбасса представляет собой сложную и функционально дифференцированную модель региональной медиакоммуникации, так как она включала три основных блока – информационный, аналитический и художественно-публицистический и каждый из них имел собственные структурные признаки, но в реальной газетной практике обозначенные формы активно взаимодействовали и образовывали гибридные текстовые модели.

Информационные жанры обеспечивали оперативное сообщение и первичную фиксацию события, то есть, например, аналитические жанры выполняли интерпретационную, объяснительную и нормативную функции, художественно-публицистические формы создавали эмоционально-образное пространство, в котором индивидуальный опыт приобретал общественный смысл.

Специфика военной журналистики Донбасса определялась соединением экстремальной коммуникативной ситуации с региональной медиатрадицией, вследствие чего газетный жанр становился инструментом не только информирования, но и консолидации аудитории, организации коллективного восприятия, поддержания социальной устойчивости и формирования исторической памяти.

Список источников

1. Шокотько Л.Е., Подолина О.В., Кононова Е.А. и др. Архитектоника прямоэфирных видов репортажа: история вопроса // Социально-экономические, историко-правовые и философские исследования: Материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 18 августа 2023 года. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Рукопись", 2023. С. 17 – 20.

2. Мишина Н.В., Заворотнева Т.И., Шокотько Л.Е. и др. Воздействующие компоненты прямого включения: психолингвистический аспект // Современные тенденции развития науки и техники: теория, методология, практика: материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 22 июля 2023 года. Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Манускрипт", 2023. С. 21 – 23.

3. Карпий С.В. Медиалингвостилистические особенности прямого телевизионного включения // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 51 – 58.

4. Карпий С.В., Игнатенко Г.А. Вещание как сфера функционирования медиалингвистики // Мировые исследования в области естественных и технических наук: Материалы VI Международной научно-практической конференции, Ставрополь, 30 апреля 2023 года. Ставрополь: Общество с ограниченной ответственностью "Ставропольское издательство "Параграф", 2023. С. 31 – 33.

5. Карпий С.В. Печать Донбасса в 1919-1932 гг. // Меди@льманах. 2022. № 3 (110). С. 85 – 92.

6. Элизбарашвили Л.Г., Парамонова Т.И., Шакович Ю.В. и др. Построение устной речи в различных видах прямого включения // Современные тенденции развития науки и техники: теория, методология, практика: материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 22 июля 2023 года. Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Манускрипт", 2023. С. 27 – 29.

7. Цатыньян К.В., Шевченко Д.В., Заворотнева Т.И. и др. Приёмы визуализации в прямом включении и следствие их развития // Психолого-педагогические, лингвокультурологические парадигмы современности: Материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 11 августа 2023 года. Краснодар: ПРОФНАУКА, 2023. С. 31 – 34.

8. Заворотнева Т.И., Косенкова-Дудник Е.А., Якобчук А.В. и др. Прямое включение в аспекте стандартов и норм медиаправа // Социально-экономические, историко-правовые и философские исследования: Материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 18 августа 2023 года. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Рукопись", 2023. С. 49 – 52.

9. Элизбарашвили Л.Г., Парамонова Т.И., Шакович Ю.В. и др. Реализация комплекса юридических норм в прямом включении // Социально-экономические, историко-правовые и философские исследования: Материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 18 августа 2023 года. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Рукопись", 2023. С. 87 – 90.

10. Мишина Н.В., Заворотнева Т.И., Шокотько Л.Е. и др. Структура и визуально-вербальные составляющие прямого репортажа // Психолого-педагогические, лингвокультурологические парадигмы современности: Материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 11 августа 2023 года. Краснодар: ПРОФНАУКА, 2023. С. 27 – 30.

References

1. Shokotko L.E., Podolina O.V., Kononova E.A., et al. Architectonics of Live Broadcast Reporting: History of the Issue. Socio-Economic, Historical, Legal, and Philosophical Studies: Proceedings of the XVIII All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, August 18, 2023. Moscow: Rukopis Limited Liability Company, 2023. P. 17 – 20.

2. Mishina N.V., Zavorotneva T.I., Shokotko L.E., et al. Influencing Components of Live Broadcasting: Psycho-linguistic Aspect. Modern Trends in the Development of Science and Technology: Theory, Methodology, Practice: Proceedings of the XVII All-Russian Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, July 22, 2023. Rostov-on-Don: Limited Liability Company "Manuscript Publishing House", 2023. P. 21 – 23.

3. Karpiy S.V. Media-linguistic and stylistic features of live television broadcasting. Upper Volga Philological Bulletin. 2020. No. 4 (23). P. 51 – 58.

4. Karpiy S.V., Ignatenko G.A. Broadcasting as a sphere of functioning of media linguistics. World research in the field of natural and technical sciences: Proceedings of the VI International scientific and practical conference, Stavropol, April 30, 2023. Stavropol: Limited Liability Company "Stavropol Publishing House "Paragraph", 2023. P. 31 – 33.

5. Karpiy S.V. The press of Donbass in 1919-1932. Medi@lmanakh. 2022. No. 3 (110). P. 85 – 92.

6. Elizbarashvili L.G., Paramonova T.I., Shakovich Yu.V. et al. Construction of oral speech in various types of direct inclusion. Modern trends in the development of science and technology: theory, methodology, practice: materials of the XVII All-Russian scientific and practical conference, Rostov-on-Don, July 22, 2023. Rostov-on-Don: Limited Liability Company "Manuscript Publishing House", 2023. P. 27 – 29.

7. Tsatynyan K.V., Shevchenko D.V., Zavorotneva T.I., et al. Live broadcast visualization techniques and the consequences of their development. Psychological, pedagogical, linguacultural paradigms of our time: Proceedings of the XVII All-Russian scientific and practical conference, Krasnodar, August 11, 2023. Krasnodar: PROFNAUKA, 2023. P. 31 – 34.

8. Zavorotneva T.I., Kosenkova-Dudnik E.A., Yakobchuk A.V. et al. Live broadcast in terms of media law standards and norms. Socio-economic, historical, legal, and philosophical studies: Proceedings of the XVIII All-Russian scientific and practical conference, Moscow, August 18, 2023. Moscow: Limited Liability Company "Rukopis", 2023. P. 49 – 52.

9. Elizbarashvili L.G., Paramonova T.I., Shakovich Yu.V. et al. Implementation of a Complex of Legal Norms in Live Broadcasting. Socio-Economic, Historical, Legal, and Philosophical Research: Proceedings of the XVIII All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, August 18, 2023. Moscow: Limited Liability Company "Rukopis", 2023. P. 87 – 90.

10. Mishina N.V., Zavorotneva T.I., Shokotko L.E. et al. Structure and Visual-Verbal Components of Live Reporting. Psychological, Pedagogical, Linguistic, and Cultural Paradigms of Our Time: Proceedings of the XVII All-Russian Scientific and Practical Conference, Krasnodar, August 11, 2023. Krasnodar: PROFNAUKA, 2023. P. 27 – 30.

Информация об авторе

Руденко П.В., советник ректора, Донецкий государственный медицинский университет имени М. Горького Минздрава России, eskalive25@gmail.com

© Руденко П.В., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 316.77:070
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-53-63

Интерпретация политической деятельности Альфы Умара Конаре в периодической печати Франции (1990-2002 гг.)

[1] Тогола Брахима,
[1] Российский государственный гуманитарный университет

Аннотация: в статье анализируется, как французская пресса 1990-х-2002-х годов представляла личность и политику президента Альфы Умара Конаре. На материале газетных публикаций выделены ключевые содержательные и оценочные черты его медийного образа. В центре внимания, как академик А.У. Конаре показан политическим лидером переходного периода, демократом и активным участником франко-африканского диалога. Также разбирается специфика французского медиадискурса и его отношение к политической модернизации в Мали и Западной Африке. В итоге французская периодическая печать создала многослойный, в целом позитивно-нейтральный образ Конаре, увязав его с реформами, стабильностью и международным сотрудничеством. Для анализа были взяты популярные в то время издания, такие как «Le Monde», «Jeune Afrique» «Libération», «Le Figaro», «Le Monde Diplomatique» и др.

Целью статьи является понять, как именно французские СМИ формировали этот имидж и как их риторика помогала обществу либо принимать решения президента, либо ставить их под сомнение. Это исследование позволяет увидеть живую механику взаимодействия политики и СМИ в Западной Африке в период больших перемен.

Задача исследования направлена на то, чтобы проследить, как менялось отношение к президенту. Сначала его называли «отцом демократии». Но потом в стране начались экономические и социальные трудности. И журналисты стали видеть в нем уже скорее реформатора, который вынужден работать в условиях кризиса.

Ключевые слова: Конаре, французская периодическая печать, медиадискурс, политический дискурс, Мали, медийный образ, Le Monde, Jeune Afrique

Для цитирования: Тогола Брахима Интерпретация политической деятельности Альфы Умара Конаре в периодической печати Франции (1990-2002 гг.) // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 53 – 63. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-53-63

Поступила в редакцию: 9 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 6 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

Interpretation of Alpha Umar Konare's political activities in the French periodical press (1990-2002)

[1] Togola Brahima,
[1] Russian State University for the Humanities

Abstract: in this article the author examines the ways that French newspapers and magazines described the person plus policies of President Alpha Oumar Konaré during the 1990s and early 2000s. By using those publications as the primary material, the study determines the main factual but also descriptive elements of his media image. It is a study that focuses on how journalists represented A.O. Konaré, who has a background in academia, while he acted as a political leader during a transitional period. As a leader he was shown as someone who supports democracy and someone who takes part in dialogue between France & Africa. To provide more detail, the paper investigates how French media discourse functions as well as what its position is toward the modernization of politics in Mali or West Africa. On the whole the French press created an image of Konaré that has many layers and is mostly characterized by a lack of bias or by a favorable tone. On that account the press connected him to the process of reform, the state of stability or the act of international cooperation. With the goal of being thorough, the

author consulted publications of the period like "Le Monde" "Jeune Afrique" "Libération" "Le Figaro" "Le Monde diplomatique" and others.

The aim of the article is to understand precisely how French media shaped this image and how their rhetoric either facilitated public acceptance of the president's decisions or cast those decisions into doubt. This research reveals the dynamic mechanics of interaction between politics and the media in West Africa during a time of major change.

Research objective: to trace shifts in attitudes toward the president. Initially he was referred to as the "father of democracy", but as economic and social difficulties emerged in the country, journalists increasingly portrayed him as a reformer compelled to govern under crisis conditions.

Keywords: Konaré, French periodical press, media discourse, political discourse, Mali, media image, Le Monde, Jeune Afrique

For citation: Togola Brahima Interpretation of Alpha Umar Konare's political activities in the French periodical press (1990-2002). Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 53 – 63. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-53-63

The article was submitted: July 9, 2026; Approved after reviewing: August 6, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

Альфа Умар Конаре является уникальной особенностью политической истории нынешнего африканского континента, и не только он был президентом Мали с 1992 по 2002 год, но также Председателем Комиссии Африканского союза с 2003 по 2008 год, который также привлек к себе очень серьезное внимание со стороны французской прессы как представителя нового поколения африканских лидеров, которые пришли к власти во время волны демократических преобразований в конце XX века. Сегодня история современной истории имеет большое значение для освещения политической истории Мали, демократических преобразований президента Альфа Умар Конаре и развития средств массовой информации в стране; однако проблема создания образа президента Конаре во французской периодической прессе по-прежнему не получила особого всеобъемлющего освещения. Среди исследований, обращённых к политическим трансформациям Мали демократической эпохи, книга Де Джорио Р. «Narratives of the Nation and Democracy in Mali» (2003) [1] выделяется особым положением.

Автор прослеживает ход демократизации, развернувшейся при Альфа Умаре Конаре в 1992-2002 годах; вместе с тем в поле его внимания оказываются национальная память, политическая идентичность и процесс становления демократических институтов. Примечательно, что этот труд до настоящего времени сохраняет статус одного из немногих по-настоящему обстоятельных исследований конаревского периода. Изучение же демократических процессов в стране обогатила – и весьма заметно – работа Смита З. К. «Mali's Decade of Democracy» (2001) [2].

Крушение авторитарного режима отворило перед государством путь к первому десятилетию демократического развития. Одной из центральных фигур этих перемен, по всей видимости, следует считать Альфа Умара Конаре. Чтобы составить представление о медиасреде тех лет, особую значимость приобретает книга Перре Т. «Media and Democracy in Mali: Journalism in its Environment» (2005) [3].

Положение, в котором оказалась малийская пресса вслед за реформами начала 1990-х годов, автор раскрывает подробно; здесь же он проясняет – и это обращает на себя внимание – характер взаимосвязи между демократизацией общества и свободой средств массовой информации. При изучении политической истории Мали, равно как и франкоязычной Африки в целом, не меньшую ценность представляет труд Маннинга П. «Francophone Sub-Saharian Africa, 1880-1995» (1998) [4]. Подробно были разобраны ключевые этапы политического развития франкоязычных стран региона. Особый акцент при этом делался на демократических изменениях конца XX века и, в частности, на реформах в Мали. В этом ряду заслуживают внимания работы Вайтхауса Б. «Political Participation and Mobilization after Mali's 2012 Coup» (2017) [5].

Хотя исследование посвящено более позднему периоду, в нем затрагивается демократическое наследие эпохи Альфы Умара Конаре и его влияние на политическую культуру современного Мали. Политическое развитие страны также рассматривается в совместной статье Мозли В. и Гоффмана Б. «Introduction: Hope, Despair, and the Future of Mali» (2017). [6]. В ней показаны основные этапы истории Мали и дана оценка преобразований, проведенных в годы президентства А.У. Конаре. Отдельно стоит отметить и собственные труды Конаре А. У., которые важны для понимания его политических взглядов и исторических представлений. Так, книга «Histoire des partis politiques au Mali: Du pluralisme politique au parti unique, 1946-1968» (2016) [7] посвящена истории политических партий и формированию партийной системы Мали и нередко

используется в исследованиях по политической истории Западной Африки. Не меньшее значение имеет работа Конаре А.У. и Конаре А. Ба «Les grandes dates du Mali» (2019 г.) [8].

Это обобщающее исследование основных этапов истории Мали, которое широко применяется как справочное пособие. Итак, уже накопленный массив научных публикаций дает возможность подробно рассмотреть политическую деятельность Альфы Умара Конаре, ход демократизации Мали и развитие национальных средств массовой информации. Вместе с тем историографический обзор показывает, что целостного исследования, посвященного образу Альфы Умара Конаре во французской периодической печати в 1990–2002 годах, фактически не существует. Поэтому данная тема остается малоизученной и обладает научной новизной.

Материалы и методы исследований

Презентация некоторых французских периодических изданий

1. "Jeune Afrique" – это французское издание, которое было впервые опубликовано 17 октября 1960 года в Тунисе. Создателем этого издания является франко-тунисский журналист и политик Бешир Бен Ямед, который до этого занимал пост Министра информации в кабинете министров Хабиба Бургибы. Работал над проектом и придя в создания "Jeune Afrique" первый главный редактор Мохамед Бен Смаил. Первоначально журнал имел название "Afrique Action". Текущую версию названия "Jeune Afrique" он реализовал лишь спустя год – 21 ноября 1961 года.

В сентябре 1957 года Бен Ямед вышел из правительства после разрыва с Бургибой. Через три года, 17 октября 1960 года он вместе с несколькими соратниками выпустил "Afrique Action", которая позднее и стала "Jeune Afrique". Когда цензура в Тунисе усилилась, редакция переехала в Рим в 1962, а в 1964 году обосновалась в Париже, где находится по сей день. Это - франкоязычное панафриканское издание, рассчитанное в первую очередь на политическую и деловую элиту Африки. Сравнительно недавно – раз в месяц, хотя многие десятилетие – раз в неделю. Это также одна из наиболее читаемых панафриканских газет. Последних официальных цифр по тиражу в открытом доступе нет, но если руководствоваться данными OJD (сейчас ACPM), то издание уходит тиражом около 53 475 экземпляров в месяц. Примечательно, что почти три четверти от общего количества приходится на заграницу – в основном франкоязычную Африку.

При всем при этом бизнес выглядит вполне устойчивым: в 2024 году выручка Jeune Afrique Media Group составила 30 миллионов евро, что на 6% больше, чем в прошлом году. Редакционная политика издания всегда была панафриканской, поддерживающей идеи деколонизации, но за этим идеализмом прячется неопределенная история. Газету не раз упрекали в зависимости от африканских властей. Яркий пример – конец 1990-х, когда президент Туниса Бен Али фактически и спас журнал от банкротства, переведя через подставных лиц несколько миллионов динаров. [9; 10; 11].

Газета «Le Monde», появилась на свет в середине декабря 1944 года по замыслу генерал де Голля и журналиста Юбера Бёв-Мери – после того, как проект старой, хорошей газеты "Le Temps", уже увязший в саморазрушающей ностальгии с 1941 года, стал испытывать утрату. Бюджет старта составил 200 000 франков. "Le Monde" тоже изначально целился на интеллектуальную элиту – уже в 1945 году он смог выпустить 150 000 экземпляров.

С 1951 года было специальное Общество редакторов, где Бёв-Мери продержался до 1969 года – так редакция могла сохранить независимость. Теперь газету контролирует холдинг "Le Monde Libre". Газеты показывает значительный рост: если в 2024 году тираж был 528 709 экземпляров (на 39 тысяч больше, чем годом ранее), то к 2025 году он взял и подрос до 559 250. С такими показателями даже обошел "Le Figaro" в борьбе за звание самой читаемой газеты Франции. Теперь медиагруппа принадлежит структуре «Nouveau Monde» (соучредители – Матьё Пигасс, Ксавье Ниель из «NJJ Presse» и Мэдисон Кокс из Berly Media) и испанскому холдингу Prisa. Кроме основного издания, группа выпускает также известные проекты: "L'Obs", "Télérama", "Courrier International" и "Le Monde diplomatique".

Французский медиарынок в 2025 году преподносит любопытные сюрпризы. Главная сенсация – успех Le Monde. С тиражом в 559 250 экземпляров газета обошла Le Figaro (386 769 экз.) и заняла второе место среди ежедневных изданий, проиграв лишь региональной «Западной Франции». Политический вектор Le Monde остается левоцентристским, хотя и стал мягче: если в 1981 году издание открыто болело за социалиста Франсуа Миттерана, то сейчас его позиция выглядит куда более политкорректной [12].

В этом перечне издание Le Figaro существует дольше других. История газеты началась 15 января 1826 года, когда певец Морис Алло и политик Этьен Араго создали в Париже небольшое сатирическое издание, которое выходило раз в неделю. Название было выбрано как отсылка к персонажу Бомарше, чтобы газета могла обходить цензуру монархии. Изменения произошли в 1866 году, когда под руководством Ипполита

де Вильмессана Le Figaro стала выходить ежедневно. С того времени она является изданием, которое работает во Франции дольше других, наравне с Revue des Deux Mondes. Сейчас газета является собственностью группы Dassault (с 2004 года) и представлена в цифровом пространстве, а Алексис Брезе руководит редакцией с 2007 года.

Для медиа характерен рост внимания аудитории, что подтверждается данными ACPM: во Франции количество платных копий увеличилось с 365 831 в 2024 году до 386 769 в 2025 году. И финансовые показатели также являются высокими, так как выручка медиагруппы составила 579 млн евро (+4,3%), а доходы от цифровых направлений составили более половины общего оборота. Политическая позиция издания характеризуется как правая, так как оно представляет интересы голлистов, сторонников экономической свободы и традиционалистов. Но среди сотрудников развивается спор, так как журналисты высказывают претензии к Брезе из-за того, что политическая позиция становится избыточно правой. Напряжение проявляется в том, что 110 сотрудников составили открытое письмо, где детально разобрали курс газеты, ее позицию по отношению к Европе и допустимую степень взаимодействия с радикальными правыми силами [13; 14].

История «Libération» началась в феврале 1973 года. Проект вырос из маоистского информагентства (APL), а его идеологическим фундаментом стал манифест от 3 февраля. Первым главным редактором стал Жан-Поль Сартр – вместе с ним газету создавали Серж Жюли, Филипп Гави, Бернар Лальман и Жан-Клод Верньё. Первый полноценный номер вышел 22 мая того же года. Долгое время издание жило по строгим правилам: никакой рекламы и никаких внешних акционеров. Внутри коллектива царила почти анархическая демократия. С 1973 по 1981 год сотрудники управляли газетой сообща: без иерархии зарплат и с принятием всех важных решений на общих собраниях. В 1981-м правила «смягчили», допустив в структуру рекламу и частный капитал. А в феврале 2020 года контроль над «Libération» перешел к дотационному фонду, созданному на базе холдинга Патрика Драи (Altice Médias). Формально это сделали, чтобы защитить редакционную и финансовую независимость газеты.

В 2024 году платный тираж издания достиг 110 271 экземпляра, но важно понимать структуру: львиная доля – около 72 тысяч копий – пришлась на «цифру». Финансовые показатели выглядят тревожно. По неофициальным данным, газета потеряла почти 13 миллионов евро, что составляет порядка 3% от общей выручки группы в 30,2 миллиона. Идеологически «Libération» прошла через серьезные трансформации. Если в начале пути газета придерживалась радикально левых маоистских взглядов, то с 1978 года сменила курс на либерально-либертарианский, а после 1981-го перешла к социал-демократии эпохи Миттерана. Тем не менее, левый вектор остается ее фундаментом. [15; 16].

Для интерпретация политической деятельности Альфы Умара Конаре в качестве основных методов исследования выбраны контент-анализ и дискурс-анализ.

Результаты и обсуждения

История Le Monde diplomatique началась еще в 1954 году. Тогда Юбер Бёв-Мери, основатель одноименной газеты Le Monde, решил запустить небольшое приложение для дипломатов и сотрудников международных организаций. Это был скромный восьмистраничный номер с тиражом всего в 5000 экземпляров, но проект со временем перерос свои рамки. В 1996 году издание стало полностью независимым – и в плане финансов, и в редакционной политике. Структура владения сегодня выглядит так: 51% капитала держит материнская газета Le Monde, а остальные 49% распределены между ассоциациями сотрудников и читателей.

Именно в этот период, под руководством Иньясио Рамоне, газета превратилась в мощный голос альтерглобалистов. Рамоне даже ввел в обиход термин «pensée unique» (единообразное мышление), так он описывал господство неолиберальной идеологии. Сейчас масштаб издания впечатляет: 33 редакции, работающие на 24 языках (девять из них – полностью цифровые). Если обратиться к статистическим показателям, то платный тираж издания во Франции в 2024-2025 годах достиг, согласно сведениям ACPM, 141 011 экземпляров – цифра, объединяющая как печатные копии, так и цифровые подписки. Пиковым значениям конца 1990-х годов, когда продажи поднимались до 240 тысяч, этот уровень, разумеется, уступает; положение газеты, тем не менее, остаётся непоколебимым. Прежней приверженности левым взглядам Le Monde diplomatique не изменяет, подвергая критике неолиберальную глобализацию и западный интервенционизм [17; 18].

Альфа Умар Конаре: символ демократического перехода

Триумф на выборах 1992 года мгновенно превратил Конаре – в изображении французской прессы – в олицетворение обновлённой Мали. Приход политика к власти на страницах «Le Monde» трактовался как образцовый сценарий, по которому авторитарный режим во франкоязычной Африке способен без потрясе-

ний уступить дорогу многопартийности. Управление государством перешло к Конаре после крушения режима Муссы Траоре – и политическую трансформацию, как подчёркивали журналисты, ему удалось провести, минуя серьёзные потрясения [19]. Ещё более выразительный портрет создавало издание «Jeune Afrique»: перед читателем представал политик нового поколения, сознательно отмежевавшийся от укоренившихся в регионе практик личной диктатуры. Публикации конца 1990-х годов сосредоточивались прежде всего на его ставке – на плюрализме, свободе слова, развитии гражданского общества. Стремление Конаре, по замечанию редакторов, состояло отнюдь не в том, чтобы сосредоточить власть в собственных руках; куда важнее для него было выстраивание подлинно дееспособных государственных институтов [20].

Образ интеллектуала, политика и историка в оценках французской прессы

Образ президента Конаре французская пресса конструировала с немалым мастерством, делая упор на его интеллектуальный багаж. Прежде чем вступить в большую политику, он был учёным – историком и археологом; об этом журналисты напоминали неустанно. Подобная оптика позволяла представить его не рядовым чиновником, а глубоким выразителем африканской культуры – фигурой, в которой академизм уживается с навыками реального управления. К научному прошлому медиа присовокупляли и опыт работы в независимой журналистике Мали. Складывался в итоге портрет «просвещённого политика»: демократия видится такому человеку не сводом институтов, но масштабным культурным проектом, немыслимым вне образования и развитого гражданского общества. Пресса, по существу, проводила мысль о том, что эффективность его руководства страной коренится именно в научном мировоззрении [21].

Газета «Libération» видела в культурной политике Конаре не просто набор случайных акций, а продуманную стратегию по модернизации страны. Журналисты подчеркивали: его ставка на науку, образование и сохранение наследия выделяет его среди большинства современных лидеров – и в Африке, и за её пределами. В итоге в медиа за ним окончательно закрепился образ просвещенного государственного деятеля [22]. Когда академик Альфа Умар Конаре возглавил Комиссию Африканского союза, французская пресса разглядела в нем игрока совсем другого масштаба. «Le Monde diplomatique» называла его одним из самых последовательных сторонников африканской интеграции. В начале 2000-х его воспринимали как политика, который намерен избавить континент от зависимости от внешних сил и заставить мир считаться с Африкой [23].

В статьях всё чаще стали использовать термин «панафриканский лидер». Французские журналисты связывали его деятельность с попытками реформировать институты Африканского союза и создать реальные механизмы предотвращения конфликтов. По сути, Конаре перерос статус президента Мали – он стал фигурой, определяющей повестку для всего континента [24].

Критика во французской прессе

Хотя общие оценки являются положительными, французские журналисты регулярно писали критические статьи. В текстах часто указывается на то, что изменения в политической системе во время правления Альфы Умара Конаре потребовали больших финансовых и социальных ресурсов. По этой причине в государстве возникли проблемы в экономике и общественной жизни, а в 1997 году оппозиционные силы отказались участвовать в голосовании. Из-за этих событий стало ясно, что политическое устройство Мали легко разрушить, хотя в начале девяностых годов оно казалось устойчивым. На страницах газеты «Le Monde» описание Конаре значительно изменилось, и теперь он представлен как символ демократического периода, который уже завершился. Когда авторы пишут о частой смене власти незаконным путем и отсутствии порядка в Мали, они постоянно называют годы правления Конаре временем, когда ситуация была стабильной. Для исследователей этот период является основным примером для сравнения. Его рассматривают или как образец, к которому нужно стремиться, или как условие, при котором текущие опасные события воспринимаются как более тяжелые [25].

Историческая критика, впрочем, совсем не прекратилась. Когда заканчивались 1990-е и начинались 2000-е годы, в «Le Monde» писали прямо о том, что экономические реформы закончились неудачей и что очень много людей живут в крайней бедности. Главный тезис был простым: демократизация в Мали почти не обеспечивала людям достаточного количества ресурсов для жизни [26]. В Jeune Afrique редакторы пытались понять, почему призывы Конаре не соответствовали тому, что происходило во время его второго срока, и потому они описывали столкновения сторон из-за выборов. Но даже в текстах с резкими оценками авторы подтверждали важный факт: Конаре следовал конституции и не предпринимал действий, чтобы сохранить пост на третий срок [27].

У газеты «La Croix» была своя позиция. В этом издании его воспринимали прежде всего как человека, который строил школы и способствовал тому, чтобы представители разных религий общались друг с дру-

гом. При этом в «La Croix» не представляли его правление как совершенное. На страницах газеты указывали на серьезные трудности в устройстве государства, которые остались неисправленными [28].

Как менялся образ Конаре после ухода из большой политики

Спустя годы после того, как Альфа Умар Конаре оставил политику, французская пресса начала смотреть на его правление иначе. На фоне нынешних кризисов и бесконечных переворотов в Мали журналисты всё чаще вспоминают его президентство как время относительного спокойствия и реального демократического прогресса [29]. Сегодня во французских медиа Конаре по-прежнему воспринимают скорее позитивно. Его рисуют как одного из главных героев демократической волны 1990-х – интеллектуала, который действительно верил в объединение Африки. Даже если пресса находит за что его покритиковать, это почти не бьет по репутации. Его наследие остается важной вехой не только для Мали, но и для всего континента. На заре 1990-х годов французские издания усматривали в Конаре отнюдь не одного лишь главу Мали – перед ними представал прогрессивный модернист и дипломат, выводящий страну на мировую арену. Для отношений Франции с Сахелем это имело огромное значение: на протяжении десятилетий, минувших после обретения независимости, Париж по сути играл роль неформального куратора всей политической жизни региона.

Западная Африка тех лет знала чередование военных переворотов и авторитарных режимов – и на этом фоне восхождение академика Конаре воспринималось как мощный сигнал перемен. Подобную повестку деятельно поддерживали крупные издания: «Le Monde Diplomatique», «Le Monde», «Jeune Afrique». Многие его коллеги силились подражать Западу, возводя режимы сталинского типа; Конаре же редакции раз за разом рисовали правителем совершенно иного склада. Ни типичным военным, ни харизматичным диктатором он не был – его видели учёным, гуманистом, системным организатором. Для его успеха было важно то, что он в одно и то же время управлял государством и обучал студентов в университете.Именно так в 1994 году подытожила его манеру «Le Monde»: «Президент Конаре делает политику не мышцами, а словами».

В начале важно уточнить, что со времени правления Конаре приоритеты во внутреннем политическом курсе государства значительно изменились. На первый план вышли внешние связи и умение лидера страны представлять свои интересы на международной арене.

В 1996 году авторы журнала «Jeune Afrique» написали, что Конаре представил Африку как регион, в котором редко происходят конфликты и существует стратегия для дальнейшего роста.

С интересом французские средства массовой информации наблюдали за тем, как в Мали проходят значимые мировые мероприятия, такие как Кубок африканских наций или собрания по вопросам культуры. Оценки этих событий были разными. Одни авторы считали это быстрым развитием внешнего образа страны. Другие авторы называли это расходами, которые не являются логичными для государства с низким уровнем дохода населения. Но в любой ситуации планы Мали воспринимались как масштабная работа в области дипломатии, где Конаре проектировал процессы и управлял ими.

Как написал «Le Figaro» в 2002 году: «Сегодняшнее Мали – это не просто бедная страна, это страна, которая хочет, чтобы её заметили». Так, Конаре закреплял за собой репутацию тонкого стратега, умеющего играть по-крупному на мировой арене. Французские газеты только подливали масла в огонь: они постоянно писали, что успехи академика – это успех всей Мали. К началу 2000-х его уже не воспринимали просто как президента; он стал символом нового поколения африканских лидеров, способных реально отстаивать интересы региона в ООН. В марте 2002 года «Libération» даже вынесла это в заголовок: «Когда Конаре говорит в Брюсселе, вся Западная Африка чувствует, что её слушают».

Этот европейский ореол работал на авторитет самого континента. Французские СМИ фактически вылепили образ «лица Мали» – человека, который вывел страну на мировую арену и заставил её уважать. И такой имидж был выгоден всем. Парижу не нужны были бунтари или популисты, ему требовались понятные, предсказуемые партнеры. Конаре идеально вписался в эту роль, поэтому французская пресса так охотно подхватывала его дипломатические успехи.

Образ реформатора и демократа в глазах французской прессы

В 90-е французская пресса буквально помешалась на теме «новых демократов» в Африке. И Альфа Умар Конаре идеально вписывался в этот образ, становясь символом мирных перемен. Пока в соседних странах – от Кот-д'Ивуара до Сьерра-Леоне – вовсю гремели перевороты и гражданские войны, Мали будто шла по другому сценарию. Для Франции его приход к власти в 1992 г. стал настоящим событием. В той же «Le Monde» писали, что Мали наконец-то выбрало путь плюралистической демократии. И это не было пустыми словами: Конаре получил пост не благодаря силе, а через честные выборы. Всё это стало итогом Национальной конференции 1991 г. – редкого для Сахеля случая, когда военная диктатура действительно уступила место гражданскому обществу.

Французские журналисты часто вспоминают другой важный случай. В 2002 году, когда президент Конаре ушел с поста после второго срока, он стал первым правителем Мали, который передал власть мирно. Регион привык к лидерам, что цепляются за власть до последнего, – и на таком фоне произошедшее стало подлинным откровением. Признаком политической зрелости страны это раз за разом называли издания вроде «Le Figaro». 8 мая 2002 года «Le Figaro» и вовсе вышла с броским заголовком: «Президент Конаре не поддался искушению третьим сроком. Урок демократии для всего региона».

В статьях того времени его представляли не только как политического деятеля, но и как личность, которая следует строгим моральным принципам. И этот образ журналисты во Франции подтверждали конкретными фактами. По причине его деятельности в государстве начали работать многие независимые издания, открылся Конституционный суд и сформировалась избирательная комиссия, которая действовала по правилам. И даже децентрализация власти привела к результатам, так как жители в разных регионах начали осознавать, что они участвуют в процессах управления. «Когда Конаре руководил страной, малийские медиа стали наиболее свободными в Западной Африке», – сообщала газета «Libération» в июне 1998 года.

В соседних государствах политические системы были по большей части формальными, поэтому Мали на их фоне была редким примером реальных изменений. Но в этот успех верили не все участники процесса. Для французских аналитиков была очевидна и другая ситуация: внутри главной партии ADEMA-PASJ руководители активно продвигали своих сторонников, в провинциях политические процессы часто не имели реального содержания, а представители власти стремились сохранить положение через частные договоренности и постоянные уступки.

И довольно жесткую оценку дало издание «Le Monde diplomatique» в сентябре 2001 года: «Малийская демократия является лишь слабой оболочкой, внутри которой люди используют прежние методы работы». В этом утверждении отражаются все особенности того периода. С этой точки зрения описание Конаре в СМИ не было полностью положительным или полностью отрицательным. И оно создавалось из постоянного противоречия между ожиданием реформ и сильным сомнением в их успехе.

СМИ Франции наблюдали за тем, как Конаре проводит реформы. В этом процессе важными были практические соображения, а не только симпатия к личности лидера. Для Парижа было выгодно, чтобы Мали являлась демократическим государством. На Мали смотрели как на партнера, который сохраняет стабильность в Сахеле. И это государство было примером для стран Африки, где говорят по-французски. Посредством освещения успехов президента пресса Франции подтверждала, что идея «экспорта демократии» является правильной. Так Франция показывала, что ее «soft power» эффективна.

На этом фоне Альфа Умар Конаре действовал как руководитель, который соблюдает моральные нормы и меняет страну без насилия. Он полностью соответствовал описанию африканского президента, который следует законам, обладает легитимностью и уходит с должности в срок. Но некоторые авторы высказывали критику. В текстах они писали, что реформы являются результатом соглашения между группами власти. При этом права обычных граждан не увеличивались. Если смотреть на итоговое описание президента, то оно является сложным. В его действиях воодушевление существует вместе с расчетом, а надежды сочетаются с уступками. Именно из-за наличия двух противоположных качеств данная фигура представляет интерес, когда проводится политический анализ.

Образ реформатора против реальности: взгляд французской прессы

В статьях французских газет Альфа Умар Конаре представлен как лидер, чьи решения не соответствуют положению дел в обществе. На страницах таких изданий, как «Le Monde», «Jeune Afrique» и «Libération», он описан как человек, который прошел обучение в университете и стал первым руководителем Мали, выбранным через голосование. В Париже люди говорят о том, что он работает успешно, но журналисты из Мали сообщают о наличии препятствий. Например, в малийских деревнях отсутствует водопровод и провода для электричества, люди в молодом возрасте не могут найти себе работу из-за нехватки рабочих мест.

По словам журналистов из Франции, эта ситуация имеет две грани. Первая сложность заключается в том, что внешний вид президента отличается от того, каким он является в реальности. Для власти более важно строить здания для культуры, чем создавать технические сети для жизни людей. И это доказывает случай с Кубком африканских наций 2002 года. На это событие власти потратили много денег, хотя оно не дало полезных результатов для жителей страны. Вторая трудность есть в том, как устроено управление государством. Если изучать официальные документы, то в Мали существуют институты демократии, где люди голосуют и создают политические группы. Но на самом деле значимые решения принимают только те государственные деятели, которые состоят в партии ADEMA.

Международная роль Альфы Умара Конаре: дипломат, региональный лидер и голос Африки в французской прессе

В политической сфере Альфа Умар Конаре имел значение, которое было шире, чем его формальные обязанности на посту президента Мали. В таких изданиях, как «Le Monde» и «Jeune Afrique», авторы писали о нем как о человеке, который представляет руководителей «нового поколения». По сообщениям прессы, этот лидер умел рассуждать последовательно и принимать решения, которые приносят конкретный результат. При этом он не давал слов, которые нельзя подтвердить делом, и не управлял страной с помощью силы или личного диктата. И в международных отношениях Конаре проявлял себя эффективно, так как он опирался на свой научный опыт, полученный в университете. Когда закончилось столетие, именно его посредничество привело к тому, что уровень враждебности в Кот-д'Ивуаре стал ниже. Благодаря его труду участники конфликта не перешли к организованным сражениям с применением оружия.

Когда Конаре завершил срок президентства, он занял должность председателя Комиссии Африканского союза. Для специалистов из Франции этот факт стал свидетельством того, что политического деятеля уважают во многих государствах. Но в рамках данной структуры его личные возможности встретили серьезные препятствия. Как утверждают исследователи, даже человек с такими навыками стеснен нормами административной системы. И у него нет нужного объема механизмов, чтобы менять обстоятельства. Как показывают факты, суверенные страны часто не желают выполнять те постановления, которые утверждает Комиссия.

Если изучить французские газеты и журналы за 1990-2002 годы, то можно увидеть, как журналисты меняли описание Альфы Умара Конаре. И это происходило в те годы, когда в Мали появлялись демократические институты и возникали новые связи между Францией и Африкой после завершения холодной войны. По количеству статей видно, что пресса больше всего писала о нем в те периоды, когда в стране проводили реформы 1991-1992 годов, организовывали выборы президента или наступали этапы второго срока.

В текстах французские журналисты часто указывали на то, что Конаре заменил диктатуру на систему со многими партиями. Его представляли как лидера, который получил научную степень и избегает резких высказываний или действий. Для авторов была важна внешняя политика, поэтому они описывали, как он ведет переговоры о деталях соглашений. И в статьях сообщалось, что он делает возможным диалог с Францией и выполняет действия, из-за которых в регионе становится меньше рисков.

Но в публикациях присутствовали и критические замечания. Журналисты писали о его качествах лидера, но при этом упоминали, что в стране есть бедность и сильная нужда во внешней помощи. Из-за неэффективного администрирования в текстах звучали претензии к власти. И все же в таких условиях способы его управления считали фактором, который сохраняет стабильность. Для многих Мали была примером государства, где политические процессы проходят без насилия.

Примечательно, что характер текстов зависел от их типа. В простых новостях было много нейтральных слов. Но когда авторы писали аналитические статьи, они подробно разбирали то, как проходят реформы. И в таких текстах они описывали, как на самом деле меняются связи между Францией и Мали.

Выводы

На основе анализа можно заключить, что в период с 1990 по 2002 год французские газеты описывали Конаре преимущественно без негативных оценок. В текстах его присутствие указывает на то, что в Мали снова действует демократия и расширяются международные связи. Но журналисты писали критически, когда сообщали о том, что люди в стране живут в плохих социальных и экономических условиях. И это доказывает, что работа африканского лидера позволяет делать выводы не только о ситуации внутри государства. По его поступкам также судят о том, как страна ведет себя на мировой арене и как она взаимодействует с бывшими метрополиями.

Для прессы образ этого человека является сложным. С одной стороны, Конаре показан как дипломат, который ведет себя сдержанно и владеет большим объемом информации. Он входит в группу политиков нового типа и эффективно договаривается с разными партнерами. С другой стороны, авторы часто указывают на то, что политик действует медленно, так как ему мешают государственные служащие и внутренние столкновения, которые характерны для данной территории. В публикациях видно, что личные намерения Конаре, который прошел обучение в докторантуре, не совпадают с тяжелыми обстоятельствами. Для тех, кто читает новости, он является одновременно человеком, который внедряет новые методы, и участником политических процессов, чьи возможности ограничены правилами текущего устройства.

Возможность практического применения проведенного исследования – в осмыслением работы с культурным наследием, в понимании роли гражданского общества и социальных реформ.

Список источников

1. De Jorio R. Нарративы нации и демократии в Мали. Париж: L'Harmattan, 2003. 215 с.
2. Смит З.К. Десятилетие демократии Мали. Bamako: Editions Jamana, 2001. 189 с.
3. Перрет Т. СМИ и демократия в Мали: Журналистика в её среде. Дакар: КОДЕСРИЯ, 2005. 203 с.
4. Мэннинг П. Франкоязычные страны Африки к югу от Сахары, 1880-1995. Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 1988 год. 247 с.
5. Уайтхаус Б. Политическое участие и мобилизация после государственного переворота в Мали в 2012 году // Африканские вопросы. 017. Т. 116. № 465. С. 598 – 618.
6. Moseley W., Hoffmann B. Введение: Надежда, отчаяние и будущее Мали. В W. Moseley & B. Hoffmann (Eds.), Будущее Мали. Лондон: Routledge, 2017. С. 1 – 15.
7. Конаре А.О. История политических партий Мали: от политического плюрализма к однопартийной системе, 1946-1968 гг. Bamako: Éditions La Sahélienne, 2016. 328 с.
8. Конаре А.О., Конаре А.Б. Основные даты Мали. (2-е изд.). Bamako: Editions La Sahélienne, 2019. 412 с.
9. Шарбонье Г. Средства массовой информации и глобализация во франкоязычных странах Африки. Париж: Картала, 2005. С. 67 – 72.
10. Jeune Afrique [Электронный ресурс]. URL: https://www.jeuneafrique.com (дата обращения: 15.06.2026)
11. Деловые новости [Электронный ресурс]. URL: https://www.businessnews.com.tn (дата обращения: 15.09.2026)
12. Альберт История французской прессы. Париж: Эллипсы, 2000. С. 450 – 465.
13. Эвено П. Финансы французской прессы. Париж: La Découverte, 2003. С. 210 – 215.
14. La Revue des Médias [Электронный ресурс]. URL: https://larevuedesmedias.ina.fr (дата обращения: 15.06.2026)
15. Шарон Ж.М. Средства массовой информации во Франции. Париж: La Découverte, 2019. С. 155 – 162.
16. Ina.fr [Электронный ресурс]. URL: https://www.ina.fr (дата обращения: 15.06.2026)
17. Рамонет И. Молчаливая пропаганда. Париж: Галилея, 2000. С. 80 – 88.
18. BnF.fr [Электронный ресурс]. URL: https://www.bnf.fr (дата обращения: 15.06.2026)
19. Ле Монд. 10 мая 1992 года; 15 июня 1992 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.lemonde.fr/archives-du-monde/10-05 1992 srsltid = AfmBOo2039R31WiHFnF6ELnM8aOEd45JRZk6TzYy9nlAPu5E0Hwhuso (дата обращения: 15.06.2026)
20. Жён Африк. # 1640. 1992; # 1918. 1997 [Электронный ресурс]. URL: https://www.jeuneafrique.com/67692/archives-thematique/chronologie/ (дата обращения: 15.06.2026)
21. Освобождение. 14 июня 2002 года; Жён Африк. # 2026. 2000 [Электронный ресурс]. URL: https://www.liberation.fr/archives/ (дата обращения: 15.06.2026)
22. Освобождение. 14 июня 2002 года; 17 июля 2002 года [Электронный ресурс] URL: https://www.liberation.fr/archives/ (дата обращения: 15.06.2026)
23. Le Monde diplomatique. февраль 2004 года; Апрель 2005 года [Электронный ресурс] URL: https://www.monde-diplomatique.fr/2004/02/A/62282 (дата обращения: 15.06.2026)
24. Ле Монд. 18 июля 2003 года; Le Monde diplomatique. Февраль 2004 года [Электронный ресурс] URL: https://www.lemonde.fr/archives-du-monde/18-07-2003/?srsltid=Jnpei (дата обращения: 15.06.2026)
25. Ле Монд. 2024 [Электронный ресурс] URL: https://www.lemonde.fr/archives-du-monde/?srsltid (дата обращения: 15.06.2026)
26. Ле Монд. 1997; 2001 [Электронный ресурс] URL: https://www.lemonde.fr/archives-du-monde/01-01-1997/?srsltid=AfmBOorY6yfSGj6Mm_gxpS6iUoszMtemBc2TV9qv2hZbtqYIw7cBk4DO (дата обращения: 15.06.2026)
27. Жён Африк. 1997; 2000 [Электронный ресурс] URL: https://www.jeuneafrique.com/tags/archives-ja/
28. Ла Круа. 2002; 2003 [Электронный ресурс] URL: https://www.la-croix.com/Archives/2003-01-25/Dossier-_NP_-2003-01-25-174742 (дата обращения: 15.06.2026)
29. Ле Монд. 21 августа 2020 г.; Жён Африк. 2021 [Электронный ресурс] URL: https://www.jeuneafrique.com/ https://africacenter.org/fr/daily-media-review/revue-de-presse-du-21-aout-2020/ (дата обращения: 15.06.2026)

References

1. De Jorio R. Narratives of Nation and Democracy in Mali. Paris: L'Harmattan, 2003. 215 p.
2. Smith Z.K. Decade of Democracy in Mali. Bamako: Editions Jamana, 2001. 189 p.
3. Perret T. Media and Democracy in Mali: Journalism in Its Environment. Dakar: CODESRIA, 2005. 203 p.
4. Manning P. Francophone Sub-Saharan Africa, 1880-1995. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 247 p.
5. Whitehouse B. Political Participation and Mobilization after the 2012 Coup d'état in Mali. African Issues. 017. Vol. 116. No. 465. Pp. 598–618.
6. Moseley W., Hoffmann B. Introduction: Hope, Despair, and the Future of Mali. In W. Moseley & B. Hoffmann (Eds.), The Future of Mali. London: Routledge, 2017. P. 1 – 15.
7. Konaré A. O. History of Political Parties in Mali: From Political Pluralism to Single-Party Rule, 1946-1968. Bamako: Éditions La Sahélienne, 2016. 328 p.
8. Konaré A. O., Konaré A. B. Key Dates in Mali. (2nd ed.). Bamako: Editions La Sahélienne, 2019. 412 p.
9. Charbonnier, G. (2005). Mass Media and Globalization in French-Speaking Africa. Paris: Kartala, 2005. P. 67 – 72.
10. Jeune Afrique [Electronic resource]. URL: https://www.jeuneafrique.com (date of access: 15.06.2026)
11. Business News [Electronic resource]. URL: https://www.businessnews.com.tn (date of access: 15.06.2026)
12. Albert, History of the French Press. Paris: Ellipses, 2000. P. 450 – 465.
13. Eveno, P. (2003). Finances of the French Press. Paris: La Découverte, 2003. P. 210 – 215.
14. La Revue des Médias [Electronic resource]. URL: https://larevuedesmedias.ina.fr (date of access: 15.06.2026)
15. Sharon J.M. Mass Media in France. Paris: La Découverte, 2019. P. 155 – 162.
16. Ina.fr [Electronic resource]. URL: https://www.ina.fr (date of access: 15.06.2026)
17. Ramonet I. Silent Propaganda. Paris: Galilee, 2000. P. 80 – 88.
18. BnF.fr [Electronic resource]. URL: https://www.bnf.fr (date of access: 15.06.2026)
19. Le Monde. May 10, 1992; June 15, 1992 [Electronic resource]. URL: https://www.lemonde.fr/archives-du-monde/10-05 1992 srsltid = AfmBOo2039R31WiHFnF6ELnM8aOEd45JRZk6TzYy9nlAPu5E0Hwhuso (date of access: 15.06.2026)
20. Jeune Afric. # 1640. 1992; # 1918. 1997 [Electronic resource]. URL: https://www.jeuneafrique.com/67692/archives-thematique/chronologie/ (date of access: 15.06.2026)
21. Liberation. June 14, 2002; Jeune Afric. # 2026. 2000 [Electronic resource]. URL: https://www.liberation.fr/archives/ (date of access: 15.06.2026)
22. Liberation. 14 June 2002; 17 July 2002 [Electronic resource] URL: https://www.liberation.fr/archives/ (date of access: 15.06.2026)
23. Le Monde diplomatique. February 2004; April 2005 [Electronic resource] URL: https://www.monde-diplomatique.fr/2004/02/A/62282 (date of access: 15.06.2026)
24. Le Monde. 18 July 2003; Le Monde diplomatique. February 2004 [Electronic resource] URL: https://www.lemonde.fr/archives-du-monde/18-07-2003/?srsltid=Jnpei (date of access: 15.06.2026)
25. Le Monde. 2024 [Electronic resource] URL: https://www.lemonde.fr/archives-du-monde/?srsltid (date of access: 15.06.2026)
26. Le Monde. 1997; 2001 [Electronic resource] URL: https://www.lemonde.fr/archives-du-monde/01-01-1997/?srsltid=AfmBOorY6yfSGj6Mm_gxpS6iUoszMtemBc2TV9qv2hZbtqYIw7cBk4DO (date of access: 15.06.2026)
27. Jeune Afrique. 1997; 2000 [Electronic resource] URL: https://www.jeuneafrique.com/tags/archives-ja/
28. La Croix. 2002; 2003 [Electronic resource] URL: https://www.la-croix.com/Archives/2003-01-25/Dossier-_NP_-2003-01-25-174742 (date of access: 15.06.2026)
29. Le Monde. August 21, 2020; Jeune Africa. 2021 [Electronic resource] URL: https://www.jeuneafrique.com/ https://africacenter.org/fr/daily-media-review/revue-de-presse-du-21-aout-2020/ (date of access: 15.06.2026)

Информация об авторе

Тогола Брахима, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, brahimatogola3@gmail.com

© Тогола Брахима, 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК [811.161.1'373.612.2:811.512.164'373.612.2]-112
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-64-69

Национальная специфика семантики русских и туркменских фразеологизмов: опыт сравнительного анализа

[1] Кабакова С.А., [1] Касаткина Е.Ю., [1] Халназарова Ч.Х., [1] Уктамова А.,
[1] Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова,
филиал Тюменского государственного университета

Аннотация: статья посвящена сопоставительному исследованию русских и туркменских фразеологических единиц (ФЕ) в аспекте их национально-культурной маркированности. Актуальность работы обусловлена потребностью в системном описании фразеологических соответствий между разноструктурными языками для теории перевода и практики преподавания русского языка туркменской аудитории. Цель исследования – выявить уровни эквивалентности русских и туркменских ФЕ и определить факторы, формирующие национальную специфику их образной семантики. Материалом послужили данные двуязычных словарей, корпусов и полевые записи туркменских паремий. В работе применены методы сопоставительного, компонентного и лингвокультурологического анализа. Установлено, что фразеологические системы языков обнаруживают три типа соответствий: полные эквиваленты (15-20 %), частичные эквиваленты (около 55 %) и безэквивалентные единицы (25-30 %), требующие лингвокультурологического комментирования. Национальная специфика обусловлена климатографическими, бытовыми, религиозными и аксиологическими факторами. Наиболее репрезентативными группами безэквивалентной фразеологии являются ФЕ с компонентами-реалиями (ковроткачество, национальная кухня), соматизмами и религиозными концептами. Особое внимание уделено анализу колоративной лексики и соматических кодов, которые демонстрируют глубинные различия в концептуализации эмоций. Результаты работы могут быть использованы в лексикографической практике и при разработке учебных пособий по русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: фразеологизм, национально-культурная специфика, эквивалентность, русский язык, туркменский язык, лингвокультурология, сопоставительный анализ, безэквивалентная лексика, паремии

Для цитирования: Кабакова С.А., Касаткина Е.Ю., Халназарова Ч.Х., Уктамова А. Национальная специфика семантики русских и туркменских фразеологизмов: опыт сравнительного анализа // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 64 – 69. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-64-69

Поступила в редакцию: 10 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

National specifics of the semantics of Russian and Turkmen phraseological units: a comparative analysis

[1] Kabakova S.A., [1] Kasatkina E.Yu., [1] Halnazarova Ch.H., [1] Uktamova A.,
[1] Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (branch) of University of Tyumen

Abstract: the article is devoted to a comparative study of Russian and Turkmen phraseological units (PU) in the aspect of their national and cultural marking. The relevance of the study is due to the need for a systematic description of phraseological correspondences between structurally different languages for translation theory and the practice of teaching Russian to Turkmen audiences. The aim of the research is to identify the levels of equivalence between Russian and Turkmen PUs and to determine the factors shaping the national specificity of their figurative semantics. The material includes data from bilingual dictionaries, corpora, and field recordings of Turkmen paremias. The study employs methods of comparative, component, and linguocultural analysis. It is established that the phraseological systems of the two languages reveal three types of correspond-

ences: full equivalents (15-20%), partial equivalents (about 55%), and non-equivalent units (25-30%) that require linguocultural commentary. National specificity is determined by climatographic, everyday, religious, and axiological factors. The most representative groups of non-equivalent phraseology include PUs with realia components (carpet weaving, national cuisine), somatisms, and religious concepts. Special attention is paid to the analysis of color vocabulary and somatic codes, which demonstrate deep differences in the conceptualization of emotions. The results of the work can be used in lexicographic practice and in the development of textbooks on Russian as a foreign language.

Keywords: phraseologism, national-cultural specificity, equivalence, Russian language, Turkmen language, linguoculturology, comparative analysis, non-equivalent vocabulary, paremias

For citation: Kabakova S.A., Kasatkina E.Yu., Halnazarova Ch.H., Uktamova A. National specifics of the semantics of Russian and Turkmen phraseological units: a comparative analysis. Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 64 – 69. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-64-69

The article was submitted: July 10, 2026; Approved after reviewing: August 7, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

Фразеологический фонд языка представляет собой уникальный культурный код, аккумулирующий многовековой опыт народа, его систему ценностей и особенности мировосприятия. Исследователи справедливо отмечают, что фразеологизмы выступают «свернутыми текстами культуры», в которых зафиксированы стереотипы поведения и значимые для лингвокультурного сообщества символы [1].

Сопоставительное изучение фразеологии разноструктурных языков позволяет выявить как универсальные, так и идиоэтнические механизмы семантической деривации. Русский (восточнославянская группа индоевропейской семьи, флективный тип) и туркменский (огузская подгруппа тюркских языков, агглютинативный тип) языки демонстрируют существенные различия в грамматическом строе. Несмотря на то, что русская и туркменская фразеологические системы имеют определенные различия, в них можно обнаружить как типологическое сходство (оно связано с общностью когнитивных процессов), так и серьёзные расхождения, которые возникают из-за различия в материальной и духовной культуре [2].

Актуальность нашей работы определяется несколькими причинами. Во-первых, туркменская фразеология до сих пор недостаточно изучена в сопоставительном плане. Во-вторых, существует потребность в более эффективной межкультурной коммуникации. Кроме того, важно услышать методику преподавания русского языка как иностранного для туркменских учащихся.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить и систематизировать национально-культурные особенности значений русских и туркменских фразеологизмов, а также определить, насколько они эквивалентны друг другу, и выяснить, какие факторы влияют на их образную мотивацию.

Основа для нас послужили классические работы отечественных фразеологов – В.Н. Телия, А.М. Мелерович, В.М. Мокриенко [10], а также исследования по сопоставительной фразеологии тюркских и славянских языков.

Современный этап развития дисциплины характеризуется усилением лингвокультурологического подхода, в рамках которого фразеологизм рассматривается как элемент «языковой картины мира» [4]. Как подчеркивают Г.К. Ильясова и Д.Д. Амансарьева, «фразеологические единицы являются наиболее ярким отражением национального менталитета, поскольку их внутренняя форма мотивирована реалиями, значимыми для конкретного этноса» [1, с. 153]. В работах последних лет особое внимание уделяется проблеме фразеологической эквивалентности [5], соматической лексике [4], колоративной семантике [7] и использованию параллельных корпусов для автоматизированного поиска соответствий [8; 9].

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужили фразеологические единицы русского и туркменского языков, извлеченные из лексикографических источников: «Фразеологического словаря русского языка» под редакцией А.И. Молоткова, «Толкового словаря туркменского языка» (Türkmen diliniň düşündirişli sözlügi), а также сборников туркменских пословиц и поговорок. Дополнительным источником послужили данные параллельного корпуса, создаваемого в рамках проекта TurkLang-7.

В работе применялись следующие методы:

1) метод сопоставительного анализа – для выявления уровня эквивалентности ФЕ двух языков;

2) метод компонентного анализа – для установления внутренней формы и образной мотивации фразеологизма;

3) лингвокультурологический метод – для интерпретации культурно значимых компонентов безэквивалентных единиц;

4) метод квантитативной обработки – для подсчета различных типов соответствий.

В общей сложности было проанализировано 320 русских ФЕ и 280 туркменских ФЕ, отобранных по тематическому принципу (зоонимы, соматизмы, реалии быта, религиозные концепты, природные явления).

Результаты и обсуждения

В ходе сопоставительного анализа было установлено, что фразеологические системы русского и туркменского языков обнаруживают три типа соответствий, соотносящихся с разной степенью национально-культурной маркированности.

3.1. Полные эквиваленты (интернациональные ФЕ)

К этому типу относятся фразеологизмы, совпадающие по семантике, образному компоненту и стилистической окраске. Как правило, это единицы, восходящие к общим источникам (античная культура, библейские тексты) или основанные на универсальных когнитивных механизмах. Например: рус. белая ворона – туркм. ak garga (калька с латинского, восходящая к Ювеналу) [1, с. 154]; рус. делать из мухи слона – туркм. püýüden pil ýasamak (греческий источник); рус. волк в овечьей шкуре – туркм. goýnyň derisine giren möjek; рус. как две капли воды – туркм. iki damja suw ýaly; рус. голодный как волк – туркм. möjek ýaly aç [1, с. 154]. К этой же группе относятся структурно-семантические калки с восточной образностью: рус. собака лает, а караван идёт – туркм. It üýrer – kerwen geçer. Таким образом, полные эквиваленты составляют наименее национально-специфичный пласт фразеологии, однако их удельный вес не превышает 15-20 % от общего числа сопоставляемых единиц.

3.2. Частичные эквиваленты

Наиболее многочисленная группа (около 55 % от общего объема), характеризующаяся совпадением семантики при расхождении в образном компоненте, лексическом составе или грамматической структуре. Эти расхождения обусловлены различиями в материальной культуре, географии и способах категоризации мира.

Климатогеографический фактор. Жаркий климат и пустынные ландшафты Туркменистана формируют метафоры, отсутствующие в русском языке. Например: рус. льёт как из ведра – туркм. asmandan suw ýaly akmak («с неба течет как вода») – в туркменском образе отсутствует бытовой предмет (ведро), акцент сделан на природной стихии [1, с. 154]; рус. обвести вокруг пальца – туркм. susuz äkidip susuz getirmek («без воды увести и без воды привести») – метафора восходит к пустынной тематике [2].

Зоонимическая эквивалентность. Образы животных могут не совпадать в двух языках. Так, рус. пахать как лошадь соответствует туркм. garynja ýaly işlemek («работать, как муравей») – в туркменской культуре трудолюбие ассоциируется не с лошадью, а с муравьем [1, с. 155]. В ряде тюркских языков образ фразеологизма носиться как курица с яйцом смещается в сторону заботы о потомстве, где акцент делается на защите цыпленка, а не на самом яйце [4].

Лексико-грамматические трансформации. Глагольные ФЕ часто имеют различную структуру: рус. гнаться за двумя зайцами – туркм. bir oka iki towşan awlamak («одной стрелой двух зайцев охотиться») – изменен инструмент действия (стрела вместо преследования) [6, с. 169]; рус. ломиться в открытую дверь – туркм. biderek gapyda galmak («напрасно оставаться у двери») [6, с. 169].

3.3. Безэквивалентные ФЕ

К этой группе примерно (25% – 30% от общего числа) относятся фразеологизмы, у которых нет соответствия в другом языке. Их нельзя перевести дословно, поэтому для передачи значения приходится использовать и описательный перевод и добавлять пояснение о культурном контексте. Отсутствие аналогов объясняется тем, что либо сам предмет уникален, либо его осмысление в данной культуре имеет особый характер.

Быт и материальная культура. В туркменском языке много устойчивых выражений связанных с ковроткачеством, которое считается священным ремеслом. Например, haly hakda soz (слово о ковре) означает важное, ответственное дело. [2]; Haly dokamak – inne bilen guyu gazmak bilen barabar (ткать ковер – все равно что копать колодец иглой) подчеркивает насколько это трудоёмкий процесс (palas) haky (ковер-калым) связано со свадебным обрядом, когда часть колыма выплачивается коврами [2].

Национальная кухня тоже дает материал для образов: русскому ни два ни полтора, в туркменском соответствует ne hamyr,ne petir (не тесто, не петир), где петир – это вид местного хлеба [2]; а выражение gary sozden palaw bolmaz (от сухих слов плов не сваришь) по смыслу близко к русскому, сухая ложка рот дерет, но образ здесь совсем другой [2].

Соматическая лексика. В разных культурах эмоции могут локализоваться в разных частях тела. Например, русское душа в пятки ушла (страх) передается в туркменском как yuregi yuryldy (сердце раскололось) – здесь страх связывается с сердцем, а не с ногами [1,с. 154]. А русское сердце кровью обливается соответствует туркменскому yuregi gysyldy (сердце сжалось), при этом степень интенсивности метафоры в этих двух языках разная.

Религиозные концепты. Поскольку в туркменской культуре преобладает ислам, в языке появляются фразеологизмы которых нет в русском. Например, namazda manlayny yere bermek (во время намаза положить лоб на землю) –это аналог русского бить поклоны, но в туркменском варианте значение более строго религиозное [3]; a razylygyny soramak (попросить согласия на никах) соответствует русскому просить руки, но с упором на мусульманскую брачную традицию [3].

Феномен «чиля» (сороковин) в туркменском есть понятие cileli oy – так называют дом, где находятся новорождённый и роженица; в течение 40 дней туда не пускают посторонних. Этот обычай связан с защитой от сглаза и не имеет прямого аналога в русском языке [2].

3.4. Колоративная специфика

Анализ цветообозначения в составе фразеологизмов показывает, что туркменском языке символикой цвета тесно связана с ковроткачеством и природным окружением.Например, красный (gyzyl) огонь, а чёрный (gara) чаще всего ассоциируется с опасностью или трауром, хотя в некоторых пословицах может символизировать плодородие земли. В русской фразеологии цветовые коды, напротив, больше опираются на христианскую традицию (белый – чистый, черный – греховный) и бытовые представления (красный – красивый) [7].

Факторы формирования национальной специфики

На основе полученных данных можно выделить несколько групп факторов которые определяют национальное своеобразие фразеологической семантики:

1. Геоклиматический фактор – влияют на выбор образов: для туркменского языка характерны образы пустыни, воды и жары, а для русского-леса, снега, холода.

2.Хозяйственно-бытовой фактор – в туркменской культуре важную роль играет ковроткачество, кочевое скотоводство и верблюдоводство, которые формируют целые группы фразеологизмов, не встречающихся в русском языке.

3. Религиозно-культурный фактор – исламские традиции (намаз,никах, посты) порождают безэквивалентные единицы, тогда как русские идиомы чаще связаны с православием и языческими верованиями.

4.Аксиологический фактор – отражает иерархию ценностей: для туркмен конь – символ верного друга (ср. at dosty – ata dost, «дружба коня – дружба деда»), тогда как мозг трудится – это роль обычно выполняет собака.

5. Соматический фактор – проявляется в том, что эмоции по-разному осмысляются через части тела (например, сердце vs душа, ноги vs голова).

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Сопаставитетельный анализ русских и туркменских фразеологизмов показал, что между ними можно выделить три уровня эквивалентности: полные эквиваленты (15-20%), частичные эквиваленты (55%) и безэквивалентные единицы (25-30%). При этом наибольшей культурной спецификой обладают именно частичные и безэквивалентные фразеологизмы.

Национальное своеобразие фразеологической семантики формируется под влиянием целого комплекса факторов: географических и климатических, хозяйственных и бытовых, религиозных и культурных, ценностных и соматических.

Каждый из этих факторов вносит свой вклад в формирование уникальных образных ассоциаций, неподдающихся прямому переводу.

Наиболее репрезентативными тематическими группами безэквивалентной фразеологии являются:

1) ФЕ с компонентами-реалиями ковроткачества и национальной кухни;

2) соматические ФЕ с расхождением в локализации эмоций;

3) ФЕ, отражающие исламские религиозные практики;

4) колоративные ФЕ с культурно-специфической символикой цвета.

Значимость работы состоит в возможности использования её результатов при создании русско-туркменского фразеологического словаря с лингвокультурологическим комментарием, а также в разработке учебных материалов по русскому языку как иностранному для туркменской аудитории. Применение параллельных корпусов и цифровых технологий может существенно повысить эффективность таких лексикографических проектов [8]. Перспективным направлением дальнейших исследований является создание сопоставительной базы данных русских и туркменских ФЕ с детальным культурным комментарием, а также экспериментальное изучение понимания безэквивалентных единиц носителями обоих языков с использованием методов психолингвистики.

Список источников

1. Ильясова Г.К., Амансарьева Д.Д. Фразеологические эквиваленты в русском и туркменском языках // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 1-2. С. 153 – 155.

2. Лазуткина Е.М. Национальная специфика русских и туркменских фразеологизмов и афоризмов: опыт сопоставительного анализа // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2019. № 3 (103). С. 104 – 111.

3. Будько И.В. Сравнительно-сопоставительный анализ фразеологизмов в русском и туркменском языке: дидактический аспект // Материалы международной научно-практической конференции. Минск: БНТУ, 2021. С. 322 – 323.

4. Москвичева С.Г. Сопоставительный анализ фразеологизмов с компонентом «сердце» в русском и таджикском языках // Материалы конференции КФУ. Казань, 2023. С. 98 – 103.

5. Байрамова Л.К. Типология фразеологических соответствий в разноструктурных языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 12. С. 56 – 61.

6. Сопоставительный анализ фразеологизмов с глаголами движения в русском и туркменском языках // Материалы конференции АГУ. Астрахань, 2023. С. 168 – 170.

7. Иламанова А. Колоративная лексика во фразеологической картине мира: сопоставительный анализ (на материале русского, английского и туркменского языков) // Материалы международной конференции. Костанай, 2026. С. 44 – 49.

8. Иванов Е.Е., Ершов В.И. Тувинские пословицы как объект сопоставительной паремиографии (в контексте славянских, германских, романских и тюркских языков) // Новые исследования Тувы. 2024. № 2. С. 114 – 129.

9. Khusainov A., Suleymanov D., Gilmullin R. First Results of the TurkLang-7 Project: Parallel Corpora and Machine Translation Systems for Russian-Turkic Languages // CEUR Workshop Proceedings. 2020. Vol. 2780. P. 90 – 101.

10. Маслова В.А. Лингвокультурология: ценности, смыслы, коды. М.: Флинта, 2022. 320 с.

References

1. Ilyasova G.K., Amansareva D.D. Phraseological equivalents in the Russian and Turkmen languages. International journal of humanitarian and natural sciences. 2025. No. 1-2. P. 153 – 155.

2. Lazutkina E.M. National specificity of Russian and Turkmen phraseological units and aphorisms: an attempt at comparative analysis. Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical Univ. named after I.Ya. Yakovlev. 2019. No. 3 (103). P. 104 – 111.

3. Budko I.V. Comparative and contrastive analysis of phraseological units in the Russian and Turkmen languages: a didactic aspect. Proceedings of the international scientific and practical conference. Minsk: BNTU, 2021. P. 322 – 323.

4. Moskvicheva S.G. Comparative analysis of phraseological units with the component “heart” in the Russian and Tajik languages. Proceedings of the KFU conference. Kazan, 2023. P. 98 – 103.

5. Bayramova L. K. Typology of phraseological correspondences in languages with different structures. Philological sciences. Theoretical and practical issues. 2020. No. 12. P. 56 – 61.

6. Comparative analysis of phraseological units with verbs of motion in the Russian and Turkmen languages. Proceedings of the ASU conference. Astrakhan, 2023. P. 168 – 170.

7. Ilamanova A. Color vocabulary in the phraseological picture of the world: a comparative analysis (based on the Russian, English, and Turkmen languages). Proceedings of the international conference. Kostanay, 2026. P. 44 – 49.

8. Ivanov E.E., Ershov V.I. Tuvan proverbs as an object of comparative paremiography (in the context of Slavic, Germanic, Romance, and Turkic languages). New studies of Tuva. 2024. No. 2. P. 114 – 129.

9. Khusainov A., Suleymanov D., Gilmullin R. First Results of the TurkLang-7 Project: Parallel Corpora and Machine Translation Systems for Russian-Turkic Languages. CEUR Workshop Proceedings. 2020. Vol. 2780. P. 90 – 101.

10. Maslova V.A. Linguoculturology: values, meanings, codes. M.: Flinta, 2022. 320 p.

Информация об авторах

Кабакова С.А., кандидат филологических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0002-1683-9030, Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова, филиал Тюменского государственного университета, svetlana-igpi@mail.ru

Касаткина Е.Ю., Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова, филиал Тюменского государственного университета, stud0000297063@study.utmn.ru

Халназарова Ч.Х., Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова, филиал Тюменского государственного университета, stud0000299563@study.utmn.ru

Уктамова А., Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова, филиал Тюменского государственного университета, stud0000313002@study.utmn.ru

© Кабакова С.А., Касаткина Е.Ю., Халназарова Ч.Х., Уктамова А., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков)
(филологические науки)
УДК 811.111-26
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-70-80

Понятие антонима в современной лингвистике: термины, определения, классификации, словари, уровни (уровни схематизированы экономической терминологией)

[1] Шакирьянов Л.М.,
[1] Уфимский университет науки и технологий

Аннотация: статья посвящена комплексному рассмотрению явления антонимии в современной лингвистике. Цель исследования – уточнение теоретических и практических аспектов явления антонимии, которые выявляются в ходе его анализа. В статье описывается история возникновения понятия «антоним». Также установлены термины, лежащие в основе антонимии – противоположность, противопоставление, оппозиция, контраст, градуальность; в качестве критериев классифицирования положены принципы морфемной структуры, частеречной принадлежности, типа антонимической номинации, лексической сочетаемости, контекстуальности, семантический критерий (в качестве наиболее рекуррентных за основу при этом, берутся деление антонимов на системные и речевые, а также логико-семантические отношения – корреляции). В качестве словарей указаны наиболее значимые работы, где антонимия рассматривается как один из наиболее значимых объектов теории языка. В качестве уровней антонимии приводится современная трактовка явления (антонимия как целостное понятие), уровни схематизированы экономической терминологией. Само расслоение уровней основано на делении элементов на словообразовательные и словоизменительные (морфемный и морфологический уровни), целостности языка (лексический уровень), специальном рассмотрении уровня как «аспекта изучения» (уровень образной лексики) и функциональных возможностях слов (синтаксический уровень).

Ключевые слова: антонимия, термины, определения, классификации, словари, уровни, целостность языка

Для цитирования: Шакирьянов Л.М. Понятие антонима в современной лингвистике: термины, определения, классификации, словари, уровни (уровни схематизированы экономической терминологией) // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 70 – 80. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-70-80

Поступила в редакцию: 11 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 8 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

The notion of antonym in modern linguistics: terms, definitions, classifications, dictionaries, levels (the levels are schematized by economic terminology)

[1] Shakiryanov L.M.,
[1] Ufa University of Science and Technology

Abstract: the article is devoted to a comprehensive consideration of the phenomenon of antonymy in modern linguistics. The purpose of the study is to clarify (explicate) the significance of the theoretical and practical aspects of the phenomenon of antonymy, which are revealed during its analysis. The article describes the history of the concept of "antonym". The terms underlying the antonymy are also established – contradiction, contra(distinction), opposition, contrast, graduality; the classification criteria are based on the principles of morphemic structure, part-of-speech belonging, type of antonymic nomination, lexical compatibility, contextuality, and semantic criteria (the principles of division of antonyms into systemic and speech, as well as logical and semantic (cor)relations, are chosen as the most evident). The dictionaries listed are the most significant works where antonymy is considered as one of the most valuable objects of language theory. The given levels of antonymy are the modern interpretation of the phenomenon (antonymy as an integral concept), the levels are schematized by economic terminol-

ogy. The stratification of levels is based on the division of elements into word-forming and inflectional (morphemic and morphological levels), the integrity of language (lexical level), a special consideration of the level as an "aspect of learning" (level of figurative vocabulary/ metaphors) and the functional capabilities of words (syntactic level).

Keywords: antonymy, terms, definitions, classifications, dictionaries, levels, language integrity

For citation: Shakiryanov L.M. The notion of antonym in modern linguistics: terms, definitions, classifications, dictionaries, levels. Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 70 – 80. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-70-80

The article was submitted: July 11, 2026; Approved after reviewing: August 8, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

Одной из первых попыток обратиться к явлению антонимии считается труд И.Ф. Калайдовича «Краткое изложение правил для составления ручного словаря». Отец семейства Калайдовичей – Федор Дмитриевич Калайдович (1742-1819) – русский врач-гигиенист, врач-писатель, родился в семье хорватского переселенца из Далмации (историческая область на северо-западе Балканского полуострова): «Калайдовичъ (Ѳедоръ Дмитріевичъ) – врачъ-писатель; въ 1812 г. был адъюнктомъ въ казан. унив. Ум. въ Москвѣ въ 1819 г. напечаталъ «О сохраненіи здравія или краткія правила гигіены (Казань 1813) [6, с. 960]. Как утверждает известный историк Н.А. Тропин, семья Калайдовичей насчитывала шесть сыновей (см. [32, с. 118]):

- Федор Федорович Калайдович – старший брат семьи, учитель Владимирской губернской гимназии и смотритель пансиона при ней; проживал и служил во Владимире. Согласно источникам, к нему приезжал брат К.Ф. Калайдович для изучения владимиро-суздальских древностей [27]. Сохранились письма Ф.Ф. Калайдовича к брату К.Ф. Калайдовичу, в которых первый делился с родственником тайнами о владимирских и суздальских древностях, отвечая тем самым на вопросы любопытного брата (см., напр., [16]).
- Петр Федорович Калайдович (1791-1839) – писатель, кандидат московского университета, был преподавателем в московском благородном пансионе и других учебных заведениях: «Калайдович (Петръ Ѳедоровичъ) – писатель, кандидатъ унив., былъ преподавателемъ въ моск. благородномъ пансіонѣ и друг. учебныхъ заведеніяхъ. Участвовалъ въ «Вѣстн. Евр.» и «Сынѣ Отеч.». Отдѣльно издалъ: «Опытъ словаря русск. Синонимовъ» (М. 1812); «Тѣнь Людовика XVI на берегахъ Москвы 5 сент. 1812 г.» (Казань 1813). Въ «Трудахъ общ. любит. росс. Словесности» напечаталъ «Разсужденіе о синонимахъ» [6, с. 960].
- Константин Федорович Калайдович (1792-1832) – историк, археограф, кандидат московского университета (кандидат московского университета). К.Ф. Калайдович был одним из видных деятелей канцлера Н.П. Румянцева (К.Ф. Калайдович на средства Н.П. Румянцева производил поиски в архивах и библиотеках, печатал и комментировал памятники исторические и литературные) [6, с. 960]. Отметим, что Н.П. Румянцев (1754-1826) – государственный деятель Российской империи во время монархии Екатерины II и Александра I, руководитель русской дипломатии в годы Наполеоновских войн, крупный меценат; в честь Н.П. Румянцева назван Румянцевский музей, благодаря которому основана крупнейшая библиотека в России и континентальной Европе и одна из крупнейших библиотек мира Российская государственная библиотека. Одним из трудов К.Ф. Калайдовича является, например, исследование [14].
- Дмитрий Федорович Калайдович – был коноегерским офицером в 1812 г. [32, с. 118].
- Иван Федорович Калайдович (1796-1853) – учился въ моск. унив., служилъ въ коммерч. судѣ въ Москв. Ум. Въ 1853 г. Издалъ «Грамматику русск. яз.»; участвовалъ въ «Сынѣ Отеч.» (1825), «Русск. Зрителѣ» (1828-29), «Моск. Вѣстн.» (1830). См. «Сѣв. Пчела» (1853, № 330) и П. Безсоновъ «К.Ѳ.К.». (М. 1862) [6, с. 960].
- Александр Федорович Калайдович – принял монашество в Воскресенском монастыре в 1827 г. [32, с. 118].

В эту эпоху наблюдается бурное брожение и переплетение разноязычных и разностильных элементов, порождающее изобилие синонимов, еще не разграниченных по смыслу [36, с. 20] (это связано с началом становления литературного языка, а произведение И.Ф. Калайдовича можно рассматривать как своеобразный отклик на существующую тенденцию). Хотя именно И.Ф. Калайдович впервые употребил термин «антоним», его брат П.Ф. Калайдович является автором работы под названием «Опыт словаря русских синонимов». В этой связи часто наблюдается путаница, в связи с чем (поэтому) особую значимость имеет анализ работ всех авторов. У П.Ф. Калайдовича можно встретить определение синонима [15, с. 7]. В работе И.Ф. Калайдовича есть определение антонима: ἀντι противъ, ὀνομα слово – антонимъ; буквы і выпушена

подобно какъ въ словѣ антарктическій – ἀντι ἀρκτικός; приложить синонимы, антонимы (противозначащіе слова) и примѣры для поясненія значенія и употребления словъ [13, с. 9] (именно у И.Ф. Калайдовича есть акцент на потребность в изучении не только синонимов, но и антонимов). Как отмечает Н.А. Тропин, семья Калайдовичей по уровню достатка относилась к среднему классу горожан, отличаясь умеренным бытом и строгостью отцовского воспитания; последнее обстоятельство было определяющим и в зрелые годы, пока отец был жив, например, в выборе личной жизни Константина Федоровича. Семья была типичной семьей для своей эпохи, когда служение Отечеству лежало в основе обучения и дальнейшей карьеры [32, с. 118]. Таким образом, семья Калайдовичей внесла значительный вклад в становление русского языка и истории в целом.

Также особого внимания заслуживают произведения Н.М. Карамзина, Д.И. Фонвизина и А. Галича (см. [7; 8; 19; 34]). Работа Н.М. Карамзина «О богатстве языка» была впервые опубликована в журнале «Московские ведомости» в 1795 г. в разделе «Смесь».

Понятие «антоним» с тех пор не получало должного освещения. Здесь следует отметить заслуги Ф. де Соссюра, Н. В. Крушевского, И.А. Бодуэна де Куртенэ. В работах Ф. Де Соссюра "Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes", Н.В. Крушевского «Очерк науки о языке» можно наблюдать наличие терминов фонема, морфема, а также рассмотрение насущных проблем и особенностей языковой системы, в некоторых из них отдельно рассматриваются значение и синтаксис. В работе И.А. Бодуэна де Куртенэ уже есть определение термина морфема [4, с. 69].

Весьма удивительно, что в более позднее время, когда антонимия начинает изучаться более активно, она долгое время не рассматривается с точки зрения уровневого устройства языка. В этом видится наше желание поэтапно рассмотреть термины, определения, классификации, словари и уровни антонимии; эти аспекты вынесены в название и хронологически следуют один за другим.

Материалы и методы исследований

В работе применяется комплекс методов: морфемный, морфологический, контекстуальный и лингвокультурологический (методы позволяют поэтапно разграничить антонимию всех уровней). Кроме того, в статье анализируются дефиниции, классификации и словари, в связи с чем можно говорить о том, что в работе также отчасти присутствуют элементы метода анализа дефиниций, классификационный и лексикографический методы.

Исследование проводилось на материале экономических терминов из Англо-русского экономического словаря под ред. проф., д-ра экон. наук А.В. Аникина [1], а также различных экономических реалий лингвострановедческого словаря США учёного-энциклопедиста, д-ра филол. наук Г.Д. Томахина [31]. В работе также исследуются материалы на древнегреческом и немецком языках, а также на русском языке с традиционной, дореформенной, орфографией.

Цель исследования – уточнение теоретических и практических аспектов явления антонимии, которые выявляются в ходе его анализа.

Сами уровни схематизированы экономической терминологией, которая позволяет стратифицировать противоположные значения (от низшей ступени к высшей).

Результаты и обсуждения

Понятие «антонима» возникает после того, как еще до этого существует лингвофилософская интерпретация явления «противоположность» в целом; кроме того, многочисленные определения, классификации и словари антонимов свидетельствуют о значительном интересе ученых к данному явлению.

1. Термины, лежащие в основе антонимии

Основополагающие понятия антонимии лишь отчасти с ней связаны; тем более удивительно, что противоположность возникает задолго до антонимии. Со времен Анаксимандра, Платона, Аристотеля и эта категория получает освещение, она также развивается в трудах Канта, Гегеля (также Гадамера, Фихте и Шеллинга, и других философов). Анаксимандр, применяя принцип раздвоения единого на противоположности, объяснял тем самым происхождение мира животных и человека [10, с. 69]. По мнению Аристотеля, «противоположностью надо признавать только отличие вещи от того, от чего она отличается по виду; а такое различие бывает только между тем, что принадлежит к одному и тому же роду»: ἐναντίωσιν γὰρ ἀνάγκη εἶναι τὴν διαφορὰν οὗ διαφέρει εἴδει: αὕτη δὲ ὑπάρχει τοῖς ἐν ταὐτῷ γένει οὖσι μόνοις. Как отмечает философ, “ἡ γὰρ ἐναντιότης ἦν διαφορὰ τελεία ἡ δὲ διαφορὰ ἡ εἴδει πᾶσα τινός τι ὥστε τοῦτο τὸ αὐτό τε καὶ γένος ἐπ᾽ ἀμφοῖν. διὸ καὶ ἐν τῇ αὐτῇ συστοιχίᾳ πάντα τὰ ἐναντία τῆς κατηγορίας, ὅσα εἴδει διάφορα καὶ μὴ γένει, ἕτερά τ ἀλλήλων μάλιστα᾽ τελεία γὰρ ἡ διαφορά, καὶ ἅμα ἀλλήλλοις οὐ γίγνεται” (здесь речь идет о том, что противоположность

– это до конца доведенное различие; полный перевод на русский язык см. в источнике) [3, с. 329; 39, с. 215]. У Платона можно обнаружить стремление разделить противоречащие и противоположные понятия: «каждой вещи противоположно только одно, а не многое» [25, с. 443].

По убеждению, И. Канта, искусство может (и обязано) прекрасно изображать вещи, которые в природе безобразны: «художественное искусство открываетъ свое преимущество въ томъ, что оно прекрасно описываетъ вещи, которыя въ природѣ были отвратительными или безобразными. Фуріи, болѣзни, опустошенія, войны и т.п. могутъ быть прекрасно описаны, какъ нечто вредное, и даже прекрасно представлены на картинѣ [17, с. 184; 18, с. 30-31] (оригинал цитаты см. в соответствующем источнике [40, p. 165-166]).

Гегель полагает, что «в противоположности различие имеет в качестве противостоящего себе не только *некое* другое, но *своё* другое» [9, с. 279].

Не менее важным представляется появление термина «оппозиция» (появление термина «оппозиция» связано с исследованиями Н.С. Трубецкого [41]).

Всё это повлияло на то, что представленные философские категории часто используются для описания лингвистических явлений, а современные вызовы позволили следующим образом применить категории, лежащие в основе антонимии: «противоположность» – системная антонимия (узкий подход); «противопоставление» – речевая антонимия (широкий подход); «контраст» – объединяет оба понятия; оппозиция – приобретают особую популярность в XX веке, уже после появления понятия «антоним» но до его активного изучения (это создает дополнительную путаницу при исследовании понятий); градуальность – категория, которая основана на том, что признак предмета, состояния или действия может варьироваться, то есть проявляться в разной степени [22, с. 327].

2. *Определения антонимов*

Среди наиболее значимых определений можно привести следующие:

- антонимы – это «слова противоположного значения» [21];
- антонимы – это «слова разного звучания, которые выражают противоположные, но соотносительные друг с другом понятия» [37];
- антонимы – это «слова, противоположные по сигнификативному значению» [30];
- антонимы – это «слова противоположного значения» [26];
- антонимы – это «слова, противопоставленные по самому общему и существенному для их значения семантическому признаку, причём эти слова должны находиться на крайних точках соответствующей лексико-семантической парадигмы» [38];
- антонимы – это «лингвистически сопряжённые пары слов» [29].

3. Классификации антонимов

Классификации антонимов упрощают анализ антонимии на разных уровнях, но полное понимание языковой иерархии требует более глубокого изучения всех уровней (существуют и более разветвленные классификации). Как считается, наиболее исчерпывающая классификация антонимов включает следующие критерии: частеречную принадлежность, морфемную структуру, тип номинации, лексическую сочетаемость, контекстуальный и семантический аспекты [2; 32].

В качестве наиболее прогрессивного деления, как уже было сказано, рассматривается деление антонимов на системные и речевые [24, с. 102; 29, с. 62]. Что касается логико-семантического критерия, то здесь выявляется ряд корреляций, а именно контрадикторные, контрарные, несовместимые, конверсивные, комплементарные, реверсивные, контрастирующие и широко-контрастирующие [33, с. 162]. Корреляции также представлены в книге «Лингвистическая семантика» [20, с. 99-108] (справедливости ради, отметим, что там они представлены как корреляции лексико-семантической парадигматики; соответственно здесь они даются вместе с синонимией, корреляциями семантической производности, ассоциативными отношениями). Они появились до начала классифицирования в отечественной лингвистике в словаре Webster's Dictionary of Synonyms (1942) [42] и Webster's New Dictionary of Synonyms (1984) [43].

4. Словари антонимов

Особенно отметим ряд словарей, благодаря которым антонимия предстает как один из наиболее значимых объектов теории языка (теоретических исследований). Таким образом, если словари синонимов появляются уже более двух веков назад, можно привести более современные словари синонимов, а также рассмотреть, как развивалась данная проблема после работ Н.М. Карамзина, Д.И. Фонвизина, А.И. Галича и братьев Калайдовичей Ивана и Петра. История развития словарей синонимов в России включает несколько ключевых этапов. В период с 1850 по 1860 годы академик И.И. Давыдов публиковал отдельные выпуски материалов для своего словаря, представив в итоге 150 синонимических серий. Однако, словари, появив-

шиеся позже имели существенные недостатки в теоретическом обосновании и толковании общественно-политической лексики (отметим словарь «Словарь синонимов и сходных по смыслу выражений» Н.А. Абрамова (1912) и «Учебный словарь синонимов русского литературного языка» В.Д. Павлова-Шишкина и П.А. Стефановского (1930-1931 гг.)). Прогресс в этой области был отмечен изданием в 1956 году «Краткого словаря синонимов русского языка» В.Н. Клюевой, предназначенного для школьников и содержавшего около 1500 слов (с последующим изданием в 1961 году). Наиболее полным на тот момент можно считать словарь русского языка З.Е. Александровой (1968), который охватывал около 9000 синонимических рядов. Кроме того, отметим «Словарь антонимов английского языка» В.Н. Комиссарова (1964), «Словарь антонимов русского языка» Л.А. Введенской (1971), «Словарь антонимов русского языка» Н.П. Колесникова под редакцией Н.М. Шанского (1972), «Словарь антонимов русского языка» М.Р. Львова под ред. Л.А. Новикова (1978), «Школьный словарь антонимов русского языка» М.Р. Львова (1981), «Синонимо-антонимический словарь современного русского языка» и «Идеографический антонимо-синонимический словарь русского языка» Ю.В. Федосова (2001).

Среди других авторов, изучающих проблему антонимии можно привести Я.И. Гельблу («Способы выражения антонимичности в современном русском языке») (1965), Е.Н. Миллер («Природа лексической и фразеологической антонимии» (1990), Н.М. Меркурьеву («Антонимия сложных слов в современном русском языке» (1996), М.В. Ягодкину («Глагольная антонимия в системе языка (2000), и других. Также снова подчеркнем, что самая полная классификация представлена в словарях синонимов Webster – Webster's Dictionary of Synonyms (1961) и Webster's New Dictionary of Synonyms (1984).

5. Уровни антонимов

Наконец, разберем уровни антонимии, в основе которых лежат следующие теоретические положения:

- деление языковых элементов на словообразовательные и словоизменительные (формообразующие) (концепция Ф.Ф. Фортунатова) [35, с. 155; 12, с. 23-24];
- их функционирование с точки зрения целостности (рассмотрение слов как основных единиц лексического уровня) (И.А. Бодуэн де Куртенэ, Н.В. Крушевского, Л.Г. Зубкова, Ю.С. Маслов) [5, с. 268; 11, с. 73-74; 23, с. 651];
- представление метафор как отдельного уровня (если рассматривать уровень как «аспект исследования») (И.Р. Гальперин, Ю.С. Скребнев) [28, с. 74]. Это также делает возможным исследование стилистики как самостоятельного объекта изучения в рамках общей иерархии уровней;
- общая гармоническая целостность языка.

Важным положением здесь является то, что приставка, в отличие от суффикса, присоединяется ко всему слову целиком, что и определяет ее словообразовательную роль.

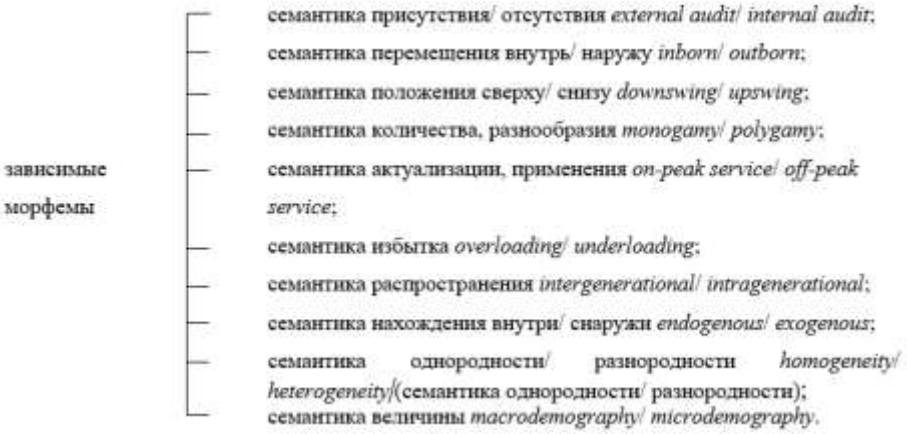
Представим уровни антонимии в виде схем экономических терминов, которые позволяют стратифицировать противоположные значения (от низшей ступени к высшей).

1. Уровень морфем (морфемный уровень).

Морфемы классифицируются на две категории: автономные (не требующие для своего существования другого элемента) и зависимые (реализующиеся только в парном сочетании).

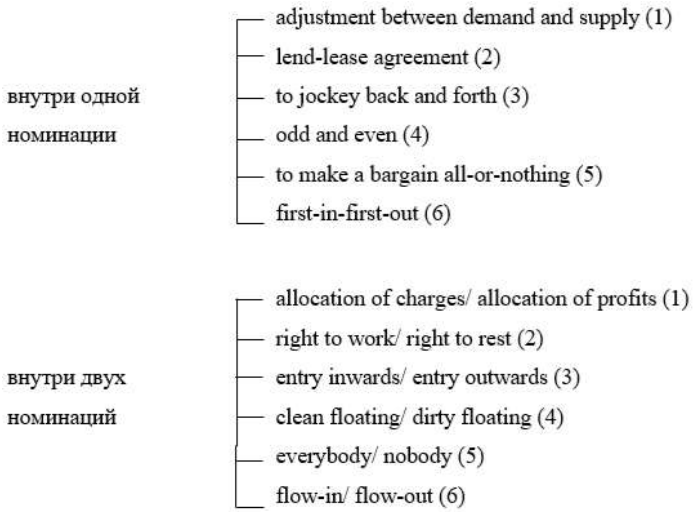
Морфемы, которые реализуются совместно (реализуются только в парном сочетании) представлены в следующем виде.

2. Лексический уровень (части речи, слова, метафоры).

- части речи выделяются на том основании, что в составе слова содержатся или словообразовательные, или словоизменительные (формообразующие) морфемы);
- слова являются основной единицей лексического уровня, как отмечает Ю.С. Маслов. Это согласуется с принципом целостности языковых элементов: слова неделимы, функционируют как части более крупных единиц и как совокупности более мелких (И.А. Бодуэн де Куртенэ, Н.В. Крушевский, Л.Г. Зубкова);
- метафоры могут быть представлены как отдельный уровень, если рассматривать уровень как «аспект исследования». Это также делает возможным исследование стилистики как самостоятельного объекта изучения в рамках общей иерархии уровней (И.Р. Гальперин, Ю.С. Скребнев).

Изучение способов выражения антонимии в различных частях речи (субстантивы (1); вербы (2); адвербы (3); адъективы (4); местоимения (5); предлоги (6)) позволяет выделить две основные модели: однономинативную и двухноминативную. В рамках однономинативной модели антонимичные значения интегрированы в единую синтаксическую структуру, двухноминативная модель, напротив, характеризуется эксплицитным противопоставлением двух отдельных, но семантически связанных, единиц:

Слово представляет собой базовую единицу лексического уровня [23, с. 651]. В рамках лексического уровня можно рассмотреть одну из частей речи, исходя из градуальности значения: increase, grow (bigger), become higher/larger/more, (be/go/come/move) up, gain, advance, climb, rise, swell – snowball – to rebound – build up, mount, appreciate, accumulate – multiply – burgeon, proliferate, mushroom – surge, balloon – zoom (up), shoot (up) – skyrocket – soar, peak/ decrease, to become lower/smaller/less, to (be/go/come/move) down, decline, lessen, fall, depreciate, sink – dwindle (away), ebb (away), taper off – dip – drop, (nose)dive, tumble, crash, plunge – plummet (down).

В рамках обсуждаемой проблематики можно наблюдать использование таких метафорических пар, как *bulls*/ *bears* «быки»/ «медведи», *hawks*/ *doves* «ястребы»/ «голуби», *wolves*/ *sheep* «волки»/ «овцы», *blue chips*/ *red chips* «голубые фишки»/ «красные фишки», *pigs*/ *chicken* «свиньи, или кабаны»/ «цыплята», *sharks*/ *lemmings* «акулы»/ «лемминги».

3. Синтаксический уровень (синтаксические конструкции).

Еще Н.В. Крушевский делал вывод о том, что ассоциации по сходству/ ассоциации по смежности, называемые им непосредственными языковыми связями, не исчерпывают «всех тех средств, которыми располагает наш ум для того, чтобы сплотить всю массу разнородных слов в одно стройной целое» (Н.В. Крушевский). Это дает основание постулирования отдельно более сложных уровней в данной системе: противопоставление в рамках одного словосочетания (*asked and bid*), противопоставление в словах с дефисным написанием, где каждая из частей контрадикторно противопоставлена другой части (*asset-and-liability statement*), противопоставление в одном слове словосочетания (*minimax system*).

Выводы

Таким образом, в статье проводится комплексное рассмотрение явления антонимии в современной лингвистике.

В работе описывается история возникновения понятия «антоним». Установлено, что одной из первых попыток обратиться к явлению антонимии считается труд И.Ф. Калайдовича «Краткое изложение правил для составления ручного словаря». Также приведен труд его брата П.Ф. Калайдовича «Опыт словаря русских синонимов», в котором понятие «антоним» не зафиксировано. Всего в семье Калайдовичей было шесть братьев, в этой связи часто наблюдается путаница, а первое употребление термина «антоним» приписывается другим братьям. Наиболее известным среди них является К.Ф. Калайдович, историк и археограф, советник канцлера Н.П. Румянцева (известен тем, что собирал ценности для Румянцевского музея). Также известен Ф.Ф. Калайдович, который был учителем во Владимирской губернской гимназии; он также публиковал статьи об имевшихся в области древностях. О двух других братьях имеется не так много сведений. Помимо этого, приведены труды, посвященные синонимам, Н.И. Карамзина, А.И. Галича и Д.И. Фон-

визина. С сожалением замечается, что с появлением работ, в которых вводятся и намечаются системные понятия лингвистики, понятие «антоним» не получает должного освещения и долгое время не рассматривается с точки зрения уровневого устройства языка.

В качестве основных результатов исследования приводятся термины, определения, классификации, словари и уровни антонимии. Установлено, что категория противоположности получает освещение со времен Анаксимандра, Платона, Аристотеля; она также развивается в трудах Канта, Гегеля (также Гадамера, Фихте и Шеллинга, и других философов). В этой связи приведены цитаты философов на древнегреческом и немецком языках. Основными терминами, при этом, являются термины противоположность, противопоставление, оппозиция, контраст, градуальность. Также выявлено, что определения антонимов по-прежнему базируются на категории «противоположность». Кроме того, отмечено, что, словари синонимов продолжают выпускаться и после исследований первых попыток определения антонимов. Так, можно привести работы Н.И. Давыдова, Н.А. Абрамова, В.Д. Павлова-Шишкина, П.А. Стефановского. Словари же антонимов появляются только во второй половине XX века. Уровневое исследование антонимов основано на делении языковых элементов на словообразовательные и словоизменительные (формообразующие) (концепция Ф.Ф. Фортунатова) (за основу берется тезис о том, что приставка, в отличие от суффикса, присоединяется ко всему слову целиком), их функционировании с точки зрения целостности (рассмотрении слов как основных единиц лексического уровня) (И.А. Бодуэн де Куртенэ, Н.В. Крушевский, Л.Г. Зубкова, Ю.С. Маслов), представлении метафор как отдельного уровня (если рассматривать уровень как «аспект исследования») (И.Р. Гальперин, Ю.С. Скребнев), общей гармонической целостности языка. Уровни антонимии целесообразно рассматривать в следующем виде: морфемный уровень (морфемы) – лексический уровень (слова-части речи, слова-концепты, слова-метафоры) – синтаксический уровень (синтаксические конструкции). Сами уровни схематизированы экономической терминологией, которая позволяет стратифицировать противоположные значения (от низшей ступени к высшей).

Список источников

1. Аникин А.В. Англо-русский экономический словарь / под ред. проф., д-ра экон. наук А. В. Аникина. М.: Рус. яз., 1977. 726 с.

2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 367 с.

3. Аристотель. Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования / Сост. и подгот. текста С.И. Еремеев. СПб., Киев: Алетейя, Эльга. 2000. 826 с.

4. Бодуэн де Куртенэ И.А. Некоторые отделы "Сравнительной грамматики" словянских языков: Отр. из лекций И. Бодуэна-де-Куртенэ (I. Baudouin de Courtenay), чит. в 1880-81 ак. году в Имп. Казан. ун-те студентам 3 и 4 курсов обоих филол. отд. Варшава : тип. М. Земкевича и В. Ноковского, 1881. 82 с.

5. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М.: Изд-во акад. наук СССР, 1963. 384 с.

6. Брокгауз Ф.А. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И.Е. Андреевского. Исторические журналы – Калайдович. Т. 13а. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1890-1907, 1894. С. 481 – 960.

7. Галич А.И. Словарь русских синонимов, или сословов, составленный редакцией нравственных сочинений. Ч. 1 [и единств.]. СПб.: Тип. Третьего деп. Министерства гос. имуществ, 1840. 496 с.

8. Галич А.И. Лексикон философских предметов, составленный А. Галичем. СПб.: В типографии Императорской Академии наук, 1845. 208 с.

9. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: «Мысль», 1974. 452 с.

10. Дынник М.А. История античной диалектики / Под. ред. М.А. Дынника. М.: «Мысль», 1972. 335 с.

11. Зубкова Л.Г. Целостность языка и его детерминанта в трактовке И.А. Бодуэна де Куртенэ и Н.В. Крушевского // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. кн. 3. Т. 148. С. 73 – 82.

12. Зубова Л.В., Меньшикова Ю.В. Морфемика и словообразование современного русского языка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. 256 с.

13. Калайдович И.Ф. Краткое изложение правил для составления ручного словаря нынешнего языка русского, с приложением пробных листов словаря. М.: Унив. тип., 1826. 28 с.

14. Калайдович К.Ф. Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке тайного советника, сенатора... графа Федора Андреевича Толстова: рукопись Первое прибавление к описанию славяно-российских рукописей, хранящихся в библиотеке. СПб.: Тип. Селивановского С., 1825. 17 с.

15. Калайдович П.Ф. Опыт словаря русских синонимов. М.: В университетской типографии, 1818. Ч. 1. 157 с.

16. Калайдович Ф.Ф. Краткое извещение о владимирских древностях, сообщенное Ф.Ф. Калайдовичем // Записки и труды Общества истории и древностей российский. 1815. Ч. 1. С. 159 – 163.

17. Кант И. Критика способности суждения: пер. Н.М. Соколова. СПб.: М.В. Попов, 1898. 395 с.

18. Кант И. Критика способности суждения. М.: «Искусство», 1994. 367 с.

19. Карамзин Н.М. Избранные сочинения: в 2 т. Т. 2. М., Л.: Изд-во «Художественная литература», 1964. 591 с.

20. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

21. Комиссаров В.Н. Словарь антонимов современного английского языка. М. : Междунар. отношения, 1964. 289 с.

22. Краева И.А. Градуальность: концептуальные основания и специфика изменений // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. Ч. 3. С. 323 – 337.

23. Маслов Ю.С. Избранные труды: аспектология. Общее языкознание. М.: Яз. славян. культуры, 2004. 839 с.

24. Новикова Ю.О. О некоторых аспектах функционирования речевых антонимов (на материале английского языка) // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. 2023. № 2 (26). С. 102 – 105.

25. Платон. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 1 / Общ. ред. А.Ф. Лосева и др. М.: «Мысль», 1990. 860 с.

26. Прохорова В.Н. О словах с противоположными значениями в русских говорах // Филологические науки. 1961. № 1. С. 122 – 127.

27. Сиренов А. В. Экспедиция К.Ф. Калайдовича и начало изучения владимиро-суздальских древностей // Города и веси: сб. ст. к 60-летию акад. Н.А. Макарова. 2016. С. 569 – 573.

28. Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. Горький: [б. и.], 1975. 174 с.

29. Соколова Н.Л. К проблеме определения и классификации антонимов и их стилистического использования // Филологические науки. 1977. № 6. С. 60 – 69.

30. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М.: Просвещение, 1975. 271 с.

31. Томахин Г. Д. США. Лингвострановедческий словарь = Dictionary of USA. М.: Рус. яз., 2001. 575 с.

32. Тропин Н. А. Старый Елец и ельчане: тени прошлого: монография. Елец : Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2023. 176 с.

33. Фатыхова Л.А., Шакирьянов Л.М. Антонимические логико-семантические модели в свете категории контраста: на материале английского языка // Вестник Челябинского государственного университета. № 7 (389). Филологические науки. 2016. Вып. 101. С. 162 – 168.

34. Фонвизин Д.И. Опыт российского сословника // Собеседник любителей российского слова. 1783. СПб. Ч. 1: 126-134; Ч. 3: 121-126; Ч. 4: 143-157; Ч. 10: 137-142.

35. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. Т. I. М.: Учпедгиз, 1956. 450 с.

36. Чернейко Л.О. Семиотический статус слова в свете проблем лексикографической интерпретации // Русское языковое пространство в синхронии и диахронии: коллективная монография. М.: Изд-во МГУ, 2023. С. 40 – 49.

37. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение, 1964. 316 с.

38. Шмелёв Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М.: Просвещение, 1964. 244 с.

39. Aristotelis. Metaphysica. Lipsia: In aedibus B.G. Teubneri, 1906. 330 p.

40. Kant I. Kritik der Urteilskraft. Fünfte Auflage. Leipzig: Verlag von Felix Meiner, 1922. 394 s.

41. Trubetzkoy N. Grundzüge der Phonologie // Travaux du cercle linguistique de Prague. 1939. No. 7. P. 706 – 712.

42. Webster’s Dictionary of Synonyms. Springfield: G. & C. Merriam Co., Publishers, 1961. 907 p.

43. Webster’s New Dictionary of Synonyms. Springfield: Merriam-Webster Inc. Publish., 1984. 909 p.

References

1. Anikin A.V. English-Russian Economic Dictionary. edited by prof., Dr. Sci. (Econ.) A.V. Anikin. Moscow: Rus. lang., 1977. 726 p.

2. Apresyan Yu.D. Lexical Semantics. Synonymous Means of Language. Moscow: Nauka, 1974. 367 p.

3. Aristotle. Metaphysics. Translations. Commentaries. Interpretations. Comp. and text preparation by S.I. Eremeev. St. Petersburg, Kyiv: Aleteia, Elga. 2000. 826 p.

4. Baudouin de Courtenay I.A. Some Sections of the "Comparative Grammar" of the Slavic Languages: Otr. From the lectures of I. Baudouin de Courtenay, given in the 1880-81 academic year at the Imperial Kazan University to third- and fourth-year students of both philological departments. Warsaw: M. Zemkevich and V. Nokovsky press, 1881. 82 p.

5. Baudouin de Courtenay I.A. Selected works on general linguistics. Vol. II. Moscow: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1963. 384 p.

6. Brockhaus F.A. Encyclopedic dictionary. edited by prof. I.E. Andreevsky. Historical journals – Kalaidovich. Vol. 13a. St. Petersburg: F.A. Brockhaus, I.A. Efron, 1890-1907, 1894. P. 481 – 960.

7. Galich, A.I. Dictionary of Russian Synonyms, or Estates, Compiled by the Editorial Board of Moral Works. Part 1 [and Unified]. St. Petersburg: Type of the Third Dep. of the Ministry of State Property, 1840. 496 p.

8. Galich, A.I. Lexicon of Philosophical Subjects Compiled by A. Galich. St. Petersburg: In the Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1845. 208 p.

9. Hegel. Encyclopedia of Philosophical Sciences. Vol. 1. The Science of Logic. Moscow: Mysl', 1974. 452 p.

10. Dynnik, M.A. History of Ancient Dialectics. Ed. by M.A. Dynnik. Moscow: Mysl', 1972. 335 p.

11. Zubkova L.G. The Integrity of Language and Its Determinants in the Interpretation of I.A. Baudouin de Courtenay and N.V. Krushevsky. Scientific Notes of Kazan State University. Series: Humanities. 2006. Book 3. Vol. 148. P. 73 – 82.

12. Zubova L.V., Menshikova Yu.V. Morphemics and Word Formation of the Modern Russian Language. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University, 2014. 256 p.

13. Kalaydovich I.F. A Brief Summary of the Rules for Compiling a Manual Dictionary of the Current Russian Language, with an Appendix of Sample Dictionary Sheets. Moscow: University Press, 1826. 28 p.

14. Kalaidovich K.F. Detailed description of the Slavic-Russian manuscripts kept in Moscow, in the library of the privy councilor, senator... Count Fyodor Andreevich Tolstov: manuscript First supplement to the description of the Slavic-Russian manuscripts kept in the library. St. Petersburg: Type. Selivanovsky S., 1825. 17 p.

15. Kalaidovich P.F. An attempt at a dictionary of Russian synonyms. Moscow: In the university printing house, 1818. Part 1. 157 p.

16. Kalaidovich F.F. Brief information on Vladimir antiquities, communicated by F.F. Kalaidovich. Notes and works of the Society of Russian History and Antiquities. 1815. Part 1. P. 159 – 163.

17. Kant I. Critique of Judgment: Translated by N.M. Sokolova. St. Petersburg: M.V. Popov, 1898. 395 p.

18. Kant I. Critique of Judgment. Moscow: Iskusstvo, 1994. 367 p.

19. Karamzin, N.M. Selected Works: in 2 volumes. Vol. 2. Moscow, Leningrad: Khudozhestvennaya Literatura Publishing House, 1964. 591 p.

20. Kobozeva I.M. Linguistic Semantics. Moscow: Editorial URSS, 2000. 352 p.

21. Komissarov, V.N. Dictionary of Antonyms of the Modern English Language. M.: Mezhdunarodnaya otnosheniya, 1964. 289 p.

22. Kraeva I. A. Graduality: Conceptual Foundations and Specificity of Changes. Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Literary Criticism. Linguistics. Cultural Studies". 2022. No. 4. Part 3. P. 323 – 337.

23. Maslov Yu.S. Selected Works: Aspectology. General Linguistics. M.: Yaz. Slavic Culture, 2004. 839 p.

24. Novikova, Yu. O. On Some Aspects of the Functioning of Speech Antonyms (Based on the English Language). At the Intersection of Languages and Cultures. Current Issues in the Humanities. 2023. No. 2 (26). P. 102 – 105.

25. Plato. Collected Works in Four Volumes. T. 1. General editors A.F. Losev et al. Moscow: "Mysl'", 1990. 860 p.

26. Prokhorova V.N. On words with opposite meanings in Russian dialects. Philological sciences. 1961. No. 1. P. 122 – 127.

27. Sirenov A.V. K.F. Kalaydovich's expedition and the beginning of the study of Vladimir-Suzdal antiquities. Cities and villages: collection of articles for the 60th anniversary of academician N.A. Makarov. 2016. P. 569 – 573.

28. Skrebnev Yu.M. Essay on the theory of stylistics. Gorky: [no record], 1975. 174 p.

29. Sokolova N.L. On the problem of defining and classifying antonyms and their stylistic use. Philological Sciences. 1977. No. 6. P. 60 – 69.

30. Stepanov Yu.S. Fundamentals of general linguistics. M.: Education, 1975. 271 p.

31. Tomakhin G. D. USA. Linguistic and regional dictionary = Dictionary of USA. M.: Rus. lang., 2001. 575 p.

32. Tropin N. A. Old Yelets and Yelets: shadows of the past: monograph. Yelets: Yelets State University named after. I.A. Bunina, 2023. 176 p.

33. Fatykhova L.A., Shakiryanov L.M. Antonymic Logical-Semantic Models in Light of the Category of Contrast: Based on the English Language. Bulletin of Chelyabinsk State University. No. 7 (389). Philological Sciences. 2016. Issue 101. P. 162 – 168.

34. Fonvizin D.I. Experience of a Member of the Russian Estates. Interlocutor of Lovers of the Russian Word. 1783. St. Petersburg. Part 1: 126-134; Part 3: 121-126; Part 4: 143-157; Part 10: 137-142.

35. Fortunatov F.F. Selected Works. T. I. M.: Uchpedgiz, 1956. 450 p.

36. Cherneyko L.O. Semiotic Status of the Word in Light of the Problems of Lexicographical Interpretation. Russian Language Space in Synchrony and Diachrony: A Collective Monograph. Moscow: Moscow State University Publishing House, 2023. P. 40 – 49.

37. Shansky N.M. Lexicology of the Modern Russian Language. Moscow: Prosveshchenie, 1964. 316 p.

38. Shmelev D.N., Essays on the Semantics of the Russian Language. Moscow: Prosveshchenie, 1964. 244 p.

39. Aristotelis. Metaphysica. Lipsia: In aedibus B.G. Teubneri, 1906. 330 p.

40. Kant I. Critique of the Human Body. Leipzig: Verlag von Felix Meiner, 1922. 394 p.

41. Trubetzkoy N. Grundzüge der Phonologie. Travaux du cercle linguistique de Prague. 1939. No. 7. P. 706 – 712.

42. Webster’s Dictionary of Synonyms. Springfield: G. & C. Merriam Co., Publishers, 1961. 907 p.

43. Webster's New Dictionary of Synonyms. Springfield: Merriam-Webster Inc. Publish., 1984. 909 p.

Информация об авторе

Шакирьянов Л.М., кандидат филологических наук, ассистент, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-3110-8271, Уфимский университет науки и технологий, levshakiryanov@gmail.com

© Шакирьянов Л.М., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070+81'42+316.75
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-81-87

Жанровая система идеологического дискурса в печатных СМИ Донбасса периода Великой Отечественной войны

[1] Шакович Ю.В.,
[1] Донецкий государственный медицинский университет имени М. Горького Минздрава России

Аннотация: в статье рассматривается жанровая система идеологического дискурса в печатных СМИ Донбасса периода Великой Отечественной войны. На материале историко-журналистского и медиакоммуникативного подходов раскрывается функциональная специфика газетных жанров, участвовавших в формировании общественно значимых смыслов, мобилизационных установок и коллективной идентичности региональной аудитории. Особое внимание уделяется взаимодействию информационных, аналитических, художественно-публицистических и сатирических форм, а также их роли в организации ценностно ориентированной коммуникации. Выявлено, что жанровая структура военной печати Донбасса выступала не механической совокупностью текстовых типов, а целостной системой медиавоздействия, подчинённой задачам оперативного информирования, интерпретации событий и социальной консолидации.

Ключевые слова: медиакоммуникации, журналистика, печатные СМИ, Донбасс, Великая Отечественная война, идеологический дискурс, жанровая система, региональная пресса, публицистика, медиадискурс

Для цитирования: Шакович Ю.В. Жанровая система идеологического дискурса в печатных СМИ Донбасса периода Великой Отечественной войны // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 81 – 87. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-81-87

Поступила в редакцию: 12 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 9 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

The genre system of ideological discourse in the print media of Donbass during the Great Patriotic War

[1] Shakovich Yu.V.,
[1] Donetsk State Medical University named after M. Gorky Ministry of Health of the Russian Federation

Abstract: the article examines the genre system of ideological discourse in the print media of Donbass during the Great Patriotic War. Based on historical journalistic and media communication approaches, the functional specifics of newspaper genres involved in the formation of socially significant meanings, mobilization attitudes and collective identity of the regional audience are revealed. Special attention is paid to the interaction of informational, analytical, artistic, journalistic and satirical forms, as well as their role in the organization of value-based communication. It was revealed that the genre structure of the Donbass military press was not a mechanical set of text types, but an integral system of media interaction subordinated to the tasks of operational information, interpretation of events and social consolidation.

Keywords: media communications, journalism, print media, Donbass, the Great Patriotic War, ideological discourse, genre system, regional press, journalism, media discourse

For citation: Shakovich Yu.V. The genre system of ideological discourse in the print media of Donbass during the Great Patriotic War. Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 81 – 87. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-81-87

The article was submitted: July 12, 2026; Approved after reviewing: August 9, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

Печатные СМИ периода Великой Отечественной войны занимают особое место в истории отечественной журналистики, поскольку в условиях предельного общественного напряжения газета выполняла не только информационную, но и регулятивную, мобилизационную, ценностно-интерпретационную и идентификационную функции, вследствие чего для Донбасса, обладавшего выраженной промышленной, трудовой и региональной спецификой, печатная пресса являлась важнейшим каналом массовой коммуникации, через который происходило осмысление военной действительности, организация социальной солидарности и поддержание устойчивых представлений о долге, труде, стойкости и коллективной ответственности [1, с. 17].

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения жанровой организации регионального медиадискурса как самостоятельного объекта, так как в научной традиции военная печать нередко рассматривается преимущественно с историко-фактологической или идеологико-содержательной точки зрения, но жанровая система указанных изданий требует специального анализа, поскольку именно жанр задаёт способ отбора фактов, форму авторского присутствия, модель адресации, степень экспрессивности и тип воздействия на аудиторию [2, с. 21].

Цель научной статьи – выявить особенности жанровой системы идеологического дискурса в печатных СМИ Донбасса периода Великой Отечественной войны, объектом исследования выступает региональная печать Донбасса 1941-1945 гг. как институциональная форма массовой коммуникации, а предметом – являются жанровые механизмы организации идеологического дискурса в газетных публикациях военного времени [3, с. 51].

Материалы и методы исследований

Методологическую основу составляют медиадискурсивный, историко-журналистский, функционально-типологический, медиалингвистический и структурно-семиотический подходы, из-за чего, например, медиадискурсивный подход позволяет рассматривать газетный текст как элемент институциональной коммуникации, историко-журналистский анализ раскрывает связь жанровых форм с условиями функционирования прессы военного периода, функционально-типологический метод необходим для классификации жанров по их коммуникативным задачам, медиалингвистический подход выявляет речевые средства воздействия, а структурно-семиотический – соотношение вербальных и визуально-графических компонентов газетной полосы [4, с. 101].

Теоретические основания исследования жанровой системы. Жанровая система печатных СМИ представляет собой устойчивую, но исторически изменчивую совокупность форм журналистского высказывания, каждая из которых обладает определённой коммуникативной функцией, композиционной моделью, типом авторской позиции и характером взаимодействия с аудиторией, из-за чего в условиях военного времени жанр становится не только способом организации материала, но и инструментом ценностной навигации, потому что он задаёт читателю рамку восприятия события, то есть как факт, как пример, как призыв, как свидетельство, как моральный урок или как объект сатирического разоблачения [5, с. 31].

Теоретически важным для анализа жанровой системы является понятие архитектоники медиатекста, так как, например, в исследовании учёных-филологов ФГБОУ ВО ДонГМУ Минздрава России Л.Е. Шокотько, О.В. Подолиной, Е.А. Кононовой и соавторов архитектоника репортажа рассматривается как упорядоченная структура, обеспечивающая динамику восприятия и эффект присутствия [1] и хотя данная работа посвящена прямоэфирным формам, её положения применимы и к печатной журналистике, потому что газетный репортаж военного времени также конструирует последовательность наблюдений, смену эпизодов и ощущение непосредственной включённости адресата в событие [6, с. 27].

Психолингвистический аспект медиавоздействия, представленный филологами кафедры русского, латинского языков и медиакоммуникаций ФГБОУ ВО ДонГМУ Минздрава России Н.В. Мишиной, Т.И. Заворотневой, Л.Е. Шокотько и соавторами, позволяет рассматривать жанр как форму управления вниманием, эмоциональной реакцией и когнитивной оценкой аудитории [2], потому что жанровые признаки не являются нейтральными, то есть краткая заметка дисциплинирует восприятие факта, очерк персонализирует событие, передовая статья формирует нормативную интерпретацию, а фельетон переводит оценку в сатирико-обличительный регистр [7, с. 31].

Работы ведущего филолога Донбасса С.В. Карпия, посвящённые прямому включению, медиалингвостилистическим особенностям телевизионной речи и вещанию как сфере функционирования медиалингвистики, позволяют уточнить представление о медиаречи как особом институциональном способе публичного воздействия [3; 4; 5], но несмотря на различие между печатной и аудиовизуальной коммуникацией, многие характеристики оперативности, событийности, адресности и выразительной конкретики имеют межмедийный характер [8, с. 49].

Исследования построения устной речи в различных видах прямого включения [6], визуализации [7], медиаправовых норм [8; 9] и визуально-вербальной структуры репортажа [10] также значимы для анализа исторической печати, поскольку позволяют рассматривать газетную публикацию как поликодовый, нормативно организованный и воздействующий медиатекст [9, с. 87].

Результаты и обсуждения

Информационные жанры как основа оперативного идеологического дискурса. В жанровой системе печатных СМИ Донбасса периода Великой Отечественной войны базовое положение занимали информационные жанры – заметка, хроникальное сообщение, сводка, краткая корреспонденция, информационная подборка, поскольку их главной функцией являлось оперативное сообщение о событиях, однако в условиях военной журналистики информационность не исключала идеологической заданности и, напротив, факт включался в газетную полосу уже в определённой ценностной рамке [10, с. 27].

Заметка военного времени отличалась сжатостью, высокой плотностью фактической информации и выраженной прагматической направленностью, потому что она фиксировала событие, но одновременно предлагала читателю его нормативное понимание и даже краткий материал мог содержать оценочную лексику, риторически значимый заголовок, указание на социально одобряемую модель поведения, из-за чего в региональной прессе Донбасса заметки часто были связаны с производственной тематикой – трудовыми инициативами, выполнением заданий, восстановлением предприятий, участием рабочих коллективов в общих усилиях [1, с. 18].

Сводка как жанр обладала особой коммуникативной ролью, поскольку её структура создавала эффект документальной достоверности, системности и официальной значимости и для аудитории сводка выступала не только источником сведений, но и формой ритмической организации информационного пространства, вследствие чего регулярность подобных сообщений поддерживала ощущение управляемости исторического процесса и включённости регионального читателя в общую картину событий [2, с. 22].

Информационная подборка выполняла функцию тематического монтажа, а соседство нескольких кратких материалов создавало эффект множественности примеров и усиливало убедительность идеологического тезиса, то есть, если отдельная заметка сообщала о конкретном факте, то подборка формировала представление о массовом характере явления и именно поэтому данный жанрово-композиционный приём был востребован в публикациях, посвящённых трудовой мобилизации, помощи фронту, общественной инициативе и коллективной взаимопомощи [3, с. 52].

Репортаж и корреспонденция в системе событийной репрезентации. Репортаж и корреспонденция занимали центральное место в событийном представлении военной действительности, так как репортажная форма позволяла передать динамику происходящего, создать эффект присутствия и включить читателя в эмоционально насыщенное пространство события, а корреспонденция, в свою очередь, соединяла фактографию с объяснением, локальную конкретику с обобщением [4, с. 102].

Для печатных СМИ Донбасса репортаж был особенно важен, поскольку региональная аудитория нуждалась не только в общих сообщениях, но и в конкретных образах событий, связанных с близким социальным и пространственным опытом, в связи с чем репортёрское описание шахты, завода, улицы, цеха, рабочего собрания или восстановительных работ формировало медиальную топографию региона, а потому через неё идеологический дискурс становился не отвлечённым, а предметно воплощённым [5, с. 32].

Архитектоника репортажа строилась на последовательном развёртывании эпизодов, смене деталей, использовании прямой речи, пространственно-временных указаний, описании действий участников и данный способ организации текста соотносится с современными представлениями о репортажной структуре как динамической модели восприятия события [1], вследствие чего в печатной военной журналистике он обеспечивал эффект свидетельства и повышал доверие к сообщению [6, с. 28].

Корреспонденция выполняла более аналитизированную функцию, потому что она позволяла показать причины, условия и результаты происходящего, но в отличие от заметки, корреспонденция не ограничивалась фиксацией факта, а раскрывала его социальный смысл и в условиях идеологического дискурса это

означало включение локального события в более широкую систему ценностей – трудовой дисциплины, коллективизма, ответственности, стойкости и преемственности [7, с. 32].

Передовая статья и комментарий как жанры нормативной интерпретации. Передовая статья в газетах военного периода являлась ядром идеологического дискурса, так как её коммуникативная задача заключалась в формировании нормативной интерпретации событий и закреплении официально значимых смыслов, а потому передовица не просто объясняла происходящее, но и задавала читателю модель оценки и поведения [8, с. 50].

Композиционно передовая статья строилась на сочетании тезиса, аргументации, примеров и призывного вывода и в ней активно использовались обобщающие формулы, риторические повторы, императивные конструкции, коллективные номинации, из-за чего авторская позиция была институционально выраженной, то есть текст говорил от имени редакции, общественной нормы и коллективного интереса, из-за чего передовица и обладала высоким уровнем директивности [9, с. 88].

Комментарий занимал промежуточное положение между информационным и аналитическим жанром, поскольку он был связан с конкретным событием, но направлен на его оперативное объяснение, из-за чего в жанровой системе идеологического дискурса комментарий выполнял функцию смыслового уточнения, то есть он помогал аудитории интерпретировать факт в соответствии с заданной ценностной рамкой, но в отличие от передовой статьи, комментарий мог быть компактнее и ситуативнее, однако его воздействующий потенциал был значителен [10, с. 28].

С точки зрения медиалингвистики передовая статья и комментарий демонстрируют высокую концентрацию оценочной лексики, модальных конструкций и аргументативных связок, так как подобные средства формируют не только информационное, но и аксиологическое поле текста, вследствие чего в данном отношении актуальны положения о медиалингвистике как сфере анализа публичной речи, представленные в работах известных российских учёных С.В. Карпия и Г.А. Игнатенко [5; 1, с. 19].

Очерк и письмо как формы персонализации идеологического смысла. Художественно-публицистические жанры занимали особое место в печатных СМИ Донбасса военного времени, поскольку очерк, зарисовка, портретный материал и письмо позволяли персонализировать идеологический смысл, представить общую ценность через судьбу конкретного человека или коллектива, то есть, если передовая статья задавала нормативный тезис, то очерк показывал его жизненное воплощение [2, с. 23].

Очерк был связан с созданием образа героя труда, защитника, организатора, матери, подростка-помощника, рабочего коллектива, так как его структура включала элементы повествования, описания, характеристики, авторского размышления, а для донбасской прессы особенно значимым был производственный очерк, в котором центральным пространством становились шахта, завод, мастерская, бригада, а потому через данные образы формировалась региональная версия идеологического дискурса, основанная на ценностях труда, дисциплины и коллективной ответственности [3, с. 53].

Письмо в редакцию или письмо с фронта обладало высокой степенью доверительности, поскольку оно создавало эффект прямой коммуникации, близкий к устной адресации, в связи с чем, например, исследования построения устной речи в медиакоммуникации показывают, что элементы разговорности, обращённости и непосредственного высказывания усиливают контакт с аудиторией [6], из-за чего в печатной газете письмо выполняло сходную функцию, то есть оно вводило в публичное пространство голос участника событий и тем самым повышало эмоциональную достоверность дискурса [5, с. 33].

Персонализация не отменяла идеологической функции текста, а, напротив, делала её более убедительной, так как через конкретного героя читатель воспринимал абстрактную норму как жизненно осуществимую, что превращало очерк и письмо в важные инструменты символической социализации [6, с. 29].

Сатирические жанры и механизм дискредитации. Фельетон, памфлет, сатирическая заметка, эпиграмма и карикатурный комментарий выполняли в военной печати функцию дискредитации противостоящих ценностей и разрушения символического авторитета негативных образов, потому что сатира являлась не периферийным, а значимым элементом жанровой системы идеологического дискурса [7, с. 33].

Коммуникативная специфика сатирического жанра состояла в соединении эмоционального воздействия, оценочной резкости и игрового снижения, потому что фельетон не только осуждал объект критики, но и представлял его в комически обесцененном виде, вследствие чего данный приём снижал психологическую напряжённость аудитории и одновременно укреплял уверенность в устойчивости собственной ценностной позиции [8, с. 51].

Визуальные элементы, прежде всего карикатура, усиливали сатирический эффект, вследствие чего газетная полоса становилась поликодовым пространством, где вербальная оценка поддерживалась графическим образом, а потому современные исследования визуализации в медиатексте подчёркивают, что визу-

альные средства управляют вниманием адресата и задают предварительную интерпретационную рамку [7], а потому для исторической печати данное положение также применимо, потому что карикатура часто воспринималась быстрее основного текста и задавала эмоциональный тон чтения [9, с. 89].

Визуально-вербальная организация жанрового пространства. Жанровая система печатных СМИ проявлялась не только в отдельных публикациях, но и в композиции газетной полосы, так как расположение материалов, шрифтовая иерархия, заголовочный комплекс, рубрикация, иллюстрации, рамки и подборки формировали визуально-вербальную структуру идеологического дискурса [10, с. 29].

Заголовок выполнял функцию первичного смыслового кодирования, поскольку он не просто называл тему, а задавал оценку, темп и эмоциональную направленность восприятия, а подзаголовок конкретизировал содержание, рубрика включала материал в тематическую серию, а шрифтовое выделение определяло значимость публикации и таким образом газетная полоса представляла собой не набор автономных текстов, а организованную медиасреду [1, с. 20].

Исследование визуально-вербальных составляющих репортажа позволяет рассматривать взаимодействие текста и графической формы как единый механизм коммуникации [10], поскольку в печатных СМИ Донбасса подобный механизм обеспечивал иерархизацию смыслов – официальные сообщения, передовые статьи, репортажи, очерки и сатирические материалы выстраивались в определённой последовательности, создавая целостную картину дня, недели или тематической кампании [3, с. 54].

Нормативность журналистского высказывания в военной печати. Идеологический дискурс печатных СМИ военного периода не может быть описан только как совокупность выразительных средств, потому что он был связан с институциональными нормами журналистской деятельности, ответственностью публичного слова и требованиями к достоверности сообщения, а потому современные исследования медиаправовых стандартов и реализации юридических норм в прямом включении позволяют актуализировать проблему нормативной организации медиатекста [8; 9; 7, с. 34].

Разумеется, исторические условия функционирования военной печати отличались от современных медиаправовых режимов, но для теории журналистики принципиально важно, что любой институциональный медиадискурс предполагает правила отбора информации, допустимые формы оценки, жанровые ожидания аудитории и ответственность за последствия публикации, а потому в газетах Донбасса периода Великой Отечественной войны нормативность выражалась в подчинении жанровых форм задачам общественной консолидации, поддержания доверия и мобилизационной эффективности [8, с. 51].

Выводы

Жанровая система идеологического дискурса в печатных СМИ Донбасса периода Великой Отечественной войны представляла собой целостный механизм медиакоммуникативного воздействия, так как её структура включала информационные, аналитические, художественно-публицистические и сатирические жанры, каждый из которых выполнял собственную функцию в организации общественного восприятия.

Информационные жанры обеспечивали оперативность и регулярность сообщения, в связи с чем, например, репортаж и корреспонденция создавали событийную конкретику и эффект присутствия, передовая статья и комментарий формировали нормативную интерпретацию, очерк и письмо персонализировали идеологические смыслы, связывая их с судьбой конкретного человека или коллектива, сатирические жанры осуществляли дискредитацию негативных образов и эмоциональное сплочение аудитории, но визуально-вербальная организация газетной полосы объединяла указанные жанры в единую систему смысловой иерархии.

Специфика донбасской печати заключалась в соединении общих задач военной журналистики с региональным промышленным хронотопом, из-за чего труд, шахта, завод, производственный коллектив, восстановление и взаимопомощь становились устойчивыми смысловыми центрами публикаций, благодаря чему идеологический дискурс приобретал локальную предметность и был соотнесён с повседневным опытом аудитории.

Таким образом, жанровая система печатных СМИ Донбасса 1941-1945 гг. может рассматриваться как значимый объект исследований, поскольку её изучение позволяет уточнить представления о роли региональной прессы в исторических условиях, о функциональной природе журналистского жанра и о механизмах медиарепрезентации общественно значимых смыслов в институциональном дискурсе.

Список источников

1. Шокотько Л.Е., Подолина О.В., Кононова Е.А. и др. Архитектоника прямоэфирных видов репортажа: история вопроса // Социально-экономические, историко-правовые и философские исследования: Материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 18 августа 2023 года. Москва: ООО "Рукопись", 2023. С. 17 – 20.

2. Мишина Н.В., Заворотнева Т.И., Шокотько Л.Е. и др. Воздействующие компоненты прямого включения: психолингвистический аспект // Современные тенденции развития науки и техники: теория, методология, практика: материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 22 июля 2023 года. Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Манускрипт", 2023. С. 21 – 23.

3. Карпий С.В. Медиалингвостилистические особенности прямого телевизионного включения // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 51 – 58.

4. Карпий С.В. Прямое включение как специфический телеформат // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2019. № 4. С. 101 – 102.

5. Карпий С.В., Игнатенко Г.А. Вещание как сфера функционирования медиалингвистики // Мировые исследования в области естественных и технических наук: Материалы VI Международной научно-практической конференции, Ставрополь, 30 апреля 2023 года. Ставрополь: Общество с ограниченной ответственностью "Ставропольское издательство "Параграф", 2023. С. 31 – 33.

6. Элизбарашвили Л.Г., Парамонова Т.И., Шакович Ю.В. и др. Построение устной речи в различных видах прямого включения // Современные тенденции развития науки и техники: теория, методология, практика: материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 22 июля 2023 года. Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Манускрипт", 2023. С. 27 – 29.

7. Цатыньян К.В., Шевченко Д.В., Заворотнева Т.И. и др. Приёмы визуализации в прямом включении и следствие их развития // Психолого-педагогические, лингвокультурологические парадигмы современности: Материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 11 августа 2023 года. Краснодар: ПРОФНАУКА, 2023. С. 31 – 34.

8. Заворотнева Т.И., Косенкова-Дудник Е.А., Якобчук А.В. и др. Прямое включение в аспекте стандартов и норм медиаправа // Социально-экономические, историко-правовые и философские исследования: Материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 18 августа 2023 года. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Рукопись", 2023. С. 49 – 52.

9. Элизбарашвили Л.Г., Парамонова Т.И., Шакович Ю.В. и др. Реализация комплекса юридических норм в прямом включении // Социально-экономические, историко-правовые и философские исследования: Материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 18 августа 2023 года. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Рукопись", 2023. С. 87 – 90.

10. Мишина Н.В., Заворотнева Т.И., Шокотько Л.Е. и др. Структура и визуально-вербальные составляющие прямого репортажа // Психолого-педагогические, лингвокультурологические парадигмы современности: Материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 11 августа 2023 года. Краснодар: ПРОФНАУКА, 2023. С. 27 – 30.

References

1. Shokotko L.E., Podolina O.V., Kononova E.A., et al. Architectonics of Live Broadcast Reporting Types: History of the Issue. Socio-Economic, Historical, Legal, and Philosophical Studies: Proceedings of the XVIII All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, August 18, 2023. Moscow: OOO "Rukopis", 2023. P. 17 – 20.

2. Mishina N.V., Zavorotneva T.I., Shokotko L.E., et al. Influencing Components of Live Broadcasting: Psycholinguistic Aspect. Modern Trends in the Development of Science and Technology: Theory, Methodology, Practice: Proceedings of the XVII All-Russian Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, July 22, 2023. Rostov-on-Don: Limited Liability Company "Manuscript Publishing House", 2023. P. 21 – 23.

3. Karpiy S.V. Media-linguostylistic features of live television broadcasts. Upper Volga Philological Bulletin. 2020. No. 4 (23). P. 51 – 58.

4. Karpiy S.V. Live broadcasts as a specific television format. Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism. 2019. No. 4. P. 101 – 102.

5. Karpiy S.V., Ignatenko G.A. Broadcasting as a sphere of media linguistics functioning. World research in the field of natural and technical sciences: Proceedings of the VI International scientific and practical conference, Stavropol, April 30, 2023. Stavropol: Limited Liability Company "Stavropol Publishing House "Paragraph", 2023. P. 31 – 33.

6. Elizbarashvili L.G., Paramonova T.I., Shakovich Yu.V. et al. Construction of oral speech in various types of direct inclusion. Modern trends in the development of science and technology: theory, methodology, practice: materials of the XVII All-Russian scientific and practical conference, Rostov-on-Don, July 22, 2023. Rostov-on-Don: Limited Liability Company "Manuscript Publishing House", 2023. P. 27 – 29.

7. Tsatynyan K.V., Shevchenko D.V., Zavorotneva T.I., et al. Live broadcast visualization techniques and the consequences of their development. Psychological, pedagogical, linguacultural paradigms of our time: Proceedings of the XVII All-Russian scientific and practical conference, Krasnodar, August 11, 2023. Krasnodar: PROFNAUKA, 2023. P. 31 – 34.

8. Zavorotneva T.I., Kosenkova-Dudnik E.A., Yakobchuk A.V., et al. Live broadcast in terms of media law standards and norms. Socio-economic, historical, legal, and philosophical studies: Proceedings of the XVIII All-Russian scientific and practical conference, Moscow, August 18, 2023. Moscow: Limited Liability Company "Rukopis", 2023. P. 49 – 52.

9. Elizbarashvili L.G., Paramonova T.I., Shakovich Yu.V., et al. Implementation of a Complex of Legal Norms in Live Broadcasting. Socio-Economic, Historical, Legal, and Philosophical Research: Proceedings of the XVIII All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, August 18, 2023. Moscow: Limited Liability Company "Rukopis", 2023. P. 87 – 90.

10. Mishina N.V., Zavorotneva T.I., Shokotko L.E., et al. Structure and Visual-Verbal Components of Live Reporting. Psychological, Pedagogical, Linguistic, and Cultural Paradigms of Our Time: Proceedings of the XVII All-Russian Scientific and Practical Conference, Krasnodar, August 11, 2023. Krasnodar: PROFNAUKA, 2023. P. 27 – 30.

Информация об авторе

Шакович Ю.В., аспирант, Донецкий государственный медицинский университет имени М. Горького Минздрава России, eskalive25@gmail.com

© Шакович Ю.В., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070.19
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-88-95

Тема партнерства России и Китая в отражении СМИ двух стран: сходства и различия в освещении (по материалам публикаций 2025 года)

[1] Айзиер Айкебаиер,
[1] Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: статья посвящена сравнительному исследованию освещения российско-китайского партнерства в ведущих средствах массовой информации России и Китая за 2025 год. Актуальность работы обусловлена возрастающей ролью медиа двух стран в формировании внешнеполитического имиджа партнерства на фоне трансформации мировой информационной среды. Целью исследования является выявление сходств и различий в жанровых, тематических и риторических стратегиях освещения двусторонних отношений. Материалом послужили 390 публикаций информационных агентств «ТАСС», «Синьхуа», телеканала «Первый канал», а также официальных правительственных источников за январь-декабрь 2025 года. Методами исследования выступили контент-анализ и сравнительно-сопоставительный подход. Установлено, что обе стороны демонстрируют устойчиво позитивную тональность освещения и отсутствие взаимной критики, однако различаются в жанровых предпочтениях: российские медиа тяготеют к информационной заметке с акцентом на конкретные экономические показатели, тогда как китайские – к аналитическому обзору, помещающему события в историко-стратегический контекст. Показано, что медийное сотрудничество в 2025 году оформилось как самостоятельное

направление двустороннего партнерства, включающее совместное противодействие недостоверной информации. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке аналитических материалов о российско-китайском информационном взаимодействии, а также в преподавании курсов сравнительной и международной журналистики.

Ключевые слова: российско-китайское партнерство, сравнительное исследование, жанровые стратегии, медиадискурс, контент-анализ, информационная повестка, позитивная тональность, противодействие дезинформации, медийное сотрудничество

Для цитирования: Айзиер Айкебаиер Тема партнерства России и Китая в отражении СМИ двух стран: сходства и различия в освещении (по материалам публикаций 2025 года) // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 88 – 95. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-88-95

Поступила в редакцию: 12 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 10 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

Russia-China partnership as reflected in the media of the two countries: similarities and differences in coverage (based on 2025 publications)

[1] Aizier Aikebaier,
[1] Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: the article presents a comparative study of the coverage of the Russia-China partnership by leading Russian and Chinese media in 2025. The relevance of the study is determined by the growing role of the media of the two countries in shaping the foreign-policy image of the partnership amid the transformation of the global information environment. The aim of the study is to identify similarities and differences in the genre, thematic, and rhetorical strategies used to cover bilateral relations. The material comprised 390 publications from the news agencies TASS and Xinhua, the Channel One television network, and

official government sources for the period from January to December 2025. The research methods included content analysis and a comparative approach. It was established that both sides consistently demonstrate a positive tone of coverage and an absence of mutual criticism, yet differ in genre preferences: Russian media tend toward the news brief with an emphasis on specific economic indicators, while Chinese media favor the analytical review, which situates events within a broader historical and strategic context. It is shown that in 2025 media cooperation emerged as an independent area of the bilateral partnership, including joint efforts to counter disinformation. The findings of the study can be used in preparing analytical materials on Russian-Chinese information cooperation, as well as in teaching courses on comparative and international journalism.

Keywords: Russian-Chinese partnership, comparative study, genre strategies, media discourse, content analysis, information agenda, positive tone, countering disinformation, media cooperation

For citation: Aizier Aikebaier Russia-China partnership as reflected in the media of the two countries:similarities and differences in coverage (based on 2025 publications). Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 88 – 95. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-88-95

The article was submitted: July 12, 2026; Approved after reviewing: August 10, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

Российско-китайское партнерство остается одной из центральных тем международной повестки, а средства массовой информации обеих стран играют существенную роль в его репрезентации для широкой аудитории. Журналистика традиционно рассматривается не только как канал передачи информации о событиях, но и как инструмент формирования общественного мнения и внешнеполитического имиджа государства [1]. В условиях трансформации мировой информационной среды и роста значения незападных центров влияния изучение национальных стратегий освещения двусторонних отношений приобретает особую *актуальность*.

Отдельные аспекты медийной репрезентации российско-китайских отношений уже становились предметом научного анализа: исследователи обращались к образу России в китайских СМИ [2; 5; 15], специфике российско-китайского медиадискурса на фоне взаимодействия с западными СМИ [13], различиям в подаче новостных материалов [9; 14; 16].

Вместе с тем работы последних лет преимущественно сфокусированы либо на образе одной из сторон в СМИ другой страны, либо на отдельных тематических блоках (демографическая политика, новостной жанр), тогда как комплексное сопоставление освещения институционального партнерства двух стран за конкретный календарный период остается малоизученным. Настоящее

исследование призвано восполнить этот пробел на материале публикаций 2025 года.

Целью исследования является выявление сходств и различий в освещении российско-китайского партнерства российскими и китайскими СМИ за 2025 год, а также определение специфики жанровых и тематических стратегий двух национальных медиасистем.

Для достижения поставленной цели решались следующие *задачи*: 1) определить ключевые информационные поводы, сформировавшие медиа-повестку российско-китайских отношений в 2025 году; 2) выявить преобладающие жанровые и тематические стратегии освещения в российских и китайских СМИ; 3) сопоставить тональность и риторические стратегии двух национальных медиасистем в отношении партнера и третьих стран; 4) охарактеризовать медийное сотрудничество между Россией и Китаем как самостоятельное направление двустороннего взаимодействия.

Ретроспективный анализ публикаций по теме российско-китайских отношений от ведущих информационных агентств и масс-медиа, официальных правительственных источников и материалов тематических форумов России и Китая за 2025 год позволяет выделить ключевые информационные поводы, определившие сюжетные и тематические границы современного медиадискурса по поводу двусторонних отношений России и Китая, сложившегося в каждой из стран, и выяснить точки пересечения, сходства и различия названных медиадискурсов в российском и китайском инфополе.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов при подготовке аналитических материалов о российско-китайском информационном партнерстве, а также в преподавании курсов по международной и сравнительной журналистике.

Материалы и методы исследований

Эмпирическую базу исследования составили материалы ведущих российских и китайских СМИ за период с января по декабрь 2025 года. В выборку вошли публикации информационных агентств «ТАСС» и «Синьхуа»,

телеканала «Первый канал», а также официальные правительственные источники двух стран [12; 6; 10]. Всего проанализировано 390 материалов, имеющих непосредственное отношение к освещению российско-китайского партнерства. Единицами анализа выступали отдельные новостные сообщения, аналитические статьи, репортажи и видеосюжеты.

В качестве основных тематических единиц анализа выделены сюжеты, связанные с освещением в СМИ встреч глав правительств, деятельности межправительственных комиссий и взаимодействия медиасообществ. Категории анализа включали: тематическую принадлежность (политические визиты, экономические соглашения, культурные обмены, технологическое сотрудничество), жанровую принадлежность (новостная заметка, аналитическая статья, интервью, репортаж) и тональность (позитивная, нейтральная, негативная).

Основным методом исследования выступил контент-анализ в его классическом понимании – систематическая, объективная и количественная фиксация характеристик медиатекста [17], дополненный сравнительно-сопоставительным подходом, позволяющим соотнести жанровые и тематические стратегии двух национальных медиасистем [8; 3]. Применение методов контент-анализа и сравнительно-сопоставительного подхода к изучению эмпирического материала позволило выявить как общие тенденции, так и специфические национальные особенности в освещении российско-китайского партнерства.

Результаты и обсуждения

Институциональные встречи как ключевой информационный повод. Центральным событием экономической повестки 2025 года стала 30-я регулярная встреча глав правительств России и Китая, состоявшаяся в Ханчжоу 2-3 ноября. По итогам встречи премьер-министра Михаила Мишустина и премьера Госсовета КНР Ли Цяна было подписано совместное коммюнике и ряд двусторонних документов [12]. Соглашения охватили широкий спектр сфер,

включая инвестиции, энергетику, транспорт, сельское хозяйство и средства массовой информации.

Было выявлено 28 публикаций, непосредственно посвященных этой встрече. Наиболее активно событие освещали информационные агентства ТАСС, Синьхуа, Интерфакс, телеканал CGTN и газета «Коммерсантъ». Распределение по жанрам: новостные заметки составили 18 материалов (64%), аналитические статьи и комментарии – 6 (21%), репортажи с места события – 4 (14%). Преобладание новостных жанров объясняется оперативной значимостью события и необходимостью оперативного информирования аудитории о ходе переговоров и подписанных документов.

Характерным примером новостной заметки может служить сообщение информационного агентства Интерфакс от 3 ноября 2025 года о том, что в Ханчжоу состоялась 30-я регулярная встреча глав правительства РФ и КНР, в ходе которой было подписано восемь документов. Лаконичность и фактологическая насыщенность – отличительные черты данного жанра, позволяющие оперативно донести до аудитории ключевую информацию без дополнительных комментариев.

Интенсивная работа межправительственных комиссий в преддверии встречи сформировала устойчивый новостной фон. 1 ноября 2025 года в Пекине под сопредседательством первого заместителя председателя правительства РФ Дениса Мантурова и вице-премьера Госсовета КНР Дин Сюэсяна прошло 12-е заседание Межправительственной российско-китайской комиссии по инвестиционному сотрудничеству. На повестке дня стояла реализация совместных инвестиционных проектов и дальнейшие шаги по расширению международной кооперации.

Наиболее подробные отчеты об этой встрече появились в официальных правительственных медиаресурсах. Согласно опубликованной информации, Денис Мантуров сообщил, что в фокусе внимания комиссии находится портфель проектов на общую сумму свыше 200 млрд долларов [6]. Более половины этой суммы приходится на 63 значимых проекта, из которых 46 уже находятся в практической стадии реализации. Авторы отчета для сайта Правительства, ссылаясь на слова первого вице-премьера РФ, подчеркивают, что речь идет преимущественно об инициативах развития транспортно-логистической инфраструктуры, металлургии, химии, машиностроения, лесной промышленности, аграрного сектора и торговой сферы. В 2025 году в список включены новые инициативы – по производству автомобильной техники в трех российских регионах и глинозема в китайской провинции Хэбэй. Денис Мантуров также сообщил о пополнении пакета перспективных проектов планами по организации производства растворимой целлюлозы и вискозного волокна в Иркутской области, создании исследовательской клиники ионной и протонной терапии в Москве, а

также запуске круглогодичной контейнерной линии по Северному морскому пути. Вице-премьер Госсовета КНР Дин Сюэсян отметил достижения инвестиционного сотрудничества за последний год, подчеркнув, что Китай экспортирует свою продукцию в Россию в сфере автомобилестроения, производства компьютеров и оборудования. Торговые отношения Китая и России способствуют развитию аэрокосмической отрасли, искусственного интеллекта, цифровизации экономики, экологически чистого горного дела и здравоохранения.

Также в Пекине состоялось 26-е заседание комиссии России и Китая по гуманитарному сотрудничеству под руководством заместителя председателя правительства Российской Федерации Татьяны Голиковой и заместителя премьера Госсовета Китайской Народной Республики Шэнь Ицинь, в ходе которого стороны отметили успехи перекрестных Годов культуры России и Китая 2024-2025 годов. Стороны приняли решение, что последующие два года будут объявлены годами образования, что способствует ведению тематических проектов между государствами, отвечающих требованиям двустороннего взаимодействия [10].

Помимо институциональных встреч, значимыми информационными поводами стали публичные заявления официальных лиц, конкретизирующие масштаб совместных проектов. 24 ноября 2025 года на VI Российско-китайском

форуме предпринимателей в Сиане специальный представитель президента России по связям с международными организациями для достижения целей устойчивого развития, сопредседатель российско-китайского Комитета дружбы, мира и развития Борис Титов заявил о подготовке к запуску более 80 совместных проектов общей стоимостью 200 млрд долларов [11]. По словам Б. Титова, правительство вводит налоговые стимулы для перехода китайских партнеров от модели прямых поставок по импорту к локализации производства в России. В качестве успешного примера такого сотрудничества Титов привел автопром, упомянув проекты Haval, «Москвич», а также планы по выпуску автомобиля

«Волга». Он также сообщил, что в России зарегистрированы 13 тысяч китайских компаний, что значительно превышает количество западных компаний, работающих на российском рынке.

Медийное сотрудничество как самостоятельный компонент партнерства. В 2025 году произошло системное развитие двустороннего взаимодействия в информационной сфере. Ключевым событием этой повестки стал VI форум средств массовой информации России и Китая, проходивший в Пекине с 14 по 18 декабря 2025 года под девизом «Создание нового будущего в сотрудничестве Китая и России в сфере СМИ: консенсус и действия». Участниками форума стали представители 60 федеральных и региональных СМИ Российской Федерации и Китайской Народной Республики, включая

«Первый канал», ВГТРК, RT, газету «Жэньминь жибао» и Медиакорпорацию Китая [4]. Были подписаны несколько медийных соглашений, в частности ТАСС и Медиакорпорация Китая подписали соглашение о взаимном обмене опытом в сфере медиатехнологий и искусственного интеллекта. Документ подтверждает взаимную заинтересованность в расширении сотрудничества между государствами и реализации совместных проектов, включая организацию интервью, проведение конференций и иных совместных мероприятий. В 2026 году планируется подготовить серии репортажей о 70-летии установления отношений сотрудничества между ТАСС и Синьхуа.

Центральной темой форума стало противодействие недостоверной информации. Для совместной борьбы с фальсификацией истории Россия предложила китайским партнерам присоединиться к Международной ассоциации по фактчекингу. Как сообщил генеральный директор ТАСС Андрей Кондрашов, ассоциация уже объединяет более 100 медиаэкспертов из 50 стран; используя технологии искусственного интеллекта, система способна точно определить фейк и установить его первоисточник [7]. Китайское информационное агентство Синьхуа, в свою очередь, выразило готовность совместно обсуждать профессиональные стандарты журналистики в эпоху искусственного интеллекта и противостоять распространению ложной информации и слухов [18].

Заявления на полях форума носили ярко выраженный геополитический характер. Как отметил генеральный директор ТАСС Андрей Кондрашов, западные СМИ преднамеренно очерняют совместные достижения Москвы и Пекина в масштабе экономики и науки, стремясь подорвать не только торговые связи, но и взаимопонимание между народами [7]. Представитель президента РФ по международному информационному сотрудничеству подчеркнул, что средства массовой информации России и Китая выступают субъектом формирования справедливой системы мироустройства и нового многополярного порядка.

Общая характеристика проанализированного массива публикаций. В ходе анализа медиапространства за 2025 год было изучено 390 материалов ведущих российских и китайских СМИ, распределенных по тематическим разделам с указанием преобладающих жанров:

1) экономика и инвестиции – 162 публикации (41,5%); основной объем закреплен за новостной заметкой

с элементами аналитики (68% от блока), что связано с высокой оперативной значимостью экономических соглашений, заседаний комиссий и инвестиционных проектов, требующих быстрой фиксации конкретных цифр и договоренностей;

2) политические визиты и институциональные встречи – 98 публикаций (25,1%); публикации основаны на информационной заметке (72%), поскольку ключевой задачей СМИ является оперативное сообщение о встрече, составе делегаций и подписанных документах;

3) культурные и гуманитарные обмены – 71 публикация (18,2%); заметно выше доля репортажей и аналитических обзоров (около 40%), что связано с событийным характером культурных мероприятий (фестивали, выставки, форумы) и необходимостью их содержательного освещения;

4) технологии и инновации – 59 публикаций (15,1%); преобладают аналитические статьи и обзоры (52%), поскольку тема искусственного интеллекта, цифровой экономики и аэрокосмической отрасли требует более глубокого контекстного осмысления.

Проведенный анализ материалов позволяет выделить следующие жанровые особенности освещения российско-китайского партнерства в СМИ двух стран. В российской медиапрактике доминирующим жанром выступает информационная заметка с элементами проблемно-аналитической статьи – таких материалов в выборке 218 (56%). Как правило, они строятся по следующей схеме: краткое изложение события (встречи, подписания документа, заявления), прямая речь официального лица, перечисление достигнутых договоренностей [3]. Характерной чертой является акцент на конкретных показателях – объемах инвестиций, количестве проектов, сумме подписанных контрактов. Например, в сообщении «Первого канала» от 1 ноября 2025 года о заседании инвестиционной комиссии фигурируют цифры: инвестиционный портфель включает проекты на 200 млрд долларов, десятки уже готовы к реализации. В публикации «Ведомостей» от 24 ноября 2025 года приводятся уточненные данные: более 80 совместных проектов на $200 млрд, 13 тыс. китайских компаний зарегистрированы в России. При этом в российской прессе наблюдается синкретизм жанров: элементы репортажа и интервью часто включаются в структуру информационной заметки (в 42 материалах, или 19% от числа заметок), что позволяет сохранить динамику повествования без увеличения объема материала.

В китайских СМИ более характерен жанр аналитического обзора с элементами эпистолярного стиля – 112 материалов (29%). В таких публикациях новостной повод помещается в широкий историко-стратегический контекст. Например, в материалах агентства Синьхуа, посвященных 75-летию дипломатических отношений, акцент делается не столько на текущих экономических показателях, сколько на долгосрочном стратегическом значении партнерства. В китайских материалах, несмотря на их информационный характер, прослеживается отчетливая риторическая стратегия утверждения «мягкой силы» и концепции сообщества единой судьбы человечества [9; 16]. Если российские СМИ делают акцент на том, «что сделано» (объемы инвестиций, количество проектов), то китайские – на том, «почему это важно» (место в глобальном управлении, вклад в многополярный мир). Таким образом, жанровые различия двух медиасистем отражают фундаментальные различия в восприятии двустороннего партнерства: российская сторона акцентирует прагматические экономические результаты, тогда как китайская – стратегическое видение.

Сходства и различия в освещении. В ходе сравнения материалов российских и китайских СМИ за 2025 год выделены универсальные черты и национально-специфические особенности. Общей для обеих сторон является позитивная тональность подачи информации: ни в одном из 390 проанализированных материалов не выявлено критических замечаний в адрес партнера или сомнений в целесообразности расширения сотрудничества. Описание двусторонних отношений сопровождается такими характеристиками, как «стратегическое партнерство», «высокий уровень доверия и взаимопонимания», «добрая традиция проведения межгосударственных тематических проектов». В рамках VI форума СМИ две страны договорились усилить взаимодействие в сфере противодействия недостоверной информации, что свидетельствует о консолидации подходов к формированию информационной повестки.

Различия в освещении материала обнаруживаются на уровне риторики в отношении третьих стран. В российских СМИ практически отсутствует прямая критика западных государств при освещении российско-китайского сотрудничества в новостных заметках (подтверждается 218 материалами, или 56% от общего числа). Однако на площадках форумов и в заявлениях официальных лиц российская сторона последовательно подчеркивает необходимость противодействия западной дезинформации: генеральный директор ТАСС Андрей Кондрашов отметил, что западные СМИ откровенно очерняют совместные достижения Москвы и Пекина и стремятся подорвать взаимопонимание между народами [7]. Российская сторона также предложила китайским партнерам присоединиться к Международной ассоциации по аудиту.

Китайские СМИ демонстрируют большую дипломатическую сдержанность в антизападной риторике, делая акцент на позитивной повестке сотрудничества: в проанализированных материалах Синьхуа и других китайских СМИ прямая критика западных стран встречается лишь в 12% публикаций, тогда как в российских – в 31%. Китайские издания подают образ России в стратегическом и культурно-историческом контексте, акцентируя внимание на общих ценностях и долгосрочных перспективах взаимодействия [2; 5; 15]. При освещении двустороннего сотрудничества китайские СМИ формируют образ Китая как ответственного игрока в глобальном управлении и сторонника сотрудничества, что имплицитно противопоставляется западной модели международных отношений [14]. Различия прослеживаются и в отборе фактов: в китайских материалах практически не упоминается сотрудничество между регионами России и Китая, тогда как в российской прессе этой теме уделяется значительное внимание (в российской выборке таких материалов 47, в китайской – 12).

Проведенный анализ показывает, что различия в освещении не являются случайными, а отражают разные подходы к роли медиа в формировании внешнеполитического имиджа [13]. В поле зрения российских медиа находятся

результаты экономики и выгоды от сотрудничества, что составляет инструментальный подход, в то время как задача китайских медиа – указать на цивилизацию, историю и культуру двустороннего партнерства, что заключается в миссионерском подходе. При этом обе стороны едины в общей установке на формирование альтернативной западной модели международной информационной коммуникации и последовательно избегают критики в адрес друг друга, что свидетельствует о зрелости и стратегической глубине российско-китайского информационного партнерства.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, экономическое и гуманитарное сотрудничество России и Китая в 2025 году вышло на новый уровень, что выразилось в росте числа публикаций о совместных проектах и организационных встречах: институциональные мероприятия (встречи глав правительств, заседания межправительственных комиссий) стали ключевыми информационными поводами, определившими медиа-повестку года.

Во-вторых, самостоятельным направлением двустороннего партнерства в 2025 году стало медийное сотрудничество, в рамках которого подписаны новые соглашения между ведущими информационными агентствами и медиахолдингами двух стран и запущены механизмы совместного противодействия недостоверной информации.

В-третьих, различия между СМИ России и Китая проявляются на уровне жанровых и содержательных особенностей: российские медиа тяготеют к информационной заметке, основанной на конкретных цифрах и фактах, тогда как для китайских СМИ более характерен жанр аналитического обзора, помещающий новостные события в широкий историко-стратегический контекст. Общей чертой для медиасистем обеих стран остается неизменно позитивная тональность подачи материала и отсутствие взаимной критики.

В-четвертых, в основе выявленных отличительных особенностей лежат культурные традиции и внешнеполитические приоритеты двух стран, что позволяет рассматривать медиасистемы России и Китая как взаимодополняющие элементы единой, формирующейся системы двусторонней информационной коммуникации. Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением долгосрочной динамики российско-китайского медиадискурса и оценкой эффективности совместных механизмов противодействия дезинформации.

Список источников

1. Ахмадулин Е.В. Основы теории журналистики: учебник и практикум для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2022. 286 с.

2. Бай Юньчун Образ России в китайских СМИ // Язык. Словесность. Культура. 2022. Т. 12. № 3. С. 2 – 9.

3. Баканов Р.П., Егорова Л.Г., Сабирова Л.Р., Туманов Д.В. Жанры современной журналистики: учебник. М.: ФЛИНТА, 2023. 328 с.

4. В Пекине открылся VI форум СМИ России и Китая [Электронный ресурс] // ТАСС. 2025. 16 декабря. URL: https://tass.ru/obschestvo/25922329 (дата обращения: 29.06.2026)

5. Варова Е.И. Образ России в СМИ Китая // Межкультурная коммуникация и СМИ. 2023. № 24. С. 20 – 22.

6. Денис Мантуров провел 12-е заседание Российско-Китайской комиссии по инвестиционному сотрудничеству [Электронный ресурс] // Правительство России: официальный сайт. 2025. 1 ноября. URL: http://government.ru/news/56811/ (дата обращения: 01.06.2026)

7. Кондрашов призвал СМИ РФ и КНР совместно бороться с фейками [Электронный ресурс] // ТАСС. 2025. 16 декабря. URL: https://tass.ru/ekonomika/25926075 (дата обращения: 11.06.2026)

8. Свитич Л.Г. Социология журналистики: учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2024. 397 с.

9. Сюн Икунь Формирование образа Китая в российских СМИ // Наука. Образование. Современность. 2024. № 2. С. 63 – 66.

10. Татьяна Голикова провела 26-е заседание Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству [Электронный ресурс] // Правительство России: официальный сайт. 2025. 1 ноября. URL: https://xn--2013-93d6b8abf3a0n.xn--p1ai/news/tatyana-golikova-provela-26-e-zasedanie-rossijsko-kitajskoj-komissii-po-gumanitarnomu-sotrudnichestvu/ (дата обращения: 15.06.2026)

11. Титов: Россия и Китай готовят более 80 совместных проектов на $200 млрд [Электронный ресурс] // ТАСС. 2025. 24 ноября. URL: https://tass.ru/ekonomika/25707637 (дата обращения: 03.06.2026)

12. Тридцатая регулярная встреча глав правительств России и Китая [Электронный ресурс] // Правительство России: официальный сайт. 2025. 3 ноября. URL: http://government.ru/news/56833/ (дата обращения: 21.06.2026)

13. Хубежова З.А., Шарков Ф.И. Российско-китайский дискурс в современных условиях (на примере Russia Today, China Daily, BBC) [Электронный ресурс] // Коммуникология: электронный научный журнал. 2022. Т. 7. № 2. С. 114 – 120. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-kitayskiy-diskurs-v-sovremennyh-usloviyah-na-primere-russia-today-china-daily-bbc (дата обращения: 01.06.2026)

14. Чэнь Сяотин, Волкова И.И. Сравнительный анализ освещения демографических вопросов Китая в СМИ Китая, России и США // Вопросы теории и практики журналистики. 2025. Т. 14. № 3. С. 542 – 557.

15. Шемякин Р.Д. Современный образ России в китайских СМИ // Дипломатическая служба. 2023. № 4. С. 347 – 355.

16. Ян Цзин Особенности новостной журналистики: универсальные и национальные черты (на примере российских и китайских СМИ) [Электронный ресурс] // Научный аспект. 2024. № 4. URL: https://na-journal.ru/4-2024-jurnalistika/10243-osobennosti-novostnoj-zhurnalistiki-universalnye-i-nacionalnye-cherty-na-primere-rossijskih-i-kitajskih-smi (дата обращения: 12.06.2026)

17. Riffe D., Lacy S., Watson B. R., Lovejoy J. Analyzing Media Messages: Using Quantitative Content Analysis in Research. 5th ed. New York: Routledge, 2024. 232 p.

18. Xinhua предложила разработать общие стандарты для журналистики в эпоху ИИ [Электронный ресурс] // ТАСС. 2025. 16 декабря. URL: https://tass.ru/ekonomika/25925587 (дата обращения: 04.06.2026)

References

1. Akhmadulin E.V. Fundamentals of Journalism Theory: Textbook and Workshop for Universities. 2nd edition, corrected and expanded. Moscow: Yurait Publishing House, 2022. 286 p.

2. Bai Yunchun. The Image of Russia in Chinese Media. Language. Literature. Culture. 2022. Vol. 12. No. 3. P. 2 – 9.

3. Bakanov R.P., Egorova L.G., Sabirova L.R., Tumanov D.V. Genres of Modern Journalism: Textbook. Moscow: FLINTA, 2023. 328 p.

4. The 6th Russia-China Media Forum Opens in Beijing [Electronic Resource]. TASS. 2025. December 16. URL: https://tass.ru/obschestvo/25922329 (date of access: 29.06.2026)

5. Varova, E.I. “Russia’s Image in Chinese Media.” Intercultural Communication and Media. 2023. No. 24. P. 20 – 22.

6. Denis Manturov Chaired the 12th Meeting of the Russian-Chinese Commission on Investment Cooperation [Electronic Resource]. Government of the Russian Federation: Official Website. November 1, 2025. URL: http://government.ru/news/56811/ (date of access: 1.06.2026)

7. Kondrashov Called on Russian and Chinese Media to Jointly Combat Fakes [Electronic Resource]. TASS. December 16, 2025. URL: https://tass.ru/ekonomika/25926075 (date of access: 11.06.2026)

8. Svitich L.G. Sociology of Journalism: A Textbook for Universities. 2nd ed., corrected and supplemented. Moscow: Yurait Publishing House, 2024. 397 p.

9. Xiong Yikun. Formation of China's Image in Russian Media. Science. Education. Modernity. 2024. No. 2. P. 63 – 66.

10. Tatyana Golikova Conducted the 26th Meeting of the Russian-Chinese Commission on Humanitarian Cooperation [Electronic Resource]. Government of Russia: Official Website. 2025. November 1. URL: https://xn--2013-93d6b8abf3a0n.xn--p1ai/news/tatyana-golikova-provela-26-e-zasedanie-rossijsko-kitajskoj-komissii-po-gumanitarnomu-sotrudnichestvu/ (date of access: 15.06.2026)

11. Titov: Russia and China are preparing more than 80 joint projects worth $200 billion [Electronic resource]. TASS. 2025. November 24. URL: https://tass.ru/ekonomika/25707637 (date of access: 03.06.2026)

12. Thirtieth regular meeting of the heads of government of Russia and China [Electronic resource]. Government of Russia: official website. 2025. November 3. URL: http://government.ru/news/56833/ (date of access: 21.06.2026)

13. Khubezhova Z.A., Sharkov F.I. Russian-Chinese discourse in modern conditions (on the example of Russia Today, China Daily, BBC) [Electronic resource]. Communicology: electronic scientific journal. 2022. Vol. 7. No. 2. P. 114 – 120. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiysko-kitayskiy-diskurs-v-sovremennyh-usloviyah-na-primere-russia-today-china-daily-bbc (date of access: 01.06.2026)

14. Chen Xiaoting, Volkova I.I. Comparative analysis of coverage of China's demographic issues in the media of China, Russia and the USA. Issues of the theory and practice of journalism. 2025. Vol. 14. No. 3. P. 542 – 557.

15. Shemyakin R.D. The Modern Image of Russia in Chinese Media. Diplomatic Service. 2023. No. 4. P. 347 – 355.

16. Yan Jing Features of News Journalism: Universal and National Traits (Based on Russian and Chinese Media) [Electronic Resource]. Scientific Aspect. 2024. No. 4. URL: https://na-journal.ru/4-2024-jurnalistika/10243-osobennosti-novostnoj-zhurnalistiki-universalnye-i-nacionalnye-cherty-na-primere-rossijskih-i-kitajskih-smi (date of access: 12.06.2026)

17. Riffe D., Lacy S., Watson B.R., Lovejoy J. Analyzing Media Messages: Using Quantitative Content Analysis in Research. 5th ed. New York: Routledge, 2024. 232 p.

18. Xinhua proposed developing common standards for journalism in the AI era [Electronic resource]. TASS. 2025. December 16. URL: https://tass.ru/ekonomika/25925587 (date of access: 04.06.2026)

Информация об авторе

Айзиер Айкебаиер, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет

© Айзиер Айкебаиер, 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070.11:004.8
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-96-105

Влияние искусственного интеллекта на производство и потребление новостного контента в российских СМИ: возможности, риски и этические вызовы

[1] Баклан В.В., [2] Савинов И.И.,
[1] Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
[2] Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Аннотация: статья посвящена оценке того, как технологии искусственного интеллекта изменяют производственный цикл российских новостных редакций и модели медиапотребления в 2020-2026 гг. Цель работы – установить, в каких точках технологическая выгода от автоматизации вступает в противоречие с профессиональными и этическими нормами журналистики. Задачи исследования включают систематизацию направлений применения алгоритмических решений в редакционной практике, сопоставление уровня автоматизации с динамикой доверия аудитории, количественное описание риска синтетической дезинформации, выявление дефицитов этического и правового регулирования, разработку инструментов редакционного контроля. Эмпирическую основу составили 20 научных публикаций 2020-2026 гг. из баз eLibrary.ru и «КиберЛенинка», результаты всероссийских опросов ВЦИОМ (1600 респондентов), мониторинговые данные АНО «Диалог Регионы» и Global Fact-checking Network за 2023-2025 гг., описания практик шести медиаорганизаций. Применены качественный контент-анализ, сравнительная реинтерпретация социологических показателей и кейс-анализ. Установлено, что автоматизация сосредоточена на рутинных операциях, тогда как доверие аудитории к искусственному интеллекту не превышает 52 % при 38 % недоверия, а число выявленных дипфейков за девять месяцев 2025 г. в 4,1 раза превысило показатель предыдущего года. Предложены индекс маркировочного разрыва и трехконтурная модель проникновения искусственного интеллекта в новостное производство. Практическое применение результатов возможно при разработке редакционных стандартов раскрытия информации об использовании алгоритмов, при подготовке отраслевого этического кодекса, при формировании требований к маркировке синтетического контента, а также в преподавании дисциплин по цифровой журналистике и медиаэтике.

Ключевые слова: искусственный интеллект, новостной контент, российские СМИ, генеративные модели, дипфейк, медиаэтика, маркировка контента, доверие к медиа, алгоритмическая журналистика

Для цитирования: Баклан В.В., Савинов И.И. Влияние искусственного интеллекта на производство и потребление новостного контента в российских СМИ: возможности, риски и этические вызовы // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 96 – 105. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-96-105

Поступила в редакцию: 13 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 11 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

The impact of artificial intelligence on the production and consumption of news content in russian mass media: opportunities, risks and ethical challenges

[1] Baklan V.V., [2] Savinov I.I.,
[1] Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
[2] Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Abstract: the article evaluates how artificial intelligence technologies are changing the production cycle of Russian news newsrooms and the models of media consumption in 2020–2026. The aim of the study is to identify the points at which the technological benefit of automation comes into conflict with the professional and ethical norms of journalism. The objectives include systematizing the areas of application of algorithmic solutions in editorial practice, comparing the level of automation with the dynamics of audience trust, quantitatively describing the risk of synthetic disinformation, revealing the deficits of ethical and legal regulation, and developing instruments of editorial control. The empirical basis comprises 20 academic publications of 2020–2026 retrieved from eLibrary.ru and CyberLeninka, the results of all-Russian surveys conducted by VCIOM (1600 respondents), monitoring data of ANO "Dialog Regions" and the Global Fact-checking Network for 2023–2025, and descriptions of the practices of six media organizations. Qualitative content analysis, comparative reinterpretation of sociological indicators and case analysis were applied. It has been established that automation is concentrated on routine operations, whereas audience trust in artificial intelligence does not exceed 52 % against 38 % of distrust, and the number of detected deepfakes over nine months of 2025 exceeded the previous annual figure by 4.1 times. A labelling gap index and a three-circuit model of artificial intelligence penetration into news production are proposed. The results may be applied in developing editorial standards for disclosing the use of algorithms, in preparing an industry ethical code, in shaping requirements for labelling synthetic content, and in teaching digital journalism and media ethics.

Keywords: artificial intelligence, news content, Russian mass media, generative models, deepfake, media ethics, content labelling, media trust, algorithmic journalism

For citation: Baklan V.V., Savinov I.I. The impact of artificial intelligence on the production and consumption of news content in russian mass media: opportunities, risks and ethical challenges. Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 96 – 105. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-96-105

The article was submitted: July 13, 2026; Approved after reviewing: August 11, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

Скорость технологического обновления редакционных процессов в России за 2023-2026 гг. опередила скорость выработки профессиональных норм. К 2023 г. лидерами применения искусственного интеллекта (ИИ) в медиасфере назывались «Интерфакс», Sports.ru и РИА Новости, где алгоритмы обслуживали поиск и верификацию информации, распознавание речи и изображений, выделение приоритетных тематик, генерацию и таргетированную дистрибуцию текстов [3]. Опрос 71 представителя федеральных редакций, проведенный на факультете журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, дал иную картину: массовой генерации контента нет, ИИ применяется как вспомогательный инструмент для расшифровки аудио, перевода, проверки грамматики и фактчекинга [2]. Расхождение между технологическим оптимизмом отраслевых обзоров [18] и осторожной практикой редакций [2] образует исследовательскую проблему.

Актуальность темы задается тремя обстоятельствами. Первое – количественное: за январь-сентябрь 2025 г. в российском сегменте интернета выявлено 342 уникальных дипфейка, что в 4,1 раза больше показателя всего 2024 г. (84 видео), причем 79 % таких материалов имитировали глав регионов и государственных служащих [15]. Второе – регуляторное: 54 % респондентов поддерживают законодательное регулирование дипфейков, а 77 % убеждены в обязательном участии человека в оценке этических решений, вырабатываемых алгоритмом [14, 16]. Третье – профессиональное: в российских редакциях допускается публикация ИИ-материалов без пометки, что переводит вопрос авторства из технической плоскости в правовую [2].

Цель работы – установить, как технологии ИИ трансформируют производственный цикл и потребление новостей в России, и определить точки конфликта технологической выгоды с этическими нормами журналистики. Задачи: систематизировать направления применения ИИ по публикациям 2020-2026 гг.; сопоста-

вить редакционные практики с динамикой доверия аудитории; количественно описать риски дезинформации; выявить дефициты регулирования; предложить инструменты редакционного контроля.

Отечественная традиция изучения алгоритмической журналистики опирается на работы С.Г. Давыдова, А.В. Замкова, М.А. Крашенинниковой и М.М. Лукиной, которые на материале трех экспертных групп выделили 13 направлений применения ИИ – от подбора тем на основе анализа интересов пользователей до автотегирования и расстановки ссылок [1]. Этическая рамка проработана в статье М.М. Лукиной, А.В. Замкова, М.А. Крашенинниковой и Д.Ю. Кульчицкой: требование транспарентности, запрет на передачу алгоритму полномочий нравственного выбора, принцип совместной ответственности редакции и разработчика программного обеспечения [3]. К.Е. Виноградова описывает трансформацию журналистики через категории возможностей и вызовов [4]. Прикладной срез дают М. Вьюгин, разобравший первый этап внедрения нейросетевых решений в тексты URA.RU [5], и К.Л. Зуйкина с Д.В. Разумовой, зафиксировавшие практики региональных СМИ [6]. Экспериментальное направление представлено проверкой качества новостных текстов после ИИ-редактирования [7]. Вопросы подготовки кадров и различения генеративной, автоматизированной и алгоритмической журналистики разобраны в [8], пути минимизации деструктивного влияния генеративных технологий – в [9], цифровизация медиарынка как фактор доверия к ИИ – в [10]. Профессиональная идентичность журналиста в гибридной медиасистеме описана в [21], перспективы применения ИИ в отрасли – в [19, 20].

Пробел в литературе очевиден: публикации 2020-2026 гг. описывают либо производство, либо восприятие, но почти не связывают их количественно. Настоящая статья устраняет этот разрыв, сопоставляя данные о редакционной автоматизации с показателями доверия и мониторингом дезинформации. Научная новизна складывается из четырех элементов: введено понятие маркировочного разрыва; предложена трехконтурная модель проникновения ИИ (контур рутины, контур усиления, контур замещения); обосновано положение об асимметрии автоматизации и доверия – рост инструментального использования (63 % россиян применяли ИИ за год) не сопровождается ростом доверия, стабилизировавшегося у отметки 52 % [12, 13]; дезинформационный риск описан через сопоставимые индикаторы 2023-2025 гг. Теоретическая значимость состоит в дополнении типологий, предложенных в [1], шкалой редакционной автономии. Практическая значимость – шесть правил маркировки и верификации, применимых к стандартам федеральных и региональных СМИ.

Материалы и методы исследований

Исследование выполнено как смешанное кабинетное изыскание, объединившее три процедуры.

Первая процедура – качественный контент-анализ научного корпуса. Отбор проводился в eLibrary.ru и «КиберЛенинке» по запросам «искусственный интеллект журналистика», «нейросети медиа», «алгоритмическая журналистика», «дипфейк дезинформация» с фильтром 2020-2026 гг. Из первичной выборки исключались публикации без эмпирической части и работы, дублирующие материал одних и тех же авторов. Итоговый корпус – 20 позиций, из них 14 статей в журналах перечня РИНЦ/ВАК. Единицей кодирования выступал смысловой фрагмент; категории кодировки – технологическая операция, тип риска, субъект ответственности, наличие требований маркировки.

Вторая процедура – сравнительная реинтерпретация социологических данных. Использованы результаты всероссийского опроса ВЦИОМ, выполненного по заказу АНО «Национальные приоритеты» 21-24 ноября 2024 г. (1600 респондентов старше 18 лет, телефонное интервью), и материалы Аналитического центра ВЦИОМ, представленные в октябре-ноябре 2025 г. [11, 12, 13, 16]. Каждый числовой показатель сверялся по трем независимым публикациям сообщений об одном опросе, что позволило отделить устойчивые значения (52 % доверия, 38 % недоверия, 63 % пользовательского опыта) от вторичных сообщений с расхождениями (45 % против 43 %) [17]. Расхождение прокомментировано отдельно, поскольку относится к иной волне и иной формулировке вопроса.

Третья процедура – кейс-анализ. Рассмотрены шесть конфигураций редакционного применения ИИ: информационное агентство с автоматизированными сводками («Интерфакс»), спортивное медиа с алгоритмической генерацией отчетов (Sports.ru), федеральное агентство с системами распознавания и дистрибуции (РИА Новости), региональное издание с внедрением нейросетевых решений в текст (URA.RU), телеканалы с экспериментами по синтетическим ведущим, Telegram-редакции («Осторожно, Москва», «Топор Live», Mash, Baza, «С места события»), тексты которых прошли ИИ-обработку в цитируемом эксперименте [3, 5, 7].

Инструменты обработки: таблицы кодирования в MS Excel, частотный подсчет категорий, сопоставление временных рядов по дипфейкам за 2023-2025 гг. по данным Global Fact-checking Network [14] и АНО

«Диалог Регионы» [15]. Ограничения фиксируются прямо: сведения о редакционных практиках получены из вторичных источников, полевое интервьюирование не проводилось, поэтому выводы о мотивации редакторов носят интерпретативный характер.

Результаты и обсуждения

Обратимся к данным контент-анализа. В корпусе зафиксировано 14 устойчивых технологических операций, распределенных по этапам новостного цикла (табл. 1). В совместном исследовании МГУ и НИУ ВШЭ приводится довольно длинный перечень операций, которые уже переданы алгоритмам: подбор тем под интересы аудитории, поиск и верификация сведений, генерация заметок и заголовков, расшифровка интервью, автоперевод, подбор иллюстраций, написание титров. Сюда же авторы относят обработку больших массивов данных, автотегирование, расстановку ссылок, вычитку и подбор бэкграунда. Перечень, как видно, охватывает почти весь цикл от идеи до финальной вычитки.

Редакционная практика 2025 г. этот список расширила. Добавились генерация визуальных обложек и синтетические ведущие – цифровые двойники, зачитывающие сводку новостей. Показательно, что расшифровка интервью и автотегирование внедряются быстрее прочего: они дают экономию времени сразу, без перестройки редакционных процедур.

Таблица 1

Распределение операций искусственного интеллекта по этапам новостного цикла.

Table 1

Distribution of artificial intelligence operations by stages of the news cycle.

Этап цикла	Операции ИИ	Упоминаний в корпусе	Контур
Планирование	подбор тем по интересам аудитории, работа с большими данными	9	усиление
Сбор материала	поиск информации, автоперевод, расшифровка аудио и видео	17	рутина
Верификация	фактчекинг, распознавание изображений и речи	11	усиление
Производство текста	рерайт, генерация заголовков и коротких заметок	13	замещение
Редактирование	вычитка, проверка грамматики, стилевая правка	8	рутина
Оформление	подбор иллюстраций, обложки, титры, автотегирование	7	рутина
Дистрибуция	таргетирование, расстановка ссылок, персонализация выдачи	6	усиление

Упоминания распределены неравномерно. Рутинные операции – сбор материала, его первичная обработка – встречаются примерно вдвое чаще, чем всё, что связано с дистрибуцией. Это само по себе показательно.

Полученное соотношение согласуется с выводом К.Л. Зуйкиной и Д.В. Разумовой: российские редакции берут готовые внешние сервисы – ChatGPT, Midjourney, «Яндекс.Алису» – и нагружают их расшифровкой аудио, переводом, проверкой грамматики, отчасти фактчекингом. Масштабного производства контента за этим не стоит. Типичный сценарий выглядит так: часовое интервью прогоняется через распознавание речи, редактор правит расшифровку вручную и дальше работает с текстом обычным порядком; экономия – часполтора, не более.

Отличие от зарубежных редакций здесь принципиальное. Там генерация давно выведена в промышленный режим – шаблонные заметки о биржевых сводках, спортивной статистике, отчётности компаний ставятся на поток и публикуются десятками в сутки. В российской практике генерация остаётся экспериментом, чаще всего разовым и не закреплённым в редакционном регламенте. Отдельные издания заявляют о пилотных проектах, но устойчивых конвейерных решений почти не описан. Кейс URA.RU показателен как переходная форма: первый этап внедрения нейросетевых решений включал ускорение рерайта и производство заголовков при сохранении человеческой верификации [5].

Насколько ИИ улучшает новостной текст? Эксперимент на материале пяти публикаций из Telegram-каналов «Осторожно, Москва», «Топор Live», Mash, Baza и «С места события» показал: после редакторской правки обработанные тексты в большинстве случаев улучшили показатели чистоты и читаемости по мет-

рикам сервиса «Главред.ру», однако первичная обработка без участия редактора в отдельных случаях читаемость снижала [7]. Наша интерпретация расходится с оптимистичной трактовкой. Улучшение формальных метрик не тождественно приросту информационной ценности: сервисы стилевой оценки измеряют плотность стоп-слов и синтаксическую сложность, но не проверяют фактическую точность. Редакция, ориентирующаяся на автоматические метрики, рискует получить гладкий текст с непроверенным содержанием. Ограничение методики (выборка из пяти материалов, один сервис оценки) не позволяет распространять результат на весь новостной поток.

Количественная динамика синтетических подделок приведена в табл. 2. За первые три месяца 2025 г. выявлено 61 уникальный дипфейк и 2,3 тыс. их копий – 67 % от объема всего 2024 г. и в 2,6 раза больше, чем за весь 2023 г. [14]. К сентябрю 2025 г. накопленный счет достиг 342 уникальных дипфейков за девять месяцев, причем 65 записей пришлись на один только сентябрь. Относительно 2024 г. объем копий вырос в 5,9 раза, число просмотров – в 3,1 раза. Темп прироста, судя по помесячной динамике, не выглядит затухающим.

Таблица 2

Динамика выявленных дипфейков в российском интернета.

Table 2

Dynamics of detected deepfakes on the Russian internet.

Период	Уникальные дипфейки	Сопоставление	Источник данных
2023 г.	база сравнения	-	Global Fact-checking Network [14]
2024 г.	84	превышен на 67 % уже за I квартал 2025 г.	АНО «Диалог Регионы» [15]
I квартал 2025 г.	61 и 2,3 тыс. копий	в 2,6 раза больше уровня 2023 г.	Global Fact-checking Network [14]
январь–сентябрь 2025 г.	342	в 4,1 раза больше 2024 г.	АНО «Диалог Регионы» [15]
сентябрь 2025 г.	65	максимум месячных наблюдений	АНО «Диалог Регионы» [15]

Составлено автором на основании данных: [14, 15].
Compiled by the author based on data from: [14, 15].

Структура угрозы важнее ее объема. Доля подделок, имитирующих глав регионов и государственных служащих, достигает 79 % [15]. Мишенью выступает не отдельная персона, а канал официального информирования: подделка встраивается в привычный формат обращения чиновника и распространяется через те же платформы, что и подлинные сообщения. Для редакций это означает смещение верификационной нагрузки с текста на видео и звук, где стандартные приемы проверки цитат бессильны.

Параллельно снижается частота субъективных встреч с фейками: в 2023 г. о них сообщали 71 % опрошенных, в 2024 г. – 64 %, по последнему замеру 60 % граждан сталкиваются с фейковыми новостями не реже раза в неделю, при этом 66 % признают, что хотя бы раз поверили дезинформации [14]. Сочетание падающей заметности и растущего объема подделок трактуется нами как признак повышения качества фальсификаций: контент становится менее различимым, а не менее распространенным. Альтернативное объяснение – адаптация аудитории и рост медиаграмотности, однако при 66 % признавших доверчивость такая версия выглядит слабее.

По итогам всероссийского опроса ВЦИОМ 94 % россиян информированы о том, что такое ИИ, 52 % скорее доверяют технологиям, 38 % выражают сомнение или недоверие [12]. Опыт применения ИИ за последний год декларируют 63 % респондентов, среди рожденных после 2001 г. – 86 %, среди рожденных в 1992-2000 гг. – 87 % [13]. Структура недоверия детализирована: 28 % указывают на сбои и ошибки, 26 % опасаются выхода технологии из-под контроля, 23 % – использования в корыстных целях, 21 % – похищения собираемых данных, 20 % прогнозируют деградацию населения [16].

Таблица 3

Показатели отношения россиян к искусственному интеллекту и их интерпретация для новостных медиа.

Table 3

Indicators of Russians' attitudes toward artificial intelligence and their interpretation for news media.

Показатель	Значение	Следствие для редакции
Информированность об ИИ	94 % [12]	отказ от маркировки читается аудиторией как умолчание
Доверие технологиям ИИ	52 % [12, 13]	запас лояльности узкий, ошибка обнуляет эффект автоматизации
Недоверие	38 % [12]	треть аудитории требует человеческой подписи под материалом
Опыт использования за год	63 % [13]	читатель знаком с типовыми ошибками генерации
Участие человека в этической оценке	77 % [16]	редакционный контроль становится условием доверия
Поддержка регулирования дипфейков	54 % [14]	общественный запрос опережает нормотворчество
Опасение замены людей алгоритмами	28 % [17]	кадровая тревожность стабильна, риск преувеличен в публицистике

Составлено автором по: [11, 12, 13, 14, 16, 17].
Compiled by the author based on: [11, 12, 13, 14, 16, 17].

Асимметрия очевидна: инструментальное освоение технологии (63 %) опережает доверие к ней (52 %), а тревога об ошибках превосходит опасение потери рабочих мест. Аудитория воспринимает ИИ как удобный, но ненадежный инструмент и переносит эту оценку на медиа, которые его применяют. Цифра 45% доверия при 43% недоверия, прозвучавшая в отдельном сообщении о совместном замере АНО «Национальные приоритеты» и ВЦИО , получена по другой формулировке вопроса и в другой волне опроса. Прямое сопоставление с 52% здесь некорректно. Разбивка по сферам добавляет к этому важные детали: применению ИИ в интернете вещей доверяют 44%, в творчестве – 42%, в робототехнике – 40%, в правопорядке – 37%, в банковской отрасли – 33%, а вот допустимым в учебе его считают уже 76%. Журналистика – деятельность с публичной ответственностью, и по нашей оценке она располагается ближе к нижней части этого распределения. Показательно и другое: отношение к ИИ в государственном управлении отрицательное (53% против при 37% поддержки), а это напрямую относится к алгоритмическому освещению политических тем.

Самая распространенная практика российских редакций – публикация ИИ-материала вообще без маркировки. Контент выходит под именем журналиста, под именем автора промпта либо со ссылкой на абстрактный «интернет». Позиции самих сотрудников при этом расходятся: часть редакций декларирует отказ от дословного использования генерации и от синтетических изображений, часть считает правообладателем того, кто оплатил подписку на сервис . Этическая кодификация, к которой призывают авторы, предполагает транспарентность и право аудитории знать о применении ИИ, запрет делегировать алгоритму нравственный выбор, совместную ответственность редакции и разработчика, а также перечень тем, где применение ИИ недопустимо в принципе. К правовым рискам относят утрату конфиденциальности, нарушение защиты персональных данных, нарушение авторского права.

Международный контекст дает ориентир. В Китае с 2025 г. действуют требования обязательной идентификации ИИ-контента; российская же практика к середине 2026 г. держится преимущественно на внутриредакционных договоренностях – при том что общественная поддержка регулирования составляет 54%.

Введем рабочий индикатор. Маркировочный разрыв – это разность доли этапов производственного цикла с применением ИИ и доли публикаций, где такое применение раскрыто. По корпусу и кейсам 2025-2026 гг. алгоритмы задействованы минимум на пяти этапах из семи, то есть около 70%, тогда как систематическая маркировка описывается как исключение. Разрыв, таким образом, приближается к максимуму. И именно он, а не качество генерации, формирует основной репутационный риск отрасли.

Полученные результаты подтверждают базовый вывод С.Г. Давыдова и соавторов: технология перспективна, но риски злоупотребления, отсутствия контроля и нехватки транспарентности накапливаются параллельно. Мы уточняем расстановку акцентов. В 2023 г. эти риски описывались как потенциальные; мониторинг 2025 г. переводит их в измеримую плоскость – 342 дипфейка за девять месяцев. Работа К.Е. Виногра-

довой трактует трансформацию журналистики через дихотомию возможностей и вызовов. Трехконтурная модель эту дихотомию конкретизирует и показывает, что российские редакции остаются преимущественно в контуре рутины.

Исследования подготовки медиаспециалистов фиксируют сдвиг тематики публикаций к проблеме доверия и отдельно отмечают ИИ-тревожность сотрудников. Наши данные корректируют акцент: тревога аудитории по поводу ошибок выражена сильнее, чем страх замены человека. Отсюда следует, что образовательные программы логичнее строить вокруг верификации, а не вокруг психологической адаптации. Публикации этот аргумент дополняют – доверие формируется не самой технологией, а способом ее редакционного оформления.

Расхождение с частью отраслевых обзоров носит принципиальный характер. Обзоры медиабизнеса 2023 г. описывают широкое проникновение ИИ в практики компаний, а интервью с 71 представителем редакций показывают экспериментальный режим и неизменность этических стандартов. Противоречие объясняется различием единиц наблюдения: обзоры фиксируют наличие технологии в компании, интервью – регулярность ее применения в конкретном материале. Для дальнейших исследований это означает требование разграничивать доступность инструмента и интенсивность его использования.

Проведенный анализ позволяет очертить три сценария. Первый – регуляторное закрепление маркировки: при принятии обязательных требований к идентификации синтетического контента по образцу китайских норм маркировочный разрыв сократится административным путем, а издержками станут рост нагрузки на редакционные процессы и сужение поля экспериментов. Второй – саморегулирование через отраслевой кодекс на основе положений; путь гибче, однако при 79% дипфейков, имитирующих должностных лиц, добровольные нормы не перекроют внешние угрозы, исходящие вовсе не от редакций. Третий сценарий обсуждается реже всего – расслоение рынка. Редакции, публично гарантирующие человеческую верификацию, займут нишу «медленных новостей» для 38% недоверчивой аудитории, а алгоритмические агрегаторы обслужат спрос на скорость. Такое расслоение уже намечается в различии практик информационных агентств и Telegram-редакций.

Выводы

Внедрение ИИ в российских новостных медиа сосредоточено на рутинных операциях - расшифровке, переводе, вычитке, поиске и проверке информации; массовая генерация новостного контента отраслевой нормой не стала.

Автоматизация производства опережает доверие аудитории: при 63% россиян с опытом применения ИИ и 94% информированности доверие держится на уровне 52%, недоверие – 38% .

Риск дезинформации перешел из потенциальной категории в измеримую: 342 уникальных дипфейка за январь-сентябрь 2025 г., что в 4,1 раза больше показателя 2024 г.; 79% из них имитируют глав регионов и государственных служащих .

Ключевой этический дефицит – отсутствие систематической маркировки ИИ-материалов и неурегулированность авторства. Это фиксируется как распространенная редакционная практика и прямо противоречит требованию транспарентности.

Улучшение формальных метрик текста после алгоритмической обработки достигается только при обязательной редакторской правке; без правки читаемость может и снижаться.

Трехконтурная модель и индекс маркировочного разрыва применимы как инструменты аудита редакционных процессов и как основа отраслевых стандартов раскрытия информации об использовании ИИ.

Список источников

1. Давыдов С.Г., Замков А.В., Крашенинникова М.А., Лукина М.М. Использование технологий искусственного интеллекта в российских медиа и журналистике // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2023. № 5. С. 3 – 21. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta-v-rossiyskih-media-i-zhurnalistike (дата обращения: 27.06.2026)

2. Зуйкина К.Л., Разумова Д.В. Технологии искусственного интеллекта в работе российских СМИ: инструменты, проблемы и угрозы // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2025. № 5. С. 79 – 103. URL: https://vestnik.journ.msu.ru/books/2025/5/ (дата обращения: 27.06.2026)

3. Лукина М.М., Замков А.В., Крашенинникова М.А., Кульчицкая Д.Ю. Искусственный интеллект в российских медиа и журналистике: к дискуссии об этической кодификации // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11. № 4. С. 680 – 694. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-rossiyskih-media-i-zhurnalistike-k-diskussii-ob-eticheskoy-kodifikatsii (дата обращения: 27.06.2026)

4. Виноградова К.Е. Развитие искусственного интеллекта и трансформация журналистики: новые возможности и вызовы // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18. № 3. С. 121 – 130.

5. Вьюгин М. Искусственный интеллект в журналистских текстах URA.RU: первый этап внедрения нейросетевых решений // МедиаАльманах. 2024. № 6. С. 66 – 75.

6. Зуйкина К.Л., Разумова Д.В. Практики использования технологий искусственного интеллекта в региональных СМИ России // Телевидение и радио: теория и практика. 2025. Т. 21. № 2. С. 61 – 78. URL: https://tv-science.online/wp-content/uploads/2025/09/TVstudies_21_2_6_zuykina_razumova.pdf (дата обращения: 27.06.2026)

7. Искусственный интеллект в журналистике: влияние на качество текстов // Медиасреда. 2025. № 2. С. 45 – 52. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-zhurnalistike-vliyanie-na-kachestvo-tekstov (дата обращения: 27.06.2026)

8. Искусственный интеллект в журналистике: современные тенденции в подготовке медиаспециалистов // Вопросы теории и практики журналистики. 2025. Т. 14. № 3. С. 512 – 530. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-zhurnalistike-sovremennye-tendentsii-v-podgotovke-mediaspetsialistov (дата обращения: 27.06.2026)

9. Пути минимизации деструктивного влияния технологий генеративного искусственного интеллекта на медиасреду // Гуманитарные исследования. 2025. № 3. С. 88 – 97. URL: https://rrhumanities.ru/journal/article/3925/ (дата обращения: 27.06.2026)

10. Цифровизация СМИ как фактор влияния на доверие к искусственному интеллекту // Цифровая социология. 2023. Т. 6. № 1. С. 44 – 53. URL: https://digitalsociology.guu.ru/jour/article/download/209/124 (дата обращения: 27.06.2026)

11. Аналитический центр ВЦИОМ: большинство россиян выступают за новый техногуманизм // Российская газета. 2025. 3 октября. URL: https://rg.ru/2025/10/03/ac-vciom-bolshinstvo-rossiian-vystupaiut-za-novyj-tehnogumanizm.html (дата обращения: 27.06.2026)

12. Более половины россиян доверяют технологиям искусственного интеллекта // Российское агентство правовой и судебной информации. 2025. 20 ноября. URL: https://rapsinews.ru/digital_law_news/20251120/311358211.html (дата обращения: 27.06.2026)

13. Опрос показал, сколько россиян пользовались искусственным интеллектом в этом году // РИА Новости. 2025. 20 ноября. URL: https://ria.ru/20251120/vtsiom-2056341431.html (дата обращения: 27.06.2026)

14. С начала 2025 г. обнаружено 67 % дипфейков от их общего количества, выявленного в 2024 г. // ComNews. 2025. 7 апреля. URL: https://www.comnews.ru/content/238685/2025-04-07/2025-w15/1010/nachala-2025-g-obnaruzheno-67-dipfeykov-ikh-obschego-kolichestva (дата обращения: 27.06.2026)

15. В России зафиксирован исторический максимум распространения дипфейков: данные АНО «Диалог Регионы» // Газета.Ru. 2025. 6 октября. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2025/10/06/26892920.shtml (дата обращения: 27.06.2026)

16. 38 % россиян не доверяют искусственному интеллекту // Московская правда. 2025. 21 ноября. URL: https://mospravda.ru/2025/11/21/801894/ (дата обращения: 27.06.2026)

17. ВЦИОМ: 45 % опрошенных россиян доверяют искусственному интеллекту, 43 % не доверяют. 2025. 14 ноября. URL: https://rus24.info/obschestvo/vciom-45-oproshennyh-rossiyan-doveryayut-ii-a-43-ne-doveryayut/ (дата обращения: 27.06.2026)

18. Искусственный интеллект в медиа и коммуникациях: практики российского медиабизнеса: отчет. Москва, 2023. 64 с. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/vnedrenie-ii/2023_iskusstvennyy_intellekt_v_media_i_kommunikaciyah_praktiki_rossiyskogo_mediabiznesa/ (дата обращения: 27.06.2026)

19. Перспективы использования искусственного интеллекта в журналистике // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2025. № 4. С. 512 – 521. URL: https://vestnik-pses.kemsu.ru/ru/nauka/article/104410/view (дата обращения: 27.06.2026)

20. Зорина В.А. Искусственный интеллект в журналистике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение // Журналистика. 2025. Т. 30. № 2. С. 340 – 350. URL: https://journals.rudn.ru/literary-criticism/article/download/44339/24843 (дата обращения: 27.06.2026)

21. Профессиональная идентичность журналиста в гибридной медиасистеме // Дискурс. 2020. Т. 6. № 5. С. 128 – 140. URL: https://discourse.elpub.ru/jour/article/download/340/365 (дата обращения: 27.06.2026)

References

1. Davydov S.G., Zamkov A.V., Krasheninnikova M.A., Lukina M.M. Use of Artificial Intelligence Technologies in Russian Media and Journalism. Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism. 2023. No. 5. P. 3 – 21. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta-v-rossiyskih-media-i-zhurnalistike (date of access: 27.06.2026)

2. Zuykina K.L., Razumova D.V. Artificial Intelligence Technologies in the Work of Russian Media: Tools, Problems, and Threats. Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism. 2025. No. 5. P. 79 – 103. URL: https://vestnik.journ.msu.ru/books/2025/5/ (date of access: 27.06.2026)

3. Lukina M.M., Zamkov A.V., Krasheninnikova M.A., Kulchitskaya D.Yu. Artificial intelligence in Russian media and journalism: towards a discussion of ethical codification. Issues of the theory and practice of journalism. 2022. Vol. 11. No. 4. P. 680 – 694. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-rossiyskih-media-i-zhurnalistike-k-diskussii-ob-eticheskoy-kodifikatsii (date of access: 27.06.2026)

4. Vinogradova K.E. Development of Artificial Intelligence and Transformation of Journalism: New Opportunities and Challenges. Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18. No. 3. P. 121 – 130.

5. Vyugin M. Artificial Intelligence in Journalistic Texts of URA.RU: The First Stage of Implementation of Neural Network Solutions. MediaAlmanac. 2024. No. 6. P. 66 – 75.

6. Zuykina K.L., Razumova D.V. Practices of using artificial intelligence technologies in regional media of Russia. Television and radio: theory and practice. 2025. Vol. 21. No. 2. P. 61 – 78. URL: https://tv-science.online/wp-content/uploads/2025/09/TVstudies_21_2_6_zuykina_razumova.pdf (date of access: 27.06.2026)

7. Artificial intelligence in journalism: impact on the quality of texts. Mediasreda. 2025. No. 2. P. 45 – 52. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-zhurnalistike-vliyanie-na-kachestvo-tekstov (date of access: 27.06.2026)

8. Artificial Intelligence in Journalism: Current Trends in the Training of Media Specialists. Issues of Theory and Practice of Journalism. 2025. Vol. 14. No. 3. P. 512 – 530. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-zhurnalistike-sovremennye-tendentsii-v-podgotovke-mediaspetsialistov (date of access: 27.06.2026)

9. Ways to Minimize the Destructive Impact of Generative Artificial Intelligence Technologies on the Media Environment. Humanitarian Studies. 2025. No. 3. P. 88 – 97. URL: https://rrhumanities.ru/journal/article/3925/ (Accessed: 27.06.2026)

10. Digitalization of Media as a Factor Influencing Trust in Artificial Intelligence. Digital Sociology. 2023. Vol. 6. No. 1. P. 44 – 53. URL: https://digitalsociology.guu.ru/jour/article/download/209/124 (date of access: 27.06.2026)

11. VTsIOM Analytical Center: Most Russians Support a New Technohumanism. Rossiyskaya Gazeta. 2025. October 3. URL: https://rg.ru/2025/10/03/ac-vciom-bolshinstvo-rossiian-vystupaiut-za-novyj-tehnogumanizm.html (date of access: 27.06.2026)

12. More than Half of Russians Trust Artificial Intelligence Technologies. Russian Agency for Legal and Judicial Information. 2025. November 20. URL: https://rapsinews.ru/digital_law_news/20251120/311358211.html (date of access: 27.06.2026)

13. A survey showed how many Russians used artificial intelligence this year. RIA Novosti. 2025. November 20. URL: https://ria.ru/20251120/vtsiom-2056341431.html (date of access: 27.06.2026)

14. Since the beginning of 2025, 67% of deepfakes have been detected compared to the total number identified in 2024. ComNews. 2025. April 7. URL: https://www.comnews.ru/content/238685/2025-04-07/2025-w15/1010/nachala-2025-g-obnaruzheno-67-dipfeykov-ikh-obschego-kolichestva (date of access: 27.06.2026)

15. Russia records historic high in deepfake distribution: data from Dialogue Regions ANO. Gazeta.Ru. October 6, 2025. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2025/10/06/26892920.shtml (date of access: 27.06.2026)

16. 38% of Russians do not trust artificial intelligence. Moskovskaya Pravda. November 21, 2025. URL: https://mospravda.ru/2025/11/21/801894/ (date of access: 27.06.2026)

17. VTsIOM: 45% of Russians surveyed trust artificial intelligence, 43% do not. 2025. November 14. URL: https://rus24.info/obschestvo/vciom-45-oproshennyh-rossiyan-doveryayut-ii-a-43-ne-doveryayut/ (date of access: 27.06.2026)

18. Artificial Intelligence in Media and Communications: Practices of the Russian Media Business: Report. Moscow, 2023. 64 p. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/vnedrenie-ii/2023_iskusstvennyy_intellekt_v_media_i_kommunikaciyah_praktiki_rossiyskogo_mediabiznesa/ (date of access: 27.06.2026)

19. Prospects for the Use of Artificial Intelligence in Journalism. Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological, and Economic Sciences. 2025. No. 4. P. 512 – 521. URL: https://vestnik-pses.kemsu.ru/ru/nauka/article/104410/view (date of access: 27.06.2026)

20. Zorina V.A. "Artificial Intelligence in Journalism." Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Criticism. Journalism. 2025. Vol. 30. No. 2. P. 340 – 350. Available at: https://journals.rudn.ru/literary-criticism/article/download/44339/24843 (date of access: 27.06.2026)

21. Professional Identity of a Journalist in a Hybrid Media System. Discourse. 2020. Vol. 6. No. 5. P. 128 – 140. Available at: https://discourse.elpub.ru/jour/article/download/340/365 (date of access: 27.06.2026)

Информация об авторах

Баклан В.В., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, vova.baklan@inbox.ru

Савинов И.И., Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

© Баклан В.В., Савинов И.И., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
УДК 81'373.47
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-106-112

Экспрессивные синтаксические формы англоязычного научного дискурса

[1] Воробьева Е.Н.,
[1] Вологодский институт права и экономики ФСИН России

Аннотация: в работе рассматриваются экспрессивные синтаксические средства, фиксируемые в письменной научной коммуникации. Цель исследования – описание инвентаря средств экспрессивного синтаксиса научного регистра на материале англоязычных статей по лингвистике. В работе экспрессивность трактуется как прагматически ориентированная категория, связанная с реализацией основной коммуникативной интенции автора научного текста – убеждение адресата в очевидности излагаемых доводов и достоверности результатов исследования. В результате анализа текстов англоязычных статей филологической тематики были выявлены средства синтаксической экспрессивности, представленные в письменном научном тексте данного вида, и описан их основной функционал. Исследование показало, что в собственно научном тексте представлены как классические риторические фигуры, так и специфичные для данного дискурса модели синтаксической экспрессивности. Практическая значимость проведенного исследования состоит в том, что полученные результаты вносят определенный вклад в исследование категории лингвистической экспрессивности на материале научного дискурса.

Ключевые слова: экспрессивный синтаксис, диалогичность, научный дискурс, парентеза, инициирующий вопрос, синтаксический параллелизм

Для цитирования: Воробьева Е.Н. Экспрессивные синтаксические формы англоязычного научного дискурса // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 106 – 112. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-106-112

Поступила в редакцию: 14 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

Expressive syntactic forms of English-language scientific discourse

[1] Vorobyova Ye.N.,
[1] Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia

Abstract: the paper examines expressive syntactic means recorded in written scientific communication. The purpose of the study is to describe the set of expressive syntax means of the scientific speech based on the material of English–language articles on linguistics. In the paper, expressiveness is interpreted as a pragmatically oriented category associated with the implementation of the main communicative intention of the author of a scientific text – convincing the addressee of the evidence of the presented arguments and the reliability of the research results. As a result of the analysis of the texts of English-language articles on philology, the means of syntactic expressiveness presented in this kind of written scientific text were identified, and their main functions were described. The study showed that the scientific text itself contains both classical rhetorical figures and models of syntactic expressiveness specific to this discourse. The practical significance of the research is that the results make a definite contribution to the study of the category of linguistic expressiveness based on the material of scientific discourse.

Keywords: expressive syntax, dialogicity, scientific discourse, parenthesis, initiating question, syntactic parallelism

For citation: Vorobyova Ye.N. Expressive syntactic forms of English-language scientific discourse. Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 106 – 112. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-106-112

The article was submitted: July 14, 2026; Approved after reviewing: August 12, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

Обращение к проблеме экспрессивности научного дискурса обусловлена возрастающим значением научной сферы деятельности в современном обществе в связи с необходимостью фиксации и продвижения новых идей и технологий, популяризацией научных знаний.

Целевые особенности научного дискурса, которые связаны с ведением научной дискуссии, аргументацией результатов исследований меняют и содержание категории экспрессивности применительно к научной коммуникации. А.В. Николаева отмечает, что в современной науке наблюдаются процессы, которые свидетельствуют об отходе от традиционного восприятия научного текста как обезличенного и беспристрастного, ведь «прагматика научного дискурса предполагает использование языковых средств выражения субъективно-оценочной экспрессии, поскольку научная деятельность часто носит полемический характер и невозможна без отстаивания своей позиции, без противостояния, и, как следствие, без оценок мнений» [7, с. 114].

Поэтому экспрессивность научного дискурса также обусловлена диалогичностью научного общения, которую отмечают все большее число исследователей [2; 4; 5; 8; 9]. Использование экспрессивных средств в научном тексте способствует реализации контактоустанавливающей функции, свидетельствует о диалоге между ученым и читателем. По мнению исследователей, именно полемичность научных текстов является фактором наличия в них экспрессии и оценочности.

Обращение в настоящей работе к синтаксическим средствам создания экспрессивности объясняется ограничениями к использованию эмоционально-оценочной лексики в научных текстах ввиду строгих стилевых норм данного регистра речи. Поэтому ведущая роль в реализации категории экспрессивности остается за синтаксическими языковыми формами. Они помогают автору научного текста не только эффективно реализовывать функцию информирования, но и устанавливать более живой, интерактивный контакт с адресатом, не выходя за нормы научного стиля. Обзор работ по экспрессивности, проведенный на материале различных англоязычных дискурсов (художественного, публицистического, делового, разговорного), установил следующие типично выделяемые экспрессивные языковые формы, группируемые согласно характеру изменения структуры предложения: 1) экспликационные или связанные с расширением, усложнением нормативной структуры (повтор, парентетические внесения, парцелляция); 2) импликационные, в которых отмечается усечение синтаксической модели (эллипсис); 3) изменение нормативного порядка следования членов предложения (инверсия). Четвертая группа классифицируется по иному признаку. Здесь экспрессивность достигается благодаря изменению функционального содержания синтаксической структуры (транспозиция) [3, с. 131].

Обращаясь к вопросу употребительности экспрессивных синтаксических форм в научной речи, наиболее часто исследователи указывают, во-первых, традиционные средства синтаксической выразительности, к которым относится инверсия [6], синтаксический повтор, параллелизм [10], риторический вопрос и другие виды вопросных структур [5; 10], парентетические конструкции [1]. Также языковеды отмечают синтаксические конструкции, которые обычно не относятся к привычному репертуару экспрессивного синтаксиса. В частности, речь идет о конструкциях с модальным значением достоверности и объективности [2], эмфатических конструкциях различного структурного состава [6].

Материалы и методы исследований

Эмпирическим материалом исследования послужили англоязычные тексты из научных статей, опубликованных в авторитетном научном журнале по всем направлениям теоретической лингвистики “Journal of Linguistics” издательства Cambridge University Press. В работе методом сплошной выборки было отобрано и проанализировано свыше 600 контекстов употребления экспрессивных синтаксических конструкций.

Методологической основой данной статьи стал комплексный подход, включающий аналитико-описательный метод, контекстуальный анализ.

Результаты и обсуждения

Анализ эмпирического материала выявил использование как традиционно выделяемых в стилистической традиции экспрессивных синтаксических форм (так называемых фигур речи), так и отдельных синтаксических конструкций, специфичных для научного дискурса. Анализ англоязычных лингвистических статей показал, во-первых, наличие следующих традиционных стилистических (риторических) синтаксических средств: инверсия, синтаксический параллелизм, сопровождаемый повтором различных видов (анафора, анадиплосис), антитетеза, парентеза. Часто фиксируется употребление нескольких средств синтаксической экспрессивности в ближайшем контексте.

В современной англистике под инверсией или обратным порядком слов понимается прежде всего нарушение нормативного порядка следования подлежащего и сказуемого [12]. Стилистическая инверсия (экспрессивный порядок слов) в отличии от грамматической воспринимается как нарушение традиционной нормы, которая имеет эмоционально-экспрессивную окраску, способную «усилить воздействие на собеседника» [14, с. 81]. В первом примере автор излагает свою точку зрения на природу языкового понимания. Во втором предложении примера используется инверсия с союзным словом *nor* и эмфатическое употребление глагола *do* (*Nor do two speakers*...), которая подчёркивает связь с предыдущим утверждением и усиливает аргументативность высказывания. Кроме того, первое и второе предложение примера представлены схожими по структуре моделями с повторением сказуемого *need* и подлежащего *speakers*, это создаёт эффект параллелизма и дополнительно усиливает экспрессивный эффект:

1) I will argue that, like children, adult speakers need not have acquired fully specified, conventional, meanings for all the terms they hear from others in their language community. Nor do two speakers need identical mental representations of conventional meanings in memory in order to understand one another and so communicate effectively [15] / Я утверждаю, что, как и детям, взрослым, говорящим на английском, необязательно усваивать полностью определенные, общепринятые значения для всех терминов, которые они слышат от других представителей своего языкового сообщества. Также не нужны двум говорящим идентичные ментальные репрезентации общепринятых значений в памяти, чтобы понимать друг друга и таким образом эффективно общаться – (здесь и далее перевод автора статьи – Е.Н. Воробьева)

Синтаксический параллелизм относится к стилистическим приемам, которые чаще всего функционируют в структурно-смысловых единицах более крупного порядка, чем предложение. Речь идет о сверхфразовом единстве и абзаце. При этом синтаксическому параллелизму часто сопутствует лексический повтор [13]. В следующем примере выразительность высказывания строится на синтаксическом параллелизме, то есть сходной синтаксической структуре нескольких простых предложений в составе сложного с элементами перечисления, когда каждое последующее простое предложение раскрывает предыдущее. Завершается цепочка рассуждений выводом *and turns are managed with linguistic means*, подводящим итог сказанному. Кроме того, здесь наблюдается использование классической стилистической фигуры анадиплосис (так называемый повтор-подхват), при которой конец одной синтаксической конструкции повторяется в начале другой. Можно также отметить употребление акцентирующей внимание читателя парентезы *yet again*:

2) *Yet again*, as with perceptual categorization, when language is grafted on these precursor structures, these are also transformed: *categories become words*; *words become parts of thoughts as configured in clauses; clauses define the contents of conversational turns; and turns are managed with linguistic means.* [15] / И снова, как и в случае с перцептивной категоризацией, когда язык накладывается на эти доязыковые структуры, они также трансформируются: категории становятся словами; слова становятся частями мыслей, которые формируются в предложения; предложения определяют содержание разговорных оборотов; а обороты управляются лингвистическими средствами.

Обратимся к следующему примеру, в котором экспрессивность основана на антитезе, стилистическом приеме, сутью которого является противопоставление понятий, идей или явлений. В первых двух предложениях аргументация также построена на анафорическом повторении и синтаксическом параллелизме (*We may know a lot… We may be experts…*). В данном примере автор научной статьи противопоставляет знания словарного запаса для разных сфер жизни общества. Создаваемый с помощью антитезы, подкрепленной перечислениями (*mountain-climbing, chess, architecture, painting, gymnastics, figure-skating, molecular biology, or wine-making*), контраст между разными областями жизни и используемым вокабуляром способствует большей выразительности высказывания, помогает визуализации авторской мысли. Дополнительно в данном отрывке употребление вводного (парентетического) элемента *say* (скажем, например) вносит оттенок разговорности, создает впечатление диалогического общения с читателем:

3) We may know a lot about everyday living in a city, yet have little knowledge and little vocabulary for life on a farm. We may be experts on one area – sailing, say, yet know little or nothing about mountain-climbing, chess,

architecture, painting, gymnastics, figure-skating, molecular biology, or wine-making, etc. [15] / Мы можем много знать о повседневной жизни в городе, но иметь мало знаний и скудный словарный запас для жизни на ферме. Мы можем быть экспертами в одной области, скажем, в парусном спорте, но при этом мало или совсем ничего не знать о альпинизме, шахматах, архитектуре, живописи, гимнастике, фигурном катании, молекулярной биологии, виноделии и т.д.

Среди рассмотренных средств интеллектуальной экспрессии научного текста важное место занимают парентетические вводные конструкции, которые в зависимости от вида решают разнообразные задачи: помогают структурировать вводимую информацию, организовать логику рассуждения, ввести дополнения и примеры, выразить субъективную авторскую оценку. Существует большое разнообразие парентез, в том числе используемых в научном дискурсе. Большинство парентез являются устойчивыми (фразеологическими) сочетаниями, которые по своему составу могут быть однословными структурами, словосочетаниями, предложениями. На письме парентеза, как правило, употребляется в начале предложения и отделяется запятыми. В редких случаях вводная конструкция может разбивать синтаксическую структуру и занимать серединную позицию в предложении. Также фиксируются и случаи расположения вводных конструкций в конечной позиции. Нередко наблюдается совместное употребление парентез различного вида. Приведем несколько примеров:

4) *Thus,* compared to (1a), (1b), and (1c), the three clauses (2a), (2b), and (2c) are also grammatically complete. [15] / Таким образом, по сравнению с примерами (1a), (1b) и (1c), три предложения (2a), (2b) и (2c) также являются грамматически полными.

5) *Consequently,* their absence does not, strictly speaking, preclude a type (i) analysis [15] / Следовательно, их отсутствие, строго говоря, не исключает проведения анализа типа (i).

6) *Interestingly, however,* mass meanings choose either form in almost equal measure [15] / Интересно, однако, что массовые значения выбирают обе формы почти в равной степени.

7) *As far as I can tell,* this needs a minor reformulation [15] / Насколько я могу судить, здесь нужна незначительная переформулировка.

Аргументативные парентезы играют важную роль в процессе доказывания. Они помогают автору статьи структурировать вводимую научную информацию, сделать ее более доступной, привлекательной для читателя, воздействовать на его познавательную активность. В частности, парентезы причинно-следственной связи подобно *consequently* играют ощутимую роль при аргументации, выстраивая цепочку взаимосвязанных аргументов. *Thus* и другие обобщающие парентезы помогает подвести итог сказанному. Акцентирующие парентезы концентрируют внимание читателя на наиболее значимых фактах (пример 2). Очень часто парентезы выступают средством субъективной оценки и в экспрессивной форме указывают на степень уверенности автора, его отношение к предмету обсуждения. Вводная конструкция *as far as I can tell* подчеркивает субъективность высказанного суждения, отсутствие полной уверенности. Она используется для выражения мнения с опорой на имеющиеся у лингвиста данные. В примере 6 можно наблюдать совместное функционирование парентез, принадлежащих к разным видам. Эмоционально-оценочная парентеза *interestingly* привносит в текст субъективную модальность, указывая на авторский интерес к обсуждаемой проблеме. Она одновременно призвана «зарядить» этим интересом читательскую аудиторию. А парентеза с противительным значением *however* помогает представить вниманию коллег альтернативную точку зрения.

При исследовании синтаксической организации научного текста и вопросов его экспрессивности лингвисты отмечают использование вопросительных предложений и вопросно-ответных комплексов. По мнению Ю.П. Рудаевой, вопрос в составе вопросно-ответного комплекса выполняет несколько функций: формулирует проблему, уточняет отдельные моменты, выражает сомнения автора. Диалогические единства не только иллюстрируют ход мысли ученого, но и вовлекают читателей в рассуждение, активизируя их внимание [9]. В ходе настоящего исследования были зафиксированы так называемые инициирующие вопросы, служащие отправной точкой для рассуждений автора, которые в паре с ответом образуют вопросно-ответный комплекс. Следующий отрывок представляет пример такого вопросно-ответного комплекса, с помощью которого автору научной статьи удается сфокусировать внимание коллег-ученых на решении важного вопроса:

8) *What about the relation between CLLD and CD in movement accounts of CLLD?* According to López (Reference López 2009), there is no necessary derivational relation between CLLD and CD [15] / Что можно сказать о соотношении между CLLD (клитическая левая дизъюнкция) и CD (клитическое удвоение) в отчетах о движении CLLD? Согласно Лопесу (López 2009), нет необходимой деривационной связи между CLLD и CD.

Ввиду того, что спецификой научного изложения является решение коммуникативных задач по информированию, убеждению слушателя / читателя, ученые также отмечают использование синтаксических кон-

струкций различного лексического состава, которые способствуют аргументации и относятся к интеллектуальной экспрессии [12]. В нашем исследовании мы также зафиксировали использование оценочных конструкций, указывающих на важность вводимой информации с вводным it, построенных по трем основным моделям: 1) it is + adj. + to + Infinitive + that (например, *it is important to clarify that*); 2) it is + worth + Gerund + that (например, it is worth noting that); it + modal verb + be + Participle II + that (it should be stressed that и т.п.). Такие конструкции обладают модально-оценочной семантикой, способствуют реализации функции убеждения в научной коммуникации:

9) *It is important to emphasize that* the distinction between the two uses correlates to the presence or absence of control on the part of the volitional entity. [15] / Важно подчеркнуть, что различие между этими двумя видами использования коррелирует с наличием или отсутствием контроля со стороны волевого субъекта.

10) *It is worth noting that* there is probably an added nuance of boasting. [15] / Стоит отметить, что здесь, вероятно, есть дополнительное значение хвастовства.

11) *It should be stressed* that most examples discussed here involve two distinct subjects [15] / Следует подчеркнуть, что большинство обсуждаемых здесь примеров затрагивают две различные темы.

Также нами были выделены конструкции логического выделения (инвертированные синтаксические конструкции) с *what*, представляющие собой построение с обратным порядком следования членов предложения. В научных статьях он используется для выделения главной мысли, акцентирования ключевой информации:

12) Furthermore, in this theory, *what is crucial is* the hierarchy [15] / Более того, решающее значение в этой теории имеет иерархия.

Выводы

Таким образом, проведенный анализ контекстов употребления экспрессивных синтаксических средств в рассмотренных англоязычных статьях по различным вопросам лингвистики доказал факт использования средств экспрессивного синтаксиса в письменном научном регистре. При этом могут быть выделены как отдельные классические фигуры речи (инверсия, антитеза, синтаксический параллелизм, анафора, анадиплосис), так и вопросно-ответные комплексы и особые синтаксические конструкции, придающие выразительность научному тексту. Все эти средства синтаксической экспрессивности, употребляемые в научном дискурсе, отражают диалогичность научного общения и направлены на решение различных коммуникативных задач по информированию, убеждению, привлечению внимания к обсуждаемой проблеме, выражению субъективного отношения автора научного текста.

Список источников

1. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. На материале английского языка: учеб. пособие. Изд. стереотип. Москва: URSS, 2021. 214 с.

2. Ванько Т.Р. К вопросу об экспрессивности научного дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2014. № 25 (711). С. 144 – 153.

3. Воробьева Е.Н. Экспрессивный синтаксис в отечественном языкознании: систематический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 4. С. 989 – 996.

4. Гришечкина Г.Ю. Некоторые особенности синтаксиса в научно-популярном тексте // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 3. С. 103 – 109.

5. Клинкова Ю.С. Коммуникативно-прагматическая функция эмоциональной и эстетической информации в тексте научной статьи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9, Исследования молодых ученых. 2021. № 19. С. 41 – 46.

6. Котик О.В., Толстикова Л.В. Понятие экспрессивности в научном дискурсе // Вестник Адыгейского государственного университета. 2021. № 1 (272). С. 59 – 66.

7. Николаева А.В. Синтаксические средства выражения экспрессивности в научном тексте // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 96. № 1. С. 113 – 118. doi: 10.18522/2070-1403-2023-96-1-113-118

8. Нистратова С. Л. Об экспрессивности синтаксических средств научной речи // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей. Москва: МаксПресс, 2004. Вып. 28. С. 142 – 150.

9. Рудаева Ю.П. Средства выражения экспрессивности научного дискурса // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. С. 342 – 347.

10. Скрипак И.А. Специфика современного научного дискурса // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2008. № 2. С. 211 – 214.

11. Скрипак И.Я. Языковое выражение экспрессивности как способа речевого воздействия в современном научном дискурсе: на материале статей лингвистического профиля в русском и английском языках: дис. … канд. филол. наук. Ставрополь, 2008. 21 с.

12. Смакотина Т.М. Экспрессивный синтаксис в англоязычном математическом дискурсе // Универсальное и культурно-специфичное в языках и литературе: сб. ст. уч. I Междунар. науч. конф. Курган, 2012. С. 106 – 116.

13. Шпарева Г.И. Инверсия главных членов предложения в разноструктурных языках // ЕВРАЗИЯ-2022: социально-гуманитарное пространство в эпоху глобализации и цифровизации: мат. международного научного культурно-образовательного форума / под ред. Т.Ф. Семьян, Т.Е. Абрамзон, Л.А. Нефедовой. Челябинск, 2022. С. 644 – 645.

14. Galperin I.R. Stylistics = Стилистика английского языка: учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. Moscow: URSS, 2026. 334 с.

15. Zhiber E.V. Expressive Inversion in the English Language // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 11 (840). С. 81 – 91.

16. Journal of Linguistics. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/journal-of-linguistics (дата обращения: 15.06.2026)

References

1. Aleksandrova O.V. Problems of Expressive Syntax. Based on the English Language: A Textbook. Stereotype Publ. Moscow: URSS, 2021. 214 p.

2. Van'ko T.R. On the Expressivity of Scientific Discourse. Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities. 2014. No. 25 (711). P. 144 – 153.

3. Vorobyova E.N. Expressive Syntax in Russian Linguistics: A Systematic Review. Philological Sciences. Theory and Practice. 2022. Vol. 15. No. 4. P. 989 – 996.

4. Grishechkina, G.Yu. Some Features of Syntax in Popular Science Texts. Scientific Notes of OSU. Series: Humanities and Social Sciences. 2009. No. 3. P. 103 – 109.

5. Klinkova Yu.S. Communicative and pragmatic function of emotional and aesthetic information in the text of a scientific article. Bulletin of Volgograd State University. Series 9, Research of young scientists. 2021. No. 19. P. 41 – 46.

6. Kotik O.V., Tolstikova L.V. The concept of expressiveness in scientific discourse. Bulletin of Adyghe State University. 2021. No. 1 (272). P. 59 – 66.

7. Nikolaeva A.V. Syntactic means of expressing expressiveness in a scientific text. Humanitarian and social sciences. 2023. Vol. 96. No. 1. P. 113 – 118. doi: 10.18522/2070-1403-2023-96-1-113-118

8. Nistratova S.L. On the expressiveness of syntactic means of scientific speech. Language, consciousness, communication: collection of articles. Moscow: MaxPress, 2004. Issue 28. P. 142 – 150.

9. Rudaeva Yu.P. Means of expressing the expressiveness of scientific discourse. Language. Text. Discourse: Scientific almanac of the Stavropol branch of RALK. Stavropol: Publishing house of SGPI, 2009. P. 342 – 347.

10. Skripak I.A. Specificity of Modern Scientific Discourse. Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University. 2008. No. 2. P. 211 – 214.

11. Skripak I.Ya. Linguistic Expression of Expressiveness as a Method of Speech Influence in Modern Scientific Discourse: Based on Articles of the Linguistic Profile in Russian and English: Diss. … Cand. Philological Sciences. Stavropol, 2008. 21 p.

12. Smakotina T.M. Expressive Syntax in English-Language Mathematical Discourse. Universal and Culturally Specific in Languages and Literature: Coll. Articles of the 1st International Scientific Conf. Kurgan, 2012. P. 106 – 116.

13. Shpareva G.I. Inversion of the main parts of a sentence in languages with different structures. EURASIA-2022: Social and Humanitarian Space in the Era of Globalization and Digitalization: Proc. of the International Scientific Cultural and Educational Forum. edited by T.F. Semyan, T.E. Abramzon, L.A. Nefedova. Chelyabinsk, 2022. P. 644 – 645.

14. Galperin I.R. Stylistics = Stylistics of the English Language: a textbook for institutes and faculties of foreign languages. Moscow: URSS, 2026. 334 p.

15. Zhiber E.V. Expressive Inversion in the English Language. Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities. 2020. No. 11 (840). P. 81 – 91.

16. Journal of Linguistics. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/journal-of-linguistics (daty of access: 15.06.2026)

Информация об авторе

Воробьева Е.Н., кандидат филологических наук, доцент, Вологодский институт права и экономики ФСИН России, helenvorobyova@mail.ru

© Воробьева Е.Н., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81’23
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-113-120

Модальность как средство выражения прогноза и воображаемого во французском языке (на материале французских СМИ)

[1] Канеева А.В., [1] Лихоносов Д.И.,
[1] Донской государственный технический университет

Аннотация: настоящая работа направлена на исследование модальности как средства выражения прогноза и воображаемого во французском языке на материале французских современных СМИ. Цель работы состоит в комплексном и многоуровневом анализе модальности, в выявлении и описании языковых средств, с помощью которых французский медиатекст репрезентует, прогнозируемые события, воображаемые состояние, положения дел. В ходе работы были рассмотрены теоретические подходы к модальности, разграничена оппозиция объективной и субъективной модальностей, определена специфика функционирования данной категории во французском языке, проанализированы особенности медиадискурса и медиатекста, а также проведён практический анализ форм conditionnel и subjonctif в современных французских медиатекстах. Модальность во французском медиадискурсе выступает средством смысловой организации высказывания. Модальные средства, а именно исследованные наклонения, позволяют медиатексту представлять событие не только как установленный факт. Так расширяется возможность интерпретации. В рамках исследования так же было установлено, что прогноз и воображаемое выражаются во французском языке разными, но взаимосвязанными средствами. Conditionnel обслуживает область прогноза, a subjonctif – воображаемого. Проведённая работа показала, что модальность является значимым механизмом конструирования медиадискурсивной картины возможной действительности.

Ключевые слова: субъективная модальность, объективная модальность, медиадискурс, прогноз, воображаемое, conditionnel, subjonctif

Для цитирования: Канеева А.В., Лихоносов Д.И. Модальность как средство выражения прогноза и воображаемого во французском языке (на материале французских СМИ) // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 113 – 120. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-113-120

Поступила в редакцию: 15 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

Modality as a means of expressing prognosis and the imaginary in the French language (based on French media materials)

[1] Kaneeva A.V., [1] Likhonosov D.I.,
[1] Don State Technical University

Abstract: actual research is aimed to study modality as a means of prognosis and imaginary expression in French language based on French media materials. The goal of the research work consists in complex and multilevel analysis of modality, in studying and describing language means which permit to French language to represent prognosis, imaginary. In this research work the theoretical approaches are examined, the opposition between subjective and objective modality is meant, peculiarities of this category function in French language are determined, media discourse and media text are analyzed, practical analysis of conditional and subjunctive forms is made. Modality in French texts is an idea organization of the statement. Modality means, so studied moods permit to represent any event not only as a reality. The interpretation is possible. The research work states that prognosis and imaginary in French language can be expressed by different but interrelated means. Conditional mood is used for the prognosis, subjunctive mood – for the imaginary. The research work shows that the modality can be an important part in media discourse reality constriction.

Keywords: objective modality, subjective modality, prognosis, imaginary, media discourse, subjonctif mood, conditional mood

For citation: Kaneeva A.V., Likhonosov D.I. Modality as a means of expressing prognosis and the imaginary in the French language (based on French media materials). Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 113 – 120. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-113-120

The article was submitted: July 14, 2026; Approved after reviewing: August 12, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

Категория модальности в современном французском языке занимает одно из центральных мест в системе грамматических и семантических средств, используемых не только для выражения личного отношения говорящего к действительности, но и для выражения степени возможности, вероятности и воображаемости высказывания. Важно подчеркнуть, что подобные конструкции позволяют указывать на то, что информация не может считаться достоверной и была выражена мнением постороннего источника. Подобные случаи использования модальных структур нередки, так как это непосредственно конструирует и организует медиатексты в СМИ.

Актуальность исследования обосновывается возросшим интересом современной лингвистики к медиатексту и влиянию модальности на его организацию. Особый интерес представляет и своеобразная французская медиасистема, обладающая уникальными способами влияния языка на структуру организации медиатекстов. Не менее важна и необходимость осмысления способов, которыми медиатекст конструирует социальную реальность, общее положение дел и моделирует будущее, создавая определенные прогнозы и используя воображаемое. Современные французские медиаресурсы активнейшим образом используют модальные конструкции для формирования новостного ландшафта, освещая настоящие ситуации и их гипотетические возможности развития. Подобные нюансы являются особенно значимыми для того, чтобы осознавать, какие инструменты используются при формировании картины мира французской аудитории в новостном секторе, актуальной на сегодняшний день. Хотя устойчивым остаётся разграничение модальности на объективную и субъективную, тем не менее, круг средств, участвующих в ее выражении представлен в современной научной литературе по-разному. Современный французский язык и его устойчивая базовая система модальности дает возможность выделять разные аспекты и разные мнения, а также достаточно однозначно указывать, что исходный источник информации является недостоверным, либо неточным, что выражается при помощи использования наклонения *conditionel*. Наклонение *subjonctif*, в свою очередь, представляет любое действие не в качестве однозначного факта, но в качестве ситуации, осмысляемой как возможность, что выражает сомнение или нефактуальность.

Можно констатировать серьезные продвижения в изучении модальности, в первую очередь благодаря постоянным научным исследованиям, касающимся данной области. Между тем, проблематика оппозиции субъективной и объективной модальностей требует более пристального рассмотрения. Актуальность этой темы определяется также широким использованием приемов модальности в современных СМИ, работающих в режиме непрерывного обновления информации, зачастую представляя ее в срочном порядке до полной верификации. Это является одной из возможностей информационного манипулирования в современном мире, когда посредством воображаемого закладываются определенные сценарии, согласно которым читатель мыслит, а, значит, конструирует для себя собственную реальность под влиянием источника информации. Медиатекст сегодня имеет возможность строиться не исключительно на констатациях фактов, а на прогнозах и вероятностных сценариях. В условиях полного информационного влияния изучение модальности как средства выражения прогноза и воображаемого необходимо.

Материалы и методы исследований

В основу исследования положены теоретические и методологические положения классических трудов в области теоретической грамматики французского языка и современные работы в области модальности. Работа опирается как на фундаментальные работы В.Г. Гака, исследующие теоретическую грамматику французского языка, так и на современные исследования в области модальности Л. Госселена. Интерес представляют труды А.А. Онербаевой по определению модальности в качестве грамматико-семантической категории, выражающей отношение говорящего к тому, что он говорит, его оценку отношения сообщаемого к объективной действительности. В качестве теоретической базы также следует выделить Т.В. Шнекнехт,

рассматривающей прогноз, как представление о том, что может произойти с объектом или явлением в будущем. Воображаемое, в свою очередь, понимается как то, что существует не в действительности, а в мысли, ожидании или возможной модели ситуации.

В качестве методов исследования были использованы общенаучные и собственно лингвистические методы, в ряду которых метод сплошной выборки, дескриптивный метод, дискурсивный метод, структурно-семантический анализ.

В рамках исследования была разработана эмпирическая методология, включающая выборку языкового материала из открытых французских СМИ; категоризацию данных по аналитическим критериям; количественный и качественный анализ употреблений; визуализацию результатов через диаграммы. Источники данных: TF1 Info, Public Sénat La Tribune, Coup d'Oeil.

Объем выборки: 75 случаев употребления conditionnel и subjonctif.

Следует выделить четыре основных критерия анализа.

1. Определение типа модальности по Л.Госселену: эпистемическая, деонтическая, аксиологическая, волитативная, алетическая. Данные подтипы показывают отношение говорящего к сообщению.
2. Конкретная форма наклонения, которая выполняет модальную функцию: subjonctif présent, subjonctif passé, conditionnel présent, conditionnel passé.
3. Контекст или сектор информации, в котором используются примеры: политика, экономика, культура и пр.
4. Пропорция воображаемого и прогноза, а именно разделение и различие употребления этих понятий в рамках анализа цели высказывания.

Результаты и обсуждения

Классическое языкознание определяет модальность как инструмент трактовки истинности высказывания [1]. Классическая логика выделяет четыре типа модальности: возможность, невозможность, необходимость и контингентность. Что касается модальности лингвистической, то здесь спектр анализируемых категорий представляется более широким: дистанция, оценка, вероятность, сомнение, способность, предложение, отказ и т.д. Вопрос определения модальности как лингвистической категории является дискуссионным. В своих трудах В.Г. Гак отмечает, что во французской грамматике не существует единого мнения, как о содержании этой категории, так и об объеме всего круга явлений и фактов, которые в нее включаются. Проблема определения модальности также заключается в том, что понятие лингвистической модальности не полностью совпадает с определением модальности в классической логике [2, с. 641].

А.А. Онербаева дает следующее определение лингвистической модальности: «Модальность – это грамматико-семантическая категория, которая выражает отношение говорящего к тому, что он говорит, его оценку отношения сообщаемого к объективной действительности. Содержание высказывания может мыслиться как реальное или нереальное, возможное или невозможное, необходимое или вероятное, желательное или нежелательное и т.д.» [3, с. 32]. В этом определении центральным компонентом становится отношение говорящего к сообщаемому.

Наиболее традиционным среди множества подходов к вопросу модальности принято считать грамматический подход, фиксирующийся на системах наклонений и глагольных форм. В таком подходе Ж. Шевалье указывает, что «как форма или совокупность форм модальность является грамматической категорией» [4, с. 115]. Данный подход сводит значение модальности до определенных средств выражения: наклонения, глагольные формы и другие (subjonctif, conditionnel). Оба эти наклонения предопределяют степень реальности ситуации.

Стоит заметить, что модальность как универсальная область неоднородно грамматикализована в разных языках. В языках с развитой морфологической категорией наклонения, в том числе и во французском, модальные содержания распределяются не по одному доминирующему классу. Они распределяются между категориями: наклонениями, перифрастическими конструкциями и лексическими модальными маркерами. Следовательно, при подходе к изучению модальности во французском языке необходимо учитывать не только модальные глаголы.

Л. Госселен формулирует собственную модель, которая разграничивает модальности, валидируемые реальностью, субъективностью или институцией [5, с. 23]. Он определяет три параметра: instance de validation, direction d'adjustement, force de validatiom, соответственно обозначая их буквами "I", "D", "F". Первый параметр определяет источник, относительно которого содержание считается действительным по одному из следующих пунктов: реальность, субъективность или институция [5, с. 26].

Параметр D эксплицирует способ соотнесения высказываемого с действительностью. Если высказывание описывает мир, то это определяет способ соотнесения как дескриптивно направленный (l'énoncé s'ajuste au monde).

Параметр F определяет силу валидации. Эта степень и характер модального высказывания уже включена внутри установленной категории. Следовательно, параметры I и D задают тип модальности, а параметр F – конкретное модальное значение внутри типа [5, с. 27].

Приведенные параметры I-D-F позволяют рассматривать модальность в формате настраиваемой системы. Посредством этого высказывание получает определенные статусы. Классификация удобна тем, что функционально определяет границы между понятиями «факт», «версия», «прогноз», «воображаемое». Важно и то, что при использовании параметризации грамматические формы в первую очередь выбираются по дискурсивной задаче. При анализе эти формы выступают не своеобразными ярлыками, а средствами настройки. Такое устройство имеет возможность определить вектор развития той или иной идеи и дальнейшую организацию медиатекста. Основываясь на выведенной модели Л. Госселен определяет шесть основных модальных категорий: modalité alétique, épistémique, axiologioque, boulique, déontique. Аллетическая модальность (modalité alétique) соотносится с реальностью как с инстанцией валидации, обладает дескриптивной направленностью и определяется как модальность «объективной истины». Эпистемическая (épistémique) тоже обладает дескриптивной направленностью, но валидируется субъективным компонентом, выражает субъективное отношение к реальности. Аксиологическая (axiologi-oque) модальность обладает смешанной направленностью, тем не менее, валидируется институцией, следовательно, расценивается как институциональное оценочное суждение. Modalité boulique инъюктивна и субъективна, репрезентует сферу воли и неприятия. Деонтическая модальность (déontique) инъюктивна по своей природе, но валидируется институцией. В итоговой системе категориям соответствуют следующие пары и ряды: nécessaire / possible /contingent / impossible, certain / probable /contestable/ exclu, désirable indésirable, lobule / blâmable, volonté / aversion, obligatoire / permis / facultatif / interdit [5, с. 68].

Особенно показательным случаем является функционирование форм, выражающих неполную достоверность, например conditionnel journalistique, название которого отсылает к его частому употреблению в сфере СМИ. Эта форма средствами conditionnel способна задавать происхождение источника того или иного знания о событии [6, с. 3]. Употребление conditionnel в таких случаях оправдывается ненадежностью информации и ссылкой на постороннее мнение.

П. Дендаль в своих работах, посвященных conditionnel journalistique, указывает, что семантика данной формы связана с неуверенностью, ссылкой на недостоверный источник или передачей чужой информации [7, с. 49].

Медиадискурс особенно значим для анализа модальности, так как прогноз и воображаемое активно в нем функционируют. Целесообразно выделить прогноз и воображаемое как два отдельных понятия.

Прогноз, по Т.В. Шенкнехт, – это понятие, имеющее логико-философские основания, представляющие собой результативное знание о еще не актуализированном состоянии объекта, то есть еще не существующее в действительности, но рассматриваемое как способное возникнуть в будущем [8, с. 75]. Так, прогноз является формой предвидения, в которой ключевым является не сам факт обращения к будущему. Важен особый статус такого содержания: говорящий, используя прогноз, не констатирует факт того, что событие однозначно случится в будущем, в объективной действительности. Он предполагает оптимальный исход, вероятный результат, связывая будущее с настоящим.

Ирреальное, или же воображаемое, согласно философскому энциклопедическому словарю, – «существующее не в действительности, только в мысли, в противоположность реальному» [8, с. 221]. Следовательно, все воображаемое опирается на вероятностную интерпретацию событий и дает возможность дальнейшего раззмышления над медиатекстом в интерпретации события. Отличает воображаемое от прогноза то, что оно не ориентировано на проверку факта в дальнейшем. Это позволяет учитывать воображаемое как способ смысловой организации событий и способ представления событий. Прогноз стремится создать вывод на основе ранее выведенного логического базиса для ответа на вопросы о том, с какой вероятностью, по каким причинам и с какой степенью уверенности произойдет то или иное событие. Воображаемое воспроизводится даже тогда, когда его содержательные элементы не претендуют на статус проверяемого знания. Различие между проверяемым прогнозом и непроверяемым воображаемым оформляется средствами форм наклонений.

Формы наклонений участвуют в организации степени вероятностных значений, хотя и не являются модальными средствами по своей природе. Данный вывод согласуется с позицией А. Тавернье: дискурс

информации – это особый тип языковой деятельности со своими существенными социальными и интерпретационными функциями [9, с. 182].

Ключевыми способами выражения прогноза и воображаемого в исследовании стали четыре грамматические формы. Всего у сослагательного наклонения subjonctif две временные формы, активно используемые в современном французском языке: subjonctif présent и subjonctif passé. Subjonctif présent связано с воображаемым, желанием, необходимостью, сомнением или возможностью. Subjonctif passé позволяет выразить оценку уже совершившегося действия или представить завершенную ситуацию как предмет интерпретации. Подобное разделение на прошедшую и настоящую временные грамматические формы есть и у условного наклонения conditionnel. Conditionnel présent чаще всего выражает прогноз, неподтвержденную информацию и дистанцию автора. Conditionnel passé используется для передачи предположения о прошлом или версии события [10].

Выводы

Анализ грамматических примеров проводился по четырем формам наклонений conditionnel и subjonctif, present и passé для каждого наклонения соответственно. Такое распределение методологически оправдано, так как позволяет сопоставить две основные исследуемые зоны модальности. С одной стороны, прогноз, а с другой стороны, воображаемое. Распределение можно проследить на рис. 1.

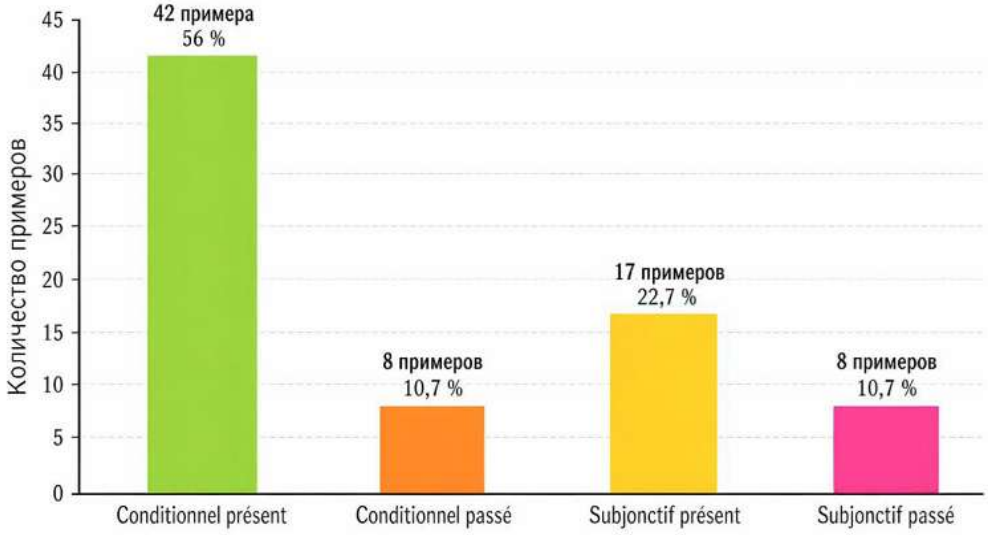

Рис. 1. Распределение грамматических форм в выборке.
Fig. 1. Distribution of grammatical forms in the sample.

Наиболее частотной формой оказался conditionnel présent: он встретился в 42 примерах, что составляет 52% от всей выборки. С помощью conditionnel présent журналисты могут дистанцироваться от утверждения будущего как непреложного факта, маркировать степень вероятности события и тем самым избегать полной ответственности за сделанный прогноз. Такая стратегия особенно востребована в политических и экономических текстах, где важно представить развитие событий как возможный сценарий, а не как гарантированный результат. *À partir de cette imege minimale, le chercheur – journaliuste, double du comédien Joaquim Fossi, invente un monde ou plutôt réinvente le nôtre tel qu'il pourrait être perçu par nos descendants dans quelques milliers d'années.*

Следующей по частотности идет форма subjonctif présent, представленная 17 примерами (22,7% выборки). *Ils proposent que les textes budgétaires soient déposés plus tôt, pour disposer de plus de semaines de travail.* Хотя она уступает conditionnel présent по количеству употреблений, именно эта форма играет важнейшую роль в выражении воображаемого. Примечательно, subjonctif не вступает в конкуренцию с conditionnel в зоне прогноза – он оформляет принципиально иную модальную зону. Через subjonctif présent передаются значения желаемого, требуемого, оцениваемого или нормативно ожидаемого положения дел. Чтобы сформулировать цель, есть возможность использовать союзные конструкции, такие как *afin que, pour que*; для обозначения условия существует оборот *à condition que*.

Что касается прошедших форм обоих наклонений, то можно констатировать, что каждая представлена одинаковым количеством, а именно 8 примеров, то есть 10,7% от общей выборки. Такой невысокий результат можно объяснить достаточно специфическим характером сферы употребления самих форм. Conditionnel passé описывает несостоявшиеся возможные сценарии, когда дается чисто гипотетическая оценка того, что могло бы произойти, то есть прогнозы, которые были ожидаемы, но фактически не имели места. Например, *Celles –ci auraient dû être examinés ce jeudi matin au Sénat.*

В отличие от предыдущей формы, subjonctif passé не только вербализует действие, которое состоялось или не состоялось, но также позволяет говорящему выражать свою оценку относительно фактически совершенного события, а также относительно результата действия, желательного или нежелательного, то есть «как это должно было быть» по мнению говорящего. Например, *Sur ce vol spécifique, la quantité de carburant utilisée a même diminué bien que le plan de vol ait été modifié.* То есть использование subjonctif passé позволяет сопоставить реальность и ожидание.

Если проводить статистический анализ относительно употребления непосредственно наклонений, то суммарно conditionnel présent и conditionnel passé имеют 50 примеров, то есть 66,7% от общего числа всех изученных. Это позволяет сделать выводы об основных и ключевых тенденциях, характерных для французского медиадискурса. Можно констатировать, что в первую очередь, он формирует прогноз и вероятное развитие сценария событий. Журналисты используют данные формы, избегая прямой категоричности и снижая уровень ответственности за предоставления неподтвержденной или сомнительной информации.

Subjonctif же, в свою очередь, выполняет другую функциональную роль, которая отражает категорию воображаемого или желаемого. *Ils propsent que les texts soient disposés plus tôt.*

Классфикация Л. Госселена по типам модальности позволяет дополнить и представить эту картину более полномерно. Conditionnel выражает эпистемическую модальность, то есть оценку достоверности информации и прогнозирование. Например, «*devrait plonger dans un deficit*» является характерной формулировкой для медиадискурса, так как представляет возможный, но далеко необязательный, либо гарантированный результат. Subjonctif чаще используется для волитативной модальности, выполняя функцию желания, намерения, цели. Как правило, для этого используются союзные конструкции, такие как afin que: *«afin qu'elles soient vues»*. Данные конструкции особенно характерны для текстов культурной, социальной или мировоззренческой направленности, декларирующие желаемые изменения, возможные перспективы. Также subjonctif выражает деонтическую модальность, которая связана с нормами, регламентом, требованиями, правилами или обязанностями. Такие примеры встречаются, как правило, чаще всего в текстах административного или юридического характера. Спецификой аксиологической модальности является то, что она сочетается с другими типами модальности и с ее помощью можно давать оценку событиям.

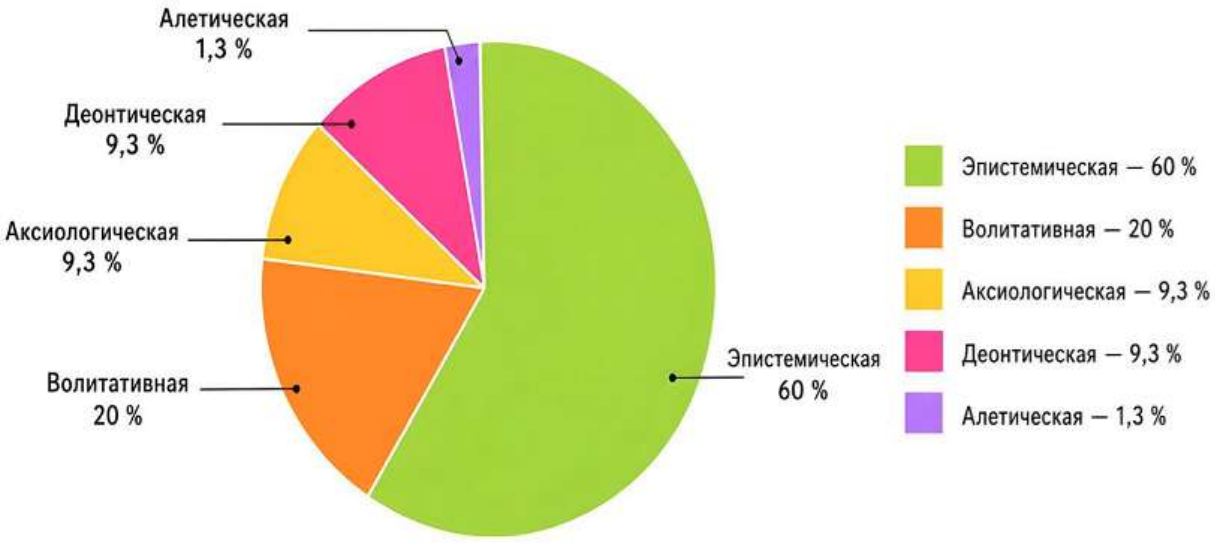

Рис. 2. Распределение по типам модальности.
Fig. 2. Distribution by modality types.

В заключении можно отметить, что результатом исследование стало понимание, что модальность является важнейшим оружием для выражения прогноза и воображаемого во французских СМИ, что ведет к формированию оценки у конечного потребителя, то есть французской аудитории. Модальность представляется сложной системой, которая сочетает в себе грамматическую форму и медиадискурсивный контент, а, следовательно, остается основным и ключевым средством формирования картины мира у франкоязычной аудитории.

Список источников

1. Modality [Электронный ресурс] // Merriam Webster.com Dictionary. URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/modality (дата обращения: 25.05.2026)
2. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Москва: Добросвет, 2000. 832 с.
3. Онербаева А.А. Категории модальности в лингвистике и переводоведении [Электронный ресурс] // Категории модальности в лингвистике и переводоведении // Архивариус. 2017. Т. 2. № 4 (19). С. 31 – 36. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kategorii-modalnosti-v-lingvistike-i-perevodovedenii (дата обращения: 25.05.2026)
4. Chevalier G. La modalité en grammaire // Lidil. Grenoble : Presses universitaires de Grenoble, 1993. № 8. P. 115 – 138.
5. Gosselin L. Les modalités [Электронный ресурс] // Encyclopédie Grammaticale du Français. 2024. URL: https://hal.science/hal-05629860v1 (дата обращения: 03.06.2026)
6. Dendale P., Tasmowski L. Présentation. L'évidentialité ou le marquage des sources du savoir // Langue française. Paris: Larousse 1994. № 102. P. 3 – 7.
7. Dendale P. Évidentialité ou non-prise en charge? Le cas du conditionnel épistémique en français: Une réanalyse // Langue française. Paris : Armand Colin, 2018. № 200 (4). P. 63 – 76.
8. Шенкнехт Т.В. Логико-философские основания лингвистического прогнозирования [Электронный ресурс] // Мир науки, культуры образования. 2009. № 7 (19). С. 74 – 78. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/logiko-filosofskie-osnovaniya-lingvisticheskogo-prognozirovaniya (дата обращения: 08.06.2026)
9. Tavernier A. Patrick Charaudeau, Les médias et l'information. L'impossible transparence du discours // Études de communication. Villeneuve-d'Ascq : Université de Lille 3, 2006. № 29. P. 181 – 184.
10. Kostucki A., Gregoire M. Grammaire progressive du francais. B2-C2. Paris : CLE International, 2025. 286 p.

References

1. Modality [Electronic resource]. Merriam Webster.com Dictionary. URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/modality (date of access: 25.05.2026)
2. Gak V.G. Theoretical grammar of the French language. Moscow: Dobrosvet, 2000. 832 p.
3. Onerbaeva A.A. Categories of modality in linguistics and translation studies [Electronic resource]. Categories of modality in linguistics and translation studies. Archivarius. 2017. Vol. 2. No. 4 (19). P. 31 – 36. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kategorii-modalnosti-v-lingvistike-i-perevodovedenii (date of access: 25.05.2026)
4. Chevalier G. La modalité en grammaire. Lidil. Grenoble: Presses universitaires de Grenoble, 1993. No. 8. P. 115 – 138.
5. Gosselin L. Les modalités [Electronic resource]. Encyclopédie Grammaticale du Français. 2024. URL: https://hal.science/hal-05629860v1 (date of access: 03.06.2026)
6. Dendale P., Tasmowski L. Presentation. L'évidentialité or le marquage des sources du savoir. Langue française. Paris: Larousse 1994. No. 102. P. 3 – 7.
7. Dendale P. Evidentialité or non-prise en charge? The cases of conditionnel épistémique in français: A reanalysis. Langue française. Paris: Armand Colin, 2018. No. 200 (4). P. 63 – 76.
8. Schenknecht T.V. Logical and philosophical foundations of linguistic forecasting [Electronic resource]. World of science, culture of education. 2009. No. 7 (19). P. 74 – 78. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/logiko-filosofskie-osnovaniya-lingvisticheskogo-prognozirovaniya (date of access: 08.06.2026)
9. Tavernier A. Patrick Charaudeau, Les médias et l'information. L'impossible transparency du discours. Études de communication. Villeneuve-d'Ascq: Université de Lille 3, 2006. No. 29. P. 181 – 184.
10. Kostucki A., Gregoire M. Grammaire progressive du francais. B2-C2. Paris: CLE International, 2025. 286 p.

Информация об авторах

Канеева А.В., кандидат филологических наук, доцент, Донской государственный технический университет

Лихоносов Д.И., Донской государственный технический университет

© Канеева А.В., Лихоносов Д.И., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 81`367.622.12
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-121-131

Функционирование прецедентного имени собственного в эссе Б.К. Зайцева «Пушкин в нашей душе»

[1] Кузьмина М.И.,
[1] Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

Аннотация: в статье имя собственное исследуется как многофункциональная единица, интегрирующая языковые, речевые и культурные смыслы. Работа выполнена в русле семасиологического и лингвокультурологического подходов и направлена на осмысление имени собственного как фрагмента индивидуально-авторской языковой картины мира. Эмпирической базой исследования выступает эссе Б.К. Зайцева «Пушкин в нашей душе» (1925). Центральным объектом анализа является прецедентное имя *Пушкин*, а предметом – языковые средства, раскрывающие его семантический потенциал в тексте. Цель работы состоит в том, чтобы раскрыть особенности функционирования этого прецедентного имени в эссе Б.К. Зайцева. Научная новизна обусловлена тем, что ономастическое пространство «лирической публицистики» (как особого типа текста) Б.К. Зайцева остаётся недостаточно изученным. Актуальность исследования связана с важностью изучения прецедентных имён как элементов русской языковой картины мира и как способов вербального воплощения культурных концептов. В фокусе внимания – интерпретации имени *Пушкин* в авторской картине мира Б.К. Зайцева: такие смысловые характеристики, как «лучшее творение Бога в искусстве», «вождь», «вольнолюбец», «певец родины», «лучшее откровение России», «знамя России» и другие. Для анализа применён комплекс методов – концептуальный, полевой и компонентный анализ, – который позволил определить функциональную нагрузку прецедентного имени. Установлено, что в эссе имя *Пушкин* выполняет роль культурного кода и отражает специфику восприятия наследия А.С. Пушкина в литературе русского зарубежья. Среди выявленных особенностей поэтики Б.К. Зайцева – тенденция к концептуализации отдельных лексических единиц и к усилению их ценностного компонента. Продемонстрировано, что прецедентное имя обладает богатым функциональным потенциалом: оно реализует номинативные и идентифицирующие задачи, несёт аксиологическую нагрузку, участвует в создании интертекстуальных связей, влияет на композицию и смысловую организацию текста, формирует концептуальные смыслы. Кроме того, исследуемое имя способно пробуждать культурно значимые ассоциации и определять прагматический эффект высказывания. Результаты исследования могут найти применение в преподавании таких вузовских дисциплин как лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, ономастики текста, а также быть востребованы при разработке лингвокультурологических словарей имён собственных.

Ключевые слова: прецедентное имя собственное, семантика прецедентного имени собственного, Пушкин как прецедентное имя собственное, ассоциативно-семантическое поле прецедентного имени, публицистический текст, Б.К. Зайцев, культурный код, русское зарубежье

Для цитирования: Кузьмина М.И. Функционирование прецедентного имени собственного в эссе Б.К. Зайцева «Пушкин в нашей душе» // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 121 – 131. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-121-131

Поступила в редакцию: 15 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

Functioning of the precedent proper name in the essay by B.K. Zaytsev "Pushkin in Our Soul"

[1] Kuzmina M.I.,
[1] Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov

Abstract: the article examines the proper name as a multifunctional unit integrating linguistic, speech and cultural meanings. The work is carried out in line with semasiological and linguocultural approaches and is aimed at understanding a proper name as a fragment of an individual author's linguistic picture of the world. The empirical basis of the research is B.K. Zaitsev's essay "Pushkin in our Soul" (1925). The central object of the analysis is the precedent name Pushkin, and the subject is the linguistic means that reveal its semantic potential in the text. The purpose of the work is to reveal the features of the functioning of this precedent name in the essay by B.K. Zaitsev. The scientific novelty is due to the fact that the onomastic space of B.K. Zaitsev's "lyrical journalism" (as a special type of text) remains insufficiently studied. The relevance of the research is related to the importance of studying precedent names as elements of the Russian linguistic worldview and as ways of verbally embodying cultural concepts. The focus is on the interpretation of the name Pushkin in the author's worldview by B.K.Zaitsev: such semantic characteristics as "the best creation of God in art", "leader", "freedom lover", "singer of the motherland", "the best revelation of Russia", "banner of Russia" and others. A set of methods was used for the analysis – conceptual, field and component analysis, which allowed us to determine the functional load of the precedent name. It is established that in the essay the name Pushkin plays the role of a cultural code and reflects the specifics of perception of A. S. Pushkin's legacy in the literature of the Russian diaspora. Among the identified features of B.K. Zaitsev's poetics is the tendency to conceptualize individual lexical units and to strengthen their value component. It is demonstrated that the precedent name has a rich functional potential: it implements nominative and identifying tasks, carries an axiological load, participates in the creation of intertextual connections, affects the composition and semantic organization of the text, forms conceptual meanings. In addition, the name under study is able to awaken culturally significant associations and determine the pragmatic effect of the utterance. The results of the research can be used in teaching such university disciplines as linguoculturology, cognitive linguistics, onomastics of the text, and also be in demand in the development of linguoculturological dictionaries of proper names.

Keywords: precedent proper name, semantics of a precedent proper name, Pushkin as a precedent proper name, associative-semantic field of a precedent name, journalistic text, B.K. Zaitsev, cultural code, Russian abroad

For citation: Kuzmina M.I. Functioning of the precedent proper name in the essay by B.K. Zaytsev "Pushkin in Our Soul". Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 121 – 131. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-121-131

The article was submitted: July 15, 2026; Approved after reviewing: August 12, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

Прецедентные имена занимают особое место в языковой картине мира, выступая культурными маркерами, обладающими когнитивным и прагматическим потенциалом. Имя А.С. Пушкина давно стало прецедентным для русского языкового сознания, отсылающим к устойчивому культурному коду, передающему сложный комплекс представлений о русской культуре и национальной идентичности. Рецепция личности и творчества писателя в русской литературе огромна и неиссякаема, у каждого поколения «свой Пушкин».

Авторская публицистика русских писателей XX века периода эмиграции представляет собой особый способ осмысления действительности, где на первом плане ярко выраженная личностная позиция. Эмиграция первой волны считала своей миссией сохранение национальной культуры и осмысление национальной идентичности [6; 11]. В связи с этим актуальным представляется проследить, как реализуется феномен Пушкина в публицистическом дискурсе писателя русского зарубежья. Б.К. Зайцев писал: «Живя вне родины, я могу вольно писать о том, что люблю в ней, – о своеобразном складе русской жизни, о русских людях, русских святых, монастырях, о замечательных писателях России» [Цит. по 11, с. 88]. В рамках настоящего исследования предпринята попытка выявить специфику функционирования прецедентного имени *Пушкин* в тексте Б.К. Зайцева. В качестве объекта анализа выступают не только собственно ономастические единицы, но и языковые средства, эксплицирующие семантику онимов: лексемы, апеллятивы (синонимические замены), а также единицы ближайшего контекста, обладающие концептуальной значимостью.

Теоретическая ценность работы состоит в развитии представлений о особенностях функционирования прецедентных имён собственных в рамках публицистического дискурса. Практическая применимость результатов заключается в их востребованности для вузовского преподавания (курсы по лингвокультурологии, когнитивной лингвистике, ономастике текста), для изучения авторской публицистики XX века и для лексикографической практики, в частности, при составлении словарей языка писателя и лингвокультурологических справочников имён собственных.

Материалы и методы исследований

Методология настоящего исследования опирается на сочетание концептуального, компонентного и функционального анализа, что обеспечивает многоаспектное рассмотрение материала. Применение метода сплошной выборки позволило систематизировать контексты функционирования прецедентного имени *Пушкин* и его апеллятивных идентификаторов. Обоснованность выбора материала обусловлена его способностью отражать культурный код в рамках индивидуальной языковой системы писателя: анализ выявил отдельные черты мировидения и специфику мышления Б.К. Зайцева как творческой языковой личности. Полученные результаты подтверждают статус имени собственного как особого языкового знака, репрезентирующего культурный код и служащего средством выражения авторской позиции.

Эмпирической базой исследования является текст Б.К. Зайцева «Пушкин в нашей душе» (1925). Этот произведение относится к «лирической публицистике» автора. Данный термин используют, чтобы описать специфику публицистических жанров в творчестве Бориса Константиновича Зайцева: в его работах сочетается лирическое начало (эмоциональность, субъективность, внимание к внутреннему миру) и информационно-аналитическое (осмысление событий, фактов, культурных и общественных явлений); это художественное свидетельство эпохи, в котором личные переживания и духовные поиски автора соединяются с осмыслением судьбы России и её культуры. Данное произведение входит в «пушкинский текст» Б.К. Зайцева: цикл текстов, созданных писателем с 1925 по 1962 год [25]. Они составляют единый метатекст о великом русском писателя, размышления о его личности и творчестве, продолжая в эмиграции сложившуюся дореволюционную традицию пушкинских юбилеев после открытия памятника в 1880 году.

Произведение Б.К. Зайцева «Пушкин в нашей душе» может быть отнесено к жанру эссе. В эссе рассматривается вопрос как воспринимался и осмыслялся Пушкин в разные исторические периоды. Текст приурочен к памятной дате, что типично для юбилейных публикаций в русской литературной традиции русского зарубежья. При этом автор выходит за рамки формального прославления и предлагает глубокое осмысление роли Пушкина в русской культуре.

Результаты и обсуждения

Теоретическую базу настоящего исследования составили работы отечественных учёных по ономастике и функционированию имён собственных в художественном тексте (О.И. Фонякова [24], Н.В. Васильева [2] и др.). В рамках настоящего исследования имя собственное в речи понимается как функционально-семантическая единица особого типа, семантическая структура которой интегрирует номинативный, коннотативный, ассоциативный и культурно-ценностный компоненты [24, с. 21].

Имя А.С. Пушкина относится к числу прецедентных единиц русской языковой картины мира. Художественная значимость поэта выходит за рамки национальной литературы, занимая уникальное место и в общемировом литературном процессе: рецепция творчества поэта демонстрирует исключительную вариативность и глубину осмысления в разные исторические периоды. В этой связи релевантна следующая характеристика: «русская литература не имеет аналогов по широкомасштабности образов писателей или поэтов, рецептивная сфера которых была бы столь разнообразной и всеобъемлющей настолько, что каждая эпоха находила в его творчестве всё новые и новые грани» [5, с. 57].

Явление прецедентности выступает в современной лингвистике как одна из наиболее актуальных проблем. Ее исследованию посвящены труды лингвистов Ю.Н. Караулова [14], И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова Д.В. Багаевой [13], Г.Г. Слышкина [19], Е.А. Нахимовой [16], Ю.А. Гурской, Ю.А. Смирновой [8], Е.А. Флейшер [22], В.М. Колгановой [15], О.Г. Никулкиной [17], Д.Р. Резникова [18] и др.

В лингвистической традиции прецедентное имя определяется как индивидуальное имя собственное, актуализирующее у реципиента устойчивый комплекс ассоциаций и эмоционально окрашенных смыслов, соотносимых с конкретными событиями, объектами или явлениями действительности [10, с. 61–63]. Значимость прецедентных имён в современном публицистическом дискурсе обусловлена их особой лингвокультурной функцией. Согласно исследовательской позиции, такие единицы образуют «ядро языковых средств хранения и трансляции культурной информации» и выполняют системообразующую роль в становлении национального и языкового сознания: они задают ценностные ориентиры и моделируют поведенческие стратегии членов лингвокультурного сообщества [7, с. 142]. При этом одной из ключевых характеристик прецедентных имён выступает их способность репрезентировать социально одобряемые либо порицаемые модели поведения [7, с. 147].

Прецедентные имена функционируют в языке и речи как вербальные репрезентанты прецедентных концептов – ментально-вербальных единиц, служащих средствами представления, категоризации, концептуализации и оценочной интерпретации действительности в процессе формирования целостной картины мира

либо её отдельных фрагментов [16, с. 4-5]. Система прецедентных феноменов выступает одним из механизмов трансляции «культурной памяти» от поколения к поколению, одновременно выполняя консолидирующую функцию: она способствует объединению социума вокруг базовых культурных ценностей и нравственных ориентиров. В ряде случаев прецедентные феномены приобретают статус нравственных эталонов нации, фиксируя устоявшуюся в лингвокультуре систему оценок реальности [16, с. 12]. В исследованиях Г.Г. Слышкина прецедентные феномены рассматриваются как особого рода концепты – единицы, которые принадлежат сознанию, детерминируются культурой [19].

Б.К. Зайцев неоднократно обращался к творчеству А.С. Пушкина в своих публицистических работах, создавая многогранный образ поэта и анализируя его роль в русской культуре. Эти тексты сочетают в себе импрессионистические наблюдения, философские размышления и диалог с традициями русской мысли. В эссе «Пушкин в нашей душе» прецедентное имя характеризуется полифункциональностью: выполняет несколько ключевых функций, связанных с осмыслением культурного наследия, национальной идентичности и личностного восприятия. Это имя выступает не просто как обозначение конкретного человека, а как сложный культурный концепт, прецедентный концепт, насыщенный историческими, философскими и эстетическими ассоциациями. В рамках текстового пространства имя собственное реализует комплекс функций: идентификационную, мифологическую, условно-символическую, характеризующую, текстообразующую и эстетическую [2].

Значение прецедентного собственного имени *Пушкин* может быть рассмотрено как полевая структура. Результатом исследования в ходе анализа вторичных номинаций и ассоциативных связей прецедентного собственного имени *Пушкин* стало составление модели его ассоциативно-семантического поля в тексте Б.К. Зайцева. Ассоциативно-семантическое поле, репрезентирующего семантический объем онима во фрагменте русской языковой картины мира, представлено на рис. 1. Область центра / ядро поля представлено антропонимом – *Пушкин.* В ближайшую периферию входят энциклопедические знания о Пушкине, общеизвестные факты, названия произведений (*поэт, русский поэт)*. Дальнюю периферию образуют лексемы, связанные с онимом ассоциативной связью и синонимические замены, построенные по модели имя собственное и нарицательное существительное как его атрибутивная характеристика (определения к имени и др.), представляющие личностные / индивидуальные оценки персоны Пушкина для русской культуры.

В ассоциативно-семантическом поле можно выделить несколько взаимосвязанных семантических линий (внутриструктурных тематических групп слов, объединенных интегральными семами). Разнообразие экспликаций семантических линий в ассоциативно-семантическом поле свидетельствует о значимости центрального понятия (концепт *Пушкин*) для писателя, его разработанности и освоенности в зайцевской языковой картине мира. Первую группу составляют слова – смыслы, которые наделяют фигуру Пушкина высшей ценностью и почти священным значением, отмечается сакрализация персоны («Пушкина святыню охраняли», «имя Пушкина приобретает силу знамени», «ясный факт творения Божественного», «лучшее откровение России»). Вторая группа представлена мифологическими ассоциациями – отсылками к культурно-историческим мифологемам (*Арион, Эллада*). Третью группу организуют слова, обозначающие ценностно-идеологические ипостаси – характеристики, связывающие Пушкина с ключевыми общественными идеалами и темой свободы («вольнолюбец, певец родины», «вождь и пример», «враг схем и инквизиций», «если Пушкин жив, не умерла свобода. Если Пушкин жив, не умерла Россия»). Четвертая реализуется в эстетико-стилистических характеристиках: группа фиксирует восприятие поэтики Пушкина, её особенности, интонацию, художественную манеру («лёгкость, острота слова», «царственная поступь», «полнота и самовластность», «сила, тонкость, самоизначальность»). Пятая группа содержит эмоциональные смыслы, отражая ощущение личной, почти родственной близости к поэту, восприятие его как «своего» («Пушкин свой, наш художнику», «земляк», «вольнолюбивому и человечному Пушкин отрада»). Данные микросистемы неодинаковы по объему и значимости. Актуальным признается проследить, какие семантические признаки приобретает прецедентное имя в результате функционирования в тексте эссе Б.К. Зайцева.

Рис. 1. Ассоциативно-семантическое поле прецедентного имени Пушкин в эссе Б.К. Зайцева.
Fig. 1. Associative-semantic field of the precedent name Pushkin in the essay by B.K. Zaitsev.

Заглавие произведения выступает в качестве интерпретационного ключа, инициирующего интертекстуальные ассоциации. Имя собственное, вынесенное в заглавие, приобретает концептуальную значимость: оно концентрированно репрезентирует авторскую идею и формирует концептуальное ядро художественного текста. В частности, лексема *Пушкин* выполняет композиционно значимую роль как средство текстопостроения. Выбранное заглавие эксплицирует концептуальную установку автора: Пушкин осмысляется не только как поэт, но и как национальный гений, олицетворение русской культуры. Имя Пушкина функционирует в качестве культурного кода, структурирующим восприятие русских культурных феноменов (языка, истории, «души»).

Высокая частотность онима в тексте свидетельствует о его текстоорганизующей функции: он выступает не только композиционным, но и семантическим центром художественного целого. Традиционно в современных ономастических исследованиях имя собственное понимается как маркер интертекстуальности [8]. Название текста Зайцева оказывается аллюзийным к устойчивой формуле А. Григорьева, отражающей идею о том, что Пушкин – олицетворение национальной идентичности: «Пушкин – наше всё. Пушкин – представитель всего нашего душевного, особенного, такого, что останется нашим душевным, особенным после всех столкновений с чужими, с другими мирами» [4]. Эта фраза отражает идею о том, что Пушкин стал олицетворением уникальных черт русской души, её глубины и самобытности; его творчество созвучно русской душе, стало неотъемлемой ее частью, воспринимается не как далекий классик, а как собеседник, чьи мысли и образы продолжают жить, формируя нравственные ориентиры. Через синтагматические связи с когнитивной единицей в значении прецедентного имени формируются компоненты ‘русское’, ‘национальное’, ‘духовное’: *Пушкин в нашей душе*. Концепт *душа* – один из ключевых в русской культуре и для идиостиля Зайцева; отражает национальную ментальность, духовно-нравственные ценности и особенности восприятия мира. Фраза *Пушкин в нашей душе* трансформируется в основном тексте. Автор показывает, как пушкинские тексты (и имя) встраиваются в личный опыт читателя: «Пушкин с нами!» [12]. Через данную фразу формируется вневременность Пушкина и запускается механизм культурной памяти.

Эссе открывается реминисцентным образом треножника, который упоминается в стихотворении А.С. Пушкина «Поэту» (1830). Это метафора, которая символизирует уверенность поэта в своём творчестве. Образ треножника указывает на высокое назначение поэзии и избранность поэта. Поэт – это жрец, служитель искусства. Пушкин призывает поэта хранить свободу своего творчества, вне зависимости от отношения к нему толпы. Когнитивные смыслы прецедентного имени *Пушкин* – ‘поэт, служитель искусства’.

Вторичная номинация / апеллятивная замена имени/ перифраза *Пушкин – высшая математика культуры*. Лексикографические источники фиксируют следующие значения лексемы *математика* – наука; разг. о чём-л., требующем точного расчёта, продуманных действий [1]. В результате контекстуальных связей в семантической структуре имени собственного формируются компоненты ‘знание’, ‘точность’, ‘системность’. У Зайцева Пушкин часто предстаёт как нравственный и национальный ориентир, и метафорическое определение подчеркивает структурообразующую роль Пушкина для русской культуры. Пушкин реформировал русский язык, разрабатывал новые жанры художественных произведений и создавал новые типы литературных героев. Пушкинские тексты интертекстуальны: его сюжеты, образы, высказывания переосмысляются, «работают» в новых обстоятельствах: от классики до мемов. Имя Пушкина давно стало риторическим и культурным кодом русской языковой картины мира [20].

Лексема *математика* в переносном употреблении отсылает к когнитивной модели. Через метафору утверждается, что Пушкин как система культурных правил, по которым «читается» русская культура. Ономастический анализ приведенного контекста позволяет говорить о компонентах прецедентного имени. Номинативный компонент составляет информация о Пушкине как конкретной персоналии. В результате синтагматических связей с языковой единицей *высшая* в значении имени собственного формируются коннотативный, ассоциативный и культурно-ценностный компоненты: ассоциации с эталоном, нормой, вершиной; оценочность; связь с идеями нормы, порядка, гармонии, «правильного» устройства культуры; Пушкин как носитель национальной идентичности, нравственного и эстетического идеала.

Имя собственное *Пушкин* является устойчивым компонентом ассоциативно-семантического поля *Русская литература*. В семантической структуре эссе прецедентное имя входит в русский литературный ономастикон в одном ряду с другими поэтами и писателями, значимыми для Б.К. Зайцева, но только антропоним *Пушкин* обладает устойчивой коннотацией превосходства, а также семантическими признаки ‘дорогое’, ‘любовно хранимое’, ‘чтимое’, что в частности реализовано в следующем контексте: «Малопопулярный и глубокий Тютчев, Фет, Тургенев, Аполлон Григорьев, Достоевский независимо от всяких верхоглядов Пушкина святыню охраняли» [12].

Показателен следующий контекст: «Пушкин – поэзия, и облегченность, и улыбка, космос» [12]. Необычен однородный ряд сказуемых, усиленный градацией. Первый компонент однородного ряда не вызывает сомнений: *Пушкин – поэт*, но следующие на первый взгляд могут вызывать недоумение. *Облегченность* – поэзия, которая дает освобождения от тревоги, беспокойства, связь с миром чувств, внутренним миром. Сравните выражение – *облегчить душу*: найти выход, испытать радостное чувство избавления от тяжёлого нравственного чувства.

В приведенном микроконтексте актуализирована лексема *улыбка.* В общении *улыбка* передаёт положительные эмоции: счастье, радость, доброжелательность, дружелюбие, расположение к общению. Она может смягчать конфликты, создавать атмосферу доверия и открытости. В христианском искусстве улыбка иногда символизировала добродетель и святость. В русской православной традиции улыбка считалась «выражением светлой радости и причастности к тайне спасения» [21, с. 96]. С аргументацией А. Вежбицкой сложно не согласиться: специфика русской культуры включает ярко выраженную ориентацию на эмоциональность – это находит отражение в коммуникативных практиках, предполагающих открытое проявление чувств, в высокой степени эмоционального напряжения русской речи и в богатом арсенале языковых ресурсов для репрезентации эмоций и их нюансов [3, с. 33-34].

Ассоциативно-семантические связи *Пушкин – космос* для Б.К.Зайцева неслучайны. Идеи космизма всегда являлись важной доминантой художественного мира писателя. Каждый человек – это космос, отдельный мир, такой же неизученный и загадочный, как целая вселенная. Идея, что человек – это «микрокосмос», то есть малый мир, отражающий устройство Вселенной, глубоко укоренена в традиции русского космизма и восходит к античной и христианской мысли [23]. Космизм стал для Б.К.Зайцева способом философского осмысления бытия, где личное переживание единства с миром переплеталось с поиском высших, духовных смыслов. В этом случае слово *космос* может использоваться для описания внутреннего мира человека, его индивидуальности, глубины или сложности. *Пушкин* как ‘отдельный мир’, ‘Вселенная’, над загадками которой бьемся до сих пор.

Одной из ключевой вторичной номинацией имени собственного *Пушкин* в тексте эссе оказывается ономастическая единица, мифоним – *Арион*, имя таинственного языческого певца и персонажа одноименного пушкинского текста. Парадигматические отношения, в которые вступает прецедентное имя собственное, (*целое – часть* или *автор – художественный образ/ персонаж)* формируют в его значении ассоциативно-семантические компоненты ‘избранность’, ‘одиночество’, ‘стойкость’, ‘верность призванию’. Пушкин как фигура с особой специфической судьбой, почти мистической и мифической. «К сожалению, он правда

Арион, и из-за гроба снова, назло "укротителям", он сушит "ризу светлую свою", смущает, вольнодумствует и обольщает» [12].

Ассоциативно-семантические связи *Пушкин – наша русская Эллада* подчеркивает особое место Пушкина в русской культуре. «<…>настолько наша русская Эллада, Пушкин, вечно жив и вечно плодотворен и для человека христианского. Полнейший образ красоты, искусства всегда говорит "да", всегда за Божье дело, если у него и нет напора боевого. Оно радует, веселит сердце чистым и возвышенным веселением» [12]. Прецедентное имя *Эллада* – это самоназвание Древней Греции, которое также стало символом её культуры, цивилизации и наследия. Этот термин имеет многослойное значение, связанное с историей, языком, религией, искусством и идеалами античной Греции. Данный оним как языковая вербализация историко-культурного понятия, обозначающего территории, народы и цивилизацию древнегреческого мира, а также совокупность их языковой, религиозной и художественной традиции**.** В значении онима Эллада формируется символические и когнитивные смыслы – античная культура, которая заложила основы европейской цивилизации. В результате синтагматических связей контекста значение имени собственного приобретает признаки ‘русское’, ‘христианское’, ‘красота’, ‘вневременность’ а в семантической структуре формируются когнитивные смыслы – ‘источник духовной и художественной силы’, ‘воплощение вечной, нетленной красоты и гармонии’, ‘образ совершенного художника’.

Значимыми признаками семантики имени собственного *Пушкин* в речи Б.К.Зайцева становятся моральный и этический компонент: «Кто любит Пушкина, тот за свободу. Кто с Пушкиным, тот за человека, родину и святыню. Если Пушкин завладевает сердцами России, значит, жива Россия» [12]. В результате синтагматических связей значение имени собственного приобретает семы ‘свобода’, ‘человечность’, ‘русское’, ‘вневременность’, актуализируются этические компоненты. Показателен контекст употребления имени собственного и метонимический перенос в выражении «Пушкин завладевает сердцами» [12], где речь идёт не о человеке, а о его творчестве, образе и культурном влиянии, которые «завладевают» сознанием и эмоциями общества. Пушкин воспринимается ценностным ориентиром, а его имя аксиологическим маркером свободолюбия, человечности, патриотизма, русскости.

Конструкция с местоименным соотнесением *кто… тот* создаёт эффект этической идентификации**:** любовь к Пушкину дается как ценностный выбор. Синтаксический параллелизм усиливает принцип нарастания значимости ценностных категорий – апеллятивных характеристик онима. Градация ценностей *свобода – человек – родина – святыня* организована по нарастанию смысловой важности: от социально-политической категории к этической, затем к национально-культурной и, наконец, к духовной. Ценности выстраиваются от общественного к сокровенному, сакральному. В результате использования имени в конструкции со значением условия (если… значит), подводится итог авторской оценки: связь Пушкина и России мыслится как показатель жизнеспособности нации. Параллелизм конструкций и повторяющееся местоимение *тот* создают ритмическую связность и эффект категорического утверждения. В анализируемом фрагменте прецедентное имя *Пушкин* функционирует как аксиологический маркер: посредством параллельных синтаксических конструкций и градации ценностных предикатов (*за свободу, за человека, за родину и святыню*) осуществляется экспликация культурного кода, связывающего образ поэта с ключевыми категориями национальной идентичности.

Пушкин для писателя в эмиграции выступает гарантом непрерываемости духовной традиции России. Весь зайцевский макротекст формирует самобытный понятийно-образный комплекс, репрезентирующий идею «России Святой Руси». При этом феномен святости получает в отдельных произведениях различную степень экспликации, и публицистический дискурс писателя не становится исключением. Пока в людях живёт подлинная, сердечная любовь к такому высокому культурному и духовному образцу, как Пушкин, жива и сама «Россия Святой Руси», её духовная суть. Это особенно важно для Б.К. Зайцева в эмиграции. В результате контекстуальных связей ономастические концепты *Россия* и *Пушкин* для писателя приобретают семы ‘опора’, ‘дорогое’, ‘любимое’, ‘чтимое’, ‘святое’.

Имя собственное *Пушкин* и сама личность поэта в тексте эссе является духовным ориентиром для русских художников. Когнитивные смыслы исследуемого прецедентного имени ‘совершенный художник’. «Меньше всего Пушкин канон и догмат. Он есть облик» [12]. Облик – характер, душевный склад, совокупность внутренних качеств кого-либо. Образ Пушкина как пример высочайшего художественного мастерства, искренности, творческой свободы. В связи с этим необходима интерпретация следующего контекста: «И это Пушкин – легкость, острота слова, царственная поступь, полнота и самовластность, сила, тонкость, самоизначальность» [12]. Фраза построена как номинативный ряд (перечисление без глаголов), что создаёт эффект мгновенного «наложения» характеристик: образ Пушкина возникает не через действие, а через мгновенную аккумуляцию качеств. Номинативные характеристики эксплицируют культурно-ценностный

потенциал имени: *лёгкость и острота слова, царственная поступь, полнота, самовластность* и др. Характеристики представлены несколько лексико-тематических групп: свойства поэтического языка писателя (легкость и острота слова), телесно-поведенческие признаки (*царственная поступь*), онтологические и аксиологические категории (*самовластность, изначальность* и др.). Данные языковые единицы задают масштаб личности, в значении прецедентного имени формируются признаки ‘завершённость’, ‘гармония’; ‘внутренняя свобода’; ‘самобытность’, ‘первичность’ и др.

Такой способ представления образа реализует функцию трансляции культурной памяти и формирует концептуальные смыслы собственного имени в индивидуальной языковой картине мира автора. Конструкция «И это Пушкин» выполняет функцию идентификации и актуализации: частица «и» отсылает к предшествующему контексту, «это» фиксирует объект, а имя собственное *Пушкин* выступает как смысловой центр, вокруг которого группируются признаки. Такой синтаксис типичен для публицистической лирики и эссеистики: он сочетает категоричность утверждения с эмоциональной тональностью.

Показателен также финальный контекст употребления прецедентного собственного имени, где на малом объеме сконцентрировано большое количество его вторичных номинаций, подтверждая многомерность, полифункциональность и поливалентность образа и имени, обосновывая особую роль Пушкина для России. В научном дискурсе образ А.С. Пушкина репрезентируется в ряде культурно значимых ипостасей: как высшее художественное достижение, осмысляемое в религиозно-философском ключе («лучшее творение Бога в искусстве»); как нравственный эталон, выполняющий функцию ценностного ориентира («вождь и пример»); как символ свободы, воплощающий идеал вольнолюбия; как выразитель национального самосознания, выступающий в роли «певца родины». Многоплановость пушкинского образа обусловливает его прецедентный характер: имя поэта функционирует как культурный знак, аккумулирующий широкий спектр ассоциативно-семантических связей и допускающий вариативные интерпретации. Характер актуализируемых смыслов детерминирован аксиологической позицией реципиента – в зависимости от ценностной картины мира читатель акцентирует ту или иную смысловую грань образа. Эта полисемантичность находит отражение в приведённом фрагменте: «Разно живя в разных душах – для одних лучшее творение Бога в искусстве, для других вождь и пример, для третьих вольнолюбец, певец родины, – Пушкин, думаю, для всех сейчас лучшее откровение России. Не России старой или новой: истинной. Когда Италия объединялась, Данте был знаменем национальным. Теперь, когда России предстоит трудная и долгая борьба за человека, его вольность и достоинство, имя Пушкина приобретает силу знамени» [12]. В данном контексте подчёркивается способность пушкинского образа выполнять консолидирующую функцию: подобно тому как Данте выступал в качестве национального символа в процессе объединения Италии, имя Пушкина обретает статус ценностного ориентира и «знамени» в ситуации общественно-исторических вызовов, связанных с отстаиванием человеческого достоинства и свободы.

Метафорическая характеристика *Пушкин – лучшее откровение России* выводит образ за рамки историко-литературного контекста. Лексикографические источники дают следующие толкования лексемы *откровение*: 1. религ. Духовное видение; 2. то, что неожиданно раскрывает истину, делает совершенно ясным, понятным что-л.; 3. внезапное прозрение, просветление мысли; вдохновение, наитие; 4. откровенное признание, сообщение [1]. В богословском смысле *откровение* – это волеизъявление божества, когда Бог открывает людям что-то важное: себя, свою волю, замысел о мире. В результате синтагматических связей в значении прецедентного имени *Пушкин* формируются смыслы: ‘божественное’, ‘вневременность’, ‘превосходство’, ‘русское’.

В результате предикативной связи Пушкин – вождь в значении имени собственного формируются семы ‘авторитет’, ‘лидерство’, ‘вдохновитель’. Ассоциативно-семантические связи имен собственных *Пушкин – Данте* позволяют проследить межполевые связи имен и говорить о когнитивном смысле имени *Пушкин* как ‘национальная ценность, способная объединить общество в переломные моменты’. Актуализируется пушкинский образ для современности: имя Пушкин становится ресурсом для нравственного и социального самоопределения нации. Для русской эмиграции начала XX века Пушкин олицетворял не просто великого поэта, а подлинное, духовное и культурное наследие России, которое помогало сохранить идентичность вдали от родины.

Пушкин не только гений слова, но и носитель гуманистических ценностей (свобода, достоинство человека). «Теперь, когда России предстоит трудная и долгая борьба за человека, его вольность и достоинство, имя Пушкина приобретает силу знамени» [12]. В лексикографических источниках слово *знамя* в переносном значении ‘руководящая идея, идеал, мировоззрение’. В древнерусском языке *знамя* означало ‘знак’, ‘печать’. В словаре В.И. Даля слово *знамя* в устаревшем значении толкуется как ‘знаменье, знак, признак, примета’ [9]. В результате синтагматических связей со словом знамя значение имени приобретает дополни-

тельные коннотации ‘знаковость’, ‘идеал’, ‘руководство’. Имя Пушкина становится знаком, который помогает не потерять правильное направление.

Завершается эссе цитированием пушкинского текста и вводится финальный нарицательный идентификатор имени собственного *Пушкин – пророк*. «Восстань, пророк, и виждь, и внемли, / Исполнись волею Моей, / И, обходя моря и земли, / Глаголом жги сердца людей» [12]. Пророк как точное обозначение миссии поэта, поэт как провидец и нравственный судья эпохи. Итоговая номинация как подтверждения ключевой идеи текста: Пушкин как духовный центр повествования, как духовный код русской культуры, на которой держится национальная идентичность.

Проанализированные ассоциативно-семантические связи имени собственного *Пушкин* во фрагменте индивидуальной языковой картины мира Б.К. Зайцева не исчерпывают всю его уникальную художественную систему, формат статьи не позволяет охватить все вторичные замены прецедентного имени в публицистическом тексте. В перспективе требуется исследование динамики функционирования данного прецедентного имени в «пушкинском тексте» Б.К. Зайцева, которое позволит выявить устойчивые и вариативные компоненты концепта *Пушкин* в его индивидуально-авторской картине мира.

Выводы

Результаты анализа прецедентного имени *Пушкин* и его ассоциативно-семантических связей позволяют оценить роль этих категорий в художественном осмыслении действительности, характерном для поэтики Б.К. Зайцева. При этом лексические единицы, коррелирующие с данным онимом, отличаются повышенной концептуальной нагруженностью в исследуемом тексте. Особые когнитивные смыслы приобретают лова, связанные с реализацией авторской идеи личностного отношения к поэту и родной стране и личностного понимания роли Пушкина для России. Прецедентное собственное имя *Пушкин* в русской культуре и публицистическом дискурсе Б.К. Зайцева – это не просто фамилия великого поэта, а сложный культурный феномен, который стал языковым воплощением национальной идентичности, эталоном поэтического гения и источником множества культурных ассоциаций. Оно функционирует как особый знак, аккумулирующий в себе исторические, литературные и культурные смыслы не только для автора эссе, но и для русского человека.

Список источников

1. БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1948-1965.

2. Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста. 2-е изд., испр. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 224.

3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Москва: Русские словари, 1997. С. 412.

4. Григорьев А.А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина // Апология почвенничества / Сост. и коммен. А.В. Белова. М.: Институт русской цивилизации, 2008// URL:http://az.lib.ru/g/grigorxew_a_a/text_0510.shtml?ysclid=mrx5pyh7hw723500045

5. Гречушкина Н.В., Кудрявцева Я.А. Прецедентное имя «Пушкин» в русской лингвокультуре // Кирилло-Мефодиевские чтения: традиции и современность. Сборник научных статей по материалам V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 450-летию выхода в свет «Азбуки» Ивана Федорова и 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Воронеж. 2024. С. 55 – 63.

6. Громова А.В. Жанр беллетризованной биографии в литературе русского зарубежья (произведения Б. К. Зайцева) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2008. № 2 (12). Серия: Филология. С. 48 – 58.

7. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: ЛЕНАНД, 2020. 152 с.

8. Гурская Ю.А., Смирнова Ю.А. К вопросу об интертекстуальности имени собственного в художественном тексте // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. Вып. 6: в 2 ч. Ч. 2 / редкол.: А.И. Головня (отв. ред.) [и др.]. Минск: «Белорусский Дом печати», 2012. С. 84 – 87.

9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Терра, 1994.

10. Данилевич А.И. Прецедентные онимы в современном русском языке: лингвокогнитивный анализ // Язык. Культура. Познание. 2018. № 1. С. 61 – 63.

11. Драгунова Ю.А. Б.К. Зайцев о национальной составляющей в жизни и творчестве русских писателей // Орловский текст российской словесности: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения писателя; Всероссийской научной конференции (с международным участием), посвященной 140-летию со дня рождения писателя. Том Вып. 13. Орёл, 2021. С. 88 – 93.

12. Зайцев Б.К. Пушкин в нашей душе // Зайцев Б. К. Собрание сочинений: Т. 9 (доп.). Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. М: Русская книга, 2000. URL: http://az.lib.ru/z/zajcew_b_k/text_1925_pushkin.shtml?ysclid=mrvrk1pjsu632992386

13. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: сб. науч. ст. М.: Филология, 1997. С. 82 – 103.

14. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

15. Колганова В.М. Особенности семантики прецедентных имен собственных // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования: сборник научных статей по материалам V Международной научно-практической конференции. под ред. Г.И. Канакиной; И.Г. Родионовой. Пенза 2021. С. 259 – 261.

16. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография / ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т»; Ин-т социального образования. Екатеринбург, 2007. 207 с.

17. Никулкина О.Г. Особенности функционирования прецедентных имен собственных в повести А.П.Чехова «Дуэль» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. С. 203 – 209.

18. Резников Д.Р. Семантика прецедентного имени «Пушкин» и его смысловое варьирование в поэтическом тексте Т.Ю. Кибирова // Пушкинские чтения – 2025. Художественные стратегии классической и новой словесности. Материалы XXX Международной научной конференции. Санкт-Петербург. 2025. С. 65 – 72.

19. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. М.: Academia, 2000. 141 с.

20. Ступина Е.С. Имя Пушкина как знак риторического кода (на материале национального корпуса русского языка) // Журнал Вестник Удмуртского университета. Серия: «История и филология». 2025. Т. 35, вып. 2. С. 457 – 460.

21. Токарева М.А. Традиции смеха и улыбки в русской и западной культурах // Вестник Московского государственного университета. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 3. С. 91 – 103.

22. Флейшер Е.А. Функционирование прецедентных имен и явление псевдопрецедентности // Мир русского языка. 2012. № 2. С. 29 – 33.

23. Флоренский П., свящ. Макрокосм и микрокосм // Богословские труды. Сб. 24. М., 1983. С. 230 – 241.

24. Фонякова О.И. Имя собственное в художественном тексте. Л.: ЛГУ, 1990. С. 104.

25. Чертенко Е.А., Медведев А.А. Поэтика экфрасиса в «пушкинском тексте» Б. К. Зайцева // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2025. Т. 31. № 3. С. 63 – 73.

References

1. BAS – Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 volumes. M.-L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1948-1965.

2. Vasilyeva N.V. A proper name in the world of text. 2nd ed., rev. M.: Book house "LIBROKOM", 2009. P. 224.

3. Vezhbitskaya A. Language. Culture. Cognition. Moscow: Russian Dictionaries, 1997. P. 412.

4. Grigoriev A.A. A look at Russian literature since the death of Pushkin. Apology of pochvennichestvo. Compilation and comments by A.V. Belova. M.: Institute of Russian Civilization, 2008. URL: http://az.lib.ru/g/grigorxew_a_a/text_0510.shtml?ysclid=mrx5pyh7hw723500045

5. Grechushkina N.V., Kudryavtseva Ya.A. The Precedent Name "Pushkin" in Russian Linguistic Culture. Cyril and Methodius Readings: Traditions and Modernity. Collection of scientific articles based on the materials of the V All-Russian scientific and practical conference with international participation dedicated to the 450th anniversary of the publication of Ivan Fedorov's "ABC" and the 225th anniversary of A.S. Pushkin's birth. Voronezh. 2024. P. 55 – 63.

6. Gromova A.V. The Genre of Fictionalized Biography in the Literature of the Russian Diaspora (Works by B.K. Zaitsev). Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2008. No. 2 (12). Series: Philology. P. 48 – 58.

7. Gudkov D.B. Precedent Name and Problems of Precedent. Moscow: LENAND, 2020. 152 p.

8. Gurskaya Yu.A., Smirnova Yu.A. On the Issue of the Intertextuality of a Proper Name in a Fictional Text. Karpov Scientific Readings: Collection of Scientific Articles. Issue 6: in 2 parts. Part 2. editorial board: A.I. Golovnya (editor-in-chief) [and others]. Minsk: "Belorusskiy Dom Pechati", 2012. P. 84 – 87.

9. Dahl V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 volumes. Moscow: Terra, 1994.

10. Danilevich A.I. Precedent Onims in Modern Russian: A Linguocognitive Analysis. Language. Culture. Cognition. 2018. No. 1. P. 61 – 63.

11. Dragunova Yu.A., B.K. Zaitsev on the National Component in the Life and Work of Russian Writers. The Oryol Text of Russian Literature: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference Dedicated to the 150th Anniversary of the Writer's Birth; All-Russian Scientific Conference (with International Participation) Dedicated to the 140th Anniversary of the Writer's Birth. Vol. 13. Oryol, 2021. P. 88 – 93.

12. Zaitsev B.K. Pushkin in Our Soul. Zaitsev B.K. Collected Works: Vol. 9 (supplement). Days. Memoir Essays. Articles. Notes. Reviews. Moscow: Russkaya Kniga, 2000. URL: http://az.lib.ru/z/zajcew_b_k/text_1925_pushkin.shtml?ysclid=mrvrk1pjsu632992386

13. Zakharchenko I.V., Krasnykh V.V., Gudkov D.B., Bagaeva D.V. Precedent Name and Precedent Statement as Symbols of Precedent Phenomena. Language, Consciousness, Communication: Coll. of Scientific Articles. Moscow: Philology, 1997. P. 82 – 103.

14. Karaulov Yu.N. Russian Language and Linguistic Personality. 7th ed. Moscow: LKI Publishing House, 2010. 264 p.

15. Kolganova V.M. Features of the Semantics of Precedent Proper Names. Language Policy and Issues of Humanitarian Education: Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the V International Scientific and Practical Conference. Edited by G.I. Kanakina; I.G. Rodionova. Penza 2021. P. 259 – 261.

16. Nakhimova E.A. Precedent Names in Mass Communication: Monograph.Ural State Pedagogical University; Institute of Social Education. Yekaterinburg, 2007. 207 p.

17. Nikulkina O.G. Features of the Functioning of Precedent Proper Names in A.P. Chekhov's Story "The Duel". Bulletin of the N.I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. 2020. P. 203 – 209.

18. Reznikov D.R. Semantics of the Precedent Name "Pushkin" and its Semantic Variation in the Poetic Text of T.Yu. Kibirova. Pushkin Readings – 2025. Artistic Strategies of Classical and Modern Literature. Proceedings of the XXX International Scientific Conference. St. Petersburg. 2025. P. 65 – 72.

19. Slyshkin G.G. Lingvocultural Concepts of Precedent Texts. Moscow: Academia, 2000. 141 p.

20. Stupina E.S. Pushkin's Name as a Sign of Rhetorical Code (Based on the National Corpus of the Russian Language). Journal of the Bulletin of Udmurt University. Series: "History and Philology". 2025. Vol. 35. Issue 2. P. 457 – 460.

21. Tokareva M.A. Traditions of Laughter and Smiles in Russian and Western Cultures. Bulletin of Moscow State University. Series 19, Linguistics and Intercultural Communication. 2005. No. 3. P. 91 – 103.

22. Fleisher E.A. Functioning of Precedent Names and the Phenomenon of Pseudo-Precedent. The World of the Russian Language. 2012. No. 2. P. 29 – 33.

23. Florensky P., priest. Macrocosm and Microcosm. Theological Works. Collection 24. M., 1983. P. 230 – 241.

24. Fonyakova O.I. Proper Name in a Fiction Text. L.: Leningrad State University, 1990. P. 104.

25. Chertenko E.A., Medvedev A.A. Poetics of Ekphrasis in B.K. Zaitsev's "Pushkin Text". Bulletin of the Ural Federal University. Series 1, Problems of Education, Science, and Culture. 2025. Vol. 31. No. 3. P. 63 – 73.

Информация об авторе

Кузьмина М.И., кандидат филологических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0111-8011, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, kuzmina-margarita.2015@yandex.ru

© Кузьмина М.И., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
УДК 811.113:81'37
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-132-144

Ценностный аспект концепта «память» в космогонической и дидактической песнях «Старшей Эдды»

[1] Панина Я.В.,
[1] Самарский университет государственного управления «Международный институт рынка»

Аннотация: статья посвящена описанию ценностного компонента концепта «память» в мифологических песнях «Старшей Эдды» – Völuspá и Hávamál. Несмотря на разработанность институциональных и мифопоэтических аспектов древнескандинавской памяти в отечественной и западной скандинавистике, ценностный компонент концепта в этих двух песнях в сопоставительном аспекте специально не рассматривался; недостаточно изучены и конкретные языковые формы его репрезентации. Цель работы – описать ценностный компонент концепта «память» и выявить языковые средства его репрезентации в эддическом тексте. Материалом служат Völuspá и Hávamál; методологическую основу составляют концептуальный анализ, этимологический анализ по словарю Я.Де Фриса, мифопоэтический подход Т.В. Топоровой, лингвокультурологический подход Н.Ф. Алефиренко и концепция Ю.С. Степанова. Показано, что ценностный компонент реализуется через устойчивый, функционально дифференцированный набор лексем: прямое лексическое ядро образуют minni, muna и minnask, глаголы vita, kunna и nema относятся к периферийному полю знания и усвоения, а лексема dómr обозначает социальный результат коллективного памятования – посмертную репутацию. В Völuspá память конституируется как условие космогонической речи: акт припоминания дает вёльве право произнести древние речи, а перечневые структуры, близкие жанру þula, закрепляют знание в устойчивой словесной форме. В Hávamál память приобретает нормативно-этическое измерение: формула dómr um dauðan hvern закрепляет представление о посмертной репутации, а смежные глаголы поля знания распределяют ценностную нагрузку без прямого обращения к корню *men-. Сопоставление обнаруживает взаимодополнительность двух модусов памяти – космогонического и социально-этического – и показывает, что в обоих случаях память укоренена в речевой практике сообщества. Полученные результаты уточняют состав и семантическую организацию концепта «память» в мифологическом корпусе «Старшей Эдды». Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его материалов в вузовских курсах по истории германских языков и лингвокультурологии.

Ключевые слова: концепт «память», ценностный компонент, Старшая Эдда, Völuspá, Hávamál, древнеисландский язык

Для цитирования: Панина Я.В. Ценностный аспект концепта «память» в космогонической и дидактической песнях «Старшей Эдды» // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 132 – 144. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-132-144

Поступила в редакцию: 15 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

The axiological aspect of the concept of "memory" in the cosmogonic and didactic poems of the Poetic Edda

[1] Panina Ya.V.,
[1] Samara University of Public Administration International Market Institute

Abstract: the article describes the axiological component of the concept of "memory" in the mythological poems of the *Poetic Edda*, specifically *Völuspá* and *Hávamál*. Despite the extensive research on the institutional and mythopoetic aspects of Old Norse memory in Russian and Western Scandinavian studies, the axiological component of the concept in these two poems has not been specifically examined from a comparative perspective; furthermore, the specific linguistic forms of its representation remain insufficiently studied. The aim of the study is to describe the axiological component of the concept of "memory" and to identify the linguistic means of its representation in the Eddic text. The research material includes *Völuspá* and *Hávamál*; the methodological basis comprises conceptual analysis, etymological analysis based on J. de Vries's dictionary, T. V. Toporova's mythopoetic approach, N.F. Alefirenko's linguocultural approach, and Yu.S. Stepanov's theory of cultural concepts. It is shown that the axiological component is actualized through a stable, functionally differentiated set of lexemes: the direct lexical core is formed by *minni*, *muna*, and *minnask*; the verbs *vita*, *kunna*, and *nema* belong to the peripheral field of knowledge and acquisition; and the lexeme *dómr* denotes the social result of collective remembering – posthumous reputation. In *Völuspá*, memory is constituted as a condition for cosmogonic speech: the act of remembering grants the völva the right to utter ancient lore, while enumerative structures, akin to the *þula* genre, fix this knowledge in a stable verbal form. In *Hávamál*, memory acquires a normative-ethical dimension: the formula *dómr um dauðan hvern* consolidates the notion of posthumous reputation, while adjacent verbs of the knowledge field distribute the axiological load without directly referring to the root **men-*. The comparison reveals the complementarity of the two memory modes – cosmogonic and socio-ethical – and demonstrates that in both cases, memory is rooted in the speech practice of the community. The results obtained clarify the composition and semantic organization of the concept of "memory" within the mythological corpus of the *Poetic Edda*. The practical significance of the study lies in the possibility of using its materials in university courses on the history of Germanic languages and cultural linguistics.

Keywords: concept of "memory", axiological component, Poetic Edda, Völuspá, Hávamál, Old Norse language

For citation: Panina Ya.V. The axiological aspect of the concept of "memory" in the cosmogonic and didactic poems of the Poetic Edda. Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 132 – 144. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-132-144

The article was submitted: July 15, 2026; Approved after reviewing: August 12, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

В корпусе мифологических песен «Старшей Эдды», объединяемых в научной традиции под названием «Песни о Богах», концепт «память» получает выражение через ряд древнеисландских лексем и формул, соотносимых с припоминанием, знанием, славой и забвением, а именно: *minni*, *muna*, *dómr*. Как представляется, уже сам характер их распределения в полярных жанровых контекстах позволяет рассматривать «память» как ключевую аксиологическую доминанту, организующую как мифологическое время, так и социальное пространство эддического мира. Изучению памяти в древнескандинавской традиции посвящен ряд значимых работ. Западная скандинавистика сосредоточила внимание на институциональном и мемориальном аспектах памяти: П. Херманн и С. Митчелл описали *minni* как культурный феномен, объединяющий ритуал пира (*sumbel*), устную традицию и способы сохранения знания [21]; в *Handbook of Pre-Modern Nordic Memory Studies* (2018) те же авторы совместно с Й. Глаузером обобщили методологию изучения дописьменной памяти [20]. В отечественной науке приоритетными оказались мифопоэтический и историко-культурный подходы: Т.В. Топорова реконструировала семантику архаических номинаций и обосновала нераздельность имени и объекта в эддическом тексте [15, с. 9]; А.Я. Гуревич показал, что *dómr* – «суд» / посмертная слава – служил важнейшим социальным регулятором, при котором давление общественного мнения определяло поступки индивида сильнее страха смерти [3, с. 19]. М.Т. Клэнчи дал историко-культурную перспективу, в которой переход от живой памяти к письменной фиксации меняет сам способ существования сообщества [6, 18]. Жанровую и хронологическую самостоятельность мифологического корпуса «Старшей Эдды» обосновала У. Дронке: в своем критическом издании она датировала мифологические поэмы IX-XI вв. и трактовала их как особый поэтический пласт, сложившийся в условиях скандинавско-ирландско-англосаксонских контактов [19].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного описания ценностных категорий древнегерманской лингвокультуры на материале аутентичных мифологических текстов. Несмотря на разработанность отдельных аспектов темы, ценностный компонент концепта «память» в ключевых мифологических песнях «Старшей Эдды» – космогонической *Völuspá* и дидактической *Hávamál* – в сопоставительном аспекте специально не рассматривался. В существующих исследованиях внимание преимущественно сосредоточено на нарративных и культурно-исторических функциях памяти, тогда как конкретные языковые формы ее репрезентации остаются недостаточно изученными. *Научная новизна* работы заключается в том, что в ней впервые предпринята попытка описать концепт «память» как одну из базовых аксиологических категорий эддического текста. Впервые ставится вопрос о том, каким образом лексемы *minni, muna, minnask, dómr*, функционируя в ритуальном и символическом пространстве, участвуют в формировании аксиологического порядка мира. Такой подход опирается на положение Н.Ф. Алефиренко о языке как «приводящем ремне», «пятом элементе», естественной среде обитания культуры и способе ее символической организации [1, с. 89]. Цель настоящей работы состоит в описании ценностного компонента концепта «память» в *Völuspá* и *Hávamál* и выявлении языковых средств его репрезентации в эддическом тексте. Достижение поставленной цели предполагает определение состава и семантической организации лексем, репрезентирующих данный концепт, установление этимологических и культурно-семантических оснований его ключевых номинаций, а также анализ функций памяти в космогоническом дискурсе *Völuspá* и в нормативно-этическом дискурсе *Hávamál*. Это позволяет выявить связь памяти с ритуально-символическим контекстом эддической традиции и сопоставить способы ее репрезентации в мифологической и дидактической песнях.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу работы составляют концептуальный, этимологический и контекстуально-семантический виды анализа. Концептуальный анализ применяется для разграничения прямых мнемических номинаций и периферийных средств поля знания; этимологический анализ с опорой на словарь Я. Де Фриса для реконструкции исторической семантики лексем; контекстуально-семантический анализ для определения их функций в конкретных эддических строфах. Интерпретация материала осуществляется с учетом мифологического нарратива, ритуально-символических представлений и формульной организации эддической поэзии (с опорой на мифопоэтический подход Т.В. Топоровой, исследования Е.М. Мелетинского и концепцию Ю.С. Степанова о концепте как форме закрепления культурного смысла).Теоретическими основаниями исследования служат лингвокультурологический подход Н.Ф. Алефиренко и концепция Ю.С. Степанова о концепте как «сгустке культуры» [13, с. 40]. *Материал исследования* составляют *Völuspá* и *Hávamál* – песни мифологического корпуса «Старшей Эдды», представляющие соответственно космогонический и дидактико-этический типы дискурса. Выбор текстов обусловлен тем, что они позволяют рассмотреть языковую репрезентацию концепта «память» в двух взаимодополняющих перспективах: как основание космогонического знания и как условие сохранения посмертной славы и этической нормы. Другие мифологические песни − *Grímnismál, Vafþrúðnismál, Lokasenna, Hárbarðsljóð, Þrymskviða, Skírnismál, Hymiskviða* и *Alvíssmál* − привлекаются эпизодически в качестве контекстуальных и образных параллелей; их системный анализ в задачи настоящей работы не входит. Теоретической основой исследования служит когнитивная лингвистика, которая с конца 1980-х гг. оформилась как самостоятельное направление и обозначила смену научной парадигмы. В рамках данного направления язык рассматривается как динамический инструмент категоризации и концептуализации ментального опыта и действительности [10]. В отечественной науке данная исследовательская перспектива получила развитие прежде всего в трудах Е.С. Кубряковой [7], Ю.С. Степанова [13], З.Д. Поповой и И.А. Стернина [10]. Основная единица этой парадигмы – концепт – уже в своей внутренней форме несет процессуальный смысл: латинское *conceptus* восходит к *concipere* («принимать в себя и удерживать, задумывать, формулировать»), что указывает на акт схватывания некоторого содержания мыслящим субъектом [2]. Сам термин ориентирует на динамику формирования смысла, что значимо для исследования архаических текстов, где концепт складывается через ритуальное воспроизведение. Когнитивная лингвистика тесно связана с лингвокультурологией, хотя эти дисциплины различаются по исследовательским акцентам и применяемым методам. В рамках лингвокультурологического подхода, прежде всего в работах В.Н. Телии, концепт рассматривается как единица, в которой культурный смысл хранится посредством языка: «именно в устойчивых сочетаниях, паремиях и фразеологизмах хранятся оценочные и культурные коннотации, не выражаемые прямым описанием» [14, с. 214]. Применительно к мифопоэтическому материалу «Старшей Эдды» такое разграничение представляется методологически продуктивным: когнитивный анализ выявляет ментальные схемы, тогда как лингвокультурологический позволяет раскрыть

аксиологическое содержание концепта, закрепленное в поэтических формулах и ритуальных контекстах. В этой перспективе язык, ритуал и символическое означивание образуют единую систему, в которой слово выступает способом культурного упорядочивания мира. Т.В. Топорова показала, что в эддических текстах имя и именуемый объект нераздельны: акт номинации есть акт творения [17, с. 12]. Единицей анализа выступает употребление лексем *minni, muna, minnask* и связанных с ними средств поля знания, а также контексты, в которых формируется социальная семантика репутации. Это соотношение согласуется с наблюдением А.Я. Гуревича: «герой озабочен тем, чтобы его подвиги не были забыты людьми. Ибо судят его люди, а не какая-либо верховная инстанция» [3, с. 19]. В понимании Ю.С. Степанова концепт представляет собой «как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» – форму, в которой культурный смысл закрепляется и передается через язык [13, с. 40]. Применительно к материалу «Старшей Эдды» это означает, что память выступает способом сохранения и воспроизведения культурно значимого знания, а не только способностью отдельного субъекта удерживать прошлое. Как показывает анализ *Völuspá*, память в мифопоэтическом тексте приобретает характер действия: акт припоминания воспроизводит в речи связь с первоначалами и тем самым утверждает изначальный порядок мира [22, p. 1-14]. Эта функция особенно существенна для мифопоэтического текста, где, как показал Е.М. Мелетинский, речевые формулы не столько описывают, сколько утверждают порядок бытия, переводя архаический хаос в структурированный космос [9, с. 169].

Результаты и обсуждения

Анализ *Völuspá* позволяет проследить, как ценностный компонент концепта «память» задается уже в зачине и космогоническом прологе через ритуальную рамку речи, глагольные формулы припоминания (*man, muna*), акт номинации и перечневые структуры, типологически близкие жанру *þula*. Память вёльвы о первоначальных временах выражается формами *man* и включается в изложение сведений о сотворении мира: «*ek man jǫtna ár of borna*» – «я помню великанов, рожденных до века»; «*níu man ek heima*» – «девять миров я помню» (Vsp. 2) [21, p. 1; 12, с. 9]. Тем самым, как показывает языковой материал, мнемический акт вводится в текст как основание для произнесения космогонически значимого предания. Т.В. Топорова, анализируя образ вёльвы, указывает, что ее знание складывается из способности видеть и предвидеть, а также из памяти о прошлом [17, с. 132].

Ценностный статус памяти маркируется уже первой строфой:

Hljóðs bið ek allar / helgar kindir / meiri ok minni / mögu Heimdallar; / viltu at ek, Valföðr, / vel fyr telja / forn spjöll fira, / þau er um man [22, p. 1]. «Внимайте мне все священные роды, великие с малыми Хеймдалля дети! Один, ты хочешь, чтоб я рассказала о прошлом всех сущих, о древнем, что помню» [12, с. 9].

Существительное *hljóð* в древнеисландском обозначает «звук; тишину; слушание». Я. де Фрис связывает *hljóð* с общегерманским корнем со значением «слышать / звучать» и с рядом западногерманских соответствий (нем. *laut*, англ. *loud* и др.) [23, p. 238]. Формула *hljóðs biðja*, где глагол *biðja* «приказывать; просить» [23, p. 35], реализует ритуальную просьбу о внимании и тишине, соответственно, зачин отделяет речь вёльвы от обыденного шума и переводит ее в план сакрального высказывания. Как отмечает Т.В. Топорова, в «Прорицании вёльвы» внимание сосредоточено на субъекте песни – вёльве, чье особое состояние (экстаз и прозрение) открывает доступ к содержанию сказания [16, с. 1134]. Уже здесь память (*um man* – «то, что помню с самых древних времен») связана с возможностью произнести *forn spjöll fira* – «древние предания людей», где прилагательное *forn* («древний, языческий») маркирует принадлежность этих «преданий» к сакральному прошлому [18; 23, p. 138].

Смысловое ядро концепта вводится во второй строфе:

Ek man jötna / ár of borna, / þá er forðum mik / fædda höfðu; / níu man ek heima, / níu íviði, / mjötvið mæran / fyr mold neðan.

«Великанов я помню, рожденных до века; породили меня они в давние годы; помню девять миров и девять корней, и древо предела, еще не проросшее» [22, p. 1; 12, с. 9].

Глагол *muna* «помнить, держать в уме» и форма 1-го лица единственного числа настоящего времени *man* составляют ядерную номинацию мнемического акта. По Я. Де Фрису, *muna* восходит к общегерманскому *munan* и далее к индоевропейскому корню *men-* «мыслить, помнить»; к тому же гнезду относятся *minni* «память», имя *Muninn* и ряд западногерманских соответствий (гот. *ga-munan*, нем. *meinen* и др.) [23, p. 395]. Существительное *minni* Я. Де Фрис определяет как «*Gedächtnis; Erinnerung*» и связывает с тем же корнем *men-*, что и *muna* [23, p. 388]. В зачине Völuspá форма *man* обозначает не личное воспоминание, а доступ к прапамяти о первоначалах; именно эта форма обосновывает право субъекта говорить, заявленное еще в

первой строфе. Достоверность знания вёльвы обусловлена его укорененностью в памяти о первоначалах − о том, что существовало «до века» (*ár of borna*).

Слово *ár* в значении «год; хорошее годовое время, плодородие», восходящее, по Я. де Врису, к прагерманскому **jēra-* «год, весна» (ср. гот. *jir*, др.-англ. *gear*, нем. *Jahr*, англ. *year*) [23, p. 12], и омонимичное *ár* «начало» (*ár alda* «древность, пора первоначал») [23, p. 12] в эддическом контексте образуют единую мифопоэтическую перспективу «раннего времени». В сочетаниях *ár of borna* и *Ár var alda* они указывают на мифологическое «начало времен», а именно на пору до установления обычного космического порядка. А.Я. Гуревич отмечал, что в германо-скандинавском сознании прошлое не отделено от настоящего непроницаемой границей: оно воспринималось как живая ткань, в которую вплетен говорящий [5]. Произнося *man*, вёльва не «реконструирует» события, а удерживает их в речи как наличную реальность. Т.В. Топорова подчеркивала, что знание вёльвы складывается из способности видеть и предвидеть, с одной стороны, и из памяти о прошлом – с другой [17, с. 132].

Космогоническое повествование непосредственно следует за формулами воспоминания (Vsp.3):

Ár var alda, / þar er ekki var, / var-a sandr né sær / né svalar unnir; / jörð fannsk æva / né upphiminn, / gap var ginnunga / en gras hvergi [22, p. 1]; «В начале времен, когда жил Имир, не было в мире ни песка, ни моря; земли еще не было и небосвода, бездна зияла, трава не росла» [12, с. 9].

Память о первоначальном времени (*Ár var alda*) формирует онтологический горизонт повествования, где описание возникновения мира возможно лишь при сохранении образа первоначала. Далее устанавливаемый порядок оказывается различенным, поименованным и исчисленным (Vsp. 5):

Sól þat né vissi, / hvar hon sali átti, / máni þat né vissi, / hvat hann megins átti, / stjörnur þat né vissu / hvar þær staði áttu [22, p. 2]; «Солнце, друг месяца, правую руку до края небес простирало с юга; солнце не ведало, где его дом звезды не ведали, где им сиять» [12, с. 9].

Эта первозданная неопределенность преодолевается лишь тогда, когда боги упорядочивают мир через называние и счет (Vsp. 6):

Þá gengu regin öll / á rökstóla, / ginnheilög goð, / ok um þat gættusk; / nótt ok niðjum / nöfn of gáfu, / morgin hétu / ok miðjan dag, / undorn ok aftan, / árum at telja [22, p. 2]; «Тогда сели боги на троны могущества и совещаться стали священные; ночь назвали и отпрыскам ночи – вечеру, утру и дня середине – прозвище дали, чтоб время исчислить» [12, с. 9].

Существительное *nafn* «имя» Я. де Фрис возводит к общегерманскому *namōn* (гот. *namo*, нем. *Name*, англ. *name*) и далее к индоевропейскому *nōmn̥-* [23, p;. 403]. Глаголы *nefna* / *heita* («называть, звать») закрепляют акт именования как способ включения объекта в космос. Т.В. Топорова отмечает, что в эддическом тексте акт называния совпадает с актом утверждения бытия: имя и именуемый объект неразделимы [17, с. 12; 15, с. 9]. Формула *árum at telja* («считать годы») представляет время как упорядоченную и исчислимую структуру, а память, в свою очередь, выступает необходимым условием такого упорядочивания, а именно − благодаря ей космос может быть назван и тем самым утвержден.

Характерно, что эта глубинная связь номинации, нарратива и памяти была отрефлексирована в самой древнескандинавской традиции. Так, в «Прологе» к «Младшей Эдде» прямо указывается, что имена давались вещам именно для их сохранения в памяти и последующей устной трансляции: «*En til þess at heldr mætti frá segja eða í minni festa, þá gáfu þeir nöfn með sjálfum sér ǫllum hlutum* …» («А для того, чтобы можно было лучше рассказывать [об этом] или закреплять в памяти, они затем давали между собою имена всем вещам…») [24, bls. 2; 23, с. 11]. Следовательно, закрепление в памяти (í minni festa) осмысляется здесь не просто как когнитивная способность, но как онтологическая и прагматическая цель самого акта именования.

Рядом с *muna* появляется глагол *vita* «знать» (Vsp. 19). По де Фрису, *vita* восходит к германскому *witan* «знать, видеть (внутренним зрением)» и к индоевропейскому *weid-* «видеть / знать» (лат. *vidēre*, греч. οἶδα, рус. ведать) [23, S. 669]:

Ask veit ek standa, / heitir Yggdrasill, / hár baðmr, ausinn / hvíta auri; / þaðan koma döggvar, / þærs í dala falla, / stendr æ yfir grœnn / Urðarbrunni [22, p. 5]; «Ясень я знаю по имени Иггдрасиль, древо, омытое влагою мутной; росы с него на долы нисходят; над источником Урд зеленеет он вечно» [12, с. 11].

Если *muna* / *man* отсылает к удержанию прошлого (*ek man jötna*…), то *veit* фиксирует знание о наличном порядке: *ясень стоит, зовется, вечно зелен*. Оба глагола обслуживают единый ценностный контур, а именно – достоверное знание о мире. Е.М. Мелетинский связывал такой тип речи с архаическим мифопоэтическим сознанием, в котором пророчество и память образуют единое целое: вспоминая первоначала, субъект одновременно открывает будущее как развертывание уже заложенного порядка [9, с. 169].

Во второй строфе разворачивается перечневая формула *níu man ek heima* – «девять миров я помню». Позднее в песне возникает каталог имен карликов (Vsp. 10-16), который завершается словами:

þat mun uppi / meðan öld lifir, / langniðja tal / Lofars hafat [22, p. 4]; «Перечень этот предков Ловара вечно пребудет, пока люди живы» [12, с. 10].

Глагольная форма *mun* здесь имеет значение будущего времени: *þat mun uppi meðan öld lifir* – «это будет сохраняться, пока живут люди». В данном контексте *mun* функционирует не как лексема с самостоятельным значением «помнить», а как форма претерито-презентного глагола *munu*, который, по Я. Де Врису, имеет значения «полагать», «намереваться», «долженствовать» и «становиться, быть в будущем» [23, p. 395]. Устойчивость перечня выражается сочетанием *mun uppi* «будет сохраняться» и временной конструкцией *meðan öld lifir* «пока живут люди»; тем самым связь каталога с культурной памятью устанавливается на прагматическом уровне – через утверждение функции перечня как способа сохранять социально значимую информацию во времени. Такая структура типологически близка жанру *þula*, который выступает формульным способом сохранения мифологически значимых имен, генеалогических связей и представлений о строении мира. В словаре Я. де Фриса *þula* определяется как *Wörterreihe* – «словесный ряд», «перечень слов» – и соотносится с *þulr* – *Kultredner, Dichter* («ритуальный говорящий, декламатор, поэт») [23, p. 626]. Немецкий исследователь П. Херманн подчеркивает, что подобные мнемонические каталоги, то есть систематизированные наборы имен и формул, помогают закрепить важное для человека знание и перевести его в речевую форму [21]. Это согласуется с наблюдением Е.М. Мелетинского, связывавшего устойчивость эпического текста с функционированием общих мест – повторяющихся словесных комплексов либо отдельных лексем, закрепленных за определенным мотивом [8, с. 106]. В *Völuspá* память организована как структурированный список: наиболее показательно это обнаруживается в перечне карликов, который образует особую структурную зону внутри космогонического повествования (Vsp. 10-16).

Показательна характеристика, которую А.Я. Гуревич дает эпическому жанру древнегерманской традиции: «Эпос вмещал в себя древнюю мудрость, знание его считалось необходимым для каждого члена общества» [3, с. 6]. Применительно к *Völuspá* это наблюдение объясняет, почему перечневая формула *níu man ek heima* и последующий каталог имен карликов (ст. 10-16) не воспринимались современниками как избыточный балласт, так как усвоение подобного знания составляло часть социальной компетенции. Ключевым для понимания ценностного статуса памяти в *þula* оказывается указание исследователя на асимметрию восприятия перечня: «Нынешнего читателя обилие имен собственных, даваемых к тому же без пояснений, ставит в тупик – они ничего ему не говорят. Но для скандинава того времени дело обстояло совершенно не так! С каждым именем в его памяти связывался определенный эпизод мифа или героической эпопеи, и это имя служило ему как бы знаком, который обычно нетрудно было расшифровать» [3, с. 6]. Далее ученый соотносит эту особенность с иным типом организации памяти в дописьменной культуре: «Для понимания того или иного имени специалист вынужден обращаться к справочникам, память же средневекового исландца, более емкая и активная, чем наша, в силу того что приходилось полагаться только на нее, без затруднений выдавала ему нужную информацию, и при встрече с этим именем в его сознании развертывался весь относящийся к нему рассказ. Иными словами, в сжатой и сравнительно немногословной эддической песни “закодировано” куда больше содержания, чем это может показаться непосвященному» [3, с. 6-7].

Данное наблюдение существенно дополняет тезис Е.М. Мелетинского об общих местах [8, с. 106]. Если Е.М. Мелетинский описывает механизм устойчивости формулы на уровне текста, то А.Я. Гуревич раскрывает его функциональный смысл на уровне восприятия: имя в *þula* актуализирует в памяти слушателя целый нарративный комплекс. Именно поэтому архаичность подобных фрагментов связывается со спецификой устной культуры: «Отмеченные обстоятельства – то, что некоторые черты песен “Старшей Эдды” на современный вкус кажутся странными и лишенными эстетической ценности… равно и то, что песни эти не развертываются в широкую эпопею, наподобие произведений англосаксонского и немецкого эпоса, – свидетельствуют об их архаичности» [3, с. 7]. Перечневая память в архаической культуре, таким образом, не тождественна механическому сохранению неизменного прошлого. Поэтому генеалогические и именные каталоги в эддической поэзии следует понимать не как нейтральную регистрацию сведений, а как форму культурной памяти, в которой сохранение прошлого неотделимо от его социальной актуализации.

Показательно, что повторы в «Прорицании вёльвы» имеют характер рефрена, который создает раму повествования и одновременно задает нужную тональность [8, с. 24]. В первой части песни, где речь идет о создании мира, рефреном служит описание тинга богов: *þá gengu regin öll á rökstóla, ginnheilög goð, ok um þat gættuz* (*Vsp.* 9, 23, 25) – «тогда отправились все властители к сиденьям, священные боги, и совет держали» [8, с. 24]. Взволнованный рассказ вёльвы о грядущих событиях, предшествующих гибели мира, сопровождается иным рефреном – кратким стихом *Vituð ér enn, eða hvat?* (*Vsp.* 27, 28, 33, 35, 39, 41) – «знаете ли

вы еще?» [8, с. 24]. Смена одного рефрена другим отмечает переход от памяти о прошлом к пророческому знанию о будущем, сохраняя при этом единый принцип формульной организации текста.

Ценностный план концепта раскрывается через мотив нарушения миропорядка. Первая война в мире вводится формулой *Þat man hon* – «то помнит она» (Vsp. 21):

Þat man hon folkvíg / fyrst í heimi, / er Gullveigu / geirum studdu / ok í höll Hárs / hana brenndu…[22, p. 5]; «Помнит войну она первую в мире: Гулльвейг погибла, пронзенная копьями; жгло ее пламя в чертоге Одина…», [12, с. 10].

Далее называются разрушение стены Асгарда и нарушения клятв (Vsp. 26):

á gengusk eiðar, / orð ok særi, / mál öll meginlig, / er á meðal fóru [22, p. 6]; «Крепкие были попраны клятвы, тот договор, что досель соблюдался» [12, с. 11].

В *Völuspá* формула *Þat man hon* вводит первую войну как узловое событие, зафиксированное в пророческом знании вёльвы. Хотя нарушение клятв (*eiðar, orð, særi*) в Vsp. 26 знаменует распад нормативного порядка, сам текст не отождествляет этот слом с забвением. Следовательно, здесь устанавливается более строгая текстологическая связь, где память вёльвы выступает свидетелем катастрофы, сберегая знание о нарушении мировых обязательств, но не функционирует как социальный механизм, непосредственно скрепляющий сами клятвы.

В том же корпусе память и знание вновь сходятся у источника Мимира (Vsp. 28):

Allt veit ek, Óðinn, / hvar þú auga falt, / í inum mæra / Mímisbrunni. / Drekkr mjöð Mímir / morgun hverjan / af veði Valföðrs [22, p. 7]; «Что меня вопрошать? Зачем испытывать? Знаю я, Один, где глаз твой спрятан: скрыт он в источнике славном Мимира!» [12, с. 11].

Mímisbrunnr и обмен Одина (глаз на знание) закрепляют образный полюс концепта: память/знание выступают источником, за который платят высокую цену. Имя *Mímir* ряд исследователей, включая Я. де Фриса, сближает с индоевропейским корнем *mei-* / *mī-* «думать, помнить» (ср. лат. *memor*); при всей осторожности по отношению к этой этимологии она подсказывает возможную связь фигуры Мимира с семантическим полем памяти и знания [23, p. 387].

Показательно, что в «Прорицании вёльвы» эта тема сопряжена с сюжетом о сокровищах богов: асы сами выковывают золотые ценности, не отнимая их у карликов, и это соотносится с мотивом «золотого века», которому кладет конец первая в мире война, возникшая из-за Гулльвейг, по-видимому, также воплощающей губительную силу золота [8, с. 183]. Мотив гибельного золота, как в «Прорицании вёльвы», так и в героических сказаниях о Сигурде, переплетается с идеей судьбы, воплощенной в норнах и совершенно чуждой древним мифическим сказаниям [8, с. 183]. Память об этом эпизоде (*Þat man hon*) удерживает, таким образом, не только сам факт войны, но и ее ценностную причину, а именно: нарушение изначального равновесия через золото как разрушительную силу.

В эсхатологической части вёльва прямо соединяет знание и провидение (Vsp. 44): *fjölð veit ek fræða, / fram sé ek lengra* [22, p. 10]; «Ей многое ведомо, все я провижу»[12, с. 13]. После гибели мира боги вспоминают:

ok minnaz par/ á megindóma / ok á Fimbultýs / fornar rúnir [22, p. 14]; «И вспоминают о славных событьях и рунах древних великого бога» [12, с. 15].

Глагол *minnask* «вспоминать, припоминать» – возвратная форма от того же гнезда *minni* / *muna* [23, p. 388, 395] – маркирует цикличность мифологического времени, где космос восстанавливается через возвращение памяти – к судам, рунам, «золотым доскам» (*gullnar töflur*), что были «в дни начала» (*í árdaga,* Vsp. 61). Не менее существенно и то, что ядерная лексема *minni* объединяет несколько смысловых планов: мнемическую способность, ритуальное воспоминание и устное повествование; «память, воспоминание; поминальный кубок» <прагерм. *minnijō < пие. корень *men – «думать, помнить, быть умственно возбуждённым» [23, p. 388]. Такая семантическая совмещенность, как представляется, указывает на нераздельность когнитивного, социального и ритуального опыта, характерную для архаического сознания. Т.В. Топорова отмечает, что для этого типа сознания принципиальна связь синхронического представления о строении мира с диахроническим повествованием о его происхождении, поскольку устройство вселенной осмысляется через акт ее возникновения [15, с. 9]. Из этого следует, что память о первоначальных событиях сопряжена со знанием о наличном порядке мира: обращение к прошлому становится способом объяснения настоящего. Как показывает М.Т. Клэнчи, в обществах, опирающихся преимущественно на живую память, представления о прошлом сохраняются в устной передаче и потому оказываются тесно связаны с социальными потребностями сообщества [18, p. 3-5]. Языковой материал позволяет заключить, что «память» в «Песнях о богах» конституируется как ценностная категория. Ее прямое лексическое ядро образуют *minni, muna* и *minnask*; формы *vita, kunna* и *nema* относятся к смежному полю знания и усвоения. Лексема *dómr*

выражает социальный результат коллективного памятования, тогда как забвение в анализируемых песнях преимущественно восстанавливается контекстуально и не представлено самостоятельной лексемой *gleymr*.

В *Völuspá* ценностная нагрузка концепта «память» оказывается предельно высокой. Память выступает не только свойством вёльвы, но и условием, при котором космос может быть сказан, назван, исчислен и, после распада, вновь удержан. Цепочка маркеров выстраивается следующим образом: *hljóð* (рамка сакральной речи) → *man* / *muna* (прапамять и право говорить) → *Ár var alda* (память о начале) → *nöfn of gáfu* / *árum at telja* (номинация и порядок) → *veit* (знание о наличном) → *níu man ek heima* / *þula* (каталог как форма культурной памяти) → *man hon folkvíg* / *á gengusk eiðar* (память обязательств и цена их нарушения) → *minnask* (восстановление через припоминание). Авторитетность речи вёльвы обусловлена тем, что она не является сторонним комментарием к изначальному порядку мироздания, а выступает актом его вербального воспроизведения.

Если в космогоническом дискурсе память служит инструментом воссоздания мира, то многократные повторы занимают значительное место в гномической эддической поэзии, а именно в песне *Hávamál*, где концепт смещается в этическую плоскость. К их числу прежде всего относятся имеющие характер общих мест формулы ритуальных вопросов из области тайного знания, типа «скажи мне… если». Если в *Völuspá* память обеспечивает истинность космогонической речи, то в *Hávamál* она переходит в план повседневной этики. Смена контекста сопровождается сменой адресата: от пророческого обращения к богам к дидактическому наставлению человеку. Ценностное ядро концепта при этом сохраняется: *minni* продолжает работать как условие осмысленного существования, теперь уже – существования социального. Память в «Речах Высокого» неотделима от фигуры *vitr maðr* – мудрого человека, чья разумность выражается в способности удерживать опыт [23, p. 669]. А.Я. Гуревич отмечал, что в германо-скандинавской культуре мудрость понималась прежде всего как накопленный и правильно примененный опыт [3]. В «Речах Высокого» этот опыт репрезентируется через концепты практического разума и осмотрительности. Так, в *Háv*. 6 подлинная мудрость связывается со здравым смыслом и осторожностью ума (*mannvit*):

At hyggjandi sinni / skyli-t maðr hræsinn vera, / heldr gætinn at geði; / þá er horskr ok þögull / kemr heimisgarða til, / sjaldan verðr víti vörum, / því at óbrigðra vin / fær maðr aldregi / en mannvit mikit [22, p. 17]; «Умом пред людьми похваляться не надо – скрывать его стоит…» [12, с. 16].

Прилагательные *horskr* и *snotr*, обозначающие разумного, здравомыслящего человека, восходят, по Я. Де Фрису, к разным индоевропейским основам: *snotr* соотносится с прагерманским **snutra-* и далее с индоевропейским корнем *sneud- / snūt-* со значением «понимать, схватывать умом», тогда как *horskr* сопоставляется с западногерманской группой *horsc / hurscan* «резкий, быстрый», из которой, при том что де Фрис подчеркивает ненадежность этимологии, могло развиться значение «сообразительный» [23, p. 249, p. 526]. Обе лексемы объединены общей семантикой умственной цепкости. Контекст *Háv*. 6 показывает, что именно житейский ум и осмотрительность (*mannvit mikit* – «большой разум»), базирующиеся на усвоенном социальном опыте, признаются здесь надежнее любого союзника. Поскольку прямые номинации «памяти» *minni* и *muna* в строфе отсутствуют, этот фрагмент следует относить не к ядру концепта, а к его периферии − сфере практического знания. Оборотной стороной рассудительности (*mannvit*) выступает социальная и когнитивная слепота, описанная в Háv. 22:

Vesall maðr / ok illa skapi / hlær at hvívetna; / hittki hann veit, / er hann vita þyrfti, / at hann er-a vamma vanr [22, p. 19]; «Кто нравом тяжел, тот всех осуждает, смеется над всем; ему невдомек, а должен бы знать, что сам он с изъяном» [12, с. 17].

В *Háv*. 22 осуждается человек дурного нрава (*illa skapi*), который смеется над окружающими и не замечает собственных недостатков. Строфа содержит формы *veit* и *vita*, относящиеся к полю знания: *hittki hann veit, er hann vita þyrfti* («ему невдомек, а должен бы знать»). В эддической этике такое социальное невежество и отсутствие саморефлексии функционально сближаются с забвением, так как *illa skapi* проявляется именно в неспособности удерживать в сознании знание о собственных изъянах. Тем не менее на лексическом уровне здесь используются глаголы осведомленности (*vita*), а не мнемического акта (*muna*), что позволяет рассматривать этот пример скорее как периферийную характеристику недостаточного самопознания, дополняющую общую оппозицию памяти и забвения.

Как показывает Н.Ф. Алефиренко, императивные конструкции в отличие от единиц, репрезентирующих психическое состояние говорящего, выполняют не дескриптивную, а регулятивно-нормирующую функцию, предписывая поведение согласно культурной норме [1, с. 205-206]. Ценностный компонент присутствует и в ряде других строф «Речей Высокого», однако конструируется он глаголами поля знания и усвоения – *vita, kunna, nema*, семантически периферийными по отношению к ядерным *minni* / *muna* [23, p. 388, 395]. Терминологическая строгость требует вывода за пределы ядерной зоны и лексемы *dómr*, так как здесь

она показывает социальный результат коллективного памятования − сохраняемое сообществом суждение об умершем.

Háv. 128 демонстрирует поведенческую норму, но вторая ее половина, где употреблен глагол *geta* в форме причастия *getit*, заслуживает отдельного внимания:

Ráðumk þér, Loddfáfnir, / en þú ráð nemir, – / njóta mundu, ef þú nemr, / þér munu góð, ef þú getr –: / illu feginn / ver þú aldregi, / en lát þér at góðu getit [22, p. 36];

В переводе А.И. Корсуна: «Советы мои, Лоддфафнир, / слушай, / на пользу их примешь, / коль ты их поймешь: / дурным никогда / доволен не будь, / дорожи только добрым» [12, с. 31].

Первая половина строфы Háv. 128 построена на глаголе *nema* «перенять, усвоить, взять» (в данном контексте – «поймешь») [23, p. 407] и задает поведенческую норму в дидактической рамке цикла *Loddfáfnismál*. Вторая половина вводит *geta* – глагол с примечательной для древнеисландского языка полисемией, включающей значения «достигать, получать», «создавать, порождать», «называть» и «предполагать, догадываться» [23, p. 165]. В частности, от него образована устойчивая формула саговой прозы *hans er getit* «о нем упоминается», применяемая к персонажам, чья память сохраняется в повествовании. От того же глагола образовано существительное *gáta* «загадка, догадка» – то, что требует «угадывания» (*getning*), позволяя интерпретировать *gáta* как текст, ориентированный на активизацию акта интеллектуального схватывания [23, p. 158]. Существенно, что *geta* и *muna* восходят к разным этимологическим корням: *muna* – к индоевропейскому **men-* «мыслить, помнить» (тому же, что *minni, Muninn*), тогда как *geta* – к корню **ghend-* «схватывать, брать» (ср. лат. *prehendere*, англ. *get*) [23, p. 395, 165]. Значение «упоминать, называть» у *geta* исторически вырастает из более общей идеи вербального «схватывания», фиксации в речи. Однако в исследуемой конструкции *lát þér at góðu getit* значение глагола определяется синтаксисом и дидактическим контекстом строфы. Оно не дает нам достаточных оснований для буквального перевода «дай себе быть упомянутым» и прямого вывода о посмертной репутации. Поэтому Háv. 128 корректнее характеризовать как этическое предписание усваивать полезный совет и не радоваться дурному (*illu feginn / verð aldregi*). Таким образом, в отличие от концепта *dómr* (строфы 76-77), целенаправленно обслуживающего идею социальной памяти, лексема *geta* в данном фрагменте не демонстрирует прямого функционального схождения с группой *minni / muna*, а формирует лишь периферийную ассоциацию, относящуюся к сфере этической оценки и усвоения знания.

Háv. 138-139, повествующие о самопожертвовании Одина на дереве, построены на глаголах *veit* (от *vita* «знать») и *nam* (от *nema* «взять, усвоить»):

Veit ek, at ek hekk / vindga meiði á / nætr allar níu, / geiri undaðr / ok gefinn Óðni, / sjalfr sjalfum mér, / á þeim meiði, / er manngi veit / hvers af rótum renn [22, p. 39];

«Знаю, висел я / в ветвях на ветру / девять долгих ночей, / пронзенный копьем, / посвященный Одину, / в жертву себе же, / на дереве том, / чьи корни сокрыты / в недрах неведомых» [12, с. 27].

Við hleifi mik sældu / né við hornigi; / nýsta ek niðr, / nam ek upp rúnar, / æpandi nam, / fell ek aftr þaðan [22, p. 39];

«Никто не питал, / никто не поил меня, / взирал я на землю, / поднял я руны, / стеная их поднял – / и с древа рухнул» [12, с. 27].

Ни *man*, ни *minni* в этом фрагменте не засвидетельствованы. Один добывает руны через жертву и усваивает их (*nema*), что этимологически восходит к иному корню, чем *muna* (герм. *neman* «брать», ср. нем. *nehmen*, гот. *niman*) [23, p. 407]. Ценность знания в Háv. 138-139 определяется ценой его обретения – самопожертвованием Одина; этот мотив типологически соотносится с образом Мимира в «Прорицании вёльвы», хотя реализован лексемами иной семантической группы.

Заключительная Háv. 164 выстраивает аксиологическую градацию из четырех глаголов речи и восприятия:

Nú eru Háva mál / kveðin Háva höllu í, / allþörfýta sonum, / óþörf jötna sonum; / heill sá, er kvað, / heill sá, er kann, / njóti sá, er nam, / heilir, þeirs hlýddu [22, p. 48];

В переводе: «Вот речи Высокого / в доме Высокого, / нужные людям, / ненужные ётунам. / Благо сказавшему! / Благо узнавшим! / Кто вспомнит – воспользуйся! / Благо внимавшим!» [12, с. 36].

Перевод «Кто вспомнит – воспользуйся!» расширяет значение оригинала: форма *nam* означает «тот, кто перенял, усвоил», тогда как лексемы *man* и *minni* в строфе отсутствуют. *Kunna* в применении к устной поэзии функционально сближается с удержанием в памяти, поскольку знание текста наизусть предполагает его воспроизведение [23, p. 334]; поэтому Háv. 164 образует периферийную параллель ценностной оппозиции сохранения и утраты знания. Последовательность *kveða, kunna, nema, hlýða* охватывает произнесение, знание, усвоение и слушание, а формулы *heill* / *njóti* / *heilir* маркируют эти действия как ценностно значимые.

Háv. 128, 138-139 и 164 показывают, что ценностная нагрузка, аналогичная той, что несут *minni* и *dómr*, распределяется в «Речах Высокого» и по смежным лексемам поля знания без прямого обращения к корню **men-*; корректнее относить их не к ядерной зоне концепта, а к расширению аксиологического поля вокруг *minni*.

Кульминация ценностного осмысления памяти приходится на Háv. 76-77, которые в отечественной и западной скандинавистике традиционно рассматриваются как центральный этический фрагмент «Старшей Эдды»:

Deyr fé, / deyja frændr, / deyr sjalfr it sama, / en orðstírr / deyr aldregi, / hveim er sér góðan getr [22, p. 28];

В переводе А. И. Корсуна: «Гибнут стада, / родня умирает, / и смертен ты сам; / но смерти не ведает / громкая слава / деяний достойных» [12, с. 22].

Deyr fé, / deyja frændr, / deyr sjalfr it sama, / ek veit einn, / at aldrei deyr: / dómr um dauðan hvern [22, p. 28];

«Гибнут стада, / родня умирает, / и смертен ты сам; / но знаю одно, / что вечно бессмертно: / умершего слава» [12, с. 22].

Ю.С. Степанов определял константу культуры как концепт, существующий постоянно или очень долгое время; при этом «константа» не означает «предвечное» или «неизменное» − в ее составе есть как устойчивое ядро, так и переменная часть, которая меняется от эпохи к эпохе [13]. В этом смысле *dómr* выступает именно такой константой: изменчивы конкретные формы посмертной репутации и способы ее фиксации, устойчива сама структура – представление о том, что ценность человека определяется речью, произнесенной о нем сообществом после смерти. Эта логика согласуется с ключевым тезисом скандинавистики памяти, где *minni* понимается как результат коллективного опыта, вербальная и формирующая культурный слой деятельность, существующая между людьми, а не внутри отдельного сознания [20; 21].

Существенно, что сама эта вечность имеет речевую, а не субстанциальную природу. Существительное *dómr* Я. де Фрис связывает с глаголом *dœma* «судить, выносить приговор» и далее с герм. *dōma-* «суждение, приговор» (ср. гот. *doms*, др.-англ. *dōm*, откуда совр. англ. *doom*), восходящим к и.-е. корню **dhē-* «класть, устанавливать» – тому же, что лежит в основе греч. θέσις и понятия установления, положенного [23, S.92]. Иными словами, *dómr* этимологически обозначает не внутреннее качество покойного, а акт установления – вынесенное сообществом суждение, закрепленное в устной традиции. Память в «Речах Высокого» тем самым приобретает выраженное социальное измерение, так как реализуется не столько во внутреннем опыте отдельного человека, сколько в речевой практике сообщества, которое помнит и произносит. В таком контексте *dómr* можно рассматривать как одну из форм устного удержания того, что позднее закрепляется письменным свидетельством.

Оговорим отдельно статус лексемы *gleymr*, которая в древнеисландском языке логически выступает антонимическим полюсом памяти. В самом тексте «Речей Высокого» это существительное не засвидетельствовано; в словаре Я. Де Фриса фиксируется глагол *gleyma* [23, p. 174] «забывать», этимология которого признается неоднозначной: одни исследователи сближают его с *glaumr* «шум, веселье» (забвение как следствие шумного пира), другие – с корнем, близким к *gleði* «радость» [23, p. 173]. Поэтому корректнее говорить не о лексической оппозиции *dómr* – *gleymr* в тексте самой песни, а о содержательной, контекстуально восстанавливаемой антитезе: тому, что *aldregi deyr*, в строфах 76-77 имплицитно противопоставлено то, что забывается и тем самым перестает существовать в памяти сообщества.

Выводы

Проведенный анализ подтверждает, что ценностный компонент концепта «память» в мифологическом корпусе «Старшей Эдды» не сводится к фиксации мнемического акта, а образует самостоятельную аксиологическую структуру, организованную вокруг оппозиции сохранения и утраты значимого для сообщества знания. Эта структура опирается на устойчивое ядро – *minni* и *muna* – и расширяется за счет периферийных средств поля знания, что позволило уточнить состав и семантическую организацию концепта, поставленную как первая задача исследования. Сопоставление *Völuspá* и *Hávamál* показало, что при общей ценностной логике память реализует в них различные дискурсивные функции: в космогонической песни она обеспечивает право на сакральное высказывание о происхождении мира, в дидактической – закрепляет этическую норму через категорию посмертной репутации. Такое распределение функций свидетельствует не о противоречии, а о взаимодополнительности двух модусов памяти в архаическом сознании: как условия речи о прошлом и как условия сохранения значимости в будущем. В обоих случаях память предстает категорией, укорененной в речевой практике сообщества, а не во внутреннем опыте отдельного человека, что соответствует общей направленности исследования на выявление культурно-языковых, а не психологических механизмов ее репрезентации. Полученные результаты открывают перспективу для дальнейшего сопостав-

ления языковых средств выражения памяти в песнях мифологического корпуса, привлеченных в настоящей работе лишь эпизодически, а также для сравнения ценностного компонента концепта «память» в героических песнях «Старшей Эдды».

Vsp. – Vǫluspá – «Прорицание вёльвы»

Háv., Hv. – Hávamál – «Речи Высокого»

Сокращения названий эддических текстов даны в соответствии с изданием G. Neckel.

Список источников

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. Москва: ФЛИНТА, 2010. 288 с.

2. Барашева Д. Е. Семантические признаки в этимологическом значении слова concept // Язык и культура. 2015. № 16. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskie-priznaki-v-etimologicheskom-znachenii-slova-concept (дата обращения: 17.06.2026)

3. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах: сборник: пер. В. Тихомирова, А. Корсуна, Ю. Корнеева ; вступ. ст. А.Я. Гуревича; примеч. О.А. Смирницкой, М.И. Стеблин-Каменского, А.Я. Гуревича. Москва: Художественная литература, 1975. 751 с. (Библиотека всемирной литературы. Сер. 1, Литература до XVIII века, т. 9).

4. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. Москва: Искусство, 1972. 317 с.

5. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Искусство, 1984. 349 с.

6. Клэнчи М.Т. Воспоминания о прошлом и старый добрый закон // Vox medii aevi. 2015. № 2-3 (13-14). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vospominaniya-o-proshlom-i-staryy-dobryy-zakon (дата обращения: 19.07.2026).

7. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитив. точки зрения. Роль языка в познании мира. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 556 с.

8. Мелетинский Е.М. "Эдда" и ранние формы эпоса. Москва: Наука, 1968. 366 с. (Исследования по теории и истории эпоса).

9. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. Москва: Наука, 1976. 407 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).

10. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. Москва: АСТ, Восток-Запад, 2007. 314 с.

11. Снорри Стурлусон Младшая Эдда / изд. подгот. О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. Ленинград: Наука, 1970. 254 с. (Литературные памятники). URL: http://norse.ulver.com/src/snorra/index.html (дата обращения: 30.06.2026)

12. Старшая Эдда: древнеисландские песни о богах и героях: пер. А.И. Корсуна; ред., вступ. ст. и коммент. М.И. Стеблин-Каменского. Ленинград : Наука, 1963. 259 с. (Литературные памятники).

13. Степанов Ю.С. Константы : словарь русской культуры. Москва: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

14. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Языки русской культуры, 1996. 284 с. (Язык. Семиотика. Культура).

15. Топорова Т.В. Истоки бытия: от древнегерманского космогонического мифа к истории: монография. Москва: Языки народов мира; НВИ, 2020. 106 с.

16. Топорова Т.В. О космогоническом субстрате мифологического цикла "Старшей Эдды" // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2021. № 25-2. С. 1126 – 1137.

17. Топорова Т.В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. Москва: Радикс, 1994. 190 с.

18. Clanchy M.T. From Memory to Written Record : England 1066-1307. 3rd ed. Chichester: Wiley-Blackwell, 2013. 512 p.

19. Dronke U. The Poetic Edda. Vol. 2: Mythological Poems. Oxford: Clarendon Press, 1997. xiv, 443 p.

20. Glauser J., Hermann P., Mitchell S.A. (eds.). Handbook of Pre-Modern Nordic Memory Studies: Interdisciplinary Approaches. Berlin; Boston: De Gruyter, 2018. 2 vols.

21. Hermann P., Mitchell S.A., Arnórsdóttir A.S. (eds.). Minni and Muninn: Memory in Medieval Nordic Culture. Turnhout: Brepols, 2014. 244 p.

22. Neckel G. Edda : Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. Bd. I: Text / Hrsg. von Gustav Neckel. Heidelberg : Carl Winter, 1914. XII, 331 p.

23. Vries J. de. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. 2., verb. Aufl. Leiden: E. J. Brill, 1977. LII, 689 p.

References

1. Alefirenko N.F. Lingvoculturology: the value-semantic space of language: a tutorial. Moscow: FLINTA, 2010. 288 p.

2. Barasheva D.E. Semantic features in the etymological meaning of the word 'concept'. Language and Culture. 2015. No. 16. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskie-priznaki-v-etimologicheskom-znachenii-slova-concept (date of access: 17.06.2026)

3. Beowulf. The Elder Edda. The Song of the Nibelungs: collection: trans. V. Tikhomirov, A. Korsun, Yu. Korneev; introduction by A.Ya. Gurevich; notes by O.A. Smirnitskaya, M.I. Steblin-Kamensky, A.Ya. Gurevich. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1975. 751 p. (Library of World Literature. Series 1, Literature before the 18th Century, Vol. 9).

4. Gurevich A.Ya. Categories of Medieval Culture. Moscow: Iskusstvo, 1972. 317 p.

5. Gurevich A.Ya. Categories of Medieval Culture. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: Iskusstvo, 1984. 349 p.

6. Clanchi M.T. Memories of the Past and the Good Old Law. Vox medii aevi. 2015. No. 2-3 (13-14). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vospominaniya-o-proshlom-i-staryy-dobryy-zakon (date of access: 9.07.2026).

7. Kubryakova E.S. Language and Knowledge: On the Path to Gaining Knowledge about Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in Understanding the World. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 556 p.

8. Meletinsky E.M. "Edda" and Early Forms of the Epic. Moscow: Nauka, 1968. 366 p. (Research on the Theory and History of the Epic).

9. Meletinsky E.M. Poetics of Myth. Moscow: Nauka, 1976. 407 p. (Research on the Folklore and Mythology of the East).

10. Popova Z.D., Sternin I.A. Cognitive Linguistics. Moscow: AST, Vostok-Zapad, 2007. 314 p.

11. Snorri Sturluson The Younger Edda. prepared by O.A. Smirnitskaya, M.I. Steblin-Kamensky. Leningrad: Nauka, 1970. 254 p. (Literary Monuments). URL: http://norse.ulver.com/src/snorra/index.html (date of access: 30.06.2026)

12. The Elder Edda: Old Icelandic Songs about Gods and Heroes: trans. by A.I. Korsun; ed., introduction and commentary by M.I. Steblin-Kamensky. Leningrad: Nauka, 1963. 259 p. (Literary Monuments).

13. Stepanov Yu.S. Constants: a dictionary of Russian culture. Moscow: Languages of Russian Culture, 1997. 824 p.

14. Telia V.N. Russian phraseology: semantic, pragmatic, and linguacultural aspects. Moscow: Languages of Russian Culture, 1996. 284 p. (Language. Semiotics. Culture).

15. Toporova T.V. The origins of being: from the ancient Germanic cosmogonic myth to history: a monograph. Moscow: Languages of the peoples of the world; NVI, 2020. 106 p.

16. Toporova T.V. On the cosmogonic substrate of the mythological cycle of the Elder Edda. Indo-European linguistics and classical philology. 2021. No. 25-2. P. 1126 – 1137.

17. Toporova T.V. Semantic structure of the ancient Germanic model of the world. Moscow: Radiks, 1994. 190 p.

18. Clanchy M.T. From Memory to Written Record: England 1066-1307. 3rd ed. Chichester: Wiley-Blackwell, 2013. 512 p.

19. Dronke U. The Poetic Edda. Vol. 2: Mythological Poems. Oxford: Clarendon Press, 1997. xiv, 443 p.

20. Glauser J., Hermann P., Mitchell S.A. (eds.). Handbook of Pre-Modern Nordic Memory Studies: Interdisciplinary Approaches. Berlin; Boston: De Gruyter, 2018. 2 vols.

21. Hermann P., Mitchell S.A., Arnórsdóttir A.S. (eds.). Minni and Muninn: Memory in Medieval Nordic Culture. Turnhout: Brepols, 2014. 244 p.

22. Neckel G. Edda: Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. Bd. I: Text/Hrsg. von Gustav Neckel. Heidelberg: Carl Winter, 1914. XII, 331 p.

23. Vries J. de. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. 2., verb. Aufl. Leiden: E. J. Brill, 1977. LII, 689 p.

Информация об авторе

Панина Я.В., аспирант, Самарский университет государственного управления «Международный институт рынка»

© Панина Я.В., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 801.73
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-145-151

Диалектическое преломление философии индийской комментаторской традиции в практике перевода «Махабхараты» (1895) Манматхом Натхом Даттом

[1] Пивкина Н.Н., [2] Халина Н.В.,
[1] Национальный исследовательский университет «МЭИ»
[2] Алтайский государственный университет

Аннотация: исследуется текст перевода «Махабхараты» 1895 г. на английский язык, выполненный известным в области перевода священных древних индуистских текстов переводчиком бенгальского происхождении, ректором Академии Кешуб Манматхом Натхом Даттом с точки зрения актуализации в нем аспектов философии индийской традиции комментирования, представляющей собой древнейшую непрерывную герменевтическую традицию. Фундаментальной задачей интерпретатора признается раскрытие внутреннего значения (*tiitparya*) текста, проходящего через выражения и значения слов *padiirlha.* Философия комментария в этом процессе выступает в качестве посредника между комментатором (а также знакомящимся с комментарием) и новым способом бытия, который открывается в процессе интерпретации системы значений древнеиндийского текста. Особый в философии индийской традиции интерпретации – герменевтический – статус комментария определяется его функциями: а) помогает правильно расчленить текст; б) защищает смысл текста от непреднамеренного искажения; в) облегчает грамматический анализ текста и понимание его структуры; г) дифференцирует возражения оппонентов и ответы автора.

Цель исследования: выявить и проанализировать особенности функционирования индийской герменевтической традиции как онтологического события на материале англоязычного перевода-комментария «Адипарвы» («Махабхараты»), выполненного Манматхом Натхом Даттом в 1895 году, в контексте сопряжения эпистемологических установок индийской комментаторской школы и принципов диалектического метода, обеспечивающего смысловую подвижность логоса и мифа в слове и формирование нового жизненного мира читателя.

Ключевые слова: философия традиции, индийская комментаторская традиция, индийская герменевтика, горизонт текста, горизонт интерпретатора, внутреннее значение текста, Махабхарата, Манматх Натх Датт, метод диалектики

Для цитирования: Пивкина Н.Н., Халина Н.В. Диалектическое преломление философии индийской комментаторской традиции в практике перевода «Махабхараты» (1895) Манматхом Натхом Даттом // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 145 – 151. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-145-151

Поступила в редакцию: 16 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 13 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

The dialectical refraction of the philosophy of the Indian commentarial tradition in the practice of translation of the Mahabharata (1895) by Manmath Nath Dutt

[1] Pivkina N.N., [2] Khalina N.V.,
[1] National Research University "MPEI",
[2] Altai State University

Abstract: the article examines the 1895 English translation of the Mahabharata by Keshub Manmath Nath Dutt, a renowned Bengali translator of ancient Hindu sacred texts and rector of the Keshub Manmath Academy, in terms of its integration of aspects of the philosophy of the Indian commentary tradition, which represents the oldest continuous hermeneutic tradition. The fundamental task of the interpreter is recognized as the revelation of the inner meaning (tiitparya) of the text, which

passes through the expressions and meanings of the words padiirlha. In this process, the philosophy of commentary acts as a mediator between the commentator (as well as the reader) and the new way of being that is revealed in the process of interpreting the system of meanings of the ancient Indian text. The special hermeneutic status of commentary in the philosophy of the Indian tradition of interpretation is determined by its functions: a) helps to correctly dissect the text; b) protects the meaning of the text from unintentional distortion; c) facilitates grammatical analysis of the text and understanding of its structure; d) differentiates between opponents' objections and the author's responses.

The purpose of this study is to identify and analyze the functioning of the Indian hermeneutic tradition as an ontological event using Manmath Nath Dutt's 1895 English translation and commentary of the Adi Parva (Mahabharata), in the context of the convergence of the epistemological principles of the Indian commentary school and the principles of the dialectical method, which ensures the semantic fluidity of logos and myth in words and the formation of a new lifeworld for the reader.

Keywords: philosophy of tradition, Indian commentarial tradition, Indian hermeneutics, horizon of the text, horizon of the interpreter, inner meaning of the text, Mahabharata, Manmath Nath Dutt, method of dialectics

For citation: Pivkina N.N., Khalina N.V. The dialectical refraction of the philosophy of the Indian commentarial tradition in the practice of translation of the Mahabharata (1895) by Manmath Nath Dutt. Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 145 – 151. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-145-151

The article was submitted: July 16, 2026; Approved after reviewing: August 13, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

Рассмотрение особенностей индийской герменевтики, или индийской комментаторской традиции, и системного своеобразия интерпретации древнеиндийского текста позволяет говорить об онтологическом событии, в котором и через которое расширяются горизонты интерпретатора и сообщества. Текст и традиция выступают в качестве посредников, которые привносят в бытие новое понимание, с неизбежностью требующее нового выражения. «Закрытый» текст прошлого, по словам К. Дурайсинга, порождает «открытое событие слова», которое создает новый жизненный мир, новые векторы развития и новые возможности [1, p. 274]. Как считает П. Рикер, событие слова – это новая возможность для читателя узнать себя, поскольку он, читатель, усилен «в своей способности самопроектирования, получая новый способ бытия из самого текста» [2]. Читатель отчетливо и немедленно погружается в ‘*ātman’* текста и традиции [1, p. 259], которые окутывают его облаком воспоминаний, практики и надежды, активизируя его воображение и заставляя запечатлеть окружающий его мир в терминах новых метафор и свежих образов.

Своеобразие индийской герменевтической традиции изучается в данном исследовании на материале перевода в 1895 году на английский язык «Адипарвы», первой книги «Махабхараты» известным в области перевода священных древних индуистских текстов переводчиком бенгальского происхождении, ректором Академии Кешуб Манматхом Натхом Даттом [3, 4]. «Махабхарата» (санскр. महाभारत, mahābhārata IAST, «Великое сказание о потомках Бхараты», по имени царя Бхараты, потомка древнего царя Куру) – значительная по объему эпическая поэма, содержащая около 100 000 «шлок», или двустиший, и превышающая в восемь раз вместе взятые «Одессею» и «Элиаду». Индийский эпос посвящен событиям глубокой древности – междоусобной войне в царстве Куру. Специфика создаваемого М.Н. Даттом перевода.

Из ныне существующих на планете философских традиций, как полагает Мукунда Рагхаван, индийская традиция представляет собой древнейшую непрерывную философскую комментаторскую традицию, отличающуюся способами взаимодействия с ней [5].

История оформления комментаторской традиции заключается в том, что преимущественно любая конкретная школа мысли развивает свою особую философию, комментируя «предшествующие» ее возникновению и становлению тексты, которые школа высоко ценит. Примером комментаторской традиции может служить творчество Шанкары, развившего традицию Адвайты («недвойственной» школы монизма) и создавшего комментарий к Бхагавад-Гите и тексту «Брахма с утра» («Афоризмы о Брахмане или бытии»).

Герменевтические подходы в индуистской мысли, как полагают Рита Д. Шерма и Арвинд Шарма, ранжируются в диапазоне от эпистемологического к онтологическому [6]. Традиции шастицизма (*Ïastik*а, ортодоксии, или «правильного» взгляда) провозгласили ведическую литературу своим авторитетным источником, дав начало индуистским течениям мысли и практики, ориентированных с самого начала своего существования на понимание как на исследование главной цели существования и ее надлежащего осуществления. Как отмечают Р. Шерма и А. Шарма, с появлением упанишад понимание приобретает большую ясность и направленность, становясь основой для эмпирического постижения природы бытия.

Материалы и методы исследований

Материальную базу исследования составляют:

- Перевод «Адипарвы» «Махабхараты» на английский язык, выполненный М.Н. Даттом в 1895 году.
- Перевод «Адипарвы» «Махабхараты» с санскрита на русский язык, выполненный В.И. Кальяновым.

Для анализа внутренней логики построения перевода-комментария М.Н. Датта был применён диалектический метод. Данный метод позволил рассматривать перевод как «логическую конструкцию антиномико-синтетического строения вещей реального опыта», открывающую движение логоса (слова, мысли) к пониманию идеи. Диалектика была использована в качестве инструмента выявления смысловых движений, сопрягающих миф и логос в «именной» ипостаси слова.

Результаты и обсуждения

Без преувеличения можно сказать, что посредством текста бытие говорит с нами. Однако следует отметить, что понять текст и через него смысл какого-либо явления или события, – это не то же самое, что познать его. Познать, в узком (естественнонаучном) смысле, означает наложить на исследуемый объект некую познавательную форму или структуру, заведомо избавившись от его смысла» [7, 8, 9]. Появление смысла в тексте придает тексту целостность, являясь результатом работы сознания знакомящегося с текстом индивидуума по преобразованию, или трансформации совокупности знаков, из которых текст состоит, в нечто, воспринимаемое как структурное единство, занимающее свое место в бытии мира и потоке бытийственных презентаций иных текстовых сущностей в культуре социума. Философская герменевтика, которую следует полагать составляющей индийской комментаторской традиции, способствует освобождению интерпретатора от воззрений, приводящих его «к установлению стандартных значений при восприятии и понимании <…> текста» [7, с. 110]. «Текст сбывается в интерпретации, в ней он является и фазой, и коммуникативным партнером. <…> если текст сбывается в интерпретации, то нет никаких абсолютных границ для его значений» [7, с. 110].

Кэпил Капур [10] размышляя о том, как древние индийские традиции приблизились к пониманию сложных текстов объясняет, что в индийской традиции, у языка есть сигнификативно двойная роль: язык одновременно выступает в качестве инструмента мысли и среды коммуникации. Он иллюстрирует эту дуальность через различные древние тексты, такие как Упанишады, которые подчеркивают, что язык или *vak,* важен не только для выражения мыслей, но также и для формирования нашего понимания этики и действительности. К. Капур показывает, как значительна роль языка в формировании индийской философии и духовности, анализируя ранние индийские грамматические теории и особенно подчеркивая важность *śastra-paddhati*. Интерпретирующий способ, внедренный в глубоком понимании языка, положил начало различным дисциплинам, включая философию, историю и литературу. К. Капур исследует две ядерные лингвистические теории, центральные для индийской мысли: the *Karaka theory* and the *Sphoṭa theory*. The *Karaka theory* развивается древними грамматистами, подобными Панини, сконцентрированными на отношениями между существительными и глаголами в предложении и выделяющими шесть семантических ролей или “karakas”. Эти роли поясняют, какую лепту вносит каждая часть предложения в создание целостного значения. Например, существительное может функционировать как агент (*kartā*), инструмент (*karaṇa*), или объект (*karma*), находясь в зависимости от действий глагола. Эта теория не дает четкого разъяснения грамматики, но служит основой для понимания того, как люди чувствуют и категоризируют свой опыт, выражая его в языке через глагол и субстантивную группу.

С другой стороны, Sphoṭa theory, доминирующая в грамматике брахманов, обращается к таинству того, как мы понимаем значение через последовательности звуков. Производное от корня sphuṭ, означающего «цвести» или «демонстрировать», sphoṭa относится к неделимой смысловой единице, которая остается непротиворечивой, несмотря на изменения в звуке или форме. Согласно этой теории, звуки, которые мы слышим в речи (dhvani), просто «транспортные» средства для передачи основной, целостной sphoṭa, или сущности, слова. Понятие брахманов sphoṭa предлагает, значение не связано со звуком, оно представляет собой нечто целостное, что мы улавливаем через язык. Капур показывает, что через эту теорию индийские грамматики предложили сложное решение проблемы понимания отношения языка к значению, допуская эффективную коммуникацию несмотря на текучесть речи.

Для «распаковки» древних текстов, по мнению, Капура, следует использовать совокупность подходов, основываясь на комментариях, которые также различны, как и тексты, относительно которых они применяются. Комментарии дифференцируются в зависимости от роли в интерпретации текста и сохранении знания. Например, комментарий vṛtti обеспечивает прямое объяснение правил и понятий в тексте, сосредотачиваясь на дискрептивном анализе. Напротив, комментарий bhāṣya предлагает более подробный, крити-

ческий анализ, выходящий за пределы простого объяснения. Комментарий ṭīkā – более краткий комментарий, нацеленный на разъяснение трудных слов или фрагментов. Капур подчеркивает, что разнообразие стилей комментария допускает гибкую интерпретацию, сохраняя основные значения текста. Подобный подход не только способствует глубокому анализу, но и позволяет текстам развиваться совместно с изменениями в языке, культуре и философии. Воплощению аспектов непрерывности и адаптируемости способствовало и то, что комментарии в течение долгого времен накладывались один на другой, тем самым слоями располагали одно понимание над другим, создавая коллективное знание.

Учет культурной компоненты философского учения, которая является неким фоном и жизненной средой, вне которой эти идеи теряют идентичность и жизненность [11, 12] и могут превратиться в неверно понятые слова и вселенную проблем [13].

Текст, созданный Манматхом Натхом Даттом и именуемый «Махабхарата (на английском)» (*The Mahabharata (in English))*, является не только текстом, представляющим в доступной – англоязычной форме – диалогово-нарративную сущность индийской идентичности, но и текстом, включаемым в философское и художественное наследие (культурный капитал) Британской Индии – британского колониального владения в Южной Азии, существовавшего с 1858 по 1947 год и охватывавшего территории современных Индии, Пакистана, Бангладеш и Мьянмы. Перевод-комментарий М.Н. Датта соответствует основным функциям комментария, закрепляемых за этим жанром в философской традиции индийской герменевтики: а) помогает правильно расчленить текст; б) защищает смысл текста от непреднамеренного искажения; в) облегчает грамматический анализ текста и понимание его структуры; в) дифференцирует возражения оппонентов и ответы автора.

Сопряжение ментальных моделей, представляющих собой результат сопряжения «смысловых движений» логоса и мифа, происходит в слове, его «именной» ипостаси, удерживающей в «движимом покое» бытие человека и помогающей ему стать осознанным существом, познающем себя в мире и обретающим свой топос. В процессе становления человек овладевает внутренней речью и конфигурациями смысла, на основании которых создает собственную реальность – круг жизни, в котором «действительность внешнего потока жизни входит в круг внутренне осознанной реальности» [14].

Горизонт текста определяется М.Н. Даттом через краткое переложение Адипарвы «Махабхараты». В кратком переложении содержания нарратива, предваряющего основную часть акцент делается на трех аспектах: участники жизненного процесса истории (герои сюжета повествования); их действия – поступки, которые одновременно являются строительным «материалом» истории как жизненного процесса и истории как формы речевого представления события; речь (речевые поступки) действующих лиц «историй», составляющая самостоятельный уровень структуры нарратива.

Если «горизонт текста» и «горизонт интерпретатора» возможно установить, погружаясь в диалектику собственно перевода-комментария, то определение внутреннего значения предполагает конструирование некой понятийной среды, диалоговой по своему характеру. С этой целью в аналитическое поле исследования был вовлечен перевод с санскрита на русский язык первой книги «Махабхараты» [14].

Горизонт текста также задается М.Н. Даттом эпиграфическим вступленем к расширенному представлению содержания первой части «Махабхараты» Adi Parva:

«Having saluted the Suprems Diety (Narayana) and the highest of all mail beings (Nara) and also the Goddness of Learning (Saraswati) let us cry success! [3]»

«Поклонившись Нараяне и Наре, величайшему из мужей, а также богине Сарасвати, должно затем возгласить: победа! [15]»

«Воздав честь Верховному Божеству (Нараяне) и высочайшему из всех живых существ (Наре), а также Божественности Познания (Сарасвати), давайте возгласим об успехе!»

В эпиграфе М.Н. Датта интерес вызывает выбор из лексико-семантического «набора» единиц, маркирующих состояние достижения наивысшего результата – win, winning, triumph, victorious, success, – самой семантически нейтральной единицы, располагающейся в зоне «семантической» периферии. Снижение уровня эмоциональной эмпатии и ментального перфекционизма, видимо, обусловлено «военной» коннотацией, имеющей место в семантике единицы ‘победа’, предполагающей обязательное эпистемическое верховенство одного из участников коммуникации и, соответственно, утверждение его права на дифференциацию топосного пространства и признание бесспорности его истины и цели. Лексема ‘успех’ более толерантна по своей семантике и «многослойна», предполагая и а) положительный результат, удачное завершение чего-либо; б) благоприятный исход, победа в каком-либо сражении, поединке; в) общественное признание, одобрение чего-либо. Выбор лексико-семантической единицы *success* позволяет М.Н. Датту соответствовать принципу культурной диверсификации, предполагающего существование внутри культурного поля

общества множества различных, специфических культурных практик, ценностей, форм искусства и способов самовыражения.

Текст «Махабхарата. Адипарва» строится по модели диалога-обмена эпистемическими состояниями, или лингвистически выраженными когнитивными состояниями, образовавшимися в отношении к определенному высказыванию, в свою очередь, также являющемуся эпистемическим состоянием и, одновременно, маркером внутреннего значения текста как единицы внутренней речи, в смысловом плане конфигурирующей круг жизни и «локус» вхождения внешнего потока жизни в круг внутренне осознанной реальности. Обмен эпистемическими состояниями происходит между Сутой, сыном возницы Ломахаршаны, Уграшравас, искушенного в пуранах сказителя-сута, однажды в почтительном смирении пришедшем в лес Наймиша, и великами ришами, непреклонными в обетах. Риши просят лотосоокого Сута рассказать об особенностях его путешествий:

«O, Lotus-eyed, whence have you come? Where have you been, Souti? Tell me, I ask you, (all the particulars of your travels) [3]».

«Откуда ты идешь, о сын возницы, и где ты проводил время, о лотосоглазый? Поведай мне о том, когда я спрашиваю тебя» [14].

«О, лотосоокий, откуда ты пришел? Где ты был, Сути? Расскажи мне о том, о чем я тебя спрашиваю (все подробности своих путешествий)».

Видимо, чтобы более точно передать смысловые акценты перевода-комментария М.Н. Датта, нужно прибегнуть к тема-рематической трансформации. Семантика синтагмы Tell me, I ask you может быть в переводе представлена синтагмами: Расскажи мне, прошу тебя (a), Расскажи мне о том, о чем я тебя спрашиваю (b). В переводе-комментарии Датта акцент делается на локативной семантике – семантике места, в переводе В.И. Кальянова подчеркивается аспект времени – ‘где ты проводил время’, соответственно, более активной ставится семантика движения логоса как истины, формирование ритма действительности, а не семантика места его расположения, конфигурация его локусной обустроенности в структуре пространственно-понятийного бытия.

Важным для перевода-комментария Датт считает добавление о том, что Сути дает полный и надлежащий словесный ответ, соответствующий природе – ментальному статусу и эпистемическому состоянию Риши. В переводе санскритского оригинала на русский язык подобная ремарка «соответствия» отсутствует.

«When the accomplished speaker Souti was thus questioned he gave before that great assembly of contemplative Rishis a full and proper reply in words becoming their nature [3]».

«Когда искусного оратора Соути спросили таким образом, он дал перед этим великим собранием ришисозерцателей полный и надлежащий ответ в словах, соответствующих их природе».

Следует обратить внимание на субстантив-атрибут, функциональное имя актора, которое использует Датт для характеристики статуса в коммуникативном пространстве и формируемой нарративной реальности Сута (accomplished) speaker ‘оратор, выступающий, говорящий’, т.е. существующий в настоящем реальном времени, здесь-и-сейчас, иначе в пространстве взаимодействия. Тем самым изменяется реально приписываемый Суте социальный статус рассказчика (narrator, storyteller, storytelling, teller) или сказителя (taleswapper, storyteller, narrator): актора, способного соединять потоки времени, перемещаться в них и, тем самым, влиять на конфигурацию ‘круга жизни’.

Выводы

Проведенный анализ показывает, что М.Н. Датт при создании герменевтического комментария «Махабхараты» на английском языка достаточно внимательно относится в формированию концептуального пространства перевода, отбирая для формирования внутреннего значения создаваемого текста единицы-маркеры с прозрачной и понятной для представителей англосаксонского мира семантикой, не противоречащей их концептуальной картине мира. Диалоговая форма взаимодействия эпистемических состояний, составляющая семантическую базу «Махабхараты», получает свое развитие в переводе М.Н. Датта, руководствующегося при его построении диалектическим методом, позволяющим опираться на принципы текстового движения логоса, слова, мысли к пониманию идеи. Использование основных принципов философии индийской герменевтики способствует сопряжению смысловых движений логоса и мифа, осуществляемому в слове, которое помогает удержать в движимом покое бытие человека и стать ему себя познающим в мире существом, обретающим свой топос.

Список источников

1. Duraisingh C. Reflection on Theological Hermeneutics in the Indian Context // Indian Journal of Theology. 1982. Vol. 31. № 3-4. P. 259 – 278.

2. Ricoeur P. lnterpretation Theory: Discourse and the Surplus of Meaning, Fort Worth: Texas Christian University Press. 1976. 107 c.

3 A Prose English Translation of Mahabharata (Translated Literelly from the Original Sanskrit Text). Adi Parva. Edited and published by Manmatha Nath Dutt, M.A., M.R. A.S., Rector Keshub Academy Calcutta. Printed by H.C. Dass, Elïsium Press, 65/2, Bradon Street, 1895. 1262 p.

4. A Prose English Translation of Mahabharata (Translated Literelly from the Original Sanskrit Text). Adi Parva. Edited and published by Manmatha Nath Dutt, M.A., M.R. A.S., Rector Keshub Academy. Gyan Publishing House. 2025. 383 p.

5. Raghavan M. Engaging with the Indian Textual and Philosophical Universe. URL: https://partiallyexaminedlife.com/2023/09/26/engaging-with-the-indian-textual-and-philosophical-universe/ (дата обращения: 04.06.2026)

6. Hermeneutics and Hindu Thought: Toward a Fusion of Horizons / Rita D. Sherma Arvind Sharma Editors. Springer Science & Business Media, 2008. 250 p.

7. Потоцкий А.А. Художественный текст: онтология и интерпретация // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2024. № 1 (281). С. 107 – 110. DOI: 10.52065/2520-6885-2024-281-20

8. Власова Е.Е., Яруллина Ж.А. Коммуникативные аспекты описания текста // Глобальный научный потенциал. 2025. № 9 (174). С. 324 – 327.

9. Мартынов В.С. Эмотивный аспект художественного текста (на материале немецкого языка) // Глобальный научный потенциал. 2022. № 5 (134). С. 193 – 200.

10. Kapoor K. Text and Interpretation – The Indian Tradition, by Kapil Kapoor, Delhi. 2018. 220 p.

11. Крыштоп Л.Э., Псху Р.В. Развитие герменевтических идей в европейской философии и специфика комментаторской традиции в Индии // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 159 – 167.

12. Пивкина Н.Н., Халина Н.В. Существование во времени: индийская и англосаксонская модели «неумолимого времени» // Глобальный научный потенциал. 2024. № 9 (162). С. 158 – 161.

13. Голубинская А.В., Демарева В.А. Механизмы смены эпистемических состояний: философско-психологическое исследование. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии науки». 2021. 120 с.

14. Горина И.В., Коваленко С.Ю. Философия имени как тайна творчества, по А.Ф. Лосеву: от «умного числа» к символу // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2021. № 4 (40). С. 59 – 66.

15. Махабхарата. Адипарва. Книга первая. Перевод с санскрита и комментарии В.И. Кальянова. Под редакцией академика А.П. Баранникова. Издательство Академии наук СССР. Москва-Ленинград. 1950. 740 с.

References

1. Duraisingh C. Reflection on Theological Hermeneutics in the Indian Context. Indian Journal of Theology. 1982. Vol. 31. No. 3-4. P. 259 – 278.

2. Ricoeur P. Interpretation Theory: Discourse and the Surplus of Meaning, Fort Worth: Texas Christian University Press. 1976. 107 p.

3 A Prose English Translation of Mahabharata (Translated Literally from the Original Sanskrit Text). Adi Parva. Edited and published by Manmatha Nath Dutt, M.A., M.R. A.S., Rector Keshub Academy Calcutta. Printed by H.C. Dass, Elïsium Press, 65/2, Bradon Street, 1895. 1262 p.

4. A Prose English Translation of Mahabharata (Translated Literally from the Original Sanskrit Text). Adi Parva. Edited and published by Manmatha Nath Dutt, M.A., M.R. A.S., Rector Keshub Academy. Gyan Publishing House. 2025. 383 p.

5. Raghavan M. Engaging with the Indian Textual and Philosophical Universe. URL: https://partiallyexaminedlife.com/2023/09/26/engaging-with-the-indian-textual-and-philosophical-universe/ (date of access: 04.06.2026)

6. Hermeneutics and Hindu Thought: Toward a Fusion of Horizons. Rita D. Sherma Arvind Sharma Editors. Springer Science & Business Media, 2008. 250 p.

7. Potocki A.A. Literary text: ontology and interpretation. Proceedings of BSTU. Series 6, History, Philosophy. 2024. No. 1 (281). P. 107 – 110. DOI: 10.52065/2520-6885-2024-281-20

8. Vlasova E.E., Yarullina Zh.A. Communicative aspects of text description. Global scientific potential. 2025. No. 9 (174). Pp. 324 – 327.

9. Martynov V.S. Emotive aspect of literary text (based on the German language). Global scientific potential. 2022. No. 5 (134). P. 193 – 200.

10. Kapoor K. Text and Interpretation – The Indian Tradition, by Kapil Kapoor, Delhi. 2018. 220 p.

11. Kryshtop L.E., Pskhu R.V. Development of Hermeneutic Ideas in European Philosophy and the Specificity of the Commentary Tradition in India. Voprosy Filosofii. 2017. No. 12. P. 159 – 167.

12. Pivkina N.N., Khalina N.V. Existence in Time: Indian and Anglo-Saxon Models of "Inexorable Time". Global Scientific Potential. 2024. No. 9 (162). P. 158 – 161.

13. Golubinskaya A.V., Demareva V.A. Mechanisms of Change of Epistemic States: A Philosophical and Psychological Study. Moscow: Russian Society for the History and Philosophy of Science. 2021. 120 p.

14. Gorina I.V., Kovalenko S.Yu. The Philosophy of the Name as the Mystery of Creativity, According to A.F. Losev: From the "Smart Number" to the Symbol. Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series "Philosophical Sciences". 2021. No. 4 (40). P. 59 – 66.

15. Mahabharata. Adiparva. Book One. Translation from Sanskrit and commentary by V.I. Kalyanov. Edited by Academician A.P. Barannikov. Publishing House of the USSR Academy of Sciences. Moscow-Leningrad. 1950. 740 p.

Информация об авторах

Пивкина Н.Н., кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «МЭИ», nadezhda_stolyar@mail.ru

Халина Н.В., доктор филологических наук, профессор, Алтайский государственный университет

© Пивкина Н.Н., Халина Н.В., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
УДК 81’38
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-152-167

Юмор как стратегия популяризации медицинского знания (кейс-стади)

[1] Пинчукова А.Е.,
[1] Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Аннотация: в статье рассматривается явление юмора как эффективной стратегии популяризации научного знания в целом и медицинского знания в частности. Цель исследования заключается в установлении механизмов адаптации медицинских явлений под экстралингвистические и лингвистические особенности научно-популярных произведений медицинской тематики на английском языке. В статье отмечается, что употребление юмора как стратегии популяризации медицины способствует не только установлению контакта с читателем и улучшению понимания медицинских явлений, но и снятию психоэмоционального напряжения, которое вызывают связанные с человеческим здоровьем темы. В рассмотренном произведении Адама Кея «Kay’s Anatomy: A Complete (and Completely Disgusting) Guide to the Human Body», написанном преимущественно для современных подростков, юмор как стратегия популяризации медицины реализуется с помощью следующих стилистических средств: метафоры, сравнения и аналогии, каламбуры, внутритекстовые отсылки, ложные определения, олицетворение, неологизмы, буквализация идиомы или метафоры, преуменьшение, смена регистра, малапропизм, аллюзия или культурная отсылка, антиклимакс, гипербола. В работе делаются выводы о том, что выбор большей части данных средств обусловлен когнитивными, прагматическими и культурными факторами. Более того, использование юмора как стратегии популяризации медицинского знания позволяет сделать восприятие сложных тем более доступным для современных подростков благодаря осведомленности автора о таких его проявлениях, как пост- и метаирония, абсурд, сарказм и «роастинг». Наконец, результаты исследования могут послужить основой для составления рекомендаций по написанию популяризаторских текстов с юмористическими элементами.

Ключевые слова: юмор в научно-популярном тексте, юмор в научно-популярном дискурсе, юмор как стратегия популяризации медицины, популяризация медицины, медицинская терминология, Адам Кей

Для цитирования: Пинчукова А.Е. Юмор как стратегия популяризации медицинского знания (кейс-стади) // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 152 – 167. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-152-167

Поступила в редакцию: 17 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

Humor as a strategy for popularizing medical knowledge (case study)

[1] Pinchukova A.E.,
[1] National Research University Higher School of Economics

Abstract: the article examines the phenomenon of humor as an effective strategy for popularizing scientific knowledge in general and medical knowledge in particular. The aim of the study is to establish mechanisms for adapting medical phenomena to the extralinguistic and linguistic features of popular science works on medical topics in English. It is noted that the use of humor as a medicine popularization strategy not only helps establish rapport with the reader and improve understanding of medical phenomena but also relieves the psycho-emotional tension caused by topics related to human health. In Adam Kay’s work “Kay’s Anatomy: A Complete (and Completely Disgusting) Guide to the Human Body,” written primarily for modern teenagers, humor as a strategy for popularizing medicine is implemented through the following stylistic devices: metaphors, similes and analogies, puns, in-text references, false definitions, personification, neologisms, literalization of an idiom or met-

aphor, understatement, change of register, malapropism, allusion or cultural reference, anticlimax, and hyperbole. The study concludes that the choice of most of these tools is driven by cognitive, pragmatic, and cultural factors. Furthermore, the use of humor as a strategy for popularizing medical knowledge makes complex topics more accessible to modern adolescents, thanks to the author's awareness of such humorous phenomena as post- and meta-irony, absurdity, sarcasm, and "roasting." Finally, the findings can serve as a basis for developing recommendations for writing popularization texts with humorous elements.

Keywords: humor in popular science texts, humor in popular science discourse, humor as a strategy for popularizing medicine, medicine popularization, medical terminology, Adam Kay

For citation: Pinchukova A.E. Humor as a strategy for popularizing medical knowledge (case study). Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 152 – 167. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-152-167

The article was submitted: July 17, 2026; Approved after reviewing: August 14, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

Актуальность исследования обусловлена потребностью в изучении того, как функционирует юмор в качестве стратегии популяризации знания в современных научно-популярных произведениях, ориентированных на широкую аудиторию и в особенности – на подростков. В настоящее время наблюдается высокий спрос на доступно изложенное научное знание, а медицинское знание признается базовым, необходимым любому человеку [3]. Однако в силу того, что многие (био)медицинские явления и термины сложны для понимания человеку без профильного образования, популяризаторы науки прибегают к использованию разнообразных средств и приемов, которые могут сделать медицинское знание доступным для обывателя [18; 28]. К числу наиболее эффективных из них принадлежит юмор.

Юмор как стратегия популяризации медицинского знания находит применение, в том числе, в научно-популярных произведениях. В настоящее время существует значительное количество популяризаторов науки, которые используют юмор как один из основных методов адаптации сложного знания под нужды аудитории (например, Dr. Mike в области медицины или Хэнк Грин в разных научных областях). Особо сложной задачей при этом становится адаптация знания для детской и подростковой аудитории. С изменением реалий интернета подросткам становится сложно удерживать внимание [24], в том числе в ситуациях, когда речь идет о темах, связанных с научными областями, и когда используются традиционные форматы изложения – например, классический книжный нарратив. Именно поэтому в руках умелого автора юмор может быть успешным решением данной проблемы.

В рамках научно-популярных произведений медицинской тематики юмор позволяет: 1) достичь лучшего понимания биомедицинских феноменов и обозначающих их терминов, снизив уровень когнитивной нагрузки и 2) снять психоэмоциональное напряжение, связанное как с усвоением объективно сложной информации, так и с познанием особенностей физического бытия собственного тела.

Отсутствие выраженного интереса к использованию юмора как популяризаторской стратегии обусловило **цель** настоящего исследования, которая заключается в выявлении способов адаптации медицинских феноменов и терминологии под экстралингвистические (когнитивные, прагматические и культурные) и лингвистические особенности англоязычных научно-популярных произведений медицинской тематики.

Постановка данной цели предполагает решение следующих **задач**:

- обосновать оправданность применения юмора как стратегии популяризации медицины в современных научно-популярных произведениях;
- выявить лингвостилистические средства, используемые для реализации стратегии юмора в научно-популярных произведениях, и то, каким образом они соотносятся с базовой структурой шутки и теориями юмора;
- установить, являются ли типы шуток универсальными или обусловленными определенными экстралингвистическими факторами.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужило произведение Адама Кея «Фууу, какое тело! Странные и удивительные секреты твоего тела» («Kay's Anatomy: A Complete (and Completely Disgusting) Guide to the Human Body»). Выбор произведения обусловлен следующими факторами: 1) в книге системно излагаются основы медицинского знания простым и понятным языком, с использованием широкого спектра специальных популяризаторских приемов (намеренная симплификация, аналогия, метафора, образное сравнение и т.д.);

2) произведение написано профессиональным медиком, который некоторое время назад оставил профессию и ушел в сферу стенд-ап комедии. Данное обстоятельство обеспечивает соответствие излагаемой информации современному состоянию научного знания, с одной стороны, и осознанность в применении юмора, с другой стороны; 3) анализируемое произведение является бестселлером, что доказывает эффективность используемых автором стратегий популяризации научно-медицинского знания.

При решении поставленных задач использовались следующие **методы**: на этапе сбора материала были проанализированы современные научные источники, в которых рассматриваются теории юмора, а также выявлены наиболее релевантные проблемы терминоведения; методом сплошной ручной выборки был составлен корпус контекстов, в которых юмор используется как стратегия адаптации медицинского знания. На этапе обработки материала были использованы лингвостилистический анализ для установления и объяснения лингвистического механизма, который использован в каждом отобранном примере из составленного корпуса, а также метод классификации для подразделения выявленных лингвостилистических средств на универсальные и использованные под влиянием конкретных экстралингвистических факторов.

Новизну исследования можно объяснить следующей совокупностью факторов:

- исследованием юмора как стратегии популяризации научного знания;
- изучением юмора как стратегии популяризации медицины на ранее не исследованном материале – англоязычной энциклопедии-атласе для подростков.

Результаты и обсуждения

Юмор является далеко не единственной стратегией популяризации знания, которая привлекает внимание ученых. Исследователи отмечают, что под стратегией популяризации следует понимать «коммуникативные задачи, выраженные языковыми характеристиками – от отдельных на лексическом уровне до комбинированных на синтаксическом уровне (уровне предложения)» [32, p. 7]. В построении стратегий популяризации задействованы два процесса – реконтекстуализация и реформулирование [32], где первая может быть определена как концептуальное «переосмысление выводов исследований в повседневном контексте», а вторая как «повышение понятности текста», что становится очевидным при анализе «языкового и текстового уровней» [32, p. 6].

При этом юмор как стратегия популяризации обладает как универсальными, так и специфическими характеристиками. Под универсальными характеристиками понимаются преимущественно лингвистические черты – использование в любой части текста и варьирование длины шутки от одного слова до нескольких предложений, в то время как к специфическим чертам можно отнести культурную обусловленность шуток и другие экстралингвистические факторы [17; 23; 30]. Возраст и принадлежность к определенному поколению является одной из таких экстралингвистических особенностей. Так, современным подросткам и молодым людям – преимущественно поколению зумеров и старшим представителям поколения альфа – свойственно использовать такие стратегии юмора, как абсурд, пост- и мета-иронию [5; 27; 33], «роастинг» (*roasting*, или «прожарка» – саркастичное подшучивание, поддразнивание, высмеивание человека, которое реализуется в форме, пограничной между оскорбительной и тактичной) [6], сарказм [11], черный юмор [21] и сленг [19]. При этом важной характеристикой данных поколений является их высокая включенность в цифровое пространство, которое диктует определенные условия создания и передачи юмора. Исследователи отмечают, что в своих шутках поколение зумеров также «поощряет разрушение четвертой стены» для достижения большей аутентичности и интимного отношения с аудиторией [33]. Не случайно одной из популярных тем среди поколения зумеров в настоящее время является ментальное здоровье – эмоционально сложная для обсуждения тема, к которой они также подходят с позиции «трансформации личных проблем в разделенный с другими опыт».

С лингвистической и литературной точек зрения, юмор как стратегия популяризации в текстах обладает следующими функциями: 1) налаживание контакта с читателем, 2) укрепление предположений читателя, 3) развлечение читателя [32, p. 57]. Примечательно, что реализация перечисленных функций ориентирована в первую очередь на читателя, в то время как фигура автора упускается из вида. Однако область медицины является уникальной в этом отношении, так как использование юмора в научно-популярных автобиографических произведениях и мемуарах, авторами которых являются сами врачи, может выполнять также психотерапевтическую функцию [14]. Иными словами, использование юмора для описания трудностей и стрессовых факторов профессии врача в личных нарративах может способствовать преодолению страхов, которые ассоциируются с человеческим здоровьем.

Фигура Адама Кея является показательным примером отмеченных выше тенденций. Автор является профессиональным врачом британского происхождения, проработавшим по специальности акушерство и

гинекология шесть лет и покинувшим профессию после сложного случая, который серьезно повлиял на него психологически. На данный момент он является известным писателем и комиком, а его стендап-выступления (вживую и в социальных сетях) популярны во всем мире. Несмотря на то, что его научно-популярные произведения характеризуются разнообразием форматов (от сборника личных историй в формате дневника до научно-популярного «атласа» человеческого тела), практически все они объединены использованием юмора как стратегии популяризации медицинского знания.

Особый интерес представляет упомянутый научно-популярный «атлас» человеческого тела «Фууу, какое тело! Странные и удивительные секреты твоего тела» («Kay's Anatomy: A Complete (and Completely Disgusting) Guide to the Human Body»), в котором приводятся объяснения строения и функционирования человеческих органов. Несмотря на то, что в этом произведении целевая аудитория не обозначена, в тексте присутствует большое количество метадискурсивных маркеров, которые свидетельствуют о том, что оно было написано в первую очередь для современных подростков. Такая адресация осуществляется, в частности, посредством противопоставления фигуры ответственного взрослого и безответственного подростка. Например, «Also, earplugs mean you don't need to listen to what any grown-ups are saying to you» или «It's sometimes used on its own, though–for example, by your parents when they're driving and someone nearly crashes into them» [22].

По этой причине можно расширить обозначенный ранее список функций юмора в научно-популярных произведениях, добавив к ним образовательно-развлекательную, перекликающуюся в том числе с областью «эдьютейнмент» (*edutainment*) [4, с. 117]. Примечательно, что несмотря не превалирование юмора как стратегии популяризации медицинского знания и его образовательно-развлекательной функции, рассматриваемый текст все еще следует относить к широкой области «специальных» (*special, specialized*) текстов и к их подкатегории «информативных» текстов, целевой аудиторией которых являются новички или неспециалисты в определенной области [13, p. 170; 25]. Иными словами, книги Адама Кея являются полноценными научно-популярными произведениями, которые могут быть использованы для образовательных целей и в которых явно прослеживается стремление сделать сложное медицинское содержание понятным и увлекательным.

Для лучшего понимания юмора Адама Кея, следует также обратиться к определению юмора и его наиболее распространенным теориям. Так, с точки зрения прагматики, юмор можно определить как «все, что является (или может являться) смешным или забавным» («*funny, amusing, or laughable*») [8]. Однако подобное определение кажется слишком общим и не учитывает один из важнейших факторов в успешной реализации юмора – того, кто его воспринимает как смешной. Поэтому исследователи также предлагают рассматривать юмор как «высказывания, которые (хотя бы некоторые) участники общения интерпретируют как забавные, в соответствии с задумкой автора, на основе паралингвистических, просодических и дискурсивных признаков» [20, p. 163].

Важная роль фигуры слушателя далее прослеживается в теориях юмора. Наиболее релевантной из них представляется теория несоответствия (*incongruity theory*), согласно которой коммуникативные ожидания в конкретной ситуации не соответствуют реальности, что предполагает «раскодирование» несоответствий с помощью финала шутки – панчлайна [15; 26]. Важно отметить, что наличие панчлайна релевантно для отдельных анекдотов, которые ими заканчиваются, в то время как в целостном нарративе исследователи прибегают к понятию «джеблайн» (*jab line*), под которым понимаются «юмористические элементы, полностью интегрированные в нарратив» [9, p. 82]. При этом ключевое отличие панчлайнов от джеблайнов заключается в том, что последние не прерывают повествование. Именно джеблайны являются базовыми элементами юмора, которые встречаются в рассмотренном произведении А. Кея.

Однако наиболее связана с лингвистикой сценарная семантическая теория юмора (*script-based semantic theory of humour*) В. Раскина [7; 29]. Хотя в данной теории признается, что несоответствие ожидаемого и использованного лексического значения слова в шутке играет важную роль, отправной точкой, тем не менее, служит концептуальный «сценарий», то есть имеющиеся у человека знания о значении и сформированные представления об употреблении конкретного слова. Таким образом, при использовании слова в шутке сначала активируется один сценарий, который подчеркивает несоответствие между употребленным словом и ситуацией, что далее приводит к активации второго, противоположного сценария, когда человек сталкивается с джеблайном (или панчлайном).

Очевидным недостатком данной теории является ее ограниченность рассмотрением лингвистических факторов, с помощью которых достигается комический эффект. По этой причине более релевантной является расширенная, общая теория вербального юмора (*general theory of verbal humour*) [10; 31]. В данной теории авторы выделяют шесть источников знания (*Knowledge Resources*), которые важны для верной ин-

терпретации шутки: 1) язык (*Language*), 2) нарративная стратегия (*Narrative Strategy*), 3) цель (*Target*), 4) ситуация (*Situation*), 5) логический механизм (*Logical Mechanism*) и 6) противопоставление сценариев (*Script Opposition*) [31, p. 124-126]. Язык подразумевает непосредственно реализацию шутки на вербальном уровне; нарративная стратегия – всевозможные формы организации шутки (например, в форме диалога); цель – тот, на кого направлена шутка; ситуация – помещение шутки в контекст реальности (например, с помощью использования подручных объектов); логический механизм – концептуальную связь между двумя сценариями; противопоставление сценариев – обязательное наличие двух противоположных смыслов, является самым важным компонентом, объединяющим все предыдущие. При этом отмечается, что каждая шутка может иметь свою иерархию перечисленных элементов и быть перефразирована так, чтобы один элемент был важнее другого, и наоборот.

Главным преимуществом общей теории вербального юмора является ее применимость к любому языковому материалу. Иными словами, один из упомянутых источников знания – нарративная стратегия – включает в себя как базовые шутки в устной речи, так и шутки, которые могут встречаться в разных литературных жанрах и любых письменных текстах. Данное положение важно для настоящего исследования, так как в нем рассматриваются научно-популярные произведения, в которых информация может быть структурирована по-разному, что также диктует возможные формы организации шуток, а также превалирование определенных языковых средств.

Важно также упомянуть, что в рассматриваемом произведении можно проследить черты, характерные для англоязычной культуры в целом и британской в частности. Так, в англоязычной культуре доминирует уважительное отношение к науке, поэтому Адам Кей не избегает использования медицинской терминологии (как специальной, так и общеупотребительной), но преподносит ее с помощью юмора, делая объяснения доступными для понимания подростками. Более того, британский юмор может позиционироваться как эталонный и выделяться превалированием таких лингвостилистических средств, как ирония, каламбур и «преуменьшение, сдержанное высказывание» (*understatement*) [16].

В изложенных выше положениях можно проследить принципы современного терминоведения. Согласно одной из ведущих теорий – коммуникативной теории терминоведения – базовой единицей для исследования особенностей функционирования терминов в языке является текст, организация которого обусловлена тремя аспектами: 1) когнитивным (представления об уровне знаний целевой аудитории, обусловливающее степень наполненности текста сложными концепциями), 2) прагматическим (представления о целевой аудитории в целом – возраст, пол, национальность и другие характеристики) и 3) лингвистическим (стилистические средства реализации стратегии юмора в речи) [13; 25].

В современном терминоведении также поощряется культурно-ориентированный подход, согласно которому выбор терминов и способов их представления в речи могут зависеть от культуры. Как отмечают исследователи, дефиниции терминов также могут быть культурно окрашенными (например, в области экологии и изучения окружающей среды), однако область медицины является уникальной, так как исторически содержит большое количество терминов на латыни, которые впоследствии дополнялись терминологическими эквивалентами на разных языках [25]. Так, можно сделать вывод о том, что в случае проанализированного произведения Адама Кея именно юмор и соответствующие ему стилистические средства являются культурно-, когнитивно-, прагматико- и лингвистически-обусловленной стратегией ориентации на аудиторию.

В ходе анализа произведения было выделено 330 контекстов, 175 из которых вошли в окончательный корпус. Под контекстом при этом понимается «законченный в смысловом отношении отрезок письменной речи, позволяющий установить значение входящего в него слова или фразы» и «условия, особенности употребления данного элемента в речи» [1, с. 206]. Среди них метафоры, сравнения и аналогии (32), каламбуры (30), внутритекстовые отсылки (26), ложные определения (15), олицетворение (15), неологизмы (13), буквализация идиомы или метафоры (10), преуменьшение (8), смена регистра (7), малапропизм (7), аллюзия или культурная отсылка (6), антиклимакс (3), гипербола (3).

Метафоры, сравнения и аналогии являются наиболее широко представленной группой языковых средств (32 примера). Следует отметить, что данные лингвокогнитивные средства в рамках настоящего исследования определяются в соответствии с теорией жизни метафоры, которая постулирует, что сравнение и аналогия являются менее конвенциональными воплощениями метафоры (первыми этапами ее становления) и, соответственно, могут быть выражены в речи более эксплицитно с помощью определенных маркеров (like, as if / as though, as…as и др.) [12].

Большую часть примеров можно отнести к пищевой или кухонной метафоре:

- [...] your skin is made up of various layers, like a horrible dry lasagne [...]

- [...] millions of holes all over your skin. You're basically a massive sieve.
- [...] it's your life juice–you can't live without it. I should point out that it's not *actual* juice–you really, really shouldn't be drinking it.
- The main part of the brain–the part that looks like a folded-up chain of sausages gone wrong–is the cerebrum.
- To "incise" means to cut, and that's exactly what they're there for–your own personal set of cutlery.
- Your stomach is your body's very own smoothie maker.
- Protozoa is the name given to a whole load of different germs, like a (highly infectious) pick 'n' mix.
- PLACENTA An organ that develops in the uterus during pregnancy and delivers food to the growing baby. Like a constant take-out service (where the only food is blood).

Следует заметить, что перечисленные метафоры, сравнения и аналогии могут демонстрировать достаточно уничижительное отношение к описываемому явлению: например, с помощью дескрипторов «ужасный» (*horrible*), «неправильный» (*gone wrong*), «заразный» (*infectious*). Отрицательное значение может также быть оформлено с помощью графических средств – парентезы, итализации и тире: «not *actual* juice», «like a (highly infectious) pick 'n' mix»; «a constant take-out service (where the only food is blood)». С одной стороны, подобный подход к передаче юмора через метафоры способствует усилению образности. С другой стороны, превалирование метафор с уничижительным значением позволяет автору апеллировать к понятному подросткам абсурдному и даже черному юмору, эффективно акцентируя джеблайны с помощью графических средств.

Другими тематическими группами метафор, которые можно выделить на основе отобранного корпуса, являются:

1. технологическая

- [...] your body is just a strange lump of meat, held up by a big pile of bones, wrapped in a bag of skin, and all controlled by a crazy supercomputer in your head.
- If you put pressure on a nerve, it blocks the pathway between your brain and your foot or arm–you've essentially broken the Wi-Fi).

2. игровая

- They're always changing shape, like they're made out of Play-Doh.
- [...] vertebrae–thirty-three of them, in fact–all slotted together like a Lego snake.

3. автомобильная

- Bruises change color over the week or two when they're loitering under your skin, a bit like a disgusting set of traffic lights.
- [...] the adult teeth sit just underneath the milk teeth, like a double-decker bus.

Заметим, что в некоторых из приведенных примеров автор снова прибегает к акцентированию уничижительного значения, о чем свидетельствуют лексемы «crazy» и «disgusting».

Примечательны также те примеры, в которых автор приводит дополнительные метадискурсивные комментарии относительно того, насколько удачна та или иная метафора:

- PINNA – Your ears are like icebergs. What? No, they're not freezing cold. No, they're not covered in penguins. Okay, fine–they're not *exactly* like icebergs. I just meant that a lot of them is hidden away, out of sight.

В данном случае юмористический эффект достигается за счет эксплицитно выраженных предположений, которые могли возникнуть у читателя при восприятии метафорического объяснения. Автор затем признает возможную несостоятельность метафоры, подкрепляя это итализацией лексемы «*exactly*» и объясняя заложенное в ней значение. Данный пример является наглядной иллюстрацией того, каким образом, согласно теории жизни метафоры, новая, неконвенциональная метафора может быть неверно интерпретирована без дополнительного контекста.

В произведении Адама Кея также можно выделить отдельную категорию юмора с точки зрения превалирующих тематик – скатологическую. Под скатологической лексикой понимается использование любых наименований «нечистот», в первую очередь – «продуктов жизнедеятельности организма» [2, с. 237]. При этом исследователи отмечают, что скатологический элемент юмора также имеет культурную обусловленность, и в английском наиболее употребимой скатологической лексикой являются лексемы «shit», «crap» и другие. В рассмотренном произведении автор чаще всего прибегает к использованию юмора про кал, используя лексему «poop» в метафорах, неожиданной смене регистра и буквализации идиомы:

- [...] your alveoli also take carbon dioxide out of your bloodstream [...] it's basically the poop of your lungs.
- [...] manky old lung-poop (or carbon dioxide).

- Any guesses what "cervical" means? It begins with n… That's right: nincompoop. No, sorry–I got that wrong. I meant neck.
- [...] no one is actually full of poop, whatever the grown-ups in your life might shout at politicians on the TV.

Таким образом, превалирующая в рассмотренных метафорах тематика (пищевая) и способы ее передачи (намеренно выделенное с помощью итализации, парентезы и тире уничижительное значение) согласуются с намеченными ранее чертами, характерными для юмора подростков в настоящее время. Использованные метафоры также являются неконвенциональными, о чем свидетельствует наличие сравнений и аналогий, обозначенных эксплицитными дискурсивными маркерами и метадискурсивными комментариями.

Каламбуры являются второй по репрезентативности группой (30 примеров), которую, тем не менее, могут дополнить контексты из других выделенных категорий. Большое количество примеров использования каламбуров основано на омонимии – сходстве звучания и написания, но расхождении в значении. Юмористический эффект достигается за счет помещения комментария автора в постпозицию или использования парентезы. Например:

- Breathing [...] is all about getting oxygen into your tissues. Not the kind of tissues that you sneeze into.
- The breathing-in part is called **inspiration**. (I don't mean like when you're inspired by a singer or a sports star [...].
- If you put any living thing under a microscope and zoom right in, you'll see cells. (If you zoom in on a prison you'll see cells too, but they're not quite the same.)
- [...] this is because of our genes, which get passed down through families. Not jeans (though I guess they can get passed down through families too…) but *genes*.
- That's why it's important to tell someone if a mole has done one of the following things: changed shape, changed color, gotten bigger, started bleeding, started itching, or dug up your garden. (Sorry, wrong type of mole.).

Отметим, что случай употребления лексем «genes» и «jeans» автор прибегает к частному виду омонимии – омофонии, выстраивая шутку на созвучии двух слов. Более того, автор обыгрывает главную характеристику генов – «get passed down through families» – с помощью дополнительного насмешливого комментария о том, что джинсы могут также передаваться из поколения в поколение. В последнем случае можно также выделить использование антиклимакса – помимо нарушения логической последовательности симптомов, автор прибегает к неожиданному обыгрыванию другого значения слова «mole». При этом во всех примерах прослеживается использование хеджированных фраз, эксплицитно сигнализирующих начало джеблайна: «not the kind», «I don't mean», «not quite the same», «though I guess», «sorry».

В некоторых случаях каламбур также сопровождается метадискурсивным комментарием автора, в котором он упрекает себя за любовь к этой фигуре речи:

- Underneath the enamel is the DENTIN. The enamel protects it, so it doesn't get a dent in. (No, come back! I promise I'll write better jokes soon!)
- Top of the list is smelling. You might wonder how you smell, and the answer is very simple. You smell terrible. (Sorry, I couldn't resist.)
- If you want to know a bit more about the yellow stuff, then *urine* luck. (Sorry.)

Примечательно, что последний пример является более сложным случаем омофонии, в котором обыгрывается фонетическая форма слова «urine», которое в контексте становится созвучным с «you're in», что добавляет шутке дополнительный идиоматический контекст («you're in luck» – «тебе повезло»).

Автор также часто прибегает к игре с этимологией или фонетической формой слова и предпринимает попытки ее объяснить:

- [...] it gives you a tingling sensation, which is known as "hitting your funny bone." [...] The bone in your upper arm is called the humerus. Hmmm, say that out loud. "Humerus." Sounds a bit like "humorous"–maybe that's where the term "funny bone" comes from?
- **Celiac disease** mustn't be confused with silky yak disease, which is a personality disorder affecting yaks.
- You can expected questions like: What's the largest muscle in the body? No, gluteus maximus isn't a Roman emperor, it's what doctors call your butt.

Более того, каламбур также может быть основан на декомпозиции слова на морфемы и интерпретацией каждой морфемы отдельно, что создает абсурдный юмористический эффект:

- Tendons can, of course, also mean ten people named Don.
- JOINT Where a bone joins to another bone it's called a joint. If your joints are sore, maybe you need some jointment.

В отдельном случае автор обыгрывает название структурной части всего произведения – приложение (*appendix*) – с помощью противопоставления двух значений слова – «приложение» и «аппендикс»: APPENDIX / Still does nothing. При этом комический эффект усиливается за счет того, что читатель ожидает увидеть больше информации в приложении к целому произведению, чего не происходит, так как автор оставляет этот раздел пустым ограничиваясь лишь шуткой.

Так, в использованных автором каламбурах также прослеживаются черты абсурдного, ироничного и саркастичного юмора, свойственного современным подросткам. В некоторых случаях автор обыгрывает чрезмерную осознанность в употреблении каламбуров с помощью эксплицитных комментариев.

В рассмотренном произведении можно встретить средства организации текстового уровня – например, внутритекстовые ссылки. Они могут быть поделены на три типа: 1) обращение к аудитории, 2) повторяющиеся шутки и 3) маркирование специальной терминологии.

Обращение к аудитории преимущественно оформляется согласно сценарию «взрослый – ребенок» с соответствующим ему снисходительным тоном. Как отмечалось ранее, для юмора поколения зумеров характерно разрушение «четвертой стены» – обращение к аудитории напрямую. Так, в произведении Адама Кея данный прием реализуется с помощью парентезы, когда часть высказывания помещается в постпозицию и может сопровождаться разделительным вопросом:

- Air rushes in through your mouth (that big thing you can't keep shut) or your nose (that big thing you keep sticking your fingers into).
- Also, earplugs mean you don't need to listen to what any grown-ups are saying to you.
- CT scans (short for computed tomography, if you care) and MRIs (magnetic resonance imaging–you don't care, do you?)

Можно также отметить, что автор добавляет долю «роастинга» («прожарки») и «троллинга» в обращение к аудитории, тем самым подшучивая над подростками, которым может быть не так интересно читать о медицинских явлениях.

В рассматриваемом произведении особую роль играют повторяющиеся шутки, в частности придуманная Адамом Кея история о комитете, который отвечает за названия частей тела и медицинских явлений (*the naming committee*), и его главу – Клайва (*Clive*):

- (Not sure why the naming committee gave them all two names each. Maybe Clive was bored.)
- Honestly, no imagination whatsoever–I think I'm going to write a letter of complaint to Clive.
- [...] which makes me think Clive is very biased against children. Right, that's two letters of complaint now.
- Clive and his naming committee clearly weren't feeling particularly imaginative when they were naming those parts.
- I reckon the naming committee got to 5 p.m. on a Friday and Clive just said, "You know what? It's been a long week–spleen and lymph will do."

Примечательно, что в данных примерах автор также формирует противопоставление между собой и читателями и комитетом с его главой Клайвом. При этом снова превалирует негативная окраска созданного образа, что прослеживается на примере лексем «bored», «letter of complaint» и «biased».

Маркирование специальной терминологии в большинстве случаев подразумевает использование лексем со значением «сложный» или «официальный», «профессиональный», «врачебный», «вычурный» и условного наклонения:

- [eczema] [...] and it's really difficult to spell»; «Breathing–or respiration, if we're going to be fancy about it [...]
- [...] manky old lung-poop (or carbon dioxide, if you're writing about it in an exam).
- Or paresthesia, if you want to use its doctory name.
- [...] a fracture is the same as a broken bone–some people think that a fracture is a kind of minor break. But it's just the doctory word for exactly the same thing»; «Pee (or urine, to use its formal name).
- [...] they produce milk (or they lactate, if you're collecting fancy words).
- Periods (or menstruation, if you prefer words with more syllables).

В некоторых контекстах маркирование терминологии объединено с олицетворением, что обусловливает использование ассоциируемых с этим слов «друзья»: «PECTORALIS MAJOR – Your pectoralis majors (or pecs, to their friends)» и «there's another gas called carbon dioxide (or CO2 to its friends)». Иными словами, друзья нередко используют определенные прозвища для обращения друг к другу, и чаще всего они являются сокращениями от полного имени или отдельным «никнеймом». В данном случае, эта особенность обыгрывается в сокращении «pecs» и наименовании химического соединения «CO2». Также следует обратить внимание на то, что в большинстве случаев маркирование специальной терминологии сопровождается упо-

треблением парентезы, что дополнительно усиливает эффект «инаковости» медицинской терминологии, в противопоставление ее разговорным вариантам.

Отдельное внимание стоит уделить ложным определениям, которые представлены в произведении в большом количестве. Ложные определения в большинстве случаев основаны на полисемии, которая обыгрывается в рамках каламбура. В первую очередь можно выделить классические примеры ложного определения, построенные по схеме «ложное определение + верное определение»:

- AN ORGAN is a large musical instrument [...] (An organ can also mean a part of your body that does a specific thing.)
- Your skin is also known as the cutaneous system. Because it's really cute. Actually, it's probably Latin or something–usually is.
- [...] type of blood vessel, called a capillary [...] A capillary is a tiny insect that eats leaves and then one day turns into a beautiful butterfly. Sorry, ignore me–that's a caterpillar. I read the wrong entry in the dictionary.
- [...] CEREBELLUM – This is a wrinkly walnut at the bottom of your brain [...] (I mean it looks like a walnut–it's not actually a walnut.)

Примечательно, что во многих из представленных случаев автор в свойственной ему манере также добавляет метадискурсивное исправление ложного определения, ставя его в постпозицию или используя парентезу и характерный хеджинг «can also mean», «actually», «sorry», «I mean» и «it's not actually».

Некоторые случаи ложного определения основаны на интерпретации медицинского термина поморфемно:

- HIPPOCAMPUS – Nothing to do with hippos, I'm afraid. Or camping, for that matter. [...] The hippocampus helps you with your memories. So if you remember seeing a hippo or going camping, then that's thanks to your hippocampus.
- LENS – This is the name for a group of people called Len. It's also the name for a little magnifying glass that sits behind the iris.
- CANINES – Yes, canine, like a dog. They're the next teeth along from your incisors [...]
- HAMSTRINGS – Nope, not something you might find on a guitar made of bacon.

Интересно, что в первом примере обыгрывается и верное значение термина «hippocampus» («if you remember [...] that's thanks to your hippocampus»), что предположительно может усиливать эффект понимания. Так, хотя многие ложные определения основаны на механизме каламбура, они, тем не менее, являются показательными примерами того, каким образом юмористический эффект в рамках объяснения научных явлений может быть усилен с помощью добавления традиционной структуры энциклопедического определения.

В дополнение к метафорам автор часто прибегает к использованию олицетворения для создания большей образности и наглядности объясняемых явлений. В большинстве случаев наблюдается стандартное олицетворение – придание органам тела агентивности или описание органов через представление о жизни человека:

- [...] the melanin in your hair can choose to retire any time.
- Doing puzzles is like sending your neurons to the gym [...]
- [...] squishy bit in the middle called the bone marrow, and this is where baby blood cells come from.
- [red blood cells] [...] they travel about 300 miles around your body [...] No wonder they're so exhausted.
- When a wall isn't looking where it's going and thoughtlessly bumps into you [...]

Однако также можно встретить отдельные случаи использования конкретного, более красочного образа: зооморфного – «Your eyelashes also have a side gig as a disgusting zoo»; музыкального – «Your inner ear has a surprising second job: it's a backup dancer in the Broadway production of the musical *Cats*»; «You might already know your tonsils from their starring role in that old classic, tonsillitis»; образовательного – «And no other bit of your body can step in and cover its work–there's no such thing as a substitute teacher for the heart». Олицетворение, таким образом, является более универсальным стилистическим средством реализации стратегии юмора, так как оно помогает сделать работу определенного органа максимально наглядным для читателя-подростка.

Категория неологизмов включает в себя как более стандартные способы образования неологизмов с помощью аффиксации, так и лексическую редукцию или замену лексемы. К более стандартным неологизмам можно отнести случаи суффиксации и конверсии:

- When you play computer games a lot [...] This can cause swelling around the tendons that move your fingers and thumb, known as tendonitis. It should really be known as Nintendonitis.
- When mucus has caught some gunk, it slides upward, mucus-ing its way toward your mouth [...]

- Pope Francis had a lung removed as a teenager and it hasn't stopped him from doing any of his… popeing?

Примечательно, что в первом случае обыгрывается именно распространенный для медицинской терминологии суффикс *-itis* в контексте популярной среди подростков компании Nintendo, производящей видеоигры, злоупотребление которыми как раз может привести к тендиниту в запястье. Лексическая редукция или замена лексемы представляет собой интересный случай обыгрывания известных коллокаций и иных устойчивых сочетаний:

- You may know this feeling as "goose bumps." Or, if you're a goose, you may know it as "bumps".
- [bronchial tubes] These tubes are all known as your airways (and, if you're British, they're known as your British airways).
- [...] this is called a tonsillectomy. (*Ectomy* at the end of a word means removing that part of the body. Like an appendectomy or a buttectomy).
- (It's lucky he wasn't called Alexander Graham Poo; otherwise sound would be measured in decipoos.)

Отметим, что в последнем примере автор вновь прибегает к скатологическому юмору («Alexander Graham Poo» / «decipoos»). В данных примерах случаи редукции или замены лексемы помогают создать юмористический эффект, в том числе, благодаря добавлению жизненного контекста (животный мир, культурные реалии и фигура известного ученого) и неожиданному джеблайну, который помогает «перевернуть» ожидания читателя и заставить его увидеть привычные факты и выражения с новой стороны.

В отдельную категорию можно выделить случаи буквализации идиомы, фразового глагола или метафоры. Как и в предыдущих категориях, автор предпочитает обыгрывать данный прием с помощью помещения джеблайна в постпозицию или использования парентезы:

- How thick your skin is depends on where it is on your body. (I mean the depth of your skin, by the way, not how easily offended your are.)
- I'm going to take you through the body, organ by organ. When I say 'take you through' it, don't panic, I'm not going to dress you up in rain boots and a waterproof jacket [...] and make you wade through miles of intestines.
- [...] the lungs can't move without your muscles lending a…well, not a hand. Your muscles don't have hands. Without your muscles lending a muscle.

В некоторых случаях автор также добавляет метадискурсивный комментарий и лексему со значением «очевидно» или «буквально»:

- Extra ribs can be a real pain in the neck. (Literally–they cause neck pain.)
- [...] that's why you get that fluttery feeling when you're nervous, known as butterflies in the stomach. Obviously there aren't any butterflies in there. (They're actually bats.) (Not really.)
- For anything you need to feel, your skin's got you covered. (Literally.)

Данный стилистический прием является достаточно эффективным для объяснения функционирования той или иной части тела, так как он основан на культурных и лингвистических фоновых знаниях читателя, а буквализация знакомых выражений помогает обратить внимание на то, что многие идиомы в языке опираются на повседневный человеческий опыт, что часто способствует лучшему пониманию в том числе их переносного значения.

Преуменьшение (*understatement*) является одним из характерных для британской культуры механизмом – как когнитивным, так и языковым. В проанализированных примерах преуменьшение занимает постпозицию по отношению к основному предложению, выражающему главную идею, что акцентирует место джеблайна в структуре шутки. Так, преуменьшение чаще всего выражается с помощью хеджинга в комбинации с нисходящей градацией для усиления эффекта:

- I strongly recommend that you not perform any heart transplants unless you've been to medical school. Or, at the very least, watched a few YouTube videos about how to do them.
- Lots of extremely successful people have ADHD, including Justin Timberlake (famous singer), Simone Biles (Olympic gold medalist), and Walt Disney (I think he made cartoons or something).
- Examples of proteins include meat, fish, eggs, dairy, and wrapping paper (one of these is a slight lie).

Преуменьшение также может быть выражено идиомой или сленговым выражением («The human body is a scientific marvel–an incredible machine that's been perfected over the last seven million years, give or take a few days», «CEREBRUM The main part of your brain. Does a few minor things like thinking, moving your body around, and keeping you alive. No biggie»), наречием (The easiest place to take your pulse is on your wrist. All you need is a watch (or a clock, or a timer on a phone) and a wrist. And a pulse, ideally) или неуместной в контексте лексемой («BRONCHI The main bronchial tubes that go from your windpipe into your lungs. Good to have if you're a fan of breathing»). Так, несмотря на изначальное предположение о том, что явление пре-

уменьшения будет использовано автором в большом количестве, этого нельзя проследить на основе отобранных примеров. Однако их наличие само по себе все же свидетельствует в пользу частичной ориентации автора на культурный опыт читателей.

Отдельного внимания заслуживает неожиданная смена регистра, которая реализуется с помощью метадискурсивных комментариев и графических средств. Смена регистра наблюдается в следующих примерах:

- [...] a complete (and completely disgusting) guide to the human body
- Scientists have a name for biting your nails: onychophagia. You also have a word for it: lunch.
- Some of this mucus will find its way down to the bottom of your nostrils and dry up in the air–this is known as boogers or delicious midmorning snacks.

В первом случае автор реализует смену регистра с помощью транспозиции, изменяя прилагательное «complete» на причастие «completely» и добавляя к нему прилагательное с уничижительным значением «disgusting». В результате получается метадискурсивный комментарий, который стал частью заглавия произведения, что может свидетельствовать о желании автора обозначить тон изложения с самого начала книги. Во втором и третьем примерах также можно увидеть использование контекстной антитезы – в данном случае противопоставляются специальный термин (*onychophagia*) или жаргонизм (*boogers*) и более близкий подросткам образ (*lunch, midmorning snacks*). Примечательно, что в этой ситуации Адам Кей также прибегает к своего рода пищевой метафоре.

Интересны случаи использования графических средств организации юмора. Так, в примере «There are a lot of long words in medicine–is that the first six-syllable word you've seen? Car-di-o-vas-cu-lar. (I can't imagine you've seen another one: that would be in-com-pre-hen-si-ble.)» автор прибегает к добавлению дефисов для деления специального термина на слоги, тем самым изначально помогая читателю-подростку легче воспринимать его. Однако далее он добавляет метадискурсивный комментарий, используя идентичный прием, с целью высмеять недостаток знания читателя. Более того, в этой же главе автор возвращается к данному примеру, используя итализацию и парентезу с метадискурсивным комментарием: «it can also be helped by using something called CPR, or cardiopulmonary (*seven* syllables–a new record!) resuscitation». Так, смена регистра в данном случае соотносится с тенденций к «роастингу», которая характерна для современных подростков.

Малапропизм является интересным случаем, пограничным с каламбуром. В некоторых рассмотренных контекстах малапропизм служит основой для создания неологизма, который эксплицитно обозначается как «инородная» лексема с помощью добавления дефиса:

- [...] unless you're a fly. And you probably don't want a fly living in your heart. That would cause a very serious condition called…umm…fly-in-your-heart-itis.
- Platelets are a sort-of-kind-of yellow color, but for some reason they're not called sort-of-kind-of yellow blood cells.
- PERIOSTEUM The outer layer of a bone. If it's got spicy sauce on it, then it's called peri-peri-osteum.

В то время как первые два случая обыгрывают стандартный способ образования медицинских терминов с помощью суффиксации (*-itis*) и их более разговорный вариант, в котором употребляется хеджинг «sort of» и «kind of», в третьем примере автор также апеллирует к фоновым знаниям читателя, так как лексема «peri-peri» в данном случае является отсылкой к острому соусу Peri-Peri. Автор также прибегает к созданию контекстной отсылки к уже употребленной шутке, эксплицитно признавая использование малапропизма:

- At the end of your bronchioles are alveoli [...] They're not to be confused with ravioli, which are little square parcels of pasta that taste a lot better that alveoli.
- Your lungs are in fact the only organ in your body that can float, thanks to all their air-filled ravioli. Sorry, alveoli.

Малапропизм в рассмотренном произведении служит своего рода средством для лучшего запоминания медицинских терминов, так как он позволяет автору создать яркие образы, которые могут закрепиться в сознании читателя.

Использование аллюзий и отсылок к культурному коду является интересным лингвостилистическим средством в контексте популяризации медицины. Так, в произведении Адама Кея встречаются «чистые» аллюзии, которые, тем не менее, доступны англоязычному читателю подросткового возраста:

- Your nose also gets much bigger if you lie, but only if you're a puppet who's been carved out of wood by an Italian carpenter.
- And there are even mutations that make it less likely you'll catch certain infections. Unfortunately, I'm unable to confirm that if you get bitten by a radioactive spider, you'll suddenly be able to climb walls, sling webs, and kiss people while hanging upside down.

Так, в первом случае автор отсылает к истории о Пиноккио, а во втором – к фильмам о человеке-пауке. Однако можно поспорить с доступностью второй аллюзии, так как подразумевается фильм 2002 года, который скорее будет знаком более старшим представителям поколения зумеров, а поколение альфа вряд ли сможет декодировать данную отсылку.

Автор также внедряет шуточные объяснения, основанные на фольклоре (пословицах, идиомах и образах из сказок), изменяя или комментируя их:

- The most common form of color blindness means that people can't tell the difference between red and green, which might explain why they dressed up as Little Green Riding Hood on Halloween.
- Sticks and stones may break my bones…and this is what happens if they do.
- [...] this is known as antibiotic resistance. It's like the story of the boy who cried wolf (except "the boy who cried antibiotic" sounds a lot more boring).

В первом примере автор замещает одну составную часть названия знаменитой истории о Красной Шапочке (*Little Red Riding Hood*), эффективно обыгрывая явление дальтонизма. Во втором примере автор обрывает продолжение известной детской песенки, интерпретируя часть «break my bones» буквально, в отличие от метафорического оригинала, и усиливая данную интерпретацию с помощью последующего комментария, который помогает сделать плавный переход к теме следующей части произведения. Наконец, в последнем случае автор прибегает к эксплицитному сравнению, которое, тем не менее, требует знания истории, увеличивая эффект с помощью замены «wolf» на «antibiotic», тем самым создавая абсурдный контекст. Можно отметить, что аллюзии и культурные отсылки могут являться не самым эффективным стилистическим средством в контексте популяризации медицины для подростков, что может быть обусловлено отсутствием популярности использованных образов среди современных подростков.

Примечательным синтаксическим средством для создания юмористического эффекта является антиклимакс. Прокомментируем некоторые из наиболее очевидных случаев использования антиклимакса:

- You never get to see what's inside your body, do you? Not unless you've cut yourself and a bit of red stuff has oozed out, or maybe if you've been for an X-ray.
- There are three things you need to know about the diaphragm: it's shaped like a dome, it sits under your lungs, and that G in its name is totally unnecessary.
- Your skeleton doesn't just support the shape of your body; it also means you can do things like walk around, do jumping jacks, play basketball, and hit people (please don't hit people).

Как можно заметить, все случаи использования антиклимакса основаны на внезапном переходе от нарастающего тона повествования к обыденному или абсолютно неожиданному в контексте выражению. При этом в первом примере автор использует сугубо медицинский образ, во втором – комментирует фонетическую форму термина «diaphragm», а в третьем – использует гиперболизированный контекст, далее смягчая его эффект с помощью метадискурсивного комментария «please don't hit people». Хотя антиклимакс как стилистическое средство может иметь ограниченную эффективность в контексте произведения Адама Кея, он, тем не менее, может быть дополнен другими стилистическими средствами, как это было показано в отдельных случаях ранее.

Наконец, следует также обратить внимание на использование гиперболы в произведении. Хотя в эту категорию вошло всего три случая ее употребления, следует заметить, что, так как в рассматриваемых случаях гипербола тесно переплетается с метафорой, некоторые примеры из ранее рассмотренной категории также могли бы быть отнесены к случаям использования гиперболы. Тем не менее, основную функцию, которую выполняет гипербола в произведении Адама Кея, является образная:

- I'm talking colds and bruises, and the dreaded face art that is an attack of pimples.
- WHERE WOULD YOU BE without your bones? I can tell you exactly where you'd be: on the floor, a huge sloppy bag of skin and innards sitting in a big, shapeless heap.
- Not only is this nonsense, but the heart doesn't have anything to do with love, since it's just a big, gory lump of muscle.

Примечательно, что во всех случаях употребления гиперболы можно наблюдать построение уничижительного значения с помощью добавления лексем со значением «большой/огромный» (*big, huge*), в том числе более контекстного случая лексемы «attack». Во втором примере автор готовит читателя к последующей гиперболе с помощью нарушения конвенций использования риторического вопроса, буквально отвечая на него, употребляя гиперболу в контексте ложного определения, которому предшествует метадискурсивная фраза «I can tell you exactly where you'd be». Так, несмотря на невысокую репрезентацию в отобранном корпусе, использование гиперболы, тем не менее, направлено на апелляцию к абсурдному юмору поколений зумеров и альфа, который в высшей степени эксплуатирует создание уничижительных значений.

Выводы

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Юмор как стратегия популяризации медицины является оправданным и эффективным инструментом в научно-популярных произведениях в силу нескольких причин. Во-первых, современные подростки живут в эпоху снижения уровня концентрации внимания, что ограничивает форматы организации и глубину научных знаний, которые они готовы воспринимать. Во-вторых, юмор поколения зумеров и поколения альфа обладает определенными характерными чертами – абсурдность, ирония, «роастинг», сарказм, – что диктует правила выбора и организации шутки.

На основе составленного корпуса были выделены контексты с использованием следующих стилистических средств: метафоры, сравнения и аналогии, каламбуры, внутритекстовые отсылки, ложные определения, олицетворение, неологизмы, буквализация идиомы или метафоры, преуменьшение, смена регистра, малапропизм, аллюзия или культурная отсылка, антиклимакс, гипербола. Выявленные лингвостилистические средства, используемые Адамом Кеем, соотносятся с базовой структурой шутки, включенной в повествование, и положениями теорий юмора (теорией несоответствия и общей теорией вербального юмора). Автор эффективно оперирует всеми источниками знания теории вербального юмора: язык, нарративная стратегия, цель, ситуация, логический механизм и противопоставление сценариев. Это прослеживается в организации подготовки к шутке с помощью упомянутых лингвостилистических средств и помещении джеблайна в постпозицию. Все это свидетельствует в пользу профессионального владения теориями и инструментарием юмора как стратегии популяризации знания.

Употребление подавляющего большинства шуток обусловлено экстралингвистическими (когнитивными, прагматическими и культурными) факторами. Так, высокая репрезентация каламбуров и наличие примеров использования средства преуменьшения (*understatement*) подтверждает присутствие ориентированности в том числе на родную культуру автора – британскую. Более того, автор уделяет внимание и особенностям юмора поколения зумеров и поколения альфа. Так, во многих шутках прослеживается внедрение таких тенденций в юморе упомянутых поколений, как пост- и метаирония, абсурд, сарказм и «роастинг». Это становится понятно на основе тех примеров, в которых автор выстраивает уничижительное значение. Более того, помимо уничижительного значения, автор также прибегает к излюбленному среди зумеров и поколения альфа приему пост- и метаиронии с помощью метадискурсивных комментариев, которые, с одной стороны, могут «отменять» эффект шутки, а с другой – оставлять ощущение растерянности у читателя, так как нельзя точно установить, извиняется ли автор за уничижительную шутку или все-таки нет.

Среди перспектив дальнейшего исследования можно выделить, в первую очередь, расширение эмпирической базы, основанной на произведениях Адама Кея, что поможет сделать более точные выводы относительно идиостиля автора в контексте использования юмора как стратегии популяризации медицины. Для сопоставительного анализа эмпирическая база также может быть дополнена произведениями других авторов-популяризаторов науки, популярных среди подростков (например, Джона Грина).

Список источников

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2004. 576 с.

2. Жельвис В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 2001. 355 с.

3. Нагорная А.В. «Здравицина» и «здравологизмы»: Хелсистский дискурс как территория языковых экспериментов // Дискурс и язык в эпоху “больших данных”: Вариативность, креативность, эксперимент. М.: Ин-т языкознания РАН, 2023. С. 289 – 300.

4. Нагорная А.В. Онкодискурс: формации, формы, форматы. М.: ЛЕНАНД, 2023. 240 с.

5. Рогожникова Т.П., Бородихина А.С. Специфика комического в дискурсе поколений Z и альфа // Коммуникативные исследования. 2026. Т. 13. № 2. С. 310 – 324.

6. Ashwood D. Roast Culture. Oslo: Publifye AS, 2025. 77 p.

7. Attardo S. Linguistic Theories of Humor. Berlin: Walter de Gruyter, 2024. 404 p.

8. Attardo S. The Linguistics of Humor: An introduction. Oxford: Oxford University Press, 2020. 465 p.

9. Attardo S. Humorous Texts: A Semantic and Pragmatic Analysis. Berlin: Walter de Gruyter, 2001. 238 p.

10. Attardo S., Raskin V. Script theory revis(it)ed: Joke similarity and joke representation model // Humor: International Journal of Humor Research. 1991. Vol. 4. No. 3-4. P. 293 – 347. DOI: https://doi.org/10.1515/humr.1991.4.3-4.293.

11. Bibi N., Bilal Dr. Sarcasm as a Digital Indirectness Strategy: A Pragmatic Analysis of Gen Z's Face Work on Instagram Posts/Stories // Indus Journal of Social Sciences. 2026. No. 4. P. 37–50. DOI: 10.59075/ijss.v4i2.2154.

12. Bowdle B.F., Gentner D. The Career of Metaphor // Psychological Review. 2005. Vol. 112. No. 1. P. 193 – 216.

13. Cabré M.T. Terminology: Theory, methods and applications. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1999. 262 p.

14. Charon R. The Principles and Practice of Narrative Medicine. New York: Oxford University Press, 2017. 361 p.

15. Delaney A. Joke Structure. Oslo: Publifye AS, 2025. 78 p.

16. Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. London: Hodder & Stoughton, 2004. 424 p.

17. Giannoni D.S. Popularizing features in English journal editorials // English for Specific Purposes. 2008. No. 27. P. 212 – 232. DOI: 10.1016/j.esp.2006.12.001

18. Hart A. Popular Health & Medical Writing for Magazines: How to Turn Current Research & Trends Into Salable Feature Articles. Bloomington: iUniverse, 2005. 240 p.

19. Higuerra J., Escala J., Juacalla F., Olivares J., Viterbo A. Comparison of Gen Z and Non-Gen Z Awareness of Slang and Colloquial Language // International Journal of Research Publications. 2026. DOI: 10.47119/IJRP1001951420268858

20. Holmes J. Politeness, power and provocation: How humor functions in the workplace // Discourse Studies. 2000. Vol. 2. No. 2. P. 1 – 17.

21. Jacob R. Unveiling the Dark Humour and Self-Image of Generation Z in a Polymedia Context // The Criterion: An International Journal in English. 2023. Vol. 14. Is. 4. P. 215 – 226.

22. Kay A. Kay's Anatomy: A Complete (And Completely Disgusting) Guide to the Human Body. London: Penguin Random House Children's UK, 2020. 416 p.

23. Luzón M.J. Public Communication of Science in Blogs: Recontextualizing Scientific Discourse for a Diversified Audience // Written Communication. 2013. Vol. 30. No. 4. P. 428 – 457. DOI: https://doi.org/10.1177/0741088313493610

24. Mark G. Attention Span: A Groundbreaking Way to Restore Balance, Happiness and Productivity. Toronto: Harlequin, 2023. 368 p.

25. Maroto N., Molina-Plaza S. Aspects of Cognitive Terminology Studies: Theoretical Considerations and the Role of Metaphor in Terminology. Berlin: De Gruyter, 2024. 316 p.

26. McDonald P. The Philosophy of Humor. London: Humanities-Ebooks, 2013. 138 p.

27. Partlow C., Talarczyk P. Absurdism and Generation Z Humor: the Effects of Absurdist Content on Perceived Humor Levels in Generation Z Students // Journal of Student Research. 2021. No. 10. DOI: 10.47611/jsrhs.v10i4.2011

28. Porter R. The Popularization of Medicine. Oxford: Taylor & Francis, 2013. 320 p.

29. Raskin V. Semantic Mechanisms of Humor. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1985. 302 p.

30. Riesch H. Why did the proton cross the road? Humour and science communication // Public Underst Sci. 2015. Vol. 24. No. 7. P. 768 – 775. DOI: 10.1177/0963662514546299

31. Ruch W., Attardo S., Raskin V. Toward an empirical verification of the General Theory of Verbal Humor // Humor: International Journal of Humor Research. 1993. Vol. 6. No. 2. P. 123 – 136. DOI: 10.1515/humr.1993.6.2.123

32. Sterk F.M., van Goch M.M. Re-presenting Research: A Guide to Analyzing Popularization Strategies in Science Journalism and Science Communication. London: Palgrave Macmillan, 2023. 145 p.

References

1. Akhmanova O.S. Dictionary of Linguistic Terms. 2nd ed., stereotype. Moscow: Editorial URSS, 2004. 576 p.

2. Zhelvis V.I. Battlefield: Profanity as a Social Problem in the Languages and Cultures of the World. Moscow: Ladomir, 2001. 355 p.

3. Nagornaya A.V. "Zdravitsina" and "zdravologisms": Healthist Discourse as a Territory of Linguistic Experiments. Discourse and Language in the Era of "Big Data": Variability, Creativity, Experiment. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2023. P. 289 – 300.

4. Nagornaya A.V. Oncodiscourse: Formations, Forms, Formats. Moscow: LENAND, 2023. 240 p.

5. Rogozhnikova T.P., Borodikhina A.S. Specificity of the Comic in the Discourse of Generations Z and Alpha. Communicative Studies. 2026. Vol. 13. No. 2. P. 310 – 324.
6. Ashwood D. Roast Culture. Oslo: Publifye AS, 2025. 77 p.
7. Attardo S. Linguistic Theories of Humor. Berlin: Walter de Gruyter, 2024. 404 p.
8. Attardo S. The Linguistics of Humor: An Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2020. 465 p.
9. Attardo S. Humorous Texts: A Semantic and Pragmatic Analysis. Berlin: Walter de Gruyter, 2001. 238 p.
10. Attardo S., Raskin V. Script theory revis(it)ed: Joke similarity and joke representation model. Humor: International Journal of Humor Research. 1991. Vol. 4. No. 3-4. P. 293 – 347. DOI: https://doi.org/10.1515/humr.1991.4.3-4.293.
11. Bibi N., Bilal Dr. Sarcasm as a Digital Indirectness Strategy: A Pragmatic Analysis of Gen Z's Face Work on Instagram Posts/Stories. Indus Journal of Social Sciences. 2026. No. 4. P. 37–50. DOI: 10.59075/ijss.v4i2.2154.
12. Bowdle B.F., Gentner D. The Career of Metaphor. Psychological Review. 2005. Vol. 112. No. 1. P. 193 – 216.
13. Cabré M.T. Terminology: Theory, methods and applications. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1999. 262 p.
14. Charon R. The Principles and Practice of Narrative Medicine. New York: Oxford University Press, 2017. 361 p.
15. Delaney A. Joke Structure. Oslo: Publifye AS, 2025. 78 p.
16. Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of English Behavior. London: Hodder & Stoughton, 2004. 424 p.
17. Giannoni D.S. Popularizing features in English journal editorials. English for Specific Purposes. 2008. No. 27. P. 212 – 232. DOI: 10.1016/j.esp.2006.12.001
18. Hart A. Popular Health & Medical Writing for Magazines: How to Turn Current Research & Trends Into Salable Feature Articles. Bloomington: iUniverse, 2005. 240 p.
19. Higuerra J., Escala J., Juacalla F., Olivares J., Viterbo A. Comparison of Gen Z and Non-Gen Z Awareness of Slang and Colloquial Language. International Journal of Research Publications. 2026. DOI: 10.47119/IJRP1001951420268858
20. Holmes J. Politeness, power and provocation: How humor functions in the workplace. Discourse Studies. 2000. Vol. 2.No. 2. P. 1 – 17.
21. Jacob R. Unveiling the Dark Humor and Self-Image of Generation Z in a Polymedia Context. The Criterion: An International Journal in English. 2023. Vol. 14.Is. 4. P. 215 – 226.
22. Kay A. Kay's Anatomy: A Complete (And Completely Disgusting) Guide to the Human Body. London: Penguin Random House Children's UK, 2020. 416 p.
23. Luzon M.J. Public Communication of Science in Blogs: Recontextualizing Scientific Discourse for a Diversified Audience. Written Communication. 2013. Vol. 30. No. 4. P. 428 – 457. DOI: https://doi.org/10.1177/0741088313493610
24. Mark G. Attention Span: A Groundbreaking Way to Restore Balance, Happiness and Productivity. Toronto: Harlequin, 2023. 368 p.
25. Maroto N., Molina-Plaza S. Aspects of Cognitive Terminology Studies: Theoretical Considerations and the Role of Metaphor in Terminology. Berlin: De Gruyter, 2024. 316 p.
26. McDonald P. The Philosophy of Humor. London: Humanities-Ebooks, 2013. 138 p.
27. Partlow C., Talarczyk P. Absurdism and Generation Z Humor: the Effects of Absurdist Content on Perceived Humor Levels in Generation Z Students. Journal of Student Research. 2021. No. 10. DOI: 10.47611/jsrhs.v10i4.2011
28. Porter R. The Popularization of Medicine. Oxford: Taylor & Francis, 2013. 320 p.
29. Raskin V. Semantic Mechanisms of Humor. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1985. 302 p.
30. Riesch H. Why did the proton cross the road? Humor and science communication. Public Underst Sci. 2015. Vol. 24. No. 7. P. 768 – 775. DOI: 10.1177/0963662514546299
31. Ruch W., Attardo S., Raskin V. Toward an empirical verification of the General Theory of Verbal Humor. Humor: International Journal of Humor Research. 1993. Vol. 6. No. 2. P. 123 – 136. DOI: 10.1515/humr.1993.6.2.123
32. Sterk F.M., van Goch M.M. Representing Research: A Guide to Analyzing Popularization Strategies in Science Journalism and Science Communication. London: Palgrave Macmillan, 2023. 145 p.

Информация об авторе

Пинчукова А.Е., преподаватель, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, apinchukova@hse.ru

© Пинчукова А.Е., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 372.882
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-168-173

Роль лирики М.Ю. Лермонтова в формировании духовно-нравственных ценностей школьников

[1] Биджиева З.С.М.,
[1] Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева

Аннотация: приобщение обучающихся к чувственному восприятию прекрасного является одной из ключевых задач методики преподавания литературы. Творчество М.Ю. Лермонтова, пронизанное глубокими философскими размышлениями и романтическими устремлениями, сегодня приобретает особое значение.

Лирический герой в поэзии М.Ю. Лермонтова, находящийся в вечном поиске истины и вступающий в конфликт с косной средой, органично близок мировосприятию юношества. Мотивы одиночества, «мировой скорби» и бунтарства, характерные для романтической традиции, позволяют школьникам не только познакомиться с историко-литературным контекстом, но и глубже понять себя и найти место в обществе.

Изучение лирики Лермонтова становится не только одним из этапов освоения программного материала, но и важным фактором развития эмпатии и эмоционального интеллекта личности. Поэтические тексты служат источником духовных ценностей, формируя у читателя-школьника утонченный вкус и способность сопереживать. Вместе с тем, школьный курс литературы позволяет проследить влияние традиций Лермонтова на творчество поэтов последующих поколений, что способствует формированию целостной картины развития русской литературы. Следовательно, методика изучения лирики М.Ю. Лермонтова в школе должна быть направлена не только на текстологический анализ, но и на организацию диалога с личностью поэта, способствуя нравственному и эстетическому воспитанию учащихся.

Ключевые слова: Лермонтов М.Ю., школа, поэт, воспитание, образование, личность, лирика, чувство, методика, чтение, образ, анализ

Для цитирования: Биджиева З.С.М. Роль лирики М.Ю. Лермонтова в формировании духовно-нравственных ценностей школьников // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 168 – 173. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-168-173

Поступила в редакцию: 17 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

The role of M.Yu. Lermontov's lyric poetry in shaping the spiritual and moral values of schoolchildren

[1] Bidzhieva Z.S.M.,
[1] U.D. Aliev Karachay-Cherkess State University

Abstract: introducing students to the sensory perception of beauty is one of the key objectives of literature teaching methodology. The works of M.Yu. Lermontov, imbued with profound philosophical reflections and romantic aspirations, are of particular importance today.

The lyrical hero in Lermontov's poetry, who is in a perpetual quest for truth and comes into conflict with a stagnant environment, resonates naturally with the worldview of young people. The themes of loneliness, "world sorrow," and rebellion, characteristic of the romantic tradition, allow schoolchildren not only to get acquainted with the historical and literary context but also to understand themselves more deeply and find their place in society.

The study of Lermontov's poetry is not only a step in mastering the curriculum but also an important factor in developing a person's empathy and emotional intelligence. Poetic texts serve as a source of spiritual values, fostering a refined taste and the ability to empathize in the young reader. At the same time, the school literature course makes it possible to trace the influence of Lermontov's traditions on the works of poets of subsequent generations, which helps to form a holistic understanding of the

development of Russian literature. Therefore, the methodology for studying Lermontov's poetry at school should be aimed not only at textual analysis but also at organizing a dialogue with the poet's personality, thus contributing to the moral and aesthetic education of students.

Keywords: M. Lermontov, school, poet, upbringing, education, personality, lyrics, feeling, methodology, reading, image, analysis

For citation: Bidzhieva Z.S.M. The role of M.Yu. Lermontov's lyric poetry in shaping the spiritual and moral values of schoolchildren. Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 168 – 173. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-168-173

The article was submitted: July 17, 2026; Approved after reviewing: August 14, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

Проблема изучения литературы в школе направлена на формирование культурной идентичности, развитие аналитического мышления и расширение гуманитарного кругозора личности. Работа с текстом в школе предполагает интеллектуальный и эмоциональный контакт: постижение авторского замысла, погружение в систему духовных ценностей художника слова и вдохновение от соприкосновения с искусством. Ключевую роль в этом процессе играет лирика М.Ю. Лермонтова. Творчество классика становится источником эстетического воспитания, учит воспринимать литературу как особую сферу духовной жизни человека и развивает способность к творческому воображению.

Материалы и методы исследований

Для того, чтобы тема была усвоена активно, учителю важно погрузить учащихся в художественный мир поэта через внимание к его биографии, расширение списка изучаемых произведений и обращение к уже знакомому материалу. «Истоки поэтического мировидения любого художника кроются в национально-художественных традициях… » [1, с. 4]. Необходимо помочь учащимся увидеть трагическую «нелогичность» внутреннего мира автора – вечный конфликт возвышенной личности с несовершенной реальностью. «Методика изучения творчества М.Ю. Лермонтова должна учитывать сложную природу этого явления, в котором рано проявлялись и сохранялись на всех этапах устойчивые антиномичность и автобиографичность основных мотивов» [2, с. 262].

Общественно-политическая атмосфера двадцатых-тридцатых годов девятнадцатого века создавала благодатную почву для развития лирических жанров, что закономерно выдвинуло на первый план поэтов-лириков, к которым принадлежит и М.Ю. Лермонтов. Фундаментальным принципом анализа его литературного наследия является рассмотрение поэтического корпуса как целостной художественной системы. Именно такой подход позволяет проследить генезис и трансформацию романтического героя, а также выявить сущностные различия между романтическим и реалистическим в аспекте мировоззренческих установок и стилистических особенностей.

Поэзия М.Ю. Лермонтова развивалась в русле романтических традиций. Лирический герой воплощает архетип «сына рока», отмеченного трагическим мироощущением и «печатью страстей». Он предстает как вечный изгнанник и странник, находящийся в непримиримом конфликте с обществом («толпой», «светом»), погруженный в глубины своего внутреннего мира. Романтическая концепция находит отражение и в пейзажной лирике поэта, где природа выступает как идеализированный, одухотворенный фон, созвучный душевным порывам героя. Поэтому важно организовать живое прочтение стихотворения в классе как лучший способ установки контакта с лирическим текстом. Оптимально, если первым текст прочитает учитель, задавая тон и выстраивая прямую связь с учениками.

Лирическое начало выступает универсальной характеристикой всего творческого наследия классика. Но, если в лирике этот принцип является основополагающим, то в поэмах, прозе и драматургии проявляется как сквозная доминанта, пронизывая художественную ткань произведений, способствуя многогранному раскрытию образов. «Удивляет глубокая содержательность книг, отвечающая проблемам времени… » [3, с. 4]. В драматургических и эпических произведениях представляется тип героя, чьи духовные искания и трагическая судьба напрямую наследуют мироощущение лирического «я» поэта. Такие персонажи как Арбенин, Вадим, Калашников, Мцыри и Демон являются сюжетным воплощением тех же философских и нравственных конфликтов, заявленных в лирике. Следовательно, анализ поэтических текстов выступает клю-

чом к пониманию целостного творческого метода и эстетического кредо корифея. «Страстное, полное вражды и любви мышление Лермонтова было, разумеется, мышлением поэтическим» [4, с. 521].

Творческая индивидуальность М.Ю. Лермонтова находит свое выражение в гуманистическом пафосе его произведений. В центре внимания – Человек, наделенный сложным внутренним миром, в котором способность к рефлексии, дух протеста и глубокое страдание взаимосвязаны. Эта триада качеств – мысль, бунт, страдание – определяет портрет лермонтовского героя на всех этапах эволюции персонажа.

В методике школьного преподавания литературы освоение лирики осуществляется системно и поэтапно. Основой для анализа поэтического текста служит интеграция биографического контекста, поскольку композиция и проблематика стихотворения часто соотносятся с этапами творческой эволюции автора и чувственным состоянием лирического героя. Вместе с тем основными методическими приемами при изучении лирики М. Ю. Лермонтова являются: анализ ключевых мотивов – систематизация творчества через освоение фундаментальных идей и сквозных тем (одиночество, свобода, любовь, бунт), что позволяет выявить взаимосвязь между разными произведениями; применение активных методик чтения – использование современных образовательных технологий, таких как составление ассоциативных карт и работа с дневниками двойных записей, для углубленного погружения в текст; детальный разбор текстов – проведение поэтапного анализа ключевых произведений, определяющих образ поэта («Нет, я не Байрон, я другой…», «Выхожу один я на дорогу…»); организация творческой деятельности – стимулирование познавательной активности учащихся через создание собственных творческих работ (сочинение стихов, иллюстраций) и участие в дискуссионных обсуждениях.

В процессе преподавания лирики М.Ю. Лермонтова особое место занимает этап выразительного чтения. Он служит инструментом для постижения тончайших нюансов интонации и образной системы произведения. «Лиризм, эмоциональность, философичность, богатая палитра настроений и чувств отразились и на своеобразном использовании поэтом афористично отточенной речи…» [5, с. 64]. Поскольку поэту свойственно придавать стихам максимальную эмоциональность и личностное звучание, развитие навыков поэтического красноречия у школьников становится приоритетной задачей. Этот элемент необходимо интегрировать во все этапы урока, связывая литературный анализ с практикой развития речи.

Важным методическим приемом является привлечение материала по истории иллюстрации, который служит подготовительным этапом для анализа текста и задает вектор интерпретации. Взаимодействие литературы с другими видами искусства создает полифоническое звучание темы, позволяя ученикам не просто понять, но и эмоционально пережить поэтический мир автора. «В интересах эстетического развития учащихся целесообразно хотя бы кратко рассказать им об истории иллюстрирования произведений Лермонтова» [6, с. 205].

Для всестороннего анализа лирики М.Ю. Лермонтова необходимо рассматривать произведения в двух ключевых плоскостях. Во-первых, необходимо соотнесение с исторической эпохой и литературным контекстом, что позволит оценить новаторство стиля и масштаб наследия. Во-вторых, целесообразно осознавать, как поэт художественно переосмыслил реальные жизненные конфликты, наполняя их философским содержанием, характерным для духовных поисков времени. Так, социальный протест героя позволяет обнажить ключевые противоречия эпохи. Наиболее концентрированное выражение эта тема находит в стихотворении, написанном на смерть А.С. Пушкина. Это – «свет завистливый и душный», «надменные потомки известной подлостью прославленных отцов», «невежды», «клеветники», «наперсники разврата», «свободы, гения и славы палачи» [7]. Моральный облик светского общества охарактеризован заглавием драмы «Маскарад». Спустя годы, автор заметит, что: «Мелькают образы бездушные людей, / Приличьем стянутые маски» («Как часто, пестрою толпою окружен») [7]. Стихотворение «Дума» посвящено исчерпывающей характеристике современного поэту поколения. Здесь раскрывается тема духовной эмпатии и гражданского бездействия высшего света, который демонстрирует рабскую покорность перед властью тиранов и гнетом невежества:

«Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее – иль пусто, иль темно» [7].

Замкнутость мысли обостряет чувство безысходности в жизни, лишенной цели и борьбы.

Стихотворения М.Ю. Лермонтова пронизаны мотивом одиночества. Отсюда выплывает образ «странника» «в свете безродного» («Молитва», «Кинжал»), «изгнанника» («Туча»), «узника» («Желание», «Узник») [7]. «Лермонтов принадлежал к русскому привилегированному обществу, был тесно связан с ним, но оно не подавило индивидуальности поэта» [8, с. 8]. Лирический герой демонстрирует активную жизненную позицию поэта, преодолевая экзистенциальные трудности и социальную дезориентацию

посредством мощного волевого импульса: «жажда жизни и избытку чувств», «жажда бытия во мне сильней страданий роковых» («Моя душа, я помню») [7]. Желанье жить, стремленье к лучшему будущему сопровождают его:

«Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?»
(Лермонтов М.Ю. «**Я жить хочу! хочу печали…**») [7].

Философские размышления героя приводят к осмыслению того, что высшими ценностями являются любовь и дружба: «Мне любить до могилы творцом суждено». Мотив надежды сопровождает многие стихи («На севере диком…», «Утес», «Сон»…) [7].

Современная поэту Россия представлена «страной рабов, страной господ» («Прощай, немытая Россия…»), где «господа» – жандармско-полицейская власть, а «рабы» – «народ»:

«Быть может, за стеной Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей» [7].

Образ Кавказа в лирике Лермонтова обретает статус смыслового центра. Величие кавказской природы выступает необходимым условием для становления цельной личности, чей характер формируется в атмосфере неукротимой свободы и постоянной борьбы («Кавказ», «Дары Терека», «Тамара», «Кинжал», «Мцыри», «Демон»…) «Кавказ сделался его поэтической родиной, пламенно любимою им» [4, с. 521].

Образ героя-борца, обладателя «сердца полноты» и «гордых дум», утверждается у классика во всей последующей творческой деятельности. Предназначенный к отчуждению герой пребывает в состоянии мучительной рефлексии о своей связи с родиной («Завещание», «Родина»). Так, в стихотворении «Бородино» Родина – это народ, в его национально-освободительном значении «богатыри», «могучее лихое племя». Образ солдата-рассказчика находится в центре текста:

«Уж постоим мы головою
За родину свою!»
(Лермонтов М.Ю. «Бородино») [7].

Темы любви, дружбы, родины, народа тесно взаимосвязаны.

От романтического идеализма лирический герой движется к трагическому столкновению с враждебной ему средой, что становится следствием его мучительных поисков смысла жизни («Пророк», «Смерть поэта», «Как часто, пестрою толпою окружен…»):

«*О, как мне хочется смутить веселость их*
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..»
(Лермонтов М.Ю. «Как часто, пестрою толпою окружен… ») [7].

В стихотворении «Поэт» представляется тема поэта и поэзии. Через тему художника и общества, затрагивая множество аспектов от социально-политических проблем до личного творчества, утверждается единство интересов судьбы и права, народа и личности («Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк!»).

Результаты и обсуждения

Несомненно, идейным стержнем творчества художника слова становится напряженный поиск ответов на наболевшие вопросы народной жизни. Логика поэтических мотивов строится на резком контрасте между образом героя-гражданина, выразителя коллективной воли и бездуховным обществом. Суть пути – стремление к всеобъемлющему синтезу, к слиянию с божественным началом, родной душой и природой как источниками подлинной жизни.

В школьном образовании рассматриваются задачи формирования духовно-эстетического вкуса и интеллектуально-речевой культуры личности. «Эти задачи направлены на развитие умения выявлять проблематику произведений и их художественные особенности, комментировать авторскую позицию и выражать собственное отношение к прочитанному…» [9, с. 5].

Одной из ключевых проблем в процессе изучения творчества М.Ю. Лермонтова является объективная сложность восприятия его лирики обучающимися в многонациональных школах России, в особенности на ранних этапах литературного образования. «В настоящее время одной из дискуссионных проблем в области методики преподавания русской литературы в полиэтническом образовательном пространстве выступает проблема инновационных подходов в изучении классической литературы, в частности, поэзии Лермонтова в средней школе и вузе» [10, с. 251]. Преодоление данного барьера видится в системном внедрении интерактивных педагогических технологий, организации культурно-просветительских выездов (экскурсий в мемориальные музеи) и проведении внеурочных мероприятий, нацеленных на повышение мотивации и познавательного интереса школьников. «Известно, что одной из основных задач школьного образования является поиск новых подходов к изучению классической литературы с использованием современных образовательных технологий» [11, с. 53].

Выводы

Итак, изучение лирики М.Ю. Лермонтова в общеобразовательной школе имеет свои особенности в зависимости от общего отбора художественного материала, стремления к литературному образованию и отдельным методическим задачам, выдвинутым разными авторами учебников. «В лирике жанры взаимодействуют в русле индивидуальных поисков ярких творческих индивидуальностей… » [12, с. 10]. Творческая атмосфера в классе может способствовать формированию таких ценностных слагаемых как сопереживание лирическому герою, осмысление художественного своеобразия, психологическое восприятие произведения. Целесообразно обновить методологию литературоведческих анализов, раскрывающих поэтическую индивидуальность и нравственную притягательность лирики М.Ю. Лермонтова. Самобытность классика должна найти свое отражение в современной методике преподавания литературы в школе в той полноте, которая доступна учащимся, так как «… поэзия Лермонтова воспитывает в школьнике человека-гражданина, мыслителя, художника, приобщает его к неисчерпаемым богатствам русского языка и русской культуры» [13, с. 191].

Список источников

1. Биджиева З.С.-М. Лирика в карачаевской литературе: традиции и новаторство: Методические рекомендации / М-во образования Рос. Федерации. Карачаево-Черкес. гос. ун-т. Карачаевск: Изд-во КЧГУ, 2003. 28 с.

2. Богомолов И.А. Стихотворная речь. М.: Интерпракс, 1995. 264 с.

3. Биджиева З.С.-М. Слово о первом поэте (о творчестве Асхата Биджиева) / Национальные литературы и национальное литературоведение. Сто лет пути // Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 95-летию первого карачаевского профессионального ученого-литературоведа Асият Исмаиловны Караевой, Карачаевск, 05-06 декабря 2017 года. Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, 2017. С. 40 – 44.

4. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13-ти т. Т. IV. М: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 678 с.

5. Биджиева З.С.-М. Лирическая исповедь в поэзии Идриса Биджиева // Гуманитарные и социально-экономические науки: Научно-образовательный и прикладной журнал. 2013. № 3 (70). С. 61 – 64.

6. Шагалов А.А. М.Ю. Лермонтов в школе: пособие для учителя. М.: Просвещение, 1976. 254 с.

7. Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: в 5-ти т. Т. 1. М.-Л.: Academia, 1935-1938. 542 с.

8. Максимов Д.Е. Поэзия Лермонтова. М.; Л.: Наука, 1964. 266 с.

9.Литература. Федеральная рабочая программа основного общего образования // Для 5-9 классов образовательных организаций. Москва, 2022. 138 с.

10. Хабибулина А.З., Нагуманова Э.Ф. Инновационные методы изучения русской классической литературы в поликультурном образовательном пространстве (на материале поэзии М.Ю. Лермонтова). С. 250 – 257. Режим доступа: https://kpfu.ru /publication (дата обращения: 05.06.2026)

11. Биджиева З.С.-М. Поэма Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» в школьном прочтении // Проблемы современного педагогического образования: Сборник научных трудов: Ялта: РИО ГПА, 2023. Вып. 78. Ч. 2. С. 52 – 55.

12. Биджиева З.С.-М. Современная карачаевская лирическая поэзия / М-во образования и науки Рос. Федерации, Карачаево-Черкес. гос. ун-т (КЧГУ). Карачаевск: Карачаево-Черкес. гос. ун-т, 2004. 169 с.

13. Рез З.Я. Изучение Лермонтова в школе // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Ин-т рус.лит. (Пушкин. Дом); Науч.-ред. совет.изд-ва «Сов. Энцикл.». М.: Сов. Энцикл., 1981. С. 189 – 192.

References

1. Bidzhieva Z.S.-M. Lyrics in Karachay Literature: Traditions and Innovations: Methodological Recommendations. Ministry of Education of the Russian Federation. Karachay-Cherkess State University. Karachayevsk: KChSU Publishing House, 2003. 28 p.
2. Bogomolov I.A. Poetic Speech. Moscow: Interpraks, 1995. 264 p.
3. Bidzhieva Z.S.-M. A Word about the First Poet (on the Works of Askhat Bidzhiev). National Literatures and National Literary Criticism. One Hundred Years of Journey. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference Dedicated to the 95th Anniversary of the First Karachay Professional Literary Scholar Asiyat Ismailovna Karaeva, Karachayevsk, December 5-6, 2017. Karachaevsk: Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev, 2017. P. 40 – 44.
4. Belinsky V.G. Complete Works: in 13 volumes. Vol. IV. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1959. 678 p.
5. Bidzhieva Z.S.-M. Lyrical Confession in the Poetry of Idris Bidzhiev. Humanitarian and Socio-Economic Sciences: Scientific, Educational and Applied Journal. 2013. No. 3 (70). P. 61 – 64.
6. Shagalov A.A. M.Yu. Lermontov at School: A Teacher's Manual. Moscow: Prosveshchenie, 1976. 254 p.
7. Lermontov M.Yu. Complete Works: in 5 volumes. Vol. 1. Moscow-Leningrad: Academia, 1935-1938. 542 p.
8. Maksimov, D.E. Lermontov's Poetry. Moscow; Leningrad: Nauka, 1964. 266 p.
9. Literature. Federal Work Program of Basic General Education. For grades 5-9 of educational organizations. Moscow, 2022. 138 p.
10. Khabibulina, A.Z., Nagumanova, E.F. Innovative Methods of Studying Classical Russian Literature in a Multicultural Educational Space (Based on the Poetry of M.Yu. Lermontov). P. 250 – 257. Available at: https://kpfu.ru/publication (accessed: 05.06.2026)
11. Bidzhieva, Z.S.-M. N.A. Nekrasov's poem "Who Lives Well in Rus'" in school reading. Problems of modern pedagogical education: Collection of scientific papers: Yalta: RIO GPA, 2023. Issue 78. Part 2. P. 52 – 55.
12. Bidzhieva Z.S.-M. Modern Karachay lyric poetry. Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Karachay-Cherkess State University (KChSU). Karachayevsk: Karachay-Cherkess State University, 2004. 169 p.
13. Res. Z.Ya. Studying Lermontov in school. Lermontov encyclopedia. USSR Academy of Sciences. Institute of Russian Literature (Pushkin House); Scientific editorial board of the publishing house "Sov. Encyclopedia". Moscow: Sov. Encyclopedia, 1981. P. 189 – 192.

Информация об авторе

Биджиева З.С.М., кандидат филологических наук, доцент, SPIN-код: 4626-8689, Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева, z.s-m@mail.ru

© Биджиева З.С.М., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81.33
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-174-182

Лингвокультурная специфика отношения к празднику (на основе анализа русских, английских и испанских фразеологизмов)

[1] Бобырева Е.В., [1] Оганесян А.О., [1] Титаренко Н.В.,
[1] Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Аннотация: в статье рассматривается место феномена «праздник» и отношение к празднику в разных лингвокультурах. Показано, что выступая частью культуры народа, праздник отражает наиболее характерные этнокультурные черты. Возникнув как почитание высших сил и имея религиозную основу, праздник в современных лингвокультурах в разной степени демонстрирует тенденции к ее сохранению. Фразеологический фонд языка, как наиболее древний его пласт и наиболее этноспецифично окрашенный, фиксирует отношение к празднику и его аксиологическую оценку членами социума. На основе анализа фразеологизмов установлено, что религиозная основа праздника более четко прослеживается в русской лингвокультуре, тогда как в испанской на первое место выходит карнавализация, а в английской четко представлена диада: будни – праздник, где последний выступает как отдых от работы.

Ключевые слова: лингвокультура, праздник, праздничная культура, фразеологические единицы, этнокультурная специфика

Для цитирования: Бобырева Е.В., Оганесян А.О., Титаренко Н.В. Лингвокультурная специфика отношения к празднику (на основе анализа русских, английских и испанских фразеологизмов) // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 174 – 182. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-174-182

Поступила в редакцию: 17 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

Linguocultural specifics of the attitude towards holidays (based on the analysis of Russian, English, and Spanish phraseological units)

[1] Bobyreva E.V., [1] Oganesyan A.O., [1] Titarenko N.V.,
[1] Volgograd State Social and Pedagogical University

Abstract: the article examines the place of the phenomenon “holiday” and the attitudes to it in different linguocultures. It is shown that being an integral part of a nation’s culture holiday reflects its most characteristic ethnocultural features. Originated as a form of veneration of higher powers and possessing religious foundation, in modern linguocultures holiday exhibits various degrees to preserve its original nature. Phraseological stock of any languag, as its most ancient and ethnoculturally distinctive stratum, fixates attitude to the holiday and its axiological value assigned by society members. Analysis of phraseological units allowed to reveal that religious basis of the holiday is more clearly traced in Russian linguoculture; in Spanish culture, the element of carnivalization prevails; and in English culture a clear dichotomy working day – holiday exists, where the latter serves as a rest from work.

Keywords: linguoculture, holiday, holiday culture, phraseological units, ethnocultural specifics

For citation: Bobyreva E.V., Oganesyan A.O., Titarenko N.V. Linguocultural specifics of the attitude towards holidays (based on the analysis of Russian, English, and Spanish phraseological units). Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 174 – 182. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-174-182

The article was submitted: July 17, 2026; Approved after reviewing: August 14, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

Объектом рассмотрения в данной статье выступает лингвокультурная специфика осмысления феномена *праздник* в русской, английской и испанской лингвокультурах. В качестве предмета определена языковая специфика актуализации данного понятия в рассматриваемых языках, отражающая национально-культурные особенности отношения к празднику представителями разных социумов. Целью исследования выступает выявление специфики национально-культурного отношения к глобальному феномену *праздник* в рамках русской, испанской и британской лингвокультур. Для достижения поставленной цели в статье ставится и решается ряд задач, в частности: определяется статус праздника как обязательного компонента любой лингвокультуры; обосновывается динамический характер данного феномена, видоизменяющегося под воздействием исторических и социокультурных факторов; доказывается статус фразеологического фонда любого языка как компонента, вбирающего в себя и отражающего национально-культурную специфику различных сторон жизни конкретного лингвокультурного сообщества; выявляется специфика отношения к празднику в рассматриваемых лингвокультурах, вербализуемая в русских, испанских и английских фразеологизмах. Выполненное исследование обладает **научной новизной**, которая видится в выявлении национально-специфических характеристик глобальных культурно-значимых феноменов на основе анализа фразеологического фонда конкретного языка.

Материалы и методы исследований

Рассматривая лингвокультурную специфику праздника, мы посчитали целесообразным обратится к фразеологизмам русского, английского и испанского языков и проследить исторически сложившееся отношение к празднику в рассматриваемых культурах. В качестве **материала** проводимого нами исследования выбраны фразеологические единицы русского, испанского и английского языков, в которых нашло фиксацию национально-специфическое отношение к празднику в разных лингвокультурах. Для проведения исследования были отобраны фразеологизмы русского (78 фразеологических единиц), испанского (105 фразеологических единиц) и английского (69 фразеологических) языков, отражающие характеристики праздника или демонстрирующие отношение к празднику представителями рассматриваемых лингвокультур.

Достоверность представленных в статье результатов обеспечена достаточным количеством проанализированного практического материала, а также подбором методов исследования, адекватных поставленной цели и заявленным задачам. В ходе проведения исследования использованы **методы** дефиниционного, компонентного, семантического анализа, сравнительно-сопоставительный метод, а также прием количественных подсчетов для верификации полученных результатов и представленных выводов. Проводя анализ фразеологизмов русского, английского и испанского языков, обращаясь к этимологии составляющих их единиц, мы попытаемся определить ценностные составляющие, закладываемые каждой из наций в понятийное поле «праздник», установить отношение к празднику в разных культурах, роль, которую он играет в жизни человеческого коллектива.

Результаты и обсуждения

Праздник выступает важной частью культуры. Сам феномен праздника, по сути, столь же древен, как и само человеческое общество. М.М. Бахтин трактует праздник как «очень важную первичную форму человеческой культуры» [3, с. 11].

Меняются лишь формы и внешняя атрибутика данного действия. Т.Ю. Вереитинов полагает, что «праздник является важным фактором аккультурации, посредством которого человек осуществляет принятие общественных норм и ценностей, существующих в той или иной социокультурной среде» [6].

К вопросам социальной и психологической природы праздника обращались и обращаются исследователи, работающие в разных направлениях: И.В. Гужова [8], А.И. Мазаев [14], О.Л. Орлов [16] и др. Интерес к феномену праздника подтверждает значимость данного явления в личностном, общественном и цивилизационном плане.

Праздник сочетает коллективное и личностное начало. С одной стороны, любой праздник зарождается и функционирует в рамках конкретной культуры (или охватывает ряд культур, что верно в отношении праздников, имеющих международное значение и носящих межкультурный характер), с другой стороны, любой праздник в определенной (большей или меньшей) степени значим для конкретного человека; «праздник и празднования… всегда требуют присутствия, участия других людей, являются совместным действием, общим переживанием» [9, с. 178].

Формируясь и трансформируясь на протяжении исторического развития социума, праздничная культура любого народа отражает его этнонациональное своеобразие. Согласимся с Т.Ю. Вереитиновым, что «как и язык народа, праздник и его формы несут в себе символический код, который может являться ключом к пониманию не только конкретной культуры, но и закономерностей, присущих человеку как создателю культуры» [6].

Не требует доказательства тот факт, что любые изменения в социокультурной жизни народа находят отражение /фиксацию в его языке. Фразеологизмы, как один из наиболее древних пластов любого языка «отражают особенности менталитета народа, специфику восприятия и интерпретации им окружающей действительности» [21]. Рассматривая лингвокультурную специфику праздника, обратимся к фразеологизмам русского, английского и испанского языков, попытаясь проследить иторически сложившееся отношение к празднику.

Анализ лингвокультурных характеристик феномена «праздник» целесообразно начать с выявления и описания набора семантических компонентов соответствующих лексических единиц в анализируемых языках, а также с определения (при наличие возможности) их этимологии.

В русском языке исторически корень *«празъ»* обозначал «снять», «убрать», «лишить ч-т.». В данной связи можно провести параллель с современной русскоязычной лексической единицей «упразднять», которая выступает однокоренной к слову «праздник» и в наиболее общем значении может быть интерпретирована как «делать /становиться ненужным», «прекратить существование /убрать». Далее, мы наблюдаем расширение значения данной единицы и развитие компонента «демонстрация бездействия». Кроме того, интересно отметить, что, хотя еще некоторое время назад она могла быть отнесена к ценностно-нейтральной лексике, в настоящее время она входит в число негативно-окрашенных русскоязычных единиц (проводить /тратить время впустую).

«Толковый словарь русского языка» (под ред. Д.Н. Ушакова) приводит следующие значения лексической единицы *праздник*: «а) день /несколько дней, посвященных памяти какого-л. религиозного события; б) день торжества в память исторического или гражданского события, отмечаемый публичными собраниями, парадами, демонстрациями; в) официально установленный день отдыха по случаю празднования выдающегося события; г) веселье, бал, устраиваемый кем-л.; д) день массовых игр, развлечений (спортивный, зимний, военный, детский праздник и др.); е) счастливый, радостный день, ознаменованный каким-л. событием; ж) праздник в переносном смысле: испытанное от чего-л. наслаждение или сам источник наслаждения» [22].

В «Культурологическом словаре» праздник определяется как «день противопоставленный будням (повседневности), характеризующийся радостью и торжеством, выделенный в потоке времени в память или в честь кого-либо или чего-либо, обладающий сущностной связью со сферой сакрального, отмечаемый в культурной или религиозной традиции как институционализированное действо, которое обеспечивает его участникам максимальную причастность к этой сфере» [18].

Англоязычный словарь «Oxford Learners' Dictionary» приводит такие определения слова holiday, как: «a) a period of time when a person is not at work or school; b) a period of time spent travelling or relaxing away from home; c) a day when most people do not go to work or school especially because of a religious or national celebration; d) (holiday season) the time from late November to early January that includes Thanksgiving, Christmas, Hanukkah and New Year» [24].

Лексическая единица holiday произошла от древнеанглийского составного слова *hāligdæg (***hālig** – святой, **dæg** – день) и первоначально использовалась только в отношении религиозных праздников. В среднеанглийский период (XV век) произошло развитие семантики данной единицы и появился компонент значения – «любой день, в который приостанавливается работа, учеба и другие повседневные дела». Многие этимологи придерживаются мнения, что данное значение и послужило отправной точкой развития в английском языке фразеологизмов «bank holiday» и «public holiday».

В «Словаре испанского языка Королевской академии» (DRAE) собраны следующие определения рассматриваемой лексемы: «a) Día en que, por disposición legal, no setrabaja (день, когда по законному распоряжению не работают); b) Día que una religión celebra con especialsolemnidad dedicándolo a Dios

oconmemorando un hecho o figura religiosos (день, с особой торжественностью отмечаемый церковью, посвященный определенному религиозному событию или святому); c) Seguido de un complementoespecificador, jornada en que se celebra algoo que se dedica a alguien o algo (день чествования кого-то или чего-то); d) Acto o conjunto de actos organizadospara la diversión o disfrute de unacolectividad (мероприятие или серия мероприятий, организованных для развлечения общества); e) Reunión de gente para celebrar algo odivertirse (собрание людей с целью отпраздновать что-то или повеселиться); f) Diversión o regocijo (веселье, радость); g) Descanso laboral que se hace enun día que no es festivo (перерыв в работе в день, не являющийся праздничным); h) Palabra o gesto cariñosos (ласковое слово или жест в сторону кого-то); i) Sucesión de varios días de fiesta enque se celebra una solemnidad (последовательность праздничных дней, торжества)» [23].

Как мы видим, практически во всех языках празник этимологически связывается с отсутствием работы, временем отдыха от дел. Английский язык, в отличие от значения русскоязычной единицы, предлагает еще и значение «время, когда появляется возможность путешествовать». Испанский язык добавляет семантические компоненты «развлечение», «зрелищное мероприятие», а также в процессе исторического развития приобретает не существующее ни в русском, ни в английском языке значение «ласковое слово или жест».

Тогда как набор значений лексических единиц с общим значением «праздник» более-менее одинаков в ряде языков, фразеологические единицы, появившиеся в процессе развития и интерпретации данного понятия отличаются; имеющие место различия как раз и отражают особенности отношения к празднику в разных лингвокультурах.

Фразеологические единицы как устойчивые сочетания, имеющие уникальную семантику, на протяжении ряда десятилетий находятся в фокусе рассмотрения разных научных исследований. Став объектом пристального изучения в работах В.В. Виноградова [7], Н.Н. Амосовой [1], Ю.Д. Апресяна [2], различные аспекты фразеологических единиц по-прежнему попадают в поле зрения современных исследователей.

Российскими лингвистами понятия фразеологизм и фразеологическая единица зачастую используются как взаимозаменяющие. З.В. Корзюкова определяет фразеологизмы или фразеологические единицы как «устойчивые словосочетания, характеризующиеся постоянством лексического состава и осложненной семантикой» [12, с. 51].

В работах Е.А. Коновал фразеологическая единица трактуется как «языковая единица, воспроизводимая в готовом виде и характеризующаяся переносным значением» [11, с.7].

В.Н. Телия рассматривает фразеологические единицы как «микротексты, которые могут транслировать культурно-историческую информацию, отражая менталитет и национальную специфику носителей языка» [20, с. 117].

Проведенный анализ как классических работ в области фразеологии, так и трудов современных российских исследователей показал, что в рамках современной отечественной лингвистики понятия фразеологизм и фразеологическая единица, как правило, используются как взаимозаменяющие. В нашем исследовании в отношении анализируемого материала приведенные термины также будут использоваться как взаимоземеняющие.

Говоря о работах зарубежных ученых, отметим, что английские лексикологи чаще используют термин «идиома». Одним из первых исследователей британской идиоматики, Г. Свитом данное явление (идиома) трактуется как «словосочетание, состоящее из нескольких лексических единиц, значение которого нельзя вывести из значения составляющих его компонентов».

Исследователь британской фразеологии Р. Мун, рассматривая природу анализируемых феноменов, считает, что «устойчивое сочетание или идиома представляет собой комплекс, отличающийся лексико-грамматической устойчивостью, переносом значения и неразложимостью на отдельные компоненты» [25, с. 35].

У. Вайнрайх ключевой характеристикой идиомы считает ее «воспроизводимость в тексте и речи в готовом виде» [5, с. 88].

Испанская лингвистическая школа, исследуя рассматриваемые нами единицы, как правило, использует термин «устойчивые сочетания», понимая под последними «сочетания слов, служащие для трансляции культурно-национального самосознания» (Глория Корпас Пастор) [26]. Основы изучения сочетаний подобного типа в испанистике были заложены Хулио Касаресом, который трактовал их как «особые сочетания с неделимым значением, выполняющие функцию отдельной части речи».

Подводя итог множеству существующих подходов к трактовке анализируемого понятия, отметим, что ядерным компонентом, выделяемым практически всеми исследователями, выступает целостность, недели-

мость подобной единицы, а также ее особое переносное значение. Данная характеристика является центральной по значимости в проводимом нами исследовании.

В русской лингвокультуре фразеологизмы с компонентом *праздник* постулируют потребность в нем, как времени, когда простой человек может отдохнуть: *«Хорош праздник после тудов праведных»* [10]. Праздник ждут, к нему готовятся как к чему-то особенному, часто, это возможность общения, встречи с близкими, друзьями: *«Праздник придет, гостей приведет»* [10]. Праздник дается человеку как награда: *«Будни не срами, к празднику готовься»* [10].

Фразеологический фонд русского языка закрепил понятие социального равенства всех членов общества именно в такой особый день: *«В такой день у Бога все равны!»* [10]. В русских паремиях оказалась закреплена и идея всепрощения в день, который определен, как праздничный: *«Такой день, что и грешников в аду не мучат»* [10]. В русской лингвокультуре исторически закреплена идея о празднике, как награде, которую человек получает свыше за свой тяжелый труд.

Также русский язык прочно закрепил не только восприятие праздника как времени отдыха, но и времени, в течении которого действует негласный «запрет» в отношении выполнения любой (и тем более, тяжелой физической) работы. Распространение и закрепление в сознании подобного положения во многом предопределено религиозными традициями, требованием посвящать свободные от работы дни Богу: *«И дурак знает, что Христов день – всегда праздник»* [10]. Язык закрепил также и идею наказания за работу в праздничный день: *«Проказник – работает и в праздник»* [10], то есть, работа в праздничный день воспринимается как нарушение установленного социального закона и религиозного предписания.

Ценность праздника четко выражена в паремиях, содержащих надежду на то, что праздник обязательно рано или поздно настанет: *«Будет и на нашей улице праздник»* [10]. С другой стороны, язык четко выражает порицание и идею, что праздника не достойны те, кто не работает: *«Ленивому всегда праздник»* [10]. То есть, разрешение на отдых (праздник), человек должен заработать, иначе теряется суть и смысл праздника, как награды, ниспосылаемой человеку за его труды.

Анализ показал, что паремиологический фонд русского языка фиксирует такие особенности праздника и его значимость для представителя русской лингвокультуры, как: 1) потребность в празднике и ожидние праздника как чуда (контрастирующего с буднями), 2) социальное равенство членов социума в такой день, 3) идея массовости, единения (гости, близкие), 4) временный характер праздника (праздник не может длиться постоянно, иначе он утратит свою ценность); 5) порицание нарушения установленных временных границ праздника (имплицитно подразумевающее порицание такого качества человека, как лень), 6) требование отмечать праздник (принимая во внимание, что практически все праздники носят религиозный характер), 7) запрет на работу, предполагающий наказание человека, нарушевшего установленный закон.

В английской лингвокультуре, как было показано на основе анализа этимологии лексической единицы *holiday,* изначально заложен религиозный характер данного феномена. Тогда как русский язык закрепил в семантике данной единицы идею «праздности» (сознательно выбираемое состояние безделья), английская лексическая единица сохранила в семантике в неизменном виде компонент *holy* (святой, священный), указывая на религиозный характер события.

Несмотря на то, что в современном британском социуме гораздо больше праздников, имеющих религиозные основы, в самом языке не так много выражений, указывающих на священную, религиозную основу данного дня. Скорее, в отличие от русского языка, в английском акцент оказывается сделан именно на перерыв в работе, отдых от дел, о чем свидетельствует широко известный фразеологизм *«Bank holiday»* – праздничное время, когда не работают даже банки, а, следовательно, замирает вся деловая жизнь в стране.

Праздник постулируется как время, когда человек может отдохнуть от своих непосредственных обязанностей; когда это оказывается невозможно, считается, что отдых или праздник просто испорчен. Отсюда паремия *«a busman's holiday»,* дословно переводимая как «отдых водителя автобуса», имплицитный план которой в действительности шире и подразумевает, что человек и на отдыхе вынужден выполнять свои повседневные обязанности.

Тогда как возможность праздника, организации застолий воспринимается в русской лингвокультуре как само собой разумеющееся, установленное свыше, английские фразеологизмы фиксируют идею о необходимости подготовки к празднику – *«A holiday is not made of mushrooms only»* [13]. Кроме того, отметим, что русская лингвокультурная традиция фиксирует ожидание праздника, а английская, напротив, акцентирует внимание на сохранении памяти о прошедших праздничных днях: *«Holidays turn ordinary days into memories»* [13].

Интересно также и выражение *«a holiday blues»,* означающее состояние тоски, когда после проведенного праздника /отдыха человек вынужден снова возвращаться к рутинным делам.

Испанская культура носит карнавальный характер. О. Пас, рассматривающий отдельные черты этой культуры, определяет ее в качестве «прародительницы и крестной матери мексиканских карнавалов» [17, с. 165]. Анализ фразеологических единиц испанского языка, которые имеют компонент *fiesta,* «можно разделить на две группы в соответствии с типом коннотации: 1) фразеолизмы с положительным коннотативным компонентом и 2) фразеологизмы с отрицательным коннотативным компонентом» [15]. При этом, нами выявлено гораздо больше выражений с положительной коннотацией: «*cara de (dia de) fiesta*» [27] (выглядеть очень довольным), «*como tambor en fiesta*» [27] (быть веселым, оживленным), «*echar las fiestas*» [27] (предвкушать удовольствие от предстоящего праздника), «*todo será fiesta y gloria*» [27] (праздник удался на славу).

Анализ фразеологизмов испанского языка с компонентом *fiesta* показал наличие следующих положительных черт праздника: а) позитивный характер; б) веселый настрой участников, б) торжественно-приподнятая эмоциональная атмосфера, в) праздничная атрибутика, г) сокращение дистанции между участниками праздника (теплые, дружеские отношения), д) положительная оценка происходящего.

Анализ показал и наличие фразеологических единиц, в которых зафиксированы отрицательные стороны праздника. Справедливости ради, отметим, что негативная характеристика дается не празднику как таковому, а отдельным компонентам ситуации, которая складывается вокруг праздника, его организации и поведения некоторых членов социума во время участия в нем: «*decirse uno a otro los nombres de las fiesta*» [27] (ругаться, браниться, обзывать друг друга) и др.

Фразеологические единицы любого языка, как «наиболее этнокультурно-релевантный и национально-окрашенный слой лексики, точно и емко передают национальную и этническую специфику многих феноменов, значимых для данной лингвокультуры. <....> Поскольку на протяжении дальнейшего развития и трансформации языка (лексическая сторона которого выступает наиболее подвижным слоем, подверженным разного рода влияниям как внешнего, так и внутреннего плана) те или иные его стороны и отдельные единицы неизбежно претерпевают определенные изменения, фразеологическая система может рассматриваться как та часть, тот языковой слой, который ярче и рельефнее других отражает этноспецифические особенности национальной культуры и самосознания нации» [13].

В коллективном сознании испанцев оказалась прочно закреплена положительная оценка феномена *fiesta*; данное понятие ассоциируется у представителей как испанской, так и других мировых культур, с положительными эмоциями, хорошим настроением, радостью.

Вместе с тем, анализ пословиц испанского языка позволил выявить и наличие некоторых негативных моментов, которые отмечают представители испанской культуры в отношении праздника (фиесты): «*ni fruta sin desperdicio, ni hombre sin vicio, ni romería sin fornicio*» [27] (нет фрукта без огрызка, мужчины без греха и гулянки без разврата), «*a las romerías y a las bodas, van las locas todas*» [27] (на народные гуляния и свадьбы ходят все сумасшедшие) и т.п. То есть, языковое сознание зафиксировало и закрепило наличие как положительных, так и отрицательных моментов данного феномена. «Фразеологический фонд испанского языка демонстрирует дуалистичный характер праздника. С одной стороны, в фразеологизмах постулируются: 1) радость, веселый настрой, 2) возможность отдыха от дел, 3) чувство единения, 4) наличие особой атмосферы, которые выступают отличительными чертами праздника; с другой стороны, фразеологизмы зафиксировали и негативные стороны праздника: 1) чревоугодие, 2) разврат, 3) жадность и мздоимство устроителей праздника, 4) недостаток средств у простых людей на посещение праздничных мероприятий» [15].

Выводы

Проведенное исследование показало, что феномен праздника является общекультурным явлением, формирующимся в любой лингвокультуре на протяжении всего периода ее развития. Тогда как изначальная природа праздника практически во всех мировых культурах одинакова – праздник возникает по двум глобальным причинам, которые мы бы назвали прагматической и духовной: первая состоит в потребности любого живого существа в отдыхе от повседневных дел, вторая – в необходимости удовлетворения духовных потребностей человека. Однако, национально-культурные особенности социума накладывают отпечаток на дальнейшее развитие данного феномена, формируя как культуру, идеологию, так и атрибутику праздника. Все это приводит к кардинальным отличиям в культуре празднования и организации праздника в разных видах социума. Исследование показало, что первоначально возникнув больше как религиозное действо (выражение благодарности высшим силам), далее праздник трансформируется в соответствии с нормами, ценностями и укладом жизни общества. Так, в русской лингвокультуре оказываются по-прежнему сильны религиозные корни праздничного действа. Испанская лингвокультура, являющаяся (в силу особенностей

исторического развития) культурой карнавальной, делает акцент как на внешней атрибутике праздника, так и на эмоциональном состоянии человека (радость, веселье, общение и т.п.). В английской лингвокультуре силен более деловой подход к празднику и четкое разграничение отдыха и работы, как, по-сути, двух состояний, в каждом из которых периодически оказывается человек. Несмотря на сохранение религиозного компонента в семантике англоязычной лексической единицы «holiday» (святой день), религиозные основы праздничной культуры наименее четко выражены и сохранены в корпусе фразеологизмов, включающих данный компонент. Таким образом, развившись из практически одинакового исходного материала, празник приобретает разные формы и имеет разную ценностную основу в разных мировых культурах.

Лингвокультурное изучение любых феноменов дает ключ к пониманию языка и культуры народа. Тем более ценным оказывается сопоставительное изучение единиц, имеющих как одинаковые черты, так и демонстрирующих различия в пространстве разных культур. Исследование различных аспектов праздника, характеристик и особенностей праздничной культуры, имеющих место в разных типах социума, представляется необходимым для выявления основ, на которых держится та или иная культура, для лучшего понимания менталитета народа и, как результат, для налаживания процесса межкультурной коммуникации, принимая во внимание культурные различия и опираясь на схожие черты, которые можно найти в культуре разных, иногда довольно далеких друг от друга, народов.

Список источников

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. М.: Изд-во МГУ, 1963. 208 с.
2. Апресян Ю.Д. Основные принципы и понятия системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 33 – 74.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
4. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения). Волгоград: Перемена, 2007. 375 с.
5. Вайнрайх У. Опыт семантической теории // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. М., 1981. С. 50 – 177.
6. Вереитинова Т.Ю., Галиченко А.Ю., Азарова Л.И Праздник как историко-антропологический феномен // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2014. № 9 (180). Вып. 28. С. 124 – 129.
7. Виноградов В.В. Избранные труды // Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 140 – 161.
8. Гужова И.В. Ценностная модель праздника как феномена культуры // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 7. С. 92 – 95.
9. Жигульский К. Праздник и культура: праздники старые и новые (размышления социолога). М.: Прогресс, 1985. 336 с.
10. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Советская энциклопедия, 1986. 36 с.
11. Коновал Е.А. Особенности функционирования идиоматики английского языка начала и конца XX века (на материале английской художественной литературы): автореф. дис..... канд. филол. наук. М., 2003. 23 с.
12. Корзюкова З.В. Основные аспекты функционирования фразеологических единиц с именами собственными в английском языке (национально-культурная специфика): дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 83 с.
13. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984. 944 с.
14. Мазаев А.И. Эстетико-культурологические смыслы праздника. М.: Изд-во ГИИ, 2009. 460 с.
15. Оганесян А.О. Фиеста как лингвокультурный феномен: динамический аспект: дис....канд. филол. наук. Волгоград, 2024. 181 с.
16. Орлов О.Л. Российский праздник как историко-культурный феномен: дис. … д-ра культурологии. СПб., 2004. 334 с.
17. Пас О. День всех святых, праздник мертвых // Освящение мига: Поэзия. Философская эссеистика / пер. с исп. СПб.: Симпозиум, 2000. С. 165 – 182.
18. Пигалев А.И. Праздник // Культурологический словарь. URL: http://kultorolog.slovaronline.com/П/411-PRAZDNIK (дата обращения: 21.06.2026)
19. Ромах О.В., Ванченко Т.П. Изучение праздника как социально-философской проблемы // Аналитика культурологии. 2010. № 17. С. 4 – 18.
20. Телия В.Н. Русская фразеология. М.: Языки русской культуры, 1998. 284 с.

21. Титаренко Н.В. Национально-культурная специфика в межъязыковых параллелях (на материале фразеологизмов русского, испанского и английского языков // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 4 (2). С. 59 – 64.

22. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с.

23. DRAE, Diccionario de la Lengua Española Real Academia Española: en 2 vols. 21 ed. Madrid: Espasa-Calpe, 1992. 1552 p.

24. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: OUP, 1986. 1041 p.

25. Moon R. Fixed expressions and idioms in English. Oxford: Clarendon Press, 1998. 134 p.

26. Pastor G.C. Manual de fraseología española. Credos, 1996. 337 p.

27. Varela F., Kubarth H. Diccionario fraseológico del español moderno. Madrid: Gredos, 1994. 296 p.

References

1. Amosova N.N. Basics of English Phraseology. Moscow: Moscow State University Press, 1963. 208 p.

2. Apresyan Yu.D. Basic Principles and Concepts of Systemic Lexicography. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2006. P. 33 – 74.

3. Bakhtin M.M. Aesthetics of Verbal Creativity. Moscow: Iskusstvo, 1986. 445 p.

4. Bobyreva E.V. Religious Discourse: Values, Genres, Strategies (Based on Orthodox Doctrine). Volgograd: Peremena, 2007. 375 p.

5. Weinreich U. An Attempt at Semantic Theory. New in Foreign Linguistics. Issue. 10. M., 1981. P. 50 – 177.

6. Vereitinova T.Yu., Galichenko A.Yu., Azarova L.I. Holiday as a Historical and Anthropological Phenomenon. BelSU Scientific Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Law. 2014. No. 9 (180). Issue 28. P. 124 – 129.

7. Vinogradov V.V. Selected Works. Lexicology and Lexicography. M.: Nauka, 1977. P. 140 – 161.

8. Guzhova I.V. Value Model of Holiday as a Cultural Phenomenon. Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2006. No. 7. P. 92 – 95.

9. Zhigul'skiy K. Holiday and Culture: Holidays Old and New (Reflections of a Sociologist). Moscow: Progress, 1985. 336 p.

10. Zhukov V.P. Dictionary of Russian Proverbs and Sayings. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1986. 36 p.

11. Konoval E.A. Features of the Functioning of English Idioms of the Early and Late 20th Century (Based on English Fiction): Abstract of Cand. Sci. (Philology) Dissertation. Moscow, 2003. 23 p.

12. Korzyukova Z.V. Key Aspects of the Functioning of Phraseological Units with Proper Names in English (National and Cultural Specificity): Cand. Sci. (Philology) Dissertation. Moscow, 2003. 83 p.

13. Kunin A.V. English-Russian Phraseological Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1984. 944 p.

14. Mazaev A.I. Aesthetic and Cultural Meanings of the Holiday. Moscow: GII Publishing House, 2009. 460 p.

15. Oganesyan A.O. Fiesta as a Linguocultural Phenomenon: Dynamic Aspect: Dissertation by Cand. Sci. (Philology). Volgograd, 2024. 181 p.

16. Orlov O.L. Russian Holiday as a Historical and Cultural Phenomenon: Dissertation by Doctor of Cultural Studies. St. Petersburg, 2004. 334 p.

17. Paz O. All Saints' Day, Feast of the Dead. Sanctification of the Moment: Poetry. Philosophical essays. translated from Spanish. St. Petersburg: Symposium, 2000. P. 165 – 182.

18. Pigalev A.I. Holiday. Cultural Dictionary. URL: http://kultorolog.slovaronline.com/P/411-PRAZDNIK (accessed: 21.06.2026)

19. Romakh O.V., Vanchenko T.P. Studying the holiday as a socio-philosophical problem. Analytics of cultural studies. 2010. No. 17. P. 4 – 18.

20. Telia V.N. Russian phraseology. Moscow: Languages of Russian culture, 1998. 284 p.

21. Titarenko N.V. National and cultural specificity in interlingual parallels (based on phraseological units of the Russian, Spanish, and English languages). Ecology of language and communicative practice. 2019. No. 4 (2). P. 59 – 64.

22. Ushakov D.N. Explanatory dictionary of the modern Russian language. Moscow: Adelant, 2014. 800 p.

23. DRAE, Diccionario de la Lengua Española Real Academia Española: en 2 vols. 21 ed. Madrid: Espasa-Calpe, 1992. 1552 p.

24. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: OUP, 1986. 1041 p.

25. Moon R. Fixed expressions and idioms in English. Oxford: Clarendon Press, 1998. 134 p.

26. Pastor G.C. Manual de fraseología española. Credos, 1996. 337 p.

27. Varela F., Kubarth H. Diccionario fraseológico del español moderno. Madrid: Gredos, 1994. 296 p.

Информация об авторах

Бобырева Е.В., ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0359-5751, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 400005, г. Волгоград, пр. Ленина, 27, new_life@mail.ru

Оганесян А.О., ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-7650-3830, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 400005, г. Волгоград, пр. Ленина, 27, oganesyananna1994@mail.ru

Титаренко Н.В., ORCID ID: https://orcid.org/00-0003-0192-1613, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 400005, г. Волгоград, пр. Ленина, 27, natalia-v-titarenko@yandex.ru

© Бобырева Е.В., Оганесян А.О., Титаренко Н.В., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 82.09:82-992 5.9.1
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-183-189

Флора как средство формирования геопоэтического образа в книге Н.М. Пржевальского «Путешествие в Уссурийском крае»

[1] Гапоненко К.Р.,
[1] Тихоокеанский государственный университет

Аннотация: статья посвящена исследованию роли растительного мира в формировании геопоэтического образа Уссурийского края в книге Н.М. Пржевальского «Путешествие в Уссурийском крае». На основе анализа лексики растительного мира и фитонимических единиц рассматриваются способы художественной репрезентации природного пространства в путевой прозе XIX века. Материалом исследования является текст книги Н.М. Пржевальского; методика включает сплошную выборку растительных номинаций, анализ их состава, частотности и функций в структуре произведения.

Установлено, что растительный мир в произведении выполняет не только описательную, но и смыслообразующую функцию. Доминирование номинаций, связанных с лесным и растительным покровом, формирует общий пространственный каркас образа Уссурийского края, тогда как конкретные фитонимы обеспечивают его региональную детализацию. Выявлено, что флора участвует в реализации пространственно-локализующей, регионально-маркирующей, пейзажной, хозяйственной и экологической функций, благодаря чему природное пространство предстает как сложная система взаимодействия человека и территории.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении растительных номинаций книги Н.М. Пржевальского как элементов геопоэтической организации пространства, позволяющих выявить особенности художественного освоения Уссурийского края.

Ключевые слова: геопоэтик, геопоэтический образ территории, Уссурийский край, путевая проза XIX века, фитонимическая лексика, растительные образы, художественное пространство, дальневосточный текст

Для цитирования: Гапоненко К.Р. Флора как средство формирования геопоэтического образа территории в книге Н.М. Пржевальского «Путешествие в Уссурийском крае» // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 183 – 189. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-183-189

Поступила в редакцию: 18 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 15 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

The flora as a means of forming the geopoetic image of the territory in N.M. Przhevalsky's book «Journey through the Ussuri Region»

[1] Gaponenko K.R.,
[1] Pacific State University

Abstract: the article is devoted to the study of the role of flora in the formation of the geopoetic image of the Ussuri Region in N.M. Przhevalsky's book «Journey through the Ussuri Region». Based on the analysis of plant vocabulary and phytonymic units, the study examines the ways of artistic representation of natural space in nineteenth-century travel prose. The research material is the text of N.M. Przhevalsky's work; the methodology includes a continuous selection of plant nominations followed by an analysis of their composition, frequency and functions within the structure of the text.

The study demonstrates that flora in the work performs not only a descriptive but also a meaning-forming function. The dominance of nominations associated with forest and vegetation forms the general spatial framework of the image of the Ussu-

ri Region, while specific phytonyms provide its regional specification. It is revealed that plant images contribute to the realization of spatial-localizing, regionally marking, landscape, economic and ecological functions, allowing the natural space to be represented as a complex system of interaction between humans and territory.

The scientific novelty of the research lies in considering plant nominations in N. M. Przhevalsky's book as elements of the geopoetic organization of space, which reveal the peculiarities of the artistic representation of the Ussuri Region.

Keywords: geopoetics, geopoetic image of the territory, Ussuri Region, nineteenth-century travel prose, phytonymic vocabulary, plant images, artistic space, Far Eastern text

For citation: Gaponenko K.R. The flora as a means of forming the geopoetic image of the territory in N.M. Przhevalsky's book «Journey through the Ussuri Region». Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 183 – 189. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-183-189

The article was submitted: July 17, 2026; Approved after reviewing: August 14, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

В современном литературоведении пространство художественного произведения рассматривается не только как категория изображения, но и как значимый элемент смысловой организации текста. Одним из актуальных подходов к его изучению является геопоэтический анализ, позволяющий исследовать способы художественного освоения территории и особенности её образного представления. Вслед за концепцией геопоэтики В.В. Абашева геопоэтический образ можно понимать как художественно осмысленный образ территории, в котором природно-географические особенности пространства приобретают эстетическое и культурное значение [1]. Современные исследования рассматривают геопоэтический образ как результат эстетического моделирования действительности, в процессе которого территория получает культурно-семиотическое наполнение [8].

Геопоэтический подход интерпретирует пространство через систему образов и смыслов [4]. Возникая по мере того, как культура осваивает пространство, эти образы и смыслы в художественном сознании отделяются от физических параметров территории, а пространственные компоненты, вплетаясь в текст, формируют смысловое целое произведения [11].

Данная методика особенно актуальна при анализе литературных произведений, посвященных Дальнему Востоку Леса, горные массивы и флора региона, формируя самобытность территории, становятся компонентами художественного образа, а в литературных текстах природные элементы порождают смыслы и конструируют целостный облик региона [3].

Книга Н.М. Пржевальского выявляет продуктивность теоретической рамки, соединяющей пространственный анализ и категорию локального дискурса, который описывает набор устойчивых образов и тематических элементов, характерных для конкретной географической области [10]. Уссурийский край в произведении формируется географическими реалиями и системой природных образов, в которой доминирует растительность.

Художественное освоение пространства предполагает не простую фиксацию природных особенностей территории, а преобразование географической реальности в систему художественных смыслов. Как отмечают В.В. Абашев и А.В. Фирсова, литературный текст, связывая события и образы с конкретным местом, не только описывает пространство, но и структурирует его, формируя его символический образ [2]. Это положение позволяет рассматривать описание Уссурийского края у Н.М. Пржевальского как процесс художественного освоения территории через систему природных образов.

Книга Н.М. Пржевальского «Путешествие в Уссурийском крае» занимает особое место в истории русской литературы путешествий XIX века. Созданная на основе экспедиционных наблюдений, она соединяет черты научного описания и художественного освоения пространства. Особенность путевой прозы как литературного феномена заключается в соединении документального начала и художественной организации материала: тексты путешествий одновременно фиксируют реальные наблюдения и формируют определённую модель восприятия пространства [6]. При этом территория в путевом тексте раскрывается не только через описание маршрута и географических реалий, но и через авторскую интерпретацию, благодаря чему конкретные места становятся элементами смысловой организации произведения [5].

Одним из ключевых средств формирования геопоэтического образа Уссурийского края становится изображение растительного мира. Флора в произведении не ограничивается ролью естественно-научного материала: через систему фитонимов происходит художественная концептуализация территории. Расти-

тельные образы позволяют автору передать особенности дальневосточного ландшафта, обозначить региональную специфику пространства и показать взаимодействие человека с природной средой.

Исследование фитонимической системы произведения основывается на понимании художественного пространства как целостной структуры, в которой отдельные элементы изображения объединяются в систему смыслов. Как отмечает Д.С. Лихачёв, внутренний мир художественного произведения обладает определённой целостностью, а элементы изображаемой действительности формируют художественное единство [7]. Это позволяет рассматривать фитонимы в книге Н.М. Пржевальского не только как названия природных объектов, но и как средства организации художественного пространства.

Воссоздание геопоэтического образа Уссурийского края, зафиксированного в записках Н.М. Пржевальского, опирается на изучение системы растительных образов; решение этой задачи включает несколько взаимосвязанных этапов. Первый этап – классификация фитонимов по основным группам. Параллельно анализируются закономерности, управляющие интеграцией этих элементов в общую ткань ландшафтных описаний, выясняется, как растительные образы формируют представление о самобытности региона, и исследование переходит от фиксации природных явлений к осмыслению флоры как компонента хозяйственного освоения территории.

Материалы и методы исследований

Материалом для анализа послужил текст Н.М. Пржевальского «Путешествие в Уссурийском крае», который, будучи образцом научно-путевой прозы XIX века, соединяет документальные наблюдения с художественным осмыслением территории, а фитонимическая система этого произведения (вся совокупность обозначений растений, формирующих образ региона) становится объектом исследования, проведенного методом сплошной выборки единиц с последующим изучением их лексического состава, частотности и функций. Среди них преобладают родовые обозначения (лес, леса, деревья, растительность, кустарники, трава). Родовые обозначения с высокой частотностью задают обобщенный образ природы, указывая на осмысление Уссурийского края как целостного пространства, тогда как конкретные фитонимы служат средством его детализации, раскрывая ботаническую специфику. Лексема «лес» зафиксирована 124 раза, что закрепляет ее статус центрального пространственного маркера. Остальные высокочастотные единицы, среди которых «дерево/деревья» (66 упоминаний), «трава» (64), «растительность» (27), «кустарники» (26), отражают ориентацию автора на природные комплексы, а отдельные ботанические объекты практически не попадают в фокус его внимания.

Количественный анализ фитонимического материала позволил выявить наиболее устойчивые элементы растительного кода произведения и определить их роль в создании геопоэтического образа территории. Качественный анализ направлен на выявление основных функций флоры в тексте: пространственно-локализующей, регионально-маркирующей, пейзажной, хозяйственной и экологической.

Результаты и обсуждения

Анализ фитонимической системы произведения показывает, что организация растительного образа строится по принципу движения от общего восприятия природного пространства к его конкретизации. Локальное распределение фитонимических единиц в первой главе подтверждает данную тенденцию: наиболее частотными становятся номинации лес / леса (9 употреблений), деревья (5 употреблений). Среди конкретных фитонимов выделяется касатик (3 употребления), далее следуют трава, кустарники, луга, лютик, цветы (по 2 употребления). Такое соотношение отражает характерную для Пржевальского стратегию описания: растительный мир первоначально выступает как целостный образ территории, а затем раскрывается через отдельные виды и группы растений.

Флора Уссурийского края в описании Н.М. Пржевальского фиксируется как пограничное природное пространство, соединяющее элементы различных географических зон. Автор, подчеркивая это своеобразие через сочетание северных и южных форм, передает почти физическое ощущение несовместимости: «Как-то странно непривычному взору видеть такое смешение форм севера и юга, которые сталкиваются здесь как в растительном, так и в животном мире» [9, с. 42]. Смешение разнородных компонентов превращается в ключ к пониманию уникальности региона.

Центральным образом, структурирующим восприятие Уссурийского края, выступает лес, и эта закономерность удерживается при детальном рассмотрении флористических характеристик. Научно-описательный характер изложения во второй главе диктует доминирование термина «растительность», зафиксированного десятикратно. Совместное употребление слов «лес/леса» и «деревья» порождает образ растительного покрова как многокомпонентной природной экосистемы.

Лесная лексика формирует первоначальную пространственную парадигму произведения, а местность описывается как ареал обильной и в значительной мере неосвоенной человеком природы. Лес у Пржевальского перерастает функцию простой декорации путешествия. Описания разворачивают его в самостоятельный предмет эстетической рефлексии, внутри которой раскрывается уникальность края.

Характеризуя рельеф, исследователь замечает: «местность на всем вышеозначенном протяжении носит вообще гористый характер, то дикий и угрюмый там, где горы покрыты дремучими, преимущественно хвойными лесами, то более смягченный там, где расстилаются безлесные степные пространства» [9, с. 24]. Растительность берет на себя пространственно-организующую функцию: тип покрова задает различие природных зон, формирует сам образ территории. Противопоставление лесных и степных массивов высвечивает неоднородность края и особенности его внутренней организации.

Общим пейзажным образом флора не исчерпывается. Растительный мир исподволь трансформируется в систему признаков, позволяющих определять специфику отдельных участков местности. Переход от общей номинации лесного пространства к конкретизации состава (через древесные породы, кустарники, травянистые растения) превращает фитонимы в своеобразные маркеры пространства. Обилие растительности, ее неизведанность и многокомпонентность служат ключевыми характеристиками изображаемой Пржевальским территории.

Особенно выразительно эта идея раскрывается в описании сочетания древесных пород: «поражает вид ели, обвитой виноградом, или пробковое дерево и грецкий орех, растущие рядом с кедром и пихтой» [9, с. 42].

В данном фрагменте фитонимы приобретают регионально-маркирующую функцию: они становятся не только названиями растений, но и знаками уникальности территории. Если частотные номинации (лес, деревья, трава) формируют общий природный фон, то единичные фитонимы (ель, виноград, пробковое дерево, грецкий орех) обеспечивают индивидуализацию образа Уссурийского края.

В дальнейшем данный принцип реализуется через описание смены природных комплексов. Растительность становится своеобразным показателем движения путешественника: изменение состава флоры отражает изменение рельефа, климата и характера местности. Так, характеризуя южную часть Уссурийского края, Пржевальский отмечает: «В береговой полосе преобладает всё тот же дуб, и только с приближением к гавани Св. Ольги чаще показываются кедры и ели, да и то преимущественно на северных склонах гор» [9, с. 128].

Меняя фитонимический состав и создавая художественную карту территории, Пржевальский наделяет названия деревьев (ель, кедр, дуб) функцией пространственных ориентиров, которые показывают, как меняется природная среда, и выходят за рамки ботанической номенклатуры. Растительный мир на такой карте указывает на особенности конкретного участка пространства.

Наделяя местность свойствами художественного полотна, Пржевальский превращал фитонимический состав в маркер индивидуальных черт каждого локуса и направлял описательную оптику на целостные растительные сообщества, так что отдельные растения отступали на второй план. Лесные массивы Уссурийского края обретают у него детализированную вертикальную структуру. «Все эти горы покрыты лиственными лесами, состоящими, главным образом, из дуба и черной березы с густым подлеском лещины, таволги, леспедецы, калины, бузины и других кустарников», – замечает Пржевальский [9, с. 170].

Установка на системность проступает в том, как древесные породы создают несущий каркас пространства, а кустарники насыщают его внутренний объем, превращая лес в многослойное образование. Полнота растительного покрова задает неповторимость всему природному комплексу, а флора перестает дробиться на отдельные элементы, обретая качества единой системы, в которой научная достоверность неотделима от пластической выразительности словесного образа.

Описание травянистой и болотной растительности также вносит значительный вклад в создание геопоэтического облика края. Если лесная флора связана преимущественно с устойчивым образом территории, то травянистые растения позволяют передать изменчивость природного пространства и зависимость растительного покрова от условий среды. При описании болотных районов Пржевальский подчёркивает связь характера местности с её растительным составом: «Берега её и долина, раскинувшаяся здесь вёрст на 20 ширины, представляет сплошное болото, поросшее тростником, аиром, тростеполевицей, осокою и другими болотными травами» [9, с. 174].

В данном случае фитонимы выполняют пространственно-локализующую функцию: тростник, аир, осока становятся признаками заболоченного пространства, определяя его визуальный облик и особенности освоения. Через растительные характеристики автор раскрывает не только внешний вид территории, но и условия взаимодействия человека с природной средой.

Фитонимическая система произведения формирует многоуровневый образ Уссурийского края: от общего представления о лесном пространстве к характеристике отдельных природных комплексов и далее – к осмыслению территории как единства природных и антропологических связей. Основные функции флоры проявляются в её способности организовывать пространство текста, маркировать региональное своеобразие территории и раскрывать взаимодействие природы и человека.

Прежде всего, растительные номинации выполняют пространственно-локализующую функцию. Состав флоры позволяет определить особенности конкретных участков территории, отражая изменения рельефа, влажности и природных условий. Показательно, что Пржевальский непосредственно связывает изменение растительности с изменением пространства: «С изменением характера реки и её долины изменяется характер и растительности» [9, с. 174]. Таким образом, растения становятся своеобразными ориентирами внутри географической структуры края.

Пржевальский, комбинируя видовые фитонимы (кедр, ель, дуб, виноград, пробковое дерево, грецкий орех) с родовыми обозначениями, наделяет флору способностью маркировать регион. Образ Уссурийского края складывается как образ уникального природного пространства, в котором сочленяются и взаимодействуют элементы разных географических зон. Конкретные названия растений сообщают территории ее индивидуальный облик. И если родовые фитонимы («лес», «деревья», «трава») задают общий природный фон, то видовые (например, кедр, дуб, виноград) прорисовывают региональную специфику растительности.

Пейзажная функция определяет своеобразие растительного описания ровно в той мере, в какой фитонимы выстраивают визуальную организацию пространства, уточняя его масштаб и многообразие. Научная точность усиливает художественную выразительность произведения, а перечисление различных видов деревьев, кустарников и трав формирует образ сложного, многоярусного природного комплекса. Описание дуба, березы, лещины, таволги, леспедецы, калины и других растений создает целостное видение дальневосточного ландшафта, лишенное сухости ботанической сводки.

Хронологическая функция растительных образов отражает сезонные изменения природы, и временная организация пространства раскрывается через динамику растительного покрова. Территория Уссурийского края предстает живой природной системой, меняющейся в соответствии с сезонными циклами, а не статичным объектом.

Фитонимы упоминаются заметно чаще в тех частях произведения, где растения интегрированы в систему практического освоения территории. Здесь проявляется хозяйственная функция флоры. Морская капуста (20 раз), просо (14), женьшень (13), корень (9) фигурируют наиболее часто, и растительный мир в данном контексте выступает ресурсом для человеческой деятельности, теряя статус нейтрального элемента природного окружения.

Образ женьшеня символизирует промысловое и экономическое значение региона, тогда как Пржевальский акцентирует внимание на последствиях человеческого воздействия на природу, и образ дуба фиксируется как важнейший компонент уссурийского леса и объект интенсивной эксплуатации. Флора приобретает экологическое измерение, становясь частью более широкой системы взаимодействия человека и природы.

Выводы

Геопоэтический образ территории, как демонстрирует анализ фитонимической системы «Путешествия в Уссурийском крае», складывается из растительного мира, задающего один из структурообразующих принципов повествования. Названия растений не сводятся к простой инвентаризации флоры. За описательной функцией скрывается задача смыслового наполнения пространства, значительно более сложная.

Фитонимы вводят систему координат, которая воссоздает региональную специфику Уссурийского края, очерчивая границы ландшафта и фиксируя типы отношений между человеком и природной средой. Текстовая ткань выстраивается через растительные образы. Они задают логику повествования и определяют саму морфологию описываемого мира.

Количественное преобладание родовых обозначений (лес, деревья, растительность, трава) формирует общий образ природного пространства, тогда как конкретные фитонимы обеспечивают его индивидуализацию и региональную маркированность. Через систему растительных образов Уссурийский край предстает у Н.М. Пржевальского не только как объект естественно-научного наблюдения, но и как художественно осмысленная территория, обладающая собственной природной идентичностью.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-28-20237 (https://rscf.ru/project/26-28-20237/) и Министерства образования и науки Хабаровского края (№ 141С/2026)

Список источников

1. Абашев В.В. Литература Урала: проблемы геопоэтики. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2012. 168 с.

2. Абашев В.В., Фирсова А.В. План местности: литература как путеводитель // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 4. С. 98 – 99.

3. Васильева Т.В. Геопоэтический образ тайги в прозе А. В. Елисеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18, вып. 3. С. 894 – 900.

4. Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.

5. Калуцков В.Н. Южанин в Сибири: литературно-географическое исследование путешествия А.П. Чехова (на материале очерков А.П. Чехова «Из Сибири» и его путевых писем) // Географический вестник. 2021. № 3 (58). С. 74 – 91.

6. Кублицкая О.В. Путевая проза: жанр, стиль, дискурс, нарратив (итоги и перспективы изучения) // Вестник Марийского государственного университета. 2019. Т. 13. № 1. С. 76 – 84.

7. Лихачёв Д.С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74 – 87.

8. Новикова Н.А. Геопоэтический образ как культурный знак, процесс и результат эстетического моделирования действительности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 658 – 685.

9. Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. М.: Государственное издательство географической литературы, 1947. 272 с.

10. Приходченко И.О. Локальный текст провинциальной литературы: к вопросу об определении понятия и истории изучения // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2023. Т. 17. № 1. С. 30 – 42.

11. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики; отв. ред. Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1983. С. 227 – 284.

References

1. Abashev V.V. Literature of the Urals: Problems of Geopoetics. Perm: Perm State National Research University, 2012. 168 p.

2. Abashev V.V., Firsova A.V. Area Plan: Literature as a Guide. Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology. 2010. Issue 4. P. 98 – 99.

3. Vasilyeva T.V. Geopoetic Image of the Taiga in the Prose of A.V. Eliseev. Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. 2025. Vol. 18, issue 3. P. 894 – 900.

4. Zamyatin D.N. Culture and Space: Modeling Geographical Images. Moscow: Znak, 2006. 488 p.

5. Kalutskov V.N. A Southerner in Siberia: A Literary and Geographical Study of A.P. Chekhov's Journey (Based on A.P. Chekhov's Essays "From Siberia" and His Travel Letters). Geographical Bulletin. 2021. No. 3 (58). P. 74 – 91.

6. Kublitskaya O.V. Travel Prose: Genre, Style, Discourse, Narrative (Results and Prospects of Study). Bulletin of the Mari State University. 2019. Vol. 13. No. 1. P. 76 – 84.

7. Likhachev D.S. The Inner World of a Work of Art. Voprosy literatury. 1968. No. 8. P. 74 – 87.

8. Novikova N.A. Geopoetic Image as a Cultural Sign, Process, and Result of Aesthetic Modeling of Reality. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 658 – 685.

9. Przheval'skii N.M. Journey to the Ussuri Region. Moscow: State Publishing House of Geographical Literature, 1947. 272 p.

10. Prikhodchenko I.O. Local Text of Provincial Literature: On the Definition of the Concept and History of its Study. Science of Man: Research in the Humanities. 2023. Vol. 17. No. 1. P. 30 – 42.

11. Toporov V.N. Space and Text. Text: Semantics and Structure.USSR Academy of Sciences, Institute of Slavic and Balkan Studies; ed. T.V. Tsivyan. M.: Nauka, 1983. P. 227 – 284.

Информация об авторе

Гапоненко К.Р., ассистент, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0006-0165-9888, Высшая школа русской филологии, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, Тихоокеанский государственный университет, 680000, г. Хабаровск, ул. Груднова, д. 1, ignatovakristina381@gmail.com

© Гапоненко К.Р., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 821.512.141.09
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-190-195

Жанрово-стилевые поиски в современной башкирской прозе

[1] Гареева Г.Н., [1] Мустафина Р.Д., [1] Галлямов А.А.,
[1] Уфимский университет науки и технологий

Аннотация: литературный стиль отражает общий уровень культуры того или иного народа, а многообразие стилей обогащает духовную жизнь народа новыми эстетическими ценностями. Всероссийский литературный процесс предполагает взаимное влияние и взаимообогащение как один из основных факторов развития каждой национальной литературы. Закономерности жанрово-стилевого развития современной башкирской прозы формируются на общем фоне развития литератур народов России, ввиду того, что на фоне этого многообразия национальная проза приобретает наиболее значимое содержание и яркую краску, проявляется как одно из самобытных и богатых по жанрово-стилевым признакам явлений всероссийского литературного процесса. Самый значимый жанр прозы – романы национальных литератур являются результатом взаимодействия национальных эпических, фольклорных, письменных традиций и художественного опыта реалистического метода. Жанрово-стилевые поиски в прозе считаются одной из самых больших литературно-художественных проблем. Прозаические формы, определяют уровень реалистического отображения окружающей среды, отношение реализма к истории, к жизни народа, также являются критерием роста национальной литературы.

В современной башкирской прозе идут интенсивные творческие поиски в жанрово-стилевом аспекте, происходит созревание национального художественного сознания и мастерства, движение и обновление жанров в процессе их взаимодействий. Условная форма, аллегоричность, фантастика, гротеск, мистика, мифологичность, иносказательность, символика – все это способствуют выразительнее воссоздавать картины действительности в их сложнейших проявлениях, служат для образного, эмоционально насыщенного и выразительного, выпуклого раскрытия авторского замысла, для более полной и глубокой передачи основной идеи произведения.

Ключевые слова: башкирская литература, проза, жанр, стиль, реализм, романтизм, мифологичность, мистический сюжет, приключенческий элемент, сатира, аллегория, условность, иносказание, символика

Для цитирования: Гареева Г.Н., Мустафина Р.Д., Галлямов А.А. Жанрово-стилевые поиски в современной башкирской прозе // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 190 – 195. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-190-195

Поступила в редакцию: 19 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 16 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

Genre and stylistic searches in modern Bashkir prose

[1] Gareeva G.N., [1] Mustafina R.D., [1] Gallyamov A.A.,
[1] Ufa University of Science and Technology

Abstract: literary style reflects the overall level of culture of a particular people, and the diversity of styles enriches the spiritual life of the people with new aesthetic values. The all-Russian literary process предполагает mutual influence and mutual enrichment as one of the main factors in the development of each national literature. The patterns of genre and stylistic development of modern Bashkir prose are formed against the general backdrop of the development of the literatures of the peoples of Russia, since against this diversity national prose acquires the most significant content and vivid colour, manifesting itself as one of the unique phenomena of the all-Russian literary process, rich in genre and stylistic features. The most significant genre of prose – novels in national literatures – is the result of the interaction of national epic, folklore, and written tradi-

tions and the artistic experience of the realistic method. Genre and stylistic explorations in prose are considered one of the greatest literary and artistic problems. Prose forms determine the level of realistic depiction of the environment, the relationship between realism and history, and the life of the people; they also serve as a criterion for the growth of national literature.

In modern Bashkir prose, intensive creative explorations are taking place in the genre and stylistic aspect; the national artistic consciousness and skill are maturing, and genres are moving and renewing themselves through their interactions. The условная form, allegorical nature, fantasy, grotesque, mysticism, mythological elements, figurative language, and symbolism – all of this helps to recreate depictions of reality in their most complex manifestations more vividly; it serves to reveal the author's intent in a figurative, emotionally rich, and expressive, vivid way, and to convey the main idea of the work more fully and deeply.

Keywords: Bashkir literature, prose, genre, style, realism, romanticism, mythological nature, mystical plot, adventurous element, satire, allegory, conventionality, figurative language, symbolism

For citation: Gareeva G.N., Mustafina R.D., Gallyamov A.A. Genre and stylistic searches in modern Bashkir prose. Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 190 – 195. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-190-195

The article was submitted: July 19, 2026; Approved after reviewing: August 16, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

В современном литературоведении ведутся различные научные изыскания, связанные с анализом интенсивных поисков в области жанрово-стилевых взаимодействий: исследование проявлений синтеза в одном тексте прозаических, лирических и драматических начал [4, с. 158-165], проблемы разграничения жанров вследствие их взаимопроникновения [5, с. 45-58], жанровых особенностей антиутопии, элементов философской притчи, взаимодействующих с такими стилевыми приёмами Бёрджесса, как жаргон, языковая игра, специфическая ирония [8, с. 4244-4251], изучение особенностей стиля и коммуникации в процессе эволюции жанровых форм в цифровой среде [9, с. 112-129], специфического жанра в рамках национальной традиции, стилевых маркеров (особенности повествования, использование фольклорных мотивов), служащих распознаванию [10, с. 200-205], стиля и жанра в условиях конвергенции медиа [11].

В современной башкирской прозе активно развиваются жанрово-стилевые поиски, связанные с формированием национального художественного сознания и обновлением системы жанров. Взаимодействие реалистического и романтического начал, фантастики, гротеска, мистики, мифологии, аллегории и символики позволяет писателям создавать многослойную картину действительности и глубже раскрывать авторскую проблематику. **Цель исследования** – выявить особенности жанрово-стилевого развития современной башкирской прозы и определить роль иносказательных форм в раскрытии общественно-политических и духовно-нравственных проблем. В статье анализируются повести Р. Камала, А. Аминева, С. Ильясова, А. Утябая, Б. Нугуманова, Ф. Латиповой, Ф. Акбулатовой, Х. Суюндукова и других авторов.

Для достижения поставленной цели нами осуществлялось решение следующих **задач:**

1. исследовать художественно-эстетические, стилевые особенности произведений Р. Камала, А. Аминева, А. Утябая, Б. Нугуманова, Ф. Латиповой, Ф. Акбулатовой, С. Ильясова и др.
2. проанализировать основные направления развития современной башкирской прозы в аспекте взаимодействия и синтеза жанров и стилей;
3. выявить активное использование приема иносказательности, символики как эффективных средств воплощения основной идеи авторов.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили собрания сочинений и отдельные издания произведений указанных башкирских прозаиков. В работе использованы историко-типологический метод, позволяющий выявить общие черты в творчестве башкирских и российских писателей, а также метод целостного анализа литературного произведения. Последний применён для изучения проблематики, тематики и жанрового своеобразия повестей Р. Камала, А. Аминева, А. Утябая, Б. Нугуманова, Ф. Латиповой, Ф. Акбулатовой, С. Ильясова и других авторов.

Результаты и обсуждения

Повесть Р. Камала «Любовь дьявола» (1999) построена на синтезе реалистического и романтического начал, мифологических, мистических и приключенческих элементов. В центре произведения находится ис-

тория любви Хуснуллы – сына Иблис – к земной девушке Назе. Этот сюжет связан с мотивом духовного преображения: любовь способна изменить даже природу демонического персонажа.

Наряду с романтической сюжетной линией в повести развивается критический план, связанный с изображением общественных и духовно-нравственных проблем [1, с. 18]. Автор обращается к мотивам мстительности, злобы, страха и духовного разложения. Социальная действительность раскрывается преимущественно посредством иносказаний и символических образов, хотя в отдельных эпизодах появляются прямые публицистические оценки.

Поэтому религиозно-фантастический сюжет приобретает более широкое общественно-политическое значение. История родины Иблиса постепенно начинает восприниматься как иносказательное изображение страны, в которой живут герои и современный читатель.

В повести А.Аминева “Цветок астра” (2012), относящейся к литературе постмодернизма, организованной на глубоком подтексте, обличается общественный строй, где истребляют дух свободомыслия, стремление отстаивать свою позицию. Люди находятся в запертом доме, построенном на костях тысяч и тысяч жертв, фундамент этого дома уже разваливается, проваливается под землю. Как муха, пытающаяся очутиться через запертое наглухо окно на свободе, вынужденные жить в запертом, проваливающемся доме – в гнилом общественном строе униженные, бедные люди пытаются выйти на свободу, пытаются обмануть самих себя.

В повести С. Ильясова «Буланый иноходец» судьба коня становится аллегорическим отражением судьбы человека, обладающего выдающимися способностями, но не получающего признания и поддержки. Кола рано теряет мать, однако, благодаря заботе другой кобылицы, вырастает сильным и выносливым скакуном. Он неоднократно побеждает на скачках, но в повседневной жизни остаётся рабочим конём и подвергается жестокой эксплуатации.

Противопоставление победного пространства скачек и тяжёлой повседневности формирует центральный конфликт повести. Общественное признание оказывается кратковременным и поверхностным, тогда как реальная жизнь героя определяется тяжёлым трудом, равнодушием и несправедливостью. В образе Кола тем самым раскрывается проблема недооценки талантливых людей, чьи способности используются, но не получают подлинного общественного признания.

Аллегорический план усиливается посредством несобственно-прямой речи. Размышления коня, сопровождаемые авторскими комментариями и вопросительно-восклицательными конструкциями, позволяют перенести повествование из сферы изображения животного мира в сферу социально-нравственного анализа.

Жанрово-стилевое развитие башкирской прозы и в аспекте отражения жизненного материала, и в аспекте создания ярких художественных образов отчетливо прослеживается на примере повестей А. Утябая, Б. Нугуманова, Р. Камала, Ф. Акбулатовой, Ф. Латиповой, Х. Суюндкова и др., как и в произведениях представителей русской литературы А. Иванова, С. Лукьяненко, А. Пехова, Э. Веркина, М. Глебова, Д. Бобылевой и др., которым характерен синтез реализма, романтизма, научной фантастики, мифологии, мистики, приключенчества.

В фантастических, мифологических, мистических повестях А. Утябая “Сверкание молнии”(2001), “Тараул”, “Тоска”, “Ищу себя”, “Любимый” (2003) с духовной высоты святых оценивается сегодняшняя сложная противоречивая жизнь, ее смысл и суть [2, с. 301].

В повести “Сверкание молнии” изображается борьба двух разных сил – святого духа и страдающего завистливого духа сгоревшего дотла на своем комбайне Тимирьяна. Хотя в повести довольно много фантастических картин, события, происходящие во времена воинствующего атеистического воспитания масс, изображены точь в точь как в реальной действительности.

Молния выступает в контрастном плане и как приводящая к трагедии сила, и как вера в будущее, как надежда и счастье; в произведении развиваются две не связанные друг с другом сюжетные линии.

В первой сюжетной линии повествуется о разрушении счастливой семейной жизни Зифы и Камиля духом завистливого Тимирьяна, сгоревшего заживо и не похороненного как положено, не перешедшего в мир иной.

Камиль из-за неравной борьбы с проклятым духом сваливается с инсультом. Затем не прислушивается к совету предсказательницы оставить жену, не хочет мириться с жестокой действительностью, и теряет любимую из-за чрезмерной уверенности, что никто и ничто не сможет их разлучить.

В финале неравная борьба с заблудшей, неупокоенной душой Тимерьяна огненным комком, молнией, астральным явлением приводит обычных людей к трагическому концу.

В другой сюжетной линии рассказывается о судьбе предсказательницы Ямили, к которой приходит Камиль за помощью. Ямиля предстает настойчивой, целеустремленной, внимательной, доброй женщиной со светлой душой. Ее детство приходится на тяжелое военное время, она выросла в семье, клейменной "семьей врага народа". Ямиля была вынуждена переехать из родных мест Иргиза, не поддавалась гонениям, смогла выучиться в педучилище. Она выходит замуж за кажущегося на первый взгляд высокомерным Закирьяна, создает счастливую семью, работает учительницей в городской школе, становится счастливой матерью, воспитывает двух сыновей.

Когда Мутахар-хазрет переходит в мир иной, Ямиля со своим мужем каждую пятницу посещают его могилу, организуют чтение сур, аятов. Воспитанные в духе воинствующего атеизма местные жители воспринимают эти действия враждебно, опровергают, обвиняют, дают издевательские прозвища "мулла", "абыстай", припоминают, что Ямиля пришлая, чужая.

Ямилю увольняют за то, что она "в советской школе преподает религиозные уроки, распространяет суфийскую идеологию". Мужа, занимающего в комбинате солидную должность, тоже выгоняют с работы якобы по объективной причине, сыновей в школе обижают сверстники, учителя.

Трагическая смерть Закирьяна, смерть старшего свекра Хусаина, смерть родной матери, друг за другом, огромным горем ложатся на плечи женщины. Преодолеть тяжелые испытания, не впасть в депрессию помогают сильный дух Ямили и совет Мутахара-хазрета быть терпеливой.

Несмотря на многочисленные страдания и унижения, Ямиля не теряет веру в будущее, сердце ее не черствеет. "Вернуть удачу роду, разорвать узелок проклятия суждено тебе", – говорит Ямиле Мутахар-хазрет. Верная его завету, выполняющая его волю Ямиля Ирназарова проходит через непреодолимые препятствия, милосердием и силой всевышних добивается своей цели. Когда начались резкие преобразования в жизни страны, она находит возможность открыть центр ауры в столице, протягивает руку помощи нуждающимся, таким как Камиль.

В повести Б. Нугуманова "Снежный человек" приключенческие странные настораживающие события составляют напряженность сюжетной линии [3, с. 115], неразгаданность тайны до конца произведения, выяснение того, кем же оказался на самом деле снежный человек, разжигают интерес у читателя.

В повести Х. Суюндукова "Пленник гор" повествуется о событих войны в 80-х годах прошлого столетия в Афганистане, о судьбе спрятавшегося во время бомбежки в ущелье солдата Советской Армии, не сумевшего выбраться оттуда из-за заваленного камнями и песком выхода и вынужденного жить в ущелье долгих двадцать лет.

В произведении, проникнутом духом протеста против приносящей людям неимоверные страдания войны, Х. Суюндуков обращается к принципам приключенческого отображения действительности с тем, чтобы ярче раскрыть непоколебимую волю героя [12, с. 81]. Только благодаря неустанной борьбе за выживание парень Марат из отдаленной башкирской деревни смог высвободиться из горного плена и вернуться на родину к матери, которая не переставала его ждать все эти долгие годы.

В повествующих о нашей действительности в приключенческих приемах повестях Ф.Латиповой «Драгоценный камень смерти», А. Утябая «Сверкание молнии» (2001), «Тарауыл», «Тоска», «Ищу себя», «Любимый» (2003) внесюжетные образы и события, а также события, происходящие в разных местах – в Башкортостане, Индии, джунглях, в племенах друидов обогащают сюжетную линию, способствуют большей увлекательности [12, с. 224].

Такие важные социальные проблемы современности как наркобизнес, преступления главарей мафии, судьбы их жертв, занятие проституцией ради избавления от нищеты, победа жадности над человечностью освещаются в произведении критически, с нравственно-этических позиций.

В мистических повестях-кисса Ф.Акбулатовой "Тагармаскала или "пуп земли", "Жертвоприношение или простой обмен" вечная битва между добром и злом изображается в условных, фантастических приемах[12, с. 559].

В повести Э.Агзами, успешно продолжавшей традиции сатирического обличения действительности в современной башкирской литературе, многие социальные духовно-нравственные проблемы времени, такие как беззаконие, царившее в 90-е годы в обществе, разного рода обман, подкуп голосов, смещение с дороги конкурентов во время выборов, расцвет кумовства, блата, подхалимство, присвоение государственных денег, разграбление богатств государства, освещаются в принципах сурово реалистических и сатирически преувеличенных, условных.

Умело пользующийся приемами устрашения бывший партократ, нынешний демократ, глава Усаклинского района Тартаев отдает "ценные" указания своим подчиненным. Сами толком не

различающие где ложь, а где истина, мошенничеством занявшие выгодные высокие должности усаклинские начальники, засучив рукава, начинают врать, улаживать, раздавать обещания.

Как и свойственно сатирическому произведению, характеристики, данные персонажам, имена, портретные описания, речевые особенности, названия мест, где происходят события, подтексты, символические картины – все выполняют функцию обличения, вызывают ироничный смех. Занимающий в районе самый высокий пост, любящий подчинение других Тартаев не позволяет обижать своих подручных, они припеваючи живут под его патронажем. Поэтому все подчиненные боготворят его. Хотя на их лицах отражаются уважение, искренность, преданность, но их души грызет червь зависти.

Среди них самый преданный, самый хитрый и самый опасный Карасурин, хотя и восхваляет Карасурина до небес, про себя воспринимает его всего лишь как кадра среднего звена – как бригадира или заведующего фермой.

Речи и Тартаева, и директора элеватора Нургаянова, и заместителя главы администрации Карасурина перемешаны башкирско-русскими словами.

Употребление “таких хороших” пословиц как “Собака лает, караван идет”, “У кого на руках, у того в устах” обличает наплевавших на интересы народа “служителей народа”.

Речь Карасурина резко отличается от отрывочных, бесмысленных, грубых выступлений Тартаева. Он очень хорошо усвоил язык газет, радио-телевидения, он держит внешне умные, блестящие речи: “Благодаря его умной политике за последние годы район достигает все новых высот” и т.д.

Такие как Тартаев узнаваемы издалека, а сущность Карасурина благодаря его хитрости и коварству постичь не так легко. Автор показывает, что они намного опаснее и страшнее.

В образах главы районной администрации Тартаева, его заместителя Карасурина, в остальных двуличных подчиненных, нацелившихся на карьеру и жизнь без забот, ради этого идущих на наглый обман, бессовестную клевету, подхалимство, подтасовку бюллетеней, автор едким сарказмом обличает типичный облик и поступки руководителей разного ранга.

Выводы

На современном этапе развития башкирской прозы наблюдается не только масштабность мысли, проблемность, общественная значимость, но и многоплановость повествования, объемность сюжета, многообразность композиционных решений. Жанрово-стилевые поиски башкирской литературы выражают полноту прошлой и современной жизни, определяют аналитико-философское направление в национальной прозе; ярким подтверждением этого служат рассмотренные нами в этой статье повести башкирских писателей.

Список источников

1. Абдуллина А.Ш. Поэтика современной башкирской прозы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Уфа, 2009. 30 с.
2. Баимов Р.Н. Суждения разных лет. Избранные статьи. Уфа: Гилем, 2007. 380 с.
3. Гареева Г.Н. Особенности развития башкирской прозы второй половины XX века: Научное издание: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. 159 с.
4. Гибадуллина Л.Ф. Жанрово-стилевое своеобразие повести „Алиф лям мим" //«Филология и культура», 2025. № 4. С. 158 – 165.
5. Иванов А.А. Жанр и стиль в современной прозе: проблемы разграничения // Филологические науки. 2023. № 2. С. 45 – 58.
6. История башкирской литературы: в 7-ми т. Уфа: Китап, Т. 6. 1996. С. 20 – 93.
7. История башкирской литературы: в 7-ми т. Уфа: Китап, Т. 7. 2019. С. 73 – 278.
8. Овсянникова Е.П. Теория естественного спасения в романе Энтони Бёрджесса „Заводной апельсин" // «Филологические науки. Вопросы теории и практики», 2025. Т. 18, выпуск 12. С. 4244 – 4251.
9. Петрова С. В. Эволюция жанровых форм в цифровой среде: стиль и коммуникация // Вестник МГУ. Серия 10: Журналистика. 2025. № 4. С. 112 – 129.
10. Садокова А.Р. Жанр „хонкаку мукасибанаси" в системе японской сказочной прозы // «Филологические науки. Вопросы теории и практики», 2025. Т. 18, выпуск 1. С. 200 – 205.
11. Сидоров К.М. Стиль и жанр в условиях конвергенции медиа // Современные проблемы коммуникации. 2021. URL: (дата обращения: 21.06.2026)
12. Хусаинов Г.Б. Литература и наука. Избранные труды. Уфа: Гилем, 1998. 614 с.

References

1. Abdullina A.Sh. Poetics of Modern Bashkir Prose. Abstract of a Dissertation for the Degree of Doctor of Philology. Ufa, 2009. 30 p.
2. Baimov R.N. Opinions of Different Years. Selected Articles. Ufa: Gilem, 2007. 380 p.
3. Gareeva G.N. Features of the Development of Bashkir Prose in the Second Half of the Twentieth Century: Scientific Publication: Monograph. Ufa: RIC BashSU, 2010. 159 p.
4. Gibadullina L.F. Genre and Stylistic Originality of the Story "Alif Lyam Mim". "Philology and Culture", 2025. No. 4. P. 158 – 165.
5. Ivanov A.A. Genre and Style in Contemporary Prose: Problems of Delimitation. Philological Sciences. 2023. No. 2. P. 45 – 58.
6. History of Bashkir Literature: in 7 volumes. Ufa: Kitap, Vol. 6. 1996. P. 20 – 93.
7. History of Bashkir Literature: in 7 volumes. Ufa: Kitap, Vol. 7. 2019. P. 73 – 278.
8. Ovsyannikova E.P. The Theory of Natural Salvation in Anthony Burgess's Novel A Clockwork Orange. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues, 2025. Vol. 18, Issue 12. P. 4244 – 4251.
9. Petrova S.V. Evolution of Genre Forms in the Digital Environment: Style and Communication. Bulletin of Moscow State University. Series 10: Journalism. 2025. No. 4. P. 112 – 129.
10. Sadokova A.R. The Honkaku Mukashibanashi Genre in the System of Japanese Fairytale Prose. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues, 2025. Vol. 18, Issue 1. P. 200 – 205.
11. Sidorov K.M. Style and Genre in the Context of Media Convergence. Modern Problems of Communication. 2021. URL: (date of access: 21.06.2026)
12. Khusainov G.B. Literature and Science. Selected Works. Ufa: Gilem, 1998. 614 p.

Информация об авторах

Гареева Г.Н., доктор филологических наук, профессор, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6757-0276, Уфимский университет науки и технологий, 450076, Приволжский федеральный округ, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32, gareevagulfira@mail.ru

Мустафина Р.Д., Уфимский университет науки и технологий, 450076, Приволжский федеральный округ, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32, 2026

Галлямов А.А., Уфимский университет науки и технологий, 450076, Приволжский федеральный округ, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32, 2026

© Гареева Г.Н., Мустафина Р.Д., Галлямов А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
УДК 81-139
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-196-201

Аналитическая деятельность на английском языке в рамках образовательного процесса в высшей школе

[1] Забирова О.Р., [2] Никульцева Д.А., [1] Антонова Н.В.,
[1] Казанский (Приволжский) федеральный университет,
[2] Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Аннотация: в данной статье мы ставим перед собой цель обозначить пути решения вопросов, связанных с развитием навыков критического мышления на основе анализа аутентичных медиатекстов в рамках образовательного процесса. В ходе нашего исследования мы изучаем те аспекты аналитической работы, на которые стоит обратить особое внимание при обсуждении и интерпретации медиатекстов. На каждом этапе анализа журналисткой статьи нужно критически осмысливать прочитанный материал, отмечая основные критерии соответствия требованиям, предъявляемым к медиаисточникам. Уровень достоверности, объективности, актуальности, и способы подачи информации становятся важными пунктами рассмотрения медиатекста. Он превращается в основной рычаг влияния на сознание читателей. Подобная внимательная осознанная аналитическая учебная деятельность способствует развитию и совершенствованию значимых навыков, необходимых в эпоху постправды. Позитивные трансформации могут происходить как в образовательной сфере, так и выходить за рамки учебного процесса, помогая выстраивать эффективную коммуникацию в общественно-социальном поле.

Ключевые слова: медиатекст, навыки критического мышления, аналитическая деятельность, аутентичные материалы, постправда, медиа коммуникация

Для цитирования: Забирова О.Р., Никульцева Д.А., Антонова Н.В. Аналитическая деятельность на английском языке в рамках образовательного процесса в высшей школе // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 196 – 201. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-196-201

Поступила в редакцию: 19 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 17 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

Analytical activities in the English language in the educational process in higher school

[1]Zabirova O.R., [2] Nikultseva D.A., [1] Antonova N.V.,
[1] Kazan (Volga Region) Federal University,
[2] Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Abstract: in this article, we have a purpose to identify ways to address issues connected with the development of critical thinking skills through the analysis of authentic media texts in the educational process. In our research, we explore those aspects of analytical work that deserve close attention while discussing and interpreting media texts. At each stage of a journalistic article analysis, it's necessary to critically evaluate the written material, noting the key criteria for compliance with media source requirements. The level of plausibility, objectivity, relevance, and the means of presentation become important points in media text consideration. It gains the primary leverage on readers' consciousness. Such attentive cognitive analytical learning activities play a facilitating role in improving and updating significant in the posttruth era skills. Positive transformations can be in the educational field and extend beyond the classroom, helping to build effective communication in the social and public sphere.

Keywords: media text, critical thinking skills, analytical activities, authentic materials, post-truth, media communication

For citation: Zabirova O.R., Nikultseva D.A., Antonova N.V. Analytical activities in the English language in the educational process in higher school. Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 196 – 201. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-196-201

The article was submitted: July 19, 2026; Approved after reviewing: August 16, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

В настоящее время достаточно популярными и актуальными являются такие концепты как «кликбейт» и «рейджбейт», последнее понятие даже стало словом 2025 года по версии Оксфордского словаря. Часто используются в молодежном сленге слова «байт» и «тейк». Все эти выражения, заимствованные из английского языка, ярко и точно отражают значимые течения в современном обществе, в котором особую роль играет постправда – это время, когда эмоциональная составляющая любого события гиперболизируется, и находит отклик у целевой аудитории. Существительное «тейк» (от англ. *take* – личный взгляд, мнение) в эпоху постправды выходит на первое место, и значит больше, чем объективные факты. В этой связи возникает опасность некорректной трактовки и интерпретации происходящих событий в мире. Для современного общества важным становится развитие и совершенствование навыков критического мышления для того, чтобы воспринимать полученную информацию максимально точно и целостно. Все эти процессы связаны со стремительным развитием медиасферы, когда борьба за внимание становится приоритетом, а получить его можно с помощью скрытых провокаций и манипуляций.

Описанные выше условия развития современного общества значительно влияют на все сферы человеческого взаимодействия, и на межкультурную коммуникацию, в частности. Существует необходимость в том, чтобы подготовить будущих специалистов, которые будут работать на разных иностранных языках, грамотно, объективно и, что очень важно, беспристрастно воспринимать получаемую информацию, правильно ее отфильтровывая. Поэтому в данных условиях обязательно внимательно выстраивать процесс работы над текстом медиасферы, интерпретировать его опираясь не только на языковые навыки, но и навыки критического мышления, которые оказываются взаимозависимы и взаимосвязаны.

Актуальные медиатексты исследуются и подвергаются объективной трактовке и интерпретации в рамках учебной деятельности. Цель нашей работы – подтвердить значимость аутентичных медиатектов, и их несомненное влияние на развитие и совершенствование навыков критического мышления у участников образовательного процесса в высшей школе.

Материалы и методы исследований

В качестве методов исследования мы применяем двухступенчатый подход, который базируется на включенном наблюдении, осуществляемом в образовательном процессе в высшей школе. Используя этот прикладной опыт в ходе анализа учебной деятельности, мы синтезируем основные положения, связанные с эффективной работой над аутентичными медиатекстами как субъектами нашего исследования. Материалами послужили тексты англоязычных статей всемирно известных изданий The New York Times, The Economist, Foreign Affairs.

Результаты и обсуждения

В данной статье мы рассматриваем и анализируем медиатекст как интернет текст – аутентичный материал новостного характера политической направленности, журналистские статьи известных изданий, размещенных на их онлайн площадках. Они оказывают определенное влияние на мировоззрение читателей, общественности т.к. затрагивают актуальные социально значимые вопросы. Цель нашей учебной работы направить внимание на рациональное, когнитивное рассмотрение текста, разложение его на элементы, влияющие на восприятие этого медиатекста аудиторией.

Важно помнить, что аутентичный медиатекст на английском языке – отличный эффективный инструмент, прежде всего, для совершенствования коммуникативных навыков, который часто используется при создании разного рода практических языковых активностей [7, с. 402].

Существуют разные форматы работы над медиатекстом, которые не следует путать между собой. Изложение событий возможно без их интерпретации, представление своего мнения может быть и необоснованным, всё чаще встречается личная трактовка событий. Аналитическая же деятельность предполагает четко структурированную работу над текстом аутентичной статьи на английском языке.

Обзор является очень востребованной и популярной формой презентации идей, заложенных в медиатекста. Это связано с актуализацией концепта постправды в современном социуме, когда акцент делается на субъективной восприятии и эмоциональной привязке. Мы имеем в виду обзор медиатекста, когда читатель концентрируется на личной оценке написанного и не учитывает контекст, часто не подкрепляя свое мнение никакими фактами, объективными данными.

При анализе медиатекста фокус с личного должен быть смещен на объективную трактовку событий. Подготовка к критическому анализу медиатекста начинается с разграничения и четкой интерпретации общей темы статьи и её главного месседжа (основной идеи).

И.Г. Кондратьева и А.В. Фахрутдинова подчеркивают «национальные особенности и индивидуальность автора», который создает аутентичный медиатекст: «Язык медиа и способы его восприятия формируются под давлением экстралингвистических факторов, что отражается на контент наполненности» [5, с. 165].

Для медиатекста характерна диалогичность / коммуникативность в плане корреляции с другими схожими текстами, а также взаимодействия с адресатом и интенциями автора данного текста. «Медиатекст – это коммуникативная единица, оказывающая эффективное речевое воздействие, ориентированная на предшествующий коммуникативный опыт в этой среде и на последующее ее восприятие гипотетическим адресатом; хотя целостность медиатекста как коммуникативной единицы обеспечивается целеориентированностью авторского замысла …, текстовая материя пронизана многослойностью речевых партий, так что композиция развертывается как последовательность диалогичных или полилогических субинтеракций» [8, с. 77]. Н.И. Клушина указывает на то, что медиа коммуникация строится на идее интегративности, взаимосвязи стилистики и дискурсологии. Целостное коммуникативное исследование возможно только благодаря изучению текста как части неразрывного нарратива. Это дает возможность комплексно взглянуть на сущность медиатекста и анализировать его в более широком контексте [4].

О.С. Зубкова и А.В. Фахрутдинова отмечают значимость грамотного выстраивания образовательного взаимодействия внутри комьюнити высшей школы, которое будет способствовать укреплению коммуникативных намерений всех участников этого процесса [2, с. 157]. Эту же идею поддерживают А.Р. Камалеева, И.Г. Кондратьева, указывая на взаимосвязь сплоченной учебной деятельности, которая направлена на реализацию не только языкового потенциала, но и глобальное осознание существующих социально-общественных трендов [3, с. 163].

В мире, где идет борьба за внимание, и клиповое восприятие реальности не даёт современному поколению сосредоточиться и отличить фейк от правды, чтение становится значимым инструментом управления сознанием читателей, в том числе обучающихся. В бесконечном потоке дефиниций и определений, где каждое слово может быть использовано в качестве манипулятивной стратегии, возрастает мотивация совершенствовать актуальный как никогда навык осознанного и избирательного чтения [10, с. 240-241]. При целенаправленной аналитической работе над медиа материалом читатель становится осознанным потребителем контента, которого трудно отвлечь от основной идеи текста, заложенными в нем «уловками» и «ловушками».

Т.В. Бычкова говорит о «контекстуальном декодировании», когда необходимо точечно собрать данные, грамотно и логически точно их структурировать и выверить, и только после этого прийти к обобщающим суждениям [1, с. 12]. Под «контекстуальным декодированием» мы понимаем ряд аналитических действий, направленных на разбор текста на языковом уровне, так и обусловленный экстралингвистическим контекстом, который влияет на восприятие и понимание прочитанного.

При аналитической работе над статьей важно разграничивать, но уделять не меньше внимания как формальным характеристикам, так и содержательной стороне медиатекста. К формальным характеристикам мы обычно относим название, автора, дату, источник информации. Если мы рассматриваем статьи такого медиаресурса как *The Economist*, то мы понимаем, что это надежное, проверенное новостное издание, которое освещает события из мира экономики, бизнеса, культуры и политики уже много лет, и проверяет те факты, которые публикует на своем официальном сайте.

Переходя к контентной составляющей анализа статьи, необходимо отметить, что часто путают общую тему статьи и её основную идею или цель. Если тема статьи – состояние экономики в США. То цель данного медиатекста – показать экономическую ситуацию в стране в условиях быстроразвивающегося искусственного интеллекта. В нескольких предложениях мы описываем статью, указывая важные даты, факты, имена и данные.

Чаще всего авторы медиатекстов в настоящее время смешивают стили, используя слова и выражения разного регистра (формального, неформального или нейтрального). Гибридный регистр оказывает большое воздействие на потенциальную целевую аудиторию. Стилистика статьи значительно влияет на читатель-

ское восприятие, делает медиатекст более эмоциональным, и тем самым автор может манипулировать своим читателем, имплицитно показывая, как реагировать на то или иное событие.

Анализируя авторский стиль, важно отмечать какие стилистические приемы он использует при создании статьи. Сюда можно отнести и идиомы, и поговорки, иронические и даже саркастические сравнения и перифраз.

При интерпретации медиатекста возможно высказать своё мнение как по поводу самой статьи, так и по её тематике. И это, может быть, совершенно два разных взгляда: один – на написанный автором (журналистом) текст; другой – на актуальную тему, которой посвящен этот медиатекст.

Необходимо учитывать ключевые языковые свойства текста медиа направленности, о которых пишет Г.Я. Солганик. Он указывает на значимость таких критериев как стиль сообщения, его языковая доступность, о роли автора и его интенциях, о синтезе объективно-субъективных отношений и их неизбежное наличие при создании любого медиатекста, об уникальной всеобъемлющей природе подобного рода медиа коммуникации [9]. Здесь выделены самые важные языковые особенности и этапы анализа подобных текстов, которыми нельзя пренебрегать и не учитывать. Это именно то, что поможет провести комплексную аналитическую работу над аутентичным материалом.

Даже когда мы просто даем определения и находим значение слов по словарю, нужно иметь в виду: слова могут быть позитивные, негативные и нейтральные. В словарях часто указывают, что понятия являются неодобрительными. В настоящее время нужно обращать внимание не только на само определение, но и на окраску слов. В эпоху постправды значения терминов, отдельных слов оказывают особое влияние.

Г. Макдональд пишет о том, что можно «подогнать интерпретацию обстоятельств под определение» или наоборот «подогнать определение под ситуацию» [6, с. 228-233]. Становится тенденцией манипулировать читателями, привлекая внимание к словам, значение которых навязываются, зачастую «скорректировать определения, чтобы повлиять на дискуссию». Мы живем «в мире меняющихся определений» [6, с. 241-243]. Давайте приведем пример из медиатекстов, которые мы использовали в качестве материала для исследования. *Face masks* меняют своё значения и из ‘*ubiquitous*’ превращаются ‘*inadequate*’ с отрицательной коннотацией. Функция маски утрачивает своё первоначальное значение и из разряда «эффективной, необходимой» переходит в категорию «неадекватной защиты». Сначала нужны были маски и их нужно было обязательно носить, чтобы защититься от вируса. Но потом в ходе исследований выяснилось, что при данных обстоятельствах маски не справляются с возложенными на них требованиями. Или в политических медиатекстах часто встречается слово *‘multilateralism’*. И то, как его видит Дональд Трамп, и как этот термин трактует Организация Объединённых Наций – это совершенно разные понятия, у которых разнятся определения.

Выводы

В данной статье речь идет о критическом подходе при работе с аутентичными медиа источниками на английском языке. Цель, которая была поставлена в самом начале нашего исследования, была достигнута, обозначены пути решения вопросов, связанных с адекватной, объективной интерпретацией и анализом актуальных медиатекстов, послуживших основой для нашего изучения.

В своей работе мы подчеркиваем значимость и острую актуальность развития и совершенствования навыков критического мышления. Отмечаем, что язык медиатекста необходимо разбирать не только узким специалистам, но, рассчитанный на широкую аудиторию, он должен корректно считываться, в частности, и в контексте учебного процесса в высшей школе. Во времена клипового мышления, возникшего в связи с большим информационным потоком, становится крайне актуальным структурировать получаемые данные, сознательно концентрируясь на смыслах, заложенных в медиатекстах. Мы подчеркиваем в данной статье глобальную роль чтения, которое должно переходить в разряд изучающего для того, чтобы была возможность победить в языковой игре значений и полисемантических конструкций.

Важно выявить то, что помогает эффективно развить навыки взаимодействия с аутентичным текстом на английском языке. Для этого необходимо сосредоточиться на основных аспектах, таких как структура статьи, понятийный аппарат, стиль написания, авторские интенции, языковые (стилистические) приемы, языковая игра, подмена понятий, манипулятивные стратегии, объективная оценка описываемых событий.

Для того, чтобы выработать правильную стратегию работы с медиатекстом нужно выстроить поэтапный процесс анализа и «контекстуального декодирования» данного материала. Четкая интерпретация и внимательная трактовка прочитанного может помочь вам скорректировать вашу точку зрения, научиться объективно воспринимать информацию, критически её фильтруя, не забывая о природе концепта постправды.

Список источников

1. Бычкова Т.В. Обучение реферированию как инструмент совершенствования знаний в области иностранного языка // Преподавание языков и культур в парадигме гуманитарного образования: Материалы V Международной научно-практической конференции, Варна, 28 сентября 2021 года. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2022. С. 10 – 16.

2. Зубкова О.С., Фахрутдинова А.В. Некоторые процессуальные аспекты поликанальной коммуникации при репродуктивном билингвизме (на примере учебной интеракции) // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2022. № 2 (45). С. 156 – 163.

3. Камалеева А.Р., Фахрутдинова А.В., Кондратьева И.Г. Ценностно-смысловые приоритеты субъект-субъектного взаимодействия в высшей школе в ракурсе когнитивной парадигмы // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 162 – 171.

4. Клушина Н.И. Дискурс-анализ и стилистика: интегративные методы исследования медиа коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 78 – 90.

5. Кондратьева И.Г., Фахрутдинова А.В. Работа студентов с иноязычными текстами в контексте формирования навыков межкультурной коммуникации // Казанский педагогический журнал. 2021. № 5. С. 164 – 168.

6. Макдональд Г. Правда: как политики, корпорации и медиа формируют нашу реальность, выставляя факты в выгодном свете: пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2019. 368 с.

7. Маслыко Е.А., Бабинская П.К., Будько А.Ф., Петрова С.И. Настольная книга преподавателя иностранного языка: Справ. пособие. Мн.: Выш. шк., 2004. 522 с.

8. Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л.Р. Дускаевой. М.: ФЛИНТА, 2018. 440 с.

9. Солганик Г.Я. К определению понятий "текст" и "медиатекст" // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. № 2. С. 7 – 15. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-opredeleniyu-ponyatiy-tekst-i-mediatekst (дата обращения: 15.04.2026)

10. Al. Gilmetdinova, M.E. Yashina, L. Zakirova, S. Shustova Authentic Mass Media in the English Language Laboratory // Utopia y praxis latinoamericana: Revista Internacional de filosofia iberoamericana y teoria social. 2020. № Extra 7. P. 237 – 243.

References

1. Bychkova T.V. Teaching summarizing as a tool for improving knowledge in the field of a foreign language. Teaching languages and cultures in the paradigm of humanitarian education: Proceedings of the V International scientific and practical conference, Varna, September 28, 2021. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2022. P. 10 – 16.

2. Zubkova O.S., Fakhrutdinova A.V. Some procedural aspects of multichannel communication in reproductive bilingualism (based on the example of educational interaction). Theory of language and intercultural communication. 2022. No. 2 (45). P. 156 – 163.

3. Kamaleeva A.R., Fakhrutdinova A.V., Kondratieva I.G. Value-semantic priorities of subject-to-subject interaction in higher education from the perspective of the cognitive paradigm. Bulletin of Tomsk State University. 2022. No. 478. P. 162 – 171.

4. Klushina N.I. Discourse analysis and stylistics: integrative methods of media communication research. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Linguistics. 2016. Vol. 20. No. 4. P. 78 – 90.

5. Kondratieva I.G., Fakhrutdinova A.V. Students' work with foreign-language texts in the context of developing intercultural communication skills. Kazan Pedagogical Journal. 2021. No. 5. P. 164 – 168.

6. MacDonald G. Truth: How Politicians, Corporations, and the Media Shape Our Reality by Framing Facts: Translated from English. Moscow: Alpina Publisher, 2019. 368 p.

7. Maslyko E.A., Babinskaya P.K., Budko A.F., Petrova S.I. A Foreign Language Teacher's Handbook: A Reference Manual. Minsk: Higher School, 2004. 522 p.

8. Media Linguistics in Terms and Concepts: A Dictionary and Reference Book. edited by L. R. Duskaeva. Moscow: FLINTA, 2018. 440 p.

9. Solganik G.Ya. On the Definition of the Concepts of "Text" and "Media Text". Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism. 2005. No. 2. P. 7 – 15. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-opredeleniyu-ponyatiy-tekst-i-mediatekst (date of access: 15.04.2026)

10. Al. Gilmetdinova M.E. Yashina L. Zakirova S. Shustova. Authentic Mass Media in the English Language Laboratory. Utopia y praxis latinoamericana: Revista Internacional de filosofia iberoamericana y teoria social. 2020. No. Extra 7. P. 237 – 243.

Информация об авторах

Забирова О.Р., кандидат филологических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1312-8260, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 1, olgafazyullina@mail.ru

Никульцева Д.А., старший преподаватель, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0006-7822-6925, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 119454, г. Москва, пр-т Вернадского, 76, Darya.nikultseva@gmail.ru

Антонова Н.В., кандидат исторических наук, доцент, ORCID ID: http://orcid.org/0000-0002-3547-9459, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 1, Natalia.Antonova@kpfu.ru

© Забирова О.Р., Никульцева Д.А., Антонова Н.В., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
УДК 81'42: 811.111
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-202-212

К вопросу о жанровом статусе сплетни (gossip): соотношение информативного и фатического начал (на материале английского языка)

[1] Кондырева Ю.В., [1] Новикова Н.Д.,
[1] Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова

Аннотация: статья посвящена проблеме дефиниционной неоднородности понятия «сплетня» (англ. *gossip*), обусловленной междисциплинарным характером данного феномена и различием теоретико-методологических позиций исследователей. Цель работы заключается в определении жанрового статуса сплетни в оппозиции «фатическое – информативное» и выявлении языковых и структурных признаков, обеспечивающих совмещение этих начал. Эмпирическую базу составили 129 фрагментов, содержащих сплетни, отобранных из англоязычной художественной литературы, сериалов и эпизодов подкаста Normal Gossip. В работе применялись дефиниционный, семантический, контекстуальный, текстовый, лингвопрагматический и стилистический анализ, а также метод целенаправленной выборки и приёмы описательной статистики. В ходе анализа было выявлено, что представленные в научной литературе определения понятия *gossip* задают минимальное дефиниционное ядро, однако выносят за рамки оценочность, интерактивно-коллаборативную природу сплетни и соотнесённость оценки с групповой нормой. Выделены семь тематических групп, среди которых преобладают обсуждение поведения и внешности; описана трёхчастная композиционная структура сплетни; охарактеризовано стилистическое оформление на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях. Анализ показал, что информативный компонент жанра облигаторен, а фатический градуален: ни один фрагмент корпуса не нарушает всех трёх условий информативности одновременно, тогда как ни один диагностически значимый признак собственно фатической речи не охватывает большинства фрагментов. Сплетня смещена к информативному полюсу шкалы «фатическое – информативное»: фатический эффект достигается не вместо передачи содержания, а посредством неё.

Ключевые слова: сплетня, речевой жанр, информативно-фатический жанр, неофициальное общение, оценочность, согласованность позиций

Для цитирования: Кондырева Ю.В., Новикова Н.Д. К вопросу о жанровом статусе сплетни (gossip): соотношение информативного и фатического начал (на материале английского языка) // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 202 – 212. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-202-212

Поступила в редакцию: 20 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 18 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

On the genre status of gossip: the interplay of informative and phatic function (based on English-language material)

[1] Kondyreva Yu.V., [1] Novikova N.D.,
[1] Linguistics University of Nizhny Novgorod

Abstract: the article addresses the definitional heterogeneity of the notion of gossip, which stems from the interdisciplinary character of the phenomenon and from the divergent theoretical and methodological positions of its researchers. The aim is to determine the genre status of gossip within the phatic-informative opposition and to identify the linguistic and structural features that enable the two to combine. The empirical basis comprises 129 gossip-containing fragments selected from English-

language fiction, television series and episodes of the podcast Normal Gossip. The research employs definitional, semantic, contextual, linguopragmatic, textual and stylistic analysis, along with purposive sampling and descriptive statistics. The analysis revealed that the definitions of *gossip* presented in academic literature delineate a minimal definitional core, yet fail to account for evaluative meaning, for the interactive and collaborative nature of gossip and for the correlation of evaluation with group norms. Seven thematic groups were identified, among which discussions of behaviour and appearance prevail; a three-part compositional structure of gossip was described; and the features of its stylistic organisation were characterised at the morphological, lexical and syntactic levels. Analysis shows that the informative component of the genre is obligatory whereas the phatic one is gradual: no fragment in the corpus violates all three conditions of informativeness at once, while none of the diagnostically relevant markers of phatic speech proper covers the majority of the fragments. The gossip is shifted towards the informative pole of the "phatic–informative" scale: the phatic effect is achieved not instead of conveying content, but through it.

Keywords: gossip, speech genre, informative-phatic genre, informal communication, evaluative meaning, alignment

For citation: Kondyreva Yu.V., Novikova N.D. On the genre status of gossip: the interplay of informative and phatic function (based on English-language material). Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 202 – 212. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-202-212

The article was submitted: July 20, 2026; Approved after reviewing: August 18, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

Сплетня (англ. *gossip*) представляет собой междисциплинарный объект исследования, широко изучаемый в лингвистике как речевой жанр непринуждённой беседы [24], социолингвистике как стратегия, а также как инструмент управления отношениями, солидаризации [35; 44], гендерной лингвистике как практика конструирования идентичности [25], дискурсивных исследованиях как организованное взаимодействие [16; 26], в психологии, антропологии и культурологии как инструмент контроля и поддержания сплочённости в группе [21; 23]. Вместе с тем междисциплинарный характер данного феномена приводит к отсутствию единого определения сплетни и вариативности её трактовок не только в зависимости от научных отраслей, но и от теоретико-методологической позиции.

Дефиниционная неоднородность понятия *gossip* была освещена в систематическом обзоре Т.Д. Дорес Круз и его коллег [22]. Авторы проанализировали 655 публикаций, найденных по ключевым словам *gossip/third-party information* в базах Web of Science, PsycInfo и Scopus и соответствующих критериям отбора. В 331 статье (51,0% корпуса) определение сплетни отсутствовало; остальные 324 исследования содержали несовпадающие дефиниции, что демонстрирует отсутствие консенсуса относительно границ данного феномена [22]. Однако анализ отобранных определений позволил выделить четыре повторяющихся признака: признак коммуникативной триады («отправитель – получатель – объект»), отсутствие объекта обсуждения либо его неосведомлённость о содержании сообщения, оценочность содержания и неофициальный характер коммуникации [22, p. 260]. Примечательно, что все четыре признака одновременно включены лишь в 11,42% определений [22, p. 260]. Таким образом, даже те характеристики, которые считаются основополагающими для сплетни, не обладают одинаковым статусом в различных областях исследований.

Лингвистические исследования фиксируют признаки, которые не получают самостоятельного статуса в схеме [22]. К ним относятся новизна и ценность сообщаемого *("newsworthiness")* [29, p. 667], согласованная позиция участников по отношению к объекту обсуждения *("alignment")* [44, p. 267], коллаборативный характер [35, p. 352; 44, p. 251], соотнесённость оценки с культурной нормой [27, p. 57]. Из этого следует, что лингвистическая традиция рассматривает сплетню не только как передачу информации об отсутствующем или псевдоотсутствующем третьем лице, но и как коллаборативное коммуникативное событие, в котором участники, занимая согласованную позицию по отношению к третьему лицу, совместно оценивают его / её внешность, поведение, отношения относительно норм, разделяемых участниками общения, выносят им положительную или отрицательную оценку.

Определение жанрового статуса сплетни предполагает уточнение самого понятия речевого жанра. Классическим для лингвистики остаётся понимание речевого жанра, восходящее к М.М. Бахтину, согласно которому жанр трактуется как «относительно устойчивые типы высказываний», характеризующиеся единством трёх аспектов – тематического содержания, композиционного построения и стилистического оформления [1, с. 250]. Идеи М.М. Бахтина получили дальнейшее развитие в трудах отечественных и зарубежных исследователей, предложивших ряд взаимодополняющих подходов к описанию речевых жанров в различных коммуникативных сферах. В отечественной генристике понятие модели становится ключевым [15].

Так, Т.В. Матвеева определяет жанр как «структурную модель речевого общения в виде типичной последовательности речевых ходов» [12, с. 218]; М.Ю. Федосюк трактует жанры как «устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы не высказываний, а текстов» [14, с. 104].

Наряду с моделью основополагающими для понимания жанра признаются коммуникативный контекст и деятельность [8, с. 16]. В.В. Дементьев и К.Ф. Седов акцентируют внимание на первичности социального поведения по отношению к его вербальному оформлению и вслед за концепцией М.М. Бахтина определяют жанр как «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» [7, с. 66]. Связь жанра с типовой ситуацией общения подчёркивают М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова, полагая, что жанры, «реализуясь в определённых коммуникативных ситуациях, соотносимы с коммуникативным актом и являются его текстовым воплощением» [9, с. 24]. Концепция В.Е. Гольдина, опирающаяся на идею единства коммуникативной и некоммуникативной человеческой деятельности, также отражает деятельностный подход. Исследователь соотносит жанр с категориями ситуации, события и поступка [5, с. 23].

Понятия модели, ситуации и деятельности активно используются зарубежными исследователями. Ч. Базерман отмечает многоплановость жанра и его связь с человеческой деятельностью [17]. Учёный пишет, что жанры являются формами жизни и в то же время служат рамками для социального действия [17, p. 19]. Ст. Гайда определяет жанр как «культурно и исторически оформленный, общественно конвенционализованный способ языковой коммуникации; образец организации текста» [4, с. 24], функционирующий «как горизонт ожиданий для слушающих и модель создания для говорящих» [3, с. 104].

В теории жанрового анализа основу жанра составляет коммуникативная цель [41, p. 58] и структура с облигаторными и опциональными компонентами [24, p. 284-285]. В. Бхатиа определяет жанр как узнаваемое коммуникативное событие, характеризующееся высокой степенью структурированности и конвенционализации, а также набором коммуникативных целей [19]. Для настоящего исследования существенно, что понятие облигаторного компонента структуры даёт формальный критерий проверки: признак может считаться жанрообразующим только в том случае, если его отсутствие разрушает узнаваемость жанра.

Истоки представления о сплетне как о фатическом жанре обнаруживаются в работе Б. Малиновского [33]. Рассматривая «свободное, бесцельное социальное общение», исследователь относит сплетню к числу его проявлений и указывает, что в таком общении связи между людьми создаются самим фактом обмена словами, а не передачей идей [33, p. 315-316]. Однако необходимо отметить, что Б. Малиновский не квалифицирует сплетню как речевой жанр и не утверждает её исключительной фатичности. При этом в исходной формулировке обнаруживается противоречие: общение объявляется не связанным с передачей содержания, тогда как предметом сплетни неизменно выступает сообщение о третьем лице, то есть содержательная информация.

В отечественной лингвистике инструментарий разграничения фатического и информативного описывает Т.Г. Винокур. Оппозиция строится на двух типах знания: сведения, неизвестные собеседнику и составляющие содержание информации, и сведения, как правило хорошо известные собеседнику и организующие сам контакт, то есть фатику [2, с. 16]. Существенно, что уверенность/сомнение и оценочность способны характеризовать реплики обоих типов [2, с. 111], следовательно, оценочность сама по себе не является дифференцирующим признаком фатики. Для практического разграничения Т.Г. Винокур предлагает три признака собственно фатической речи: эмоциональная коннотация, повторяемость содержательных участков, резкий тематический переход [2, с. 154-155]. При этом фатическое общение полностью не исключает информативности, поскольку из фатической коммуникации можно извлечь сведения трёх типов (не зависящие от воли адресата; зависящие от воли адресанта, замаскировавшего информационное намерение под фатическое; а также зависящие от несовпадения апперцепционной базы говорящих [2, с. 154-156]).

В. В. Дементьев относит сплетню к числу жанров, в природе которых совмещаются фатическое и информативное начала, и одновременно констатирует, что предложенная им модель фатических речевых жанров подобные случаи объясняет не в полной мере [6, с. 54]. Данное ограничение не случайно и связано со структурой самой классификации. В.В. Дементьев строит типологию фатических речевых жанров по признаку воздействия на межличностные отношения: праздноречевые жанры, не изменяющие отношения; жанры, ухудшающие или улучшающие отношения в прямой форме; жанры, ухудшающие или улучшающие отношения в косвенной форме [6, с. 43-44]. Все пять типов предполагают диадическую структуру, при которой объектом воздействия выступает сам адресат. Сплетня, однако, триадична: её фатический эффект (солидаризация коммуникантов) достигается не за счёт прямого воздействия говорящих друг на друга, а опосредованно, через совместную оценку отсутствующего третьего лица. Именно эта структурная особенность, а не только соотношение двух начал, объясняет, почему существующая модель фатических жанров не подходит для описания сплетни.

Е.В. Клюев предлагает следующие критерии разграничения: чтобы высказывание было информативным, оно должно одновременно удовлетворять трём условиям (небанальности, релевантности и адекватности подачи сведений). Если нарушается один из критериев, высказывание считается фатическим [10].

Необходимо также отметить, что оппозиция понимается не как дихотомия, а как шкала. Данное положение сформулировано Н.А. Корниловой на материале массмедийного дискурса. Исследователь пишет, что все речевые жанры располагаются между двумя полюсами, однако ни один из полюсов недостижим, поскольку каждое речевое взаимодействие определяется комплексом частных интенций, который лишь приближает конкретное речевое произведение к тому или иному полюсу [11]. К такому же выводу пришла и А.В. Николаева, которая, анализируя корпус диалогов на английском языке, заключает, что фатика в чистом виде, как и информатика, практически не встречается в реальном общении и представляет собой лишь научную абстракцию, вследствие чего в конкретном речевом акте имеет место не абсолютизация одной из функций, а лишь её доминирование [13].

Таким образом, несмотря на значительное количество работ, посвящённых сплетне, устоявшаяся в лингвистике практика относить сплетню исключительно к фатическим жанрам оставляет без объяснения признаки информативности, которыми она обладает, а существующая модель фатических речевых жанров подобные случаи описывет лишь частично.

Цель исследования – определить жанровый статус сплетни в оппозиции «фатическое – информативное» и выявить языковые и структурные признаки, обеспечивающие совмещение этих начал.

Научная новизна работы состоит в том, что статус сплетни как информативно-фатического жанра устанавливается на основании совокупности языковых и прагматических признаков, выявленных в ходе анализа эмпирического материала.

Материалы и методы исследований

В работе используются следующие частнонаучные лингвистические методы: дефиниционного, семантического, контекстуального, лингвопрагматического, текстового и стилистического анализа; а также метод целенаправленной выборки и метод описательной статистики.

Источником эмпирического материала послужили 129 фрагментов, содержащих сплетни, отобранных из англоязычной художественной литературы, сериалов и эпизодов подкаста Normal Gossip [36]. Фрагментом считался связный отрезок диалога от введения третьего лица в качестве объекта обсуждения до смены темы или завершения разговора.

Результаты и обсуждения

Ядро понятия «речевой жанр» составляют три параметра: тематика, композиционное построение, стилистическое оформление. Именно совокупность этих признаков обеспечивает относительную устойчивость жанра [1], его ситуативную обусловленность, а также структурно-целевую организацию. Правомерность рассмотрения *gossip* как самостоятельного речевого жанра определяется степенью соответствия данного феномена перечисленным критериям. Рассмотрим более подробно.

Тематическое содержание представляет собой устойчивый признак. Применительно к жанру сплетни предметом обсуждения неизменно выступает отсутствующее третье лицо и аспект его / её внешности, поведения, отношений или образа жизни, воспринимаемый участниками общения как отклонение от принятых норм [18, p. 45; 24, p. 276; 28, p. 270; 44, p. 252] и реже, как соответствие им. Анализ фактического материала позволяет выделить частные тематические группы на основании объекта оценки:

1) Поведение/поступки. В самую частотную группу (43 фрагмента / 33,3%) входит обсуждение нестандартного поведения других людей и их поступков, шокирующих, подвергающихся осуждению или курьёзных:

I heard that girl ***begged her way into*** *a study group with Cecilia so she could try to be friends with her," she said breathlessly, "and when Cecilia let her down kindly, the girl* ***started to cry, fell to her knees, and stole lip gloss*** *from her purse, just to have a small piece of Cecilia* [20, p. 47].

2) Внешность/одежда. Достаточно часто (24 фрагмента / 18,6%) в центре внимания оказывается обсуждение того, как выглядит другой человек:

*"****A lacy black thong? And you could really see it through the dress****?" Peik Lin cried out, doubling over with laughter in the restaurant banquette she was sharing with Rachel.*

*"****The thong, the nipples, all of it****! You should have seen the look on all of their faces!* ***She might as well have been naked****," Rachel said* [31, p. 201].

3) Происхождение. Несколько реже обсуждаемым (21 фрагмент / 16,3%) является обсуждение происхождения человека – кто его родственники (особенный интерес представляют родители), где он учился или работал, откуда приехал:

"Have you met the new employee yet, Zahra?" my visiting landlady asks eagerly as I refill her cup. When I shake my head, she clucks her tongue. "I heard the poor thing is all alone here."

"I heard ***he's an orphan****," adds her friend, sipping her own tea* [42, p. 40].

4) Достаток. Близкую по объёму группу составляет (18 фрагментов / 14%) обсуждение всего, что связано с деньгами – сколько у человека денег и различного имущества, сколько он зарабатывает, сколько стоит его дом, машина, одежда:

And Donna explains that the real problem with Cathy is that, like, Cathy… ***essentially Cathy is rich****, right? Like, Cathy* ***doesn't have to work****, Cathy* ***didn't have to leave her kids with Mimi*** *during the days so she could, like, go to a part-time job and pay for their food. Cathy got to, like,* ***stay at home with her kids and doesn't have to shop at Walmart****. Cathy* ***gets everything she wants*** [39].

5) Детали личной жизни. Немного реже (14 фрагментов / 10,8%) обсуждаются интимные подробности или отношения романтического характера:

"And how is Miss Dace?"

"Oh, ***she's getting married*** *soon."*

"Married?" said the housekeeper eagerly. "The friend who came with you that other evening?" [40, p. 210]

6) Характер. В некоторых случаях (8 фрагментов / 6,2%) обсуждаются черты характера другого человека:

Everyone in the group chat was obsessed with Kyle. He was ***so warm, genuine, thoughtful****. They moved in together, adopted a cat, and are teaching it all kinds of cool tricks* [38].

7) Знаменитости. Реже всего (1 фрагмент / 0,8%) обсуждается не кто-то лично знакомый хотя бы одному из коммуникантов, а знаменитости. Единичность этой группы, по-видимому, объясняется составом корпуса и требует его дальнейшего расширения.

John: "The only thing that would make this any better is some hot goss."

Tahani: "Very well. Our story begins when ***I ran into Robbie Williams, Heidi Klum, and the remaining members of Fifth Harmony*** *at the Dolce & Gabbana spring show."*

John: "Hate him, loathe her, over them, cancel it, tell me everything" [43].

Композиционно сплетня достаточно стабильна и имеет трёхчастную структуру. Стадия введения объекта настраивает адресата на участие в данном жанре, указывая на предмет обсуждения – отсутствующего человека и его отклонение от принятых в группе норм [24, p. 285, 299] или соответствие им. Данная стадия может предваряться метавводными конструкциями (например, "You won't believe what I just saw") и провокационными вопросами ("Have you heard about…?"), призванными заинтриговать слушателя. Дальнейшее развёртывание сплетни в значительной мере зависит от реакции адресата: если он не проявляет интерес, тема меняется или разговор заканчивается. Стадия детализации содержит собственно обсуждение третьего лица, при этом адресат может запрашивать или добавлять дополнительные детали, задавая вопросы. В завершение (стадия оценочной консолидации) говорящие выносят оценку в соответствии с установленными в группе нормами. Описанную трёхчастную структуру проиллюстрируем на примере фрагмента, представленного в табл. 1.

В приведённом ниже фрагменте отсутствие развёрнутой вводной стадии объясняется согласованностью позиций коммуникантов: оценка вводится без предварительной сверки отношения к объекту. Хотя первая реплика второго коммуниканта выглядит как возражение (*Come on, Mabel, she's not ugly*), она не закрывает тему, а выражает желание продолжить обсуждение. Дальнейшее развитие темы и оценка показывают схожесть позиций, благодаря чему основная часть развивается гармонично. Каждая из участниц общения указывает на недостатки обсуждаемой девушки, что демонстрирует солидаризацию их оценочных позиций относительно объекта оценки. Кроме того, попеременный характер обмена репликами иллюстрирует кооперативную природу сплетни.

Таблица 1

Трёхчастная композиционная структура сплетни.

Table 1

Three-part structure of gossip.

Стадия	Функция реплики	Коммуникант	Реплика
1 Введение объекта сплетни	Введение темы, оценка	Mabel	Mabel scrunched her face. “That stupid boy. Giving everything up for that ugly girl.”
	Включение в коммуникацию	Jacqueline	“Come on, Mabel, she’s not ugly.
	Развитие темы		She’s quite pretty, actually.
	Оценка – поддержка мнения		She’s just…not the kind of beauty one would have expected for Nicky,” Jacqueline remarked diplomatically.
2 Основная часть	Оценка – поддержка мнения	Cassandra	“I know what you mean. Rachel is pretty, but in a very conventional way.
	Развитие темы, оценка		Her lack of style doesn’t do her any favors, either,” Cassandra said.
	Развитие темы	Jacqueline	Jacqueline smiled. “I wish I could tell her that she needs to grow out her hair by another four inches.
	Оценка – поддержка мнения		That medium-long length is just so *American*.”
	Развитие темы, оценка	Cassandra	Cassandra nodded in agreement. “And her nose is a bit too rounded. Her eyes could be a bit bigger too.”
3 Оценочная консолидация	Развитие темы и завершающая оценка	Mabel	“And have you seen the way she sits? So frightfully common.” Mabel sniffed [32, p. 152].

Облигаторность в жанре сплетни характеризует не позиционно закреплённые стадии, а функциональные компоненты. Обязательными следует признать введение третьего лица и его оценку, тогда как позиционная реализация обоих вариативна: введение может образовывать самостоятельный ход либо сливаться с первой оценочной репликой, а оценка – занимать финальную позицию либо распределяться по всему фрагменту. Именно этим объясняется тот факт, что в табл. 1 оценочные ходы обнаруживаются во всех трёх стадиях. Трёхчастная схема описывает, таким образом, наиболее частотный, но не единственный вариант развёртывания жанра.

Стилистически сплетня принадлежит к неофициальному дискурсу и обладает рядом характерных признаков разговорной речи. Например, на морфологическом уровне обнаруживаются случаи транспозиции глагола, вызванные общей эмоциональностью речи (*I really* ***do*** *wonder what’s happened to Bernard Tai* [30, p. 98]). На лексическом уровне представлены сниженная и ненормированная лексика (“asshole” – *informal + impolite*: a stupid, annoying, or detestable person [34]), междометия, разговорные вводные элементы (“like”, “you know”), интенсификаторы (“really”, “truly”) и слова широкой семантики (“thing”, “stuff”). На синтаксическом уровне используются эллиптические предложения (*So frightfully common*.), а также различные повторы (*And she… And she doesn’t. She doesn’t tell him* [37]). Кроме того, в сплетне обнаруживается тенденция к созданию динамичности, что можно объяснить стремлением адресанта удержать внимание слушателей. В частности, можно отметить переход на историческое настоящее в ходе рассказа, что позволяет погрузить адресата в обсуждаемые события и выделить наиболее значимые события:

“But then on the last day it was time to take the picture, right? They ***are gonna take*** *the picture in their little outfits on the beach. And every year they had come to the beach, they had taken a photo in jeans and white shirts.”*

“Classic Sears portrait photography outfit.”

“Yes. Cathy has hired a photographer. They ***are*** *all* ***supposed*** *to meet downstairs at 6. But when Donna* ***comes*** *on stairs, she* ***is wearing*** *a light blue shirt.”* [39].

С этой же целью используется прямая речь вместо косвенной:

And Jacky immediately is like ***“Oh, Donna, the shirt is, like, blue. You’re supposed to be wearing white.”*** *And Donna is like* ***“Oh, I got a stain on my white shirt.”*** *Do you believe this?* [39].

Ещё одной характерной чертой сплетни является интенсификация высказываний. На интенсивность звучащей речи может указывать повышение голоса, паузация, ускорение или замедление темпа, графически это может отражаться при помощи заглавных букв, курсива, дефисов и т.д.:

I smell Old Spice," Mrs. Coates whispered to Mrs. Archibald. "Do you think he's actually wearing *Old Spice?* [45, p. 7]

Использование сравнительной и превосходной степени также может служить показателем интенсификации (I have the **biggest** crush on James! [37] / "He has **the most seductive**, slightly British accent" [31, p. 55]). Высокая эмоциональность речи ведёт и к выбору лексем с большей степенью интенсивности. Так, в следующем примере convince нейтрален по значению, тогда как lure сигнализирует о большей степени экспрессивности:

I think for probably at least 10 years I used to continuously bring up to my sister that when I was, like, 7 she ***convinced****, she* ***lured*** *me fully clothed to get into the, like, standing shower in our mum's bathroom and promised that she wasn't going to turn the water on and then did* [39].

Описанные выше признаки позволяют перейти к решению основной задачи исследования. Для этого к каждому из 129 фрагментов были применены, во-первых, три критерия информативности Е. В. Клюева (небанальность, релевантность, адекватность подачи сведений), во-вторых, три признака собственно фатической речи Т. Г. Винокур (эмоциональная коннотация, повторяемость содержательных участков, резкий тематический переход).

Условию небанальности удовлетворяют 104 фрагмента (80,6%): сообщаемое подаётся как новое для адресата, что подтверждается метавводными конструкциями (например, "You won't believe") и реактивными репликами удивления. Релевантность общения, характеризующаяся уместностью разговора в каждой отдельной ситуации, а также готовностью собеседника поддержать выбранную тему именно в рамках данного жанра, обнаруживается в 112 фрагментах (86,8%). Адекватность в сплетне включает в себя уместность стиля общения и дозирование передаваемой информации: в 97 фрагментах (75,2%) адресант добавляет дополнительные детали в ответ на запрос адресата. Необходимо отметить, что 93 фрагментов (72,1%) полностью соответствуют информативным критериям Е.В. Клюева, и ни один фрагмент не нарушает всех трёх условий одновременно: 31 фрагмент (24,0%) нарушает одно условие, 5 (3,9%) – два, тогда как случаев полной утраты информативности не зафиксировано. Информативная составляющая, таким образом, не исчезает ни в одном фрагменте корпуса: даже те фрагменты, которые по конъюнктивному правилу Е. В. Клюева квалифицируются как фатические, удовлетворяют как минимум одному условию информативности. Это позволяет заключить, что информативный компонент жанра облигаторен, тогда как фатический градуален.

Признаки собственно фатической речи распределены иначе. Эмоциональная коннотация содержится в 115 фрагментах (89,1%), однако, по замечанию Т.Г. Винокур, она характеризует реплики обоих типов и потому не является дифференцирующей [2, с. 111]. Признак повторяемости содержательных участков зафиксирован лишь в 43 фрагментах (33,3%), резкий тематический переход – в 22 (17,0%). Следовательно, отнесение сплетни к собственно фатическим жанрам не подтверждается как доминирующая характеристика в исследуемом корпусе. При этом из 80 фрагментов, информативных по Е.В. Клюеву, 78 (97,5%) содержат маркеры эмоциональной коннотации, а 55 (68,8%) хотя бы один признак собственно фатической речи. Таким образом, сплетня занимает промежуточное положение со смещением к информативному полюсу.

Выводы

Проведённый анализ показывает, что сплетня не может быть определена как исключительно фатический жанр, поскольку информативный компонент обнаруживается в каждом фрагменте корпуса и является для жанра облигаторным, тогда как фатические признаки распределены градуально и ни один из них не охватывает большинства фрагментов. Следует также отметить, что тематическое содержание, композиционная организация и стилистическое оформление обеспечивают жанровый статус сплетни, однако, будучи параметрами речевого жанра как такового, не выделяют её среди других жанров неофициального общения.

Перспективы исследования связаны со сравнительно-сопоставительным описанием сплетни на материале других языков, а также с анализом просодических маркеров жанровых границ сплетни, что позволит дополнить ключевые характеристики жанра сплетни.

Список источников

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. С. 250 – 296.

2. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 171 с.

3. Гайда Ст. Жанры разговорных высказываний // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 103 – 111.

4. Гайда Ст. Проблемы жанра // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1986. С. 22 – 28.

5. Гольдин В.Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 23 – 34.

6. Дементьев В.В. Фатические речевые жанры // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 37 – 55.

7. Дементьев В.В., Седов К.Ф. Теория речевых жанров: социопрагматический аспект // Stylistyka. 1999. № 8. С. 53 – 87.

8. Дубровская Т.В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русской и английской лингвокультурах. Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. 272 с.

9. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект. М.: Ин-т рус. яз. РАН, 1999. 396 с.

10. Клюев Е. В. Речевая коммуникация: успешность речевого взаимодействия: учеб. пособие для ун-тов. М.: РИПОЛ классик, 2002. 317 с.

11. Корнилова Н.А. Антиномия фатических и информативных речевых жанров в массмедиа // Медиалингвистика. 2014. № 3. С. 55 – 59.

12. Матвеева Т.В. Тональность разговорного текста: три способа представления // Stylistyka. 1996. № 5. С. 210 – 221.

13. Николаева А.В. Соотношение фатической и информативной составляющих коммуникативного акта // Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 4. С. 174 – 181. DOI: 10.18522/2070-1403-2021-87-4-174-181

14. Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102 – 120.

15. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 88 – 98.

16. Aslan T. The sequential organisation of gossip talk // Discourse Studies. 2021. № 23 (4). P. 429 – 450. DOI: 10.1177/14614456211001604.

17. Bazerman Ch. The Life of Genre, the Life in the Classroom // Genre and Writing: Issues, Arguments, Alternatives / ed. by W. Bishop, H. Ostrom. Portsmouth, N.H.: Boynton/Cook, 1997. P. 19 – 26.

18. Bergmann J.R. Discreet Indiscretions: The Social Organization of Gossip. New York: Aldine de Gruyter, 1993. 206 p.

19. Bhatia V.K. Analysing Genre: Language Use in Professional Settings. London; New York: Routledge, 2013. 246 p.

20. Bryan S. Princess of Gossip. New York: Pocket Books, 2008. 384 p.

21. Cole J.M., Scrivener H. Short term effects of gossip behavior on self-esteem // Current Psychology: A Journal for Diverse Perspectives on Diverse Psychological Issues. 2013. № 32 (3). P. 252 – 260. DOI: 10.1007/s12144-013-9176-3

22. Dores Cruz T.D., Nieper A.S., Testori M., Martinescu E., Beersma B. An integrative definition and framework to study gossip // Group & Organization Management. 2021. № 46 (2). P. 252 – 285. DOI: 10.1177/1059601121992887

23. Dunbar R.I.M. Grooming, Gossip and the Evolution of Language. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996. 230 p.

24. Eggins S., Slade D. Analysing Casual Conversation. London: Cassell, 1997. 333 p.

25. Evaldsson A.-C. Boys' gossip telling: staging identities and indexing (unacceptable) masculine behaviour // Text & Talk. 2002. № 22 (2). P. 199 – 225.

26. Guendouzi J. Social functions of gossip in adolescent girl's talk // Discourse Studies. 2020. № 22 (6). P. 678 – 696. DOI: 10.1177/1461445620928232.

27. Haddad Y.A. Pronouns and intersubjectivity in Lebanese Arabic gossip // Journal of Pragmatics. 2013. № 49. P. 57 – 77.

28. Hamka N. Speech genre: a study of gossip in Australian English speaking context // ELS Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. 2018. № 1 (3). P. 263 – 271. DOI: 10.34050/els-jish.v1i3.5067

29. Jaworski A., Coupland J. Othering in gossip // Language in Society. 2005. № 34(5). P. 667 – 694. DOI: 10.1017/S0047404505050256

30. Kwan K. China Rich Girlfriend. New York: Doubleday, 2015. 377 p.

31. Kwan K. Crazy Rich Asians. New York: Doubleday, 2013. 403 p.

32. Kwan K. Rich People Problems. New York: Doubleday, 2017. 397 p.

33. Malinowski B. The Problem of Meaning in Primitive Languages // The Meaning of Meaning / ed. by C.K. Ogden, I. A. Richards. London: K. Paul, Trench, Trubner, 1923. P. 296 – 336.

34. Merriam-Webster Dictionary: Asshole [Электронный ресурс]. URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/asshole (дата обращения: 22.06.2026)

35. Mohammad A., Vásquez C. 'Rachel's not here': constructed dialogue in gossip // Journal of Sociolinguistics. 2015. № 19(3). P. 351 – 371. DOI: 10.1111/josl.12125

36. Normal Gossip: подкаст [Электронный ресурс]. URL: https://player.fm/series/normal-gossip (дата обращения: 22.06.2026)

37. Normal Gossip. Gossiptonin with Virgie Tovar [Электронный ресурс]. URL: https://player.fm/series/3008031/316687232 (дата обращения: 22.06.2026)

38. Normal Gossip. Season 2, Episode 9. Telephone Game with Alex and Justin [Электронный ресурс]. URL: https://player.fm/series/normal-gossip/s2-ep9-telephone-game-with-alex-and-justin (дата обращения: 05.06.2026)

39. Normal Gossip. Season 3, Episode 4. Christmas is Cancelled with Laurel Bristow [Электронный ресурс]. URL: https://player.fm/series/normal-gossip/s3-ep4-christmas-is-cancelled-with-laurel-bristow (дата обращения: 05.06.2026)

40. Pym B. No Fond Return of Love. New York: Harper & Row, 2007. 215 p.

41. Swales J. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 272 p.

42. Taslim P. The Love Match. New York: Salaam Reads, 2022. 275 p.

43. The Good Place. Season 4, Episode 3 [телесериал] / NBC. 2019.

44. Thornborrow J., Morris D. Gossip as strategy: the management of talk about others on reality TV show 'Big Brother' // Journal of Sociolinguistics. 2004. № 8(2). P. 246–271. DOI: 10.1111/j.1467-9841.2004.00260.x.

45. Ziegesar C. von. Gossip Girl. New York: Little, Brown and Company, 2002. 199 p.

References

1. Bakhtin M.M. The Problem of Speech Genres. 2nd ed. Moscow: Iskusstvo, 1986. P. 250 – 296.

2. Vinokur T.G. The Speaker and the Listener. Variants of Speech Behavior. Moscow: Nauka, 1993. 171 p.

3. Gaida S. Genres of Conversational Statements." Speech Genres: A Collection of Scientific Articles. Saratov: Publishing House of the State Educational Scientific Center "College," 1999. Issue 2. P. 103 – 111.

4. Gaida S. Problems of Genre. Functional Stylistics: Theory of Styles and Their Linguistic Realization. Perm: Publishing House of Perm University, 1986. P. 22 – 28.

5. Goldin, V.E. Names of speech events, actions and genres of Russian speech. Speech genres: Sat. of scientific articles. Saratov: Publishing house of the State Scientific Center "College", 1997. P. 23 – 34.

6. Dementyev V.V. Phatic speech genres. Problems of Linguistics. 1999. No. 1. P. 37 – 55.

7. Dementyev V.V., Sedov K.F. Theory of speech genres: Sociopragmatic aspect. Stylistics. 1999. No. 8. P. 53 – 87.

8. Dubrovskaya T.V. Speech genres "condemnation" and "accusation" in Russian and English linguocultures. Penza: Publishing house of PSU, 2014. 272 p.

9. Kitaygorodskaya M.V., Rozanova N.N. The Speech of Muscovites: The Communicative-Cultural Aspect. Moscow: In-t rus. lang. RAS, 1999. 396 p.

10. Klyuev E.V. Speech Communication: The Success of Speech Interaction: A Textbook for Universities. Moscow: RIPOL classic, 2002. 317 p.

11. Kornilova N.A. The Antinomy of Phatic and Informative Speech Genres in Mass Media. Medialinguistics. 2014. No. 3. P. 55 – 59.

12. Matveeva T.V. Tonality of Conversational Text: Three Methods of Presentation. Stylistics. 1996. No. 5. pp. 210–221.

13. Nikolaeva A.V. The Correlation between the Phatic and Informative Components of a Communicative Act. Humanities and Social Sciences. 2021. No. 4. P. 174 – 181. DOI: 10.18522/2070-1403-2021-87-4-174-181

14. Fedosyuk M.Yu. Unresolved Issues in the Theory of Speech Genres. Issues of Linguistics. 1997. No. 5. P. 102 – 120.

15. Shmeleva T.V. Model of a Speech Genre. Speech Genres: Collection of Scientific Articles. Saratov: Publishing House of the State Scientific Center "College", 1997. P. 88 – 98.

16. Aslan T. The Sequential Organization of Gossip Talk. Discourse Studies. 2021. No. 23 (4). P. 429 – 450. DOI: 10.1177/14614456211001604.

17. Bazerman Ch. The Life of Genre, the Life in the Classroom. Genre and Writing: Issues, Arguments, Alternatives. ed. by W. Bishop, H. Ostrom. Portsmouth, N.H.: Boynton/Cook, 1997. P. 19 – 26.

18. Bergmann J.R. Discreet Indiscretions: The Social Organization of Gossip. New York: Aldine de Gruyter, 1993. 206 p.

19. Bhatia V.K. Analyzing Genre: Language Use in Professional Settings. London; New York: Routledge, 2013. 246 p.

20. Bryan S. Princess of Gossip. New York: Pocket Books, 2008. 384 p.

21. Cole J.M., Scrivener H. Short term effects of gossip behavior on self-esteem. Current Psychology: A Journal for Diverse Perspectives on Diverse Psychological Issues. 2013. No. 32 (3). P. 252 – 260. DOI: 10.1007/s12144-013-9176-3

22. Dores Cruz T.D., Nieper A.S., Testori M., Martinescu E., Beersma B. An integrative definition and framework to study gossip. Group & Organization Management. 2021. No. 46 (2). P. 252 – 285. DOI: 10.1177/1059601121992887

23. Dunbar R.I.M. Grooming, Gossip and the Evolution of Language. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996. 230 p.

24. Eggins S., Slade D. Analyzing Casual Conversation. London: Cassell, 1997. 333 p.

25. Evaldsson A.-C. Boys' gossip telling: staging identities and indexing (unacceptable) masculine behavior. Text & Talk. 2002. No. 22 (2). P. 199 – 225.

26. Guendouzi J. Social functions of gossip in adolescent girl's talk. Discourse Studies. 2020. No. 22 (6). P. 678 – 696. DOI: 10.1177/1461445620928232.

27. Haddad Y.A. Pronouns and intersubjectivity in Lebanese Arabic gossip. Journal of Pragmatics. 2013. No. 49. P. 57 – 77.

28. Hamka N. Speech genre: a study of gossip in Australian English speaking context. ELS Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. 2018. No. 1 (3). P. 263 – 271. DOI: 10.34050/els-jish.v1i3.5067

29. Jaworski A., Coupland J. Othering in gossip. Language in Society. 2005. No. 34(5). P. 667 – 694. DOI: 10.1017/S0047404505050256

30. Kwan K. China Rich Girlfriend. New York: Doubleday, 2015. 377 p.

31. Kwan K. Crazy Rich Asians. New York: Doubleday, 2013. 403 p.

32. Kwan K. Rich People Problems. New York: Doubleday, 2017. 397 p.

33. Malinowski B. The Problem of Meaning in Primitive Languages. The Meaning of Meaning. ed. by C.K. Ogden, I.A. Richards. London: K. Paul, Trench, Trubner, 1923. P. 296 – 336.

34. Merriam-Webster Dictionary: Asshole [Electronic resource]. URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/asshole (date of access: 22.06.2026)

35. Mohammad A., Vásquez C. 'Rachel's not here': constructed dialogue in gossip. Journal of Sociolinguistics. 2015. No. 19(3). P. 351 – 371. DOI: 10.1111/josl.12125

36. Normal Gossip: podcast [Electronic resource]. URL: https://player.fm/series/normal-gossip (accessed: 22.06.2026)

37. Normal Gossip. Gossiptonin with Virgie Tovar [Electronic resource]. URL: https://player.fm/series/3008031/316687232 (date of access: 22.06.2026)

38. Normal Gossip. Season 2, Episode 9. Telephone Game with Alex and Justin [Electronic resource]. URL: https://player.fm/series/normal-gossip/s2-ep9-telephone-game-with-alex-and-justin (date of access: 05.06.2026)

39. Normal Gossip. Season 3, Episode 4. Christmas is Canceled with Laurel Bristow [Electronic resource]. URL: https://player.fm/series/normal-gossip/s3-ep4-christmas-is-cancelled-with-laurel-bristow (date of access: 05.06.2026)

40. Pym B. No Fond Return of Love. New York: Harper & Row, 2007. 215 p.

41. Swales J. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 272 p.

42. Taslim P. The Love Match. New York: Salaam Reads, 2022. 275 p.

43. The Good Place. Season 4, Episode 3 [TV series]. NBC. 2019.

44. Thornborrow J., Morris D. Gossip as strategy: the management of talk about others on reality TV show 'Big Brother'. Journal of Sociolinguistics. 2004. No. 8(2). P. 246 – 271. DOI: 10.1111/j.1467-9841.2004.00260.x.

45. Ziegesar C. von. Gossip Girl. New York: Little, Brown and Company, 2002. 199 p.

Информация об авторах

Кондырева Ю.В., соискатель, ассистент кафедры английской филологии, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова, yvkondyreva@lunn.ru

Новикова Н.Д. кандидат филологических наук, ассистент кафедры английской филологии, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова, ndnovikova_lunn@mail.ru

© Кондырева Ю.В., Новикова Н.Д., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
УДК 81'42:82-31
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-213-219

Номинация героев-наставников как средство репрезентации языковых особенностей речевого портрета (на материале повести К.С. Льюиса «Лев, Колдунья и платяной шкаф»)

[1] Мельникова А.М.,
[1] Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова

Аннотация: в представленной статье анализируются имена собственные герое-наставников в английском художественном тексте фэнтези. Актуальность темы обусловлена тем, что имена собственные детально изучаются в качестве значимых языковых единиц как результат процесса номинации. Произведен подробный языковой анализ речевых партий героев-наставников с опорой на разную типологию и контекст. Поэтапно выявлен высокий функциональный потенциал имен собственных в художественном тексте. Определено соответствие значения имен и личностных характеристик героев. В свою очередь, выяснили, что имена собственные являются отражением культурного кода нации, некоторые из них используются в качестве когнитивной метафоры.

В ходе исследования обнаружены способы взаимодействия имен собственных с контекстом. Установлено, что семантика имени проявляется в речевых партиях героев посредством лексических и синтаксических языковых средств. Наглядно продемонстрировано, что номинация героев-наставников является средством формирования их речевого портрета. Исследование подтверждает, что имена собственные являются смысловой доминантой в тексте, олицетворяя личностные характеристики героев, отражая культурный фон и формируя восприятия читателя.

В результате языкового анализа доказали, что номинация имени в английском художественном тексте фэнтези представлена в качестве сложного лингвостилистического процесса, в ходе которого автор прибегает к таким приемам как говорящие имена и опора на культурный и мифологический коды.

Ключевые слова: номинация, имя собственное, семантика имени, функциональный потенциал, языковые особенности, лингвостилистические средства, речевой портрет, английский художественный текст фэнтези

Для цитирования: Мельникова А.М. Номинация героев-наставников как средство репрезентации языковых особенностей речевого портрета (на материале повести К.С. Льюиса «Лев, Колдунья и платяной шкаф») // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 213 – 219. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-213-219

Поступила в редакцию: 20 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 18 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

Nomination of mentor-heroes as a means of representing the linguistic features of a speech portrait (based on the fantastic story by C.S. Lewis "The Lion, the Witch and the Wardrobe")

[1] Melnikova A.M.,
[1] Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov

Abstract: the presented article analyzes the proper names of mentor heroes in English fantasy fiction. The relevance of the topic is due to the fact that proper names are studied in detail as significant linguistic units resulting from the nomination process. Drawing upon various typologies and contexts, a detailed linguistic analysis of the mentor characters' speech has been carried out. Step by step, the high functional potential of proper names in literary text has been revealed. The correspondence between the meanings of names and the personality traits of the characters has been determined. Moreover, it was found that proper names reflect the cultural code of the nation, and some of them are considered as cognitive metaphors.

Within the research process, ways of interaction between proper names and context were discovered. It has been established that the semantics of a name manifests in the speech of characters through lexical and syntactic linguistic means. It is clearly demonstrated that the nomination of mentor heroes is a means of forming their speech portrait. The study confirms that proper names are the semantic dominant in the text, embodying the personal characteristics of the characters, reflecting the cultural background, and shaping the reader's perceptions.

As a result of the practical study, it has been proved that the nomination of names in English fantasy fiction is presented as a complex linguostylistic process, during which the author resorts to techniques such as speaking names and reliance on cultural and mythological codes.

Keywords: nomination, proper name, semantics of the name, functional potential, linguistic features, linguistic stylistic devices, speech portrait, English fantasy literary text

For citation: Melnikova A.M. Nomination of mentor-heroes as a means of representing the linguistic features of a speech portrait (based on the fantastic story by C.S. Lewis "The Lion, the Witch and the Wardrobe"). Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 213 – 219. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-213-219

The article was submitted: July 20, 2026; Approved after reviewing: August 18, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

Проблема номинации имен собственных в английском художественном тексте фэнтези является объектом рассмотрения современной лингвистики. Исследователи не ограничиваются изучением формы имени, но активно изучают его функционал в тексте, способы взаимодействия в связке с другими элементами и как формируется восприятие имени в разных культурных контекстах.

Номинация (от лат. nominatio – наименование) – лингвистический термин, обозначающий процесс соотнесения языковых единиц (прежде всего слов) с обозначаемыми объектами (предметами, признаками, событиями и т.п.).

Номинация имени – это процесс присвоения имени (слова или словосочетания) объекту – предмету, явлению, лицу, событию и т.д. Также термином «номинация» обозначают результат этого процесса – само имя как значимую языковую единицу.

А.В. Суперанская подчеркивала, что в контексте имён собственных «номинация представляет собой процесс присвоения индивидуального имени объекту, который выделяет его из ряда подобных, индивидуализирует» [7, с. 5].

Примечательно, что имя персонажа позволяет идентифицировать героя, дать ему развернутую характеристику, заложить скрытый смысл.

Важно отметить, что имена собственные в художественном тексте обладают высоким функциональным потенциалом.

Согласно мнению М.А. Ананьиной «функциональные свойства имен в аспекте прагматики рассматриваются в связи с понятиями ономастической информации, коннотаций, фоновой информации, подтекста, импликации, энциклопедических знаний читателя, когнитивных особенностей и структуры концепта, а также стилистической функции имен» [1, с. 8-9].

О.И. Фонякова в художественном тексте рассматривает онимы с точки зрения номинации, сигнификации и коннотации. В области ономастической номинации выделяются языковые и речевые функции. «В области сигнификации – концептуальная, информативная, аккумулятивная. В области коннотации выделяют языковые функции, такие как стилистическая, эмоционально-оценочная, социально-оценочная, региональная и культурно-историческая, к которым в речи или в тексте добавляются общая текстообразующая и эстетическая функции» [8, с. 16-17].

Т.А. Буркова отмечает, что «чисто лингвистическое изучение имен собственных не может не выходить за пределы одних лишь языковых возможностей, и лингвисту все время необходимо иметь в виду внеязыковые ассоциации собственных имен» [2, с. 762].

Следует указать на то, что семантика имени в произведениях фэнтези – это не просто его назывная функция. Авторы как правило наделяют имена скрытым смыслом: через них они раскрывают характер героя, его судьбу, место в мироустройстве и создают особый колорит вымышленного мира.

Е.Ю. Позднякова обращает внимание на тот факт, что «в процессе восприятия имени собственного актуализируются разные стороны его семантики, адресат при этом задействует лексическое, энциклопедическое значения имени, а также фоновые знания и личностные смыслы» [6, с. 145].

Цель исследования: установить значение имен героев-наставников в произведении; выявить их лингвостилистические особенности; определить языковые способы их выражения в речевых партиях героев.

Материалы и методы исследований

При анализе значений имен собственных применили описательный метод, а также метод контекстуального анализа; в качестве методов исследования языковых средств в речевой партии героев применили: лингвостилистический анализ, семантико-стилистический анализ, а также метод «свободного анализа».

В качестве материала для исследования используем фэнтези-повесть К.С. Льюиса «Лев, Колдунья и платяной шкаф».

Результаты и обсуждения

Изучая язык художественной литературы, так или иначе прибегаем к анализу имен собственных.

По мнению А.В. Плотниковой необходимо помнить, что «имена собственные всегда обладают дополнительным смыслом. Любой оним в художественном тексте является зашифрованным понятием автора, которое необходимо раскрыть для адекватного понимания текста, учитывая, как эстетические задачи, так и культурно-психологические и общеязыковые коннотации, вызываемые данными поэтонимами в сознании читателя» [5, с. 11].

На первоначальном этапе исследования прежде чем приступить к анализу имен собственных, выделим следующие типы героев-наставников в произведении:

1 тип: человек-наставник в реальном мире – профессор Дигори Кёрк;

2 тип: животное-наставник в вымышленном мире Нарнии – Лев Аслан, мистер Бобр, миссис Бобриха;

3 тип: сказочное существо-наставник в вымышленном мире Нарнии – Дед Мороз.

На следующем этапе рассмотрим имена персонажей с точки зрения таких категорий как семантика имени, контекстуальное значение имени в различных речевых ситуациях, а также его дискурсивная актуализация, т.е. процесс вовлечения ассоциаций и интерпретаций в ходе раскрытия смысла имени.

Как правило, имена персонажей отражают статус героев и особенности их личности. По мнению Г. Юнусовой «в художественном тексте имя собственное, его значение и форма, а также ситуации его употребления не случайны. Имена собственные, наряду с языком и стилем произведения, занимают особое место в системе художественных средств, служащих для выражения авторского замысла» [15, с. 3006].

Примечательно, что имена собственные являются отражением культурного кода нации. О.И. Халупо полагает, что «имена, как и другие лексические языковые единицы, играют важную роль в межкультурной коммуникации. Обладая ярко выраженным лингвистическим и культурологическим характером, собственные имена – ономастическая лексика оказывает влияние на изучение и познание не только самого языка какой-либо общности, но и ее литературы, истории, культуры» [9, с. 191].

Рассмотрим более детально каким образом имена героев-наставников отражают их ключевые личностные качества, а также при помощи каких языковых средств и приемов семантика имен проявляется в речевых партиях.

Профессор Дигори Кёрк. Номинация персонажа сочетает в себе несколько составных элементов, среди которых антропонимы (личное имя): имя (*Digory*), фамилия (*Kerk*) и титул (*Professor*). *Digory* – мужское имя английского происхождения, является производным от англ. *dignity* – «достоинство, благородство» и *digger* – «золотоискатель» [11, с. 216]. Перевод имени указывает на свойства личности героя, а также на его устремленность к поиску золота, иными словами что есть истина, на способность видеть в окружающих добрые качества. Обратим внимание на то, что в Великобритании титул «профессор» используется только для очень высокопоставленных учёных. Данный факт указывает на статус героя, его авторитет и высокий интеллект. Каждую свою мысль профессор тщательно обдумывает, отличается рассудительностью в высказываниях:

*"**That is a point**," said the Professor, "which certainly deserves **consideration**; **very careful consideration**"* [16, с. 51]; *"You know she doesn't tell lies and **it is obvious that** she is not mad. For the moment then and unless any further **evidence** turns up, we must **assume** that she is telling the truth."* [16, с. 52].

С целью подчеркнуть указанные свойства личности героя, автор использовал в речи следующие языковые приемы: разговорные выражения *that is a point, it's obvious that*; существительные *consideration, evidence*; глагол *to assume*; лексические повторы с усилением с целью эмоционального воздействия на собеседника (*which certainly deserves consideration; very careful consideration*), усиление выражено эмоционально окрашенным прилагательным *careful* и эмфатическим словом *very*. Перечисленные языковые приёмы отражают умственную активность героя.

Аслан. Номинация персонажа включает в себя литературный антропоним – имя, присвоенное вымышленному персонажу (*Aslan*). Многократные упоминания в тексте о главном наставнике повести другими персонажами дополняет номинацию следующими так называемыми «прозвищами»: *the King, the King of Beasts, the great Fool, the great Cat, that awful Aslan.* Некоторые из «прозвищ» Аслана содержат оценочные компоненты (*great, awful, Fool*).

Мистер Бобр об Аслане: "*Aslan a man!" said Mr Beaver sternly. "Certainly not. I tell you he is* ***the King*** *of the wood and the son of the great Emperor-beyond- the-Sea. Don't you know who is* ***the King of Beasts****? Aslan is* ***a lion*** *–* ***the Lion****,* ***the great Lion.***" [16, с. 86].

Белая Колдунья об Аслане: "*It will not take us long to crush the human vermin and the traitors now that* ***the great Fool****,* ***the great Cat****, lies dead.*" [16, с. 171].

Эдмунд об Аслане: "*I expect she is the rightful Queen really. Anyway, she'll be better than* ***that awful Aslan****!*" [16, с. 96-97].

Имя Аслан имеет тюркское происхождение и переводится как «лев», «царь зверей» или «могучий лев» [12, с. 109]. Имя символизирует силу, достоинство, природную власть, храбрость и мудрость. Кроме того, лев – важный символ в английской культуре, который напрямую ассоциируется с силой, мужеством, доблестью, королевской властью, гордостью и справедливостью. Более того, в христианской традиции лев символизирует Божью силу, может изображаться с книгой или свитком, символизирует роль справедливого судьи и учителя человечества [13, с. 400]. Данные качества находят непосредственное отражение в речевой партии героя:

"Come, Son of Adam, and ***I will show*** *you a far-off sight of the castle where you are to be King."* [16, с. 142]; *"Tell your mistress, Son of Earth, that* ***I grant*** *her safe conduct on condition that she leaves her wand behind her at that great oak."* [16, с. 153-154]; *"and* ***I will talk*** *to the Witch* ***alone****"* [16, с. 157]; "*Yes, you may come, if you will promise to stop when* ***I tell*** *you, and after that leave me to go on alone."* [16, с. 164]; *"I have settled the matter"* [16, с. 158]; "***You must*** *put your Centaurs in such and such a place" or "****You must*** *post scouts to see that she doesn't do so-and-so*" [16, с. 160]; "***You must*** *ride on me"* [16, с. 180].

В результате анализа речи героя выяснили, что Аслан говорит преимущественно от первого лица, что напрямую указывает на позицию силы. Герой берёт ответственность принятых решений на себя, действует единолично, не дает пустых обещаний, что в совокупности превращает персонажа в притягательную личность. Качества героя отражают выражения *I will show, I grant, I tell you, I will talk alone, I have settled the matter*. Частое употребление обращения *you must* указывает на устоявшуюся привычку отдавать распоряжения и наставления.

Мистер Бобр и Миссис Бобриха. Номинация персонажей включает имя собственное (*Beaver*) и формы вежливого обращения к представителям мужского и женского пола в Англии (*Mr.* сокращенно от *Mister*, *Mrs*. сокращенно от *Mistress*).

Обращаясь к анималистической символике Англии, отметим значимость вышеуказанного животного. Кроме того, бобр в английской христианской традиции – многогранный символ, который является воплощением жертвенности, трудолюбия и созидания, также олицетворяет ценность сотрудничества и партнерства [14, с. 20].

Обозначим тот факт, что чете бобров в повести не свойственно отдавать приказы, подобно тому, как это мастерски осуществляет Аслан. Наставничество героев выражается в более мягкой форме, а точнее в виде дружеского руководства и приободрения, что подчеркивает их отличительную функциональную роль в произведении. Первостепенной задачей данного типа наставника является заставить главных героев поверить в свои силы и исполнить предназначение.

*"****I must*** *bring you where we can have a real talk and also dinner."* [16, с. 75]; *"****I'm to lead you*** *where you shall meet him."* [16, с. 86]; *"****We must*** *be off at once."* [16, с. 90]; *"****we must*** *go on and meet him."* [16, с. 93]; "***we must*** *all get away from here.*" [16, с. 94]; *"But* ***be careful*** *and* ***don't slip****."* [16, с. 77]; *"****Come and help*** *to carry the tray down and we'll have breakfast."* [16, с. 119].

Указанные примеры демонстрируют, как проявляют себя герои-наставники посредством речи. Например, такое качество личности как жертвенность проявляется в использовании выражений с модальными глаголами *must, to be to* (*I/we must, I'm to lead you*); императива, отражающего вежливую просьбу/наставление (*be careful and don't slip, come and help***)**.

Дед Мороз. Номинация наставника представлена отсылкой к мифическому персонажу, имеет символическое значение, является олицетворением библейских событий (*Father Christmas*). Данный тип персонажа символизирует щедрость, гостеприимство, дух Рождества, а также ключевые ценности праздника – семью, помощь ближним и радость. Образ Отец Рождество получил широкую известность в Англии со Средних

веков, который со временем стал прототипом славянского Деда Мороза. Представленный фольклорный персонаж-наставник остаётся значимым элементом британской праздничной культуры, вызывая положительные ассоциации у читателя, заручаясь его расположением и доверием с момента появления на страницах повести.

"And when you put ***this horn*** *to your lips; and blow it, then, wherever you are, I think* ***help*** *of some kind will come to you."* [16, с. 118]; *"there is* ***cordial*** *made of the juice of one of the fire-flowers that grow in the mountains of the sun. If you or any of your friends is hurt, a few drops of this* ***restore*** *them. And* ***the dagger*** *is* ***to defend*** *yourself at great need."* [16, с. 118-119].

Отметим, что знакомство главных героев с Дедом Морозом является знаковым, поскольку отражает переломный момент в судьбе детей Певенси. Сказочный персонаж щедро одаривает героев подарками, которые косвенно указывают на их уникальные сверхспособности. Именно образ Деда Мороза позволяет героям перевести дух, зарядиться доброжелательной атмосферой в его присутствии, восстановить силы и продолжить свой путь навстречу Аслану. Помощь наставника отражена в следующих лексических парах модели "noun-noun/verb": *the horn-help, the cordial – restore, the dagger-defend*).

Прежде всего определили, что культурный компонент является неотъемлемой частью анализируемых имен собственных. Иными словами, они не только транслируют информацию во время общения, но обладают так называемым «культурным содержимым», т.е. отражают специфические национальные особенности.

Исследователь Л.А. Диярова утверждает, что «тексты позволяют декодировать культуру и выражать ее при помощи когнитивной метафоры. Различные культуры нередко имеют разные метафоры» [3, с. 50], где метафора выступает в роли языкового механизма, позволяющего понимать абстрактные понятия через осязаемые категории.

Так, опираясь на обозначенное исследование, выяснили, что названия животных, используемые в повести в качестве имен (*Лев, Бобр, Бобриха*), являются метафорами, где лев олицетворяет справедливого властителя и бесстрашного защитника, а чета бобров – семейные ценности, значимость взаимовыручки и надежного плеча. Примечательно, что названия животных олицетворяют анималистический код в английской культуре, отражающий специфику мировосприятия, стереотипы и эмоциональные оценки.

Опираясь на понятие культурного кода, выяснили, что в английском культурном коде непосредственно профессор символизирует профессиональное мастерство, своего рода «всезнайство», а Дед Мороз – всеобщий символ волшебства и обновления, точку перехода от старого к новому. Более того, перечисленные номинатемы используются с целью вызвать у читателя, воспитанного в традициях данной культуры, непосредственные ассоциации.

Выводы

Таким образом, подробно рассмотрев имена героев с точки зрения их номинации, семантики, функции в предложении и взаимодействия с контекстом, пришли к следующим выводам: 1) имена героев-наставников относятся к категории «говорящие», т.е. такие, которые полностью отражают внутреннюю сущность героя, его моральные качества и социальное положение, подтверждая тот факт, что автор тщательно продумал имена своих персонажей; 2) имена и типы персонажей соотносятся с их коммуникативными проявлениями в диалогах и монологах; 3) языковые средства в речи героев являются отражением ключевых качеств личностей персонажей-наставников различных типажей; 4) номинация героев формирует языковой портрет персонажей-наставников в произведении фэнтези и предопределяет выбор языковых средств при создании речевого портрета персонажа.

Установлено, что семантика имени в английском художественном тексте – это многоаспектное явление, которое включает как прямое номинативное значение, так и скрытые смысловые, стилистические и тематические слои, формируемые контекстом, этимологией и ассоциациями; обнаружили семантическое соответствие имён героев с их речевыми проявлениями в диалогах и монологах; определили, что имена собственные являются когнитивными метафорами, которые отражают характерные свойства персонажей, являются носителями культурного кода английской культуры; выяснили, что в речи героев качества их личности проявляются на лексическом и синтаксическом уровнях.

Обоснованно, что имя собственное является важным инструментом, участвующим в формировании речевого портрета героя в художественном тексте фэнтези. Номинация героя позволяет читателю идентифицировать его ключевые личностные характеристики. Более того, через номинацию автор акцентирует внимание на определённых чертах личности, статусе, профессиональной роли, отношении к герою других персонажей.

Теоретически и эмпирически выявлено, что имя собственное выступает своеобразной смысловой доминантой в художественном тексте фэнтези, вовлекая читателя в ход повествования и заставляя поверить в созданную автором вымышленную реальность.

Дальнейшая перспектива исследования заключается в рассмотрении категории номинации имени и способов ее влияния на формирование речевого портрета других лингвокультурных типажей в фэнтези повести К.С. Льюиса «Лев, Колдунья и платяной шкаф».

Список источников

1. Ананьина М.А. Прагматический аспект функционирования аллюзивного антропонима в художественном тексте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16. № 4. С. 5 – 16.

2. Буркова Т.А. Функциональный потенциал имен собственных // Вестник Башкирск. ун-та. 2016. Т. 21. № 3. С. 760 – 763.

3. Диярова Л.А. Образование и культура: анималистическая глагольная лексика как зооморфный код культуры (на материале английского языка) // Педагогический журнал Башкортостана. 2017. № 5 (72). С. 49 – 54.

4. Кабатай Кызы А. Имя собственное в структуре художественного текста // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9. № 8. С. 321 – 329.

5. Плотникова А.В. Принципы и способы атрибуции имен собственных в произведениях жанра «фэнтези» (на материале английского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук / Воен. ун-т. Москва 2010. 19 с.

6. Позднякова Е.Ю. Актуализация дискурса имени собственного (на материале лингвистического эксперимента) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2023. Т. 22. № 6. С. 143 – 154.

7. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Ленанд, 2023. 366 с.

8. Фонякова О.И. Имя собственное в художественном тексте. Л.: ЛГУ, 1990. 103 с.

9. Халупо О.И. Имена собственные как отражение лингвокультурной картины мира // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 3. С. 191 – 198.

10. Эминов Н.В. Семантика имен собственных вымышленных существ и проблемы перевода // Новый филологический вестник. 2022. № 4. С. 67 – 78.

11. Новый англо-русский словарь. М. : Альта-Пресс, 2003. 895 с.

12. Сводный словарь личных имён народов Северного Кавказа / отв. ред. Р.Ю. Намитокова. М.: Флинта: Наука, 2012. 293 с.

13. Словарь библейских образов: справочник / под общ. ред. Лиланда Райкена, Джеймса Уилхойта, Тремпера Лонгмана III; ред.-консультанты: Колин Дюриес, Дуглас Пенни, Дэниел Рейд; пер.: Б.А. Скороходов, О.А. Рыбакова Санкт-Петербург : Библия для всех, 2005 (ГУП Тип. Наука). 1423 с.

14. Теренс Уайт Средневековый бестиарий: что думали наши предки об окружающем их мире: пер. с англ. С. Фёдорова. Москва: Центрполиграф, 2013. 285 с.

15. Gunel Xanlar Yunusova Functioning of Proper Names in the English Literary Text // Traektoriâ Nauki = Path of Science. 2021. Vol. 7. No. 5. P. 3006 – 3011.

16. Lewis C.S. The Chronicles of Narnia: The Lion, the Witch and the Wardrobe. London: HarperCollins Publishers. 2002. 206 p.

References

1. Ananyina M.A. Pragmatic aspect of functioning of an allusive anthroponym in a literary text. Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology. 2024. Vol. 16. No. 4. P. 5 – 16.

2. Burkova T.A. Functional potential of proper names. Bulletin of Bashkir. University. 2016. Vol. 21. No. 3. P. 760 – 763.

3. Diyarova L.A. Education and culture: animalistic verb vocabulary as a zoomorphic code of culture (based on the English language). Pedagogical journal of Bashkortostan. 2017. No. 5 (72). P. 49 – 54.

4. Kabatai Kyzy A. Proper Name in the Structure of a Fiction Text. Bulletin of Science and Practice. 2023. Vol. 9. No. 8. P. 321 – 329.

5. Plotnikova A.V. Principles and Methods of Attribution of Proper Names in Works of the Fantasy Genre (Based on the English Language): Abstract of a Cand. Sci. (Philological) Dissertation. Military University. Moscow, 2010. 19 p.

6. Pozdnyakova E.Yu. Actualization of the Discourse of a Proper Name (Based on a Linguistic Experiment). Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics. 2023. Vol. 22. No. 6. P. 143 – 154.

7. Superanskaya A.V. General Theory of a Proper Name. M.: Lenand, 2023. 366 p.

8. Fonyakova O.I. Proper Name in Fiction. L.: Leningrad State University, 1990. 103 p.

9. Khalupo O.I. Proper Names as a Reflection of the Linguocultural Picture of the World. Humanitarian and Social Sciences. 2014. No. 3. P. 191 – 198.

10. Eminov N.V. Semantics of Proper Names of Fictional Creatures and Translation Problems. New Philological Bulletin. 2022. No. 4. P. 67 – 78.

11. New English-Russian Dictionary. M.: Alta-Press, 2003. 895 p.

12. Consolidated Dictionary of Personal Names of the Peoples of the North Caucasus. ed. R.Yu. Namitokova. Moscow: Flinta: Nauka, 2012. 293 p.

13. Dictionary of Biblical Images: A Handbook. edited by Leland Rycken, James Wilhoite, Tremper Longman III; consulting editors: Colin Duries, Douglas Penny, Daniel Reid; trans.: B.A. Skorokhodov, O.A. Rybakova St. Petersburg: Bible for Everyone, 2005 (GUP Type. Nauka). 1423 p.

14. Terence White, Medieval Bestiary: What Our Ancestors Thought about the World Around Them: trans. from English by S. Fedorova. Moscow: Tsentrpoligraf, 2013. 285 p.

15. Gunel Xanlar Yunusova, Functioning of Proper Names in the English Literary Text. Traektoriâ Nauki = Path of Science. 2021. Vol. 7. No. 5. P. 3006 – 3011.

16. Lewis C.S. The Chronicles of Narnia: The Lion, the Witch and the Wardrobe. London: HarperCollins Publishers. 2002. 206 p.

Информация об авторе

Мельникова А.М., аспирант, Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова, dti-melnikova@mail.ru

© Мельникова А.М., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 1751
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-220-229

Патриотизм как эмоциональный концепт публицистического дискурса в исторической динамике

[1] Михалева Л.И.,
[1] Российский новый университет

Аннотация: настоящее исследование посвящено изучению концепта *Патриотизм* в картине мира носителя русского языка, аккумулирующего комплекс переживаний, установок и образов, которые делают понятие *Патриотизм* востребованным и эмоциональным в сознании людей. Актуальность научной работы обусловлена необходимость сохранения в массмедиа традиционных ценностей в условиях глобальной информационной войны. Цель исследования – выявление и характеристика ключевых эмоциональных компонентов концептосферы *Патриотизм* с точки зрения их исторической трансформации. Концептуальный анализ, с использованием сравнительно-исторического подхода, проведён на материале Национального корпуса русского языка. Методом сплошной выборки было извлечено 2382 контекстов употребления и 4813 текстовых отрезков публицистического дискурса с 1783 по 2013 гг., в которых *Патриотизм* как эмоциональный концепт тесно связан с чувствами и переживаниями человека, его эмоциональным отношением к Родине. Результаты исследования показали, что семантическое поле концептосферы *Патриотизм* в исторической динамике амбивалентно, именно экстралингвистические факторы обуславливают специфику содержания и ассоциативные связи концепта. Тем не менее, остаётся неизменным ядро концептосферы – особая сакральная значимость родной земли, отражающее сущность духовно-нравственных ценностей России.

Ключевые слова: концепт *Патриотизм*, когнитивная лингвистика, эмоции, публицистический дискурс, концептосфера, репрезентация, национальный корпус русского языка, сравнительно-исторический подход

Для цитирования: Михалева Л.И. Патриотизм как эмоциональный концепт публицистического дискурса в исторической динамике // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 220 – 229. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-220-229

Поступила в редакцию: 21 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 19 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

Patriotism as an emotional concept of publicistic discourse in historical dynamics

[1] Mikhalyova L.I.,
[1] Russian New University

Abstract: this study focuses on the concept of *Patriotism* in the worldview of Russian speakers, as it encompasses a complex of emotions, attitudes, and images that make the concept of *Patriotism* "alive" and emotional in people's minds. The relevance of scientific work is determined by the need to preserve traditional values in the media in the context of the global information war. The purpose of the study is to identify and characterize the key emotional components of the conceptosphere of Patriotism in terms of their historical transformation. A conceptual analysis using a comparative historical approach was carried out on the basis of the National Corpus of the Russian Language. 2,382 usage contexts and 4,813 textual segments of journalistic discourse from 1783 to 2013 were extracted using a continuous sampling method. *Patriotism* as an emotional concept is closely related to the feelings and experiences of a person, his emotional attitude to the Motherland. The results of the study showed that the semantic field of the conceptosphere of Patriotism is ambivalent in historical dynamics, it is extralinguistic factors that determine the specifics of the content and associative connections of the concept. Nevertheless, the core of the conceptual sphere remains unchanged – the special sacred significance of the native land, reflecting the essence of the spiritual and moral values of Russia.

Keywords: concept of *Patriotism*, cognitive linguistics, emotions, journalistic discourse, conceptual sphere, representation, National Corpus of the Russian language, comparative historical approach

For citation: Mikhalyova L.I. Patriotism as an emotional concept of publicistic discourse in historical dynamics. Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 220 – 229. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-220-229

The article was submitted: July 21, 2026; Approved after reviewing: August 19, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

Информационное пространство – интенсивно развивающаяся сфера современной жизни, где активно внедряются новые технологии, трансформирующие способы взаимодействия с информацией, обработки данных и обеспечения безопасности. Процесс сопровождается высокой интенсивностью политических и военных конфликтов. Роль медиадискурса как фактора регуляции и формирования общественного мнения значительно возрастает. Главным инструментом информационной войны между Россией и Украиной становится русский язык, его лингвистические средства, такие, как например, генерализованные высказывания и концепты – универсальные истины, отражающие общие культурно-национальные представления человека о мире. Они формируют образ добра и зла, друга и врага, жизни и смерти, родины и чужбины.

Особый интерес для научного анализа представляет одна из базовых универсальных истин, концепт *Патриотизм* как один из стержневых конструктов национальной идеи, фактор "устойчивости российского социума в условиях глобальных вызовов" [10, с. 289]. Как правило, данный концепт встроен в публицистический дискурс – в медиатексты и высказывания на актуальные социально-политические, культурные и экономические темы в условиях массовой коммуникации, ориентированные на информирование и воздействие на аудиторию.

Материалы и методы исследований

Теория концепта достаточно полно представлена в лингвистике. Базовым стал этнолингвистический подход, изучающий язык в его отношении к культуре, взаимодействие языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и эволюции языка. Одним из ключевых аспектов, применённых в работе, стало оперирование преимущественно исторически значимыми данными, зафиксированными в списках НКРЯ.

В работе применён концептуальный анализ, благодаря которому проанализирована концептосфера *Патриотизм* и выделены основные составляющие, когнитивные слои, представляющие этот концепт в разные исторические эпохи. Также в работе задействован сравнительно-исторический подход и отдельные приемы статистического анализа для выявления частотности этого концепта в исторической динамике. Для реализации целей использованы списки публицистических текстов из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Это – информационно-справочная система, основанная на собрании материалов в электронной форме, включает статьи из газет, журналов, онлайн-изданий, телевидения, интервью и официальных документов. Общий объём НКРЯ – 13,5 млрд. словоупотреблений, но для исследования была отобрана тематическая выборка по теме патриотизма.

Понятие *Концепт* – объект изучения целого ряда наук. Среди них, когнитивная лингвистика, культурология, лингвокультурология, политология, аксиология, социология и др. Большинство отечественных учёных, ссылаясь на «Классическую теорию концептов» Аристотеля [31, с. 336], считают термин заимствованным из математической логики [24, с. 1373].

В переводе с латинского conceptus (от глагола concipere – «зачинать») означает «зародыш». В качестве термина в русском языке слово "концепт" впервые использовали в 1928 году в журнале «Русская речь». Автор С.А. Аскольдов в статье «Слово и концепт» главным свойством концептов назвал функцию заместительства [2, с. 269].

Общеупотребительным в лингвистической литературе термин «концепт» стал в начале 1990-х годов, благодаря разработкам Д.С. Лихачева и Ю.С. Степанова. Д.С. Лихачев предложил рассматривать концепт как алгебраическое выражение значения (или алгебраическое обозначение), которое мы используем в своей речи. Как утверждает ученый, человек не успевает, либо не может выразить значение полностью, иногда понимает его по-своему в зависимости от социальных особенностей и условий [13, с. 281].

Ю.С. Степанов полагал, что «концепты – это фразы, фрагменты общения, которые заставляют наш разум создавать образы, знакомые нам много лет» [26, с. 248]. Как когнитивная единица значения, *Концепт* –

это абстрактная идея или мысленный символ, который может определяться как «единица знания». Эта единица имеет различные составляющие, дающие ту или иную характеристику концепта [26, с. 59].

В трудах Н.Д. Арутюновой концепт трактуется как результат взаимодействия фольклора, религии, национальных традиций, ощущений и ценностей. Концепт в такой трактовке – аналог мировоззренческих терминов, которые закрепились в языке и способствуют передаче духовной культуры народа [1, с. 4].

В.И. Карасик, говоря о концепте как о ментальной единице, выделяет в его структуре понятийный, образный и ценностный компоненты [9, с. 77]. Структурированная форма концепта, по мнению учёного, включает в себя не только знания о предмете, но и отношение к нему.

Слои и уровни в структуре концепта выделяют многие современные исследователи. Например, И.А. Широкова все концептуальные признаки представляет в виде «лексико-семантического поля с ядром и периферией» [30, с. 163]. При этом, по её мнению, «распределение концептуальных слоёв в рамках поля варьируется в зависимости от подхода автора» и не является равнозначным [30, с.163].

Концепт *Патриотизм* – непростой и многогранный феномен, непосредственно связанный с эмоциями человека. Согласно теории М.В. Пименовой, эмоциональные концепты относятся к базовым концептам – тем, что формируют фундамент языка и всей картины мира [16, с. 128-129]. Говоря об эмоциональном концепте Патриотизм, мы подразумеваем не просто любовь к Родине. У каждого человека данное чувство вызывает свои эмоции, образы и смыслы, которые трудно оценить сугубо с рациональной точки зрения.

Ещё одно ключевое понятие когнитивной линвистики – концептосфера. В отличии от концепта– структурно-содержательной единицы сознания, отражающей совокупность индивидуальных знаний, представлений, мнений об объекте мысли, концептосфера – это некая совокупность смысловых единиц, базовых идей и образов, отражающих семантическое поле конкретного концепта.

Как научное понятие, термин впервые был использован Д.С. Лихачёвым, который говорил о концептосфере как о совокупности концептов нации, учёный писал, что «она образована всеми потенциями носителей языка. Концептосфера народа шире семантической сферы, представленной значениями слов языка. Чем богаче культура нации, её фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера народа. Концепт и концептосфера являются мыслительными сущностями, и современные научные исследования подтверждают их основополагающую функцию в процессе невербального общения» [14, с. 5].

С точки зрения З.Д. Поповой, концептосфера – «чисто мыслительная сфера, состоящая из концептов, существующих в виде мыслительных картинок, схем, понятий, фреймов, сценариев, гештальтов, абстрактных сущностей, обобщающих разнообразные признаки внешнего мира» [18, с. 23]. О том, что концептосфера является достоянием не отдельной языковой личности, а «всего этноса, к которому эта личность принадлежит», говорит и А.Н. Приходько [19, с. 337].

Результаты и обсуждения

Патриотизм – «сложный социально-психологический феномен» [27, с. 8], понимание которого на протяжении всего развития нашей страны многогранно и неоднозначно. Сегодня о *Патриотизме* мы говорим как о едином когнитивном продукте, но так было не всегда. В разные исторические эпохи люди вкладывали в понятие *Патриотизм* определённые смыслы, что обусловливало широкий спектр его практической реализации. Благодаря Национальному корпусу русского языка, мы смогли проследить кардинальные изменения его интерпретационных рамок в течение последних трёх веков.

Слово «патриотизм» появилось в русском языке в конце XVIII века. Образовано на базе древнегреческого корня πατριός (отечество). Несмотря на заимствованный характер, базовое понятие патриотизма, как любви к своему отечеству, имеет глубокие корни.

При изучении различных источников выяснилось, что мотивы патриотизма прослеживаются уже в памятниках древнерусской литературы. Например, в «Слове о погибели Русской земли» автор восхищается красотой и величием Руси: *«О, свѣтло свѣтлая и украсно украшена, земля Руськая! И многыми красотами удивлена еси: озеры многыми удивлена еси, рѣками и кладязьми мѣсточестьными, горами, крутыми холми...»* [24, с. 91], а в «Слове о полку Игореве» осуждает пагубные для государства княжеские раздоры: «*Ярославовы все внуки и Всеславовы! Не вздымайте более стягов своих, вложите в ножны мечи свои затупившиеся, ибо потеряли уже дедовскую славу. В своих распрях начали вы призывать поганых на землю Русскую, на достояние Всеславово»* [25]. О любви в родной земле повествует «Повесть временных лет». Её создатель – монах Киево-Печерского монастыря Нестор, также высказывается против княжеских междоусобиц и с гордостью прославляет борцов за единство государства. *«Зачем, губим Русскую землю, сами на себя ссоры навлекая? Объединимся чистосердечно и будем охранять Русскую землю»* [17, с. 364].

По словам М.М. Крома, одного из исследователей зарождения патриотизма, мотивы любви и восхищения родиной в древнерусских произведениях «словно рассеяны, растворены в духовной атмосфере древнерусского общества, они не обобщены, не собраны в понятие» [11, с. 20]. Современные исследователи отмечают, что образ родного отечества, сформированный в древней Руси, «включал в себя биографические элементы – участие в судьбе своего народа, проявлявшееся, как правило, в жертвовании индивидом своей жизнью ради князя, и наоборот» [23, с. 86].

Анализируя изменения концептосферы *Патриотизм* в публицистических текстах, представленных с 1783 по 2013 г. в системе Национального корпуса русского языка, мы выделили главный, ядерный компонент семантической структуры концепта *Патриотизм.* Это – *преданность своей стране, стремление служить её интересам, защищать от врагов, а также героизм, мужество, воинская доблесть, верность долгу и честь*. В качестве единого когнитивного продукта такая трактовка патриотизма становится основной во времена Отечественной войны 1812 года и в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов.

Вторжение армии Наполеона приводит к небывалому подъёму духа и веры в свою Родину всех народов России. В текстах, зафиксированных в НКРЯ, *Патриотизм* ассоциируется с героизмом простого солдата и мудростью русских полководцев. Концептосфера *Патриотизм* представлена лексемами «высокое чувство своего достоинства», «неограниченная преданность отечеству»: *"Какой народъ! Какой патріотизмъ и какое благоразуміе! Сколько примѣровъ высокаго чувства своего достоинства и неограниченной преданности и любви къ отечеству!"* (НКРЯ – А.И. Тургенев. Письма П.А. Вяземскому. 1812); «любовь к Родине – жертвенность»: *«...Готовность и благоразуміе народа и патріотизмъ его, въ которомъ онъ превзошелъ самихъ испанцевъ, ибо тамъ многіе покорялись Наполеону...; а наши гибнутъ, гибнутъ часто въ безызвѣстности, для чего нужно болѣе геройства, нежели на самомъ полѣ сраженія»* (НКРЯ – А.И. Тургенев. Письма П.А. Вяземскому. 1812).

В годы Великой Отечественной войны концептосфера *Патриотизм* пополняется лексемами, отождествляющимися с безграничной преданностью своей стране – «святой патриотизм», «горячий и животворный патриотизм», «фанатический патриотизм», «единый братский патриотизм». Сплочению людей способствовало обращение к исторической памяти с её героями и традиционными национальными ценностями – самопожертвованию, трудолюбию, любви к чужим людям и желанию помочь общему делу — победе над врагом: *«Трудовые подвиги советских людей в тылу, равно как и немеркнущие ратные подвиги наших воинов на фронте, имеют своим источником горячий и животворный советский патриотизм*» (НКРЯ — И. В. Сталин. Доклад на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы по случаю 27-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической Революции. 1944).

Также в аспекты идеологии советского патриотизма входит подчёркивание отечественного, а не классового характера войны: *«Советский патриотизм не разъединяет, а, наоборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью*» (НКРЯ – И.В. Сталин. Доклад на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы по случаю 27-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической Революции. 1944).

Другая сема или актуальный признак, раскрывающие концепт – *патриотизм как духовное наследство, передающееся из поколения в поколение, воспитанное на уважении и благодарности к предкам.* Первое высказывание о патриотизме, как воспитательном процессе, принадлежит русскому просветителю второй половины XVIII в. Н.И. Новикову. В НКРЯ зафиксирован переводной текст 1783 года неизвестного автора, в котором Новиков, как издатель, анализирует процесс взросления «сынов Отечества» с опорой на сочетание семейного и общественного воспитания: «*Должен патриотизм вспомоществовать законодательной власти, то богатые и знатные люди должны отворить домы свои учащемуся юношеству, допускать их к своим столам и забавам и чрез то подавать им случай к тому образованию, которого не может дать публичное воспитание»* (НКРЯ –"О воспитании и наставлении детей". 1783).

Два года спустя к теме воспитания патриота возвращается Д.И. Фонвизин: *«Буде иногда патриотизм кажется во всех головах воспламененным, то, однако, прекрасный сей пламень есть не больше, как от временной моды зависящий образ мыслей безрассудной молодости»*. (НКРЯ – Д.И. Фонвизин. Рассуждения о национальном любочестии. 1785). Работа Фонвизина – перевод на русский язык книги немецкого философа и писателя И.Г. Циммермана. Новиков и Фонвизин, представители дворянского Просвещения, вводят в оборот слово «патриотизм», как понятие, отражающее связь монархического государства с гражданином страны в формате воспитания счастливых и полезных отечеству граждан.

К патриотизму как процессу воспитания, основанного на любви к своему народу в сочетании с уважением к другим народам, возвращаются в середине 1930-х XX века, благодаря установке И.В. Сталина на куль-

тивирование патриотизма в Советском Союзе [1, с. 67]. Первое упоминание «советского патриотизма» на страницах официальной прессы НКРЯ зафиксировал в 1926 году. *«Советский патриотизм – узаконенный политическими авторитетами термин. Теперешняя молодежь изучает революцию в государственных школах, а не готовит ее в подполье и не мечтает о ней в душных женевских кофейнях»* (НКРЯ – Н.В. Устрялов. Россия (У окна вагона). 1926).

Под воспитанием советского патриотизма подразумевалось взращивание «любви к Отечеству, развитие чувства национальной гордости, готовности в любую минуту встать на защиту Родины, формирование чувства любви и уважения к другим нациям» [3, с. 21]. Отличительная черта советского патриотизма – его действенный характер: настоящие патриоты – это те, кто своими делами и трудом стремился возвеличить Родину, советский народ. На страницах прессы всё воспитательные моменты подкреплялось конкретными примерами – несчётным количеством трудовых дел, полных высокой напряженности, самозабвенного боевого энтузиазма в разных сферах жизни: *«Прекрасный советский патриотизм, большевистская идейность и партийность, высокая, моральность – таков незыблемый фундамент советской разведки»* (НКРЯ – Н. Рубин, Я. Серебров. О подрывной деятельности фашистских разведок в СССР и задачах борьбы с нею. 1937*)*.

По мнению С. Г. Воркачёва, репрезентация концепта «советский патриотизм» происходила в виде «патриотической триады»: лексем «родина», «отечество» и «отчизна» [4, с. 115]. Материал сплошной выборки Национального корпуса русского языка показал, что «лексема "родина" входит в число первых пяти тысяч наиболее частотных слов» [4] и зафиксирована в интернет – версии 12321 раз, начиная с текстов середины XVIII и заканчивая XXI веками [14]. Лексема «отечество» – употреблялась 5971 раз, начиная со «Слова похвального о преславной над войсками свейскими победе, пресветлейшему государю царю и великому князю Петру Алексиевичу», написанного архиепископом Феофаном (Прокоповичем) в 1709 году. Лексему «отчизна» за этот же период авторы в своих текстах использовали 1005 раз.

Другой семантический компонент концепта патриотизм, который мы наблюдаем в списках НКРЯ – *гордость за достижения своей страны, желание поддерживать и развивать её победы, радость за успехи сограждан и понимание, что являешься частью единого этноса.* Первые попытки национальной идентичности можно отнести к началу XIX века, когда победа над наполеоновской Францией порождает в стране небывалое чувство гордости. Призывы ценить свою историю и культуру, равняться на её героев становятся главными в русской общественной мысли и журналистике в 1812-1815 гг. Военная тема не сходит со страниц газет, но тон постепенно меняется. На первый план выходят статьи, высмеивающие пристрастие некоторых русских дворян ко всему иностранному. Концептосфера *Патриотизма* пополняется новым семантическим объёмом – «патриотизм – антипод эгоизму»: *«Патріотизмъ есть теплота, егоизмъ стужа. Первый всегда стремится ко благу общему, послѣдній безпрестанно отъ него уклоняется; одинъ всегда готовъ жертвовать собою, другой хочетъ жить для себя, и притомъ для себя единственно»* (НКРЯ – М.Т. Каченовский. Егоисты // «Вестник Европы». Часть XLI, № 17, 1808, 1817).

Наиболее широкое распространение такая трактовка концепта получает во второй половине XIX века, в период ожесточённых споров между тремя идейными течениями: официальной народностью, славянофильством и западничеством.

Славянофилы концепт *Патриотизм* трактуется как осознание принадлежности к русскому этносу, как части общей культуры, истории и языка. В этот период формируется представление о национальном и государственном патриотизме, «закреплённом в исторической памяти, как правило, с артикуляцией героического прошлого» [6, с. 3]. *«Суворов не может быть разбит никем в мире!» – повторял он громко, в порывах благородного патриотизма»* (НКРЯ – Н.И. Греч. Черная женщина.1834); *«Одним словом, патриотизм и амазонская любовь ваша к родному, к русскому, служили отечеству вместе с нами»* (НКРЯ – И.Н. Скобелев. Рассказы русского инвалида. 1838-1844).

Согласно данным НКРЯ, в середине XIX века Патриотизм в концептосфере русской культуры впервые реализует в своём содержании как положительную, так и отрицательную оценочность. Ценностная двойственность зависит от приверженности говорящих к определённой идеологии. Западники считают страну отсталой и запущенной в экономическом и политическом развитии [20]. Именно в этот период в русской журналистике литературный критик П.А. Вяземский вводит в оборот слово «ультрапатриот», как противопоставление подлинному патриоту, который «допускает признание и неприятие отдельных отрицательных черт своей родины, а также действия по их критике и по избавлению от них» [5, с. 146]. Позже, в «Письмах из Парижа», опубликованных в 1827 году в крупнейшем просветительском журнале того времени «Московском телеграфе», ложно понятую любовь к родине Вяземский назовёт «квасным патриотизмом» [5, с.

230]. Так появляется ещё одна семантическая трактовка *Патриотизма – безусловное восхваление всего, что своё, «наше» (с отрицательной оценкой, в противопоставлении подлинному патриотизму)* [21].

Лексема «квасной патриотизм» станет крылатой в русском культурном пространстве. Сервис "Портрет слова" в НКРЯ оценивает количество упоминаний лексемы в 10.310 тыс., начиная с 1832 и заканчивая 2013 гг.

При анализе концепта *Патриотизм* во второй половине XIX века в НКРЯ зафиксирована ещё одна трактовка этого понятия, и она нам интересна в свете нынешней когнитивной войны против России. Лексема «антимоскальский патриотизм» присутствует в путевых письмах русского журналиста В.И. Кельсиева за 1868 год. Словосочетание – результат его наблюдений об образе жизни жителей бывших русских земель. Автор фиксирует начало проекта Австро-Венгерской империи по отторжению от России всей Малороссии: *«Украинофилами явились здесь студенты, и весь их антимоскальский патриотизм выразился в пении народных песен и в пьянстве: ни одной жизненной идеи оно не вынесло»* (НКРЯ – В.И. Кельсиев. Галичина и Молдавия: Размышления о южнорусском наречии// СПб, печатня В. Головина. 1868).

«Антимоскальский патриотизм» не фигурирует в научных видах патриотизма, но довольно употребителен в современной медиасфере как описательный *ярлык для обозначения патриотических настроений, основанных на различных конфликтах с Россией и русским этносом.*

Лексико-семантическое поле концепта *Патриотизм* является фундаментом для построения системы самых разных образов в русском языке. К резко отрицательным относится идеологическая модальность концепта, которая появилась после Великой Октябрьской Социалистической революции. Сложные трансформации, связанные с поиском новой идентичности, подвергли резкой критике всё, что было создано государством до 1917 года. *«Он стал доказывать, что давно пора сдать в архив на хранение все эти национализмы и патриотизмы, потому что все это – буржуазные надстройки и баррикады на путях к социализму»* (НКРЯ – Е.Н. Чириков. Отчий дом. Семейная хроника.1931).

Традиционное представление общества о патриотизме как любви к родине заменила классовая самоидентичность. *«Труд наша родина! – что вполне естественно в устах человека, заменившего патриотизм вселенством, возвысившегося до планетарного чувства*» (НКРЯ – К.И. Чуковский. Ахматова и Маяковский. 1921). Концептосфера Патриотизм в первые годы Советской власти репрезентируется как *признание защиты достижений революции в качестве высшей ценности и приоритета пролетарского интернационализма над национальными интересами (за мировую революцию).*

Как утверждает И.В. Ерофеева, «в период существования Советского Союза не было племени этнического, было коммунистическое» [8, с. 236]. Новый народ из рабочих и крестьян не имел Родины, а был частью мирового пролетарского братства. Появляются новые лексемы – «подогретый патриотизм», «патриотизм – грязь», «патриотизм – позор, который надо смыть». «*С этим инстинктом войны, подогретым патриотизмом, народ, был двинут на войну*" (НКРЯ – 1-й Всероссийский Съезд по физической культуре, спорту и допризывной подготовке// "Русский спорт". 1919); *«Патриотизм – грязь»; «Но позор 3,5 лет («война», «патриотизм») надо смыть*» (НКРЯ – А.А. Блок. Дневники. 1918).

Репрезентацию концепта *Патриотизм* в негативно-оценочном ключе мы можем наблюдать в списках НКРЯ в конце 80-х годов XX века. На пленуме ЦК КПСС в апреле 1985 года Михаил Горбачёв объявил о программе широких реформ под лозунгом «ускорения социально-экономического развития страны» и гласности [7]. Образцом для подражания был провозглашён Запад с его рыночными отношениями и политической демократией. Базовые для концептосферы *Патриотизм* понятия Родина, честь, взаимовыручка, уважение к старшим, гордость за свою страну признаются *архаизмами, а в некоторых случаях возводятся на один уровень с национализмом и рабством*. *«Ваш «патриотизм» тянет нас назад – от сегодняшней интегрированной культуры к пещерному прошлому»* (НКРЯ – А.Б. Гребнев. Дневник. 1988).

Уничтожение патриотизма, как одного из важнейших ориентиров, структурировавших не только геополитическую картину мира, но и внутренний мир каждого человека в стране, привел к размыванию традиционных ценностей. Взаимовыручка и взаимопомощь заменили идеей индивидуализма, любовь к ближнему – ширмой толерантности.

Новый исторический этап развития космополитизма и возрождения национального нигилизма «параллельно с усилением сепаратистских тенденций», по мнению политолога Е.С. Троицкого, начался с распада СССР и создания суверенной России [28, с. 36]. Критике и отторжению подвергается всё, что было создано и построено в советские годы*: «Совмещение марксизма с патриотизмом? – бессмыслица. Эти точки зрения можно «слить» только в общих заклинаниях»* (НКРЯ – Лев Аннинский. Руки творца // «Дружба народов». 1996). Гражданственность, патриотизм, готовность личным трудом принести пользу Родине, плюс коммунистическое идеалы за счёт которых государство на протяжении XX века решало все глобальные ис-

торические задачи, после 1991 года утрачивают своё монопольное положение. Публицистический дискурс не репрезентирует тёплые чувства к родному Отечеству и его героическому прошлому: *«О грани этого патриотизма не может не разбиться фашистский дредноут, вся фашистская нечисть в конце-концов пойдет ко дну, найдет могилу в российских пространствах»* (НКРЯ – Виктор Астафьев. Прокляты и убиты. Книга первая. Чертова яма. 1995). В некоторых материалах даже встречается критика курса социально-экономических реформ: *«Если бы высшая власть уважала и поддерживала флот так, как это исторически сложилось за триста лет, наверняка такого упадка патриотизма мы бы не застали»* (НКРЯ – Российский флот должен иметь «длинную руку» // «Родина». 1996). Но в большинстве предложенных НКРЯ текстов, наблюдается тенденция «отказа от прежних ценностей, всеобщий критицизм, обесценивание общечеловеческих идей и нравственных принципов» [29, с. 243].

Стремление новой России стать полноценным партнёром глобального Запада заставляет дискредитировать в массовом сознании общенародные исторические символы – Октябрьскую революцию, Великую Отечественную войну, вывод войск из Афганистана. «*Любовью к отечеству крепится любое государство, наше чернильное стадо оплевывает патриотизм»* (НКРЯ – Владимир Крупин. Как только, так сразу. 1992); *«Они опорочили доблестных воинов, изгадили идею советского патриотизма, надругались над всем тем светлым и прекрасным, во что всю свою жизнь свято верили эти люди»* (НКРЯ – Александра Маринина. Черный список. 1995).

Концепт *Патриотизм* пополняется новой семой – *его приравнивают к преступлению, потому что любить Родину незачем, не за что, невыгодно* – «быть российским патриотом приравнивалось, как минимум, к экстремизму» [16, с. 116]. *«Демократия (даже в тех извращенных формах, в каких она восторжествовала у нас) не несет тех бед, что патриотизм»* (НКРЯ – Л.А. Левицкий. Дневник. 1994); *«Был разговор с Ирой о Путине, огорчающем нас своим государственным патриотизмом»* (НКРЯ – Г.А. Гальцева. Дневник (2000)//Рената Гальцева. Памятное. Разрозненные впечатления и заметки // Знамя. 2018. № 5., 2018).

Концептосфера *Патриотизм* формировалась веками, претерпевая отдельные изменения в зависимости от исторического контекста, культурных и политических условий. Благодаря Национальному корпусу русского языка, мы смогли установить, что языковая репрезентация и смысловое наполнение лексем, представляющих концепт, повторяются и в разные исторические эпохи имеют двойственную ценность и разный эмоциональный фон. Неизменными с 1783 года по 2013 гг. остались базовые эмоциональные компоненты патриотизма – любовь к родине, преданность, готовность защищать её.

Выводы

Концепт *Патриотизм* – одна из основных ментальных структур, отражающих российскую систему морально-нравственных и духовных ценностей. Начиная с литературных памятников Древней Руси, это понятие стало базовым в условиях единения этноса перед лицом врага, служило опорой для укрепления верности своему государству и его самоотверженной защите.

В русской языковой картине мира, патриотизм имеет значительную национальную обусловленность, культурную разработанность и огромную социальную значимость – благодаря патриотизму, российское общество на протяжении последних двухсот лет успешно решало масштабные исторические задачи.

Концепт *Патриотизм* имеет сложную лексико-семантическую структуру, в которой отражены разные грани этого явления. Ядро составляют базовые, понятные и привычные всем устойчивые смыслы – любовь и привязанность к своей Родине, её культуре и истории, осознание своей ответственности перед страной и её народом, готовность отстаивать интересы государства даже ценой собственного здоровья и жизни. В качестве периферийных компонентов можно выделить ощущение общности, единства с другими гражданами страны, любовь к родному краю, малой Родине, тому месту, где родился и вырос, желание сохранять и передавать молодому поколению традиции, язык, особенности национального характера.

Результаты исследования показали, что по своей содержательной природе концепт *Патриотизм* амбивалентен. Дополнительные компоненты не всегда положительные и могут включать критические оттенки. Например, ассоциироваться с фанатизмом, подменой понятий и манипуляциями. В разные исторические периоды *Патриотизм* претерпевал кардинальные изменения в содержательном плане и системе ассоциативных связей, мотивируемых такими экстралингвистическими факторами, как отнесенность к общественным или политическим силам, вовлеченность в деятельность по защите интересов Родины на внутренней или внешней арене [12, с. 371]. Патриотизм иногда предавался обструкции на уровне государства, но в то же время в обыденном, неофициальном языковом сознании, сохранил положительно окрашенное представление о важности, значимости родной земли, родной страны, которое определяет национальную и культурную идентичность русского человека.

Список источников

1. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка: Ментальные действия: сб. статей / Под ред. Н.К. Рябцевой. М.: Наука, 1993. 176 с.

2. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. М.: Academia, 1997. С. 267 – 279.

3. Болдырев Н.И. Методика воспитательной работы в школе: учеб пособие для студентов пед. ин-тов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1981. 223 с.

4. Воркачев С.Г. Идея патриотизма в Национальном корпусе русского языка // Лингвоконцептология: продолжающееся научное издание: межвузовский научный сборник / редкол.: И.А. Стернин (науч. ред.) и др. Воронеж: Издательство Истоки, 2008. С. 49 – 57.

5. Вяземский П.А. Письма из Парижа // Вяземский П.А. Полн. собр. соч.: в 12-ти т. СПб., 1878. Т. 1. С. 219 – 259.

6. Габеркорн А.И. Концепт патриотизма в процессах формирования гражданской идентичности: специальность 23.00.02 "Политические институты, процессы и технологии": дис. … канд. политич. наук. 2021. 201 с.

7. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1987. 271 с.

8. Ерофеева И.В. Аксиология медиатекста в российской культуре (репрезентация ценностей в журналистике начала XXI века) / М-во образования и науки РФ, Федеральное агентство по образованию, Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 340 с.

9. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии //Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград, 2001. С. 3 – 16.

10. Коршунова О.Н., Шульмин А.А. Концепт патриотизма в постсоветской России: к постановке проблемы // Вестник Казанского технологического университета. 2013. Т. 16. № 23. С. 288 – 291.

11. Кром М.М. К вопросу о времени зарождения идеи патриотизма в России // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI-XX вв.): Сборник статей. Москва: Институт Российской истории РАН, 1994. С. 16 – 30.

12. Кудишина А.А. Гуманизм – феномен современной культуры. М.: Академический Проект, 2005. 504 с.

13. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Серия литературы и языка. М., 1993. Т. 52. № 1. С. 3 – 9.

14. Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru

15. Новиков М.А. Кризис в государственной политике в вопросе патриотического воспитания в 1990-2000е гг. // Политика и общество. 2025. № 2. С. 114 – 123. DOI 10.7256/2454-0684.2025.2.74499

16. Пименова М.В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2013. Т. 2. № 2 (54). С. 127 – 131

17. Повесть временных лет / подг. текста Д.С. Лихачева и Б.А. Романова; под ред. В.П. АдриановойПеретц. М., 1950. ч. 1, с. 364

18. Попова З.Д., Стернин И.А. Проблема моделирования концептов в лингвокогнитивных исследованиях // Мир человека и мир языка: Коллективная монография. Кемерово: Графика, 2003., 23 с.

19. Приходько А.Н. Концептология дискурса, или дискурсология концепта // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». 2005. Т. 18 (57). № 2. С. 337.

20. Радбиль Н.В. Концепт "патриотизм в русской языковой картине мира": материалы к словарю социально значимых концептов русской культуры. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2023. 244 с. ISBN 978-5-91326-824-2

21. Радбиль Н.В. Фразеологическое сочетание квасной патриотизм как выразитель ложных ценностей в русской речи новейшего периода // Проблемы перевода в современной лингвистике: Сборник статей по материалам Международной научной конференции, Нижний Новгород, 24-26 октября 2024 года. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2024. С. 142 – 148.

22. Самситова Л.Х., Байназарова Г.М. Понятие концепта в лингвокультурологии: история развития, структура, классификация // Вестник Башкирск. ун-та. 2014. № 4. С. 1373. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kontsepta-v-lingvokulturologii-istoriya-razvitiya-struktura-klassifikatsiya (дата обращения: 13.05.2026)

23. Силкова К.А., Плешкова И.А. Патриотизм: ретроспектива оценки и восприятия // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2012. № 1 (5). С. 84 – 93.

24. Слово о погибели Русской земли // БЛДР. СПб., 1997. Т. 5. С. 90 – 91.

25. Слово о полку Игореве / подг. текста О.В. Творогова; Институт русской литературы РАН. М., 2006. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=4941

26. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 248.

27. Тарасова А.Н., Городецкая Д.В., Початкова Е.И. Когнитивные репрезентации патриотизма и их связь с самоидентификацией и лояльностью к стране среди российских студентов // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2025. Т. 11. № 4 (44). С. 6 – 24. DOI 10.21684/2411-7897-2025-11-4-6-24

28. Троицкий Е.С. Соборная сила многонациональной России. М.: Русло, 1996. 36 с.

29. Федосов А.Б. Кризис патриотического воспитания в России в конце XX в. // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2008. Т. 14. № 6. С. 243 – 247.

30. Широкова И.А. Особенности структуры эмоционального концепта и его изучение в аспекте перевода // Актуальные вопросы филологических наук: Материалы Международной научной конференции, Чита, 20-23 ноября 2011 года. Чита: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство Молодой ученый", 2011. С. 162 – 165.

31. Aristotle. Nicomachean Ethics. Translated by David Ross and Edited by Lesley Brown. USA: Oxford University Press, 2009. 336 p.

References

1. Arutyunova N.D. Introduction. Logical Analysis of Language: Mental Actions: Collection of Articles. Ed. by N.K. Ryabtseva. Moscow: Nauka, 1993. 176 p.

2. Askoldov S.A. Concept and Word. Russian Literature: From Literature Theory to Text Structure. Moscow: Academia, 1997. P. 267 – 279.

3. Boldyrev N.I. Methods of Educational Work at School: A Textbook for Students of Pedagogical Institutes. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: Prosveshchenie, 1981. 223 p.

4. Vorkachev S.G. The Idea of Patriotism in the National Corpus of the Russian Language. Lingvokontektologiya: an ongoing scientific publication: inter-university scientific collection. editorial board: I.A. Sternin (scientific ed.) et al. Voronezh: Istoki Publishing House, 2008. P. 49 – 57.

5. Vyazemsky P.A. Letters from Paris. Vyazemsky P.A. Complete Works: in 12 volumes. St. Petersburg, 1878. Vol. 1. P. 219 – 259.

6. Gaberkorn A.I. The Concept of Patriotism in the Processes of Formation of Civil Identity: specialty 23.00.02 "Political Institutions, Processes, and Technologies": diss. … Cand. of Political Sciences. 2021. 201 p.

7. Gorbachev M.S. Perestroika and New Thinking for Our Country and for the Whole World. Moscow: Politizdat, 1987. 271 p.

8. Erofeeva I.V. Axiology of Media Text in Russian Culture (Representation of Values in Journalism of the Early 21st Century). Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Federal Education Agency, Transbaikal State Humanitarian and Pedagogical University. Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2009. 340 p.

9. Karasik V.I. On the Categories of Linguoculturology. Language Personality: Problems of Communicative Activity. Volgograd, 2001. P. 3 – 16.

10. Korshunova O.N., Shulmin A.A. The Concept of Patriotism in Post-Soviet Russia: Toward a Problem Statement. Bulletin of the Kazan Technological University. 2013. T. 16. No. 23. P. 288 – 291.

11. Krom M.M. On the question of the time of origin of the idea of patriotism in Russia. Worldview and self-awareness of Russian society (XI-XX centuries): Collection of articles. Moscow: Institute of Russian History RAS, 1994. P. 16 – 30.

12. Kudishina A.A. Humanism is a phenomenon of modern culture. M.: Academic Project, 2005. 504 p.

13. Likhachev D.S. Conceptosphere of the Russian language. Series of literature and language. M., 1993. T. 52. No. 1. P. 3 – 9.

14. National Corpus of the Russian Language. URL: www.ruscorpora.ru

15. Novikov M.A. The Crisis in Public Policy on Patriotic Education in the 1990s-2000s. Politics and Society. 2025. No. 2. P. 114 – 123. DOI 10.7256/2454-0684.2025.2.74499

16. Pimenova M.V. Types of Concepts and Stages of Conceptual Research. Bulletin of Kemerovo State University. 2013. Vol. 2. No. 2 (54). P. 127 – 131

17. The Tale of Bygone Years. text prep. by D.S. Likhachev and B.A. Romanov; edited by V.P. Adrianov-Peretz. Moscow, 1950. Part 1. P. 364.

18. Popova Z.D., Sternin I.A. The Problem of Concept Modeling in Linguocognitive Research. The World of Man and the World of Language: Collective Monograph. Kemerovo: Grafika, 2003. 23 p.

19. Prikhodko A.N. Conceptology of Discourse, or Discourseology of the Concept. Scientific Notes of the Vernadsky Tauride National University. Series "Philology". 2005. Vol. 18 (57). No. 2. P. 337.

20. Radbil N.V. The Concept of "Patriotism in the Russian Linguistic Picture of the World": Materials for a Dictionary of Socially Significant Concepts of Russian Culture. Nizhny Novgorod: National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 2023. 244 p. ISBN 978-5-91326-824-2

21. Radbil N.V. The phraseological combination kvassnoy patriotism as an expression of false values in Russian speech of the modern period. Problems of translation in modern linguistics: Collection of articles based on the materials of the International scientific conference, Nizhny Novgorod, October 24-26, 2024. Nizhny Novgorod: National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 2024. P. 142 – 148.

22. Samsitova L.Kh., Bainazarova G.M. The concept of a concept in linguacultural studies: history of development, structure, classification. Bulletin of the Bashkir University. 2014. No. 4. P. 1373. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kontsepta-v-lingvokulturologii-istoriya-razvitiya-struktura-klassifikatsiya (date of access: 13.05.2026)

23. Silkova K.A., Pleshkova I.A. Patriotism: Retrospective of Assessment and Perception. Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University. 2012. No. 1 (5). P. 84 – 93.

24. The Tale of the Fall of the Russian Land. BLDR. SPb., 1997. Vol. 5. P. 90 – 91.

25. The Tale of Igor's Campaign. Text prep. O.V. Tvorogova; Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences. M., 2006. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=4941

26. Stepanov Yu.S. Concepts. Thin Film of Civilization. M.: Languages of Slavic Cultures, 2007. P. 248.

27. Tarasova A.N., Gorodetskaya D.V., Pochatkova E.I. Cognitive Representations of Patriotism and Their Connection with Self-Identification and Loyalty to the Country among Russian Students. Bulletin of Tyumen State University. Socio-Economic and Legal Research. 2025. Vol. 11. No. 4 (44). P. 6 – 24. DOI 10.21684/2411-7897-2025-11-4-6-24

28. Troitsky E.S. Cathedral Power of Multinational Russia. M.: Ruslo, 1996. 36 p.

29. Fedosov A.B. Crisis of Patriotic Education in Russia at the End of the 20th Century. Bulletin of N.A. Nekrasov Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Social Work. Juvenology. Sociokinetics. 2008. Vol. 14. No. 6. P. 243 – 247.

30. Shirokova I.A. Features of the Structure of the Emotional Concept and its Study in the Aspect of Translation. Actual Issues of Philological Sciences: Proceedings of the International Scientific Conference, Chita, November 20-23, 2011. Chita: Young Scientist Publishing House, Limited Liability Company, 2011. P. 162 – 165.

31. Aristotle. Nicomachean Ethics. Translated by David Ross and Edited by Lesley Brown. USA: Oxford University Press, 2009. 336 p.

Информация об авторе

Михалева Л.И., аспирант, преподаватель, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0002-9929-1874, Российский новый университет, 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 22, mihaleva2004@mail.ru

© Михалева Л.И., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 316.77:004.738.5
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-230-243

Стриминговые платформы как институт конструирования досуговых практик: трансформация зрительского опыта

[1] Самарский И.И.,
[1] Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: в статье исследуется трансформация зрительского опыта в условиях распространения стриминговых платформ и рассматривается их роль в организации современных досуговых практик. Цель исследования состоит в выявлении механизмов, посредством которых цифровые платформы структурируют пользовательский выбор и формируют индивидуализированные траектории потребления аудиовизуального контента. Методологическую основу составили сравнительный, структурно-функциональный и институциональный подходы; эмпирическая база включает данные российского рынка онлайн-кинотеатров и результаты исследований цифрового медиапотребления. Установлено, что переход от линейного телевидения к платформенной модели не устраняет внешнее регулирование зрительского поведения, а изменяет его форму: управление временем просмотра уступает место управлению доступностью, видимостью и последовательностью контента. Предложено разграничивать формальную доступность произведения в каталоге и его платформенную видимость, определяющую вероятность обнаружения пользователем. Выявлен циклический характер платформенного медиапотребления, при котором предыдущие действия пользователя преобразуются в данные и используются для формирования последующего персонализированного предложения. Сделан вывод, что стриминговая платформа выступает институтом организации аудиовизуального досуга, воздействующим на зрительские практики не посредством прямого предписания, а через алгоритмическое и интерфейсное структурирование пространства выбора.

Ключевые слова: стриминговые платформы, цифровой досуг, зрительский опыт, медиапотребление, онлайн-кинотеатры, аудиовизуальные сервисы, платформизация

Для цитирования: Самарский И.И. Стриминговые платформы как институт конструирования досуговых практик: трансформация зрительского опыта // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 230 – 243. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-230-243

Поступила в редакцию: 21 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 19 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

Streaming platforms as an institution for constructing leisure practices: transforming the viewer experience

[1] Samarsky I.I.,
[1] Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: the article examines the transformation of viewing experience in the context of the growing use of streaming platforms and considers their role in shaping contemporary leisure practices. The study aims to identify the mechanisms through which digital platforms structure user choice and shape individualized trajectories of audiovisual content consumption. The methodological framework combines comparative, structural-functional, and institutional approaches; the empirical basis includes data on the Russian online video streaming market and findings from studies of digital media consumption. The study demonstrates that the transition from linear television to a platform-based model does not eliminate the external structuring of viewing behavior but rather changes its form: control over viewing time is replaced by the management of content accessibil-

ity, visibility, and sequencing. A distinction is proposed between the formal availability of content within a platform catalogue and its platform visibility, which determines the likelihood of its discovery by users. The analysis also reveals the cyclical nature of platform-based media consumption, whereby users' previous actions are converted into data and subsequently used to generate personalized content offerings. It is concluded that streaming platforms function as institutions for organizing audiovisual leisure, shaping viewing practices not through direct prescription but through the algorithmic and interface-based structuring of the user's choice environment.

Keywords: streaming platforms, digital leisure, viewer experience, media consumption, online cinemas, audiovisual services, platformization

For citation: Samarsky I.I. Streaming platforms as an institution for constructing leisure practices: transforming the viewer experience. Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 230 – 243. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-230-243

The article was submitted: July 21, 2026; Approved after reviewing: August 19, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

Цифровизация медиасреды привела к изменению способов производства, распространения и потребления аудиовизуального контента. Если традиционная телевизионная модель предполагала зависимость зрителя от программной сетки и синхронного вещания, то распространение стриминговых сервисов обеспечило возможность самостоятельного выбора времени, места и продолжительности просмотра. В первой половине 2020-х гг. эти изменения получили институциональное закрепление: онлайн-кинотеатры стали совмещать функции дистрибуции, производства контента, сбора пользовательских данных и персонализации медиапредложения.

Актуальность исследования определяется расширением присутствия стриминговых платформ в структуре повседневного досуга и изменением механизмов организации зрительского поведения. В России данный процесс сопровождается ростом рынка онлайн-кинотеатров, развитием подписной модели и увеличением производства оригинального контента. По данным «ТМТ Консалтинг», в 2025 г. объем российского рынка онлайн-кинотеатров достиг 189 млрд руб., увеличившись за год на 39%, при этом около 97% доходов приходилось на платную модель доступа. Одновременно сохраняется высокая распространенность традиционного телевидения: по данным Mediascope, представленным в октябре 2025 г., хотя бы раз в месяц телевидение смотрели 97% россиян. Одновременное присутствие линейного телевидения и стриминговых сервисов показывает, что современное аудиовизуальное потребление складывается из нескольких режимов просмотра. Для платформенной модели характерна большая свобода в выборе времени и содержания, но навигация по каталогу остается организованной самим сервисом. На практике это выражается в работе рекомендаций, интерфейсных блоков, истории просмотра и других средств, определяющих порядок обращения к контенту.

В связи с этим исследовательский интерес представляет не только переход от линейного к нелинейному просмотру, но и изменение способов организации зрительского выбора. В литературе онлайн-кинотеатры рассматриваются через процессы платформизации, динамику OTT-рынка, трансформацию медиапотребления и производство оригинального контента. При этом вопрос о совместном действии экономических, контентных и интерфейсных факторов разработан в меньшей степени.

Объектом исследования выступают стриминговые платформы в системе цифрового медиапотребления. Предмет исследования – способы организации зрительского выбора и практик просмотра. Эмпирическая база включает отраслевые данные о российском рынке онлайн-кинотеатров, результаты исследований медиапотребления и материалы сравнительного анализа российских сервисов. В работе использованы анализ научной литературы, вторичный анализ статистики и сравнительный метод.

Теоретические основания исследования сформированы на пересечении работ о культурном потреблении, повседневных практиках и цифровых медиа. П. Бурдьё связывал культурный выбор с социальной структурой; М. де Серто рассматривал практики присвоения культурных продуктов в пределах уже существующих систем. Для анализа цифровой среды дополнительно учитываются положения М. Кастельса о сетевой организации общества, Г. Дженкинса о конвергенции медиа и Л. Мановича о программируемой природе цифровой медиасреды.

В совокупности эти подходы позволяют рассматривать зрительский выбор как результат взаимодействия пользовательской активности и структурных характеристик платформенной среды.

С распространением цифровых платформ исследовательский интерес постепенно смещается от анализа отдельных форм медиапотребления к изучению инфраструктуры, посредством которой организуется доступ к контенту. В зарубежной литературе этот переход представлен, в частности, в работе Н. Срничека о платформенном капитализме [16]. Изменения в способах производства и распространения телевизионного и видеоконтента в условиях интернет-дистрибуции рассматриваются А. Лотц [17]. Отдельное направление связано с алгоритмическим посредничеством между пользователем и доступным ему массивом культурных продуктов. Так, Х. Чапман и соавторы исследуют влияние рекомендательных систем стриминговых сервисов на эстетический выбор аудитории [18].

В российской научной литературе проблематика цифрового медиапотребления рассматривается преимущественно в контексте структурных изменений медиасистемы и развития отечественного рынка онлайн-видео. В работах Е.Л. Вартановой цифровые платформы анализируются в рамках изменения архитектуры современной медиасреды [10], тогда как И.А. Полуэхтова обращается к трансформации практик медиапотребления российской молодежи в цифровом обществе [8]. Развитие стриминговых сервисов и динамика производства оригинального контента российских онлайн-кинотеатров представлены в исследованиях Д.А. Бабыны [2; 3; 4]. Еще один подход предложен О.В. Мурзиной, А.А. Грабельниковым и А.Ю. Цициновым, рассматривающими онлайн-кинотеатры в системе новых медиа [6].

Цель исследования состоит в выявлении направлений трансформации зрительского опыта под воздействием стриминговых платформ и определении механизмов, посредством которых российские онлайн-кинотеатры участвуют в конструировании досуговых практик пользователей. Для достижения поставленной цели рассматриваются изменения временной и содержательной организации медиапотребления в цифровой среде, раскрываются особенности платформенного посредничества, анализируются алгоритмические и интерфейсные способы структурирования пользовательского выбора, а также сопоставляются показатели развития и модели функционирования ведущих российских онлайн-кинотеатров.

Материалы и методы исследований

Эмпирическую базу составили данные «TMT Консалтинг» о российском рынке онлайн-кинотеатров за 2025 г., материалы Mediascope о телевизионном потреблении и результаты исследования оригинального контента российских платформ за 2020-2024 гг. Для сравнения были выбраны «Кинопоиск», Okko, «Иви», Wink, KION, START и Premier. Учитывались их положение на рынке, контентная модель и интеграция с цифровыми экосистемами.

Интерфейсы «Кинопоиска», Okko, «Иви» и Wink анализировались отдельно с учетом способов навигации, персонализации и продолжения просмотра. В работе применялись сравнительный, структурно-функциональный и институциональный методы. Рыночные показатели, охват аудитории и продолжительность просмотра рассматривались раздельно из-за различий в их содержании и методиках расчета.

Результаты и обсуждения

Цифровизация медиасреды изменила условия доступа к аудиовизуальному контенту и способы его включения в повседневные практики. Линейная модель телевещания предполагала заданную вещателем последовательность программ и фиксированное время их выхода. Распространение онлайн-сервисов дополнило ее нелинейным просмотром, при котором пользователь самостоятельно определяет время обращения к контенту, продолжительность сеанса и используемое устройство. В результате временная организация просмотра в меньшей степени зависит от программной сетки, а медиапотребление распределяется между различными цифровыми каналами и устройствами.

Методологический подход И.А. Полуэхтовой предполагает рассмотрение медиапотребления как совокупности повседневных практик, а не как суммы контактов аудитории с отдельными средствами массовой коммуникации [7]. Такой подход учитывает взаимосвязь различных видов медиактивности и позволяет анализировать потребление контента в контексте конкретных пользовательских ситуаций. В цифровой среде поиск информации, выбор произведения, его просмотр и последующее обсуждение могут осуществляться посредством разных сервисов, поэтому зрительская практика не ограничивается непосредственным воспроизведением аудиовизуального произведения.

В исследовании И.А. Полуэхтовой медиапотребление российской молодежи характеризуется как полимедийное: различные каналы и устройства используются в зависимости от ситуации и решаемой коммуникативной задачи [8]. Эмпирические данные И.А. Полуэхтовой показывают, что медиапотребление российской молодежи строится на сочетании различных сервисов, технологий и экранов. Для этой группы характерно преобладание цифровых медиа и нелинейного видеопросмотра; смартфон выступает основным уни-

версальным устройством доступа [8]. Привязка определенного типа содержания к одному каналу распространения при такой модели становится менее выраженной.

Меняется и состав действий, сопровождающих просмотр. Выбор произведения может включать поиск, обращение к рекомендациям, сохранение в пользовательском списке и последующий возврат к ранее начатому контенту. Часть таких операций регистрируется сервисом и используется в работе рекомендательных механизмов. Для исследования зрительских практик это существенно по двум причинам: просмотр включается в более продолжительную последовательность действий, а взаимодействие с произведением одновременно оставляет данные о поведении пользователя.

Нелинейная модель иначе организует время просмотра. Привязка к моменту выхода программы перестает быть обязательной: воспроизведение можно начать позднее, прервать и продолжить в другом сеансе. Использование нескольких экранов дополнительно отделяет просмотр от одного устройства и места. Поэтому изменения затрагивают прежде всего распределение медиапотребления во времени, а не объем свободного времени как таковой.

Отдельный этап этой трансформации пришелся на пандемию COVID-19. О.С. Ласточкина связывает ограничения работы культурно-досуговых пространств с поиском населением альтернативных способов удовлетворения культурных потребностей [11]. Поскольку онлайн-форматы существовали до введения ограничений, корректнее говорить об ускорении их распространения, а не о возникновении цифрового досуга в пандемийный период.

При этом свобода выбора времени не означает отсутствия внешней организации просмотра. В телевещании она была непосредственно заложена в программную сетку; онлайн-кинотеатр оставляет момент обращения к произведению за пользователем, но организует сам каталог. Жанровые разделы, рейтинги и рекомендательные блоки задают различную степень видимости его отдельных позиций. Иными словами, часть организационной функции перемещается с временной последовательности показа на навигацию внутри цифрового предложения.

Различия между традиционной и платформенной моделями медиапотребления систематизированы в табл. 1.

Таблица 1

Трансформация организации зрительских практик при переходе от традиционной к платформенной модели медиапотребления.

Table 1

Transformation of the organization of viewing practices during the transition from a traditional to a platform model of media consumption.

Параметр	Традиционная модель	Платформенная модель	Изменение зрительской практики
Временная организация просмотра	Время просмотра определяется программной сеткой или расписанием показа	Пользователь самостоятельно определяет начало, продолжительность и момент завершения просмотра	Переход от синхронного просмотра к индивидуализированному временному режиму
Способ доступа к контенту	Линейное вещание, кинотеатральный показ, физический носитель	Доступ по запросу к цифровому каталогу	Ослабление зависимости просмотра от времени и места
Структура предложения	Ограниченный набор материалов, сформированный вещателем	Расширенный каталог, структурированный платформой	Увеличение формального объема выбора при возрастании роли навигационных механизмов
Принцип отбора контента	Программная политика вещателя, редакционный отбор	Рекомендательные алгоритмы, персональные и редакционные подборки, рейтинги	Переход от единого предложения к индивидуализированной выдаче
Представление аудитории	Массовая аудитория, агрегированные показатели просмотра	Индивидуальный пользовательский профиль и цифровой след	Персонализация взаимодействия на основе предыдущего поведения
Роль зрителя	Получатель сформированного программного потока	Пользователь, самостоятельно инициирующий просмотр и взаимодействующий с интерфейсом	Расширение операциональной автономии зрителя

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Обратная связь	Отсроченное измерение аудитории	Непрерывная фиксация запусков, остановок, завершения просмотра, поисковых действий	Пользовательское поведение становится источником данных для последующего предложения
Организация последовательности просмотра	Последовательность определяется программной сеткой	«Продолжить просмотр», автовоспроизведение, рекомендации следующего контента	Техническое поддержание непрерывности медиапотребления
Производство контента	Производство и распространение институционально разделены	Платформа может одновременно выступать производителем, дистрибьютором и средой потребления	Формирование замкнутого цикла «производство — распространение — данные о потреблении»
Характер регулирования	Единый и открытый порядок для массовой аудитории	Персонализированное алгоритмическое и интерфейсное структурирование	Переход от программного управления временем к управлению видимостью и доступностью контента

Иная конфигурация посредничества складывается и на уровне зрительского выбора. Если линейное телевещание организует просмотр посредством единой программной последовательности, то в стриминговой среде навигация осуществляется внутри каталога. Главная страница, рекомендательные блоки и другие средства навигации определяют порядок представления произведений, причем состав такого предложения может различаться между пользователями. Таким образом, единая организация потока сменяется индивидуализированной структурой доступа к контенту.

В России соответствующие трансформации происходили на фоне становления OTT-видео как самостоятельного сегмента медиарынка. Среди условий его развития В.Г. Антонова и Ю.А. Елисеева выделяют распространение широкополосного доступа, подключенных телевизоров и мобильных устройств, а также развитие платных моделей предоставления контента [1]. По мере расширения рынка предметом конкуренции становилось не только привлечение аудитории, но и ее последующее взаимодействие с сервисом.

Анализ Д.А. Бабыны показал, что становление российских стриминговых сервисов проходило поэтапно [2]. На раннем этапе они преимущественно агрегировали легальный видеоконтент и предоставляли доступ к нему через интернет. Позднее были освоены подписная модель, многоплатформенное распространение, персонализация и собственное производство. К середине 2020-х гг. функции онлайн-кинотеатров уже не ограничивались предоставлением доступа к цифровому каталогу. В одной платформенной среде были объединены распространение аудиовизуального контента, его продвижение, собственное производство и работа с данными о пользовательской активности.

В России этот процесс совпал с изменениями традиционной модели кинопроката. А.С. Волкова, С.И. Дмитришина, Д.А. Мельникова и Д.С. Лопаткин анализируют рынок OTT-видео именно в контексте кризисных процессов отрасли [5]. Ограничения кинотеатрального показа создали дополнительные условия для цифровой дистрибуции; онлайн-релиз при этом закрепился среди используемых способов распространения аудиовизуальных произведений.

Другой аспект трансформации связан с набором функций самого сервиса. О.В. Мурзина, А.А. Грабельников и А.Ю. Цицинов выделяют у онлайн-кинотеатров признаки новых медиа – интерактивность, мультимедийность, персонализацию и обратную связь [6]. Для анализа зрительских практик существенна персонализация: регистрируемые действия пользователя могут учитываться при последующем формировании предложения. В этом отношении просмотр становится не только обращением к медиапродукту, но и одним из источников данных о взаимодействии аудитории с сервисом. В первой половине 2020-х гг. к дистрибуции добавилось собственное производство. Данные Д.А. Бабыны фиксируют увеличение числа оригинальных фильмов и сериалов российских онлайн-кинотеатров в 2020-2024 гг. [3]. Платформа тем самым участвует уже не только в распространении готового продукта, но и в формировании контентного предложения; оригинальные проекты одновременно обеспечивают эксклюзивность части каталога.

К середине 2020-х гг. конфигурацию российского стримингового рынка определяло сочетание контентных и технологических факторов. Д.А. Бабына выделяет среди них оригинальное производство, рекомендательные инструменты, мультиплатформенный доступ, совершенствование интерфейсов и экосистемную интеграцию [4]. Конкуренция онлайн-кинотеатров вследствие этого охватывает не только состав каталога, но и производство контента, способы его представления и организацию пользовательского доступа.

Перераспределение функций между участниками медиасистемы стало одним из следствий платформизации. Доступ к аудиовизуальным произведениям теперь сочетается в рамках одного сервиса с их продвижением, интерфейсным представлением и обработкой данных о просмотрах. Онлайн-кинотеатр тем самым выходит за пределы дистрибуционной функции и занимает промежуточное положение между производством и потреблением.

Организация зрительского выбора начинается еще до просмотра. Еще до начала просмотра произведение включается в навигационную структуру сервиса: его сопровождают метаданные, жанровая и возрастная маркировка, постер, аннотация и иные элементы представления. Однако наличие позиции в каталоге не обеспечивает ее равной заметности для пользователя. Главная страница, тематические подборки, результаты поиска и персональные рекомендации образуют несколько каналов обнаружения контента, различающихся по способу его отбора и расположению.

Расширение функций онлайн-кинотеатров соответствует описанной Е.Л. Вартановой перестройке архитектуры медиа [10]. Если первоначально цифровые сервисы обеспечивали прежде всего доступ к готовому аудиовизуальному продукту, то в первой половине 2020-х гг. усилилось их участие в собственном производстве. Д.А. Бабына зафиксировала 496 оригинальных проектов семи российских онлайн-кинотеатров за 2020-2024 гг., из которых 366 составляли сериалы и 130 – фильмы [3].

Еще до начала просмотра произведение представлено пользователю через постер, трейлер, аннотацию, жанровую категорию и тематические подборки. К этой системе относятся и связанные с кино журналистские форматы, присутствие которых в деятельности онлайн-кинотеатров отмечает Е.С. Дорощук [9]. Выбор, следовательно, осуществляется в уже организованной информационной среде.

Для институциональной трактовки платформы существенно регулярное воспроизводство одних и тех же пользовательских сценариев. Так, при формировании рекомендаций «Кинопоиск» учитывает историю просмотров, оценки, жанровые предпочтения и добавление произведений в список «Буду смотреть». Возврат к ранее начатому контенту обеспечивает блок «Продолжить просмотр». В результате действия, совершенные во время одного сеанса, могут учитываться при организации последующего взаимодействия с сервисом.

Именно здесь обнаруживается различие между доступностью и видимостью произведения. Первая определяется присутствием в каталоге и условиями доступа; вторая – местом, которое конкретная позиция получает в интерфейсе. Пользователь может обратиться к поиску и найти материал за пределами рекомендаций, однако для этого требуется целенаправленное действие. Контент, уже вынесенный на главную страницу, доступен непосредственно в текущем сценарии навигации. Следовательно, объем каталога характеризует потенциальное предложение сервиса, но недостаточен для описания пространства, с которым пользователь фактически сталкивается при выборе.

Вопрос о роли платформы в выборе контента рассматривался М. Солволл, Л.-Б. К. Кристенсен, К. Таллерасом и М. Эфсти на материалах опроса 1501 респондента. Авторы выделили три способа обнаружения произведений на стриминговых сервисах. Первый связан с просмотром меню, подборок и алгоритмических рекомендаций; второй – с целенаправленным поиском уже интересующего пользователя контента. В третьем случае решение предваряет обращение к внешним источникам: рекомендациям других людей, публикациям СМИ и сторонним ресурсам [19]. Полученные результаты важны для оценки роли интерфейса. Пользователь не ограничен содержанием рекомендательной выдачи и может самостоятельно искать произведение либо прийти на платформу с уже сформированным запросом. В то же время при просмотре каталога обнаружение контента непосредственно связано с устройством меню и рекомендаций. Поэтому степень участия платформы в выборе различается в зависимости от сценария поиска. Для настоящего исследования это уточняет понятие платформенной видимости. Его не следует понимать как прямое управление зрительским выбором. Речь идет о характеристике условий, в которых произведение может быть обнаружено внутри сервиса.

Рекомендательные системы выполняют в этой структуре функцию предварительного отбора. H.E. Chapman и A. Abraham отмечают, что стриминговые сервисы используют алгоритмические рекомендации для персонализированной селекции медиаконтента на основе различных данных о пользователе, включая ранее просмотренные произведения [18]. Авторы при этом специально подчеркивают недостаточность имеющихся исследований для однозначного вывода о степени воздействия таких систем на эстетический выбор. Поэтому применительно к настоящему исследованию корректнее фиксировать структурирование условий выбора, а не изменение предпочтений как доказанный эффект.

Механизм имеет рекурсивный характер. Действия пользователя становятся данными для последующей выдачи: на «Кинопоиске», например, оценки и просмотры непосредственно учитываются рекомендательной системой. История просмотра сохраняется сервисом, а незавершенные фильмы и сериалы выводятся в

отдельный блок для возвращения к ним. Предшествующее взаимодействие тем самым включается в организацию следующего сеанса. В этом состоит отличие платформенной модели от обычного предоставления цифрового каталога: структура предложения может изменяться с учетом накопленной истории взаимодействия.

Для линейного телевидения и стриминга характерны поэтому разные способы организации просмотра. Программная сетка устанавливает общую для аудитории временную последовательность; онлайн-кинотеатр передает выбор момента пользователю, но сохраняет возможность структурировать навигацию внутри каталога. По результатам проведенного анализа институциональную функцию стриминговой платформы следует связывать не с прямым ограничением зрительского выбора, а с устойчивым воспроизводством технических условий, определяющих доступ, видимость и последовательность взаимодействия с произведениями.

В этом состоит институциональная специфика стриминговой платформы: повторяемость зрительских практик поддерживается одновременно каталогом, интерфейсом, персонализацией и сохранением результатов предыдущего взаимодействия. Авторская позиция заключается в том, что платформизация переносит организацию аудиовизуального досуга с уровня общего временного порядка на уровень индивидуализированной архитектуры выбора. Если телевещание структурировало преимущественно время просмотра, то стриминговый сервис в большей степени структурирует последовательность обнаружения и потребления контента.

Цифровые платформы, как отмечает Е.Л. Вартанова, перестраивают архитектуру медиасистемы, поскольку получают возможность организовывать информационные потоки между производителями и аудиторией [10]. В стриминговой среде такая организация принимает форму ранжирования. Уже не вещатель назначает время показа, а алгоритм определяет место произведения в индивидуальной выдаче. Контроль над временной последовательностью сменяется контролем над видимостью.

Алгоритмическая рекомендация не воспроизводит пользовательские предпочтения в неизменном виде. Персонализированная выдача формируется с учетом предыдущих действий пользователя. Однако история взаимодействия служит лишь исходным массивом данных: порядок рекомендаций зависит также от критериев, заложенных в систему ранжирования. В результате пользователю предлагается не весь релевантный массив контента, а отобранная и упорядоченная его часть.

На следующем этапе значение приобретает интерфейс. Произведения занимают разные позиции на главной странице, включаются в тематические и рекомендательные блоки и требуют разного числа действий для запуска. Отдельно работают функции, связанные с уже сделанным выбором. Блок «Продолжить просмотр» возвращает незавершенное произведение в поле пользователя, а переход к следующему эпизоду сокращает действия между последовательными сериями.

Расширение собственного производства онлайн-кинотеатров дополнило перечисленные механизмы контентной функцией. Платформа в данном случае участвует одновременно в производстве, размещении и продвижении аудиовизуального продукта, располагая при этом данными о взаимодействии аудитории с ним. Зафиксированная Д.А. Бабыной динамика производства оригинальных проектов российских онлайн-кинотеатров подтверждает усиление данного направления деятельности платформ [3]. Однако имеющиеся данные не дают оснований устанавливать прямую связь между анализом пользовательского поведения и характеристиками производимого платформами контента. В пределах настоящего исследования можно говорить лишь о наличии технической возможности использовать накопленные данные при формировании и продвижении предложения. Результаты уточняют используемое в настоящем исследовании понятие платформенной видимости. Оно характеризует не степень контроля платформы над итоговым решением пользователя, а условия обнаружения произведения внутри сервиса. Влияние интерфейса поэтому будет различаться в зависимости от способа поиска: при целевом запросе его роль ограничена, тогда как при просмотре каталога расположение и ранжирование контента непосредственно участвуют в формировании доступного пользователю набора вариантов.

Рекомендательная выдача при этом не исчерпывает доступный пользователю выбор. Сохраняются поиск по каталогу, возможность отказаться от предложенного произведения или прекратить его просмотр. Неравномерной остается прежде всего представленность различных позиций: часть контента вынесена на главную страницу и включена в персональные подборки, тогда как обращение к другим материалам требует целевого поиска. Индивидуализация затрагивает, таким образом, не только состав рекомендаций, но и навигацию внутри каталога.

Иначе организован просмотр в линейной модели. В линейном телевещании время и последовательность просмотра задаются программной сеткой. Стриминговые сервисы предоставляют пользователю возмож-

ность самостоятельно выбирать момент обращения к контенту, однако его представление организуется средствами самой платформы – через каталог, ранжирование и персонализированную выдачу. В результате меняется предмет посредничества: вместо общего расписания для аудитории используется индивидуально организованная навигация, позволяя рассматривать стриминговую платформу как один из институтов организации аудиовизуального досуга. Ее роль проявляется прежде всего в устройстве среды просмотра – порядке представления контента, условиях его обнаружения и средствах продолжения взаимодействия с ранее выбранным произведением.

Выявленные механизмы позволяют представить платформенную организацию просмотра как последовательность взаимосвязанных операций (рис. 1).

Рис. 1. Механизм организации зрительской практики стриминговой платформой.
Fig. 1. The mechanism for organizing viewing practices on a streaming platform.

Переход от теоретического рассмотрения платформизации к анализу российского рынка позволяет установить, насколько описанные изменения закрепились в структуре реального медиапотребления. Для этого необходимо учитывать не только увеличение числа онлайн-кинотеатров, но и динамику их доходов, структуру монетизации, распределение рынка между крупнейшими сервисами, производство оригинального контента и сохранение традиционного телевидения в медиарационе аудитории.

В течение первой половины 2020-х гг. российский сегмент онлайн-видео продолжал расширяться. По оценке «ТМТ Консалтинг», в 2025 г. объем рынка онлайн-кинотеатров достиг 189 млрд руб., увеличившись относительно предыдущего года на 39%. При этом 182,6 млрд руб. было получено по платной модели; ее доля приблизилась к 97% совокупного объема рынка. Рекламная модель, напротив, обеспечила 6,4 млрд руб., или около 3% [15].

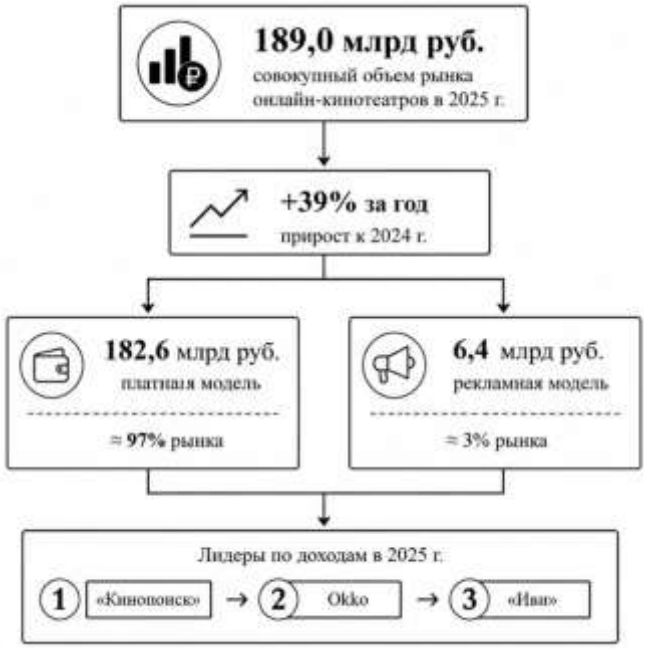

Рис. 2. Структурные показатели российского рынка онлайн-кинотеатров в 2025 г. Составлено автором по данным «ТМТ Консалтинг» [15].
Fig. 2. Structural indicators of the Russian online cinema market in 2025. Compiled by the author based on data from TMT Consulting [15].

Динамика показывает, что развитие стриминга в России уже нельзя объяснить преимущественно переносом бесплатного видеопросмотра в интернет. Основная часть финансового потока формируется через платный доступ, вследствие чего регулярная подписка закрепилась в качестве самостоятельной модели медиапотребления. Для исследования досуговых практик данное обстоятельство имеет принципиальное содержание: оплачивается не отдельный просмотр, как происходило при приобретении билета в кинотеатр или отдельных произведений, а постоянная возможность обращения к платформенной библиотеке.

При такой модели экономическая связь пользователя с сервисом сохраняется независимо от того, какой конкретно фильм будет выбран в определенный день. Поэтому объектом конкуренции становится уже не исключительно произведение. Платформы конкурируют за включение собственного сервиса в повторяющиеся повседневные практики пользователя – вечерний просмотр, просмотр отдельных эпизодов в течение дня, семейное медиапотребление или обращение к контенту с нескольких устройств.

Одновременно российский рынок характеризуется высокой концентрацией. Согласно итогам 2025 г., первое место по доходам сохранил «Кинопоиск»; за ним расположились Okko и «Иви» [14]. Структура свидетельствует о формировании ограниченной группы платформ, которые аккумулируют основную часть платежеспособного спроса и вследствие этого получают расширенные возможности для инвестиций в собственный контент, технологическое развитие и удержание аудитории.

Вместе с тем экономическое лидерство не должно автоматически интерпретироваться как тождественное интенсивности зрительского использования. Рыночная доля по доходам, число подписчиков, охват и продолжительность просмотра характеризуют разные стороны положения сервиса. Особенно существенным это ограничение становится применительно к экосистемным подпискам, когда доступ к онлайн-кинотеатру объединяется с другими цифровыми услугами. В таком случае наличие подписки еще не свидетельствует о регулярном просмотре контента.

Для сопоставления крупнейших участников российского рынка целесообразно использовать не только экономические показатели, но и характеристики платформенной модели (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительные характеристики ведущих российских стриминговых платформ.

Table 2

Comparative characteristics of leading Russian streaming platforms.

Платформа	Положение на рынке по итогам 2025 г.	Модель развития	Собственное производство	Основной механизм закрепления пользователя
«Кинопоиск»	1-е место по доходам	Экосистемная	Да	Интеграция видеосервиса с подпиской и другими цифровыми услугами
Okko	2-е место по доходам	Экосистемная	Да	Сочетание кино-, сериального и иного профессионального видеоконтента
«Иви»	3-е место по доходам	Специализированный онлайн-кинотеатр	Да	Развитие собственной библиотеки, подписной модели и оригинального контента
Wink	Входит в группу крупнейших сервисов	Телекоммуникационная / экосистемная	Да	Объединение онлайн-кинотеатра и телевизионного предложения
KION	Входит в группу крупнейших сервисов	Телекоммуникационная / экосистемная	Да	Интеграция видеоконтента с цифровыми сервисами экосистемы
START	Один из крупных специализированных участников	Контентно-ориентированная	Да	Акцент на собственных фильмах и сериалах
Premier	Один из крупных специализированных участников	Контентно-ориентированная	Да	Оригинальные сериалы и связь с телевизионным производством

Сопоставление показывает отсутствие единой модели развития российского стриминга. Корпоративные модели российских онлайн-кинотеатров неоднородны. «Кинопоиск», Okko и Wink функционируют в составе более широких цифровых или телекоммуникационных структур; START, Premier и «Иви» в большей степени сосредоточены на собственно медиасервисе. Несмотря на различия моделей, собственные и эксклюзивные проекты присутствуют в контентных стратегиях крупнейших участников рынка.

Отдельно были исследованы интерфейсы «Кинопоиска», «Иви», Wink и Okko. Невключенное наблюдение дополнялось анализом открытых материалов сервисов. В поле наблюдения вошли главные страницы и рекомендательные блоки, пользовательские и детские профили, история просмотра, функции возврата к незавершенному произведению и способы представления контента.

Для сопоставления зафиксированные элементы распределены по трем группам. Организацию выбора характеризовали рекомендации, тематические подборки, рейтинги и разделы новинок. История просмотра, пользовательские списки и возврат к незавершенному произведению рассматривались как средства сохранения последовательности взаимодействия. К механизмам его непрерывности отнесены сохранение позиции воспроизведения и синхронизация профиля между устройствами.

Таблица 3

Интерфейсные механизмы организации просмотра на российских стриминговых платформах.

Table 3

Interface mechanisms for organizing viewing on Russian streaming platforms.

Интерфейсный механизм	«Кинопоиск»	«Иви»	Wink	Okko	Функция
Рекомендательные блоки	+	+	+	+	Организация выбора
Категории популярности и новизны	+	+	+	+	Ранжирование контента
Функция продолжения просмотра	+	+	+	+	Сохранение последовательности

Продолжение таблицы 3
Continuation of Table 3

Пользовательские профили	+	+	+	+	Разделение индивидуальных траекторий
Детский режим или детский раздел	+	+	+	+	Возрастная сегментация предложения
История или сохранение ранее начатого просмотра	+	+	+	+	Возврат к предыдущему действию
Интеграция с дополнительными услугами	«Яндекс Плюс»	Подписные пакеты сервиса	Онлайн-кинотеатр и телевидение	Кино, телевидение и спорт	Расширение сценариев использования

У четырех рассмотренных сервисов обнаружен сходный базовый набор функций: рекомендательные блоки, пользовательские профили, детские разделы и возврат к незавершенному просмотру. При этом организация самих сервисов различается. «Кинопоиск» работает в составе подписки «Яндекс Плюс»; Wink совмещает библиотеку онлайн-кинотеатра с телевизионным контентом; в Okko представлены фильмы, сериалы, телеканалы и спортивные трансляции. «Иви» предлагает подписной доступ к собственной и лицензионной библиотеке.

На главных страницах всех четырех платформ каталог представлен не сплошным перечнем, а набором отдельных блоков. Среди них присутствуют рекомендации, новинки, популярный контент и тематические подборки. Возврат к ранее начатому произведению вынесен в отдельный элемент интерфейса, что исключает необходимость повторного поиска. Разделение профилей позволяет вести самостоятельную историю взаимодействия в пределах одного аккаунта; для детского профиля дополнительно меняется состав доступного предложения.

Полученные результаты показывают, что интерфейс выполняет несколько самостоятельных операций с каталогом: отбирает часть позиций для непосредственного показа, сохраняет результаты предыдущего взаимодействия и обеспечивает возврат к незавершенному просмотру. При этом проведенное наблюдение фиксирует устройство пользовательского интерфейса, но не позволяет установить, насколько часто зритель следует рекомендациям или возвращается к произведению через предложенный платформой блок. Установленным результатом является наличие механизмов предварительной организации предложения, а не их поведенческий эффект.

Наряду с интерфейсной организацией платформ менялась структура их контентного предложения. По данным Д.А. Бабыны, в 2020-2024 гг. в выборке семи российских онлайн-кинотеатров зафиксировано 496 оригинальных проектов: 366 сериалов и 130 фильмов [3]. Годовой выпуск увеличился с 59 проектов в 2020 г. до 88 в 2021 г., 119 в 2022 г. и 143 в 2023 г. Таким образом, за 2020-2023 гг. показатель вырос в 2,4 раза. В 2024 г. исследование охватывало период только до августа, за который было учтено 87 проектов; сопоставлять это значение с полными годовыми данными некорректно [3].

В структуре оригинального производства преобладали сериалы К около 74% всей исследованной совокупности против 26% полнометражных фильмов. Сериальная направленность представляет интерес для анализа организации просмотра, поскольку многосерийный формат допускает распределение одного произведения между несколькими сеансами. При этом приведенные данные характеризуют структуру контентного предложения и не позволяют установить частоту фактического возвращения пользователей к платформе.

Преобладание многосерийного формата представляет отдельный интерес для анализа зрительских практик, поскольку предполагает распределение просмотра одного произведения между несколькими эпизодами и потенциально несколькими сеансами.

Рис. 3. Динамика производства оригинального контента российскими онлайн-кинотеатрами в 2020-2024 гг., ед. *Примеч.: данные за 2024 г. охватывают январь-август, поэтому показатель не является полным годовым значением.*

Fig. 3. Dynamics of original content production by Russian online cinemas in 2020-2024, units. *Note: data for 2024 covers January-August, so the indicator is not a full annual value.*

Преобладание сериалов имеет значение для временной организации просмотра. В отличие от полнометражного фильма многосерийный проект предполагает несколько последовательных обращений к произведению. Платформенные функции сохранения позиции и возврата к незавершенному просмотру технически поддерживают такой сценарий. Однако имеющиеся данные характеризуют структуру производства, а не частоту пользовательских сессий, поэтому устанавливать прямую зависимость между долей сериалов и регулярностью обращения к сервису на их основании нельзя.

Распределение оригинальных проектов между отдельными онлайн-кинотеатрами было неодинаковым. В исследовании Д.А. Бабыны для START зафиксированы 34 фильма и 36 сериалов. У Premier значительно преобладал многосерийный формат – 111 проектов. «Кинопоиск» за рассматриваемый период представил 45 оригинальных фильмов и сериалов [3]. Эти различия показывают, что рост собственного производства не сопровождался формированием единой контентной модели российских сервисов.

Одновременно высокий охват сохраняло традиционное телевидение. По данным Mediascope, в 2025 г. его месячная аудитория составляла 97% населения России, среднесуточная – 62%, а среднее время просмотра достигало 3 ч 20 мин в сутки [14]. Возрастные различия были существенными: около 2,5 ч в группе 35-44 лет, 3 ч 40 мин – 45-54 лет и более 5 ч – 55-64 лет [14]. На этом основании рост онлайн-кинотеатров некорректно интерпретировать как последовательное вытеснение линейного телевидения. Речь идет о сосуществовании нескольких режимов аудиовизуального потребления, распространенность которых различается между группами аудитории.

Рыночные и контентные показатели отражают два параллельных процесса. В 2025 г. российский сегмент онлайн-кинотеатров продолжал расти двузначными темпами, причем основная часть выручки приходилась на платную модель. В первой половине 2020-х гг. одновременно увеличивался выпуск оригинальных проектов; в исследованной Д.А. Бабыной совокупности около 74% из них составляли сериалы [3]. Рассмотренные показатели сами по себе не свидетельствуют об институционализации стримингового досуга. Основанием для такого вывода служит совокупность результатов исследования: подписная модель предполагает длительный доступ к сервису, собственное производство формирует отличия контентного предложения, а сохранение истории и незавершенного просмотра связывает отдельные сеансы использования платформы.

Повторяемость этих сценариев позволяет рассматривать онлайн-кинотеатр как элемент институциональной организации аудиовизуального досуга. При этом проведенный анализ устанавливает наличие соответствующих механизмов, но не измеряет их влияние на частоту и продолжительность просмотра. Для проверки такого эффекта необходимы данные о фактическом поведении пользователей.

Выводы

Проведенное исследование показало, что переход к платформенному просмотру изменил прежде всего способ организации доступа к аудиовизуальному контенту. Время просмотра в большей степени определя-

ется самим пользователем, тогда как навигация остается организованной сервисом. Анализ «Кинопоиска», Okko, «Иви» и Wink зафиксировал сходный набор инструментов: рекомендации и тематические подборки, историю просмотра, пользовательские профили и возврат к незавершенному контенту. При этом корпоративные и контентные модели рассмотренных сервисов различаются.

Результаты наблюдения позволяют выделить платформенную видимость как отдельную характеристику контента. Присутствие произведения в каталоге еще не означает его непосредственной представленности пользователю: часть позиций выводится на главную страницу и в рекомендации, для поиска других требуются дополнительные действия. Вместе с подписной моделью, сохранением истории просмотра и собственным контентным предложением эти механизмы формируют устойчивую инфраструктуру использования онлайн-кинотеатра, что дает основания рассматривать стриминговые сервисы как элемент институциональной организации аудиовизуального досуга. Установить влияние такой организации на фактический выбор, частоту обращений и продолжительность просмотра по полученным данным нельзя; для этого необходим анализ пользовательских траекторий.

Список источников

1. Антонова В.Г., Елисеева Ю.А. Рынок OTT-сервисов в России: состояние и перспективы развития // Петербургский экономический журнал. 2022. № 1-2. С. 61 – 66.

2. Бабына Д.А. Развитие стриминговых сервисов в условиях цифровых трансформаций медиасистемы России // Меди@льманах. 2023. № 6 (119). С. 85 – 92.

3. Бабына Д.А. Оригинальный контент российских онлайн-кинотеатров: динамика производства в 2020-2024 гг. // Медиаскоп. 2024. Вып. 3. С. 113 – 124.

4. Бабына Д.А., Дмитришина С.И., Мельникова Д.А., Лопаткин Д.С. Факторы и тенденции развития российских онлайн-кинотеатров в 2020-х гг.: между технологиями и контентом // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2025. № 4. С. 169 – 191.

5. Волкова А.С. Современное состояние и перспективы развития российского рынка OTT-видео в условиях кризиса национального кинопроката // Успехи в химии и химической технологии. 2022. Т. 36. № 1 (250). С. 62 – 66.

6. Мурзина О.В., Грабельников А.А., Цицинов А.Ю. Онлайн-кинотеатры как новые медиа // Litera. 2023. № 6. С. 61 – 68.

7. Полуэхтова И.А. Медиапотребление в цифровой среде: к вопросу о методологии исследований // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 4.

8. Полуэхтова И.А. Практики медиапотребления российской молодежи в цифровом обществе (по результатам эмпирического исследования) // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 3. С. 90 – 107.

9. Дорощук Е.С. Онлайн-кинотеатры как фактор развития новых форматов киножурналистики // Международный научно-исследовательский журнал. 2025. № 5 (155). С. 158 – 169.

10. Вартанова Е.Л. Меняющаяся архитектура медиа и цифровые платформы // Меди@льманах. 2022. № 1. С. 8 – 13.

11. Ласточкина О.С. Культурный онлайн-досуг: поведение населения в период пандемии COVID-19 // BENEFICIUM. 2021. № 3 (40). С. 83 – 89.

12. Вартанова Е.Л. «Пересборка» медиа: актуальные процессы трансформации в условиях цифровизации // Меди@льманах. 2023. № 3 (116). С. 8 – 17.

13. Вырковский А.В., Макеенко М.И. Возможности влияния неинституционализированных производителей развлекательного и познавательного контента на аудиторию // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2021. № 5. С. 74 – 99.

14. Аудитория ТВ: как меняется телесмотрение в 2025 [Электронный ресурс]. 2025. 29 октября. URL: mediascope.net/news/3182706/ (дата обращения: 09.06.2026)

15. TMT Рейтинг «Российский рынок онлайн-кинотеатров – 2025» // TMT Консалтинг: сайт. 2026. URL: TMT Консалтинг (дата обращения: 09.06.2026)

16. Srnicek N. Platform Capitalism. Cambridge: Polity Press, 2017. 120 p.

17. Lotz A.D. Netflix and Streaming Video: The Business of Subscriber-Funded Video on Demand. Cambridge: Polity Press, 2022. 224 p.

18. Chapman H.E. A. Abraham Because You Watched: How Do Streaming Services' Recommender Systems Influence Aesthetic Choice? // Behavioral Sciences. 2025. Vol. 15. № 11. Article 1544.

19. Solvoll M., Kristensen L.-B.K., Tallerås K., Øfsti M. Contingent Discoverability: Understanding Platform Guidance and User Autonomy on Streaming Services // Television & New Media. 2026. Vol. 27. № 5. P. 489 – 508. DOI: 10.1177/15274764251410583

References

1. Antonova V.G., Eliseeva Yu.A. The OTT Services Market in Russia: Status and Development Prospects. Petersburg Economic Journal. 2022. No. 1-2. P. 61 – 66.

2. Babyna D.A. Development of Streaming Services in the Context of Digital Transformations of the Russian Media System. Medi@lmanakh. 2023. No. 6 (119). P. 85 – 92.

3. Babyna D.A. Original Content of Russian Online Cinemas: Production Dynamics in 2020-2024. Mediascope. 2024. Issue 3. P. 113 – 124.

4. Babyna D.A., Dmitrishina S.I., Melnikova D.A., Lopatkin D.S. Factors and Trends in the Development of Russian Online Cinemas in the 2020s: Between Technology and Content. Bulletin of Moscow University. Series 10, Journalism. 2025. No. 4. P. 169 – 191.

5. Volkova A.S. Current State and Development Prospects of the Russian OTT Video Market in the Context of the National Film Distribution Crisis. Advances in Chemistry and Chemical Technology. 2022. Vol. 36. No. 1 (250). P. 62 – 66.

6. Murzina O.V., Grabelnikov A.A., Tsitsinov A.Yu. Online Cinemas as New Media. Litera. 2023. No. 6. P. 61 – 68.

7. Poluekhtova I.A. Media Consumption in the Digital Environment: Toward a Research Methodology. Knowledge. Understanding. Skill. 2022. No. 4.

8. Poluekhtova I.A. Media Consumption Practices of Russian Youth in the Digital Society (Based on the Results of an Empirical Study). Knowledge. Understanding. Skill. 2022. No. 3. P. 90 – 107.

9. Doroshchuk E.S. Online Cinemas as a Factor in the Development of New Film Journalism Formats. International Research Journal. 2025. No. 5 (155). P. 158 – 169.

10. Vartanova E.L. Changing Media Architecture and Digital Platforms. Medi@lmanakh. 2022. No. 1. P. 8 – 13.

11. Lastochkina O.S. Cultural Online Leisure: Population Behavior during the COVID-19 Pandemic. BENEFICIUM. 2021. No. 3 (40). P. 83 – 89.

12. Vartanova E.L. "Reassembling" Media: Current Transformation Processes in the Context of Digitalization. Medi@lmanakh. 2023. No. 3 (116). P. 8 – 17.

13. Vyrkovsky A.V., Makeenko M.I. The Possibility of Influence of Non-Institutionalized Producers of Entertainment and Educational Content on the Audience. Bulletin of Moscow University. Series 10, Journalism. 2021. No. 5. P. 74 – 99.

14. TV Audience: How TV Viewing Will Change in 2025 [Electronic resource]. 2025. October 29. URL: mediascope.net/news/3182706/ (accessed: 09.06.2026)

15. TMT Rating "Russian Online Cinema Market – 2025". TMT Consulting: website. 2026. URL: TMT Consulting (date of access: 09.06.2026)

16. Srnicek N. Platform Capitalism. Cambridge: Polity Press, 2017. 120 p.

17. Lotz A.D. Netflix and Streaming Video: The Business of Subscriber-Funded Video on Demand. Cambridge: Polity Press, 2022. 224 p.

18. Chapman H.E. A. Abraham. Because You Watched: How Do Streaming Services' Recommender Systems Influence Aesthetic Choice? Behavioral Sciences. 2025. Vol. 15. No. 11. Article 1544.

19. Solvoll M., Kristensen L.-B.K., Tallerås K., Øfsti M. Contingent Discoverability: Understanding Plat-form Guidance and User Autonomy on Streaming Services. Television & New Media. 2026. Vol. 27. No. 5. P. 489 – 508. DOI: 10.1177/15274764251410583

Информация об авторе

Самарский И.И., аспирант, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0000-0000-0000, Московский финансово-промышленный университет Синергия, ilja@samarskij.ru

© Самарский И.И., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 800.5
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-244-249

Языковые маркеры презумпции невиновности в новостных материалах российских онлайн-изданий

[1] Середа С.П.,
[1] Вологодский институт права и экономики ФСИН России

Аннотация: статья посвящена исследованию языковых маркеров, сигнализирующих о нарушении или соблюдении принципа презумпции невиновности в новостных материалах российских онлайн-изданий, освещающих уголовные дела. Актуальность работы обусловлена возрастающей ролью цифровых медиа в формировании общественного мнения и необходимостью выявления языковых средств, которые могут преждевременно квалифицировать лицо как виновное до вступления приговора в законную силу. Цель исследования – систематизировать языковые маркеры нарушения презумпции невиновности, разработать их классификацию по степени правового риска и предложить критерии оценки медийных текстов. В работе применяются методы контент-анализа, семантического и прагматического анализа, а также обобщение теоретических подходов юридической лингвистики. На основе анализа научных трудов современных исследователей выделены три группы маркеров: прямые обвинительные номинации, утвердительные обвинительные конструкции и стратегии снижения риска. Установлено, что в российских онлайн-СМИ доминирует обвинительный медиа-фрейм, при этом оправдательный фрейм представлен крайне скудно. Предложена типология языковых маркеров, позволяющая оценивать новостные материалы на предмет соблюдения презумпции невиновности. Результаты исследования могут быть использованы в журналистской практике, лингвистической экспертизе медиатекстов и в преподавании медиакоммуникационных дисциплин.

Ключевые слова: языковые маркеры, презумпция невиновности, медиадискурс, номинация, правовой риск, онлайн-издания, обвинительный фрейм, юридическая лингвистика, журналистская этика, новостные материалы

Для цитирования: Середа С.П. Языковые маркеры презумпции невиновности в новостных материалах российских онлайн-изданий // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 244 – 249. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-244-249

Поступила в редакцию: 22 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 20 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

Linguistic markers of the presumption of innocence in the news materials of Russian online publications

[1] Sereda S.P.,
[1] Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia

Abstract: the article is devoted to the study of linguistic markers that signal a violation or observance of the principle of presumption of innocence in the news materials of Russian online publications covering criminal cases. The urgency of the work is due to the increasing role of digital media in shaping public opinion and the need to identify language tools that may prematurely qualify a person as guilty before the verdict enters into force. The purpose of the study is to systematize the linguistic markers of violation of the presumption of innocence, to develop their classification according to the degree of legal risk and to propose criteria for evaluating media texts. The paper uses methods of content analysis, semantic and pragmatic analysis, as well as generalization of theoretical approaches of legal linguistics. Based on the analysis of scientific works by modern researchers, three groups of markers have been identified: direct accusatory nominations, affirmative accusatory constructions, and risk reduction strategies. It has been established that the accusatory media frame dominates in the Russian online media, while the acquittal frame is extremely poorly represented. A typology of language markers is proposed, which

makes it possible to evaluate news materials for compliance with the presumption of innocence. The results of the research can be used in journalistic practice, linguistic expertise of media texts and in teaching media communication disciplines.

Keywords: linguistic markers, presumption of innocence, media discourse, nomination, legal risk, online publications, accusatory frame, legal linguistics, journalistic ethics, news materials

For citation: Sereda S.P. Linguistic markers of the presumption of innocence in the news materials of Russian online publications. Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 244 – 249. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-244-249

The article was submitted: July 22, 2026; Approved after reviewing: August 20, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

На фоне бурного роста цифровых СМИ и расширения информационного поля медиа всё сильнее воздействуют на общественное восприятие самых разных тем, в том числе на то, как подаются уголовные дела и судебные разбирательства.

Однако журналистская практика освещения криминальных событий сопряжена с существенными рисками, связанными с соблюдением конституционного принципа презумпции невиновности, закрепленного в ст. 49 Конституции РФ [5, с. 6, 13]. Проблема соблюдения презумпции невиновности в деятельности СМИ приобретает особую остроту в связи с тем, что журналисты, как указывает В.А. Зразикова, часто либо неверно понимают юридические термины «подозреваемый» и «обвиняемый», либо сознательно игнорируют их, используя для обозначения фигурантов дела слова с прямым обвинительным значением [4, с. 29]. Исследователи констатируют, что в российских СМИ доминирует обвинительный медиа-фрейм, а оправдательный практически отсутствует [12, с. 127]. Это создаёт предпосылки для формирования у аудитории образа «заведомого преступника» ещё до вынесения судебного решения, что, в свою очередь, может оказывать давление на правосудие и ущемлять права фигурантов уголовных дел.

В этой связи особую значимость приобретает изучение языковых маркеров, сигнализирующих о нарушении или соблюдении презумпции невиновности в новостных материалах. Как отмечает Т.А. Юрова, язык СМИ является репрезентантом ценностных установок и ментальных ориентиров общества, а лексические единицы могут выступать в качестве инструмента для выявления аксиологических предпочтений журналистов и редакций [15, с. 142]. Применительно к проблеме презумпции невиновности это означает, что выбор между процессуальным термином («подозреваемый», «обвиняемый») и обвинительной номинацией («преступник», «убийца») является не просто стилистическим, но ценностно-маркированным выбором, отражающим отношение автора к принципу презумпции.

Цель настоящего исследования - систематизировать языковые маркеры нарушения презумпции невиновности в новостных материалах российских онлайн-изданий, разработать их классификацию по степени правового риска и предложить критерии оценки медийных текстов.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужили научные работы по юридической лингвистике, медиалингвистике и уголовно-процессуальному праву, посвящённые проблеме соблюдения презумпции невиновности в СМИ, языковых механизмов нарушения презумпции невиновности в медийном дискурсе.

Методологическая основа исследования включает комплекс подходов и методов: контент-анализ, семантический анализ лексических единиц, прагматический анализ, методы индукции и дедукции, обобщения и систематизации теоретических подходов, разработанных в юридической лингвистике.

Особое внимание в методологии исследования уделено понятию «языковой маркер» (лингвистический маркер), которое в современной науке трактуется как языковой элемент (слово, словосочетание, грамматическая конструкция, стилистический приём), выступающий в роли индикатора, позволяющего выявить особенности текста: его структуру, содержание, характер подачи информации и потенциальную манипулятивность [13, с. 137]. Применительно к проблеме презумпции невиновности языковыми маркерами являются конкретные языковые средства, указывающие на то, что автор материала утверждает виновность лица до вступления приговора в силу.

Результаты и обсуждения

Как справедливо отмечается в литературе, конституционная норма о презумпции невиновности имеет прямое действие: до вступления в законную силу обвинительного приговора лицо не может рассматривать-

ся как виновное ни в официальной публичной коммуникации, ни в процессуальных актах; любые сомнения в виновности подлежат разрешению в пользу обвиняемого [6, с. 324]. В уголовно-процессуальном законодательстве принцип получает наиболее детальную конкретизацию, включая положение о том, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях [5, с. 7, 15]. Однако для анализа медийных материалов, по справедливому мнению В.А. Илюхиной, следует опираться в первую очередь на конституционную норму (ст. 49), поскольку она является базовой и наиболее общей [5, с. 6]. Это означает, что любое высказывание в СМИ, которое прямо или косвенно утверждает виновность лица до вступления приговора в силу, должно рассматриваться через призму конституционного принципа презумпции невиновности.

Важным теоретическим положением, имеющим непосредственное отношение к анализу языковых маркеров, является разграничение факта и мнения. Как отмечают И.В. Семенова и Э. Хан, различие фактичного суждения и мнения лежит в плоскости «объективное – субъективное», при этом фактивное высказывание в естественном языке чаще всего имеет нулевой способ выражения, тогда как мнение маркируется вводными конструкциями и модальными словами [10, с. 4223]. В контексте презумпции невиновности это означает, что если журналист использует обвинительную номинацию без маркеров субъективности («предположительно», «по мнению», «возможно»), он подаёт её как факт, что нарушает принцип презумпции.

На основе анализа научной литературы и эмпирических наблюдений можно выделить три основные группы языковых маркеров нарушения презумпции невиновности в новостных материалах российских онлайн-изданий.

Первая группа - прямые обвинительные номинации. Это наиболее очевидные и юридически опасные языковые маркеры, которые, по наблюдению Н.Д. Голева, прямо квалифицируют действие как преступление, а лицо - как преступника [2, с. 35-38]. К данной группе относятся такие слова и словосочетания, как «бандит», «преступник», «убийца», «вор», «мошенник», «взяточник», «грабитель», «организатор резни», «соучастник убийства» и подобные. Как отмечают отдельные исследователи, журналисты часто не различают процессуальные статусы «подозреваемый», «обвиняемый», «подсудимый» и используют осуждающие слова, что противоречит журналистской этике и формирует у читателя впечатление о виновности [1, с. 121-122]. На практике подобны обвинительные номинации, использованные журналистами, становятся основанием для иска о защите чести и достоинства и квалифицируются судами как нарушение презумпции невиновности [9, с. 99]. Это подтверждает юридическую значимость выбора языковых средств.

Вторая группа – утвердительные обвинительные конструкции. К этой группе относятся грамматические конструкции, которые, не используя прямых обвинительных номинаций, имплицитно утверждают виновность лица. Здесь зачастую применяют такие выражения, как: «задержан за получение взятки», «за разбойное нападение», «за отмывание денежных средств», при этом то обстоятельство, что пока имеется лишь подозрение, маскируется [11, с. 162]. Корректной альтернативой является конструкция «по подозрению в получении взятки», как справедливо отмечют спеиалисты [1, с. 122]. Таким образом, маркером нарушения является не только обвинительная номинация, но и утвердительная конструкция с глаголом действия, которая подразумевает уже свершившийся факт преступления. К этой же группе относятся конструкции, использующие глаголы совершенного вида, обозначающие действие, совершённое подсудимым («нанёс», «поджёг», «совершил»), а также конструкции, подающие версию следствия как установленный факт («установлено», «доказано») [12, с. 10-11].

Третья группа - косвенные маркеры нарушения. К этой группе относятся языковые средства, которые сами по себе не являются прямыми обвинениями, но в совокупности с другими элементами текста создают у читателя впечатление о виновности фигуранта. Это использование эмоционально окрашенной лексики («кровавый», «чудовищный», «жестокий»), гиперболизация («кровавая расправа», «чудовищное убийство»), драматизация, создание образа «монстра» [8, с. 156-160]. Используются приёмы «героизации» и «демонизации» преступника [7, с. 270-271], а также клишированные выражения («вор должен сидеть в тюрьме», «преступника надо наказать») и радикальные предложения («расстрелять», «посадить пожизненно»). Эти приёмы формируют у аудитории устойчивый эмоционально окрашенный образ виновного до суда и являются яркими языковыми маркерами нарушения презумпции невиновности.

Анализ научной литературы показывает, что существуют стратегии, позволяющие журналистам минимизировать правовые риски при освещении уголовных дел. Н.Д. Голев выделяет три основные стратегии: детерминологизация, легевфемия и отсылочные номинации [2, с. 39-40]. Детерминологизация представляет собой уход от использования строгих юридических терминов («обязывающие» слова и выражения, например слово «причастных») в пользу эмоционально-оценочной лексики («сильные», эпатирующие слова и выражения, например резня», «главарь», «изверг») [2, с. 39]. Последние являются скорее оценочными словами, выражающими мнение автора, а не фактологическими утверждениями. Легевфемия представляет со-

бой замену юридически опасного выражения на менее опасное с целью уклонения от ответственности [2, с. 39]. Отсылочные номинации представляют собой приём, при котором журналист перекладывает ответственность за квалификацию на других: на следствие, прокуратуру, общественное мнение (конструкции типа «по версии следствия», «считается», «как сообщили в СКП» и др.) [2, с. 40]. Наиболее безопасными и юридически корректными, как справедливо отмечается в литературе, являются номинации, использующие термин «подозреваемый», которые не содержат прямого обвинения и не нарушают презумпцию невиновности [2, с. 41].

Исследователи обращают внимание на то, что выбор языковых средств в новостных материалах о криминальных событиях является не просто стилистическим решением, но и инструментом манипуляции общественным мнением, формирования определённого отношения к фактам, к фигуранту [3, с. 169]. Это выражается в выборе обвинительных номинаций и эмоционально окрашенной лексики.

Г.М. Мадоян подчёркивает, что особенно опасно влияние СМИ на присяжных заседателей, которые являются непрофессиональными судьями и особенно восприимчивы к медийным фреймам [7, с. 272]. Это означает, что выбор языковых средств в медиа – не просто стилистический вопрос, а фактор, потенциально влияющий на судебное решение.

К.Д. Шаногин, анализируя проблему соблюдения презумпции невиновности в деятельности СМИ, обращает внимание на то, что единственным критерием, позволяющим отличить допустимое выражение мнения от недопустимого утверждения о виновности, является наличие специфических языковых маркеров - модальных и вводных конструкций, указывающих на субъективность оценки («по мнению», «возможно», «вероятно») [14, с. 1407]. Эти маркеры превращают обвинительное высказывание из утверждения факта («он убил») в выражение мнения («возможно, он убил», «по мнению редакции, он виновен»).

Практика показывает, что суды часто признают нарушением презумпции даже расширительное толкование, если использованы обвинительные номинации («преступная троица», «мошенники», «украденные миллионы» и др.), и даже несмотря на использование достоверной информации из судебного приговора [9, с. 99]. Это подтверждает, что в судебной практике ключевое значение имеет не достоверность информации, а форма её изложения. Причем даже использование процессуальных терминов («подозреваемый») может быть проблематичным, если одновременно публикуются идентифицирующие данные (фамилия, фото), что создаёт у читателя впечатление о виновности человека. Применительно к медиа это означает, что любые утверждения о виновности, сделанные без доказательств и до суда, являются не просто этически сомнительными, но и прямо противоречат процессуальному закону.

С.А. Казанова отмечает, что попытки компенсировать недостаток доказанности ссылками на общие вероятностные рассуждения либо «жизненные» предположения несовместимы с конституционным стандартом и влекут необходимость оправдания [6, с. 325]. В медийном контексте это означает, что журналист не может заменять отсутствие судебного решения риторическими конструкциями, апеллирующими к «очевидности», «здравому смыслу» или «общеизвестности» вины. Любые формулировки, которые строятся на имплицитном предположении о виновности (например, «понятно, что он это сделал», «улик достаточно»), противоречат правовому стандарту.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, языковые маркеры нарушения презумпции невиновности в новостных материалах российских онлайн-изданий представляют собой системное явление, обусловленное как недостаточной юридической компетентностью журналистов, так и стремлением средств массовой информации к усилению воздействия на аудиторию. Как показал анализ, доминирование обвинительного медиа-фрейма в российских СМИ свидетельствует о систематическом нарушении принципа презумпции невиновности на уровне медийного дискурса.

Во-вторых, выделены три основные группы языковых маркеров нарушения презумпции невиновности:

1) прямые обвинительные номинации («убийца», «преступник», «вор», «мошенник», «взяточник»), которые прямо квалифицируют лицо как виновное до вступления приговора в силу;

2) утвердительные обвинительные конструкции («задержан за...», «совершил...»), которые имплицитно утверждают виновность лица;

3) косвенные маркеры нарушения (эмоционально окрашенная лексика, гиперболизация, драматизация, стереотипы и ярлыки), которые создают у читателя устойчивый негативный образ фигуранта.

В-третьих, установлено, что стратегии снижения правового риска включают детерминологизацию (замена юридических терминов оценочной лексикой), легевфемию (замена опасного выражения менее опас-

ным) и отсылочные номинации (переложение квалификации на следствие, прокуратуру или общественное мнение). Наиболее безопасными и юридически корректными являются номинации, использующие термин «подозреваемый» или слово «предполагаемый» перед обвинительной номинацией.

В-четвёртых, разработаны критерии оценки новостных материалов на предмет соблюдения принципа презумпции невиновности, включающие: отсутствие прямых обвинительных номинаций по отношению к фигуранту до вступления приговора в силу; использование корректных процессуальных терминов («подозреваемый», «обвиняемый») в зависимости от статуса лица; указание на предположительный характер информации («по версии следствия», «предположительно»); отражение альтернативных точек зрения (версии защиты); отсутствие утвердительных конструкций, подразумевающих свершившийся факт преступления («задержан за...» вместо «задержан по подозрению в...»).

В-пятых, исследование подтверждает, что выбор языковых средств в новостных материалах о криминальных событиях имеет не только этическое и стилистическое, но и правовое значение. Языковые маркеры нарушения презумпции невиновности могут стать основанием для судебных исков о защите чести, достоинства и деловой репутации, что повышает ответственность журналистов за выбор номинаций и формулировок.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с проведением эмпирического анализа конкретных новостных материалов российских онлайн-изданий с использованием разработанной типологии языковых маркеров, а также с разработкой практических рекомендаций для журналистов по соблюдению презумпции невиновности при освещении уголовных дел. Кроме того, представляет интерес сравнительный анализ языковых маркеров нарушения презумпции в разных типах медиа (онлайн-издания, телевидение, социальные сети) и в разных национальных правовых системах.

Список источников

1. Бободжонова Р.М., Бободжонова М.С. Презумпция невиновности – требование профессиональных этических норм журналистики // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2019. № 2 (59). С. 120 – 123.

2. Голев Н.Д. На грани нарушения презумпции невиновности (на материале медийных номинаций лиц, подозреваемых или обвиняемых в преступлениях) // Юрислингвистика. 2015. № 4 (15). С. 33 – 43.

3. Голубева О.В. Медиатизация преступления: реалии современного медиапространства // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2024. № 49. С. 167 – 175.

4. Зразикова В.А. Презумпция невиновности и освещение уголовных процессов в СМИ // Журналістыка-2019: стан, праблемы і перспектывы: Матэрыя-лы 21--й Міжнароднай навукова--практычнай канферэнцыі, Мінск, 14-15 ноября 2019 года / Рэдакцыйная калегія: В.М. Самусевіч (адк. рэд.), А.У. Баранава, Г.І. Басава, Т.М. Дасаева, Н.А. Зубчонак, В.І. Іўчанкаў, А.Г. Слука, Н.Ц. Фральцова. Мінск: Белорусский государственный университет, 2019. С. 27 – 30.

5. Илюхина В.А. Принцип презумпции невиновности: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Постер-М, 2023. 18 с. ISBN 978-5-6048613-3-2

6. Казанова С.А. Презумпция невиновности в уголовном процессе Российской Федерации: содержание и проблемы реализации // Молодой ученый. 2025. № 50 (601). С. 324 – 327. URL: https://moluch.ru/archive/601/131223 (дата обращения: 30.06.2026)

7. Мадоян Г.М. Влияние СМИ на формирование общественного мнения о личности преступника // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14. № 5-1. С. 269 – 275.

8. Мазикова Н.Ю. Языковой портрет фейковых сообщений, часто пересылаемых в мессенджерах // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2023. Т. 9. № 1. С. 152 – 165.

9. Пальцева Е.С. Допустимость применения принципа презумпции невиновности для ограничения свободы слова журналиста // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2010. № 3 (108). С. 97 – 101.

10. Семенова И.В., Хан Э.Ри. Конфликтный медиатекст в аспекте взаимодействия языка и права (на примере публикации в социальной сети) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. № 10. С. 4223 – 4230.

11. Сумин А.В., Химичева О.В. Презумпция невиновности и свобода распространения информации // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2021. Т. 2. № 1 (3). С. 160 – 168.

12. Чернявский И.А. Медиа и уголовное судопроизводство: влияние медиа-фреймов на вердикты суда присяжных в России // Бизнес. Общество. Власть. 2018. № 1 (27). С. 116 – 135.

13. Чжан Ци., Сун Х. Понятие «лингвистический маркер» и его применение в журналистике для выявления ложной информации на примере китайских СМИ // Современный ученый. 2025. № 3. С. 136 – 142.

14. Шаногин К.Д. Соблюдение принципа презумпции невиновности в деятельности СМИ // Синергия наук. 2018. № 30. С. 1403 – 1409.

15. Юрова Т.А. Ценностные языковые маркеры современного языка СМИ // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. 2023. № 4-2. С. 141 – 148.

References

1. Bobojonov R.M., Bobojonov M.S. The presumption of innocence and the ethical norms of journalism. Academician B. Gafurov State University Bulletin. 2019. No. 2 (59). P. 120 – 123.

2. Golev N.D. The presumption of innocence (in the context of media references to persons suspected or accused of crimes). Legal Linguistics. 2015. No. 4 (15). P. 33 – 43.

3. Golubeva O.B. Mediatization of prestupleniy: real reality media methodical aspect. 2024. № 49. P. 167 – 175.

4. Zrazikova V.A. The presumption of non-compliance and the observation of urgent processes in SMI. Journal-analysis-2019: background, problems and prospects: Proceedings of the 21st International Science and Practical Conference, Minsk, November 14-15, 2019. Editorial calegia: V.M. Samusevich (adc. ed.), A.U. Baranava, G.I. Basava, T.M. Dasaeva, N.A. Zubchonak, V.I. Iuvchanka, A.G. Sluka, N.Ts. Fraltsova. Minsk: Belarusian state university, 2019. P. 27 – 30.

5. Ilyukhina V.A. The Principle of the Presumption of Innocence: A Study Guide. 2nd ed., revised and expanded. Moscow: Poster-M, 2023. 18 sec. ISBN 978-5-6048613-3-2

6. Kazanova S.A. Presumptuousness in the Russian Federation: content and implementation issues. Young Scientist. 2025. No. 50 (601). P. 324 – 327. URL: https://moluch.ru/archive/601/131223 (date of access: 30.06.2026)

7. Madoyan G.M. The Influence of Mass Media on the Formation of Public Opinion Regarding the Offender's Personality. Issues of Russian and International Law. 2024. Vol. 14. No. 5-1. P. 269 – 275.

8. Mazikova N.Yu. Linguistic profile of fake messages frequently forwarded via instant messaging apps. Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences. 2023. Vol. 9. No. 1. P. 152 – 165.

9. Paltseva E.S. Admissibility of Applying the Presumption of Innocence Principle to Restrict a Journalist's Freedom of Speech. Proceedings of Petrozavodsk State University. 2010. No. 3 (108). P. 97 – 101.

10. Semenova I.V., Han E.R. Conflicting media: interaction and legal aspects (initial publication on social networks). Philological Sciences: Between Theory and Practice. 2025. Vol. 18. No. 10. P. 4223 – 4230.

11. Sumin A.V., Khimicheva O.V. The presumption of a lack of information and the absence of information. Modern Criminal Procedure Law: Lessons of History and Issues of Further Reform. 2021. Vol. 2, No. 1 (3). P. 160 – 168.

12. Chernyavsky I.A. Media and useful information: media frames and their interpretations in Russia. Business. Society. Power. 2018. No. 1 (27). P. 116 – 135.

13. Zhang Qi, Song H. The meaning of “linguistic branding” and its presentation in Chinese media. Modern Scholar. 2025. No. 3. P. 136 – 142.

14. Shanogin K.D. Adherence to the presumption of innocence principle in media activities. Synergy of Sciences. 2018. No. 30. P. 1403 – 1409.

15. Yurova T.A. Linguistic value markers in modern media language. Language and Culture in the Era of Integration of Nationality and Profession in Education. 2023. No. 4-2. P. 141 – 148.

Информация об авторе

Середа С.П., кандидат юридических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0005-0718-963X, Вологодский институт права и экономики ФСИН России 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2, stasereda2006@yandex.ru

© Середа С.П., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
УДК 821.112.2 (091)
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-250-258

«Немецкий след» в творчестве И.А. Крылова и поволжских немцев: басенный диалог культур и региональная идентичность

[1] Емельянова О.И., [1] Старицына Ю.А.,
[1] Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий

Аннотация: статья посвящена выявлению и анализу «немецкого следа» в творчестве великого русского баснописца И.А. Крылова и его предшественников. В центре внимания исследования – сравнительный анализ басенного наследия немецких авторов эпохи Просвещения (Х.Ф. Геллерта, И.В. Гёте, Г.Э. Лессинга) и их российских последователей немецкого происхождения (И.И. Хемницера, А.К. Маздорфа). В статье указано на то, что, несмотря на активное заимствование сюжетов и переводческую деятельность, И.А. Крылов трансформирует европейские образы, наполняя их национальным содержанием и колоритом, народным юмором, создавая таким образом самобытные басни. Новизна исследования заключается в привлечении для анализа малоизученных архивных материалов и краеведческих данных о поэтах немецкого Поволжья, указывается на то, что традиции интерпретации басенного жанра, заложенные российскими немцами, получают свое развитие в современных литературных практиках (на примере Всероссийской премии им. А.К. Маздорфа в Тольятти), что подтверждает непреходящую актуальность малых дидактических форм (басни, афоризма, притчи и др.) для современной культуры. В работе делается вывод о глубоком взаимопроникновении и диалоге европейских и русских литературных традиций как неотъемлемой части культурного кода России и стран западной Европы.

Ключевые слова: И.А. Крылов, немецкая литература, А.К. Маздорф, басня, литературный перевод, диалог культур, заимствованные сюжеты, интерпретация

Для цитирования: Емельянова О.И., Старицына Ю.А. «Немецкий след» в творчестве И.А. Крылова и поволжских немцев: басенный диалог культур и региональная идентичность // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 250 – 258. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-250-258

Поступила в редакцию: 23 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 20 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

«German Trace» in the work of I.A. Krylov and Volga Germans: fable dialogue of cultures and regional identity

[1] Emelyanova O.I., [1] Staritsyna Yu.A.,
[1] Sterlitamak Branch of Ufa University of Science and Technology

Abstract: the article is devoted to the identification and analysis of the «German trace» in the work of the great Russian fabulist I.A. Krylov and his predecessors. The focus of the study is a comparative analysis of the fable heritage of German authors of the Enlightenment (H.F. Gellert, I.V. Goethe, G.E. Lessing) and their Russian followers of German origin (I.I. Chemnitzer, A.K. Mazdorf). The article indicates that, despite the active borrowing of plots and translation activities, I.A. Krylov transforms European images, filling them with national content and flavor, folk humor, thus creating original fables. The novelty of the study lies in the involvement of poorly studied archival materials and local history data on the poets of the German Volga region for analysis. Researchers point out that the traditions of interpretation of the fable genre, laid down by Russian Germans, are developed in modern literary practices (on the example of the A.K. Mazdorf All-Russian Prize in Togliatti), which confirms the enduring relevance of small didactic forms (fables, aphorism, parables, etc.) for modern culture. The work

concludes on the deep interpenetration and dialogue of European and Russian literary traditions as an integral part of the cultural code of Russia and the countries of Western Europe.

Keywords: I.A. Krylov, German literature, A. K. Mazdorf, fable, literary translation, dialogue of cultures, borrowed plots, interpretation

For citation: Emelyanova O.I., Staritsyna Yu.A. «German Trace» in the work of I. A. Krylov and Volga Germans: fable dialogue of cultures and regional identity. Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 250 – 258. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-250-258

The article was submitted: July 23, 2026; Approved after reviewing: August 20, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

Литературоведы давно и продуктивно работают над истоками и происхождением литературного жанра «басня» [6, с. 1]. Не угасает исследовательский интерес и к творчеству замечательного русского баснописца Ивана Андреевича Крылова [9]. Задачей предлагаемого исследования является нахождение «немецкого следа» в его творчестве.

Триггером для начала исследования послужила организация литературным интернет-сообществом «Поэзия Тольятти» всероссийской литературной Премии имени Александра Карловича Маздорфа, проводимой ежегодно в дни его поминовения в г. Тольятти [3].

Цель исследования: выявление и анализ малоизученных архивных материалов и краеведческих данных о поэтах немецкого Поволжья, исследование специфики трансформации актуализированных басенных сюжетов в их произведениях, нахождение «немецкого следа» в творчестве И.А. Крылова.

Материалы и методы исследований

Методологической основой для данной статьи стали работы А.В. Фёдорова «Основы общей теории перевода» [21] и Ю.Д. Левина «Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода» [10] о принципах художественного перевода и «памяти жанра», на основе которых в исследовании раскрывается диалог басен И.А. Крылова с художественными произведениями Г.Э. Лессинга и Жана де Лафонтена. Концептуальным ключом к такому анализу выступают работы и исследования М.М. Бахтина [2] по теории малых жанров, «басенному эпосу» как смеховой культуре, хронотопам басни, В.Е. Хализева [23] о природе дидактики в баснях, Ю.Н. Тынянова [20] о пародии и перелицовке жанров, особенно актуальных для анализа произведений Хемницера и Измайлова, Е.И. Зейферт [7] о развитии жанра басни в творчестве российских немцев.

Результаты и обсуждения

Отдавая дань значимости влияния Лафонтена как достойного продолжателя традиций баснеписания Нового времени на творчество И.А. Крылова, напомним лишь такой факт: первое обращение к басне как к жанру собственного творчества начинающего баснописца И.А. Крылова связан с представлением на суд критика и издателя И. И. Дмитриева перевода с французского басен именно Лафонтена – «Дуб и трость» и «Разборчивая невеста», мы, однако, сосредоточим внимание на творчестве авторов-баснописцев немецкого происхождения. Исследование жанра басни в поэзии поволжских немцев логично начать с фигуры, ставшей связующим звеном между европейской и российской басенной традицией, – Христиана Фюрхтегота Геллерта (1715-1769). Взращённому на шванках как чисто народном немецком жанре Геллерту, писателю-моралисту эпохи Просвещения, жанр басни оказался органично близок и естественен («Счастливый муж», «Конь верховый»). Герои его произведений часто не животные, а люди. Случается, басни Геллерта не имеют отрицательного персонажа. Изобретённая им «слёзная = трогательная комедия» («Богомолка», «Больная жена») полностью лишена сатирического оттенка, сохраняя при этом форму нравоучительной басни. Они написаны прозой – в традициях древних. Переведённая А.П. Сумароковым басня Геллерта «Крестьянин и его сын» получила и новое наименование («Хвастун», затем «Лжец»), у Крылова – стихотворную форму, сохранив за собой иронический образ «огурца с гору» (В.И. Даль «римского огурца»), да ставшей крылатой: «Чем на мост нам идти, поищем лучше броду»).

Книга Геллерта «Басни и рассказы» (1746/47 гг.) была одной из самых читаемых в Германии XVIII в. [24, с. 3].

Х.Ф. Геллерт – автор и теоретического труда на латинском языке «Искусство сочинения нравоучительной басни» (1772 г.). Важным в этой связи становится то, что лекционный курс Геллерта в Лейпцигском университете слушали те, кому суждено было стать столпами европейской литературы, – среди них И.В. Гёте, Ф. Шиллер и А.Н. Радищев. Это прямое ученичество создало ту незримую нить преемственности, которая связала немецкую просветительскую дидактику с последующими поколениями поэтов, в том числе и российскими.

Имя Иоанна Вольфганга Гёте – автора классических романов, драматических произведений, сотен стихотворений и баллад не принято называть в ряду великих баснописцев. Однако практически в любые сборники сочинений Гёте принято включать его меткие эпиграммы и афоризмы. Так, в цитируемом нами издании epigramme (эпиграммы) вошли в период 1775-1786 гг., а sprüche (афоризмы) – 1814-1832 гг. [25, с. 1].

Не без влияния ли почтенного учителя афоризмы Гёте несут столь нравоучительный характер?

**Каким талантливым ребёнок мог бы стать,*
Имей отец и мать родительский талант.
**Нет ничего невыносимей,*
Чем дней счастливых череда.
(И для того дана беда,
Чтоб счастье стало ощутимей).
**Ленивцу всё не впрок.*
И если даже в плошку
Насыплет каши Бог –
Он не отыщет ложку [14].

Приведённые афоризмы наглядно демонстрируют, что геллертовская традиция нравоучительной миниатюры нашла в творчестве Гёте своеобразное преломление: дидактика здесь лишена развёрнутой фабулы и сконцентрирована в предельно сжатой, остроумной формуле. Однако магистральная линия развития немецкой басни в XVIII столетии не ограничивалась этой афористической ветвью. Если Гёте воспринял от Геллерта скорее общий дух просветительского наставничества, то прямое продолжение и радикальное переосмысление самого жанра басни как сатирического оружия мы находим у другого великого современника Геллерта – Готхольда Эфраима Лессинга (1729-1781).

Имя Лессинга, названного Н. Г. Чернышевским «отцом новой немецкой литературы», в истории басенного жанра стоит особняком. В отличие от Геллерта, писавшего басни прозой, но нередко смягчавшего нравоучение трогательной сентиментальностью, Лессинг в своей книге «Басни», вышедшей в 1759 году отдельным изданием, сознательно ориентировался на античные образцы – Эзопа и Федра, чьи сюжеты он перелагал на немецкий язык.

В отличие от Геллерта и Лафонтена Лессинг не был сторонником занимательного сюжета. Главное внимание он уделяет поучительности, сатирической направленности, особенно на правителей («Водяная змея», «Ослиное терпение бюргеров»).

Влияние творчества Лессинга на выбор жанра И.А. Крыловым сказывается уже в самих названиях басен, переложение же на русский язык в стихотворной форме, смещение морально-этических акцентов делают басни Крылова самобытными, яркими, близкими народному русскому духу и потому сохранившими собственное долголетие. Так, в басне «Ворона и лисица» различия авторских стилей особенно заметны: «Ворона несла в когтях кусок отравленного мяса, которое рассерженный садовник подбросил для кошек своего соседа.

И только она уселась на старый дуб, чтобы съесть свою добычу, как подкралась лисица и воскликнула, обращаясь к ней:

– Слава тебе, о птица Юпитера!

– За кого ты меня принимаешь? – спросила ворона.

– За кого? Разве не ты тот благородный орёл, что каждый день спускается с руки Зевса на этот дуб и приносит мне, бедной, еду? Почему ты притворствуешь? Иль я не вижу в победоносных когтях твоих вымоленное мной подаяние, которое мне твой повелитель всё ещё посылает с тобой?

Ворона была удивлена и искренне обрадована тем, что её сочли за орла.

Незачем выводить лисицу из этого заблуждения, – подумала она. И, преисполненная глупого великодушия, бросила лисе свою добычу и гордо полетела прочь.

Лиса, смеясь, подхватила мясо и с злорадством съела. Но скоро её радость обратилась в болезненное ощущение; яд начал действовать, и она издохла.

Пусть бы и вам, проклятые лицемеры, в награду за ваши хвалы не добиться ничего, кроме яда. (Г.Э. Лессинг) [25, с. 1-6]. Баснописцу Крылову не свойственна столь явная «кровожадность» к объекту осуждения, если речь не идёт о враге Отечества («Волк на псарне» [9, т. 2, с. 36-37]). Упование на власть и милость Всевышнего, всемогущего сохраняется, однако это не малопонятный Юпитер/Зевс, а близкий и вполне привычный русский, православный. Это он, Бог, послал вороне «кусочек сыра». Из истории сыроварения в России известно, что первые сыроварни создавались при монастырях. Отстроенные позже (1795 г. – князя Ивана Мещерского, 1866 г. – дворянина Николая Верещагина) выпускали свою продукцию, слывшую дорогим лакомством, а потому действительно, перепавший вороне, героине басни И.А. Крылова, написанной в 1806 году, кусочек сыра может быть расценён не иначе, как божий дар. Русскости добавляет и сказочная Жар-птица да знание того, что ворона, пробавляющаяся остатками человеческого стола, взгромоздилась на ель, каковую не принято было сажать близ обычно деревянного русского жилья (как, впрочем, и сосну, пихту) во избежание повышенной пожароопасности. А вот вблизи строений из камня (монастырь за его каменной оградой) – вполне!

Разительно отличается от Лессинговой и мораль басни русского баснописца: льстеца не карают смертью, а лишь ограничиваются нравоучением («Уж сколько раз твердили миру, что лесть гнусна, вредна; но только всё не впрок. И в сердце льстец всегда отыщет уголок»), отпуская плутовку восвояси.

Петровским призывам иностранцев в Россию начала XVIII в., связанными с ведением Северной войны (1700-1721гг.), последовали прежде всего специалисты в области военного дела, кораблестроения, ремесленничества, мануфактуры, торговли, науки. «Манифест» (1702 г.) и «Регламент для иностранного предпринимательства» (1723 г.) составляли правовую основу для поселения и занятия предпринимательской деятельностью иностранцев, в том числе и немцев, на территории России. Позднее (1763-1764 гг.) Екатерина II своим Манифестом «О дозволении расселения иностранцев в России и о дарованных им правах» узаконила массовое расселение немцев на пустующих в те времена землях Поволжья. Так появились немцы в XVII в. на территории Астраханской губернии (часть Оренбургской, нынешняя Саратовская область входили тогда в её состав). И с этим призывом в Россию последовали уже и другие представители творческой интеллигенции из Европы, немецких земель в том числе.

Немецкая фамилия Геллерт среди первых поселенцев называлась и тогда. Сохранилась она и после Октябрьской революции 1917 года среди потомственных пивоваров (пивоварня «Дядюшка Геллерт» национализирована в 1917 г., с 1925 г. – Астраханский пивоваренный завод «Победа»). Нам не удалось установить, состояли ли они в родстве с баснописцем Х.Ф. Геллертом, но поэтическое содружество между Х.Ф. Геллертом и другим известным в те годы русским поэтом-баснописцем с немецкой фамилией Хемницер Иван Иванович (1745-1769), – сложилось точно!

И.И. Хемницера называют самым близким по времени предшественником И.А. Крылова. Сын штаб-лекаря (позже инспектора Петербургского сухопутного госпиталя) родом из Саксонии, с детства слышавший лишь немецкую речь, родившийся однако же уже в России (Енотаевская крепость Астраханской губернии), подросши, активно занимался переводами с немецкого на русский язык текстов по минералогии и металлургии, став преподавателем французского и немецкого языков Санкт-Петербургского Горного училища (1774 г.), наукой (с 1784 г. – член Российской Академии наук), дипломатической деятельностью (с 1782 года – генеральный консул в Смирне (ныне Измир), литературным сочинительством. Его основным литературным жанром становится басня. Вначале это были интерпретации на русском языке басен его любимого немецкого баснописца Геллерта, а также других европейских мастеров басни. Позже появились и басни собственного сочинения [15].

В 1779 году появляются его «Басни и сказки N.N на русском языке» в журнале «Благонамеренный». Затем – издания 1782, 1799 годов.

Первый полный сборник басен (91 басня) И. И. Хемницера вышел в 1819 году. Около 1/3 басен принадлежала самому автору, 18 басен были переводами из его любимого Геллерта, 5 – из Лафонтена, остальные – из Вольтера и других европейских баснописцев. Последнее полное собрание басен и сказок И. И. Хемницера вышло в издательстве Суворина Л.С. в Санкт-Петербурге в 1884 году [15].

В вольном переводе басни Лафонтена «Чиж и соловей» Хемницер горько сетует:

О людях многие по виду заключают:

Кто наряжён богато,
Того и умным почитают…
Эту же тему и мораль находим и в авторской басне Хемницера «Богач и бедняк»:
– Зачем достоинствам, уму
Богатство свет предпочитает?
– Легко, мой друг понять:
Достоинства нельзя занять,
А деньги всякий занимает…

Александр Алексеевич Измайлов, «царь всех пародистов» своего времени, которого знали все петроградские литераторы, указывал на простодушие как отличительную черту авторского стиля басен Хемницера [15, с. 7]. В качестве примера-иллюстрации сошлёмся на мораль, добавленную переводчиком в текст басни Лафонтена «Стрекоза» (1782 г.), позднее появившейся в изложениях Сумарокова и Крылова (1808 г) под хорошо известным русскому читателю названием «Стрекоза и муравей», согласно которой Стрекоза материальной помощи от крепко стоящего на ногах зажиточного хозяина Муравья так и не получает, лишь напутствие «…так поди же попляши» [9, т. 2, с. 75-76].

У Хемницера же после поучения читаем ещё и послесловие:

– Пропела? Хорошо! Поди ж теперь свищи…
Но это только в поученье ей муравей сказал,
А сам на прокормленье ей хлеба дал [15, с. 160].

24 февраля 1784 года И.И. Хемницер скончался. На его надгробии высечена им самим написанная эпитафия:

Жил честным образом,
Он весь свой век трудился,
Но умер так же наг, как был,
Когда родился.

Нельзя не почувствовать перекличку горькой надгробной надписи автора с афористичным стихотворением И.В. фон Гёте:

Я честным был, но честностью одной
Не возымел у жизни я успеха.
Где слёзы мук над горькою судьбой,
Там для других одна потеха.
Тогда решил я прохиндеем стать.
И что ж в итоге получилось, братцы?
Мечусь по жизни, чтоб жирней кусок урвать.
Ну просто впору разорваться!
Но надоумил Бог вновь стать самим собой,
За роскошью и славою не гнаться.
Я сделал так. Обрёл души покой.
На том стою и буду оставаться [19, с. 37].

Перефразируя автора «Чевенгура», скажем о следующем авторе – поэте, переводчике, баснописце и прозаике Маздорфе Александре Карловиче (1788/90 – 1820): «без него баснепишущий народ неполный» [14, с. 5]. Лишь благодаря просветительской деятельности других энтузиастов сегодня читателям стали известны определённые сведения о жизни и творчестве талантливого баснописца. Архив А.К. Маздорфа сохранился в Екатеринбургском областном краеведческом музее (ЕОКМ) благодаря активности уральского краеведа, члена Уральского общества любителей естествознания, преподавателя истории и законоведения Екатеринбургской мужской гимназии Будрина Василия Ивановича (1881-1959), выявившего имя Александра Карловича Маздорфа в ходе сбора материалов к 50-летию упомянутого учебного заведения в 1911 году. Стали известны пусть неполные, но документально подтверждённые сведения о жизни и поэтической деятельно-

сти талантливого представителя российского баснеписания XVIII в. Маздорфа [8]. К исследованию представленных архивных материалов активно подключились и земляки баснописца историки-краеведы из Симбирска, Ставрополя, Тольятти: Г. Квантришвили, С. Сумин, содружество «Поэзия Тольятти» [13, 18]. Именно из их исследовательских материалов стало известно следующее: при жизни А.К. Маздорфа не вышло ни одного сборника его сочинений, но уже в его 19-летнем возрасте появились первые публикации в периодических журналах «Вестник Европы» и «Благонамеренный», с которыми он сотрудничал. В № 21 за 1809 г. опубликованы стихотворения «На смерть игрока...» и «Афоризмы», в № 19 за 1810 год – «Надгробие Ланцетину», в 1815 году – басня «Трубач». Журнал «Благонамеренный» опубликовал басню «Бекас, Снегирь и Ворон» (1815 г.), стихотворение «Голос тоскующего сердца» (1819 г.), ставшее титульным для названия, выпущенного Самарскими исследователями в 2017 году первого сборника А. К. Маздорфа. [12]. Автор Предисловия к сборнику произведений Г. Квантришвили установил за Маздорфом первенство авторства фразеологизма «крокодиловы слёзы» и идиоматического выражения «Там хорошо, где нас нет», оспорив утверждение о принадлежности его А. С. Грибоедову. Сделал он такие выводы, сопоставив даты выхода басни Маздорфа «Бекас, Снегирь и Ворон» (1815 г.) и «Горе от ума» А.С. Грибоедова (авторская рукопись 1824 г.).

В 1811 году журнал «Вестник Европы» (№ 12) опубликовал подборку басен А.К. Маздорфа и среди них «Азор и Земфирка», мораль из которой звучит так:

«…хотя весь век трудись, в трудах изнемогай,
Но если вздор болтать искусства ты не знаешь,
Наград не ожидай…» [8].

При всей схожести сюжета басен Маздорфа, сопоставив даты их написания (у И.А. Крылова 1824 г.), необходимо внести некоторые замечания и наблюдения в исследование:

1. Новое название басни – «Две собаки»;
2. Более привычные русскому слуху имена-образы: дворовый пёс Барбос и кудрявая болонка Жужу;
3. Новая трактовка морали у русского баснописца:

« …так счастье многие находят
лишь в том, что хорошо на задних лапах ходят» [8].

Назовём приведённые факты неслучайным творческим взаимопроникновением. Немецкие корни дают о себе знать в кратких, чётких афоризмах Маздорфа, роднящих их с выверенным слогом великого Гёте: «Чтоб не иметь к себе неблагодарных, не лучше ли стараться забывать свои благодеянья» (Маздорф).

СР.:

Дела благие, что я совершил,
Я тотчас же и навсегда забыл.
Мои ошибки, словно привиденья,
Преследуют меня до дней последних [11, с. 41]. (Гёте)

Обладая исключительными способностями к языкам, в совершенстве овладевший русским А.К. Маздорф был даже приглашён к участию в Салон русской песни, представив в нём благосклонно принятую стилизацию песни «Ноченька мрачная, что ты так длишься» [22].

Далее следует некий спад интереса к самобытному баснетворчеству поэтов немецкого происхождения. 01.02.2005 года имена И.И. Хемницера и А.К. Маздорфа всплывают в печально известном списке «Клуба до 40» известного московского музыканта-исполнителя, актёра, писателя и сценариста, организатора телепрограмм и конкурсов Александра Гами, который ввёл в свой перечень около 500 имён отечественных поэтов, не доживших в силу различных обстоятельств до 40 лет.

Восстановлением исторической справедливости озаботились земляки Маздорфа (и Хемницера), поволжские литераторы, в частности члены интернет-содружества «Поэзия Тольятти». В 2017 году вышла уже упомянутая нами выше книга А.К. Маздорфа «Голос тоскующего сердца», в которую авторы-составители С. Сумин и Г. Квантришвили включили стихи, басни, сказки и афоризмы своего уважаемого земляка [12]. Под руководством и кураторством учредителя интернет-содружества «Поэзия Тольятти», члена Союза российских писателей и Союза писателей Республики Татарстан Галины Булатовой вот уже в течение ряда лет

проводится всероссийская Премия им. А.К. Маздорфа. Мероприятие обычно приурочивается к дням поминовения баснописца. По итогам конкурса в саратовском издательстве «КУБиК» выходят книги с публикацией работ участников Премии Маздорфа, автором-составителем которых является их куратор Галина Булатова. Логотипом Премии стал портрет поэта, созданный по отрывочным воспоминаниям и словесным портретам современников, предоставленным архивистами, тольяттинским художником Ольгой Курильцевой.

В 2024 году вышла книга «По следам Маздорфа», в которую вошли: басни, афоризмы, любовная лирика (жанры, в которых писал Маздорф). В 2025 году в другой сборник под названием «Лира и сатира» были включены пародии, эпиграммы, частушки, иронические стихи, шаржи. Выпуск 2026 года получил наименование «Наследники Маздорфа» [14]. Произведения современных авторов подчёркивают, что жанры малой дидактической прозы не только не утратили актуальности, но и продолжают развиваться, каждый из «наследников» по-своему преломляет заветы «баснепишущего народа». Например, Владимир Кузьмичёв (Уфа) стал лауреатом премии 2025 года в номинации «Афоризмы» («Удивляет, когда ты знаешь себе цену, а с тебя требуют сдачу»), Леонид Соколов (Уфа), трижды принимавший участие в Премии, победитель 2026 г. в номинации «Афоризмы» выразил признательность тольяттинцам за сохранение памяти к своему прошлому, поблагодарил за честь публиковаться в одном сборнике с Маздорфом и возможность повысить свою ответственность за каждую строку: «Все люди произошли от обезьяны, но признался в этом лишь Дарвин»; Валентин Осадчий (Ишимбай), дипломант премии 2026 в номинации «Афоризмы», напомнил: «Главное – не какая память у человека, а какая память о нём». «Наследниками Маздорфа» стали и известные многим по переводческой деятельности Константин Белый (Москва), дипломант в номинации «Басня», Ольга Сараф (Барселона) – дипломант в номинации «Иронические стихи».

Судя по географии авторов последнего (2026 г.) издания «Наследники Маздорфа», статус его перерос всероссийский: интерес к нему проявили поэты и писатели из ближнего и дальнего зарубежья.

Выводы

Таким образом, интерес к чтению и исследовательской деятельности вокруг басенного жанра и примыкающим к нему поучительной сказке, иронической поэзии и прозе, афоризму, эпиграмме, активизировавшийся в эпоху Просвещения в XVIII в., благодаря в том числе деятельности российских немцев Поволжья, наряду с российскими баснописцами Сумароковым, Прутковым Крыловым, Жуковским, имеют своё продолжение и в наши дни, подтверждением чему является издательско-просветительская и литературно-краеведческая деятельность многочисленных поклонников этого жанра.

Список источников

1. Андреюшкина Т.Н. Поэзия Средневолжья: тенденции развития от начала XIX до начала XXI века // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2019. Т. 1. № 4. С. 5 – 11. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/poeziya-srednevolzhya-tendentsii-razvitiya-ot-nachala-hih-do-nachala-hhi-veka (дата обращения: 14.06.2026)

2. Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 300 с.

3. Всероссийская литературная премия им. А. Маздорфа. 2026. URL: https://konkursy.pishi.pro/vse-literaturnye-konkursy/vserossijskaya-literaturnaya-premiya-im-a-mazdorfa-85308/ (дата обращения: 04.04.2026)

4. Gellert C.F. Fabeln und Erzählungen. T. 1. Walter de Gruyter. 1988. 123 p. URL: http://www.public-library.uk/pdfs/2/791.pdf (дата обращения: 14.06.2026)

5. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. И.И. Хемницер и немецкая литература (к постановке проблемы). 2014. Cyberleninka_№ 2 (30) Гуманитарные науки. Филология. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/i-i-hemnitser-i-nemetskaya-literatura-k-postanovke-problemy (дата обращения: 14.06.2026)

6. Жуковский В.А. О басне и баснях Крылова: в 4-х т. Л: ГИХЛ, 1960.

7. Зейферт Е.И. Жанр басни в поэзии российских немцев: трансформация и инерция // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 302. С. 14 – 20. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhanr-basni-v-poezii-rossiyskih-nemtsev-transformatsiya-i-inertsiya (дата обращения: 14.06.2026)

8. Зыкова Г.В. Маздорф Александр Карлович // Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. М.: «Большая Российская энциклопедия», 1994. Т. 3. URL: http://az.lib.ru/m/mazdorf_a_k/text_1994_bio.shtml (дата обращения: 14.06.2026)

9. Крылов И.А. Сочинения: в 2-х т. М.: Издательство «Правда»,1984.

10. Левин Ю.Д. Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. Л.: Наука, 1985. 299 с.

11. Лира и сатира / Ред.-сост. Галина Булатова. Тольятти, Саратов: Изд-во «КУБиК». 2025.

12. Маздорф А. К. Голос тоскующего сердца: стихи, басни, афоризмы. Тольятти: Полиар, 2017. 112 с.

13. Марянин Н. 235 лет со дня рождения поэта, баснописца Александра Маздорфа. 2025. URL: https://ulwriters.ru/?p=11240 (дата обращения: 14.06.2026)

14. Наследники Маздорфа /Ред.-сост. Галина Булатова. Тольятти, Саратов: Изд-во «КУБиК». 2026.

15. Полное собрание басен и сказок И. И. Хемницера. СПб. 1884.

16. По следам Маздорфа / Ред.-сост. Галина Булатова. Тольятти, Саратов: Изд-во «КУБиК». 2024.

17. Sanmann A. Fabel-Übersetzungen zwischen Tugendlehre und Gesellschaftskritik: Die Gellert-Übersetzerin Marianne Wilhelmine de Stevens // Textfiguren der Emanzipation. 2024. P. 263 – 282. URL: https://api.unil.ch/iris/server/api/core/bitstreams/content (дата обращения: 14.06.2026)

18. Сумин С.А. «Белые пятна» ставропольской литературы // Слагаемые качества современного гуманитарного образования: сборник материалов XVII Международной научно-методической конференции, Тольятти, 17-18 октября 2019 года. Тольятти: Самарская гуманитарная академия, 2020. С. 16 – 21. URL: https://disk.yandex.ru/i/qLLbq1Pp_xqwXg (дата обращения: 14.06.2026)

19. Учебно-методическое пособие по практической фонетике и теории перевода (немецкий язык) / Авт.-сост.: О.И. Емельянова, Р.Х. Каримова, Ю.А. Старицына Стерлитамак: Стерлитамакский филиал УУНиТ. 2025.

20. Тынянов Ю.Н. Литературная эволюция: Избранные труды. М.: «Аграф», 2002. 496 с.

21. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода. М., СПб. 2003. 416 с.

22. Шеля А.И. Салон С.Д. Пономаревой и истоки «русской песни» 1820-х годов // Русская литература. 2017. № 4. С. 149 – 162. URL: https://disk.yandex.ru/i/RHdhV3N8p-AFcQ (дата обращения: 14.06.2026)

23. Хализев В.Е. Теория литературы: учеб. для студентов вузов. 4-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк. 2013.

24. Ellinger G. Gellerts Fabeln und Erzählungen. T. 5. R. Gaertner. 1895. 20 p. URL: https://books.google.ru/books?hl (дата обращения: 14.06.2026)

25. Johann Wolfgang Goethe : Gedichte Moskau, Progress. 1980. P. 580.

References

1. Andreyushkin T.N. Poetry of the Middle Volga Region: Development Trends from the Early 19th to the Early 21st Century. Bulletin of the V.N. Tatishchev Volga University. 2019. Vol. 1. No. 4. P. 5 – 11. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/poeziya-srednevolzhya-tendentsii-razvitiya-ot-nachala-hih-do-nachala-hhi-veka (date of access: 14.06.2026)

2. Bakhtin M.M. Epic and Novel. St. Petersburg: Azbuka, 2000. 300 p.

3. A. Mazdorf Russian Literary Award. 2026. URL: https://konkursy.pishi.pro/vse-literaturnye-konkursy/vserossijskaya-literaturnaya-premiya-im-a-mazdorfa-85308/ (date of access: 04.04.2026)

4. Gellert C.F. Fabeln und Erzählungen. Vol. 1. Walter de Gruyter. 1988. 123 p. URL: http://www.public-library.uk/pdfs/2/791.pdf (date of access: 14.06.2026)

5. Zhatkin D.N., Kruglova T.S. I.I. Khemnitser and German Literature (Framing the Issue). 2014. Cyberleninka No. 2 (30) Humanities. Philology. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/i-i-hemnitser-i-nemetskaya-literatura-k-postanovke-problemy (date of access: 14.06.2026)

6. Zhukovsky V.A. On Krylov's Fable and Fables: in 4 vols. Leningrad: GIHL, 1960.

7. Zeifert E.I. The Fable Genre in the Poetry of Russian Germans: Transformation and Inertia. Vestnik Universiteta. 2007. No. 302. P. 14 – 20. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhanr-basni-v-poezii-rossiyskih-nemtsev-transformatsiya-i-inertsiya (date of access: 14.06.2026)

8. Zykova G.V. Mazdorf Aleksandr Karlovich (1800-1917): Biographical Sketch. Moscow: "Big Russian Encyclopedia," 1994. Vol. 3. URL: http://az.lib.ru/m/mazdorf_a_k/text_1994_bio.shtml (date of access: 14.06.2026)

9. Krylov I.A. Works: in 2 vols. Moscow: "Pravda" Publishing House, 1984.

10. Levin Yu.D. Russian Translators of the 19th Century and the Development of Literary Translation. Leningrad: Nauka, 1985. 299 p.

11. Lyre and Satire. Ed.-comp. Galina Bulatova. Tolyatti, Saratov: "KUBiK" Publishing House, 2025.

12. Mazdorf A.K. Voice of a Yearning Heart: Poems, Fables, Aphorisms. Tolyatti: Poliar, 2017. 112 p.

13. Maryanin N. 235th Anniversary of the Birth of the Poet Alexander Mazdorf. 2025. URL: https://ulwriters.ru/?p=11240 (date: 14.06.2026)

14. Mazdorf's Heirs. Ed.-comp. Galina Bulatova. Tolyatti, Saratov: "KUBiK" Publishing House, 2026.

15. Complete Collection of Fables and Tales by I.I. Khemnitser. St. Petersburg, 1884.

16. In the Footsteps of Masdorf. Ed. and comp. Galina Bulatova. Tolyatti, Saratov: KUBiK Publishing House, 2024.

17. Sanmann A. Fabel-Übersetzungen zwischen Tugendlehre und Gesellschaftskritik: Die Gellert-Übersetzerin Marianne Wilhelmine de Stevens. Textfiguren der Emanzipation. 2024. P. 263 – 282. URL: https://api.unil.ch/iris/server/api/core/bitstreams/content (date of access: 14.06.2026)

18. Sumin S.A. "Blank Spots" in Stavropol Literature. Inter-methodological Conference, Tolyatti, October 17-18, 2019. Tolyatti: Samara Humanitarian Academy, 2020. P. 16 – 21. URL: https://disk.yandex.ru/i/qLLbq1Pp_xqwXg (accessed: 14.06.2026)

19. Methodological Support for Practical Phonetics and Translation Theory (German Language). Authors-compilers: O.I. Emelyanova, R.Kh. Karimova, Yu.A. Sterlitamak: Sterlitamak Branch of BashSU, 2025.

20. Tynyanov Yu.N. Literary Evolution: Selected Works. Moscow: Agraf, 2002. 496 p.

21. Fedorov A.V. Fundamentals of the General Theory of Translation*. Moscow, St. Petersburg, 2003. 416 p.

22. Shelya A.I. The Salon of S.D. Ponomareva and the Origins of the "Russian Song" of the 1820s. Russian Literature. 2017. No. 4. P. 149 – 162. URL: https://disk.yandex.ru/i/RHdhV3N8p-AFcQ (accessed: 14.06.2026)

23. Khalizev V.E. Theory of Literature: Textbook for students. 4th ed., rev. and exp. Moscow: Vysshaya Shkola, 2013.

24. Ellinger G. Gellerts Fabeln und Erzählungen. Vol. 5. R. Gaertner, 1895. 20 p. URL: https://books.google.ru/books?hl (date of access: 14.06.2026)

25. Johann Wolfgang Goethe: Gedichte. Moscow, Progress, 1980. P. 580.

Информация об авторах

Емельянова О.И., преподаватель Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий, поэт, переводчик, olgaemeljanova32@gmail.com

Старицына Ю.А., кандидат филологических наук, доцент, Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий, y.a.staritsyna@struust.ru

© Емельянова О.И., Старицына Ю.А., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
УДК 81-114.2
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-259-264

Некоторые особенности антономазии (на материале английского языка)

[1] Шехтман Э.Н.,
[1] Оренбургский государственный педагогический университет

Аннотация: проблеме стилистического приёма антономазии посвящены и продолжают посвящаться многочисленные публикации на материале разных языков. Тем не менее, изучение данного явления остаётся далеким от завершения. Даже само написание термина не вполне устоялось в лингвистической литературе, широко распространены оба варианта написания: «антономасия» и «антономазия». В связи с этим *целью* данной статьи было уточнить важнейшие аспекты этого многостороннего явления на материале английского языка. Для этого необходимо было решить следующие конкретные *задачи*: 1) описать виды антономазии, 2) определить критерии перехода лексической или фразовой языковой единицы в антономазию и обратного перехода антономазии в единицу, лишённую стилистической функции, 3) рассмотреть роль процесса капитализации в этих переходах, в переходах онимов в апеллятивы и апеллятивов в онимы, 4) уточнить роль частеречной принадлежности антономазии, а именно, принадлежности антономазии к существительным.

Результаты проведённого исследования могут, как представляется, найти *практическое применение* в процессе преподавания как практических, так и теоретических дисциплин на филологических факультетах в высшем учебном заведении, например, в курсах подготовленного (домашнего) чтения, стилистического анализа текста, интерпретации текста, лексикологии и стилистики.

Ключевые слова: антономазия, стилистическая функция, апеллятивы, онимы, капитализация, частеречная принадлежность

Для цитирования: Шехтман Э.Н. Некоторые особенности антономазии (на материале английского языка) // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 259 – 264. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-259-264

Поступила в редакцию: 24 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 21 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

Some peculiarities of antonomasia (on the subject matter of the English language)

[1] Shekhtman E.N.,
[1] Orenburg State Pedagogical University

Abstract: many publications have been devoted and are being devoted to the problem of antonomasia as a stylistic device on the matter of various languages, it is enough to mention, for instance some articles which have been published in the recent years. And yet, the investigation of this phenomenon remains far from completion. Even the very spelling of the term has not been unified, two variants of its spelling and pronunciation both being accepted in the Russian language linguistic literature and linguistic tradition («антономасия» / «антономазия»). In this connection the *aim* of the present article was to define the main aspects of this multifarious phenomenon on the subject matter of the English language. In order to do so it was necessary to solve the following concrete *tasks*: 1) to describe the aspects of antonomasia, 2) to define the criteria of transition of a word of a phrase into antonomasia and the reverse process of transition of antonomasia into a unit devoid of any stylistic function, 3) to regard the role of the process of capitalization in these transitions from honyms into appellatives and appellatives into honyms, 4) to define the role of the part-of-speech reference of antonomasia, that is its reference to nouns.

The results of the undertaken investigation may, as it seems, find *practical application* in the process of teaching and studying of both theoretical and practical subjects at the philological faculties of higher educational institutions, such as prepared (home) reading, stylistic analysis, interpretation of the text, lexicology and stylistics.

Keywords: antonomasia, stylistic function, appellatives, honyms, capitalization, part-of-speech reference

For citation: Shekhtman E.N. Some peculiarities of antonomasia (on the subject matter of the English language). Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 259 – 264. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-259-264

The article was submitted: July 24, 2026; Approved after reviewing: August 21, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

Как известно со времён античности, существуют два основных вида антономазии: первый, когда имя нарицательное превращается в имя собственное (например, Mr. Snake, Mr. Surface у Ричарда Бринсли Шеридана), и второй, когда имя собственное превращается в имя нарицательное (Othello – «ревнивец», Don Juan – «любовник»). *Целью* данного исследования было изучить разные аспекты явления антономазии, *задачами* исследования было 1) определить виды антономазии, 2) определить критерии перехода стилистического приёма антономазии в словарную лексему, то есть критерии лексикализации антономазии, а также перехода лексической единицы в антономазию, 3) определить роль капитализации в развитии антономазии, в переходах онимов в апеллятивы и апеллятивов в онимы, 4) уточнить роль частеречной принадлежности антономазии к существительным.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили разнообразные примеры антономазии, отобранные из англоязычной художественной литературы, энциклопедий, лингвистических словарей и учебных пособий. В качестве вспомогательного источника материала иногда использовались данные, полученные из сети Интернет. *Методами исследования*, применявшимися в данной статье, были индуктивно-описательный метод, метод сравнительно-сопоставительного анализа, метод лингвистического наблюдения и метод лингвостилистического анализа.

Результаты и обсуждения

Антономазия – это приём вторичной номинации. Данной проблеме продолжают посвящать многочисленные публикации на материале разных языков, достаточно упомянуть, например, опубликованные за последние годы статьи [2, 3, 5, 7] и др. Разные авторы находят у антономазии сходство как с метафорой, так и с метонимией, например, “I do not claim to be a Caruso”, где Карузо приобретает оценочное метафорическое значение «выдающийся певец», (пример заимствован из «Стилистики декодирования» Ирины Владимировны Арнольд). Возможно и метонимическое употребление имён собственных, например: “He has sold his Vandykes” (Hurst), “This is my real Goya” (Galsworthy) (примеры цит. по: [8, с. 117]). В первом из этих двух примеров проявляется ещё одно характерное свойство антономазии, а именно плюрализация. Плюрализацию можно проиллюстрировать и метафорической антономазией: “History has dealt with Hitler; history will deal with all would be Hitlers” (A. Johnstone). Данный пример взят из сборника упражнений по английской грамматике Ю.А. Крутикова и соавторов. Частным случаем метонимии является синекдоха, на основе которой становится возможной антономазия, например, Little Red Riding Hood – Красная Шапочка или The Blue Beard – Синяя Борода.

Валерий Владимирович Гуревич указывает, что антономазия может быть подвидом перифразы (“<…> antonomasia is a subtype of periphrasis” [1, с. 33]), в качестве примеров здесь можно было бы привести антономазии: “The Emerald Island” вместо Ireland, “Liberty Island” вместо Cuba, “The Dream Factory” вместо Hollywood, “The Iron Lady” вместо Margaret Thatcher.

Кроме того, необходимо разграничивать антономазию как стилистический приём и антономазию как механизм словообразования. Между ними не существует чёткой разделительной линии. Наше восприятие единицы в качестве стилистического приёма или же как лингвистической единицы без какой-либо стилистической нагрузки является критерием нашего отнесения единицы к стилистическому приёму (антономазии) или нашего отказа ей в таком статусе. Второе имеет место, когда, например, имена учёных начинают употребляться (в написании со строчной буквы) для обозначения единиц измерения того, что эти учёные изучали, например, ampere, joule, ohm. Юрий Максимович Скребнев приводит пограничный случай: “I am

fond of Dickens" (= of Dickens' books) [8, с. 117], то есть «Я люблю Диккенса» в значении «книги Диккенса», указывая: "there is hardly anything of special stylistic significance; still less in common nouns mackintosh, sandwich, shrapnel (each originating from a proper name)" [7, с. 117]. То есть: «здесь едва ли есть какое-либо стилистическое значение; ещё меньше его в нарицательных существительных макинтош, сэндвич, шрапнель, где каждое происходит от имени собственного» (здесь и далее перевод наш – Э.Ш.). Здесь уже нет стилистического приёма антономазии. Онимы превратились в апеллятивы.

Кроме основных видов антономазии можно привести и другие плодотворные в художественном отношении виды антономазии. Например, вопросительные слова, местоимения и наречия, могут субстантивироваться и функционировать как имена:

"I keep six honest serving-men
(They taught me all I know);
Their names are What and Why and When
And How and Where and Who.
I send them over land and sea,
I send them east and west;
But after they have worked for me
I give them all a rest." (Rudyard Kipling) (цит. по: [4, с. 51]).

Вопросительные фразы и целые предложения могут превращаться в имена собственные, как это происходит, например, в рассказе Dorothy Parker "The Sexes" [10, p. 68-73]:

"My God," he said, "this what's her name girl came up and began talking to me before I even saw anybody else, and what could I do? <…> Then this what's her name came up again, and there I was, stuck" [10, p. 72]. Если в первом предложении "what's her name" употребляется как фразовый эпитет к слову "girl", то во втором предложении "what's her name" становится антономазией, причём субстантивация этой фразы сопровождается употреблением указательного местоимения "this", что косвенным образом должно свидетельствовать о якобы пренебрежительном отношении говорящего молодого человека к обозначаемой таким образом девушке, даже имя которой он не считает нужным упоминать (или вспоминать) в этом контексте, хотя оно употребляется несколько раз на протяжении диалога в тексте рассказа и героем, и героиней. Как становится очевидным при стилистическом анализе данного рассказа, на протяжении разговора герой старается таким образом погасить ревность героини по отношению к упомянутой девушке.

Ещё пример подобного рода приводится в пособии В.А. Кухаренко: "Now let me introduce you – that's Mr. What's-his-name, you remember him, don't you? And over there in the corner, that's the Major, and there's Mr. What-d'you-call-him, and that's an American" (Evelyn Waugh) [4, с. 52]. Примечательно, что такого рода антономазии закрепились в художественной литературе, то есть в письменной форме, в вариантных написаниях, так как они, по существу, изображают устную речь. Однако есть довольно много единиц, существующих в устной форме, и никак не фиксирующихся, к примеру, в словарях. Дэвид Кристал, однако, приводит следующие примеры подобных образований в своей энциклопедии, среди них: whatchacallem, whatchacalit, whatsisname, whatsit, whosis, whosit и многие другие [9, p. 132]. Дэвид Кристал пишет, что эти единицы являются важной частью английского лексикона, обеспечивая говорящих сигналом, что они не в состоянии подобрать слово, – или поскольку оно выскользнуло из памяти, или, возможно, поскольку в языке нет нужного слова ("… providing speakers with a signal that they are unable to retrieve a lexeme – either because it has slipped their mind, or perhaps because there is a lexical gap in the language") [9, p. 132]. Дэвид Кристал отмечает, что обычно они произносятся очень быстро, и нужен острый слух, чтобы их расшифровать. Представляется, что иногда может присутствовать и другая мотивация, – акцентировать незначительность или отсутствие важности обозначаемого таким образом лица или предмета для говорящего, как это было показано на примере рассказа Dorothy Parker "The Sexes" [10].

Здесь возникает ещё один вопрос, касающийся употребления антономазии, – вопрос об употреблении на письме прописной или строчной буквы в начале подобных слов, или вопрос о капитализации (или минускулизации). Сам термин «капитализация» не является общепринятым, ещё менее общепринятым является термин «минускулизация». Последний термин приводится, например, в статье В.П. Москвина [5]: «результатом перехода онима в класс апеллятивов, как известно, становятся а) более или менее регулярная минускулизация, ср.: Мужала эпоха... Покуда // мы знать не желали ее, // здесь в ирода вырос иуда, // людей расплодилось зверье (Е. Каминский <…>) [5, с. 90]. Валерия Андреевна Кухаренко, употребляющая термин «капитализация» в пособии [4], пишет о капитализации слова ("capitalization of the word"), причём в данном

случае она приводит пример из романа Aldous Huxley “Brave New World”: “Help. Help. HELP.” [4, с. 13]. Как становится ясным из данного примера, капитализацией данным автором считается употребление всех букв слова как прописных, в данном случае говорится о фонографическом стилистическом приёме, функцией которого является необходимость выразить отчаянный призыв.

В другом значении употребляет данный термин Дэвид Кристал (David Crystal) в своей энциклопедии. Примечательно, что параграф на эту тему, вынесенный на отдельную плашку, D. Crystal шутливо озаглавил “To Cap or not to Cap” [9, p. 122]. Здесь автор приводит два почти одинаковых фрагмента из двух похожих справочных изданий, “The Cambridge Encyclopedia” и “The Chambers Biographical Dictionary”, где приводятся практически идентичные данные о британском государственном деятеле Джеффри Хау (Geoffrey Howe), как пишет Д. Кристал, “showing the capitalization policy,” или “capitalization style”, как говорит автор там же далее. Здесь речь идёт не столько об именах собственных в строгом смысле слова, сколько о занимаемых Дж. Хау должностях и постах, причём в каждом из указанных изданий они пишутся по-разному, в энциклопедии чаще с прописной буквы, в словаре – со строчной, (например, called to the Bar / bar; Solicitor-General / solicitor-general; Minister / minister; Foreign Secretary / foreign secretary и так далее, где первый пример перед слэшем в соответствующих парах вариантов – из энциклопедии, а пример после слэша – из словаря) [9, p. 122]. В этой связи можно упомянуть, что И.В. Нечаева отмечает, что названия высших должностей в политической, социальной, религиозной и других иерархиях по-разному употребляются в официальном и неофициальном дискурсе (например, «Патриарх всея Руси», но «российские патриархи») (см.: [6, с. 56]). Очевидно, редакторы двух соответствующих справочных изданий, цитируемых Кристалом, прибегли к употреблению разных видов дискурса. В другом месте Кристал пишет: “The dictionaries handle the capitalization of lexemes in different ways [9, p. 119]. Таким образом, у Кристала термин «капитализация» относится к выделению как прописной только первой буквы в слове. Данный подход к употреблению термина «капитализация» представляется более взвешенным.

В этой связи возникает вопрос, можно ли считать капитализацию критерием употребления антономазии, и, с другой стороны, является ли отсутствие капитализации, или минускулизация, там, где слово изначально писалось с прописной буквы, показателем того, что имеет место прекращение антономастического употребления онима и переход его в апеллятив, как это произошло в своё время, например, с единицами boycott, hooligan и им подобными.

Выделение с помощью капитализации нарицательных существительных, иногда других частей речи, стилистически маркирует художественный текст, создаёт антономазию. Так, например, в тексте сказки Памелы Линдон Трэверс “Mary Poppins” антономастическое употребление лексики буквально пронизывает повествование с самого первого предложения: “If you want to find Cherry-Tree Lane all you have to do is ask the Policeman at the cross-roads [11, p. 3]. Далее таким же образом, с прописной буквы, пишутся слова и словосочетания “the Park” [11, p. 4], “East Wind”, “the Nursery” [11, p. 5], “the Milkman”, “the Match-Man”, “Day Out” [11, p. 13], “the Hairdresser’s” [11, p. 33], “her Precious” [11, p. 34] и многие другие. По всей вероятности, так автор придаёт называемым предметам и явлениям бóльшую значимость и весомость. Представляется, что у П. Л. Трэверс капитализация и создаваемая с её помощью антономазия становятся средством создания особой вселенной со своими уникальными явлениями, местностями и событиями. Говоря о частеречной принадлежности антономазии, авторы неизменно указывают, что антономазия всегда представлена существительным. Однако у Трэверс даже наречие может субстантивироваться и с помощью капитализации превращаться в антономазию: “Miss Lark lived Next Door. But before we go any further I must tell you what Next Door looked like” [11, p. 31]. Если в первом предложении Next Door – наречие, употребляемое с капитализацией, то во втором это словосочетание субстантивируется и уже явно функционирует как стилистический приём, антономазия. В следующем предложении это словосочетание получает развёрнутую интерпретацию с помощью слова “house”: “It was a very grand house, by far the grandest in Cherry-Tree Lane” [11, p. 31]. Примеры субстантивации вопросительных местоимений и вопросительных наречий уже приводились в отрывке из стихотворения Редьярда Киплинга (см. выше).

Таким образом, капитализация сигнализирует об антономазии. С другой стороны, теряя капитализацию, антономазия может утратить свой статус стилистического приёма, но может и сохранить свою стилистическую функцию, как это было показано на примерах единиц типа “W/what’s his/her N/name”.

Кроме того, пограничный онимо-апеллятивный статус иногда не позволяет «найти «единственно верное» орфографическое решение» [6, с. 56]. Для определения, является ли языковая единица антономазией необходим лингвостилистический анализ, многое зависит от читательского и писательского восприятия данного, иногда переходного, явления.

Выводы

Подведём некоторые итоги. Основные два вида антономазии это либо искусственно созданное «говорящее имя», “speaking name”, или “tell-tale name”, либо превращение любого имени в обозначение характерного свойства владельца этого имени. В первом случае апеллятив развивается в оним, во втором случае оним движется в направлении апеллятива. Основными путями развития антономазии являются метафорический и метонимический (частный случай последнего – синекдоха). Антономазия может возникнуть как подвид перифраза (перифразы). Критерием развития антономазии может быть капитализация, то есть написание с прописной буквы. Капитализация, как правило, сигнализирует о том, что слово или словосочетание имеет стилистическую функцию, становится стилистическим приёмом (антономазией), а минускулизация, или утрата капитализации, может свидетельствовать о переходе единицы из разряда онимов в апеллятивы, о том, что единица более не имеет стилистической функции. Но иногда утрата капитализации не ведёт к утрате стилистической функции, то есть существуют случаи употребления антономазии без начальной прописной буквы, в особенности это касается сложных по составу единиц, более или менее чётко имитирующих устные формы местоименных вопросительных словосочетаний. В качестве антономазии функционируют существительные, а в тех случаях, когда в функции антономазии окказионально появляются другие части речи, эти лексические единицы подвергаются контекстуальной субстантивации. Антономазия, как существительное, также может подвергаться плюрализации.

Таковы некоторые особенности антономазии, изучить которые позволяет материал английского языка.

Список источников

1. Гуревич В.В. English stylistics. Стилистика английского языка: учеб. пособие. 10-е изд., стер. Москва: ФЛИНТА, 2024. 68 с.

2. Зимина Е.А., Мюллер Ю.Э. Оценочный потенциал антономазии в языке современной немецкоязычной прессы // Филологические науки в МГИМО. 2021. Т. 7 № 1 (125). С. 27 – 36.

3. Котаева А.Р., Кулумбегова Л.В. Антономасия в контексте прагмалингвистики и лингвоконфликтологии // Вестник НГЛУ. 2022. Вып. 3 (59). С.9 – 20.

4. Кухаренко В.А. Практикум по стилистике английского языка: учеб. пособие для студентов филол. факультетов ун-тов, институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высш.шк., 1986. 144 с. На англ.яз.

5. Москвин В.П. Антономасия: к уточнению понятия // Известия Волгоградского гос. социально-пед. ун-та. Филологические науки. 2023. № 2 (2). С. 87 – 94.

6. Нечаева И.В. Орфография собственных имён: зоны неоднозначности // Ономастика Поволжья. М-лы XXI Междунар. науч. конференции, г. Рязань, 3-5 окт. 2023 г. / сост. и ред. И.Н. Хрусталёв, В.И. Супрун. Рязанский гос. ун-т им. С.А. Есенина. Рязань, 2023. С. 53 – 56.

7. Николаев С.Г. Подвижная синкретика тропа. Рецензия на монографию: Хазагеров Г.Г. Четыре взгляда на троп (М.: Флинта, 2022. 280 с.) // Коммуникативные исследования. 2023. Т. 10. № 2. С. 405 – 412.

8. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка: Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., испр. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2000. 224 с. (на англ. яз.).

9. Crystal David The Cambridge Encyclopedia of the English Language. BCA. London, New York, Sydney, Toronto. Cambridge University Press, 1995. 490 p.

10. Parker, Dorothy. Short Stories and Poems. M.: Foreign Languages Publishing House, 1963. 184 p.

11. Travers P.L. Mary Poppins. Книга для чтения на англ.яз. Обраб. и коммент. Н.В. Конон: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности №2103 «Иностранные языки». Ленинград, «Просвещение», 1979. 135 с. с ил.

References

1. Guerevich V.V. English Stylistics. English Style: A Study Guide. 10th ed., unaltered. Moscow: FLINTA, 2024. 68 p.

2. Zimina E.A., Muller Yu.E. The evaluative potential of antonomasia in the language of modern German science at MGIMO. 2021. Vol. 7. No. 1 (125). P. 27 – 36.

3. Kotaeva A.R., Kulumbegova L.V. Antonomasia in the context of pragmalinguistics and linguoconflictology. Bulletin of NGLU. 2022. Issue 3 (59). P. 9 – 20.

4. Kukharenko V.A. Practice in English Style: A Study Guide for Students of Philology Faculties and Foreign Language Departments. Moscow: Vysshaya Shkola, 1986. 144 p. In English.

5. Moscow V.P. The Antonym: Refining the Concept. Proceedings of Volgograd State Socio-Pedagogical University. Philological Sciences. 2023. No. 2 (2). P. 87 – 94.

6. Nechaev I.V. Orthographies of common images: zones of non-community. Onomastics of the Volga Region. Proceedings of the XXI International Scientific Conference, Ryazan, Oct. 3-5, 2023. Comp. and ed. by I.N. Khrustalev, V.I. Suprun. S.A. Yesenin Ryazan State University. Ryazan, 2023. P. 53 – 56.

7. Nikolaev S.G. The Fluid Syncretism of the Trope. Review of the monograph: Khazagerov G.G. Four Views on the Trope (Moscow: Flinta, 2022. 280 p.). Communication Studies. 2023. Vol. 10. No. 2. P. 405 – 412.

8. Skrebnev Yu.M. Fundamentals of English Stylistics: Textbook for institutes and faculties of foreign languages. 2nd ed., rev. Moscow: AST Publishing House LLC; Astrel Publishing House LLC, 2000. 224 p. (in English).

9. Crystal David The Cambridge Encyclopedia of the English Language. BCA. London, New York, Sydney, Toronto. Cambridge University Press, 1995. 490 p.

10. Parker, Dorothy. Short Stories and Poems. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1963. 184 p.

11. Travers P.L. Mary Poppins. A reader in English. Adapted and annotated by N.V. Konon: study guide for students of pedagogical institutes specializing in "Foreign Languages" (Specialty No. 2103). Leningrad: Prosveshcheniye, 1979. 135 p., illus.

Информация об авторе

Шехтман Э.Н., кандидат филологических наук, доцент, Оренбургский государственный педагогический университет, eshekhtman@yandex.ru

© Шехтман Э.Н., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81'33
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-265-271

Эмотивно-стохастические проявления в дискурсивных блоках: синергетическое исследование кинотекста

[1] Бутенко Е.В.,
[1] Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения

Аннотация: для изучения лингвостилистических характеристик кинотекста синергетикой предлагаются конкретные междисциплинарные инструменты анализа самоорганизующейся системы. Специфика применяемого в синергетическом исследовании понятийно-терминологического аппарата направляет и способствует более точному, углубленному и в то же время целостному осмыслению языково-речевых явлений. Именно взаимодополняющий, синергический, подход к изучению сложноорганизованной системы кинодискурса позволяет идентифицировать происходящие в нем спонтанно возникающие, стохастические процессы, познать специфику их проявления. Художественный дискурс, и в частности, диалогическая речь, отличаются динамичностью, хаотичностью, непредсказуемостью – свойствами, индуцирующими стохастичность. Целью данного исследования становится идентификация свойства стохастичности в речевых элементах, выявление порождающего ее фактора и установление функционального назначения стохастических единиц в коммуникативных ситуациях. Контекстуальный анализ стохастических высказываний и отдельных стохастических компонентов в диалогических блоках подтверждает эмоционально-психологическую основу их возникновения. В связи с этим особую значимость приобретает определение разноуровневых эмотивных средств и характера их взаимодействия в языке оригинала для достижения функционально-стилистического соответствия в целевой культуре, то есть решения практической, переводческой задачи. Многофакторность стохастических проявлений обуславливает их функционально-дискурсивное разнообразие – от способности стать аттрактором в речевом блоке до однословного стилистически значимого вкрапления. Междисциплинарная направленность исследования текстового пространства отличается особой эвристической ценностью – возможностью обнаружения и детального истолкования эмотивно-динамических процессов, стохастических и эмерджентных, происходящих в его открытой нелинейной системе.

Ключевые слова: стохастичность, эмерджентность, случайность, эмотивные средства, лингвостилистические приемы

Для цитирования: Бутенко Е.В. Эмотивно-стохастические проявления в дискурсивных блоках: синергетическое исследование кинотекста // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 265 – 271. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-265-271

Поступила в редакцию: 24 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 21 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

Emotive-stochastic manifestations in discursive blocks: synergetic study of a film text

[1] Butenko E.V.,
[1] St. Petersburg State Institute of Film and Television

Abstract: to study the lingua-stylistic characteristics of a film text, a self-organizing system, synergetics offers particular interdisciplinary tools. The conceptual and terminological specifics of synergetic research guide and help achieve a more accurate in-depth and at the same time holistic understanding of language and speech phenomena. It's a complementary approach to a complexly organized system of film discourse that makes it possible to identify spontaneously arising stochastic processes and understand the peculiarities of their occurrence. Film dialogue is dynamic, chaotic, and unpredictable – these are the quali-

ties which induce stochasticity. The aim of this study is to identify the property of randomness in speech elements, as well as to determine the factor that generates it and to state functional purposes of stochastic units in communicative situations. The contextual analysis of stochastic phrases and individual stochastic components in dialogue blocks confirms their psycho-emotional basis. In this regard, it becomes important to define different levels of emotive means and their interaction in the original language to achieve functional and stylistic adequacy in the target culture, that is, to solve a practical translation task. The multifactorial nature of stochastic occurrences determines their discursive functional diversity – from the ability to become the attractor in a speech segment to a single stylistically pivotal word insertion. The interdisciplinary focus of text studying has a special heuristic value – it allows for the identification and detailed interpretation of emotional dynamic processes, both stochastic and emergent, which occur in an open nonlinear discursive system.

Keywords: stochasticity, emergence, randomness, emotive means, lingua-stylistic devices

For citation: Butenko E.V. Emotive-stochastic manifestations in discursive blocks: synergetic study of a film text. Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 265 – 271. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-265-271

The article was submitted: July 24, 2026; Approved after reviewing: August 21, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

Рассматриваемая как одна из базовых категорий, порождающих информативность текста, стохастичность в определении Е.В. Шелестюк и Е.А. Щетинкиной – это «появление непредсказуемых, случайных, новых смыслов, неожиданные повороты мысли (столкновение несочетающихся смыслов)» [12, с. 173], что на вербальном уровне может выражаться неординарностью форм, отходом от узуального употребления лингвистических средств. Как свидетельствуют результаты исследования в сфере речевой коммуникации и в психолингвистике, «эмоции являются мотивационной основой сознания, мышления, социального поведения и речевой деятельности» [10, с. 8]. Учитывая данный факт, можно предположить, что именно эмоциями, эмоциональными состояниями и переживаниями порождены стохастические проявления в дискурсивных блоках.

Материалы и методы исследований

Материалом представляемого теоретико-эмпирического исследования стали высказывания персонажей из криминальной драмы *Pulp Fiction* (Криминальное чтиво), 1994, трагикомедии *Little Miss Sunshine* (Маленькая мисс Счастье) 2006, комедии *Friends* (Друзья), 5 сезон, 9 серия *The One with Ross's Sandwich* (Эпизод с сандвичем Росса), 1998, фантастического триллера *The Dark Knight* (Темный рыцарь), 2008.

Цель исследования включает идентификацию стохастичности в речевых элементах, выявление дискурсивного фактора, порождающего данное свойство, и установление функционального назначения стохастических единиц в коммуникативных ситуациях. В соответствии с обозначенной целью используются структурно-описательный, интерпретационный, семантико-когнитивный методы исследования.

Результаты и обсуждения

Диалогический характер речевого общения предопределяет динамичность, непредсказуемость, эмоциональность высказываний персонажей. Пример коммуникативной ситуации, сопровождаемой эмоциональными переживаниями и представлениями и порождающей стохастичность высказывания, можно обнаружить в диалогическом блоке криминальной драмы *Pulp Fiction* (Криминальное чтиво).

Mia: *You hate it too, don't you*? (Ты ведь это тоже ненавидишь?)

Vincent: *Hate what*? (Ненавижу что?)

Mia: *Awkward silence. Why do people always feel the need to say something stupid just to fill the silence*? (Неловкое молчание. Почему нужно всегда сказать что-то глупое, чтобы просто заполнить молчание?)

Vincent: *I don't know. That's a good question.* (Не знаю. Хороший вопрос).

Mia: *You only realize you've found someone really special when you can just shut up for a minute and comfortably share the silence.* (Только тогда осознаешь, что нашел кого-то действительно особенного, когда можно просто заткнуться на минуту и остаться вместе в комфортном молчании).

Итак, пауза в общении персонажей прерывается вопросом героини *You hate it too, don't you?* Разделительный вопрос становится речевым сегментом, который определяется как стохастический, случайный и непредсказуемый, что подтверждается встречным недоуменным вопросом *Hate what*? По определению Е.Н. Воробьевой, «недоуменным вопросом» помимо реализации его первичной (интеррогативной) функции выражается «эмоционально оценочная реакция недоумения» [6, с. 17], то есть озадаченность, сомнение и не-

доверие участника коммуникации к факту или ситуации действительности. Суженная до семантического минимума – что характерно для разговорной речи – эллиптическая структура *Hate what*? соотносима с предыдущей полносоставной: обе построены синтаксическим параллелизмом и объединены редупликацией глагола *hate*, содержащего однозначный эмотивно-оценочный компонент в своем номинативном значении. Способ языковой презентации зачинного интеррогатива предполагает коннотации причастности, сближения и контакта, то есть им реализуются, скорее, не его непосредственные функции запроса информации, а косвенные.

Появление частно-вопросительной фразы, недоуменного вопроса, вызвано каузирующим невыводимость смысла дейктическим элементом *it*. Семантическая неясность устраняется восполняющим информацию словосочетанием *awkward silence,* задающим наряду с детерминантом, местоимением 3-го лица единственного числа *it*, смысловую взаимосвязанность (когезию) диалогических компонентов. Данный вид когезии классифицируется как референция – «семантический источник и замещающий элемент имеют общий референт действительности» [14, с. 315]. Детерминанту *it* присуща функциональная двойственность, которая наблюдается и в анализируемом тексте: *it* выступает как обобщенно-указательный идентификатор, а также как элемент, представляющий и событийное имя, и опосредованно через механизм замещения фрагмент действительности. Являющаяся объектом интерпретации реальная ситуация общения выражена словосочетанием *awkward silence,* которое может трактоваться как «комплементарная целостность элементов, обусловленная когницией» [12, с. 6], то есть фраза приобретает интегративное осмысление: наряду с дескриптивным персонаж наделяет ее субъективно-оценочным в соответствии со своим восприятием. Номинативная описательная структура способна создавать ассоциативные значения, вытекающие из своих внутренних семантических связей, из эмотивного подтекста. В рассматриваемой номинации эпитетом *awkward,* ощущаемым как «смещенный» (преимущественно употребляемым с другой категорией существительных – одушевленных), в речемыслительном процессе персонажа отображается эмоционально-психическое состояние.

Стохастическим становится также флуктуационный элемент – фразовый глагол *shut up*, резко эмотивный, приводящий к внезапному отклонению от осознаваемого единообразия стилевого фона речи. Обыденный и огрубленный, он вносит контрастирующую приземленность в контекст выразительно-рассудительного высказывания, создавая заметную разностильность. Таким образом – используемым стилистическим приемом, «батосом» – осуществляется хаотичное снижение (сдувание) пафоса речи персонажа, что коннотативно производит комический эффект.

В прагматическом плане стохастический зачин *You hate it too, don't you*? следует рассматривать как фатический элемент, функциональное предназначение которого состоит в преодолении напряженности молчания и поддержании общения. В коммуникативном акте фатическая функция служебна, она «направлена на поддержание коммуникации как диалога двух лиц в противовес неловкости молчания» [9, с. 173]. Предполагается, что адресат этого вопроса будет интерпретировать его прежде всего на фатическом уровне, считывая психологический подтекст – призыв к общению. Тем не менее, разделительный вопрос в диалогической речи, выявляя эмоционально-психическое состояние говорящего и становясь также средством прагматической апелляции к собеседнику, «выступает как имплицитный экспрессивно эмоциональный регулятор коммуникации» [7, с. 2168]. Таким образом, в данной конкретной ситуации стохастический интеррогативный элемент утверждается в качестве смыслоразвивающего образования, когнитивного аттрактора, ядра, притягивающего поочередно составляющие диалогического блока.

Пример стохастичности высказывания обнаруживается в диалоге трагикомедии *Little Miss Sunshine* (Маленькая мисс Счастье), в которой семилетняя Олив отправляется на конкурс *Little Miss Sunshine*.

Olive: *Grandpa, am I pretty?* (Дедушка, я хорошенькая?)

Grandpa: *Olive, you are the most beautiful girl in the whole world.* (Олив, ты самая красивая девочка во всем мире).

Olive: *You're just saying that.* (Ты просто так говоришь).

Grandpa: *No! I'm madly in love with you. And it's not because of your brains or your personality. It's because you're beautiful, inside and out.* (Нет! Я безумно люблю тебя. И не из-за твоего ума или характера. А потому что ты красива, внутри и снаружи).

Olive: *I don't wanna be a loser.* (Я не хочу быть лузером).

Grandpa: *You're not a loser. Where'd you get the idea you're a loser?* (Ты не лузер. Откуда взялась эта мысль, что ты лузер?)

Olive: *Because... Daddy hates losers.* (Потому что… Папа ненавидит лузеров).

Grandpa: *Whoa, whoa, whoa. Back up a minute. You know what a loser is? A real loser is somebody who's so afraid of not winning, they don't even try. Now you're trying, right?* (Эй-эй-эй. Стоп. Минутку. Знаешь, кто такой лузер? Настоящий лузер – это тот, кто так боится не выиграть, что даже и не пытается. Но ты ведь пытаешься, верно?)

Olive*: Yeah*. (Да).

Grandpa: *Well then you're not a loser!* (Ну, тогда ты не лузер!)

В качестве стохастического элемента выделяется внезапная отчетисто-обобщающая фраза *I don't wanna be a loser* – эмоциональный взрыв, обусловленный предстоящими событиями и реальным положением дел. Свойство стохастичности анализируемая реплика приобретает именно в контексте, и подтверждением ее контекстуальной случайности и непредсказуемости становится опять-таки недоуменный вопрос: *Where'd you get the idea you're a loser?* Интеррогатив сочетает в себе как свою непосредственную функцию (запрос информации), так и вторичную – выражение недоумения и озабоченности. Высокая плотность употребления в сжатом текстовом сегменте эмотивно-оценочного элемента *a loser*, становящегося ключевым, свидетельствует о предельном психологическом напряжении говорящих.

Стохастический элемент возникает в диалогическом фрагменте комедии *Friends*, 5 сезон, 9 серия *The One with Ross's Sandwich* (Эпизод с сандвичем Росса). Теряющий самообладание по причине жизненных обстоятельств Росс разгневан из-за того, что кто-то съел его сандвич. Иными словами, произошло то незначительное событие, которое, как последняя соломинка, сломало горб верблюда.

Donald: *What's the matter, man?* (В чем дело, приятель?)

Ross: *Someone at work ate my sandwich!* (Кто-то на работе съел мой сандвич).

Donald: *What did the police say?* (А что полиция?)

Ross: *My sandwich! The one I made with the moist maker!* (Мой сандвич! Тот, который я сделал с увлажнителем!)

Donald: *Ross, it's just a sandwich!* (Росс, это всего-то сандвич!)

Ross: *Just a sandwich? I'm 30 years old, I'm about to be divorced twice, and I just got kicked out of my apartment! That sandwich was the only good thing going on in my life! Someone ate the only good thing going on in my life*! (Всего-то сандвич? Мне тридцать, вот-вот буду дважды разведенным, меня только что выгнали из моей квартиры. Сандвич был единственной хорошей вещью в моей жизни! Кто-то съел единственную хорошую вещь в моей жизни!)

В диалогическом блоке лексема *sandwich* становится стержневой, ее рекуррентным появлением и вхождением в структуры эмотивного синтаксиса – парцелляции (*My sandwich! The one I made with the moist maker!*), стыка (анадиплосиса) и актантной деривации – формируется высокая степень эмоциогенности ситуации. Так, стилистическим приемом анадиплосисом, сдвоенностью фраз выстраивается синтаксический стык аксиологического компонента *Ross, it's just a sandwich!* и вспыльчивой реакции Росса *Just a sandwich?* Наблюдаемое употребление определяется как диафора – примыкающая повторяемая фраза содержит переосмысление первой в ироничном ключе и произносится более экспрессивно. Причина обостренного эмоционального восприятия происходящего проясняется в секвенции элементов восходящей градации: *I'm 30 years old; I'm about to be divorced twice; and I just got kicked out of my apartment!* В нарастающей динамике изложения фактов Росс приходит к умозаключению: *That sandwich was the only good thing going on in my life! Someone ate the only good thing going on in my life*! По мнению Е.М. Вольф, «определенный тип мысли – это логически необходимое условие всякой эмоции, имеющей объект» [5, с. 219], что подтверждается корреляцией фраз *That sandwich was the only good thing going on in my life!* и *Someone ate the only good thing going on in my life*!

Сочетанием структурно гомогенных звеньев (начальные элементы-актанты сопровождаются общим, тождественным, сегментом *the only good thing going on in my life*) интерпретируется происходящее, высвечивая агенса, активного участника ситуации, выраженного неопределенным местоимением *someone.* Посредством механизма выдвижения в сильную позицию начала второй фразы помещается особо значимый смысловой элемент, то есть производится актантная деривация. В результате, на уровне темарематического членения формируется более экспрессивный вариант построения высказывания – «рема предшествует теме» [1, с. 55], где носителем ремы выступает *someone*, к которому и обращено все возмущение персонажа.

Оставленный без ответа вопрос Россу *What did the police say?* настолько стохастичен, что не вмещается в горизонты ситуации, он всецело случаен и непредвиден и представляет собой намеренную аномальность в контексте диалога. Как замечает К.Ю. Гладкова, «в силу асимметрии языкового знака вопросительные по форме предложения и высказывания могут обладать как вопросительной, так и невопросительной семанти-

кой» [8, с. 8]. В данном случае значение вопросительности нейтрализовано и ответ не предполагается. Невопросительный смысл, облеченный в вопросительную форму, имплицитными коннотациями усиливает эмоциональную окраску, передает насмешку, иронию, сарказм.

Свойства непредсказуемости, окказиональности, спонтанности сближают два феномена – стохастичность и эмерджентность. Стохастичным в дискурсивном проявлении, как показывают рассмотренные примеры, является элемент речи (слово, словосочетание, фраза), контекстуально непрогнозируемый, случайный, преимущественно обусловленный эмоционально-психологическим фактором. Эмерджентность в определении Н.В. Мамоновой – это «самопроизвольное возникновение таких свойств, которые присущи некоторому образованию в целом, но не свойственны ни одному из его элементов в отдельности» [11, с. 112]. Эмерджентные свойства системы, по утверждению П.Н. Барышникова, «результируются из свойств и порядка структурных компонентов, но не сводятся к ним» [3, с. 23]. Н.Н. Альбеков рассматривает эмерджентность в качестве результата «совокупной деятельности как внутренних, так и внешних факторов становления системы, способствующих появлению атрибута новизны» [2, с. 340], природа которого эмерджентна и уникальна.

Исследуя модели коммуникативного взаимодействия речевых единиц в текстовых сегментах, Н.В. Панченко отмечает, что отдельный прием, актуализирующий определенные структурно-смысловые элементы композиционной организации, обнаруживает «способность к трансформации смысла предыдущих и последующих элементов текста» [13, с. 47] – то, что может породить эмерджентные проявления. Результаты представленных исследователем наблюдений проливают свет на механизм возникновения эмерджентных явлений в дискурсивном пространстве.

Так, в целостном структурно-функциональном единстве фантастического триллера *The Dark Knight* (Темный рыцарь) приемом-актуализатором явных и имплицитных смыслов становится контраст, специфически высвечивающий сцепления и взаимодействия элементов и создающий их непредвиденную ретроспективную связность.

Joker: *So, I had a wife beautiful like you who tells me: "l worry too much". Who tells me "l ought to smile more". Who gambles and gets in deep. One day "the sharks" carve her face. We have no money for surgeries. She can't take it. I just want to see her smile again. Hmm? I just want her to know that I don't care about the scars. So, I stick a razor in my mouth and do this to myself. She can't stand the sight of me. She leaves. Now I see the funny side. Now I'm always smiling.* (Итак, у меня была жена, красивая как ты, которая говорит мне: «Я слишком много беспокоюсь». Которая мне говорит: «Мне следует больше улыбаться». Которая играет в казино и влезает в долги. Однажды бандиты изуродовали бритвой ее лицо. У нас нет денег на операции. Она не может принять это. Я просто хотел видеть, как она опять улыбается. Гм…? Я просто хотел, чтобы она знала, что меня не волнуют ее шрамы. Итак, засунув бритву в рот, я делаю то же самое с собой. Она не выносит мой вид. Она уходит. Теперь-то я вижу смешную сторону. Теперь-то я всегда улыбаюсь).

Тематико-композиционная целостность анализируемого дискурсивного блока отличается высокой плотностью эмотивных элементов, в частности, разнородных повторов. Объединяя разрозненные, кажущиеся случайными детали, они формируют и упорядочивают семантическое наполнение системы. Одним из системообразующих факторов становится изок**о**лон (равночленность) – фигура речи, составляющие которой – колоны – соотносимы по количеству элементов: *who tells me: "l worry too much"; Who tells me "l ought to smile more"; Who gambles and gets in deep.* Изоколон придает речи динамичность, последовательность и связность, им создается коммуникативно-прагматическое напряжение содержания.

Присоединяемые повторяемым союзным словом, построенные синтаксическим параллелизмом сегменты подразумевают необходимую детализацию, полноту и завершенность текста. Союзное слово *who*, являясь лексически самостоятельной частью речи, одновременно связывает отчленяемые звенья-предложения и выступает в качестве подлежащего в каждом из них, совмещая таким образом служебное и знаменательное назначение. Троекратное употребление связующего элемента *who* – многосоюзие, то есть намеренное увеличение его количества, подчеркивающее единство перечисляемого и служащее эмфатическим средством. Функционально-комплементарное взаимодействие изоколона, многосоюзия (полисиндетона) и парцелляции – средств экспрессивного синтаксиса – выстраивает речевой блок в соответствие с его коммуникативным заданием.

Контекстуально рассогласованный финальный компонент *Now I see the funny side. Now I'm always smiling* эмерджентен, при этом актуализируемые им антитетические элементы обладают объяснительной силой. Так, противительными оказываются отношения местоименных форм *I, me* и *she, her*, а также речевые компоненты *I just want to see her smile again*; *I just want her to know that I don't care about the scars* vs *She can't stand the sight of me. She leaves.* Контрастность представлена и в самом финальном компоненте, транслиру-

ющем семантику переосмысления ситуации. Выдвижение анафорического элемента *now* и его напористый повтор способствуют выделению мысли и ее итоговости в структуре речевого сегмента. Таким образом синергетический подход в исследовании саморегулируемой открытой нелинейной дискурсивной системы позволяет идентифицировать и истолковать асимметричные и неравновесные процессы, «чередующиеся взаимопереходы» [4, с. 59] из упорядоченного состояния в хаотичное и наоборот, порождая новые, иные смыслы.

Выводы

Структурно-смысловая наполняемость стохастического звена может быть разной степени сложности, но оно неизменно является значимой эмотивно-семантической составляющей дискурсивного комплекса, требующей идентификации и адекватной представленности в языке перевода. Признаки окказиональности, ощутимой несообразности, контекстуальной несогласованности, объясняемые эмоционально-психологическим состоянием говорящего, выдвигают речевую единицу как объект, притягивающий зрительское внимание и призывающий к истолкованию. За счет свойств вербальной аномальности и конструкционной несоразмерности стохастический элемент становится композиционно выделенным транслятором смыслов и оценочных значений. В частности, аксиологический элемент, оценка коммуникативной ситуации или положения дел присутствуют во всех рассмотренных случаях. Особого внимания заслуживает корреляция стохастической фразы и встречного «недоуменного вопроса», которым подтверждается факт спонтанности и непредсказуемости – безусловных характеристик естественной разговорной речи. Стохастические фрагменты могут быть отнесены к центрам ситуативно значимой информации, непосредственно участвующим в формировании смысловой структуры и ее функционально-прагматической актуализации.

Список источников

1. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса: на материале английского языка. М.: Либроком. 2009. 211 с.

2. Альбеков Н.Н. Синергетический процесс как условие возникновения свойства эмерджентности // Доклады Башкирского университета. 2022. Т. 7. № 5. С. 337 – 344.

3. Барышников П.Н. Эмерджентные свойства языковых процессов сознания // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 2 (34). С. 21 – 31.

4. Бейсембаев А.Р., Маняпова Т.К. Синергетический анализ эмерджентных свойств текста // Вестник КУ имени Ш. Уалиханова. Серия филологическая. 2024. № 1. С. 54 – 66.

1. 5. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Либроком. 2019. 278 с.

6. Воробьева. Е.Н. О коммуникативном статусе недоуменного вопроса // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 3 (35). С. 16 – 25.

7. Воробьева. Е.Н. Экспрессивный синтаксис английского языка: систематический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 7. С. 2167 – 2173.

8. Гладкова К.Ю. Трактовки понятия «интеррогативность» в лингвистике// Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12. № 2. С. 5 – 17.

9. Загидуллина М.В. О границах фатического в коммуникации (медиаэстетический аспект) // Челябинский государственный. университет. Медиасреда. 2020. № 2. С. 171 – 185.

10. Кошкарова Н.Н., Истомина Е.М. Языковые средства выражения эмоций (к вопросу о генерализованной модели эмотивности языка) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. № 3 (227). С. 7 – 14.

11. Мамонова Н.В. Реализация принципа эмерджентности в британском сказочном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 3 (21). Ч. 1. С. 111 – 113.

12. Миронова Д.М. Интегративность языковой системы в аспекте вторичного познания мира // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22. №. 1. С. 4 – 11.

2. 13. Панченко Н.В. От единиц текста к единицам композиции. Целостность текста: текстовая реальность или утопия? // Филология и человек. 2007. № 1 Издательство Алтайского государственного университета, 2009. № 3. С. 45 – 56.

3. 14. Сергеева Ю.М. К вопросу о способах выражения текстовой проспекции // Преподаватель XXI век. 2013. № 1. С. 314 – 321.

15. Шелестюк Е.В., Щетинкина Е.А. Стохастичность текста: сущность, способы исследования, феноменология // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 4 (450). Филологические науки. Вып. 124. С. 173 – 184.

References

1. Aleksandrova O.V. Problems of Expressive Syntax: Based on the English Language. Moscow: Librokom. 2009. 211 p.

2. Albekov N.N. Synergetic Process as a Condition for the Emergence of the Property of Emergence." Reports of Bashkir University. 2022. Vol. 7. No. 5. P. 337 – 344.

3. Baryshnikov P.N. Emergent Properties of Linguistic Processes of Consciousness." Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. 2016. No. 2 (34). P. 21 – 31.

4. Beisembaev A.R., Manyapova, T.K. "Synergetic Analysis of Emergent Properties of a Text." Bulletin of Sh. Ualikhanov University. Philological Series. 2024. No. 1. P. 54 – 66.

1. 5. Wolf E.M. Functional Semantics of Evaluation. Moscow: Librokom. 2019. 278 p.

6. Vorobyova. E.N. On the Communicative Status of a Perplexed Question. Bulletin of Tomsk State University. Philology. 2015. No. 3 (35). P. 16 – 25.

7. Vorobyova. E.N. Expressive Syntax of the English Language: A Systematic Review. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2022. Vol. 15. Issue 7. Pp. 2167–2173.

8. Gladkova K.Yu. Interpretations of the Concept of "Interrogativity" in Linguistics. Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology. 2020. Vol. 12. No. 2. P. 5 – 17.

9. Zagidullina M.V. On the Boundaries of the Phatic in Communication (Media Aesthetic Aspect). Chelyabinsk State University. Media Environment. 2020. No. 2. P. 171 – 185.

10. Koshkarova N.N., Istomina E.M. Linguistic Means of Expressing Emotions (Towards a Generalized Model of Language Emotivity). Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2023. No. 3 (227). P. 7 – 14.

11. Mamonova N.V. Implementation of the Principle of Emergence in British Fairy-Tale Discourse. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2013. No. 3 (21). Part 1. P. 111 – 113.

12. Mironova D.M. Integrity of the Language System in the Aspect of Secondary Cognition of the World. Bulletin of the Saratov University. Nov. ser. Series: Philology. Journalism. 2022. Vol. 22. No. 1. P. 4 – 11.

2. 13. Panchenko N.V. From Text Units to Composition Units. Text Integrity: Textual Reality or Utopia? Philology and Man. 2007. No. 1. Altai State University Publishing House, 2009. No. 3. P. 45 – 56.

3. 14. Sergeeva Yu.M. On the Question of Ways of Expressing Textual Prospection. Teacher of the 21st Century. 2013. No. 1. P. 314 – 321.

15. Shelestyuk E.V., Shchetinkina E.A. Text stochasticity: essence, research methods, phenomenology. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 4 (450). Philological sciences. Issue 124. P. 173 – 184.

Информация об авторе

Бутенко Е.В., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, elena.butenko.54@mail.ru

© Бутенко Е.В., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
УДК 811.111-26
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-272-278

Полисемантичность синонимических связей лексемы *corruption* в английском языке

[1] Магомедов Б.М.,
[1] Дагестанский государственный университет

Аннотация: в статье рассматривается полисемантичность синонимических связей лексемы corruption в современном английском языке. Исследование направлено на выявление особенностей семантической структуры данной лексической единицы и её места в системе лексико-семантических отношений английского языка. На материале англоязычных лексикографических источников и медиатекстов проводится анализ основных значений лексемы corruption и репрезентирующих их синонимических единиц.

Установлено, что семантическое развитие corruption обусловило формирование нескольких взаимосвязанных смысловых зон, включающих значения распада и деградации (*decay*, *decomposition*), моральной испорченности (*depravity*, *venality*), а также институционально-правовых форм злоупотребления властью (*bribery*, *fraud*, *embezzlement*, *cronyism*).

Анализ показал, что современное функционирование лексемы характеризуется смещением семантического центра в сторону политико-правовой интерпретации коррупции, при сохранении исторически обусловленных компонентов значения. Полученные результаты позволяют уточнить структуру лексико-семантического поля *CORRUPTION* и выявить механизмы его репрезентации в современном англоязычном дискурсе.

Ключевые слова: коррупция, полисемия, синонимические связи, лексико-семантическое поле, семантика, английский язык, медиадискурс, политический дискурс, когнитивная лингвистика

Для цитирования: Магомедов Б.М. Полисемантичность синонимических связей лексемы *corruption* в английском языке // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 272 – 278. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-272-278

Поступила в редакцию: 24 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 21 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

Polysemy of the synonymic relations of the lexeme *corruption* in the English language

[1] Magomedov B.M.,
[1] Dagestan State University

Abstract: the article examines the polysemy of the synonymic relations of the lexeme corruption in contemporary English. The study aims to identify the semantic structure of this lexical unit and its place within the system of lexical-semantic relations of the English language. Based on English lexicographic sources and media texts, the research analyzes the principal meanings of the lexeme corruption and the synonymous units representing them.

The findings demonstrate that the semantic development of corruption has resulted in several interconnected semantic domains, including meanings of decay and decomposition (*decay*, *decomposition*), moral depravity (*depravity*, *venality*), and institutional forms of abuse of power (*bribery*, *fraud*, *embezzlement*, *cronyism*).

The analysis reveals that the modern usage of the lexeme is characterized by a shift of its semantic core toward the political and legal interpretation of corruption, while preserving historically motivated semantic components. The results contribute to a more precise understanding of the structure of the lexical-semantic field *CORRUPTION* and the mechanisms of its representation in contemporary English discourse.

Keywords: corruption, polysemy, synonymic relations, lexical-semantic field, semantics, English language, media discourse, political discourse, corruption studies, cognitive linguistics

For citation: Magomedov B.M. The polysemy of the synonymic relations of the lexeme *corruption* in the english language. Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 272 – 278. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-272-278

The article was submitted: July 24, 2026; Approved after reviewing: August 21, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом современной лингвистики к изучению семантической организации лексики и механизмов формирования лексико-семантических связей. Особую значимость приобретает исследование полисемантических единиц, отражающих сложные процессы концептуализации социально значимых явлений. Лексема *corruption* представляет собой многозначную языковую единицу, семантическая структура которой объединяет морально-этические, правовые и политические компоненты значения. Несмотря на широкое использование данной лексемы в современном английском языке, её синонимические связи и особенности их семантической дифференциации остаются недостаточно изученными. Анализ полисемантичности синонимических отношений лексемы corruption позволяет уточнить структуру лексико-семантического поля *CORRUPTION* и выявить закономерности развития значений в современном английском языке. В современной лингвистике полисемия рассматривается как один из основных механизмов организации лексической системы языка, отражающий взаимосвязь языковых и когнитивных структур. Исследование многозначных лексических единиц позволяет выявить особенности организации знаний в языковом сознании и механизмы формирования лексико-семантических связей [6; 7].

Объектом исследования является лексема *corruption* в современном английском языке.

Предмет исследования являются полисемантические особенности и синонимические связи лексемы *corruption* в современном английском языке.

Цель исследования заключается в комплексном анализе полисемантической структуры лексемы *corruption* и выявлении особенностей её синонимических связей в современном английском языке.

Для достижения поставленной цели решаются следующие *задачи:*

- проанализировать словарные дефиниции лексемы *corruption* в современных англоязычных лексикографических источниках;
- выявить основные семантические компоненты значения лексемы *corruption*;
- проследить особенности семантического развития исследуемой лексемы;
- определить круг синонимических единиц, связанных с лексемой *corruption*;
- охарактеризовать структуру синонимических связей и разграничить ядерные и периферийные элементы лексико-семантического поля *CORRUPTION*;
- исследовать особенности функционирования лексемы *corruption* и её синонимов в современном англоязычном медиадискурсе.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили данные англоязычных толковых, этимологических и тезаурусных словарей (Cambridge Dictionary, Merriam-Webster Dictionary, Oxford English Dictionary, Black's Law Dictionary, Business Dictionary и Online Etymology Dictionary), а также примеры употребления лексемы *corruption* и её синонимов в современных англоязычных медиатекстах.

В исследовании использовались методы компонентного, контекстуального и сопоставительного анализа, а также элементы этимологического анализа, позволившие выявить особенности семантической структуры лексемы *corruption* и её синонимических связей в английском языке.

Результаты и обсуждения

Лексема corruption зафиксирована в ряде англоязычных лексикографических источников, отражающих различные аспекты её значения. В Cambridge Dictionary *corruption* определяется как *illegal, bad, or dishonest behaviour, especially by people in positions of power* [14]. Данная дефиниция акцентирует противоправный характер поведения и его связь с субъектами, обладающими властью.

В Merriam-Webster Dictionary представлены как современное социально-правовое значение, так и более ранние значения, связанные с идеей распада и отклонения от нормы: *dishonest or illegal behavior especially by powerful people*; *inducement to wrong by improper or unlawful means; decay, decomposition* [15].

В Oxford English Dictionary лексема corruption определяется как *dishonest or fraudulent conduct by those in*

power, typically involving bribery [16]. В основе данного определения лежит представление о коррупции как о злоупотреблении властью, наиболее распространённой формой которого является взяточничество.

В Business Dictionary содержание этого понятия раскрывается несколько шире. Коррупция определяется как неправомерное или неэтичное поведение лица либо организации, обладающих властью: «*Wrongdoing on the part of an authority or powerful party through means that are illegitimate, immoral, or incompatible with ethical standards*» [17]. Если в предыдущем определении внимание сосредоточено главным образом на злоупотреблении полномочиями, то здесь подчёркивается также несоответствие этическим нормам.

Наиболее развёрнутое толкование представлено в Black's Law Dictionary, где коррупция рассматривается как противоправное использование должностного положения для получения выгоды: «*Illegality; a vicious and fraudulent intention to evade the prohibitions of the law. The act of an official or fiduciary who unlawfully and wrongfully uses his station or character to procure some benefit for himself or for another person, contrary to duty and the rights of others*» [13]. В отличие от предыдущих словарей, акцент сделан на правовой стороне явления и ответственности должностного лица.

Сопоставление словарных дефиниций показывает, что значение лексемы corruption включает как абстрактные, так и конкретные смысловые компоненты. Коррупция понимается не только как моральное отклонение от нормы, но и как нарушение правовых и административных принципов. Такая семантическая структура сложилась в результате исторического развития слова и постепенного расширения сфер его употребления. В современной лексической семантике полисемия рассматривается как система взаимосвязанных значений, объединённых общим семантическим инвариантом и развивающихся в процессе функционирования языковой единицы [8].

Этимологически *corruption* восходит к латинскому corruptio – «разрушение», «порча», «разложение». Первоначально это слово обозначало физическое разрушение или утрату первоначального состояния объекта, однако со временем его значение распространилось на моральную и социальную сферы. В современном английском языке оно прежде всего связано с представлением о злоупотреблении публичной властью [18].

Материал словарей показывает, что в зависимости от контекста corruption может обозначать:

- моральную испорченность;
- политическое злоупотребление;
- финансовое мошенничество;
- административное нарушение;
- институциональную деградацию.

Именно эта семантическая многозначность обеспечивает активное функционирование лексемы corruption в современном медиадискурсе и политической публицистике.

Важным элементом современного значения остаётся субъектный компонент. Коррупция предполагает наличие лица или группы лиц, обладающих определёнными полномочиями и использующих их в личных интересах. По этой причине в англоязычных словарных дефинициях регулярно встречаются компоненты *people in power, official, public office* и *authority*.

Этим объясняется и специфика употребления лексемы corruption в современном медиадискурсе. Даже в информационных сообщениях она редко используется нейтрально, сохраняя отрицательную оценочность и ассоциируясь с нарушением законности, справедливости и институциональной прозрачности. Это обусловливает высокую степень аксиологической маркированности рассматриваемой лексемы в политической коммуникации.

Таким образом, лексема *corruption* представляет собой сложную полисемантическую единицу, объединяющую морально-этические, правовые и политические компоненты значения. Современное функционирование данной лексемы демонстрирует смещение семантического центра в сторону институционально-правового понимания коррупции как злоупотребления публичной властью в целях извлечения личной выгоды.

Выявленная полисемантичность лексемы *corruption* находит отражение в системе её синонимических связей, репрезентирующих различные этапы семантического развития. Синонимические отношения являются одним из важнейших механизмов организации лексико-семантического поля и позволяют установить как общие, так и дифференциальные компоненты значения языковых единиц [2; 3; 5]. Анализ англоязычных словарей и медиатекстов позволяет выделить несколько основных смысловых групп, связанных с идеями деградации, моральной испорченности и институционального злоупотребления.

Наиболее ранний уровень осмысления corruption связан с представлением о распаде и утрате

целостности. В данном значении единица соотносится с лексемами *decomposition* и *decay*.

*Years of **corruption** and political paralysis have led to the **decomposition** of public trust in government institutions* (Reuters, 21.07.2022)

В этом контексте *decomposition* обозначает разрушение институциональной системы и утрату общественного доверия, вызванные коррупцией. При этом коррупция представлена не как отдельное правонарушение, а как фактор, подрывающий устойчивость государственных институтов.

Сходное значение передаёт и лексема *decay*:

*Observers say that systemic **corruption** has accelerated the **decay** of democratic institutions in the country* (Reuters, 15.05.2021)

В данном случае внимание смещается на постепенный упадок демократических институтов и ослабление политической системы. Использование лексем *decomposition* и *decay* показывает, что в семантике corruption сохраняется исходное представление о разрушении, распаде и утрате целостности.

Наряду с этим в англоязычном дискурсе актуализируется морально-этический аспект значения corruption. Он реализуется через лексемы *depravity* и *venality*, обозначающие нравственную испорченность и продажность.

*The trial laid bare the **depravity** and greed that had come to define the **corrupt** inner circle* (The Guardian, 15.02.2019)

В данном контексте *depravity* акцентирует моральную деградацию представителей власти и функционирует как оценочный синоним corruption. В центре внимания находится не столько противоправность действий, сколько нравственная характеристика субъектов коррупции.

Лексема *venality* подчёркивает корыстную мотивацию коррупционного поведения:

*Critics say the scandal exposed the **venality** at the heart of the administration, where political influence was traded for personal gain* (Reuters, 24.02.2021)

В приведённом примере коррупция рассматривается как форма политической продажности и использования власти в целях личной выгоды. Единица *venality* акцентирует прагматическую основу коррупционного поведения и связывает моральную деградацию с институциональным злоупотреблением.

Таким образом, лексемы *decomposition*, *decay*, *depravity* и *venality* отражают ранние и промежуточные этапы семантического развития *corruption*. Подобная семантическая неоднородность подтверждает положение о том, что развитие полисемии сопровождается формированием различных синонимических рядов, отражающих отдельные аспекты концептуального содержания лексемы [6]. Они формируют периферийную часть лексико-семантического поля, связанную с идеями разрушения, нравственной деградации и отклонения от социальных норм.

Ядро лексико-семантического поля *corruption* формируют институционально-правовые единицы, обозначающие конкретные формы злоупотребления властью и незаконного извлечения выгоды. В англоязычном медиадискурсе наиболее частотными являются лексемы *bribery*, *fraud*, *embezzlement* и *cronyism*, репрезентирующие различные аспекты политической и экономической коррупции.

Одной из наиболее типичных форм политической коррупции является *bribery*, обозначающая подкуп должностных лиц с целью получения неправомерных преимуществ.

*Prosecutors said the case involved **corruption** and **bribery** of public officials in exchange for favourable regulatory decisions* (Reuters, 18.06.2021)

В данном контексте bribery рассматривается как механизм воздействия на процесс принятия политических и административных решений. Использование данной единицы акцентирует нарушение принципов законности и публичной ответственности власти.

Экономический аспект коррупции реализуется через лексемы *embezzlement* и *fraud*. Лексема *embezzlement* обозначает незаконное присвоение денежных средств или имущества лицом, которому они были вверены в силу служебного положения.

*Prosecutors said the former minister had engaged in **embezzlement** of public funds as part of a wider **corruption** scheme* (Reuters, 17.03.2021)

В данном контексте *embezzlement* выступает как одна из форм проявления коррупции, связанная с незаконным использованием государственных финансовых ресурсов. Это указывает на тесную связь коррупционных практик с нарушением механизмов бюджетного и административного контроля.

Лексема *fraud* используется для обозначения коррупции как формы преднамеренного обмана, направленного на получение материальной выгоды:

*The case involved **corruption** and **fraud** on a massive scale, including the manipulation of public contracts* (Reuters, 22.09.2021)

В данном примере *fraud* соотносится с системой мошеннических действий, сопровождающих коррупционные схемы. Такое сочетание подчёркивает, что экономическая коррупция связана не только со злоупотреблением полномочиями, но и с нарушением принципов прозрачности и законности.

Лексема *cronyism* обозначает одну из форм политической коррупции, при которой преимущества получают приближённые к власти лица независимо от их профессиональных качеств или законных оснований.

The findings pointed to ***cronyism*** *and* ***corruption*** *at the highest levels of government* (Reuters, 16.07.2020)

В этом примере *cronyism* употребляется рядом с *corruption*, что усиливает представление о коррупции как о системе личных связей и политического покровительства. Тем самым внимание переносится с отдельных противоправных действий на устойчивую практику использования власти в интересах узкого круга лиц.

Таким образом, институционально-правовое ядро лексико-семантического поля *corruption* составляют лексемы, обозначающие различные формы злоупотребления публичной властью, финансовыми ресурсами и административными полномочиями. В англоязычном медиадискурсе они не только называют конкретные коррупционные практики, но и служат средством негативной оценки политических процессов и деятельности государственных институтов.

Анализ англоязычных медиатекстов показывает, что лексема *corruption* обладает высокой частотностью и выраженной оценочной функцией в современном политическом дискурсе. В большинстве контекстов данная единица используется не только для обозначения противоправной деятельности, но и как средство негативной характеристики политических институтов и представителей власти.

В англоязычном медиадискурсе наиболее частотными являются сочетания *systemic corruption*, *political corruption*, *widespread corruption*, *corruption scandal* и *anti-corruption reforms*. Подобные конструкции акцентируют масштаб и устойчивость коррупционных процессов в системе государственного управления.

The government pledged to tackle ***systemic corruption*** *and restore public trust* (Reuters, 11.04.2022)

The ***corruption scandal*** *severely damaged the administration's credibility* (BBC News, 18.09.2021)

В приведённых примерах коррупция интерпретируется как фактор политической нестабильности и снижения общественного доверия к государственным институтам. Использование лексемы corruption усиливает отрицательную оценочность медиасообщения и формирует негативный образ власти.

Высокой частотностью характеризуются и глагольные конструкции *combat corruption*, *fight corruption*, *tackle corruption*, *investigate corruption* и *anti-corruption campaign*. Их употребление формирует представление о коррупции как о системной угрозе, требующей государственного и международного противодействия.

The authorities launched a nationwide ***anti-corruption*** *campaign targeting senior officials* (The Guardian, 22.03.2022)

International organizations urged the government ***to combat corruption*** *and strengthen judicial independence* (Reuters, 14.06.2021)

В подобных контекстах коррупция рассматривается как глобальная политико-правовая проблема, затрагивающая функционирование демократических институтов и механизмов государственного контроля.

С позиции критического дискурс-анализа использование лексемы *corruption* связано с механизмами идеологической интерпретации политической реальности [11; 12]. В медиатекстах коррупция концептуализируется как угроза общественной стабильности, принципам законности и институциональной прозрачности. При этом наиболее продуктивными оказываются метафорические модели разрушения, кризиса и деградации.

Systemic corruption is eroding democratic institutions across the region (Reuters, 03.08.2021)

В данном примере коррупция метафорически интерпретируется как разрушительная сила, подрывающая основы политической системы. Подобные контексты демонстрируют, что в современном медиадискурсе *corruption* функционирует не только как юридический термин, но и как средство политической оценки и делегитимации власти.

Таким образом, в современном англоязычном медиадискурсе лексема *corruption* выполняет не только номинативную, но и оценочно-идеологическую функцию, участвуя в формировании общественно-политической картины мира.

Выводы

Проведённый анализ показал, что лексема corruption обладает сложной и многоуровневой семантической структурой, сформировавшейся в результате исторического развития значения. Сопоставление англоязычных лексикографических источников позволило установить, что современное понимание *corruption* объединяет семы *злоупотребления* властью, нарушения правовых и этических норм, извлечения личной выгоды и моральной деградации.

Исследование синонимических связей демонстрирует, что лексико-семантическое поле *corruption* включает несколько взаимосвязанных уровней. Периферийную зону образуют единицы, связанные с идеями распада и деградации (*decay, decomposition*), а также моральной испорченности (*depravity, venality*). В ядро лексико-семантического поля corruption входят институционально-правовые единицы (*bribery, fraud, embezzlement, cronyism*), называющие различные формы злоупотребления публичной властью. Анализ англоязычного медиадискурса показывает, что corruption относится к числу наиболее частотных и оценочно маркированных лексем. В публикациях СМИ она регулярно используется при описании угроз государственным институтам, общественной стабильности и демократическим принципам, а её семантика нередко раскрывается через образы разрушения, кризиса и институционального упадка. Благодаря этому *corruption* воспринимается не только как название противоправной деятельности, но и как языковое средство политической оценки. Такое употребление отражает тесную связь лексико-семантического поля corruption с политической коммуникацией и тем, как в медиапространстве формируется представление о власти.

Список источников

1. Барабаш О.В., Баранов А.Н., Васильева М.В. Проблема дефиниции коррупции в российском законодательстве и повседневной коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 89 – 98.
2. Вердиева Т.С. Семантическое поле как единица изучения лексики. Баку: ЭЛМ, 1986. 160 с.
3. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: URSS, 2020. 352 с.
4. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
5. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 367 с.
6. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. 5-е изд. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2023. 244 с.
7. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. 6-е изд. М.: Юрайт, 2024. 395 с.
8. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. 5-е изд. М.: АСТ, 2023. 352 с.
9. Кошкарова Н.Н. Речевое воплощение концепта «коррупция» в английском языке: дискурсивный подход // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8 (86). С. 56 – 60.
10. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта, 2012. 136 с.
11. Fairclough N. Language and Power. 3rd ed. London: Routledge, 2015. 274 p.
12. Van Dijk T.A. Discourse and Power. London: Palgrave Macmillan, 2008. 320 p.
13. Black’s Law Dictionary. URL: https://thelawdictionary.org/ (дата обращения: 18.02.2026)
14. Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/ (дата обращения: 18.02.2026)
15. Merriam-Webster Dictionary. URL: https://www.merriam-webster.com/ (дата обращения: 18.02.2026)
16. Oxford English Dictionary. URL: https://www.oed.com/ (дата обращения: 18.02.2026)
17. Business Dictionary. URL: https://www.businessdictionary.com/ (дата обращения: 18.02.2026)
18. Online Etymology Dictionary. URL: https://www.etymonline.com/ (дата обращения: 14.01.2026)

References

1. Barabash O.V., Baranov A.N., Vasilyeva M.V. The Problem of Defining Corruption in Russian Legislation and Everyday Communication. Issues of Cognitive Linguistics. 2018. No. 2. P. 89 – 98.
2. Verdieva T.S. Semantic Field as a Unit of Lexicon Study. Baku: ELM, 1986. 160 p.
3. Kobozeva I.M. Linguistic Semantics. Moscow: URSS, 2020. 352 p.
4. Kubryakova E.S. Language and Knowledge: On the Way to Gaining Knowledge about Language. Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in Understanding the World. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 560 p.
5. Apresyan Yu.D. Lexical Semantics: Synonymous Means of Language. Moscow: Nauka, 1974. 367 p.

6. Boldyrev N.N. Cognitive Semantics: A Lecture Course on English Philology. 5th ed. Tambov: Derzhavin Tomsk State University Publishing House, 2023. 244 p.
7. Maslova V.A. Cognitive Linguistics. 6th ed. Moscow: Yurait, 2024. 395 p.
8. Popova Z.D., Sternin I.A. Cognitive Linguistics. 5th ed. Moscow: AST, 2023. 352 p.
9. Koshkarova N.N. Speech Embodiment of the Concept "Corruption" in English: A Discursive Approach. Philological Sciences. Theory and Practice Issues. 2018. No. 8 (86). P. 56 – 60.
10. Chernyavskaya V.E. Discourse of Power and the Power of Discourse: Problems of Speech Impact. Moscow: Flinta, 2012. 136 p.
11. Fairclough N. Language and Power. 3rd ed. London: Routledge, 2015. 274 p.
12. Van Dijk T.A. Discourse and Power. London: Palgrave Macmillan, 2008. 320 p.
13. Black's Law Dictionary. URL: https://thelawdictionary.org/ (date of access: 18.02.2026)
14. Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/ (date of access: 18.02.2026)
15. Merriam-Webster Dictionary. URL: https://www.merriam-webster.com/ (date of access: 18.02.2026)
16. Oxford English Dictionary. URL: https://www.oed.com/ (date of access: 18.02.2026)
17. Business Dictionary. URL: https://www.businessdictionary.com/ (date of access: 18.02.2026)
18. Online Etymology Dictionary. URL: https://www.etymonline.com/ (date of access: 14.01.2026)

Информация об авторе

Магомедов Б.М., Дагестанский государственный университет, magomedovbadavi@yandex.ru

© Магомедов Б.М., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81'42
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-279-284

Нативная реклама как инструмент цифровых коммуникаций бренда

[1] Гайломазова Е.С., [1] Бударина Д.А.,
[1] Донской государственный технический университет

Аннотация: в статье рассматривается проблема развития нативной рекламы как одного из подвидов коммуникационной деятельности. В последние годы в исследованиях цифрового маркетинга всё чаще фиксируется феномен, известный как «баннерная слепота». Под этим термином понимается устойчивое игнорирование пользователями интернет-баннеров и иных форм онлайн-рекламы. Как правило, такое поведение обусловлено восприятием рекламных материалов как навязчивых, нерелевантных или малоинформативных элементов, отвлекающих от основного контента веб-страниц. В ответ на данную тенденцию бренды активно осваивают альтернативные стратегии коммуникации с аудиторией, в частности – нативную рекламу. Цель исследования – изучить роль нативной рекламы в современных digital-коммуникациях, её механизмы воздействия на аудиторию, а также оценить эффективность как инструмента для достижения маркетинговых целей бренда. Материалом исследования являются примеры нативной рекламы в русскоязычных интернет-изданиях, СМИ, на тематических порталах и в социальных сетях. Методы исследования: контент-анализ – изучение структуры, стилистических особенностей и тематических предпочтений нативной рекламы; статистический анализ данных – обработка количественных показателей (охваты, клики, конверсии, изменения в узнаваемости бренда и лояльности). Краткие результаты исследования могут включать следующие выводы: нативная реклама эффективно преодолевает «баннерную слепоту», так как воспринимается пользователями как часть полезного контента, а не как навязчивая реклама; она способствует повышению узнаваемости бренда на 82% больше, чем баннерная реклама, благодаря тому, что 70% пользователей предпочитают узнавать о продукте через контент, а не через прямую рекламу; формат позволяет вовлекать пользователей в процесс покупки, работая с верхней частью воронки продаж – на этапе формирования потребности или осознания проблемы.

Ключевые слова: нативная реклама, СМИ, электронная коммерция, бренд, коммуникация, маркетинг

Для цитирования: Гайломазова Е.С., Бударина Д.А. Нативная реклама как инструмент цифровых коммуникаций бренда // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 279 – 284. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-279-284

Поступила в редакцию: 25 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 22 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

Native advertising as a tool for digital brand communications

[1] Gailomazova E.S., [1] Budarina D.A.,
[1] Don State Technical University

Abstract: this article examines the development of native advertising as a subset of communications activities. In recent years, digital marketing research has increasingly documented the phenomenon known as "banner blindness." This term refers to users' persistent ignorance of internet banners and other forms of online advertising. This behavior is typically driven by the perception of advertising materials as intrusive, irrelevant, or uninformative elements that distract from the main content of web pages. In response to this trend, brands are actively developing alternative audience communication strategies, in particular, native advertising. The purpose of this study is to examine the role of native advertising in modern digital communications, its mechanisms of influence on audiences, and to evaluate its effectiveness as a tool for achieving brand

marketing goals. The study examines examples of native advertising in Russian-language online publications, media outlets, thematic portals, and social media. Research methods: content analysis – studying the structure, stylistic features, and thematic preferences of native advertising; statistical data analysis – processing quantitative metrics (reach, clicks, conversions, changes in brand awareness and loyalty). Brief research results may include the following conclusions: native advertising effectively overcomes "banner blindness" because it is perceived by users as part of useful content, rather than intrusive advertising; it contributes to an 82% higher increase in brand awareness than banner advertising, due to the fact that 70% of users prefer to learn about a product through content rather than through direct advertising; the format allows for user engagement in the purchasing process, working at the top of the sales funnel – at the stage of need formation or problem recognition.

Keywords: native advertising, media, e-commerce, brand, communication, marketing

For citation: Gailomazova E.S., Budarina D.A. Native advertising as a tool for digital brand communications. Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 279 – 284. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-279-284

The article was submitted: July 25, 2026; Approved after reviewing: August 22, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

Развитие интернета и электронной коммерции делает рынок ещё более динамичным, расширяя арсенал инструментов коммуникации с аудиторией: от классических методов интернет-маркетинга до сравнительно новых решений в виде нативной рекламы.

Сегодня потребители в первую очередь обращаются к поисковым системам, чтобы выбрать товар или услугу либо изучить подробности о конкретном продукте бренда. В условиях жёсткой рыночной конкуренции брендам критически важно эффективно представлять свой продукт или услугу в онлайн-среде- не только в выдаче по запросам, но и там, где активно находится их аудитория: в социальных сетях, на форумах, профильных сайтах. Для этого применяются различные инструменты – контекстная, таргетированная и нативная реклама. При настройке рекламы по интересам аудитории или по контексту поиска и страницы нередко возникает проблема: пользователи просто игнорируют объявления, что снижает эффективность кампании. Нативная реклама предлагает более действенный подход [9]. Она адаптируется под контент, публикуемый на сайте, в блоге или на канале, и органично вписывается в него. Поскольку аудитория уже вовлечена в потребляемый контент, она воспринимает нативную рекламу не как навязчивое объявление, а скорее, как полезный совет или рекомендацию. Это не только увеличивает вероятность клика, но и способствует росту лояльности целевой аудитории. Взаимодействие происходит в комфортной для пользователей среде, с использованием наиболее подходящих коммуникационных форматов.

Нативная реклама (от англ. native advertisement – «естественная», «родная реклама) - это реклама, которая «выглядит естественно в окружении нерекламного контента» и «соответствует формату, функциям и тематике платформы, на которой размещается» [4]. Лингвистический анализ текстов нативной рекламы практически не представлен в научной литературе, при этом до сих пор не выработано общепринятого определения нативной рекламы ни в рамках маркетинга, ни в рамках лингвистики.

В настоящее время мы наблюдаем тенденцию того, что общество устало от агрессивной, навязчивой рекламы; всплывающие на сайтах баннеры создают информационный шум, а навязчивые лозунги вызывают отторжение, а не желание купить что-то. Сейчас принято отходить от прямых манипуляционных методов продвижения и делать рекламу более «естественной». Ряд исследователей квалифицирует данный тип рекламы как актуальный коммуникационный тренд современности [6]. А.И. Османова отмечает: *«Нативная реклама – это плод эволюционного развития традиционных рекламных форматов, продиктованный изменениями в современном информационном пространстве – роста роли онлайн-СМИ в структуре медиапотребления и необходимости находить новые способы для контакта рекламодателя с потребителем»* [4].

В отличие от традиционной рекламы, нативная предполагает ряд обязательных характеристик: во-первых, контент должен быть адаптирован под специфику конкретной площадки, что обеспечивает его восприятие как оригинального материала; во-вторых, он обязан обладать высокой информационной ценностью и не содержать прямых побуждений к приобретению товара; в-третьих, содержание должно коррелировать с интересами целевой аудитории и предоставлять ей релевантную и практически полезную информацию.

Материалы и методы исследований

При детальном рассмотрении нативной рекламы можно выделить три ключевых направления, реализующих принцип её «естественности»:

1. Спонсорский контент – представляет собой медиаматериал, маркированный соответствующей пометкой и размещаемый на различных площадках – в медиаресурсах, блогах, социальных сетях, а также на страницах публичных персон и лидеров мнений. Привлечение внимания обеспечивается за счёт визуально выразительных элементов (ярких изображений и заголовков), а формирование доверия обусловлено авторитетом публичной фигуры, выступающей в роли социального триггера. В результате рекламный компонент воспринимается как органичная часть визуального ряда и не провоцирует негативного отклика у аудитории [12].

2. Рекомендованный контент – может реализовываться в различных форматах – например, в виде списка на медиа платформе либо в форме советов, стилистически и прагматически унифицированных с основным контентом и снабжённых соответствующей маркировкой. За счёт использования цветовой палитры и типографики, характерных для данной платформы, рекламный материал приобретает ненавязчивый характер и органично интегрируется в общую визуальную и коммуникативную концепцию ресурса.

3. Пост, продвигаемый в новостной ленте – оформляется в виде новости и ориентирован на определенную аудиторию [2].

Современная рекламная коммуникация демонстрирует устойчивую тенденцию к сближению с журналистским дискурсом: в нативной рекламе активно заимствуются характерные речевые приёмы и прагматические установки, типичные для газетных текстов в их разнообразных жанрово-стилистических проявлениях. Аудитория в процессе медиапотребления всё чаще отдаёт приоритет авторским материалам, в которых информация представлена в персонифицированной форме и отражает индивидуальные черты субъекта речи. Нативная реклама транслируется через коммуникативные субъекты, обладающие доверием целевой аудитории. Такой контент может быть реализован в вербальной, невербальной либо поликодовой форме и размещаться на различных интернет-платформах. При этом содержательная основа текста (например, темы, релевантные широкой аудитории - любовь, воспитание детей и др.) служит эффективным каналом для имплицитной презентации уникальных характеристик товара или организации. Эффективность воздействия нативной рекламы коррелирует с коммуникативным статусом и уровнем авторитета субъекта, публикующего данный контент.

Нативная реклама способствует восстановлению потребительского доверия, поскольку источником информации выступает конкретная личность, заинтересованная в сохранении собственной деловой репутации и, соответственно, не склонная к продвижению некачественных товаров или услуг. В традиционной рекламе функцию верификации обеспечивает размещение в авторитетных средствах массовой информации. В случае нативной рекламы гарантом достоверности становится персональный имидж коммуникативного субъекта; при этом соответствие контента стандартам речевого мастерства, характерным для журналистских материалов, дополнительно укрепляет доверие аудитории к транслируемому сообщению.

Формат нативной рекламы получил широкое распространение в видео и на личных страницах блогеров, Чаще всего они используют технику сторителлинга: рассказывают личную историю из жизни, медленно и ненавязчиво подводя к рекламируемому товару. Такая реклама цепляет взгляд и погружает в прочтение или прослушивание, так как ее очень тяжело отличить от нерекламного поста или видео. Следовательно, читатель или зритель с большей вероятностью дойдет до конца рекламы и лучше поймет ее суть.

Также в качестве примера нативной рекламы можно взять рекламу банка «ВТБ» «Мастер и Маргарита» из серии реклам «Это классика». Авторы так же используют технику сторителлинга, ненавязчиво показывая мини-экранизацию известного романа и подводя зрителей к рекламе услуг банка. В рекламе экранизирован момент из романа с выступлением свиты Воланда в театре, когда посетителям подарили новую одежду, а с потолка посыпались деньги. Деньги и одежда вскоре исчезли, и тут прозвучал посыл авторов: «Вот был бы тогда ВТБ...» Также используются фразы, призывающие к действию и вписывающиеся в контекст рассказанной ранее истории: «Товарищи, чтобы деньги не превращались в бумажки, открывайте вклады с привлекательной процентной ставкой от «ВТБ»!» «Деньги должны храниться в банке», «Выбирайте, что хотите, а не что дают».

Автор Сой Ханьти, исследовательница, занимавшаяся анализом нативной рекламы, подчёркивает её ключевую специфику – способность к мимикрии: контент адаптирует свои форматные и стилистические характеристики под особенности конкретной коммуникационной площадки. Нативная реклама эффективно интегрируется в привычный для аудитории социальных сетей контент, при этом обходя программные ме-

ханизмы блокировки рекламы и сохраняя высокую степень воспринимаемой органичности публикуемого материала [4].

Результаты и обсуждения

Среди ключевых особенностей нативной рекламы в интернет-СМИ можно выделить следующие характеристики:

1. В текстах нативной рекламы не используются языковые средства, выражающие прямой призыв к покупке, как например, «*Купите наш продукт», «Закажите наши услуги», «Подпишитесь на нашу группу»* и т.д. Прагматическая функция побуждения в нативной рекламе достигается за счёт нарративизации (изложения личного опыта) или акцентирования ключевых достоинств товара, а не за счёт прямых императивных конструкций. Например, *«Я пользуюсь этим каждый день», «Этот крем сделает вашу кожу здоровой»* и т.д.

2. В тексте активно используются синтаксические конструкции с эмоционально-экспрессивной окраской – в частности, вопросительные и восклицательные предложения, усиливающие прагматический эффект высказывания.

Например, *«Почему победителей не показывают? Как понять, что результаты не подтасовали? Есть вопросы к лотереям!».* Использование указанного приёма способствует актуализации интереса аудитории к представленному материалу.

3. Использование разговорной лексики в нативной рекламе обусловлено спецификой её размещения: поскольку такой контент нередко публикуется на персональных страницах и должен органично вписываться в коммуникативный контекст площадки, разговорные элементы выполняют функцию дополнительного маркера аутентичности. Они способствуют формированию доверительного отношения аудитории и обеспечивают маскировку рекламного сообщения под нерекламный контент, усиливая эффект прагматической незаметности [10].

4. В нативной рекламе активно используются синтаксически упрощённые конструкции. В частности, в рекомендательных фрагментах нередко реализуется приём синтаксического параллелизма, который структурирует информацию и усиливает её убедительность за счёт ритмико-смыслового повтора: *«Ложиться спать в одно и то же время, заниматься физкультурой, есть здоровую еду, пить чай перед сном».*

5. Характерной чертой нативной рекламы выступает ограниченное употребление аксиологических (оценочных) высказываний о товаре.

6. Вопросно-ответные конструкции выступают одним из характерных синтаксических приёмов нативной рекламы. Её специфика предполагает обязательное присутствие развёрнутого, содержательно насыщенного ответа, который имитирует диалогическое взаимодействие и формирует у целевой аудитории ощущение прямого коммуникативного контакта. Например, *«Думаете, у меня всегда была такая чистая кожа? До того, как я начала пользоваться этим брендом, всё было совсем не так»* [5].

Нативная реклама не только органично встраивается в контент площадки – у неё есть и другие преимущества перед традиционными видами интернет-рекламы:

1. Обход инструментов блокировки рекламы. Статистика за 2025 год показывает, что треть пользователей применяет инструменты блокировки рекламных объявлений, в то время как, нативная реклама остаётся видимой для этой аудитории.

2. Точная ориентация на целевую аудиторию. Грамотный подбор блогера или канала помогает максимально увеличить охват целевой аудитории и расширить клиентскую базу.

3. Повышение узнаваемости бренда. Нативная реклама имеет медийный характер: масштаб охватов и частотность публикаций, на прямую влияют на узнаваемость того или иного бренда. Помимо этого, аудитория склонна доверять привычным источникам информации, и потому с большим доверием воспринимает рекомендации от них.

Хотя нативная реклама обладает рядом несомненных преимуществ, у нативной рекламы есть определенные недостатки:

1. Высокая цена. Контекстная и таргетированная виды рекламы гораздо менее затратны по сравнению с нативной рекламой. Она имеет точечный характер размещения, что связано с дополнительными затратами, но такой формат позволяет добиться большей активности целевой категории потребителей.

2. Подготовка рекламных кампаний отличается высокой трудоёмкостью. Их реализация предполагает прохождение ряда последовательных этапов:

- выбор релевантных каналов или блогеров для сотрудничества;
- подготовка текстовых и креативных материалов;

-доработка материалов;

- утверждение контента с профильными экспертами, особенно в случаях со сложными и узкоспециализированными темами.

Выводы

Таким образом, нативная реклама представляет собой эволюционный формат коммуникации, возникший как ответ на усталость аудитории от агрессивных маркетинговых тактик и изменение структуры медиапотребления. Ее ключевая специфика заключается в способности к мимикрии – органичному встраиванию в контент площадки за счет использования характерных для журналистики и PR речевых приемов: отсутствия прямых призывов, эмоционально окрашенных заголовков, разговорной лексики и персонификации. Главным эффектом такой трансформации становится восстановление доверия потребителя, поскольку информация исходит от авторитетного субъекта речи, чья репутация служит неявной гарантией качества. Стирая границы между рекламой и полезным контентом, нативная реклама возвращает утраченное потребительское доверие и становится эффективным инструментом продвижения, соответствующим современным коммуникационным трендам.

Список источников

1. Быкова Е.В. Нативная реклама: речевые особенности презентации информации // Медиалингвистика. 2021. Т. 5. № 4. С. 534 – 544.

2. Васина В.А. Скрытый маркетинг и нативная реклама // Проблемы современной науки и образования. 2022. С. 34 – 37.

3. Османова А.И. Нативная реклама в коммуникационной деятельности российских банков // Медиаскоп. 2018. № 1. С. 8 – 9.

4. Сюй Ханьти Нативная реклама в жанре статьи в Интернет-СМИ // Мир русского слова. 2022. № 2. С. 41 – 51. DOI: 10.24412/1811-1629-2022-2-41-51

5. Терских М.В. Нативная реклама в социальной сети TikTok: жанровые и языковые особенности // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. № 2 (35). С. 136 – 142.

6. Ухова Л.В. Нативная реклама как эффективный инструмент брендинга // Брендинг как коммуникативная технология XXI века: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 1 декабря 2017 г. / под ред. А.Д. Кривоносова. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2018. С. 61 – 63.

7. Мелехова А.С. Нативная реклама как элемент digital коммуникационной стратегии бренда // Вестник экономики, права и социологии. № 3. С. 242 – 245.

8. Горошко Е.И. Мультимодальное компьютерное общение как еще один шаг в развитии лингвистики новых медий // Гипертекст как объект лингвистического исследования: Материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., 25 июня 2023. Самара: ПГСГА. С. 21 – 30.

9. Глухова Е.С. Особенности использования когнитивных искажений в нативной рекламе // Филология: научные исследования. 2024. № 2. С. 90 – 102. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.2.69683 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69683

10. Лебедев А. Нативная реклама: что это и как внедрить в маркетинг // РБК. 2025.

11. Олешко В., Мищенко В. Нативная реклама цифровых медиа: специфика, виды, воздействующий потенциал // Знак. 2023. № 3 (49). С. 37 – 43.

12. Анисимов В.Е., Горошко Е.И. Нативная реклама как инструмент digital-коммуникации бренда // Медиалингвистика. 2024. № 5(4). С. 409 – 423.

References

1. Bykova E.V. Native Advertising: Speech Features of Information Presentation. Medialinguistics. 2021. Vol. 5. No. 4. P. 534 – 544.

2. Vasina V.A. Hidden Marketing and Native Advertising. Problems of Modern Science and Education. 2022. P. 34 – 37.

3. Osmanova A.I. Native Advertising in the Communication Activities of Russian Banks. Mediascope. 2018. No. 1. P. 8 – 9.

4. Xu Hanti Native Advertising in the Article Genre in Online Media. The World of the Russian Word. 2022. No. 2. P. 41 – 51. DOI: 10.24412/1811-1629-2022-2-41-51

5. Terskikh M.V. Native Advertising in the TikTok Social Network: Genre and Linguistic Features. Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research. 2022. No. 2 (35). P. 136 – 142.

6. Ukhova L.V. Native Advertising as an Effective Branding Tool. Branding as a Communication Technology of the 21st Century: Proceedings of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, December 1, 2017. edited by A.D. Krivonosov. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University of Economics, 2018. P. 61 – 63.

7. Melekhova A.S. Native Advertising as an Element of a Brand's Digital Communication Strategy. Bulletin of Economics, Law, and Sociology. No. 3. P. 242 – 245.

8. Goroshko E.I. Multimodal computer communication as another step in the development of new media linguistics. Hypertext as an object of linguistic research: Proceedings of the IV Int. scientific-practical. conf., June 25, 2023. Samara: PGSGA. P. 21 – 30.

9. Glukhova E.S. Features of the use of cognitive biases in native advertising. Philology: scientific research. 2024. No. 2. P. 90 – 102. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.2.69683 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69683

10. Lebedev A. Native advertising: what is it and how to implement it in marketing. RBC. 2025.

11. Oleshko V., Mishchenko V. Native advertising of digital media: specifics, types, and influencing potential. Znak. 2023. No. 3 (49). P. 37 – 43.

12. Anisimov V.E., Goroshko E.I. Native advertising as a tool for digital brand communication. Medialinguistics. 2024. No. 5 (4). P. 409 – 423.

Информация об авторах

Гайломазова Е.С., доктор филологических наук, профессор, Донской государственный технический университет

Бударина Д.А., Донской государственный технический университет

© Гайломазова Е.С., Бударина Д.А., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81'282.3
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-285-289

Лингвосоциальные аспекты перевода диалектизмов в северных регионах Великобритании, обозначающих погодные условия (на материале путеводителя Алекса Джонсона “100 words for rain”)

[1] Лукин Д.С.,
[1] Государственный университет просвещения

Аннотация: в данной статье рассматриваются типичные для трех северных графств Великобритании (Йоркшир, Линкольншир и Чешир) диалектизмы, описывающие погодные условия. Определено, что несмотря на близкое территориальное расположение, в каждом графстве при анализе трех состояний погодных условий – ветра, осадков и пограничных состояний – вариативность носит значительный характер как в части положительных и отрицательных номинаций, так и в ряде случаев в полном отсутствии одного из трех состояний. Установлено, что для перевода подобных лингвосоциальных явлений необходимо не только обладать знаниями культурных кодов определенного региона, но и для некоторых дефиниций добавлять переводческий комментарий ввиду недостаточности выбора оттенков значений в русском языке. Тем не менее, отмечается, что на лексическом уровне возможны случаи употребления схожих языковых элементов, но в целом данная стратегия не носит массового характера и не может считаться продуктивной.

Ключевые слова: диалект, диалектизмы, культурный код, номинация, переводческий комментарий

Для цитирования: Лукин Д.С. Лингвосоциальные аспекты перевода диалектизмов в северных регионах Великобритании, обозначающих погодные условия (на материале путеводителя Алекса Джонсона “100 words for rain”) // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 285 – 289. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-285-289

Поступила в редакцию: 25 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 22 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

Linguistic and social aspects of translating weather-related dialectal words in northern British regions (based on Alex Johnson's Guidebook "100 Words for Rain")

[1] Lukin D.S.,
[1] Federal State University of Education

Abstract: this article examines dialectal expressions describing weather conditions typical for three northern UK counties (Yorkshire, Lincolnshire, and Cheshire). It is determined that, despite their close geographical proximity, each county's analysis of three weather conditions – wind, precipitation, and boundary conditions – reveals significant variability in both positive and negative nominations, as well as, in some cases, the complete absence of one of the three conditions. It is established that translating such linguistic and social phenomena requires not only knowledge of the cultural codes of a particular region but also, for some definitions, the addition of a translator's commentary due to the limited choice of nuances of meaning in Russian. However, it is noted that similar linguistic elements may be used at the lexical level, but overall, this strategy is not widespread and cannot be considered productive.

Keywords: dialect, dialectal expressions, cultural code, nomination, translator's commentary

For citation: Lukin D.S. Linguistic and social aspects of translating weather-related dialectal words in northern British regions (based on Alex Johnson's Guidebook "100 Words for Rain"). Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 285 – 289. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-285-289

The article was submitted: July 25, 2026; Approved after reviewing: August 22, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

Данное исследование является логичным продолжением серии публикаций, посвященных лингвокультурным феноменам диалектизмов Британских островов [1]. В первой статье нами рассматривался лингвострановедческий аспект социокультурных диалектов на материале пособия *Сьюзи Дент (Susie Dent)* “How to talk like a local” [2].

В настоящей работе мы продолжаем изучать британский социум с позиций актуализации лингвострановедческих диалектизмов в современном языковом пространстве регионов Соединенного королевства. Для жителей Туманного Альбиона погода – больше, чем просто *weather*, что убедительно доказывает в своей новейшей книге-путеводителе по «погодным условиям» британский писатель *Алекс Джонсон (Alex Johson)* “100 words for rain” (впервые опубликованная в 2024 г., расширенная и дополненная в 2026 г. – *прим. пер*). Сам автор называет свой труд “a celebration of British weather” [3]. Отметим, что на данный момент книга не переведена на русский язык.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили слова и выражения из пособия. Автор предлагает читателю знакомство с исторической ролью дождя в жизни британцев, упоминая *ветер (wind)*, *туман* и *дымку (fog и mist)*, а также пограничные погодные условия как неотъемлемую часть культурного кода местных жителей. Наиболее ценной с лингвистической точки зрения представляется седьмая глава *Regional Weather*, посвященная словам и выражениям, характерным для каждого графства Великобритании. Джонсон рассматривает 16 церемониальных графств Англии (из 48), одно из шести метропольных графств (West Midlands, куда входят графства Бедфордшир, Кембриджшир, Норфолк, Сассекс, Саффолк и Хартфордшир), 1 регион East Anglia (в который входят 6 метропольных графств) и 3 страны (Wales, Scotland, Ireland). Общее количество примеров составляет 186 единиц, при этом по церемониальным графствам статистика выглядит следующим образом:

1. Berkshire (Беркшир) – 7 примеров (3,76% от общего числа);
2. Buckinghamshire (Букингемшир) – 1 (0,54%);
3. Cheshire (Чешир) – 26 (13,98%);
4. Cornwall (Корнуолл) – 9 (4,84%);
5. Gloucestershire (Глостершир) – 1 (0,54%);
6. Cumbria (Камбрия) – 6 (3,23%);
7. Devon (Девон) – 2 (1,08%);
8. Durham (Дарем) – 4 (2,16%);
9. Essex (Эссекс) – 2 (1,08%);
10. Hampshire (Гэмпшир) – 1 (0,54%);
11. Leichestershire (Лестершир) – 7 (3,76%);
12. Lincolnshire (Линкольншир) – 22 (11,83%);
13. Northamptonshire (Нортгемптоншир) – 4 (2,16%);
14. Northumberland (Нортамберленд) – 1 (0,54%);
15. Nottinghamshire (Ноттингемшир) – 4 (2,16%);
16. Yorkshire (Йоркшир) – 31 (11,67%).

На West Midlands приходится 9 примеров (4,84%), в регионе East Anglia – 13 примеров (6,99%), в Ирландии – 8 примеров (4,3%), Шотландии – 22 (11,83%), Уэльсе – 6 (3,23%).

Несмотря не неполный характер выборки по графствам, заметим, что на данный момент вышеуказанная статистика является наиболее репрезентативной (в графствах проживает не менее 30% населения Англии, а вместе с метропольным графством и странами – более 65%), поэтому может считаться валидной для проведения более обстоятельного анализа типичных лингвокультурем, описывающих погоду. Обратим внимание, что только на три графства (Чешир, Линкольншир и Йоркшир) приходится почти 40% всех примеров (79 ед.), что объясняется двумя факторами:

1. Численность населения (больше носителей – больше примеров). В каждом из указанных графств проживает более 1 млн человек (В Йоркшире – более 5,5 млн);

2. Географическое местоположение. Все графства расположены в северной части Великобритании, где количество осадков традиционно выше, чем в центральной и южной частях страны.

Ввиду значительного объема исследовательского материала, в данной статье мы рассмотрим погодные реалии, типичные для трех северных графств. Другие регионы будут освещены в последующих публикациях.

Результаты и обсуждения

Одним из наиболее густонаселенных графств можно по праву считать Йоркшир, поскольку вместе с пригородами численность населения составляет свыше 7 млн человек (около 10% населения Великобритании). Из-за прохладного климата в разговорной лексике йоркширцев наблюдается значительное количество специальных слов, обозначающих туманы, осадки и порывистый ветер. Нами было выделено три группы слов и словосочетаний, характерных для данного региона.

В первую группу к различным вариациям ветра относятся 6: три из них даются для описания *резкого ветра (sharp wind) – brisling, shy и peerching* [3]. В *North Yorkshire Glossary* первое слово указано с пояснением *brisk blowing wind* – резкий порыв ветра, а второе – *piercing wind (пронизывающий ветер)* [7]. Третье созвучно с *piercing* и считается его диалектным вариантом.

Посевы, которым ветер наносит серьезный урон, йоркширцы называют *crangled* [3]. Слово имеет шотландское происхождение от *crangle*, обозначающее *lowland (низменность, равнинная местность)* [9]. В данном контексте можно предположить, что на подобных географических пространствах урожай может быть полностью уничтожен вплоть до «ровной» земли. Слово *sob (рыдание, всхлипывание)* приобретает неожиданную положительную коннотацию – это шум ветра, который является предвестником хорошей погоды [3]. Сленговое *pounder*, популярное среди серфингистов обозначение *мощной волны*, у жителей Йоркшира приобретает значение *«ветер, сметающий снег»*, что по силе эквивалентно волне, смывающей все на своем пути [11].

Во вторую группу следует отнести единицы, описывающих различные виды дождей и снега. *Сильный*, но *быстро проходящий дождь* или *снегопад* называют *pash* (по аналогии с сильным чувством любви, которое длится недолго) [8]. *Долгий снегопад* принято наименовать *stoury* (погодные условия, при которых значительные снежные массы выпадают на большой территории). *Незначительные осадки* в виде снега – *grimming* – получили такое название от слова *grime (грязное месиво)*. Таким образом, на русский язык можно перевести как *«снежная каша»* или *«слякоть»* [7].

В третью группу мы относим слова, обозначающие туманы и состояния, которые им сопутствуют. Например, *сырой туман* в холодную погоду называют *moor-grime* – йоркширцы так описывают низко висящие над болотами *(moors)* дождевые облака [12], а *тепловую дымку* в жару – *summer-colt (colt – это четырехлетний жеребец – прим. пер.)*. Само понятие в XIX веке указывало на сходство пыли из-под копыт лошади с маревом.

Густой туман обозначается как *roke* (в северных диалектах полный синоним *fog*) [5] или *haar* (по одной из версий, происходит от северного английского или шотландского *hoar – седой*) [6].

Таким образом, в йоркширском диалекте можно отметить значительное многообразие описания различных видов ветра и ненастной погоды и малую долю слов с положительной номинацией, что в целом характерно для северных регионов Великобритании. Однако для сравнения рассмотрим описание погодных условий в графствах Линкольншир и Чешир, где на первый взгляд климат такой же.

У жителей Линкольншира, находящегося немного южнее Йоркшира, положительная номинация хорошей погоды встречается чаще. Здесь в первую и наиболее многочисленную группу попадают слова, обозначающие мягкий климат. Например, вместо *mild* в речи используют *doley* и *growsome*. Первое слово обычно носит сленговый оттенок, происходит от *dole* и обозначает безработного, который из-за своего социального статуса *временно* получает пособие [10]. Связь с погодой обнаруживается, когда *временно* теплая погода сменяется *резким* похолоданием. Тем не менее, у йоркширцев такого слова для данного явления нет. Похожая ситуация и с *growsome – растущий*, причем с уточнением у Джонсона – *mild, in springtime* – погодные условия, необходимые для хорошего роста растений [3]. В речи йоркширцев при описании климата весна не упоминается. Теплая, местами душная погода называется *melch* – лексический и фонетический вариант слова *melt (таять)*. *Melching weather* типична для конца лета, когда уже начинается сбор урожая.

Вторая группа представлена явлениями нестабильной погоды, которую нельзя однозначно назвать ни хорошей, ни плохой. Джонсон обращает внимание читателей на слово *gleamy – when it's interchangeably sunny and rainy, or two other different kinds of weather* [3]. Можно сказать, что в данном графстве, несмотря на северо-восточное местоположение, описание погоды практически ничем не отличается от столичного лондонского, где погода меняется каждые пятнадцать минут. Отметим также любопытное выражение *weather-breeder* (дословно – тот, кто занимается «разведением» погоды). Джонсон так описывает данное явление: *"A day which is unusually pleasant, but which suggests that the weather is going to deteriorate"* [3]. Таким образом, первоначально комфортная погода начинает «портиться». При описании сырой и переменчивой погоды линкольнширцы используют слово *slattering*, которое происходит от *slat* – звук, который издает капля, когда ударяется о поверхность.

Схожей с йоркширским диалектом можно считать третью группу, в которой описываются туманы: *roke* напоминает прилагательное *roaky – туманный* (но без указания на «густоту») или *moke* (на сленге – животное *осел,* поэтому, вероятно, сходство с туманом может быть только по цвету). Тем не менее, как и *haar – седой* – очевидна ассоциация с цветопередачей густого тумана. Для описания ветра Джонсон приводит только одни пример – *dry wind – ask или hask* [3]. Само слово *ask* или *hask*, как отмечает Дж. Деррик Мак-Клюр (J. Derrick McClure), первоначально встречалось на сленге рыбаков Оркнейских и Шетландских островов в значении *a mist or haze – туман или дымка* [4].

Таким образом, при анализе двух графств, несмотря на близкое географическое положение, наблюдаются существенные расхождения в описании климата как на уровне погодных условий, так и вариативности изначальных целеустановок носителей различных диалектов. Далее рассмотрим описание погоды в наименее крупном из трех как по территории, так и численности населения северном графстве Чешир.

В отличие от первых двух графств, номинации *ветра* или *туманов* для чеширского диалекта не характерны. Основные группы слов можно выделить по двум признакам – *showery weather (ливневые осадки)* и дихотомия *dry/wet*. В первую группу следует отнести *catching weather – showering weather, especially around harvest time*, а также *dropping weather (осадки в виде крупных капель дождя – прим. пер.)* [3]. Вторая группа представлена описанием сухой или влажной (сырой) погоды, либо переход из одного состояния в другое.

Данная статистика объясняется близким расположением графства к морю и, как следствие, более влажным и мягким по сравнению с Йоркширом и Линкольнширом климатом. Напоминающую линкольнширскую переменчивую погоду *slattering weather* чеширцы называют *slattery,* однако есть и отличия, например, *wet (сырой)* имеет синоним *dabbly.* В сленге *dabble* означает *заниматься чем-то поверхностно,* что при описании погодных условий подразумевает «легкий дождик» [6]. Постоянно меняющийся характер погоды принято называть *dalling – at harvest time, when it's hard to get to work because conditions are constantly varying from dry to wet* [3]. *Dall* у чеширцев – вариант общеупотребимого *dull (скучный, мрачный)*.

Выводы

Таким образом, при анализе погодных условий трех северных графств Великобритании мы пришли к следующим выводам:

1. Несмотря на близкое географическое положение, каждое графство обладает уникальными условиями, которые находят значительное расхождение на уровне языка и собственно проявлений погоды. Номинации трех типичных погодных условий – ветер, осадки, пограничные состояния – вариативны по причине различных культурных кодов их носителей, что зачастую приводит к значительным расхождениям на лексическом уровне языка и прагматических целеустановок.

2. Переводческий аспект данных лингвокультурных и линвосоциальных феноменов значительно редуцирован в русском языке, поскольку не отражает всего спектра значений таких слов, как, например, *slattering* или *dropping,* что, в свою очередь, требует введения переводческого комментария и/или уточняющей информации.

Мы полагаем, что исследование может быть продолжено в рамках изучения типичных погодных условий в лингвосоциальном аспекте и в других графствах.

Список источников

1. Лукин Д.С. Перевод социокультурных диалектизмов: лингвострановедческий аспект (на материале словаря-пособия Сьюзи Дент "How to talk like a local") // Современный ученый. 2026. № 6. С. 134 – 138. DOI 10.58224/2541-8459-2026-6-134-138

2. Dent S. How to talk like a local. 2011. Arrow books. 244 p.

3. Johnson A. 100 words for rain. Harper Collins. 2026. 176 p.

4. J. Derrick McClure. Distinctive semantic fields in the Orkney and Shetland dialects, and their use in the local literature. Robert McColl Millar (ed.) «Studies in Scottish Language and Literature». Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. P. 59 – 69.
5. Новости перевода. URL: [https://news.flarus.ru/?topic=5014] (дата обращения: 12.06.2026)
6. Academic Dictionary. URL: https://translate.academic.ru/dabble/en/ru/ (дата обращения: 12.06.2026)
7. A North Yorkshire glossary. URL: https: //teessidepsychogeography.wordpress.com/2015/04/01/-part-1-weather/ (дата обращения: 11.06.2026)
8. Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/pash (дата обращения: 11.06.2026)
9. Crangle meaning. URL: https://namecensus.com/last-names/crangle-surname-popularity/ (access mode: 11.06.2026)
10. Gong.com. URL: https://goong.com/word/doley-meaning/ (дата обращения: 13.06.2026)
11. LanGeek Picture Dictionary. URL: https://dictionary.langeek.co/ (дата обращения: 11.06.2026)
12. York Dictionary. URL: https://yorkshiredictionary.york.ac.uk/ (дата обращения: 11.06.2026)

References

1. Lukin D.S. Translation of sociocultural dialectisms: a linguacultural aspect (based on Susie Dent's dictionary-manual "How to talk like a local"). Sovremennyy Scientist. 2026. No. 6. P. 134 – 138. DOI 10.58224/2541-8459-2026-6-134-138
2. Dent S. How to talk like a local. 2011. Arrow books. 244 p.
3. Johnson A. 100 words for rain. Harper Collins. 2026. 176 p.
4. J. Derrick McClure. Distinctive semantic fields in the Orkney and Shetland dialects, and their use in the local literature. Robert McColl Millar (ed.) "Studies in Scottish Language and Literature". Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. P. 59 – 69.
5. Translation News. URL: [https://news.flarus.ru/?topic=5014] (date of access: 12.06.2026)
6. Academic Dictionary. URL: https://translate.academic.ru/dabble/en/ru/ (date of access: 12.06.2026)
7. A North Yorkshire glossary. URL: https://teessidepsychogeography.wordpress.com/2015/04/01/-part-1-weather/ (date of access: 11.06.2026)
8. Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/pash (date of access: 11.06.2026)
9. Crangle meaning. URL: https://namecensus.com/last-names/crangle-surname-popularity/ (date of access: 11.06.2026)
10. Gong.com. URL: https://goong.com/word/doley-meaning/ (date of access: 13.06.2026)
11. LanGeek Picture Dictionary. URL: https://dictionary.langeek.co/ (date of access: 11.06.2026)
12. York Dictionary. URL: https://yorkshiredictionary.york.ac.uk/ (date of access: 11.06.2026)

Информация об авторе

Лукин Д.С., кандидат филологических наук, доцент, Государственный университет просвещения, lu10kin@yandex.ru

© Лукин Д.С., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070:004.738.5
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-290-296

Платформа сильнее истории: трансформация новостного текста при переходе с сайта в социальные медиа

[1] Соколов А.В.,
[1] Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Аннотация: целью статьи является эмпирическая проверка, что сильнее меняет русскоязычный новостной текст: временной фактор (эволюция отдельного издания) или коммуникативная среда его производства и распространения. Материалом послужили пять сопоставимых новостных подкорпусов (более двух миллионов публикаций) – две диахронические выборки сайта «Лента.ру» (1999-2014 и 2015-2019), государственная лента РИА, отраслевая финансово-деловая лента и русскоязычный новостной Telegram, – а также собственный параллельный корпус, где один и тот же редакционный материал прослежен на переходе «сайт → Telegram → ВКонтакте». Текст описан четырёхмодусной моделью коммуникативной организации новости: диалогический, инструментально-сигнальный, ритуально-протокольный и смыслопорождающий модусы, каждый переведён в нормированный балл. Установлено, что различия между средами по большинству модусов кратно превосходят любой диахронический сдвиг внутри одного издания. За двадцать лет инструментально-сигнальная насыщенность сайта не выросла; при переносе того же материала на платформу текст сжимается втрое, а его смыслопорождающий и диалогический слои статистически значимо убывают. Вывод: коммуникативный режим платформы переопределяет форму новости сильнее, чем историческая эволюция издания; интерпретирующая работа журналистики покидает отдельный текст и перемещается на уровень форматов и межтекстовых связей.

Ключевые слова: платформенная журналистика, медиакоммуникации, новостной текст, кросс-корпусный анализ, коммуникативные модусы, платформизация, Telegram, смыслопостроение

Для цитирования: Соколов А.В. Платформа сильнее истории: трансформация новостного текста при переходе с сайта в социальные медиа // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 290 – 296. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-290-296

Поступила в редакцию: 26 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 23 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

Platform over history: the transformation of the news text in the shift from websites to social media

[1] Sokolov A.V.,
[1] Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract: this study empirically examines which factor has a greater impact on Russian-language news writing: time – the evolution of an individual news outlet – or the communicative environment in which news is produced and circulated. The data comprise five comparable news subcorpora containing over two million items: two longitudinal samples from Lenta.ru (1999-2014 and 2015-2019), a state-run RIA newswire, a specialized financial-business newswire, and Russian-language news on Telegram. The study also uses an original parallel corpus tracing the same editorial content as it moves from a news website to Telegram and VKontakte. News texts are analyzed through a four-mode model of communicative organization: dialogic, instrumental-signaling, ritual-procedural, and meaning-making. Each mode is operationalized as a normalized score. The results show that, for most modes, differences across communicative environments are several times greater than any diachronic shift within a single outlet. Over two decades, the website's instrumental-signaling density did not increase. When the same material is adapted for a platform, it becomes roughly three times shorter, while its meaning-making and dialogic dimensions decline

significantly. The findings suggest that a platform's communicative regime shapes the form of news more powerfully than the historical evolution of a news outlet. Journalism's interpretive work is thus shifting away from the individual news item and toward formats and connections among texts.

Keywords: platform journalism, media communication, news text, cross-corpus analysis, communicative modes, platformization, Telegram, sensemaking

For citation: Sokolov A.V. Platform over history: the transformation of the news text in the shift from websites to social media. Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 290 – 296. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-290-296

The article was submitted: July 26, 2026; Approved after reviewing: August 23, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

Исследования цифровизации журналистики почти всегда развёртывается во времени. Издание «раньше» и «теперь», редакция «до интернета» и «сейчас», постепенный дрейф газетной заметки к короткому сетевому сообщению – такова привычная схема описания большинства медиаисследований, и из нее следует, что главную «работу» над обликом новости совершает именно «история». Платформизация, переход производства и распространения новости в среду цифровых платформ [13], этот сюжет усложняет. Новость сегодня быстрее достигает аудиторию не через сайт издания, а посредством ленты рекомендательной системы, мессенджеров, из сообществ социальной сети, где отбор и доставка всё чаще распределены между пользователями и алгоритмами [8]. Вместе со сменой канала изменяется, по всей видимости, и сам текст. Остаётся определить, что именно выступает причиной этого изменения.

Здесь, на наш взгляд, проходит граница между двумя объяснениями. Первое – диахроническое: облик новости эволюционирует во времени, и цифровая эпоха исподволь переписывает профессиональную норму. Второе – средовое: форму новости задаёт не год выпуска, а коммуникативный режим той площадки, где новость собрана и разнесена. Эти объяснения редко сопоставляются напрямую, и тому есть причина, для прямого сопоставления необходим материал, в котором время и среда разграничены и измерены единой мерой.

Именно такой материал и такую меру предлагает настоящее исследование. Русскоязычный новостной текст сопоставлен сразу по нескольким коммуникативным средам и одновременно прослежен по двадцатилетней истории одного профессионального сайта, с приложением к обоим срезам единой измерительной модели.

Целью статьи является показать на данных, что перенос новости из одной среды в другую меняет её форму сильнее, чем меняла двадцатилетняя эволюция издания внутри одной среды. Попутная задача – операционализировать модель, которая делает такое сравнение возможным и проверяемым. Работа излагает результаты корпусного исследования в оптике медиакоммуникаций [1]: предмет интереса – не стилистическая частность, а то, как коммуникативный режим платформы переустраивает саму форму журналистского сообщения.

Материалы и методы исследований

Эмпирический каркас исследования выступает пять основных подкорпусов, которые позволяют развести среду и временной фактор как источники варьирования. Два массива взяты из датасета одного издания, сайта «Лента.ру»: базовый сегмент 1999-2014 годов (около 530 тыс. публикаций) и переходный 2015-2019 годов (около 270 тыс.) [16]. Ещё три выборки нужны для разнесения сред при близких периодах – государственная информационная лента РИА (2010-2014, около 1 млн сообщений) [17], отраслевая финансово-деловая лента (2020-2024, около 92 тыс.) [18], русскоязычный новостной Telegram (2020-2024, около 97 тыс.) [19]. Итого свыше двух миллионов публикаций. Использовался и внешний контур: паспортизированный реестр из двух десятков сторонних корпусов, русскоязычных и зарубежных; работает он как фон и контроль.

Описанные разнородные датасеты сведены в общую базу, через «паспорта сопоставимости». Этот документ фиксирует по каждому источнику происхождение, охват, период, объём, правовой статус – и тем самым позволяет сравнивать выборки, не стирая различий между ними. Исходные файлы снабжены контрольными суммами; пересчёт, независимо выполненный на другом вычислительном узле, вернул совпадающие значения.

В исследовании использован собственный параллельный корпус. В датасете один и тот же редакционный материал прослежен по обе стороны платформенного перехода «сайт → Telegram → ВКонтакте» внутри одного новостного проекта. Строгое ядро – тридцать пять пар «сайт – Telegram», каждая подтверждена вручную. Расширенный слой собран иначе, по формальному правилу совпадения web адресов публикаций, и довёл выборку до нескольких сотен сюжетных кластеров. Дизайн такого рода изолирует платформенный эффект в чистом виде: тема публикации из объяснения выведена, различие создаёт сама среда.

Новостной текст описывался четырёхмодусной моделью, то есть четырьмя измеримыми свойствами коммуникативной организации сообщения. *Диалогический модус* определяет «чужой голос» – прямую речь и глаголы её ввода («сообщил», «заявил», «подчеркнул»). *Инструментально-сигнальный* – это плотность «сжатого сигнала»: цифры, проценты, денежные обозначения, аббревиатуры. *Ритуально-протокольный* отслеживает дежурные формулы «официоза» и этикетные клише. А *смыслопорождающий* показывает, насколько плотно факт обрастает толкованием – причинно-следственными связками, отсылками, поясняющими и оценочными операторами; за этим измерением стоит понятие интерпретативного слоя медиатекста, разработанное в отечественной традиции [2; 3]. Всю функциональную ткань текста четырьмя модусами, разумеется, не исчерпывается. Но измеримое ядро для сравнения корпусов они дают.

Процедура измерения: формальные приметы модуса подсчитываются, сумма нормируется на длину текста и приводится к шкале от нуля до единицы. При этом абсолютная величина балла – значит меньше, чем его сопоставимость между корпусами, потому балл читается вместе с исходной плотностью признаков. «Чёрным ящиком» модель не является: перечень признаков обозрим и содержательно прозрачен. Сравнение идёт двумя маршрутами – «по горизонтали», между средами, и «по вертикали», внутри параллельного корпуса; во втором случае сдвиги проверяются парными статистическими тестами с поправкой на множественность (сама процедура проверки вынесена в техническое приложение исследования).

Результаты и обсуждения

Первый результат – он же самый общий – межсредовой градиент. Среды выстроились по инструментально-сигнальному модусу в отчётливый ряд: внизу государственное агентство РИА с 0,21, наверху автоматизированные финансовые ленты с 0,63 (табл. 1). Между профессиональным сайтом и автоматизированной лентой – около 0,34 пункта шкалы от нуля до единицы. Сопоставимого диапазона не даёт ни одна внутрисайтовая динамика. Диалогический модус ведет себя вопреки ожиданию: в неинституциональной среде он растёт, а не снижается, и на отдельных новостных каналах Telegram доходит до 0,76 против 0,51 у базовой «Ленты».

Таблица 1

Инструментально-сигнальный модус по средам производства новости (нормированный балл, шкала 0-1).

Table 1

Instrumental-signaling mode by news production environment (standardized score, scale 0-1).

Среда производства новости	Балл
РИА (государственное агентство)	0,21
Telegram (новостные каналы)	0,26
«Лента.ру», переходный сегмент 2015-2019	0,29
«Лента.ру», базовый сегмент 1999-2014	0,30
Финансово-деловая лента	0,54
Автоматизированные технические ленты	0,63

Смыслопорождающий модус идёт встречным курсом. Чем сильнее среда тяготеет к сжатому сигналу, тем заметнее сокращается слой толкования: средний балл падает с 0,42 у РИА до 0,14 в финансовой ленте. Доля документов, в которых толкование обнулено полностью, говорит ещё красноречивее – 39 % у РИА против 78 % в финансовой ленте (табл. 2). Чем короче и сигнальнее сообщение, тем чаще толкующий слой в нём отсутствует.

Таблица 2

Смыслопорождающий модус: средний балл и доля «обнулённых» документов по средам.

Table 2

Meaning-generating mode: average score and proportion of "zeroed" documents by environment.

Среда	Средний балл	Доля нулевых значений
РИА	0,42	39 %
«Лента.ру», 1999–2014	0,28	55 %
«Лента.ру», 2015–2019	—	65 %
Telegram	0,21	75 %
Финансово-деловая лента	0,14	78 %

Второй результат отрицательный. И, пожалуй, оттого особенно ценный. За двадцать лет внутри «Ленты» инструментально-сигнальная насыщенность так и не выросла: балл снизился с 0,301 до 0,287, причём исходные признаки – числовая и аббревиатурная плотность – двигались, вниз. Сократился и смыслопорождающий (с 0,278 до 0,188), и диалогический (с 0,514 до 0,449) модусы. Ни «оцифровывания» текста, ни роста сигнальности два десятилетия одному профессиональному сайту не принесли. Техническую версию мы проверили отдельно; к артефакту измерительной шкалы этот отрицательный результат не сводится.

Третий результат принёс параллельный корпус, где один материал виден до и после переноса на платформу (табл. 3). Направление сдвигов сомнений не оставляет. Сайтовая публикация в среднем втрое длиннее «телеграмной», коэффициент сжатия на строгом ядре – 0,311. Меняется и сама коммуникативная организация: диалогический балл теряет в среднем 0,435, смыслопорождающий – 0,269, инструментальный же прибавляет 0,282. Расширенный слой повторяет те же направления.

Оговоримся о доказательных статусах – статистическая проверка их развела. Сжатие текста, убыль смыслопорождающего, диалогического и ритуального баллов подтверждены значимо. Рост инструментального – пока лишь тенденция: устойчивая, воспроизводимая, но как парный эффект не доказанная.

Таблица 3

Параллельный корпус: сдвиги при переносе одного материала «сайт → Telegram».

Table 3

Parallel corpus: shifts when transferring one material "website → Telegram".

Показатель	Верифицированное ядро (35 пар)	Расширенный слой
Средняя длина сайтового текста, слов	695,8	591,4
Средняя длина Telegram-текста, слов	98,1	114,0
Коэффициент сжатия Telegram/сайт	0,311	0,617
Δ диалогический модус	−0,435	−0,137
Δ инструментально-сигнальный модус	+0,282	+0,141
Δ смыслопорождающий модус	−0,269	−0,280

Сопоставим два числа напрямую. Двадцать лет эволюции сайта сдвинули инструментальный модус на −0,015; перенос того же класса материала на платформу — на +0,282; межсредовой же разрыв по этому модусу доходит до 0,34. Величины разного порядка. Смена среды переустраивает текст многократно сильнее, чем историческое время.

С линией международных исследований платформенной журналистики полученная картина согласуется – и добавляет к ней эмпирику русскоязычного материала. Концепция «медиалогики», согласно которой логика площадки переписывает стиль новости при переносе в ленту, находит здесь прямое подтверждение: на собственном сайте редакционная манера держится, смена же среды сдвигает её резко [15]. Сюда же ложатся наблюдения о том, что читаемость и плотность новости различаются не по годам, а по среде разноса [6], и что «эмоциональный поворот» новости привязан именно к аффордансам социальных медиа [14].

Весомее прочего вывод о том, что площадки переопределяют форму и формат контента, а не одну лишь его доставку [7]. До предела эту логику доводит автоматизированная лента: вычислительная журналистика вызревает в самостоятельную форму, отделённую от редакционно-сайтового продукта [5]. В том же ключе читается рост диалогического модуса в мессенджере – как оживление того, что У. Онг называл вторичной оральностью: фраза короче, прямой речи больше, синтаксис резче [12; 10]. Здесь, впрочем, нужна осторож-

ность. Умножение диалогических примет не означает возвращения диалога как рациональной публичной процедуры; перед нами скорее размножение технических знаков диалогизации при съёживающемся толкующем пласте. Как коммуникативный регистр диалог присутствует. Как процедура верификации – нет. Показательно и другое: нормативные ценности профессии, судя по исследованиям вовлечённости, слабо связаны с тем, что платформенная метрика поощряет к распространению [11].

После отрицательного результата по «Ленте» понятие инструментализации приходится расщепить. Узкий смысл – диахронический рост числовых и сигнальных примет внутри одного издания; такого роста нет. Широкий – переустройство сообщения форматом и платформой при смене коммуникативного режима, в связке со спадом смыслопорождения; вот это подтвердилось. Для медиакоммуникаций отсюда следует содержательный поворот. Интерпретирующая функция не утрачивается – она покидает отдельный текст и переходит на уровень форматов и межтекстовых связей. Новость на платформе перестаёт быть «медиатекстом» в его полноте, становясь «медиасообщением», переносчиком сигнала; осмысление же воссоздаётся на надтекстовых уровнях редакционного производства. Эта миграция интерпретирующей функции прямо смыкается с концепцией смыслопостроения как эмерджентной функции журналистики [4], а сдвиг от отдельного текста к межтекстовой конструкции реальности созвучен идее медиатизированного конструирования [9].

Есть у полученных выводов и границы. Прежде всего, параллельный корпус является тестовым. Тридцать пять пар в строгом ядре, несколько сотен кластеров одного круга изданий в расширенном слое – на таком материале рост инструментального модуса доказан лишь как тенденция. Далее, четырёхмодусная модель берёт измеримое ядро коммуникативной организации новости, но не всю её функциональную ткань. Диахронический срез, наконец, держится на одном-единственном издании, «Ленте.ру», так что перенос вывода на профессиональную прессу в целом потребует расширения выборки. И всё же основное наблюдение эти оговорки не подрывают: разрыв между средами устойчив, на независимых источниках он воспроизводится.

Выводы

Итог сравнения удобно собрать в несколько выводов. Первый: среда «весит» больше времени. Смена коммуникативной площадки меняет русскоязычный новостной текст сильнее, чем двадцатилетняя эволюция отдельного издания. Второй: профессиональный сайт держит институциональную норму сообщения, нарастание же сигнальности проступает не внутрисайтовым трендом, а межсредовым градиентом. Третий: платформенная перепаковка материала – это разом и сжатие, и сдвиг от смыслопорождения к сигналу; на параллельном корпусе механизм наблюдаем напрямую.

Четвёртый вывод уточняет операционализацию: после отрицательного результата по «Ленте» примету платформенной трансформации надлежит искать в форматном градиенте и парном ему ослаблении смыслопорождения, а не в росте показателей внутри одной среды. Пятый – особо значимый для медиакоммуникаций: новостной текст в платформенной среде расслаивается на несколько синхронно сосуществующих регистров, интерпретирующая же функция журналистики уходит с уровня отдельного текста на уровень форматов и межтекстовых связей. Куда именно она перемещается и как там перестраивается – вопрос уже отдельного исследования.

Список источников

1. Вартанова Е.Л. Теория медиа: отечественный дискурс. Москва: Издательство Московского университета, 2019. 224 с.

2. Дускаева Л.Р. Медиатекстология: системный подход к изучению форматно-жанрового разнообразия современной медиаречи // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2023. № 6. С. 3 – 22.

3. Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. 2-е изд., исправл. Москва: ФЛИНТА, 2019. 241 с.

4. Соколов А.В. От гейткипинга к смыслопостроению: трансформация профессиональной функции журналистики в платформенной среде // Филология: научные исследования. 2026. № 8. С. 219 – 232. DOI 10.7256/2454-0749.2026.8.81822. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=81822

5. Anderson Christopher W. Apostles of Certainty: Data Journalism and the Politics of Doubt. New York : Oxford University Press, 2018. 240 p.

6. Bastos Marco Toledo Shares, Pins, and Tweets: News Readership from Daily Papers to Social Media // Journalism Studies. 2015. Vol. 16. No. 3. P. 305 – 325. DOI 10.1080/1461670X.2014.891857

7. Bell Emily Jane, Owen Taylor The Platform Press: How Silicon Valley Reengineered Journalism. New York: Tow Center for Digital Journalism, Columbia University, 2017. 105 p. DOI 10.7916/D8R216ZZ

8. Bruns Axel Gatewatching and News Curation: Journalism, Social Media, and the Public Sphere. New York: Peter Lang, 2018. 250 p.

9. Couldry Nick, Hepp Andreas. The Mediated Construction of Reality. Cambridge: Polity Press, 2017. 290 p.

10. Hermida Alfred. Twittering the News: The Emergence of Ambient Journalism // Journalism Practice. 2010. Vol. 4. No. 3. P. 297 – 308. DOI 10.1080/17512781003640703

11. Lewis Seth C., Molyneux Logan. A Decade of Research on Social Media and Journalism: Assumptions, Blind Spots, and a Way Forward // Media and Communication. 2018. Vol. 6. No. 4. P. 11 – 23. DOI 10.17645/mac.v6i4.1562

12. Ong Walter Jackson Orality and Literacy: The Technologizing of the Word. 2nd edition. London; New York: Routledge, 2002. 204 p.

13. van Dijck José, Poell Thomas, de Waal Martijn The Platform Society: Public Values in a Connective World. New York: Oxford University Press, 2018. 226 p.

14. Wahl-Jorgensen Karin. An Emotional Turn in Journalism Studies? // Digital Journalism. 2020. Vol. 8. No. 2. P. 175 – 194. DOI 10.1080/21670811.2019.1697626

15. Welbers Kasper, Opgenhaffen Michaël Presenting News on Social Media: Media Logic in the Communication Style of Newspapers on Facebook // Digital Journalism. 2019. Vol. 7. No. 1. P. 45 – 62. DOI 10.1080/21670811.2018.1493939

16. Yutkin Daniel Lenta.Ru-News-Dataset: набор новостных текстов интернет-портала Lenta.ru за 1999-2019 годы: электронный ресурс. URL: https://github.com/yutkin/Lenta.Ru-News-Dataset (дата обращения: 29.04.2026)

17. Rossiya Segodnya RIA News Dataset: набор новостных текстов информационного агентства «РИА Новости»: электронный ресурс. URL: https://github.com/RossiyaSegodnya/ria_news_dataset (дата обращения: 29.04.2026)

18. Khubiyev Kasymkhan Usufovich. Russian Financial News Dataset 2020-2024: аннотированный набор русскоязычных финансовых новостей: электронный ресурс. URL: https://www.kaggle.com/datasets/kkhubiev/russian-financial-news (дата обращения: 29.04.2026)

19. ScoutieAutoML. Russian News Telegram Dataset 2020-2024: набор сообщений русскоязычных новостных Telegram-каналов с платформенно-специфическими признаками: электронный ресурс. URL: https://huggingface.co/datasets/ScoutieAutoML/russian-news-telegram-dataset (дата обращения: 29.04.2026)

References

1. Vartanova E.L. Media Theory: Domestic Discourse. Moscow: Moscow University Publishing House, 2019. 224 p.

2. Duskaeva L.R. Media Textology: A Systems Approach to the Study of Format-Genre Diversity of Contemporary Media Speech. Moscow University Bulletin. Series 10, Journalism. 2023. No. 6. P. 3 – 22.

3. Klushina N.I. Stylistics of Journalistic Text. 2nd ed., revised. Moscow: FLINTA, 2019. 241 p.

4. Sokolov A.V. From Gatekeeping to Meaning-Building: Transformation of the Professional Function of Journalism in a Platform Environment." Philology: Research. 2026. No. 8. P. 219 – 232. DOI 10.7256/2454-0749.2026.8.81822. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=81822

5. Anderson Christopher W. Apostles of Certainty: Data Journalism and the Politics of Doubt. New York: Oxford University Press, 2018. 240 p.

6. Bastos Marco Toledo Shares, Pins, and Tweets: News Readership from Daily Papers to Social Media. Journalism Studies. 2015. Vol. 16. No. 3. P. 305 – 325. DOI 10.1080/1461670X.2014.891857

7. Bell Emily Jane, Owen Taylor The Platform Press: How Silicon Valley Reengineered Journalism. New York: Tow Center for Digital Journalism, Columbia University, 2017. 105 p. DOI 10.7916/D8R216ZZ

8. Bruns Axel Gatewatching and News Curation: Journalism, Social Media, and the Public Sphere. New York: Peter Lang, 2018. 250 p.

9. Couldry Nick, Hepp Andreas. The Mediated Construction of Reality. Cambridge: Polity Press, 2017. 290 p.

10. Hermida Alfred. Twittering the News: The Emergence of Ambient Journalism. Journalism Practice. 2010. Vol. 4. No. 3. P. 297 – 308. DOI 10.1080/17512781003640703

11. Lewis Seth C., Molyneux Logan. A Decade of Research on Social Media and Journalism: Assumptions, Blind Spots, and a Way Forward. Media and Communication. 2018. Vol. 6. No. 4. P. 11 – 23. DOI 10.17645/mac.v6i4.1562

12. Ong Walter Jackson Orality and Literacy: The Technologizing of the Word. 2nd edition. London; New York: Routledge, 2002. 204 p.

13. van Dijck José, Poell Thomas, de Waal Martijn The Platform Society: Public Values in a Connective World. New York: Oxford University Press, 2018. 226 p.

14. Wahl-Jorgensen Karin. An Emotional Turn in Journalism Studies? Digital Journalism. 2020. Vol. 8.No. 2. P. 175 – 194. DOI 10.1080/21670811.2019.1697626

15. Welbers Kasper, Opgenhaffen Michaël Presenting News on Social Media: Media Logic in the Communication Style of Newspapers on Facebook. Digital Journalism. 2019. Vol. 7. No. 1. P. 45 – 62. DOI 10.1080/21670811.2018.1493939

16. Yutkin Daniel Lenta.Ru-News-Dataset: a set of news texts from the Internet portal Lenta.ru for 1999-2019: an electronic resource. URL: https://github.com/yutkin/Lenta.Ru-News-Dataset (date of access: 29.04.2026)

17. Rossiya Segodnya RIA News Dataset: a set of news texts from the RIA Novosti news agency: an electronic resource. URL: https://github.com/RossiyaSegodnya/ria_news_dataset (date of access: 29.04.2026)

18. Khubiyev Kasymkhan Usufovich. Russian Financial News Dataset 2020-2024: An annotated set of Russian-language financial news: An online resource. URL: https://www.kaggle.com/datasets/kkhubiev/russian-financial-news (date of access: 29.04.2026)

19. ScoutieAutoML. Russian News Telegram Dataset 2020-2024: A set of messages from Russian-language Telegram news channels with platform-specific features: An online resource. URL: https://huggingface.co/datasets/ScoutieAutoML/russian-news-telegram-dataset (date of access: 29.04.2026)

Информация об авторе

Соколов А.В., кандидат филологических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 125167, г. Москва, пр-кт Ленинградский, д. 49/2, alvsokolov@fa.ru

© Соколов А.В., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 81’373.23
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-297-303

Антропонимический код культуры в русской и адыгейской языковых картинах мира: историческая динамика, современные трансформации и социокультурные функции

[1] Уракова Ф.К.,
[1] Адыгейский государственный университет

Аннотация: статья посвящена комплексному исследованию национально-культурной специфики антропонимической лексики в разноструктурных языках (русском и адыгейском) в диахроническом и синхроническом аспектах. Актуальность работы обусловлена антропоцентрической парадигмой современной лингвистики и необходимостью изучения имени собственного как транслятора этнокультурных смыслов в условиях глобализации. Материалом послужили данные историко-этимологических словарей, этнографические описания, статистические отчёты органов ЗАГС, а также полевые наблюдения над современной практикой имянаречения. Методы исследования включают лингвокультурологическое комментирование, сопоставительный анализ, компонентный анализ антропооснов, элементы социолингвистического и статистического анализа.

Установлено, что в традиционных культурах антропонимы выполняли апотропеическую (обереговую) и статусную функции, что проявлялось в семантике имён (негативные, зоонимические, «кузнечные» у адыгов) и социальной дифференциации форм (суффиксы субъективной оценки, наличие/отсутствие отчества, фамилии). Современный этап характеризуется интенсивным влиянием глобализации: ростом заимствований (с 2,3% до 8,7% в адыгейском именнике за 2010-2022 гг.), появлением гибридных двойных имён, фонетической унификацией, но одновременно и встречной тенденцией возрождения исконных имён (рост с 3% до 5,6%). Анализ отчеств, фамилий, прозвищ и псевдонимов выявил этноспецифические различия: отсутствие отчества в адыгейской традиции, русификация адыгских фамилий, различия в образовании уменьшительных форм.

Антропонимический код остаётся важнейшим маркером этнокультурной идентичности, однако нуждается в кодификации и сохранении в условиях глобализационных процессов.

Ключевые слова: антропоним, языковая картина мира, лингвокультурология, концепт «человек»/ц1ыфы, русский язык, адыгейский язык, имянаречение, глобализация, трансформация именника, национальная специфика, социокультурные функции

Для цитирования: Уракова Ф.К. Антропонимический код культуры в русской и адыгейской языковых картинах мира: историческая динамика, современные трансформации и социокультурные функции // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 297 – 303. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-297-303

Поступила в редакцию: 27 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 24 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

The anthroponymic code of culture in the Russian and Adyghe linguistic worldviews: historical dynamics, modern transformations, and sociocultural functions

[1] Urakova F.K.,
[1] Adyghe State University

Abstract: the article is devoted to a comprehensive study of the national and cultural specificity of anthroponymic vocabulary in languages of different structures (Russian and Adyghe) in diachronic and synchronic aspects. The relevance of the work is due to the anthropocentric paradigm of modern linguistics and the need to study a proper name as a transmitter of ethnocul-

tural meanings in the context of globalization. The material used includes data from historical and etymological dictionaries, ethnographic descriptions, statistical reports from civil registry offices, as well as field observations of modern naming practices. The research methods include linguoculturological commentary, comparative analysis, component analysis of anthropocentric bases, and elements of sociolinguistic and statistical analysis.

It has been established that in traditional cultures, anthroponyms performed apotropaic (protective) and status related functions, which was manifested in the semantics of names (negative, zoonymic, «blacksmith» names among the Adyghe) and in the social differentiation of forms (suffixes expressing subjective assessment, the presence/absence of a patronymic, and surnames). The current stage is characterized by the intensive influence of globalization: an increase in borrowings (from 2.3% to 8.7% in the Adyghe name stock between 2010 and 2022), the emergence of hybrid double names, and phonetic unification; at the same time, there is a countervailing trend towards the revival of native names (an increase from 1% to 5.6%). An analysis of patronymics, surnames, nicknames, and pseudonyms revealed ethno specific differences: the absence of patronymics in the Adyghe tradition, the Russification of Adyghe surnames, and differences in the formation of diminutive forms.

The anthroponymic code remains a key marker of ethnocultural identity, but it needs to be codified and preserved in the context of globalization processes.

Keywords: anthroponym, linguistic worldview, linguoculturology, the concept of «person»/ц1ыфы, the Russian language, the Adyghe language, naming practices, globalization, transformation of the name list, national specificity, sociocultural functions

For citation: Urakova F.K. The anthroponymic code of culture in the Russian and Adyghe linguistic worldviews: historical dynamics, modern transformations, and sociocultural functions. Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 297 – 303. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-297-303

The article was submitted: July 27, 2026; Approved after reviewing: August 24, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

Антропоцентрическая парадигма современного языкознания закономерно выдвигает на первый план проблему концептуализации человека в языке. Концепт «человек» относится к базовым универсальным категориям, однако его содержание этноспецифично и выявляется через анализ различных языковых подсистем, среди которых антропонимическая лексика занимает особое место. Антропонимы, являясь своеобразными «культурными знаками», аккумулируют в своей внутренней форме и истории функционирования информацию о мировидении народа, его ценностных ориентирах и архетипических представлениях [1; 2].

Антропонимическая лексика, включающая личные имена, отчества, фамилии, прозвища и псевдонимы, представляет собой уникальный материал для выявления национально-культурной специфики языковой картины мира. Антропонимы не только идентифицируют личность, но и аккумулируют исторический опыт, религиозные воззрения, социальные отношения и эстетические предпочтения этноса [1; 2; 7].

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью комплексного сопоставительного анализа антропонимиконов генетически и типологически неродственных языков с целью выявления как универсальных закономерностей, так и этноспецифических черт номинации человека в условиях исторической динамики. Научная новизна работы заключается в интегративном подходе: антропонимы русского и адыгейского языков рассматриваются не изолированно, а как элементы единого антропонимического кода культуры, функционирующего в рамках концептуальной оппозиции «свой – чужой» и реализующего прагматическую функцию защиты и социализации индивида. Кроме того, в статье предпринимается попытка проследить влияние современных глобализационных процессов на трансформацию традиционных антропонимических систем данных языков.

Цель статьи – выявить национально-культурные особенности и социокультурные функции антропонимов в русском и адыгейском языках в диахронии и синхронии, определить характер и степень современных трансформаций.

Материалы и методы исследований

Материалом послужили: 1) лексикографические источники по русской и адыгейской антропонимии [3; 5; 7; 8]; 2) этнографические описания, содержащие сведения о традиционных обрядах имянаречения у адыгов [4; 9]; 3) статистические отчёты Управления ЗАГС Республики Адыгея за 2010 и 2022 гг. [10; 11]; 4) наблюдения над современной речевой практикой в русскоязычной и адыгейской средах (устные опросы, анализ медиатекстов).

Методологическую базу составляют: метод лингвокультурологического комментирования, позволяющий эксплицировать культурные коннотации имени; сопоставительный метод, направленный на выявление изоморфизма и алломорфизма в системах номинации; метод компонентного анализа для описания семантической структуры антропооснов; описательно-аналитический метод, включающий интерпретацию и обобщение полученных данных; элементы социолингвистического анализа для характеристики современных процессов.

Результаты и обсуждения

Анализ антропонимического материала показал, что в обеих лингвокультурах имя собственное исторически выполняло не столько функцию идентификации, сколько функцию моделирования судьбы и защиты носителя. Ключевым мотивом, объединяющим русский и адыгейский именники дохристианского и доисламского периодов, является апотропеическая (обережная) магия. Обе культуры выработали сходный механизм «обманных» имён. В русском именнике это имена с негативной семантикой (Некрас, Невзор, Покид, Бессон) или с семантикой «откупа» (Найден, Продан), в адыгейском – зоонимы и «отпугивающие» имена: Тыгъужъ (Волк), Хьакъар (Черная собака), ХьапакI (Собачий ус), Бзыу (Птица), Мышъэост (Снежный медведь) [4, с. 110]. Следует подчеркнуть, что адыгейская традиция демонстрирует более развитую систему «обмана» духов, включающую не только ономастическую магию, но и ритуальную перемену имени (например, при болезни ребенка или частой смертности детей в семье) [4, с. 103]. К числу специфических адыгских явлений принадлежит и обряд «усыновления» кузницей, с которым связано образование имён от основ ГъукIэ- (кузнец) и ГъучIы- (железо), например ГъучIыпс (Железная душа) или КIыщмай (Принадлежащий кузнице). Подобная практика отражает архаический культ железа и не имеет аналогов в русской традиции [4, с. 103].

Сопоставление мотивационных групп показывает наличие как общих, так и этноспецифических областей. В обеих традициях значительный пласт составляют имена, фиксирующие внешние физические признаки (рус. Косой, Мал; адыг. Пакь «Коротконосая», Нэшъу «Слепой», Фыжь «Белая») и качества характера (рус. Несмеяна; адыг. Данэ «Шелковая, ласковая», Дэй «Плохая», Шъхьаныкъо «Пустоголовый»). Такой состав свидетельствует о высокой антропоцентричности обеих картин мира: именно наблюдение за внешностью и психикой служило исходным импульсом для имянаречения. Вместе с тем культурная специфика обнаруживается в социально-иерархическом компоненте. Дохристианский русский именник преимущественно отражал общинный быт и семейный уклад, тогда как адыгейский ономастикон включает заметный слой аристократической номинации, что обусловлено выраженной феодальной стратификацией адыгского общества. Компоненты Пщы- (князь), Гуащэ- (княгиня), Хъан- (госпожа, ханша), ЛIы- (мужчина-воин), Шъао-/Къо- (сын) обозначали не просто статус, а принадлежность к военной аристократии [5, с. 23].

Особый интерес представляет характерный для адыгского языка пласт редуплицированных имён (Заза, Саса, Цаца, Куаку) с общим ласкательным значением, лишённых прямой предметной семантики. Подобное явление, распространённое в языках кавказского ареала, демонстрирует особую фонетическую эстетику и экспрессивность номинации, не свойственную русскому антропонимикону того же периода, где даже отрицательная семантика сохраняла свою наполненность. В современном адыгейском языке такие имена продолжают функционировать как «домашние» (вторые) у младшего поколения и как основные у старшего [5, с. 22].

Антропонимия позволяет реконструировать модель концепта «человек / цIыфы», которая отличается сложной организацией. В традиционных культурах языковая личность осмыслялась через бинарные оппозиции (красивый / безобразный, умный / глупый, свой / чужой, сакральный / профанный). Имя не сводилось к простому ярлыку: оно служило вербальным кодом судьбы. Эта особенность сближает русскую и адыгейскую традиции на глубинном мифопоэтическом уровне, несмотря на типологические различия языков.

В синхроническом плане традиционные системы имянаречения обеих культур претерпели существенные изменения под воздействием экстралингвистических факторов: смены религий, государственной языковой политики, миграционных процессов и моды.

После принятия христианства русская антропонимическая система радикально изменилась: место исконных имён заняли календарные (церковные) имена греческого, латинского и древнееврейского происхождения. В XX-XXI вв., однако, наметилась тенденция возврата к национальным истокам. В постсоветский период растёт популярность древнерусских имён (Ярослав, Святослав, Мирослава, Забава и др.), появляются новообразования по традиционным словообразовательным моделям (Доброслав, Велимира). Указанный процесс можно трактовать как ответ на унификацию и стремление восстановить этнокультурную идентичность. В то же время сохраняется сильное влияние западноевропейской и американской антропо-

нимической моды: распространяются имена, не связанные с русской культурной традицией (Николь, Мишель, Даниэль, Ариана и т.п.), нередко в оригинальном фонетическом оформлении.

В адыгейской среде процессы трансформации еще более многогранны. После исламизации адыгов в XVII-XIX веках традиционный именник был в значительной степени вытеснен арабскими именами (Мухаммед, Аслан, Зарема, Мадина и др.), которые до сих пор доминируют в республике. Однако наряду с ними в XX веке, особенно в советский период, широкое распространение получили русские и интернациональные имена (Руслан, Тимур, Светлана, Марина), что было связано с русификацией и вхождением в единое советское социокультурное пространство. В настоящее время наблюдается двойственная тенденция: с одной стороны, усиливается интерес к возрождению исконно адыгейских (черкесских) имен, особенно среди национальной интеллигенции: в семьях появляются дети с именами Тыгъужъ, Нэфсэт, Шъыхьат, ЛъэпцIэ и др., которые ранее воспринимались как устаревшие или простонародные; с другой стороны, продолжается интенсивное влияние русской и западной антропонимики, что приводит к появлению гибридных форм и фонетической адаптации. Например, традиционное адыгейское имя Нурбий соседствует с образованным от арабского Нур + русский суффикс -бий, а также возникают сочетания типа Аминат-Мария или Айдамир, где адыгская основа соединяется с иноязычным элементом.

Кроме того, глобализационные процессы проявляются в унификации орфографии и произношения: адыгейские имена в официальных документах и медиапространстве зачастую записываются в упрощенной русской транслитерации, что ведет к утрате специфических фонем и искажению внутренней формы (например, Тыгъужъ → Тугуж, ХьакIэ → Хаче). Это разрушает внутреннюю форму и затрудняет сохранение культурной семантики.

Статистические данные по Республике Адыгея за 2010-2022 гг. позволяют количественно оценить эти тенденции. В 2010 г. среди новорождённых адыгейской национальности наиболее частотными мужскими именами были Аслан (11,2%), Тимур (9,8%), Дамир (7,4%), Рустам (5,9%), женскими – Амина (10,5%), Самира (7,8%), Мадина (6,3%), Зарема (5,1%) [10]. Доля исконно адыгейских имён составляла около 3%. К 2022 г. первая пятёрка мужских имён выглядит как Тимур (10,1%), Аслан (9,3%), Дамир (6,8%), Адам (5,5%), женских – Амина (9,7%), Самира (7,1%), Аиша (5,4%), Ясмина (4,8%) [11]. При этом доля исконно адыгейских имён выросла до 5,6% (например, Тыгъужъ – с 2 до 14 регистраций, Нэфсэт – с 0 до 9, Шъыхьат – с 1 до 7). Рост популярности имён Адам, Ясмина, Аиша отражает влияние общемировой моды на арабские имена с интернациональным звучанием.

Параллельно фиксируется рост заимствований из западноевропейского именника: доля таких имён среди адыгейских детей увеличилась с 2,3% в 2010 г. до 8,7% в 2022 г. (Марк – с 5 до 38, Арианна – с 0 до 21, Даниэль – с 8 до 29, Милана – с 12 до 44) [10; 11]. В русской среде (по данным ЗАГС Москвы) доля имён западного происхождения за 2015-2022 гг. выросла с 8% до 12% [12]. Одновременно в русском именнике растёт популярность древнерусских имён (Ярослав, Мирослава, Доброслав), что свидетельствует о реакции на унификацию и стремлении к этнической самоидентификации.

Глобализация приводит к появлению гибридных двойных имён (Аминат-Мария, Айдамир-Александр, Нурбий-Никита) – в 2022 г. зарегистрировано 17 таких случаев в РА [11]. Заимствованные имена подвергаются фонетической и графической адаптации: в адыгейском языке отбрасывается конечное -а у женских имён арабского происхождения (Саида → Саид, Фатима → Фатим, Амина → Амин, Самира → Самир), что может приводить к нежелательной омонимии с мужскими именами [5, с. 45].

Таким образом, современный этап функционирования антропонимов в обоих языках характеризуется: отходом от магической и статусной функций имени в пользу эстетической и идентифицирующей; активным межкультурным заимствованием и смешением; одновременным действием центростремительных (возрождение традиций) и центробежных (унификация) сил.

Русская антропонимическая система, в отличие от адыгейской, исторически включает отчество. Возникнув в княжеской среде как показатель родовитости, отчество с суффиксом -вич долгое время было социально маркированным: в XVI-XVII вв. его могли носить только высшие сословия, а для низших использовались формы с суффиксом -к- (Ивашка, Петрушка) [7, с. 132]. В адыгейской традиции отчество отсутствует; уважительное обращение к старшим выражается иными средствами (полное имя, термины родства). Под влиянием русского языка в официальной сфере адыги используют форму «имя + отчество» (Саният Ильясовна, Каплан Джирасланович), что является заимствованием модели [9, с. 78].

Фамилии в русском языке формируются к XVII-XVIII вв. преимущественно от имён и прозвищ отца с помощью суффиксов -ов/-ев/-ин (Иван → Иванов, кузнец → Кузнецов). У адыгов фамилии появились позже и часто образованы от личных имён или прозвищ предков с помощью исконного элемента -ыкъо (сын): Мэрэтыкъо, Чэчаныкъо. Однако в русской передаче адыгские фамилии, как правило, русифицируются до-

бавлением суффикса -ов: Шаов, Намитоков, Кумахов. Это приводит к утрате национальной морфемы и искажению исконной структуры, что ставит вопрос о целесообразности сохранения исходной формы (Куиз, Паранук, Хутыз) [5, с. 189; 9, с. 112].

Прозвища в обеих культурах выполняют дополнительную идентифицирующую и оценочную функцию. В русском языке прозвище может употребляться вместо имени (Косой, Рыжий), в адыгейском – почти всегда сочетается с личным именем (Ибрахьим Плъыжь «Рыжий Ибрагим», Адам ЦIыкIу «Маленький Адам»), что связано с большей значимостью личного имени для идентификации в традиционном обществе [9, с. 156].

Псевдонимы, как особая разновидность антропонимов, отражают стремление личности к самопрезентации. В русской культуре широко известны псевдонимы-характеристики (Максим Горький, Андрей Белый), этнонимы (Леся Украинка), геонимы (Важа Пшавела). В адыгской среде также существовали псевдонимы общественных деятелей: Каламбий (Адиль-Гирей Кешев), Черкес (С. Сиюхов). Псевдонимы выполняют не только маскировочную, но и символическую функцию, подчёркивая национальную, социальную или творческую идентичность [8, с. 210].

Русский язык обладает богатой системой уменьшительно-ласкательных, фамильярных и уничижительных форм личных имён, образуемых с помощью более чем 80 аффиксов (Мария – Маша, Машенька, Маня, Маруся, Муся). Адыгейский язык использует аналитические средства: прилагательные цIыкIу «маленький» и жъый «крошечный», а также суффикс -жъ- с пренебрежительным значением (ГъукIэжъ «старый кузнец») [5, с. 210]. Под влиянием русского языка в адыгейскую речь проникают русские деминутивные суффиксы (-очк-, -еньк-), однако они не стали системными.

Обращение по имени в русской культуре дифференцировано в зависимости от возраста, статуса, степени близости: полное имя + отчество (официально), полное имя (нейтрально), сокращённая форма (дружески), деминутив (ласково). В адыгейской среде обращение по одному имени к любому лицу является нормой; отчество не используется, а обращение по фамилии приобретает оттенок фамильярности или отчуждённости. Это различие служит источником интерференции при обучении русскому языку как неродному.

Выводы

Проведенное исследование позволяет констатировать, что антропонимическая система как русского, так и адыгейского языков является динамичным образованием, отражающим исторические, социальные и культурные трансформации этноса.

1. В диахроническом аспекте в сопоставляемых лингвокультурах обнаруживается универсальный антропонимический код, реализующий магическую (апотропеическую) функцию. Имя в традиционном сознании наделялось онтологическим статусом и способностью влиять на судьбу носителя. При этом национально-культурная специфика проявляется в наполнении семантических зон: для русской традиции характерны влияние христианского канона, опора на признаки внешности и поведения; для адыгейской – развитый культ железа (кузнечный код), выраженная статусная стратификация и наличие редуплицированных форм.

2. В синхроническом аспекте обе системы подвержены значительному влиянию глобализации, проявляющемуся в заимствовании иноязычных имен, унификации фонетического облика и отходе от традиционных мотивировок. Однако параллельно наблюдается встречный процесс – актуализация этнического самосознания, ведущая к частичному возрождению архаических пластов именника.

3. Функции отчеств, фамилий, прозвищ и псевдонимов в русской и адыгейской системах существенно различаются: в адыгейском языке отсутствует отчество, адыгские фамилии подверглись русификации, поразному употребляются прозвища и формы обращения. Указанные различия необходимо принимать во внимание как при обучении русскому языку в национальной школе, так и при кодификации антропонимической лексики.

4. Перспективы исследования предполагают продолжение наблюдений над современной практикой имянаречения, лексикографическую фиксацию новых и возрождённых имён, а также разработку рекомендаций, направленных на сохранение этнокультурного своеобразия антропонимических систем в условиях цифровизации и межкультурной интеграции.

Список источников

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

2. Катермина В.В. Личное имя собственное: национально-культурные особенности функционирования (на материале русского и английского языков). Краснодар: ИВЦ КубГУ, 1998. 19 с.

3. Культура и быт адыгов: Этнографические исследования. Майкоп, 1976. Вып. 1. 230 с.
4. Меретуков М.А. Кузнечное ремесло у адыгов в XIX в. // Ученые записки Адыг. науч.-исслед. ин-та. Майкоп, 1965. Т. 4. С. 95-118.
5. Намитокова Р.Ю. В мире имен собственных: Лингвистические беседы по краеведению. Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1993. 246 с.
6. Никонов В.А. Имя и общество. М.: Наука, 1974. 278 с.
7. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.
8. Суперанская А.В. Современный словарь личных имён: Сравнение. Происхождение. Написание. М.: Айрис-пресс, 2005. 384 с.
9. Уракова Ф.К. Языковая картина мира и антропонимическая лексика (на материале адыгейского языка) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2015. Вып. 2 (153). С. 112 – 116.
10. Отчёт Управления ЗАГС Республики Адыгея о регистрации актов гражданского состояния за 2010 год. Майкоп, 2011. 34 с.
11. Статистический бюллетень Управления ЗАГС Республики Адыгея за 2022 год. Майкоп, 2023. 41 с.
12. Аналитический обзор Управления ЗАГС г. Москвы «Динамика имянаречения в столице (2015-2022)». М., 2023. 28 с.
13. Хабекирова Х.А., Шенкао М.А. Адыгские личные имена: лингвокультурологический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 1. С. 145 – 150.
14. Зинин С.И. Введение в русскую антропонимику. Ташкент: Фан, 1972. 276 с.
15. Селищев А.М. Происхождение русских фамилий, личных имён и прозвищ // Труды по русскому языку. М., 1968. Т. 1. С. 87 – 152.

References

1. Arutyunova N.D. Language and the World of Man. Moscow: Languages of Russian Culture, 1999. 896 p.
2. Katerina V.V. Proper Personal Name: National and Cultural Features of Functioning (Based on Russian and English). Krasnodar: KubSU Information and Communicative Center, 1998. 19 p.
3. The Culture and Life of the Adyghe: Ethnographic Research. Maikop, 1976. Issue 1. 230 p.
4. Meretukov M.A. Blacksmithing among the Adyghe in the 19th Century. Scientific Notes of the Adyghe Research Institute. Maikop, 1965. Vol. 4. P. 95 – 118.
5. Namitokova R.Yu. In the World of Proper Names: Linguistic Conversations on Local History. Maikop: Adyghe. Book Publishing House, 1993. 246 p.
6. Nikonov V.A. Name and Society. Moscow: Nauka, 1974. 278 p.
7. Superanskaya A.V. General Theory of Proper Names. Moscow: Nauka, 1973. 366 p.
8. Superanskaya A.V. Modern Dictionary of Personal Names: Comparison. Origin. Spelling. Moscow: Iris-press, 2005. 384 p.
9. Urakova F.K. Linguistic Picture of the World and Anthroponymic Lexicon (Based on the Adyghe Language). Bulletin of Adyghe State University. Series 2: Philology and Art Criticism. 2015. Issue 2 (153). P. 112 – 116.
10. Report of the Civil Registry Office of the Republic of Adygea on the registration of civil status acts for 2010. Maykop, 2011. 34 p.
11. Statistical Bulletin of the Civil Registry Office of the Republic of Adygea for 2022. Maykop, 2023. 41 p.
12. Analytical Review of the Moscow Civil Registry Office "Dynamics of Naming in the Capital (2015-2022)". Moscow, 2023. 28 p.
13. Khabekirova H.A., Shenkao M.A. Adyghe Personal Names: Linguocultural Aspect. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2022. Vol. 15. No. 1. P. 145 – 150.
14. Zinin S.I. Introduction to Russian Anthroponymy. Tashkent: Fan, 1972. 276 p.
15. Selishchev, A.M. The Origin of Russian Surnames, Personal Names, and Nicknames. Works on the Russian Language. Moscow, 1968. Vol. 1. P. 87 – 152.

Информация об авторе

Уракова Ф.К., доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ORCID ID: http://orcid.org/0000-0003-4036-4346, Адыгейский государственный университет, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, urakova.fatima@mail.ru

© Уракова Ф.К., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81.271
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-304-309

«Свой» и «чужой» фразеологизм: от смысловых барьеров к преодолению стереотипов и межкультурному диалогу (на примере русско-туркменских студенческих групп ДГПУ)

[1] Захарчук О.Е., [1] Метейко В.В., [1] Бартенева Я.Ф.,
[1] Донской государственный технический университет

Аннотация: в статье рассматривается функционирование фразеологических единиц с семантикой «свой – чужой» в межкультурной коммуникации русских и туркменских студентов. Теоретической основой послужили положения лингвокультурологии и когнитивной лингвистики о фразеологизмах как «культурных маркерах». Актуальность исследования обусловлена необходимостью лингвокультурной адаптации иностранных обучающихся в полиэтнической образовательной среде российского вуза. Цель работы – выявить зоны смысловых барьеров, возникающих при использовании русских и туркменских фразеологизмов, и описать способы их преодоления для формирования межкультурной компетенции. В ходе включённого наблюдения за языковыми реалиями в полиэтнических студенческих группах и интервью выявляются зоны смысловых барьеров, обусловленные различиями в национальных фразеологических картинах мира, и описываются способы преодоления стереотипов через осознанное обращение к фразеологическому фонду двух языков. Обосновывается лингводидактический потенциал сопоставительного анализа фразеологизмов как инструмента формирования межкультурной компетенции. Определено, что использование подходов «языкового моста», «рефлексивного осмысления» и «обмена оборотами» способствует преодолению смысловых барьеров. Практическая значимость работы заключается в возможности применения разработанных приемов в преподавании русского языка как иностранного и в курсах лингвокультурологии для развития межкультурного диалога [7].

Ключевые слова: фразеологизм, «свой – чужой», межкультурная коммуникация, русско-туркменские студенческие группы, языковая картина мира, лингвокультурология

Для цитирования: Захарчук О.Е., Метейко В.В., Бартенева Я.Ф. «Свой» и «чужой» фразеологизм: от смысловых барьеров к преодолению стереотипов и межкультурному диалогу (на примере русско-туркменских студенческих групп ДГПУ) // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 304 – 309. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-304-309

Поступила в редакцию: 27 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 24 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

«One's own» and «someone else's» phraseology: from semantic barriers to overcoming stereotypes and intercultural dialogue (using the example of Russian-Turkmen student groups of DSTU)

[1] Zakharchuk O.E., [1] Meteyko V.V.,[1] Barteneva Ya.F.,
[1] Don State Technical University

Abstract: the article examines the functioning of phraseological units with the semantics of "friend or foe" in the intercultural communication of Russian and Turkmen students. The theoretical framework is based on the principles of linguoculturology and cognitive linguistics, which view phraseological units as "cultural markers". The relevance of the study is determined by the need for linguocultural adaptation of foreign students in the multiethnic educational environment of a Russian university. The aim of the work is to identify areas of semantic barriers that arise when using Russian and Turkmen phraseological units, and to describe ways to overcome them for the formation of intercultural competence. Through participant observation of linguistic phenomena in multiethnic student groups and interviews, the study identifies zones of semantic barriers caused by

differences in national phraseological worldviews, and describes strategies for overcoming stereotypes through conscious reference to the phraseological resources of both languages. The linguodidactic potential of comparative analysis of phraseological units as a tool for developing intercultural competence is substantiated. It is determined that the use of the approaches of "linguistic bridge", "reflective comprehension" and "exchange of idioms" contributes to overcoming semantic barriers. The practical significance of the work lies in the possibility of applying the developed techniques in teaching Russian as a foreign language and in linguoculturology courses for the development of intercultural dialogue [7].

Keywords: phraseology, "friend or foe", intercultural communication, Russian-Turkmen student groups, linguistic worldview, linguoculturology

For citation: Zakharchuk O.E., Meteyko V.V., Barteneva Ya.F. «One's own» and «someone else's» phraseology: from semantic barriers to overcoming stereotypes and intercultural dialogue (using the example of Russian-Turkmen student groups of DSTU). Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 304 – 309. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-304-309

The article was submitted: July 27, 2026; Approved after reviewing: August 24, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

На факультете «Социально-гуманитарный» в Донском государственном техническом университете получают высшее образование свыше двухсот студентов, приехавших из Туркменистана. Лингвокультурная адаптация туркменских обучающихся – будущих учителей русского языка и литературы в академической среде российского вуза – сложный процесс, который зависит от внешних и внутренних факторов: языковой среды, социокультурных и традиционных различий, взаимодействия с преподавателями и российскими студентами в группе, ценностной ориентацией и мотивацией к обучению и т.д. Бесспорно, определяющую роль в успешности межкультурной коммуникации играет прежде всего лингвистическая адаптация иностранного студента. Однако овладение русским языком заключается не только в изучении системы самого языка (фонетики, морфемики, словообразования, лексики, морфологии, синтаксиса), но и в желании анализировать общее и различное в родном и неродном языках, умении сопоставлять лексико-семантические особенности, отражающие дихотомию «свой – чужой» в русско-туркменских языковых реалиях, то есть в стремлении к получению этнокультурной информации через язык. Данные навыки, по нашему мнению, станут эффективным способом выстраивания межкультурного туркменско-российского диалога и формирования культурологической компетенции у иностранных студентов.

Более глубокое погружение в языковую среду может происходить и за счет изучения и сопоставления фразеологических единиц двух языков, аккумулирующих многолетний опыт народа, его ценности и стереотипы. Категория «свой – чужой» является фундаментальной для человеческого познания и находит отражение во фразеологии всех языков. Согласно В.Н. Телия, фразеологизмы выступают в роли «культурных маркеров», чья образная основа содержит национально-специфические значения [8, с. 215]. Современные исследования также подтверждают, что анализ фразеологических единиц в межкультурном контексте остаётся актуальной лингводидактической задачей [6]. В межкультурном диалоге, особенно на начальных этапах адаптации, расхождения в понимании языковой картины традиционных представлений о человеке, его жизни, предназначении, бытовых реалиях создают семантические барьеры и сохраняют этнические стереотипы. Преодоление подобных трудностей возможно лишь при условии обоюдного интереса к фразеологическому наследию друг друга и осмысления собственной лингвокультурной картины мира [3, с. 11].

Цель данной статьи – проанализировать различное и общее в смысловом наполнении русских и туркменских фразеологизмов с семантикой «свой – чужой», продемонстрировать это проявление в учебной коммуникации полиэтнических студенческих групп и наметить пути использования фразеологического материала для развития межкультурного диалога и преодоления стереотипов о типичных чертах представителей другой культуры.

Материалы и методы исследований

В основе исследования лежат фразеологические единицы, отобранные из русских и туркменских фразеологических словарей [5], а также записи спонтанной речи студентов, полученные методом включённого наблюдения в течение двух лет (с 2024 по 2026 уч.гг.), в межнациональных российско-туркменских группах Донского государственного технического университета. Нами отобраны и проанализированы 107 коммуникативных ситуаций, включающих фразеологизмы или ссылки на них. Дополнительно были проведены

полуструктурированные интервью с 22 туркменскими студентами для выяснения степени дискурсивного понимания иностранными обучающимися фразеологических единиц и возможных ассоциативных культурологических реакций на них.

Результаты и обсуждения

Анализ фразеологического материала показывает, что оппозиция «свой – чужой» реализуется по нескольким семантическим проекциям: пространственная близость / удалённость, родственные / неродственные отношения, гостеприимство / враждебность, понимание / непонимание [2, с. 238]. Рассмотрим наиболее характерные группы русских и туркменских фразеологизмов, основанных на общности миропонимания и поведенческих паттернах, и проведем сопоставительный анализ их некоторых структурных моделей.

Пространственная оппозиция «дом – чужбина»

В русской фразеологии дом и родная земля имеют исключительно положительные коннотативные оттенки: *родные пенаты, дома и стены лечат, в гостях хорошо, а дома лучше*. Чуждое пространство, напротив, маркируется негативными ассоциациями: *на чужой стороне и весна не красна, чужая сторона – мачеха, за тридевять земель*. Туркменская фразеология демонстрирует аналогичную ценностную ориентацию: *Öz öýüm – ölül ýatan ýerim* («Свой дом – место, где можно лечь как мёртвый», то есть чувствовать себя абсолютно свободно и расслабленно); *Watandan aýra düşen, ganatsyz guşa döner* («Разлучённый с родиной становится бескрылой птицей»).

Однако наблюдения за речью туркменских студентов выявили любопытный феномен: при выражении тоски по дому они часто используют русские фразеологизмы, но в трансформированном виде. Так, студентка третьего курса в беседе с русской одногруппницей произнесла: «Знаешь, у нас говорят: *свой дом – это где ты можешь лечь как мёртвый*. Вот мне сейчас очень хочется так лечь». Российская студентка восприняла сказанное в негативном ключе из-за слова «мёртвый», и только после разъяснения оценила значение метафоры во фразеологическом обороте. Этот пример иллюстрирует смысловой барьер: буквальный перевод фразеологизма без учёта его культурной семантики ведет к непониманию и актуализирует стереотип «странности» чужой культуры.

Семантика фразеологических единиц представляет собой сложное и многоаспектное явление. Так, туркменский студент, впервые услышав выражение *быть не в своей тарелке,* не мог сначала понять, какое отношение *тарелка* имеет к состоянию дискомфорта человека, неудобства, поскольку в туркменской фразеологии для передачи подобного состояния используется совсем иной образ: *Özüni suwdan çykarylan balyk ýaly duýmak* («Чувствовать себя как рыба, вытащенная из воды»). После сопоставления двух идиом студенты устроили дискуссию о том, какой фразеологизм точнее передаёт ощущение оторванности от привычной среды.

Оппозиция «родной – чужой» в сфере межличностных отношений

Русская фразеология чётко разделяет людей по степени близости: *свой человек, свой в доску, свои люди – сочтёмся*, с одной стороны, и *чужой человек, чужая душа – потёмки, чужой хлеб горек* – с другой. В туркменской культуре категория «свой» имеет ещё более разветвлённую структуру, отражающую родоплеменные традиции. Фразеологизм *Bir garnyň içinde ýatan doganlar* («Братья, лежавшие в одном животе») обозначает высшую степень близости – родных братьев и сестёр. Выражение *Gan bir, jan bir* («Кровь одна, душа одна») употребляется для характеристики неразрывной связи между родственниками. В то же время для туркменской фразеологии характерно подчёркнуто уважительное отношение к любому гостю, даже незнакомому: *Myhman – Taňrynyň söýgüsi* («Гость – возлюбленный Бога»).

Столкновение этих фразеологических систем в студенческой аудитории порождает интересные коммуникативные эффекты. На семинаре по диалектологии российская студентка, характеризуя отношения в группе, сказала: «Мы уже почти *свои в доску*». Туркменские студенты, не знакомые с этим просторечным выражением, восприняли его буквально и начали обсуждать, при чём здесь слово *доска*. Преподаватель воспользовался ситуацией, чтобы выявить семантически параллельные высказывания в туркменской фразеологии: *Bir ýakadan baş, bir ýeňden el çykarmak* («Высунуть голову из одного ворота, руки из одного рукава» – действовать сообща, быть заодно). В результате возник продуктивный диалог о том, как разные культуры метафорически озвучивают идею сплочённости людей.

Фразеологизмы передают положительную или отрицательную оценку, иронию, пренебрежение, восхищение и другие эмоции, которые могут восприниматься иностранцем как обидные. Фраза *чувствовать себя чужим на этом празднике жизни*, сказанная русским студентом в шутку по поводу неудачного дня у туркменского обучающегося, была воспринята им как намёк на его изолированное положение в группе, что привело к временному охлаждению отношений между одногруппниками. Недопонимание удалось исчер-

пать только после развёрнутого объяснения литературного происхождения выражения и его переносного лексического значения. Данный случай подтверждает тезис Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова о том, что «фразеологизмы несут в себе мощный заряд национально-культурной семантики, который при межкультурном общении может срабатывать как мина замедленного действия» [1, с. 93].

Этнические стереотипы, закреплённые во фразеологии

Обе лингвокультуры содержат фразеологизмы, прямо или косвенно характеризующие представителей других народов. В русском языке это выражения – *уйти по-английски* (без прощания), *китайская грамота* (нечто непонятное), *цыганская душа* (склонность к обману). В туркменской фразеологии также присутствуют этнонимы: *Arap bolmak* («Быть арабом» – быть смуглым), *Pars dilinde gürlemek* («Говорить на персидском» – говорить непонятно). Применительно к русским людям в туркменской среде бытует выражение *Rus ýaly sowuk* («Холодный как русский»), отражающее стереотип о сдержанности и эмоциональной закрытости русского человека.

В студенческом общении данные фразеологизмы-стереотипы проявляются двояко. С одной стороны, они могут провоцировать обиду и отчуждение. Так, туркменский студент, услышав от русских одногруппников выражение *среднеазиатский сервис* (в значении «медленный, некачественный»), воспринял его как оскорбление национального достоинства. С другой стороны, осознанное обращение к таким фразеологизмам в учебных целях, с обязательным историко-культурным комментарием, способствует демифологизации стереотипов и способствует развитию межкультурного диалога [9].

Фразеологизмы как ключ к взаимопониманию

Наблюдения за студентами из России и Туркменистана выявили, что, несмотря на потенциальную сложность, фразеология обладает мощным объединяющим свойством. Совместный анализ значения устойчивых выражений, поиск их аналогов в родных языках и прояснение культурных контекстов способствует созданию доверительной атмосферы и нацеливает на взаимный интерес. Рассмотрим несколько успешных подходов к общению, зафиксированных во время эмпирических исследований.

Подход *«языкового моста»:* языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру (предметам быта, природе, животным, самому себе как элементу мира). Часто лингвисты, говоря о диалоге языковых культур, интересуются этимологией отдельных понятий и их отражением в национальных представлениях [3, с. 9]. При возникновении недоразумений из-за незнания семантики идиом, студенты из России и Туркменистана ищут не просто соответствующие выражения в языке собеседника, но и задаются вопросом этимологического происхождения лексического образа в том или ином фразеологизме. Например, описывая неудачную попытку выполнения задания, российский студент употребил фразу *первый блин комом*. Туркменская студентка немедленно парировала: «У нас говорят: *Ilkinji ok ýaýdan zaýa gider* – "Первая стрела выпускается впустую"». Появился взаимный интерес к вопросу об этимологическом соответствии конкретных образов (*блин* и *стрела*) для данной ситуации общения.

Подход *«рефлексивного осмысления»:* процесс анализа, переосмысление собственного речевого поведения, повышение осознанности к сказанному. Одна из российских студенток поделилась: «Я раньше спокойно говорила *"...ты что, татарин?"* в значении "непонятливый", но теперь задумалась – это может обидеть татар и другие тюркские народы. Я перестала так говорить».

Подход *«обмена оборотами»:* в группе спонтанно сложилась традиция *делиться* друг с другом фразеологизмами. Например, в университетской столовой обменялись фразами *Agyz suw bermek* («подпитывать слюной» – предвкушать что-то вкусное) на *слюнки текут*. Сравнение этих фразеологизмов, близких по смыслу и образности, вызвало положительные эмоции узнавания и ощущение языковой близости у студентов разных национальностей [4].

Фразеологизмы, имеющие коннотации «свой – чужой», в контексте взаимодействия студентов разных национальностей представляют собой сложный и интересный культурологический феномен. С одной стороны, различия в национальных фразеологических системах порождают смысловые барьеры и стереотипы, с другой, – фразеология, обладая образностью, эмоциональностью, типологическими особенностями языков, максимально приближенными к мировоззренческим реалиям конкретного народа, становится необходимым инструментом для построения межкультурного диалога. Совместное погружение в мир фразеологических оборотов помогает студентам увидеть за «чужими» словами близкую и понятную культуру, а за «своими» – осознать языковую обусловленность различных источников образности, несовпадающие культурные коды.

Выводы

Проведённое исследование подтвердило, что фразеологические системы русского и туркменского языков, несмотря на значительные структурные и культурные различия, обнаруживают как универсальные черты (общие лексико-тематические поля, наличие сходных семантических контекстов), так и ярко выраженную национальную специфику, отражающую особенности истории, быта, традиций и мировоззрения двух народов. Понимание этих сходств и различий является необходимым условием для эффективной межкультурной коммуникации, адекватного перевода и успешного преподавания языков.

Список источников

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и дополн. Москва: Русский язык, 1990. 246 с.

2. Дурдыева Гозель Акмурадовна. Национально-культурная специфика туркменских фразеологизмов с компонентом-соматизмом // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 5. С. 235 – 239.

3. Захарчук О.Е., Николенко О.В, Ерещенко М.В. К вопросу языковой ментальности в ракурсе межкультурного диалога // Актуальные вопросы изучения русского языка как иностранного и проблемы преподавания на русском языке: сборник статей по итогам VI Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 15-16 октября 2018 года. Ростов-на-Дону: Донской государственный технический университет, 2018. С. 8 – 12.

4. Иламанова А. Колоративная лексика во фразеологической картине мира: сопоставительный анализ (на материале русского, английского и туркменского языков) // Познание мира через язык: страна, история, культура: материалы Международной студенческой научно-практической конференции, Костанай, 26 февраля 2026 года / научный рук. А.Д. Дудько Костанай: Костанайский региональный университет имени А. Байурсынова, 2026. С. 44 – 49.

5. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 456 с.

6. Метейко В.В. О синонимии фразеологических единиц в русском языке // Актуальные проблемы науки и техники. 2025: Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, посвященной 95-летию Донского государственного технического университета, Ростов-на-Дону, 12-14 марта 2025 года. – Ростов-на-Дону: Донской государственный технический университет, 2025. С. 260 – 261.

7. Овхадов М.Р., Эльжуркаева М.Я. Лингвокультурный код в зеркале фразеологии: педагогические стратегии формирования межкультурной компетенции на занятиях по иностранному языку // Управление образованием: теория и практика. 2025. Т. 15. № 5. С. 183 – 190. DOI: 10.25726/18345-2646-4449-k

8. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

9. Фразеологизмы и пословицы в произведениях Махтумкули: сопоставительный анализ туркменских и персидских фразеологизмов и пословиц // Филология. 2026. № 47. С. 71 – 76. URL: https://periodicals.unisofia.bg/index.php/philology/article/view/3758 (дата обращения: 14.08.2026)

References

1. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Language and Culture: Linguistic and Cultural Studies in Teaching Russian as a Foreign Language. 4th ed., revised and expanded. Moscow: Russkiy Yazyk, 1990. 246 p.

2. Durdyeva Gozel Akmuradovna. National-Cultural Specifics of Turkmen Phraseological Units Containing Somatic Components. Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. 2019. Vol. 12. No. 5. P. 235 – 239.

3. Zakharchuk O.E., Nikolenko O.V., Ereshchenko M.V. On the Issue of Linguistic Mentality from the Perspective of Intercultural Dialogue. Current Issues in the Study of Russian as a Foreign Language and Problems of Teaching in Russian: Collection of Articles from the VI International Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, October 15-16, 2018. Rostov-on-Don: Don State Technical University, 2018. P. 8 – 12.

4. Ilamanova A. Color-Related Vocabulary in the Phraseological Worldview: A Comparative Analysis (Based on Russian, English, and Turkmen). Understanding the World Through Language: Country, History, Culture: Proceedings of the International Student Scientific and Practical Conference, Kostanay, February 26, 2026. Scientific Supervisor A.D. Dudko. Kostanay: A. Baitursynov Kostanay Regional University, 2026. P. 44 – 49.

5. Kovshova M.L. Linguoculturological Method in Phraseology: Cultural Codes. Moscow: LIBROKOM Book House, 2012. 456 p.

6. Meteyko V.V. On the Synonymy of Phraseological Units in the Russian Language. Current Issues in Science and Technology. 2025: Proceedings of the All-Russian (National) Scientific and Practical Conference Dedicated to the 95th Anniversary of Don State Technical University, Rostov-on-Don, March 12-14, 2025. Rostov-on-Don: Don State Technical University, 2025. P. 260 – 261.

7. Ovkhadov M.R., Elzhurkaeva M.Ya. The Linguocultural Code in the Mirror of Phraseology: Pedagogical Strategies for Developing Intercultural Competence in Foreign Language Classes. Education Management: Theory and Practice. 2025. Vol. 15. No. 5. P. 183 – 190. DOI: 10.25726/18345-2646-4449-k

8. Telia V.N. Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic, and Linguocultural Aspects. Moscow: Languages of Russian Culture School, 1996. 288 p.

9. Phraseologisms and Proverbs in the Works of Magtymguly: A Comparative Analysis of Turkmen and Persian Phraseologisms and Proverbs. Philology. 2026. No. 47. P. 71 – 76. URL: https://periodicals.uni-sofia.bg/index.php/philology/article/view/3758 (date of access: 14.08.2026)

Информация об авторах

Захарчук О.Е., кандидат филологических наук, доцент, Донской государственный технический университет

Метейко В.В., старший преподаватель, Донской государственный технический университет

Бартенева Я.Ф., Донской государственный технический университет

© Захарчук О.Е., Метейко В.В., Бартенева Я.Ф., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 651.926
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-310-317

Стратегии и способы перевода технической документации на примере паспортов безопасности и спецификаций горюче-смазочных материалов

[1] Милевская Т.В., [2] Канеева А.В., [1] Адамчук П.С.,
[1] Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
[2] Донской государственный технический университет

Аннотация: за прошедшее столетие развитие технологий затронуло не только промышленную сферу, но и профессиональную коммуникацию специалистов. Современное производство функционирует в условиях международных цепочек поставок, обязательной сертификации по глобальным стандартам, а также строгого соблюдения нормативов по охране труда и экологии. При таких обстоятельствах перевод технической документации перестал быть вспомогательной операцией; он трансформировался в критически значимый элемент технологического процесса. Весьма заметно это проявляется в сфере горюче-смазочных материалов: точность терминологии и формулировок оказывает прямое воздействие на надежность функционирования оборудования, соблюдение установленных регламентов и минимизацию возникновения аварий. Настоящая статья ставит своей целью изучить и проанализировать специфику лингвистических особенностей перевода с английского языка на русский документации, связанной с горюче-смазочными материалами. Подобное исследование не представляется возможным без выделения и описания основных стратегий перевода, которые применяются в процессе перевода специальной терминологии и устойчивых элементов, являющихся частью технической документации на примере паспортов безопасности и спецификаций горюче-смазочных материалов.

Ключевые слова: переводческие стратегии, техническая документация, горюче-смазочные материалы

Для цитирования: Милевская Т.В., Канеева А.В., Адамчук П.С. Стратегии и способы перевода технической документации на примере паспортов безопасности и спецификаций горюче-смазочных материалов // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 310 – 317. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-310-317

Поступила в редакцию: 27 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 25 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

Strategies and ways of technical documentation translation on the base of fuel and lubricants materials safety data sheets

[1] Milevsakaya T.V., [2] Kaneeva A.V., [1] Adamchuk P.S.,
[1] Plekhanov Russian University of Economics,
[2] Don State Technical University

Abstract: last century touched not only industrial sector but a professional communication as well. Modern industries work in the condition of international delivering chains, compulsory certification according to the global standards and strict respect of safety data sheets and ecology protection. Nowadays technical translation is not only an additional operation; it has been transformed to the highly important element of technological process. The most visible role is played in the fuel and lubricants materials sector: translation fidelity has a very big influence on the equipment work security, respect of regulations and decreasing of injury cases. Actual article has as a goal learning and analyzing linguistic peculiarities appearing during the translation of fuel and lubricants materials safety data sheets from English into Russian. This kind of study isn't possible without ac-

centuation and description of main translation strategies largely used in the special terms and elements translation which are part of fuel and lubricants materials safety data sheets technical documentation.

Keywords: translation strategies, technical documentation, fuel and lubricants materials

For citation: Milevsakaya T.V., Kaneeva A.V., Adamchuk P.S. Strategies and ways of technical documentation translation on the base of fuel and lubricants materials safety data sheets. Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 310 – 317. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-310-317

The article was submitted: July 27, 2026; Approved after reviewing: August 25, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

Среди основных и первичных свойств технической документации можно выделить терминологическую точность, структурную ясность, функциональную направленность и соответствие отраслевым нормативам. Техническая документация является сложным, комплексным, многофункциональным инструментом, который обеспечивает:

- обмен техническими знаниями между разными группами и поколениями специалистов;
- меры безопасности при использовании и эксплуатации оборудования;
- юридический аспект использования (в частности защиту) производителей и потребителей;
- стандартизацию процессов производства и ее интернациональную унификацию.

Все эти особенности предопределяют специфику перевода технической документации. Переводчик рассматриваемых текстов выполняет не только и не столько роль языковой адаптации. По сути, он является специалистом, имеющим соответствующие компетенции, чтобы объединить лингвистические и технические знания, что позволяет обеспечить корректный перевод смысловых оттенков, соблюсти требования международных и национальных регламентов, адаптировать перевод к постоянно эволюционирующим и развивающимся технологическим процессам. Подобная работа требует определенных навыков, среди которых особенно следует выделить: понимание предмета перевода, умение пользоваться специализированными инструментами, эффективное сотрудничество со специалистами конкретной области, постоянный контроль качества и соответствия. Это представляется особенно и исключительно важным в современных условиях, которые характеризуются глобализацией рынков, в связи с чем правильность и прозрачность технической документации может влиять на эффективность и безопасность применения продукта, но и на его конкурентоспособность, а также на репутацию производителя.

Развитие промышленного производства сегодня позволяет говорить о том, что техническая документация перестала исполнять роль простого сопроводительного материала. Представляется, что постепенно она приобретает статус самостоятельного нематериального актива. Для того, чтобы успешно внедрить инновации, быстро вывести продукты на рынок, а также заручиться доверием контрагентов и клиентов, необходимо качественно, своевременно и детально составлять и обновлять техническую документацию. Современный рынок отличается высоким уровнем конкурентности, поэтому именно системная продуманная документация позволяет занимать ведущее место в объемах производства и потребления.

Безусловно важным элементом в распространении и эффективном использовании продукта является адекватный, корректный и приемлемый перевод технической документации горюче-смазочных материалов.

Материалы и методы исследований

В основе методологии статьи лежат базовые положения теории перевода и терминоведения, а также функциональной стилистики. При анализе теоретических основ перевода научно-технической документации были использованы труды Л.С. Бархударова, В.Н. Комиссарова, Я.И Рецкера. Среди зарубежных авторов необходимо выделить Ю. Найду и Дж. Бирна.

В качестве материала исследования были взяты паспорта безопасности и технической спецификации горюче-смазочных материалов зарубежных производителей на английском языке и их русскоязычные переведенные версии. Всего было отобрано и изучено 100 терминологических единиц и словосочетаний. При подготовке данной статьи были использованы следующие методы: сопоставительный, описательный, сплошной выборки, контекстуальный анализ, компонентный анализ.

Результаты и обсуждения

Техническая документация, обслуживающая нужды рынка нефтепродуктов в целом и горюче-смазочных материалов в частности, имеет определенные специфические характеристики, структурные и функциональные. Паспорта безопасности *SDS (Safety Data Sheet)*, а также технические описания моторных масел характеризуются строгими требованиями, предъявляемыми к оформлению всех нормативных актов; любой термин или положение отвечают требованиям однозначности. Подобные документы и материалы в своей работе использует узкий круг профессионально подготовленных специалистов, куда входят инженеры, механики, сотрудники складских хозяйств. Целью таких документационных материалов не является формирование общего представления о продукте, в большей степени они ориентированы на предоставление конкретной информации по вопросам безопасного хранения, использования и утилизации [1].

Дж. Бирн определяет разработку технической документации как инструмент для решения практических и прикладных задач [2]. Основное требование, предъявляемое к подобного рода документам, заключается в единообразной трактовке и однозначности восприятия, которые должны доминировать над корректностью изложения.

Методологический аппарат, который традиционно используется для перевода технических текстов, был разработан Л. Бархударовым, В. Комисаровым и Я. Рецкером [3, 4, 5]. Следует отметить, что разнообразные переводческие приемы не используются постоянно и повсеместно, а применяются лишь в некоторых случаях. Необходим комплекс взаимосвязанных процессов: изменение синтаксической конструкции требует уточнения семантического наполнения; использование терминологических единиц, в свою очередь, влияет на построение фразы.

Изучая материалы, касающиеся горюче-смазочных материалов, можно отметить особо отчетливую закономерность: документ должен быть строго научен и одновременно практически пригоден для постоянного практического использования. Таким образом, применяемые переводческие трансформации представляют собой модель, в которой переводчик постоянно ищет компромисс между корректным и адекватным переводом и прикладной утилитарностью результата.

Таблица 1

Основные переводческие трансформации в документации горюче-смазочных материалов.

Table 1

Key translation transformations in documentation for fuels and lubricants.

Переводческая трансформация	Суть	Функция
калькирование	прямой перенос структуры	сохранение терминосистемы
конкретизация	сужение значения	уточнение категории
генерализация	расширение значения	упрощение восприятия
экспликация	добавление смыслового компонента	устранение неоднозначности
грамматические замены	изменение структуры	адаптация к нормам языка
модуляция	смысловое развитие	изменение точки зрения с сохранением смысла

С точки зрения лексического состава можно констатировать невысокое разнообразие в выборе единиц, так как строгое следование профессиональным стандартам предполагает жесткую детерминацию. В этом случае нейтральные единицы должны соответствовать стандартной общепринятой отраслевой практике. Например, слово «container» на русский в нормативных документах переводится как «тара» в соответствии с техническим регламентом. В данной ситуации использование каких-либо других слов, либо попытка при переводе внести стилистическое разнообразие конечным адресатом будет однозначно восприниматься как ошибка и некомпетентность переводчика. Подобные ситуации описывались В.Н. Комиссаровым, отметившим, что перевод должен соответствовать ожиданиям, имеющим место в конкретной профессиональной сфере [6].

Поскольку любая терминологическая система отличается жесткой и строгой регламентированностью, то переводчик постоянно сталкивается с поиском корректной передачи нюансов смысловых оттенков. Очень часто исходное понятие может быть частью широкого семантического поля, в связи с чем возникает необходимость уточнения; напротив, избыток детализации следует устранять при помощи обобщения, так как он может препятствовать четкому и однозначному восприятию. Экспликацию используют в том случае, если термин еще не сложился в языке перевода, и требует дополнительного уточнения и разъяснения. Мо-

дуляция, в свою очередь, повышает функциональность высказывания, обеспечивая перенос смыслового акцента. Основной задачей переводчика становится переработка текста, но не для получения стилистической изысканности, а с целью обеспечения прозрачности. Каждая фраза оценивается с точки зрения скорости и четкости ее понимания в условиях оперативной работы. Логика переводческих решений при работе с технической документацией, относящейся к горюче-смазочным материалам, таким образом, определяется нацеленностью на практическое применение в условиях реальной деятельности.

При переводе документации ГСМ ведущей переводческой трансформацией является калькирование. Это объясняется необходимостью сохранить научно-техническую терминологию. Для того, чтобы избежать семантических искажений и деформаций, пословная передача выступает самым надежным инструментом. Особую важность представляет собой калькирование при переводе наименований химических соединений, базовых масел, присадочных компонентов, которые формируются в международной номенклатурной системе. Каждый элемент наделен самостоятельным значением, утрата которого может нарушить целостность высказывания или понятия.

Таблица 2

Калькирование.

Table 2

Calque formation.

Оригинал	Перевод	Особенность
synthetic hydrocarbon fluid	синтетическая углеводородная жидкость	буквальная передача компонентов
petroleum distillate	нефтяной дистиллят	устойчивый научный эквивалент
anti-wear additive	противоизносная присадка	калькирование с адаптацией

Принцип терминообразования включает указание химической природы объекта и его функциональное использование, оставаясь неизменным в каждом случае. При калькировании можно отметить некоторую незначительную корректировку, связанную с правилами русского словообразования. Само устройство термина не претерпевает никаких значительных трансформаций. Я. Рецкер подчеркивает особую эффективность и продуктивность этого метода, поскольку приоритетом здесь является однозначность, а не стилистическое разнообразие [7]. Использование калькирования сохраняет конструкции в полном объеме вне зависимости от их протяженности и громоздкости. В данном случае точность и однозначность, как важнейшие аспекты терминологического перевода, считаются более важными, чем лаконичность. В конечном итоге переводчик создает текст, который сопоставим с оригиналом и доступен для понимания специалистами, работающими в условиях постоянного межъязыкового и профессионального контакта.

Так как все языковые системы в той или иной мере имеют расхождения в степени терминологической дифференциации, это приводит к необходимости детализации технической документации при переводе. Для англоязычных терминов характерен более широкий семантический объем; русский же язык, напротив, тяготеет к разграничению, порой довольно строгому и принципиальному, понятий, что обычно находит отражение не только в профессиональном сообществе, но и в документах государственного образца, а именно в стандартах и регламентах. Достаточно часто переводчику приходится сталкиваться с ситуацией, когда прямой аналог отсутствует, соответственно ему приходится устанавливать соответствие между обозначением в английском языке и конкретной категорией вещества или процесса.

Таблица 3

Конкретизация.

Table 3

Concretization.

Оригинал	Перевод	Конкретизация
lubricant	смазка	моторная смазка/смазочный материал
gear lubricant	редукторная смазка	трансмиссионное масло
service life	срок службы	ресурс масла
contamination control	контроль загрязнений	контроль загрязнения масла

Можно констатировать ситуации, когда переводчик сознательно отказывается от детализации, выбирая термин с более широким семантическим наполнением. Такой метод возможен только в том случае, если при его использовании не искажается понимание конструкции или не затруднено ее восприятие. Так, например, для обозначения узкоспециализированных масел можно применять родовое наименование «масло». Подобный прием считается допустимым, контекст уже не требует спецификации. Детализация и генерализация выполняют взаимодополняющие функции. Детализация повышает точность и предметность, генерализация же обеспечивает удобство и прозрачность текста, позволяя избегать перегруженности и избыточности.

В разделах, касающихся вопросов безопасности, детализация играет особо важную роль. Короткие конструкции из иностранных языков часто нуждаются в разъяснениях и уточнениях.

Таблица 4

Экспликация.

Table 4

Explication.

Оригинал	Дословный перевод	Экспликация
mist	туман	мелкодисперсный аэрозоль (взвешенный в воздухе капли жидкости)
sludge	грязь, шлам	вязкие отложения продуктов окисления масла
used oil	использованное масло	отработанное масло, утратившее эксплуатационные свойства
additive package	пакет присадок	комплекс химических добавок для улучшения свойства масла

Экспликация подразумевает под собой раскрытие значения, в тех случаях, когда исходный термин не может быть переведен, а заменяется объясняющей его конструкцией. Переводчик отказывается от буквального перевода, так как точное соответствие может отсутствовать в языке перевода, либо не совпадать концептуально или схематически. Тогда переводчик имплицитное содержание термина выражает эксплицитно, что позволяет снизить ошибочное толкование, что представляется особенно важным в тех случаях, где речь идет о мерах безопасности в работе с тем или иным элементом. Ю. Найда подчеркивает первичность и важность ясности и адекватности восприятия информации адресантом [8].

Среди используемых переводческих трансформаций важное место занимает также синтаксическая аналогия. Например, если дословно переводить англоязычную конструкцию “Flammable liquids should be kept away from heat sources”, то получается достаточно громоздкая с точки зрения русского синтаксиса конструкция: «Легковоспламеняющиеся жидкости должны храниться вдали от источников тепла». При использовании метода синтаксической аналогии можно получить отредактированный вариант, в большей степени соответствующий грамматическому строю и порядку слов в предложении: «Легковоспламеняющиеся жидкости следует хранить вдали от источников тепла». Такой вариант является предпочтительным, так как в дословном переводе возникает возвратно-пассивный глагол «храниться». Возникает грамматическая амбивалентность: в роли субъекта-подлежащего «легковоспламеняющиеся жидкости», то есть предмет, не являющийся актором, не способный к совершению действия. Таким образом трёхчленная страдательная конструкция «субъект в Им.п.– глагол в пассивном залоге – объект в Тв.п.» (*легковоспламеняющиеся предметы должны храниться человеком*) при использовании возвратного глагола превращается в двучленную, элиминируется указание на объект совершения действия. Предлагаемая трансформация хотя и не включает в конструкцию объект, но инфинитив глагола выражает однозначное указание актору, исполнителю. Сравните в другом документе: “should be stored in a cool, dry place” трансформируется в «рекомендуется хранить в прохладном сухом месте» (и здесь переводчик закономерно уходит от возвратно-пассивной конструкции).

Членение предложение как переводческая трансформация представляет собой выделение двух структурных компонентов: темы и ремы. Во фразе: “Avoid contact with skin and eyes” объекты перечислены как однородные члены предложения. В русском переводе английское простое предложение с однородными членами трансформируется в бессоюзное сложное предложение: «Следует избегать контакта с кожей; особое внимание уделить защите глаз». Подобная трансформация в полипропозитивную полипредикативную конструкцию меняет фокус внимания получателя сообщения. Интенциональное оформление в форме сложного предложения позволяет воспринять информацию как разделённую на две клаузы. Вероятно, пе-

реводчик прибег к этому приёму для актуализации содержания каждой части и, как следствие, привлечения особого внимания к особенно уязвимым зонам.

В тоже время встречается и обратная трансформация. Например, “Wear protective gloves. Wear safety goggles”. При дословном переводе получается два предложения в повелительном наклонении, что представляется достаточно примитивным с точки зрения синтаксиса русского языка. Метод объединения двух предложений позволяет получить единую формулировку, имеющую ровный интонационный рисунок, в котором прослеживается большая лаконичность и приемлемая синтаксическая гладкость: «Необходимо использовать защитные перчатки и очки».

Отдельное внимание следует уделить анализу использования такой переводческой трансформации, как модуляция. Она представляет собой переориентацию фокуса восприятия или изменение акцента в высказывании при сохранении его содержания. При использовании модуляции можно выделить переход от описаний к конечному функционалу. Например, “is formulated to provide protection” может быть переведена «обеспечивает защиту» вместо дословного «сформулировано, чтобы обеспечить защиту». Подобная трансформация представляется более органичной и корректной для русского языка, при этом рекомендации ни в коем случае не искажаются и не меняются, общее содержание передается совершенно корректно и адекватно.

Модуляция позволяет выразить гипотетичность и обозначить уровень опасности. Например, “may cause your skin” очень часто переводится не буквально «может навредить коже», а конкретизируя степень воздействия реагента: «может приводить к незначительному раздражению кожных покровов». Предупредительная роль полностью сохранена, а сама конструкция повысила уровень восприимчивости в русском языке.

В описании эксплуатационных характеристик также можно зафиксировать использование модуляции. Английское выражение: “High viscosity provides wear protection” при переводе на русский язык передается, как правило, конструкцией «повышенная вязкость обеспечивает защиту от износа». Смещение акцента с качественной оценки на функциональное назначение налицо. Данная стратегия коррелирует с положениями К. Норда о функциональной направленности перевода: посторенние высказывания детерминируется задачей передачи сути и условий применения, а не буквальным воспроизведением оригинала [9].

В документации технического характера, регламентирующей вопросы горюче-смазочных материалов, применение модуляции сопряжено с использованием прочих переводческих трансформаций. Посредством данного сочетания достигается усиление воздействия на реципиента текста. В первую очередь фиксируется обращение к синтаксическим модификациям: конструкции, изначально представленные в пассивном залоге, подвергаются замене на обороты активные либо безличные. Следствием указанной замены является адаптация текста инструкции к нормам, привычным для русскоязычного пользователя. Например, “the product is designed to reduce engine wear”; оптимальным переводом представляется «масло снижает износ двигателя», в котором происходит грамматическая трансформация, а именно тяжелая чуждая пассивная форма заменяется конкретным лаконичным активным высказыванием. Такие перестройки существенно облегчают восприятие информации.

Следует обратить внимание на корреляцию, которая функционирует непосредственно одновременно с процессами уточнения и модуляции. Так, в данном переводе происходит конкретизация, когда обобщенный термин *the product* трансформируется в конкретный элемент *масло.* Также можно констатировать уточнение производимого эффекта. Абстрактный предикат *reduce*, который означает *уменьшать, снижать*, трансформируется в действие с конкретным результатом – *снижает износ*.

Модуляция является комплексным приемом переводческой трансформации, поскольку ее использование и применение затрагивает синтаксический строй, семантические характеристики, а также комплекс преобразований, осуществляемых переводчиком. Модуляция позволяет, при грамотном и компетентном ее использовании, передавать исходный материал в соответствии с правилами, нормами языка перевода без каких либо искажений, которые могут быть критическими в случае работы с технической регламентирующей документацией [10].

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы относительно применения переводческих трансформаций при переводе документации горюче-смазочных материалов.

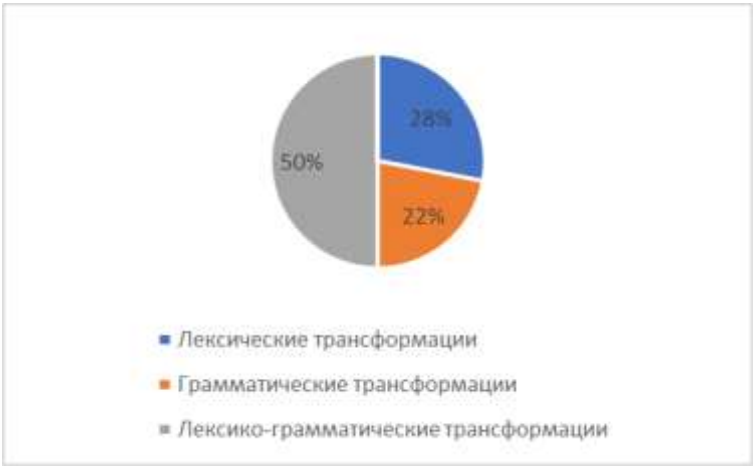

Рис. 1. Результаты исследования.
Fig. 1. Results of the study.

Согласно рис. 1, чаще всего используются лексико-грамматические трансформации. Это связано с прикладным характером переводческой деятельности, в которой первостепенную роль играют модуляции и экспликация, так как основной задачей является адаптация иноязычного материала к нормам и нуждам русскоязычного потребителя с сохранением точности и корректности переводимого материала. Лексические трансформации позволяют выполнить правильный перевод и понимание терминологии. Грамматические преобразования создают естественное звучание и адекватное восприятие на русском языке. Комплекс данных переводческих мероприятий передаёт содержание оригинала точно, правильно и однозначно, что в свою очередь выступает основной гарантией надежного, безопасного и ответственного использования предлагаемой продукции.

Список источников

1. American Petroleum Institute. API Publication 1509: Engine Oil Licensing and Certification System. Washington, 2025.
2. Byrne J. Technical Translation: Usability Strategies for Translating Technical Documentation. Dordrecht : Springer, 2012. 232 p.
3. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. Москва : ЛКИ, 2008. 240 с.
4. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Москва: ЭТС, 2004. 424 с.
5. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика: очерки лингвистической теории перевода. М. : Международные отношения, 1974. 216 с.
6. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
7. Рецкер Я.И. Методика технического перевода / под ред., с коммент. и доп. доктора филолог. наук, профессора Д.И. Ермоловича. 2-е изд., испр. и доп. М.: Auditoria, 2019. 127 с.
8. Найда Ю. Теория и практика перевода. Ч. Табер: пер. с англ. М.: Издательство иностранной литературы, 2003. 218 с.
9. Nord C. Text Analysis in Translation: Theory, Methodology, and Didactic Application. Amsterdam: Rodopi, 2005. 250 p.
10. Миронов В.В. Технический перевод в профессиональной деятельности: учебное пособие. СПб.: Издательство Политехнического университета, 2019. 124 с.

References

1. American Petroleum Institute. API Publication 1509: Engine Oil Licensing and Certification System. Washington, 2025.
2. Byrne J. Technical Translation: Usability Strategies for Translating Technical Documentation. Dordrecht: Springer, 2012. 232 p.
3. Barkhudarov L.S. Language and Translation: Issues of General and Specific Translation Theory. Moscow: LKI, 2008. 240 p.

4. Komissarov V.N. Modern Translation Studies. Moscow: ETS, 2004. 424 p.
5. Retsker Ya.I. Translation Theory and Practice: Essays on the Linguistic Theory of Translation. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 1974. 216 p.
6. Komissarov V.N. Translation Theory (Linguistic Aspects). Moscow: Vysshaya Shkola, 1990. 253 p.
7. Retsker Ya.I. Methodology of Technical Translation. ed., with commentary and additions by D.I. Ermolovich, Doctor of Philology, Professor. 2nd ed., rev. and exp. Moscow: Auditoria, 2019. 127 p.
8. Nida E. Theory and Practice of Translation (with C. Taber); trans. from English. Moscow: Izdatelstvo Inostrannoy Literatury, 2003. 218 p.
9. Nord C. Text Analysis in Translation: Theory, Methodology, and Didactic Application. Amsterdam: Rodopi, 2005. 250 p.
10. Mironov V.V. Technical Translation in Professional Practice: A Study Guide. St. Petersburg: Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University Publishing House, 2019. 124 p.

Информация об авторах

Милевская Т.В., доктор филологических наук, профессор, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Канеева А.В., кандидат филологических наук, доцент, Донской государственный технический университет

Адамчук П.С., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

© Милевская Т.В., Канеева А.В., Адамчук П.С., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
УДК 811.112.2
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-318-326

Актуализация метафорической модели «натуральное мясо – это антиценность» в немецком научно-популярном экологическом дискурсе

[1] Руденко Е.С.,
[1] Донской государственный технический университет

Аннотация: статья посвящена исследованию метафорической репрезентации натурального мяса в немецкоязычном научно-популярном экологическом дискурсе на материале книги К. Веймайра «Vergesst Fleisch!: Wie wir klug die Welt ernähren» (2023). Целью исследования является выявление когнитивных метафор, репрезентирующих натуральные мясные продукты в научно-популярном экологическом дискурсе, а также оценка их прагматического потенциала в реконцептуализации картины мира. Применение методов когнитивного моделирования, количественного анализа, семантической интерпретации и критического дискурс-анализа позволило выявить 38 метафорических актуализаций, формирующих модель «Натуральное мясо – это антиценность». В её структуре выделены шесть фреймов, репрезентирующих натуральное мясо как насилие, климатическую угрозу, отвратительный объект, глупость и источник опасности. Исследование показывает, что сферой-донором анализируемой метафорической модели выступают преимущественно абстрактные сферы, а сферой-мишенью становится не только мясной продукт, но и социальная практика его производства и потребления. Авторы приходят к выводу, что модель последовательно делегитимизирует традиционное потребление мяса, переводит его из категории нормы в категорию социально-экологической патологии и формирует у адресата новую потребительскую идентичность. Одновременно дискурс имплицитно стигматизирует потребителей мяса как варваров, носителей насилия, климатических преступников, неразумных или нечистых субъектов.

Ключевые слова: когнитивная метафора, метафорическая модель, мясо, антиценность, экологический дискурс, немецкий язык, критический дискурс-анализ

Для цитирования: Руденко Е.С. Актуализация метафорической модели «натуральное мясо – это антиценность» в немецком научно-популярном экологическом дискурсе // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 318 – 326. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-318-326

Поступила в редакцию: 27 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 25 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

The actualization of the metaphorical model “natural meat is an anti-value” in German popular-science ecological discourse

[1] Rudenko E.S.,
[1] Don State Technical University

Abstract: the article examines the metaphorical representation of natural meat in German popular-science ecological discourse, based on K. Weymayr’s book Vergesst Fleisch!: Wie wir klug die Welt ernähren (2023). The aim of the study is to identify cognitive metaphors representing natural meat products in popular science ecological discourse and to assess their pragmatic potential in reconceptualizing the worldview. Using the methods of cognitive modeling, quantitative analysis, semantic interpretation, and critical discourse analysis, the authors identify 38 metaphorical actualizations that form the model “Natural meat is an anti-value.” Within its structure, six frames are distinguished, representing natural meat as violence, a climate threat, a disgusting object, stupidity, and a source of danger. The study shows that the source domain of the analyzed metaphorical model is predominantly composed of abstract domains, while the target domain includes not only the meat prod-

uct itself but also the social practice of its production and consumption. The authors conclude that the model consistently delegitimizes traditional meat consumption, shifts it from the category of norm to the category of socio-ecological pathology, and forms a new consumer identity in the addressee. At the same time, the discourse implicitly stigmatizes meat consumers as barbarians, agents of violence, climate criminals, unreasonable or unclean subjects.

Keywords: cognitive metaphor, metaphorical model, meat, anti-value, ecological discourse, the German language, critical discourse analysis

For citation: Rudenko E.S. The actualization of the metaphorical model "natural meat is an anti-value" in german popular-science ecological discourse. Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 318 – 326. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-318-326

The article was submitted: July 27, 2026; Approved after reviewing: August 25, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

Каждое новое исследование, выполненное в русле изучения метафорических способов познания мира, не только подтверждает тезис о неразрывной связи языка и мышления, но и раскрывает новые грани проблемы. Осмысление мира через перенос на него культурно релевантных кулинарных традиций, пищевых предпочтений, обычаев приготовления и принятия пищи формирует кулинарный (глютонический) код национальной культуры, который рассматривался в работах Е.В. Капелюшник [2], Е.М. Марковой [3], З.Е. Фоминой [6], Е.А. Юриной [8] и других лингвистов.

В исследованиях последних лет концептуальная сфера «еда» выступает и как область-источник метафорических образов [1; 4; 5; 12], и как область-мишень [9; 10].

В центре настоящего исследования находится метафоризация натуральной мясной продукции в научно-популярном экологическом дискурсе, концепт «натуральное мясо» рассматривается при этом в качестве области-мишени. Исследования, посвященные концепту «мясо» как области-мишени не столь многочисленны, среди них следует особо отметить работу, посвященную системному анализу метафор, формирующих представления о растительных и клеточных аналогах мясной продукции. Г. Броуд, проанализировав обширный корпус метафор в интервью, медиатекстах и эфемерах, выделил две доминантные концептуальные метафоры: метафору «делания» мяса и метафору «рынка» альтернативного белка. Метафора «делания» мяса ("meat is made") глубинно трансформирует концепт «мясо», разрывая его устойчивые смысловые связи с животноводством; метафора «рынка» альтернативного белка помещает в центр капиталистическую экономику и порождает дополнительные метафоры, акцентирующие инновации, инвестиции и маркетинг как основные движущие силы «постживотной биоэкономики» [9]. В вышеупомянутом исследовании донором для новых метафор становятся абстрактные понятийные области («создание», «рынок»), которые структурируют конкретную понятийную область-мишень («мясо»). Метафорический перенос осуществляется преимущественно в сфере абстрактной лексики, метафоризация конкретной лексики менее регулярна, поэтому обращение к данной проблематике представляется актуальным, особенно в контексте экологических и климатических проблем современности.

Целью настоящего исследования является выявление когнитивных метафор, репрезентирующих натуральные мясные продукты в научно-популярном экологическом дискурсе, а также оценка их прагматического потенциала в реконцептуализации картины мира, отражающей существующую традиционную культуру потребления мяса.

Материалы и методы исследований

В качестве источника эмпирического материала используется научно-популярный труд немецкого журналиста Кристиана Веймайра "Vergesst Fleisch!: Wie wir klug die Welt ernähren", изданный в 2023 году [11]. Книга повествует о бывшем управляющем директоре компании *Rügenwalder Mühle* – одной из ключевых фигур на рынке растительных альтернатив традиционной мясной продукции, а также об экспериментах по выращиванию искусственного мяса, проводимых в лабораториях всего мира.

Выявление и последующее структурирование метафорической модели «Натуральное мясо – это антиценность» проходило в несколько этапов:

1) на первом этапе методом сплошной выборки были извлечены метафорические актуализации концепта «натуральное мясо», содержащие метафорическое переосмысление натуральных мясных продуктов и связанных с ними социальных практик;

2) на втором этапе посредством метода когнитивного моделирования метафоры были сгруппированы в смысловые блоки (фреймы) с последующим выделением слотов, конкретизирующих различные аспекты фрейма;

3) на третьем этапе были выявлены квантитативные параметры каждого фрейма (частота его актуализации в контексте);

4) на четвертом этапе в ходе семантической интерпретации текста было уточнено языковое и смысловое наполнение слотов; метод критического дискурс-анализа позволил выявить эксплицитные и имплицитные эколого-мировоззренческие установки экологического дискурса, облеченные в форму метафорического иносказания;

5) на заключительном этапе с помощью глубинного макросемантического анализа был определен воздействующий потенциал метафор в научно-популярном экологическом дискурсе.

Результаты и обсуждения

Всего в ходе анализа было выявлено 38 метафорических актуализаций концепта «натуральное мясо», в совокупности формирующих метафорическую модель «Натуральное мясо – это антиценность». Под когнитивной метафорической моделью мы, вслед за А.П. Чудиновым, понимаем заложенные в понятийной системе человеческого разума схемы, по которым человек думает и действует [7, с. 37]. Метафорическая модель «Натуральное мясо – это антиценность» предстает как упорядоченная совокупность следующих фреймов:

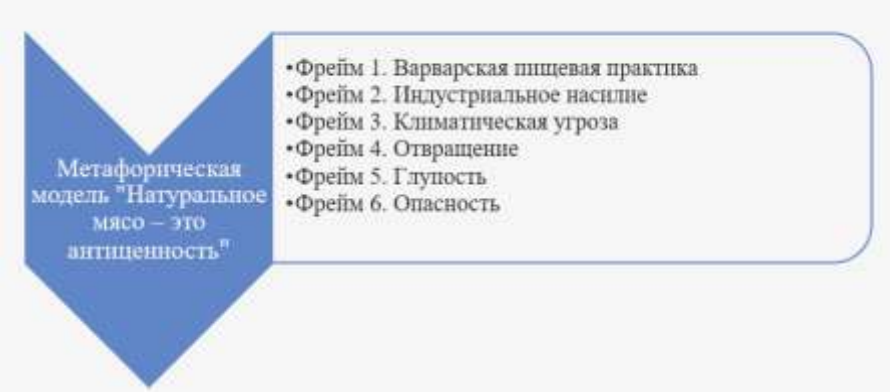

Рис. 1. Структура метафорической модели «Натуральное мясо – это антиценность».
Fig. 1. The structure of the metaphorical model "Natural meat is an anti-value".

Обратимся к анализу каждого отдельного фрейма и его слотов.

1. «Варварская пищевая практика»

Фрейм «Варварская пищевая практика» содержит следующие слоты (в круглых скобках указана частотная актуализация слота): этический аспект пищевой практики (12); зверская природа человека (1); неумеренность в удовлетворении пищевых потребностей (1); инструмент варварства (1).

Первый слот «Этический аспект пищевой практики» представлен двенадцатью контекстами, рассмотрим первые шесть: *(1)* ***Tierverbrauch*** *(заголовок); (2) Langfristiges Ziel sollte es sein, den* ***Tierverbrauch*** *um 80 Prozent zu reduzieren; (3) Dennoch haben wir uns mit unserem* ***Tierverbrauch*** *in eine missliche Lage gebracht; (4) Das Bewusstsein für die Probleme des* ***Tierverbrauchs*** *nimmt zu; (5) Sie schränken ihren* ***Tierverbrauch*** *stark ein; (6) Und so langsam sickert es auch ins Bewußtsein der Bevölkerung, <…> wie groß der Hebel beim* ***Tierverbrauch*** *ist* [11].

Лексема *Tierverbrauch* (буквально – потребление животных) ещё не получила словарной фиксации в словарях, однако активно функционирует в современном немецкоязычном экологическом дискурсе. Субстантивное словосложение является продуктивной словообразовательной моделью немецкого языка, в Цифровом словаре немецкого языка DWDS зафиксированы следующие композиты со вторым компонентом *Verbrauch*: *Wasserverbrauch, Stromverbrauch, Gasverbrauch, Energieverbrauch* и т.д. Использование в качестве первого компонента субстантивного композита лексемы *Tier* ведет к переосмыслению устоявшихся практик, что, в свою очередь, влечет за собой повышение экспрессивных характеристик композита в срав-

нении со стилистически нейтральным вариантом *Fleischverbrauch* (потребление мяса) и подчеркивает этическую неприемлемость подобного пищевого поведения.

Остальные шесть контекстов этого слота имплицитно актуализируют семантику этически неправильного пищевого поведения посредством лексемы *tierfrei*: *(1) Als* ***tierfreies*** *Hauptgericht gibt es einen Falafel-Teller; (2)* ***Tierfreie*** *Produkte, die tierhaltigen nur näherungsweise gleichen sollen; (3) Keiner kam drauf, dass sie hier* ***tierfreie*** *Wurst aßen; (4) <…> gibt es eine reiche Auswahl an tierfreier Vollernährung für Hunde; (5)* ***tierfreier*** *Schokolade; (6) Wichtig sei, <…> die* ***tierfreien*** *Produkte attraktiv zu platzieren* [11]. Перераспределение смысловых акцентов в адъективном композите *tierfrei* осуществляется благодаря метонимическому переносу с части на целое: продукты, не содержащие мяса животных → продукты, не содержащие животных (*fleischfrei → tierfrei*). Такой семантический сдвиг, включаясь в формирование образа человека-варвара, лишенного благородного чувства сострадания к животным, поддерживается сильной метафорой, актуализированной в слоте «Зверская природа человека»: *Jedes Jahr* ***nagt der Homo sapiens*** *also mehr als 300 Millionen Tonnen* ***Fleisch von den Knochen anderer Spezies***. Глагольная конструкция *Fleisch von den Knochen nagen* (обгладывать мясо с костей) рисует образ хищнического поведения представителей рода *Homo sapiens*, жертвами которого становятся представители других видов. Данная метафора обладает большим воздействующим потенциалом на *ratio* и *emotio* реципиентов благодаря сопряжению в континууме дискурса амбивалентных сем: лексема *nagt* актуализирует сему “варварство, неразумность”, латинское название вида *Homo sapiens* – сему “разумность”. Противопоставленность этих сем создает смысловое напряжение и может служить основой для принятия экологически правильных решений – феномен, именуемый метафорическими следствиями (*metaphorical entailments*).

В следующем слоте «Неумеренность в удовлетворении пищевых потребностей» отвлеченная идея невоздержанности в потреблении мяса передается посредством конкретного чувственно-наглядного образа разгульного пиршества – мясной оргии: *Höhepunkt der* ***Fleischorgie*** *ist der Block „Grillgerichte”.*

Слот «Инструмент варварства» довершает мрачную картину этически неприемлемых пищевых практик описанием скотобоен: *Vielleicht <…> werden unsere Kindeskinder eines Tages stillgelegte* ***Schlachthöfe als Mahnmale einer vergangenen Barbarei*** *besuchen <…>*. В данной метафоре скотобойни концептуализируются как памятники-предупреждения (*Mahnmale*) – немые свидетели варварского поведения человека, от рук которого пострадали животные. Примечательно, что в лексическом профиле слова *Mahnmal*, согласно данным электронного корпуса немецкого языка DWDS *Korpusbelege Gegenwartskorpora mit freiem Zugang*, преобладают коллокаты, имеющие отношение к жертвам немецкого национал-социализма, т.е. слово функционирует как единица культурного кода, обеспечивающего сохранение памяти о трагических страницах истории (рис. 2).

Überblick	logDice	Freq.
1. für Sinto	7.7	265
2. Errichtung	6.9	302
3. Kranzniederlegung an	6.6	91
4. für NS-Opfer	6.5	92
5. niederlegen an	6.5	267
6. Einweihung	6.3	112
7. für Jude	6.1	762
8. Kranz an	6.0	92
9. zu Gedenken	6.0	144
10. einweihen	6.0	132
11. schänden	5.9	62

Рис. 2. Лексический профиль слова *Mahnmal* по данным электронного словаря DWDS.
Fig. 2. The lexical profile of the word *Mahnmal* according to the DWDS electronic dictionary.

Включение лексемы *Mahnmal* в структуру смыслового пространства экологического дискурса наделяет животных жертвенным ореолом, равноценным страданиям людей, и тем самым усиливает обличительный пафос дискурса: мясо – это антиценность, которой не место в цивилизованном обществе.

2. «Индустриальное насилие»

Обратимся к следующему фрейму «Индустриальное насилие», содержательное наполнение которого манифестируется следующими слотами: убийство животного (3); страдания животного (2); смерть животного (1).

Данный фрейм репрезентирует производство мяса как обездушенный технический процесс, в рамках которого животное низводится до уровня объекта воздействий мясной индустрии.

Слот «Убийство животного» представлен тремя контекстами, акцентирующими внимание на этическом аспекте прерывания жизни: *(1) Tagesdurchsatz: 25000 Schweine.* ***Ein Inferno des Todes****, fabrikmäßig organisiert; (2) Röben glaubt, dass uns* ***das industriell organisierte Töten und Verwerten von Tieren*** *irgendwann absurd vorkommen wird; (3) sie sollten persönlich erfahren, dass* ***ihr Geschäftsmodell auf toten Tieren beruht*** [11].

Распространенное определение *das industriell organisierte* ***Töten*** *<…> von Tieren* (промышленно организованное убийство животных) в дискурсной перспективе делигитимизирует мясную промышленность как традиционный системообразующий элемент экономики, порождая чувство вины и имплицируя побуждение к действию – отказу от продуктов животного происхождения. Эксплицитно прочитываемое осуждение дополняется тонкой прагматической нюансировкой. Синтаксическая структура *das industriell organisierte Töten von Tieren* является полуотмеченной из-за нарушения лексической сочетаемости: компонент конструкции *industriell organisierte* имплицирует сему «преступления национал-социализма», наведенную устоявшимися в немецком языке контекстами употребления соответствующей синтагмы: *das* ***industriell organisierte*** *Töten durch Vergasen,* ***industriell organisierte*** *Ermordung von Millionen in den KZs,* ***industriell organisierte*** *Vernichtungspraxis, der* ***industriell organisierte*** *Massenmord der Nazis* и т.д. Включая животных в широкий контекст исторических событий, научно-популярный экологический дискурс создает образ, обладающий огромной эмоционально воздействующей силой, сопрягающий в себе страдания людей в концлагерях и животных на скотобойнях. Данный образ тематически координируется с метафорой скотобойни как памятника-предупреждения и поддерживается в рамках анализируемого фрейма метафорой преисподней (*ein Inferno des Todes*) и метафорой объективации тел животных, которые выступают фундаментом существующей бизнес-модели (*ihr Geschäftsmodell auf toten Tieren beruht).* Нагнетание отрицательно-оценочных смыслов создает ряд глаголов, описывающих механистическое потоковое производство мяса: *Die schiere Masse an Tieren, die hier* ***angekarrt, hineingetrieben, mit Gas betäubt, an Haken gehängt, aufgeschlitzt, zerlegt, verpackt*** *und in Einzelteilen bis nach Asien* ***verschickt werden*** *<…>* [11].

Слот «Страдания животного» представлен двумя контекстами: *(1) Man kennt die Bilder, man weiß um* ***das Elend****; (2) Will man* ***Tierleid*** *und Klimafußabdruck* ***verringern****, kann man als Konsument auf eine* ***tierfreundlichere Haltung*** *Wert legen.* Страдания животных в анализируемых контекстах вербализованы посредством лексем *Elend* и *Tierleid*. Лексема *Elend* (беда, бедствие) толкуется в словаре DWDS посредством синонимичного ряда *Leid, Kummer, Unglück* и акцентирует крайне бедственное положение животных, которые в анализируемом дискурсе контекстуализируются как субъекты, чья жизнь имеет самостоятельную ценность.

Второй контекст примечателен соположением лексем *Tierleid* (страдание) и *Klimafußabdruck* (углеродный след) – страдание животных концептуализируется как измеримый климатический показатель, значение которого необходимо уменьшить (*verringern*), при этом потребителю предлагается конкретный инструмент регулирования этого показателя – ***eine tierfreundlichere Haltung*** (более дружественное отношение к животным), т.е. сокращение потребления мясных продуктов (*seinen gewohnten Konsum von Fleisch, Wurst, Milch und Eiern reduzieren* [11]).

Слот «Смерть животного» представлен единственным контекстом: *So ist für die Köche von morgen ein vegetarisches Essen <…> ein sinnvoller und gleichwertiger Ersatz für* ***die klassischen Mahlzeiten, für die Tiere sterben*** *und viele Ressourcen verbraucht werden müssen* [11]. Семантика глагола *sterben* возвращает животным субъектность и элиминирует сему «насилие» (DWDS: *sterben – zu leben aufhören*). Вместе с этим, лексема *Tier* обогащается семой «жертвенность», которая наводится глагольно-предложной конструкцией *sterben für etw.* (умирать за что-л., во славу чего-л.), т.е. животные умирают во славу классической (мясной) трапезы. Подобное употребление лексемы *sterben* создает семантический конфликт: первоначальное значение *sterben für* определено как готовность сознательно пожертвовать собой ради других или ради высокой идеи (победы, спасения и т.д.). В дискурсной перспективе подобное очеловечивание животного, т.е. приписывание ему способности жертвовать своей жизнью, обусловлено коммуникативно-прагматической целью адресанта сообщения, заключающейся в обосновании необходимости перехода человечества на искусственное мясо.

3. «Климатическая угроза»

Данный фрейм актуализируется в шести контекстах, в его структуре можно выделить следующие слоты (в круглых скобках указана частотная актуализация слота): «Активные агенты климатических изменений» (2); «Исчислимый климатический след мясной продукции» (4).

Первый слот представлен следующими контекстами: *(1)…die weltweite* ***Tierhaltung für*** *weit über 15 Prozent der vom Menschen verursachten* ***Treibhausgasemissionen verantwortlich ist und somit erheblich zum Klimawandel beiträgt****; (2) …akzeptierte er* ***die Tierindustrie als einen der Haupttreiber der Erderwärmung*** [11].

В первом примере лексема *verantwortlich* вводит морально-правовую категорию ответственности, при этом животноводство выступает как агент, несущий ответственность за климатические изменения. Глагольная группа *"erheblich zum Klimawandel beitragen"* закрепляет каузальную связь между животноводством и изменением климата, усиливая обвинительный характер высказывания. Во втором контексте животноводство концептуализируется как главная движущая сила глобального потепления (*Haupttreiber der Erderwärmung*) – животноводство «перемещает» человечество из «зоны климатического комфорта» в «зону дискомфорта».

Второй слот представлен следующими контекстами: *(3) Will man Tierleid und* ***Klimafußabdruck verringern****, kann man als Konsument auf* ***eine tierfreundlichere Haltung*** *Wert legen; (4) Verglichen mit einem ebenso großen Stück Schweine hat ein Rindersteak, bis es auf dem Teller landet, einen etwa zehnmal so großen* ***Klimafußabdruck hinterlassen****; (5) Im Vergleich zum Rind* ***hinterlassen die Insekten einen tausendmal kleineren Klimafußabdruck****; (6) Und so langsam sickert es auch ins Bewußtsein der Bevölkerung,* ***welchen hohen Anteil Fleisch und Wurst am CO2-Fußabdruck haben*** [11].

Метафора климатического следа *(Klimafußabdruck)* делает экологический ущерб измеримым и сопоставимым. Сравнения в примерах (4) и (5) – *zehnmal so groß, tausendmal kleiner* – выстраивают шкалу ущерба, наносимого окружающей среде, на которой мясо оценивается как крайне высокое негативное воздействие, а насекомые – как крайне низкое негативное воздействие. Наделение мяса и колбасы субъектностью в примере (6) превращает их в соучастников климатического ущерба, который в примере (3) мыслится в одному ряду со страданиями животных.

В прагматическом плане фрейм переводит климатическую аргументацию в морально-оценочную плоскость. Квантифицированные данные (*15 Prozent, zehnmal, tausendmal*) создают эффект объективности, однако сама метафорическая рамка «виновника» придает им обличительный смысл: отказ от мяса концептуализируется как проявление экологической ответственности.

4. «Отвращение»

Фрейм «Отвращение»тпредставлен шестью контекстами и получает конкретизацию в следующих слотах: «Морально-эстетическая неприемлемость промышленного животноводства» (1); «Сенсорное отвращение к мясу» (3); «Дистанцирование от мяса» (2).

Первый слот реализован единичным контекстом: *(1)* ***Massentierhaltung anstößig*** *zu* ***finden****, dürfte inzwischen Konsens in der Bevölkerung sein* [11].

Прилагательное *anstößig* принадлежит одновременно этической и эстетической сферам – оно обозначает нечто оскорбительное, неприличное, вызывающее неприятие. Отнесение этого признака к промышленному животноводству делает источником отвращения и мясо, и систему его производства; достижение общественного согласия относительно этой практики *(Konsens in der Bevölkerung)* легитимирует отвращение в качестве социальной нормы.

Слот «Сенсорное отвращение к мясу» включает в себя следующие контексты: *(2) «****Die Därme stinken*** *fürchterlich»; (3) Als Meisterstück gilt das Steak mit seiner von Fettschichten durchzogenen, faserigen Struktur –* ***pures Fleisch vom Tier****, faszinierend und unwiderstehlich für die einen,* ***abstoßend*** *für die anderen; (4)* ***Der derbe Fleischgeruch legte sich wie Smog*** *auf ihr vegetarisches Mahl* [11].

Глагол *stinken* и наречие *fürchterlich* в примере (2) прямо апеллируют к обонятельному отвращению. В примере (3) отвращение к мясу реализуется на метаязыковом уровне посредством детального описания мяса животного, гурманского любования им. В примере (4) сенсорное отвращение семантически осложняется экологической метафорой – резкий запах мяса уподобляется смогу, который «загрязняет» экологически чистое пространство вегетарианской трапезы.

Слот «Дистанцирование от мяса» представлен следующими контекстами: *(5) Röbens Frau und Tochter sagten: «****Bleib*** *mir bloß* ***weg mit dem Zeug!****»; (6) Nur eine Minderheit bevorzuge die strikte Trennung, um* ***einen weiten Bogen um die Schweinereien*** *machen zu können* [11].

Согласно данным электронного словаря DWDS, разговорная конструкция *"bleib mir weg mit …"* в примере (5) служит для выражения спонтанной реакции отвращения. Сниженная, пренебрежительная окраска

лексемы *Zeug* в составе конструкции лишает мясные продукты статуса полноценной еды. В примере (6) реализована игра слов, основанная на обыгрывании кодифицированного значения слова "*Schweinerei*" («свинство») и окказионального значения («блюда из свинины»), наводимого контекстом, что усиливает воздействующий потенциал текста.

5. «Глупость»

Обратимся к фрейму «Глупость», в структуру которого входят следующие слоты: «Потребление мяса как маркер когнитивной несостоятельности» (2); «Образованная молодежь как агент осознанного выбора продуктов питания» (1).

Первый слот реализован в следующих контекстах: *(1) Vergesst Fleisch!: Wie wir* ***klug die Welt ernähren*** *(название книги); (2) Bundesgesundheitsminister Karl Lauterbach spricht von „****Wahn****". Es sei «…* ***vollkommen unvernünftig, Fleisch zu essen****», so der Minister* [11].

Императив "*Vergesst Fleisch!"*, содержащийся в названии книги, задает оппозицию «ум – глупость» в качестве базовой рамки восприятия всего произведения. Отказ от мяса концептуализируется как умное решение, потребление мяса имплицитно концептуализируется как неразумная пищевая практика.

Во втором контексте для обоснования отрицательной оценки потребления мяса адресант прибегает к персуазивной тактике «апелляция к авторитету» – в нашем случае к министру здравоохранения ФРГ Карлу Лаутербаху, который характеризует потребление мяса как безумие. Включение лексем *Wahn* и *unvernünftig* в контекст транспонирует потребление мяса из сферы гастрономического выбора в сферу коллективной иррациональности, а авторитет министра здравоохранения придает высказыванию институциональную легитимность.

Второй слот представлен единичным контекстом: (3) *Mutiger als in klassischen Unternehmen können die Kantinenbetreiber in* ***Universitäten*** *sein, mit ihrer eher* ***gebildeten*** *und* ***jungen Klientel****. Der Nestlé-****Studie*** *zufolge sagen zwei Drittel der Mensaleiter, dass sie auf die Nachfrage der Studierenden reagierten, während in den Betrieben primär die Unternehmensleitung mehr Nachhaltigkeit einfordert* [11].

В приведенном фрагменте отказ от мяса оказывается семантически сопряжённым с положительным образом просвещенной, экологически грамотной молодежи. Студенты «портретируются» как субъекты, способные принимать рациональные решения в области питания. Отсылка к результатам исследований компании *Nestlé* придает высказыванию достоверность и неангажированность, а практика потребления мяса отодвигается к полюсу отсталости, консерватизма и недостаточной образованности.

Таким образом, фрейм «Глупость» апеллирует к авторитету знания, науки и образования, формируя у адресата потребность идентифицировать себя с прогрессивным сообществом. Прагматическая сила фрейма заключается в том, что оппоненты лишаются статуса рациональных субъектов: их позиция не опровергается, а объясняется невежеством.

6. «Опасность»

Фрейм «Опасность» структурирован двумя слотами: «Источник контаминации» (1) и «Источник ритуальной нечистоты» (1).

Первый слот актуализируется в следующем контексте: (1) *Notiz am Rande: Burger King unterscheidet im Marketing zwischen «plant-based» und «vegan». Beide Produkte bestehen zu 100 Prozent aus Pflanzen, nur* ***dürfen die veganen nicht über den Kontakt mit Fritteusen oder Grillrosten mit Spuren tierischer Produkte kontaminiert sein*** [11].

Центральной для слота «Источник контаминации» является лексема *kontaminiert*, которая имеет функционально-стилистические ограничения – стоит в электронном словаре DWDS с пометкой *fachsprachlich* и является специальным термином, обозначающим в рамках химического дискурса загрязнение окружающей среды опасными веществами или микроорганизмами. Перенос этого значения на контакт растительного продукта с продуктом со следами животного происхождения трансформирует мясо в источник опасного заражения. Даже незначительные следы продуктов животного происхождения концептуализируются как угроза, требующая технологического исключения из состава веганских продуктов.

Второй слот представлен следующим контекстом: *(2) Veganern und Vegetariern geht es dagegen auch ums Prinzip, und so vermeiden sie* ***jede noch so kleine Kontaminierung von Speis und Trank****. Selbst* ***Spuren vom Tier*** *– etwa über nicht exklusiv genutzte Frittöfen und Grillroste, über Saucen und Gummibärchen –* ***gilt es unter allen Umständen auszuschließen*** [11].

Опасность мяса в приведенном фрагменте вербализуется с помощью лексемы *Prinzip*, указывающей на мировоззренческую основу избегания мяса, и словосочетаний *"jede noch so kleine Kontaminierung"* и *"unter allen Umständen auszuschließen"*, которые возводят исключение следов продуктов животного происхождения в категорический императив и делают непререкаемой, высшей истиной экологической доктрины.

Фрейм «Опасность» строится на оппозиции «чистое – нечистое». Язык ритуальной чистоты сближает веганское питание с системой строгих пищевых запретов, обладающих почти религиозной обязательностью, тем самым традиционное потребление мяса маргинализируется как нечистая, опасная практика.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Метафорическая модель «Натуральное мясо – это антиценность» реализуется в научно-популярном экологическом дискурсе как упорядоченная совокупность шести фреймов: «Варварская пищевая практика», «Индустриальное насилие», «Климатическая угроза», «Отвращение», «Глупость» и «Опасность». Каждый фрейм структурирует определенный аспект отрицательной оценки практики потребления мяса.
2. Все выделенные фреймы объединены единой аксиологической направленностью: ни один из них не оставляет места для нейтральной или положительной оценки натурального мяса. Мясо последовательно концептуализируется как варварство, насилие, климатическая угроза, отвратительный объект, глупость и источник опасности. Разнородные по источнику метафоры не противоречат друг другу, а кумулятивно усиливают общую концептуализацию: мясо осмысляется как девиация от этической, экологической, рациональной и гигиенической нормы.
3. Характерной особенностью модели является направление метафорической проекции от абстрактных понятийных областей к конкретной области. В качестве донорских доменов выступают такие отвлеченные сферы, как варварство, насилие, вина, климатическая ответственность, отвращение, глупость, опасность. Это свидетельствует о том, что объектом реконцептуализации становится не столько мясо как материальный продукт, сколько вся культурная и социальная практика его производства и потребления.
4. В количественном отношении ядро метафорической модели составляет фрейм «Варварская пищевая практика» (15 контекстов употребления). Далее с равной частотностью следуют фреймы «Индустриальное насилие», «Климатическая угроза» и «Отвращение» (6 контекстов употребления). Периферийными, но значимыми являются фреймы «Глупость» (3 контекста употребления) и «Опасность» (2 контекста употребления). Такое распределение показывает, что ведущую роль в дискредитации мяса играет морально-этическая аргументация, подкрепленная образами насилия, климатической вины и физического отвращения.
5. Критический дискурс-анализ вскрывает идеологическую установку научно-популярного экологического дискурса – традиционное потребление мяса последовательно делегитимизируется, отказ от мяса, напротив, наделяется статусом морального, интеллектуального и гигиенического превосходства. Прагматический потенциал метафор направлен на изменение потребительской идентичности: адресату предлагается занять позицию «цивилизованного», «умного», «чистого» субъекта, отвергающего мясо.
6. Критический дискурс-анализ позволяет выявить потенциально конфликтогенные эффекты подобной метафоризации. Потребители мяса имплицитно стигматизируются как варвары, носители насилия, климатические преступники, неразумные или нечистые субъекты. Дискурс активно использует эмоционально нагруженные образы (*Mahnmal, industriell organisiertes Töten, Wahn, Kontamination, Smog*), апеллируя не только к рациональным аргументам, но и к чувствам вины, страха и отвращения, что превращает метафорическую модель «Натуральное мясо – это антиценность» в инструмент мировоззренческого переструктурирования картины мира.

Список источников

1. Камизи Э.С.Х., Юрина Е.А. Метафорические образы пищи в поликодовых текстах современного русскоязычного интернет-пространства // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Теоретическая и прикладная лингвистика, 2024. Вып. 6 (236). С. 17 – 25.

2. Капелюшник Е.В. Человек сквозь призму кулинарного кода культуры // Вестник Томского государственного университета, 2011. № 345. С. 11 – 14.

3. Маркова Е.М. Кулинарный код культуры во вторичных номинациях русского и чешского языков: лингвистический и методический аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания, 2017. Т. 15, № 2. С. 152 – 174.

4. Матасова О.В., Фокеева Ю.А. Метафорика германоязычного кулинарно-гастрономического дискурса: лингвокультурный аспект // Филология. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2024. № 6. С. 255 – 263.

5. Прокудина И.С. Концептосфера «Еда/Пища» как источник метафорических номинаций детей раннего возраста в семейном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2021. Т. 14, вып. 11. С. 3391 – 3397.

6. Фомина З.Е. Культурно-гастрономические смыслы в европейском и русском языковом сознании как «мира в миниатюре» // Научный вестник. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования, 2009. Вып. 1 (11). С. 11 – 24.

7. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.

8. Юрина Е.А. Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов. Кокшетау: Келешек, 2013. 238 с.

9. Broad G.M. Making Meat, Better: The Metaphors of Plant-Based and Cell-Based Meat Innovation // Environmental Communication, 2020. Vol. 14 (7). P. 919 – 932. DOI: 10.1080/17524032.2020.1725085

10. Jahameh H., & Zibin A. The use of monomodal and multimodal metaphors in advertising Jordanian and American food products on Facebook: A comparative study // Heliyon. 2023. Vol. 9 (5). Article e15178. DOI: 10.1016/j.heliyon.2023.e15178

11. Weymayr C. Vergesst Fleisch!: Wie wir klug die Welt ernähren. Hamburg: brand eins books, 2023. 128 p.

12. Yu Y. Metaphorical representations of “leftover women”: between traditional patriarchy and modern egalitarianism // Social Semiotics, 2021. Vol. 31 (2). P. 248 – 265. DOI: 10.1080/10350330.2019.1625515

References

1. Kamizi E.S.Kh., Yurina E.A. Metaphorical images of food in polycode texts of the modern Russian-language Internet space. Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. Series: Theoretical and Applied Linguistics, 2024. Issue 6 (236). P. 17 – 25.

2. Kapelyushnik E.V. Man through the prism of the culinary code of culture. Bulletin of Tomsk State University, 2011. No. 345. P. 11 – 14.

3. Markova E.M. The culinary code of culture in secondary nominations in Russian and Czech: linguistic and methodological aspects. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Russian and Foreign Languages and Methods of Teaching Them, 2017. Vol. 15, No. 2. P. 152 – 174.

4. Matasova O.V., Fokeeva Yu.A. Metaphorics of German-language culinary and gastronomic discourse: a linguocultural aspect. Philology. Bulletin of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod, 2024. No. 6. P. 255 – 263.

5. Prokudina I.S. The "Food/Nutrition" concept sphere as a source of metaphorical nominations for young children in family discourse. Philological Sciences. Issues of Theory and Practice, 2021. Vol. 14, issue... 11. P. 3391 – 3397.

6. Fomina Z.E. Cultural-gastronomic meanings in European and Russian linguistic consciousness as a "world in miniature". Scientific Bulletin. Series: Modern Linguistic and Methodological-Didactic Research, 2009. Issue 1 (11). P. 11 – 24.

7. Chudinov A.P. Russia in the Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991-2000). Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2001. 238 p.

8. Yurina E.A. Tasty Metaphors: Food Tradition in the Mirror of Linguistic Images. Kokshetau: Keleshek, 2013. 238 p.

9. Broad G.M. Making Meat, Better: The Metaphors of Plant-Based and Cell-Based Meat Innovation. Environmental Communication, 2020. Vol. 14 (7). P. 919 – 932. DOI: 10.1080/17524032.2020.1725085

10. Jahameh H., & Zibin A. The use of monomodal and multimodal metaphors in advertising Jordanian and American food products on Facebook: A comparative study. Heliyon. 2023. Vol. 9 (5). Article e15178. DOI: 10.1016/j.heliyon.2023.e15178

11. Weymayr C. Vergesst Fleisch!: Wie wir klug die Welt ernähren. Hamburg: brand eins books, 2023. 128 p.

12. Yu Y. Metaphorical representations of “leftover women”: between traditional patriarchy and modern egalitarianism. Social Semiotics, 2021. Vol. 31 (2). P. 248 – 265. DOI: 10.1080/10350330.2019.1625515

Информация об авторе

Руденко Е.С., кандидат филологических наук, доцент, Донской государственный технический университет, RudenkoElena1988@yandex.ru

© Руденко Е.С., 2026

Научно-исследовательский журнал **«Филологический вестник / Philological Bulletin»**
https://fv-journal.ru
2026, Том 5, № 5 / 2026, Vol. 5, Iss. 5 https://fv-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 821.351.32
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-327-331

Арабская религиозная терминология в обогащении лексической системы агульского языка

[1] Исрафилов Н.Р.,
[1] Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова

Аннотация: в данном исследовании анализируются особенности употребления арабских религиозных терминов в агульском языке. Рассматриваемая терминология активно функционирует в агульском языковом пространстве, вступая в разнообразные семантические отношения с исконной лексикой. Параллельно она образует синонимические ряды с другими заимствованиями либо с исконно агульскими лексемами.

Основное внимание в статье уделяется заимствованиям из арабского языка, которые значительно обогатили лексический фонд агульского языка и способствовали его дальнейшему развитию. Проведен анализ употребления арабизмов в агульском языковом контексте, основанный на материале из арабских источников, научных трудов исследователей, а также данных арабско-русского словаря. В ходе исследования особое внимание уделялось фонетическим, семантическим и смысловым аспектам заимствованных слов.

Таким образом, удалось выявить и описать особенности функционирования заимствованных арабских религиозных терминов в речевой практике агульцев, а также установить их структурное и семантическое сходство с исконными элементами агульского языка.

Ключевые слова: религиозная терминология, арабизмы, употребление в речи, заимствования, лексическая система языка, семантика, агульский язык

Для цитирования: Исрафилов Н.Р. Арабская религиозная терминология в обогащении лексической системы агульского языка // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 5. С. 327 – 331. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-327-331

Поступила в редакцию: 28 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 26 августа 2026 г.; Принята к публикации: 30 сентября 2026 г.

***

Arab religious terminology in enriching the Agul language's lexical system

[1] Israfilov N.R.,
[1] Dagestan State Pedagogical University named after R. Gamzatov

Abstract: this article is devoted to the study of Arabic religious terminology in the Agul language. The terminology under consideration is actively functioning in the Agul language space, entering into various semantic relations with native vocabulary. In parallel, it forms synonymous rows with other borrowings or with native Agul lexemes.

The article focuses on Arabic loanwords that have significantly enriched the vocabulary of the Agul language and contributed to its further development. It provides an analysis of the use of Arabic loanwords in the Agul language context, based on data from Arabic sources, research papers, and the Arabic-Russian dictionary. The study emphasizes the phonetic, semantic, and contextual aspects of the borrowed words.

Thus, it was possible to identify and describe the features of the functioning of borrowed Arabic religious terms in the speech practice of the Agul people, as well as to establish their structural and semantic similarity with the native elements of the Agul language.

Keywords: religious terminology, Arabisms, usage in speech, borrowings, lexical system of the language, semantics, and the Agul language

For citation: Israfilov N.R. Arab religious terminology in enriching the Agul language's lexical system. Philological Bulletin. 2026. 5 (5). P. 327 – 331. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-5-327-331

The article was submitted: July 28, 2026; Approved after reviewing: August 26, 2026; Accepted for publication: September 30, 2026.

Введение

В агульском языке присутствует большое количество заимствований из арабского, что отражает его исторические и культурные связи с арабским миром. Эти слова не просто вошли в лексикон агульского языка, но и широко применяются в повседневном общении, показывая высокую степень адаптации и важность в современном языковом использовании. Арабизмы в основном встречаются в областях, связанных с религией.

«Прежде всего, стоит отметить, что арабские заимствования охватывают почти все сферы, связанные с религией, с исламскими ценностями и мусульманскими праздниками» [5].

«С распространением и укреплением ислама в Дагестане арабский язык стал неотъемлемой частью мусульманского вероучения» [4].

Арабская религиозная лексика является масштабным и многослойным явлением, которое требует пристального изучения в свете исторического и культурного становления данного региона. В промежуток времени с XV по XIX века происходило интенсивное расширение распространения арабского языка на землях Дагестана, что помогло закрепить и укрепить его позиции в этом крае. Этот процесс оказал существенное воздействие на формирование религиозно-культурной самобытности местных жителей, а также на эволюцию исламских идей и обрядов в этом регионе.

«Роль различных народов в развитии и распространении культурных ценностей можно почти в точности установить путем выяснения, в какой мере их лексика просачивалась в лексику других народов» [9].

Богатая терминология религиозного характера в агульском языке значительно увеличивает его лексический состав и наделяет его уникальной стилистической выразительностью, которую можно сопоставить с литературным стилем.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования являются арабские термины, функционирующие в агульском языке. Исследуемый язык характеризуется наличием значительного количества лексических единиц, тесно связанных с исламскими религиозными обрядами и историческими процессами. Это свидетельствует о глубокой интеграции исламской культуры в этническую идентичность агулов.

Выражение религиозных переживаний находит своё решение через религиозный дискурс с помощью двух ключевых методов. Первый метод использует лингвистические средства передачи мистического опыта: экспрессивную, возвышенную лексику и оценочные номинативы. Эти элементы призваны не столько объяснить предмет речи, сколько обеспечить его интуитивное постижение. Второй метод опирается на догматический подход и предполагает использование архаичной терминологии традиционных верований.

Религиозный дискурс строится на особой терминологии, которая определяет священные понятия, формирует мировоззрение аудитории и задает стандарты межличностного общения. Лексическая структура этого языка тесно связана с его системой референции: понятия божественного, сакрального и сверхъестественного невозможно точно передать с помощью обычных явлений и требуют специальных терминов и эпитетов для их речевого выражения.

«Лексические заимствования свидетельствуют об уходящей вглубь веков давности и интенсивности межэтнических контактов. Этот факт вполне может быть использован для установления относительной хронологии как в истории языка, так и в этнической истории» [10].

Агульский язык впитал в себя значительное количество арабских религиозных терминов, которые полностью адаптировались и стали неотъемлемой частью его лексического фонда. Этот процесс не только расширил словарный запас агульского языка, но и создал новые семантические и функциональные модели, которые активно используются в повседневной речи и быту носителей языка.

Лексические элементы арабского происхождения органично интегрировались в лексическую систему агульского языка, что их идентификация как иноязычных элементов становится практически невозможной. «Это и понятия потустороннего мира и религиозных ценностей, а также предметов, необходимых для проведения религиозных мероприятий» [7].

Дин – «религия»;
Джайнат – рай;
Ахирзаман – конец света;
Васият – завещание;
Малайик – ангел;
Садакьа – милостыня, подаяние;
Х1адж – паломничество в Мекку, посещение святых мест;
Ахират – загробный мир, загробная жизнь;
Х1алал – дозволенный.

«Большинство слов арабского происхождения относится в конфессиональной лексике. Этот престиж был основан на религиозном представлении об арабском языке как единственном языке божественного откровения» [2].

Религиозная терминология, с присущими ей лексико-грамматическими характеристиками и стилистическими средствами, ориентирована на решение фундаментальной задачи религиозного дискурса: поиск методов точного выражения системы референций, которые отражают мистический опыт. Ввиду того что мистические переживания по своей природе не поддаются адекватному описанию в рамках семиотических систем, языковые элементы религиозной терминологии служат инструментом для передачи степени приблизительности высказывания и его корреляции с содержанием мистического опыта.

Результаты и обсуждения

Религиозная лексика занимает значительное место в агульском языке, охватывая различные сферы жизни и отражая особенности мировоззрения его носителей. Убеждения человека, его представления о мире, природе человека и социальной организации находят свое выражение в языке. Это обуславливает появление в словарном составе специфических терминов и фраз, которые используются для передачи религиозных идей и категорий.

По мере роста значения ислама в Дагестане арабский язык занял центральное место в мусульманской духовной образовательной системе, став важнейшим средством для передачи и сохранения религиозного достояния. Этот процесс был вызван активными культурными и экономическими связями с регионами Ближнего Востока, где владение арабским языком было необходимым условием для успешного участия в международных отношениях и дипломатии. Жители горных районов поняли важность изучения арабского языка и письменности, поскольку это отвечало не только их духовным запросам, но и играло ключевую роль в социальной интеграции и экономическом развитии.

Ислам оказал значительное влияние на дагестанские языки, привнеся в их лексический состав множество арабских заимствований. Это явление не только обогатило словарный запас, но и способствовало развитию языковой структуры и семантики. Арабские термины, проникшие в дагестанские языки, охватывают широкий спектр понятий, от религиозных и философских до научных и бытовых, что свидетельствует о многогранном воздействии ислама на культурное и языковое развитие региона. Арабские лексические элементы, встроенные в различные дагестанские языки, претерпели адаптацию к фонетическим и грамматическим структурам этих языков, что свидетельствует о глубоком взаимодействии и интеграции иноязычных элементов в местную языковую систему. «Каждый из автохтонных дагестанских языков выявляет определенные различия как в фонетике, так и в грамматическом строе. Поэтому одни и те же заимствования в каждом языке имеют свои характерные отличия» [1].

«Арабский язык давал возможность людям, жаждущим образования, приобщиться ко всей культуре, которую накопили к тому времени» [6].

Арабский язык, являющийся общим для мусульман, имеет важное значение для культурной и религиозной идентичности народов Дагестана. Несмотря на то, что многие арабские лексические единицы вышли из употребления в современном разговорном языке, они сохранились в архаизированных формах и продолжают использоваться в устной традиции, преимущественно среди старшего поколения.

В агульском языковом ареале термины, относящиеся к религиозной сфере, выполняют функцию иррационального перехода от повседневного мира к области священного, таинственного и сверхъестественного: ***хазина*** «сокровище, клад», ***вакуф*** – «имущество, завещанное на богоугодное дело», ***Іаджал*** – «смерть», ***джайнат*** – «рай», ***шукур*** – «благодарность, слава», ***субх1анар*** – «четки», ***зулум*** – «гнет, насилие, жестокость», ***малайик*** – «ангел», ***васвас*** – «сомнение, колебание, нерешительность», ***зиярат*** – «паломничество; место паломничества», ***азраил*** – «ангел смерти», ***гунагь*** – «грех», ***джегьлем*** – «ад», ***кьиямат*** – страшный суд, ***шайт1ан*** – «сатана», ***Іаламат*** – «чудо», ***джин*** – «черт», ***ду1а*** – «мольба, просьба», ***рух1*** – «дух, ду-

ша», ***кьисмат*** – «судьба, удел», ***сират1*** – «сират (путь, мост)», ***туба*** – раскаяние, ***сужда*** – «земной поклон во время молитвы», *далил* – «доказательство», ***ваг1з*** – «проповедь, наставление».

Арабизмы преимущественно применяются в религиозной литературе, в учебных материалах начального уровня, а также в интеллектуальных и культурных дискурсах. «Арабизмы, активно употребляемые в речи, чаще всего номинируют реалии мусульманского мира, общественно-политические понятия, специализированную лексику, реалии быта» [8]. Их фонетические характеристики однозначно указывает на иноязычное происхождение, а в языке они всегда считались признаком высокого стиля речи: ***1умра*** – «малый хадж», ***кьибла*** – «сторона, к которой обращаются мусульмане во время молитвы», ***г1алим*** – «ученый», ***иман*** – «вера», ***салам*** – «приветствие», ***замзам*** – «священная вода», ***ният*** – «намерение», ***имам*** – «духовный глава мусульман», ***х1арам*** – «запрет», ***х1алал*** – «дозволенный», ***суваб*** – «вознаграждение». «В частности, среди арабизмов имеются наименования отдельных предметов и явлений природы; наименования людей по их профессиям и особенностям; слова, обозначающие отвлеченные понятия из различных областей жизни и деятельности человека» [3].

Выводы

На протяжении веков агулы контактировали со многими народами, что во многом сформировало их историю, быт, культуру и язык. В агульском языке арабская религиозная лексика активно взаимодействует с исконными пластами языка, порождая богатую систему семантических связей. Данные термины образуют синонимические группы, взаимодействуя как с заимствованными словами, так и с собственными агульскими терминами.

Агульский язык демонстрирует заметное влияние арабского языка, с большим количеством заимствованных слов. Эти заимствования являются неотъемлемой частью повседневной речи агульского народа.

Список источников

1. Алиева Ш.А. Роль арабизмов в обогащении лексики дагестанских языков // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 6 (115). С. 396 – 398.

2. Бахтиярова А.Н. Арабские заимствования в лексической системе русского языка // Фундаментальные исследования. 2015. № 2 (27). С. 6124 – 6128.

3. Гайдаров Р.И., Гасанова Р.Р. Арабский пласт лексики агульского языка. Махачкала, 1996. 76 с.

4. Гусейнова Х.К., Иманмагомедова Э.А. Место и роль арабской религиозной терминологии в обогащении лексической системы хайдакского диалекта даргинского языка // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». 2015. № 2 (23). С. 71 – 74.

5. Исрафилов Н.Р. Фитинский говор агульского языка. Махачкала, 2013. 142 с.

6. Исрафилов, Н.Р. Арабизмы в агульском языке (на примере арабских заимствований в агульском языке) // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 6 (61). С. 411 – 413.

7. Исрафилов Н.Р., Гаджиев Г.Н. Арабский пласт лексики в агульском языке // «Языки и литературы в поликультурном пространстве России – современное состояние и перспективы развития»: Материалы Всероссийской с международным участием научно-педагогической конференции, посвященной 85-летию со дня рождения народного поэта КЧР Назира Ахъяева. Карачаевск, 2020. С. 193 – 196.

8. Мухина Н.Н., Бондаренко И.С. Функционирование арабских заимствований в современных русских текстах // Международный научно-исследовательский журнал. 2025. № 6 (156). С. 179 – 183.

9. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. Избранные труды по языкознанию и культурологии. Москва: Прогресс, 1993. С. 26 – 42.

10. Тарланов З.К. Агулы: их язык и история. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1994. 288 с.

References

1. Alieva Sh.A. The role of Arabisms in enriching the vocabulary of Dagestani languages. World of Science, Culture, and Education. 2025. No. 6 (115). P. 396 – 398.

2. Bakhtiyarova A.N. Arabic loanwords in the lexical system of the Russian language. Fundamental Research. 2015. No. 2 (27). P. 6124 – 6128.

3. Gaydarov R.I., Gasanova R.R. The Arabic lexical stratum of the Agul language. Makhachkala, 1996. 76 p.

4. Guseynova Kh.K., Imanmagomedova E.A. The place and role of Arabic religious terminology in enriching the lexical system of the Khaidak dialect of the Dargin language. Proceedings of Dagestan State Pedagogical University. Series "Social Sciences and Humanities". 2015. No. 2 (23). P. 71 – 74.

5. Israfilov N.R. The Fitin subdialect of the Agul language. Makhachkala, 2013. 142 p.

6. Israfilov N.R. Arabisms in the Agul language (based on the example of Arabic loanwords in the Agul language). World of Science, Culture, and Education. 2016. No. 6 (61). P. 411 – 413.

7. Israfilov N.R., Gadzhiev G.N. The Arabic Lexical Stratum in the Agul Language. "Languages and Literatures in the Multicultural Space of Russia: Current State and Prospects for Development": Proceedings of the All-Russian Scientific and Pedagogical Conference with International Participation, Dedicated to the 85th Anniversary of the Birth of Nazir Akhyaev, People's Poet of the Karachay-Cherkess Republic. Karachayevsk, 2020. P. 193 – 196.

8. Mukhina N.N., Bondarenko I.S. The Functioning of Arabic Loanwords in Modern Russian Texts. International Research Journal. 2025. No. 6 (156). P. 179 – 183.

9. Sapir E. Language: An Introduction to the Study of Speech. Selected Works on Linguistics and Cultural Studies. Moscow: Progress, 1993. P. 26 – 42.

10. Tarlanov Z.K. The Aguls: Their Language and History. Petrozavodsk: Petrozavodsk University Press, 1994. 288 p.

Информация об авторе

Исрафилов Н.Р., кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, nariman-israfilov123@yandex.ru

© Исрафилов Н.Р., 2026